
Международная конференция

ДВОРЦЫ РОМАНОВЫХ

КАК ПАМЯТНИКИ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Санкт-Петербург • 7-9 октября 2013 года

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭРМИТАЖ
The State Hermitage Museum

ЦАРСКОЕ СЕЛО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ПЕТЕРГОФ»
ПЕТЕРГОФ

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный Эрмитаж
Государственный музей-заповедник «Царское Село»
Государственный музей-заповедник «Петергоф»
Санкт-Петербургское отделение Всероссийского общества
охраны памятников истории и культуры
Институт Петра Великого
Фонд имени Д.С. Лихачева

ДВОРЦЫ РОМАНОВЫХ КАК ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Материалы международной конференции
Санкт-Петербург – Царское Село – Петергоф

7–9 октября 2013 года

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2015

Проведение конференции поддержали:

Международный благотворительный фонд
«Константиновский»
Отель «Амбассадор»

Информационные партнеры:

Телеканал «Культура»
Информационное агентство «Интерфакс Северо-Запад»
Газета «Санкт-Петербургские ведомости»

Составители:

А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, А.Д. Марголис

Редакторы:

Б.В. Останин, Г.Б. Богуславская

Рисунок на авантитуле:

И.С. Шибков

Дворцы Романовых как памятники истории и культуры. Материалы Международной конференции. *Санкт-Петербург – Царское Село – Петергоф, 7–9 октября 2013 года.* — Санкт-Петербург — Издательство «Европейский Дом» — 2015 — 540 с., илл.

Содержание

От составителей	9
<i>Л.В. Никифорова (Санкт-Петербург)</i> . Современные подходы к исследованию дворцов как памятников истории и культуры	13
<i>Д.И. Раскин (Санкт-Петербург)</i> . Строительство, ремонт и содержание императорских дворцов в системе управления Российской империи	22
<i>Н.Л. Корсакова (Санкт-Петербург)</i> . Дворцы Романовых в своде «Петровских памятников России»	30
<i>А.Д. Марголис (Санкт-Петербург)</i> . Петербургские дворцы и особняки Романовых	45
<i>Т.Ю. Токарева (Сергиев Посад)</i> . Царские Чертоги Троице-Сергиева монастыря: новые данные по истории дворца в конце XVII – начале XVIII века	51
<i>Н.В. Холодкова (Сергиев Посад)</i> . К вопросу об изменении облика Царских Чертогов Троице-Сергиевой лавры в XVII – начале XXI века	69
<i>И.А. Орлова (Александров)</i> . Романовы в Александровской слободе. Утраченные дворцы и сохраненные палаты	80
<i>Г.А. Айдашева (Москва)</i> . Судьбы дворцов Романовых Московской императорской резиденции	94
<i>Л.Б. Перепечаева (Азов)</i> . «Государев двор» в Азове начала XVIII века. Концепция и программа его музеефикации	108
<i>Е.А. Андреева (Санкт-Петербург)</i> . Первые дворцы Петра I в Петербурге и окрестностях	117
<i>Н.А. Александрова (Санкт-Петербург)</i> . К истории бытования Первоначального дворца (Домика Петра I) после 1917 года	130
<i>А.Е. Ухналёв (Санкт-Петербург)</i> . Новое о Летнем дворце Петра I	136
<i>П.Е. Сорокин, Н.В. Новоселов (Санкт-Петербург)</i> . Археологическое изучение дворца Петра I в Летнем саду	148
<i>Н.Д. Кареева (Санкт-Петербург)</i> . Летний дворец Петра I: вкусы царя и западноевропейские образцы	162

<i>Г.И. Сергеева (Санкт-Петербург)</i> . Материалы к истории создания музея во дворце императора Петра в Летнем саду (1917–1934)	172
<i>Р.В. Реброва (Санкт-Петербург)</i> . Голландская плитка в интерьерах Зимнего дворца Петра I. Взгляд на реконструкцию 25 лет спустя	181
<i>М.В. Шкаровский (Санкт-Петербург)</i> . Утраченные святыни Зимнего дворца	189
<i>Е.Р. Секарева, И.А. Стёпичева (Санкт-Петербург)</i> . Марли в Петергофе: историческая и мемориальная значимость дворца	198
<i>И.О. Суворова (Санкт-Петербург)</i> . Элементы нового быта при русском дворе: чай и кофе во дворцах Петергофа	209
<i>В.В. Аристов (Кингисепп)</i> . Дворец Петра I в Нарве	222
<i>А.М. Пашков (Петрозаводск)</i> . Резиденции Петра I на Марциальных водах и Олонецких петровских заводах	233
<i>М. Смержевских-Смирнова (Эстония)</i> . Таллинские дворцы Петра I в контексте имперского идеологического строительства	248
<i>А.Э. Шукурова (Санкт-Петербург)</i> . Гатчинский дворец: история в портретах	266
<i>М.В. Мантуров (Санкт-Петербург)</i> . Мраморный дворец: от великокняжеской резиденции Романовых до филиала Государственного Русского музея	274
<i>В.М. Марасанова (Ярославль)</i> . Путевой дворец Романовых в Твери: от императорской к губернаторской резиденции	291
<i>Е.Ф. Михайлова (Великий Новгород)</i> . Путевые дворцы на Новгородской земле	300
<i>И.А. Серова (Ярославль)</i> . «Императорский дворец для приезда» в Ярославле	307
<i>А.А. Цымбал (Таганрог)</i> . «Высочайший дворец императора Александра I в Таганроге» — царская резиденция и мемориальный музей	319
<i>П.Я. Ямски (Польша)</i> . Бросил ли Константин Павлович Романов резиденцию в Стрельне в пользу малого дворца Бельведер в Варшаве?	333
<i>З.А. Перскевич (Санкт-Петербург)</i> . Великокняжеский Михайловский дворец. 1825–1895	345
<i>М.Н. Микушатьев (Санкт-Петербург)</i> . Мариинский дворец: структура и форма	360

<i>Г.Н. Корнева, Т.Н. Чебоксарова (Санкт-Петербург).</i> Владимирский дворец и его августейшая хозяйка великая княгиня Мария Павловна	371
<i>Е.И. Жерихина (Санкт-Петербург).</i> Проблемы сохранения интерьеров дворцов великих княгинь Ксении и Ольги, дочерей императора Александра III	382
<i>Д.В. Осипов (Санкт-Петербург).</i> Дворец великой княгини Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского в усадьбе «Сергиевка» в Старом Петергофе	396
<i>М.Г. Талалай (Италия).</i> Великая княгиня Мария Николаевна и её дворец-музей «Вилла Кварто» во Флоренции	408
<i>В.А. Лётин (Ярославль).</i> Крымские дворцы Романовых в контексте отечественной усадебной культуры: семейный и символический дискурсы	420
<i>И.Ф. Фоменко (Крым).</i> Дворцы Романовых на Южном берегу Крыма. Проблемы сохранения, музеефикации и современного использования	440
<i>С.С. Лешко (Санкт-Петербург).</i> Из наследия архитектора Николая Краснова: вила в имении Харакс великого князя Георгия Михайловича в Крыму (1900–1919) ...	454
<i>О.А. Егоров (Санкт-Петербург).</i> Императорский охотничий дворец в Лисино-Корпус. История создания, современное состояние, предложения по музеефикации	468
<i>С.Ю. Честных (Санкт-Петербург).</i> Императорский дворец в Беловежской пуше	483
<i>М. Слоневский (Польша).</i> Забытая царская резиденция в Спале	492
<i>Т.В. Котюкова (Москва).</i> Наследие Романовых в Центральной Азии: дворец великого князя Николая Константиновича в Ташкенте	506
<i>О.Б. Ушакова (Санкт-Петербург).</i> Архитектура и судьба усадьбы Хайккон Картано (Финляндия) — колыбели последних Романовых	527
Список сокращений	533
Список авторов	536

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Триста лет царствования Дома Романовых — важнейший период в истории России, когда страна достигла европейского могущества и культурного расцвета. Семье Романовых посвящена огромная литература, хорошо изучена её история, генеалогия, родственные связи, коллекционерская, благотворительная, общественная деятельность, покровительство наукам и искусствам.

Мы хотим обратить особое внимание на созданные Романовыми дворцово-парковые ансамбли и резиденции как одну из важных составляющих отечественной культуры.

Общее число императорских и великокняжеских дворцов, сохранившихся до наших дней, очень велико — оно приближается к сотне. Сейчас, в начале XXI века, эти дворцы расположены на территории многих стран — прежде всего в России, но также в Украине, Эстонии, Польше, Финляндии, и даже в Узбекистане.

На протяжении веков дворцы Романовых были символами российской государственности, отражали вкусы, предпочтения, идеологические пристрастия своего времени.

Дворцы императорской семьи имели не только высокую архитектурную ценность, но и большое общекультурное значение. В них хранились произведения искусства, библиотеки, устраивались концерты и спектакли. Это были художественные центры своего времени.

В архитектуре романовских дворцов отразились все основные направления русского зодчества за триста лет. Это древнерусская архитектура XVII века, петровское и елизаветинское барокко, екатерининский и александровский классицизм, историзм XIX века, модерн и неоклассика начала XX века. И если наиболее известные

дворцы Петербурга и его пригородов, московского Кремля хорошо изучены, то в истории менее знаменитых их собратьев сохраняется немало белых пятен.

Первым «дворцом» Романовых можно считать платы в костромском Ипатьевском монастыре, где жил шестнадцатилетний Михаил Романов, избранный на царство в 1613 году. Впоследствии члены царской семьи почитали Ипатьевский монастырь своей фамильной святыней, и при вступлении на престол каждый из царей посещал обитель.

В XVII веке царские дворцы находились в Москве и Подмоскowie. Это были дворцы московского Кремля, царские палаты в Симоновом монастыре, Троице-Сергиевой лавре, Саввино-Сторожевском монастыре в Звенигороде.

Основав Санкт-Петербург, Пётр I построил в городе Зимний и Летний царские дворцы, заложил пригородные резиденции — Петергоф, Стрельну, Царское Село. По его инициативе был построен дворцовый комплекс Кадриорг в Таллине. При Елизавете Петровне и Екатерине Великой дворцы строились в Петербурге и его пригородах, в Москве (Царицинский, Головинский, путевой), особый путевой дворец появился в Твери.

В XIX веке многочисленные императорские и великокняжеские дворцы и особняки возводились в Петербурге и Москве. Особый интерес представляет дворец в Ливадии и другие дворцы «царского берега» Крыма.

Появились новые типы сооружений — охотничий замок в Беловеже, дача Александра III в Финляндии. Для опального вел. кн. Николая Константиновича был построен дворец в Ташкенте, для больного туберкулезом вел. кн. Георгия Александровича — деревянный дворец в грузинском посёлке Абастумани.

Кроме дворцов, построенных в Российской империи непосредственно по заказу Романовых, в Европе существует немало памятных мест и резиденций, связанных с историей российского царствующего дома.

Это, например, домик-музей Петра I в Заандаме, дворец Сузейк в Амстердаме — резиденция королевы Нидерландов Анны Павловны, дворец Амалиенбург в Копенгагене, где прошло детство императрицы Марии Фёдоровны, вилла Кварто во Флоренции, где 10 лет жила вел. кн. Мария Николаевна и многие другие.

На конференции обсуждались следующие основные темы:

Дворцы Романовых как произведения искусства и памятники истории России XVII — начала XX веков.

В каждый исторический период царские резиденции становились в России выдающимися сооружениями, определявшими художественные вкусы своего времени. К проектированию и строительству своих дворцов и парков августейшие заказчики привлекали лучших архитекторов России и Европы, нередко непосредственно направляя их работу и становясь соавторами архитектурных шедевров.

Сохранение, музефикация, проблемы современного использования.

Судьба романовских дворцов и особняков после революции 1917 года сложилась по-разному. Некоторые тщательно отреставрированы и превращены в музеи. Это крупнейшие музейные комплексы — Эрмитаж, Русский музей, Петергоф, Царское Село, музеи Московского Кремля. Это Кадрйорг в Таллине, Ливадийский дворец в Крыму. Сотрудничество между дворцами-музеями уже существует, но оно может быть расширено, ибо в их истории много общего. Опыт реставрации, музефикации, иных форм современного использования будет полезен тем дворцам, для которых превращение в музеи пока находится в планах.

Дворцы под угрозой.

Многие дворцы и особняки Романовых в XX веке были разрушены (дворцы в Екатерингофе, на Средней Рогатке, Нижний дворец в Петергофе, охотничий замок в Беловеже и др.). Другие были разорены и утратили художественную отделку. Есть дворцы, стоящие на грани гибели (например, дворцовый комплекс в Ропше). Одна из задач конференции — инвентаризация утраченного и пострадавшего культурного наследия, обсуждение мер по его спасению с учетом отечественного и международного опыта.

Идею конференции, посвящённой дворцам Романовых, впервые предложила О.В. Таратынова, директор Государственного музея-заповедника «Царское Село». Реализовать её удалось при активной поддержке Министерства культуры России в год 400-летия Дома Романовых.

Заседания конференции «Дворцы Романовых как памятники истории и культуры» проходили 7–9 октября 2013 года в самых блистательных дворцах романовской эпохи — в Государственном Эрмитаже, Государственном музее-заповеднике «Царское Село», Государственном музее-заповеднике «Петергоф».

Организаторы конференции — Министерство культуры РФ, Государственный Эрмитаж, Государственный музей-заповедник «Царское Село», Государственный музей-заповедник «Петергоф», Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (Санкт-Петербургское отделение), Институт Петра Великого, Фонд имени Д.С. Лихачева.

Благодарим информационных партнеров программы — Телеканал «Культура», Информационное агентство «Интерфакс Северо-Запад», газету «Санкт-Петербургские ведомости».

Особая благодарность за неизменную поддержку Международному благотворительному фонду «Константиновский».

По материалам конференции телеканал «Культура» при поддержке Министерства культуры РФ снял четырехсерийный документальный фильм «Дворцы Романовых», премьера которого состоялась 23–26 декабря 2013 года. Четыре серии фильма можно посмотреть на сайте телеканала «Культура»:

- ♦ Траурный марш —
http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/57361/episode_id/938459
- ♦ Свадебный вальс —
http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/57361/episode_id/938460
- ♦ Коронованные дачники: —
http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/57361/episode_id/938411
- ♦ Цена свободы —
http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/57361/episode_id/938435

На конференции было заслушано в общей сложности 52 доклада участников из Санкт-Петербурга, Москвы, Азова, Александрова, Великого Новгорода, Кингисеппа, Петрозаводска, Сергиева Посада, Таганрога, Ярославля, Крыма, Варшавы, Милана, Таллина.

В настоящем сборнике публикуется 43 статьи, подготовленные участниками конференции.

Л.В. Никифорова
(Санкт-Петербург)

Современные подходы к исследованию дворцов как памятников истории и культуры

Задача охарактеризовать подходы к изучению дворцов выглядит непривычно. Можно перечислить сто или тысячу великих дворцов мира, но попытка объяснить, что общего между, скажем, дворцами Персеполя, императорским Петергофом и Вестминстерским дворцом выглядит почти безнадежной. Можно ли говорить не о разных дворцах, а о феномене дворца? Задавшись когда-то таким вопросом, я предложила на него ответ, который попытаюсь здесь кратко изложить¹.

Для того чтобы понять дворец как феномен культуры, необходимо найти то общее, что связывает чрезвычайно разнородные во всех отношениях памятники. Их общность следует искать за пределами художественных форм, за пределами индивидуальных решений, точнее, до всяких решений — в смысловом поле культуры. В качестве общего знаменателя попробуем принять очевидную принадлежность дворцов к сфере политической власти — попробуем принять политическое в качестве контекста художественного.

Дворец — это одно из важнейших «мест» локализации политической власти и в этом качестве — художественная репрезентация сущности политического в культуре. Дворец, наряду с домом и храмом, является важнейшим компонентом фундаментальной триады, охва-

---

¹ Подробнее: *Никифорова Л.В.* Чертоги власти. Дворец в пространстве культуры. СПб., 2011.

тывающей основные способы человеческого существования и важнейшие формы социальной солидарности — дом, храм, дворец. Дом — общность семьи (пространство повседневного), храм — общность веры (сакральное пространство), дворец — гражданская общность (пространство политическое). Если дворец — это сфера политического, тогда смысловое поле лежит в природе власти. И я попыталась описать историю дворцов как историю смены типов власти.

В средневековье власть понимается проистекающей свыше, т.е. имеет сакральную легитимацию. При всех различиях в формах организации общества и государства в разных частях света, при всём разнообразии конкретных мифологических комплексов и форм религиозности, а в целом, взаимоотношений мира людей и мира богов, именно последний определяет право на власть, властные полномочия и те места, где локализуется их исполнение. Средневековый дворец — это всегда *дворцово-храмовый комплекс*, где наличие храмов, количество храмов, их посвящения и прообразы свидетельствуют об актуальных задачах власти и о той традиции, с которой себя эта власть отождествляет. Таковы княжеские дворцы Владимира, царский дворец в Московском кремле. Тот факт, что от средневековых княжеских или царских дворцов до наших дней дошли, прежде всего, храмы, оказывается, в известном смысле, оправдан.

Для истории дворцов особенно важен период абсолютных монархий XV—XVIII веков. В эту эпоху в европейской культуре утвердился тип дворца, который я рискнула назвать *дворцом-произведением искусства* — в силу особой значимости законов искусства, понимаемых первоначально как универсальные (установленные Богом-творцом) законы. Это такие законы, которые не просто изучают — перед ними благоговеют. В это время художественная репрезентация власти если и не вытеснила совсем, то существенно потеснила её религиозную манифестацию. Эталоном такого дворца можно считать Версаль Людовика XIV. На рубеже XVII—XVIII веков тип дворца-произведения искусства будет перенесён на российскую почву и проживёт здесь долгу и славную жизнь.

Однако ещё до «пересадки» европейского типа дворца на российскую почву здесь шёл процесс формирования абсолютной монархии (самодержавия) и тоже сложился новый и вполне определённый тип царской резиденции. Это был, как и в культуре Средневековья, дворцово-храмовый комплекс, но он приобрёл особые иконостасные формы. Его позволительно назвать *дворцом-Иерусалимом*, имея в виду, что образ священного града стал той «иконой», которой уподобилось царское жилище. Образцом такого типа дворца можно считать дворец Алексея Михайловича в селе Коломенском, созда-

вавшийся практически в то же самое время, что и Версаль. Это была новаторская художественная форма и новый тип резиденции монарха, незнакомый предшествующей русской культуре, не имеющий аналогий в современной ему культуре Европы.

Появление дворцово-парковых ансамблей европейского образца было частью т.н. семиотической реформы Петра I, заключавшейся в освоении языка европейской культуры как адекватного способа выражения идеи государственности. Важно, что освоены были не только общие принципы регулярности и ордерных форм, но целостная содержательная программа дворцово-паркового комплекса как произведения, вобравшего в себя энциклопедический опыт риторической культуры. Топография дворцовой резиденции (Большой дворец, Эрмитаж и Зверинец) ориентирована в наиболее общем виде на риторическую стилевую триаду, которая была универсальной моделью тематической упорядоченности актуального фонда знания и подведения.

К середине XIX века дворец-произведение искусства утратил свои исключительные позиции в качестве «места» власти. Причины ухода дворца-произведения искусства с исторической сцены разноплановы. Отметим некоторые: сила представлений о нации-суверене и воле народа, девальвация абсолютной монархии, в которой государственная идея персонифицирована монархом, усложнение топографии публичного пространства.

Дворец эпохи абсолютных монархий послужил отправной точкой развития общественных зданий с их широкими лестницами, просторными залами, аллегорически-назидательным монументально-декоративным убранством. Типология общественных зданий в индустриальном мире стала очень разветвлённой, а художественные формы — чрезвычайно разнообразными.

Для органов государственной власти возводились дворцы парламентов и дворцы юстиции. Успехи национальной индустрии демонстрировались во дворцах промышленности, дворцах индустрии, дворцах машин, дворцах электричества. Национальные музеи, театры, библиотеки, архивы, университеты становились дворцами и храмами национальной культуры, утверждая, словами А.Н. Островского, совершеннолетие нации. Дворцы Нового времени объединяет не близость художественных форм, но имя, которое стало знаком, маркирующим принадлежность здания и размещённого в нём учреждения в сфере государственных интересов.

Дворец из универсального здания (в котором сосредоточены все возможные публичные функции) превратился в парадное официальное пространство, одно из многих публичных пространств; художе-

ственный язык из универсального контекста, предписывающего формы репрезентации власти, превратился в инструмент выражения актуальных политических идей. Поэтому дворцы Нового времени — резиденции органов власти и важнейших общественных институтов — можно объединить в тип *дворца-идеологемы*.

Со свойственным российской культурологии размахом (а проведённое исследование, резюме которого здесь представлено, было культурологическим) я попыталась охватить и систематизировать всю историю дворцов. В современной зарубежной гуманитарной науке больше предпочитают жанр «кейс-стади» — исследований локальных ситуаций или памятников. Между тем можно смело говорить, что там уже сформировалось особое исследовательское поле, предметом которого является дворец (резиденция монарха) как памятник, представляющий собой особый тип взаимоотношений между искусством и властью. Зарубежные исследователи назвали бы это направление культурной историей дворцов — по аналогии с другими культурными историями. «Мы на пути к культурной истории всего на свете, — заметил однажды Питер Берк, — снов, еды, эмоций, путешествий, памяти, жестов, юмора, экзаменов и т.д.»² В целом такие культурные истории преемственны по отношению к традиции *cultural studies*, в которой одной из центральных является проблематика культуры как власти. Нам, вероятно, можно назвать такое направление *культурологической историей*, хотя в отечественной версии исследований культуры тема власти является маргинальной.

Заявление о том, что дворцы связаны с властью, может показаться очевидным. Действительно, в любом исследовании, посвящённом конкретным памятникам или художественным эпохам в целом, можно найти указание на то, что само строительство дворца и масштаб дворцово-паркового ансамбля демонстрируют могущество или амбиции владельца. На этом в отечественной литературе обычно заканчивается обсуждение взаимоотношений искусства и власти. Стилиевой анализ архитектурного пространства, убранства и отделки дворца ограничен исключительно эстетическими аспектами. В западной версии культурной истории дворцов именно здесь ставится проблема: каким образом выражено могущество или амбиции? что именно выражено? как судить, не ошиблись ли мы в прочтении «послания» власти?

---

² Берк П. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005, № 75. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/pe5.html> (дата обращения — 16.05.2014).

Назовём основные подходы к изучению культурной истории дворцов, сложившиеся в 1990–2000-е годы³. Первый связан с теорией репрезентации, с процедурами создания и практиками функционирования объектов-посредников, воплощающих идеи величия, силы, мудрости монарха и государства.

Среди исследований, использующих концепцию репрезентации, — работа «Производство Людовика XIV» П. Берка⁴. В книге показан масштаб работы по созданию образов короля: портреты и статуи, гравюры и медали, шпалеры, газеты, которые дважды в неделю рассказывали о событиях из жизни короля, заказные поэмы, театральные пьесы, придворные праздники и, конечно, Версаль. Не забыты королевский балет, костюм короля и особые способы придания величия королевскому телу, чтобы физическое величие соответствовало социальному. «Ритуал, искусство, архитектура могут быть поняты как инструменты самоутверждения, как продолжение войны или дипломатии другими средствами. Это не просто “стиль”, средство есть сообщение»⁵. Для П. Берка важен не сам факт политического подтекста того или иного художественного произведения, а количество и разнообразие артефактов и практик: это собственно производство, художественно-политическая индустрия, в которой важна работа над образом, литературные и визуальные коды, целевые аудитории и практики контроля. Заметим, что сегодня без ссылки на П. Берка не обходится практически ни одно зарубежное исследование на дворцовую тему.

В духе концепции репрезентации написаны работы Дэвида Ховарта «Образы власти. Искусство и политика в эпоху Английского Возрождения. 1495–1649»⁶; книга Т. Блэннинга «Культура власти и власть культуры. Европа “старого режима”. 1660–1789»⁷, в которой анализируются трансформации репрезентаций от Людовика XIV до Людовика XVI; исследование К. Гольдштейн «Во и Версаль. Присво-

---

³ Здесь представлен краткий обзор. Подробнее см.: *Никифорова Л.В.* Современные зарубежные исследования дворцов и их музейных судеб в жанре культурной истории // Памятник архитектуры — от дворца к музею. Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф» (проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. III). СПб., 2013. С. 76–86.

⁴ *Burke P.* The Fabrication of Louis XIV. New Haven; London, 1992.

⁵ *Ibid.* P. 62.

⁶ *Howarth D.* Images of Rule: Art and Politics in the English Renaissance, 1485–1649. Berkley; Los Angeles, 1997.

⁷ *Blanning T.C.W.* The Culture of Power and the Power of Culture. Old Regime Europe 1660–1789. Oxford, 2002.

ения, подчистки, несчастные случаи, которые создали современную Францию»⁸.

В последнее время издано немало интересных работ, посвящённых отдельным дворцам и монархам, особым мастерам политической репрезентации. Первенствуют здесь Людовик XIV и Елизавета Тюдор. Елизаветинская тема находится в центре исторических гендерных исследований, посвящённых женщинам на троне, формам и стратегиям женской репрезентации власти⁹.

Второй подход можно назвать иконографией (иконологией) образа, мотива, сюжета, он нацелен на изучение образного языка эпохи и реконструкцию значения художественных объектов, с тем чтобы разгадать смысл, понятный современникам, но не очевидный для нас. В качестве примера иконографического анализа дворца хотелось бы назвать книгу Р. Бергера «Дворец Солнца. Лувр Людовика XIV»¹⁰, которая посвящена восточному крылу Лувра, знаменитой Колоннаде — эмблеме французского классицизма. Анализируя то, как представляли себе дворец Аполлона с конца XVI до конца XVII века в живописи и гравюре, в литературных описаниях, в книгах об архитектуре и т.д., Р. Бергер показывает, что мотив сдвоенной ионической колоннады на высоком пьедестале являлся архитектурной формулой дворца Аполлона, а в отношении Колоннады Лувра — ядром замысла, «*concepto*, понятным и художникам, и придворным интеллектуалам, и монарху»¹¹. Среди работ последних лет, посвящённых иконографии и иконологии власти, упомянем книгу М. Мартин «Королевские фермы. Политики пасторальной архитектуры от Екатерины Медичи до Марии-Антуанетты»¹². Здесь увеселительные фермы анализируются в плотном контексте представлений о гуманистическом досуге, сочетающем удовольствие от физического труда и

---

⁸ *Goldstein C. Vaux and Versailles: The Appropriations, Erasures and Accidents That Made Modern France. Philadelphia, 2007.*

⁹ Классическая работа о дворцах эпохи Елизаветы I: *Dunlop I. Palaces & Progresses of Elizabeth I. N.Y., 1970.* Среди работ последних лет, посвящённых политической репрезентации Елизаветы: *The Progresses, Pageants and Entertainments of Queen Elizabeth I / Ed. by J. E. Archer. Oxford, 2007;* *Riehl A. The Face of Queenship: Early Modern Representations of Elizabeth I. N.Y., 2010;* *Representations of Elizabeth I in Early Modern Culture / Ed. A. Petrina, L. Tosi. N.Y., 2011.*

¹⁰ *Berger R.W. The Palace of the Sun: The Louvre of Louis XIV. With the chapter of materials and structure written with collaboration Rovland J. Mainstone. Pennsylvania, 1993.*

¹¹ *Ibid.* P. 3.

¹² *Martin M. Dairy Queens. The Politics of Pastoral Architecture from Catherine de Medici to Marie-Antoinette. London; Cambridge, Mass., 2011.*

временным бегством от политических обязанностей, об оплодотворяющей природе власти и о том, как правителям было необходимо убеждать подданных в своем физическом здоровье, как агрикультурные забавы проецировались на государственную власть — над землей и всеми населяющими её существами.

Третий подход в исследовании дворцов связан с концепцией сценариев власти: придворных церемониалов, ритуалов, праздников, в порядке исполнения которых воплощены идеологические программы и политические концепции.

Концепция сценариев власти связана с проблематикой антропологии, с исследованием ритуала, праздника, этикета, поведенческих практик. Категория сценариев власти вошла в категориальный аппарат исследований после выхода в свет книги Р. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии российской монархии» (1995), неоднократно переизданной и переведённой на русский язык. Ещё до Уортмана, но в том же ключе, написана книга «Архитектура, церемониал и власть: Дворец Топкапа в XV и XVII вв.» (1991)¹³ турецкой исследовательницы Гюльру Неджипоглу, посвящённая дворцу Топкапа в Стамбуле, главной резиденции султана Османской империи. Конечно, архитектурный облик резиденции султана и придворная жизнь отличались от европейских, однако подход — сопоставление архитектурной истории дворцового комплекса и истории придворного церемониала — выдвинул эту работу в авангард дворцовых исследований.

В настоящее время идёт процесс интенсивной институционализации дворцовых исследований. Так, изучению дворцовых резиденций в модели сценариев власти посвящена специальная исследовательская программа *Palatium*, инициированная Европейским научным фондом (ESF) в 2010 году и рассчитанная до 2015 года¹⁴. Её цель — организация междисциплинарных и транснациональных исследований дворцовых резиденций раннего Нового времени, в том числе изучение взаимосвязей между архитектурой и ритуалом, взаимодействия между различными правящими дворами и влияния этих процессов на облик дворцовых резиденций и образ жизни. Особое внимание уделяется малым дворцам и периферийным дворам Европы, а также Османской империи, Китаю. С последними европейские дворцы роднят не столько художественные формы (очевидно, взаимоот-

---

¹³ *Necipoglu G.* Architecture, Ceremonial and Power: The Topkapi Palace in the Fifteenth and Sixteenth Centuries. New York; Cambridge, Mass., 1991.

¹⁴ *Palatium.* Court Residences as Places of Exchange in Late Medieval and Early Modern Europe. 1400–1700. URL: <http://www.courtresidences.eu/index.php/home/>.

ношения с этими державами имели своё стилистические выражение), сколько модели взаимосвязи искусства и власти.

В исследованиях, посвящённых культурной истории дворцов, заметным образом изменилось отношение к дворцу как памятнику архитектуры (художественному памятнику). Вместо изучения стиля (прежде негласно признанного «невидимой рукой», направляющей индивидуальные вкусы и конкретные художественные решения) стали изучать практики: конкретные ситуации, события, обстоятельства (не случайно многие авторы называют свои исследования «кейс-стади»). Вместо того чтобы определять степень художественной исключительности памятника, ставится задача понять, какими резонами могли руководствоваться создатели и заказчики ансамблей, что, в свою очередь, требует понимания интеллектуального, визуального опыта исторической эпохи, который не охватывается привычными искусствоведческими категориями.

В культурной истории дворцов происходит реабилитация идеологии как неустраняемого компонента художественного процесса. Как совокупность взглядов на миссию власти, на политические цели и задачи, идеология не тождественна текстам законов и конституций и не исчерпывается ими. В эпоху расцвета придворной культуры и дворцовых резиденций, идеологией проникнуты панегирическая литература, сценарии гражданских торжеств, придворных церемоний и праздников, она отражается в поведенческих привычках и программах дворцово-парковых комплексов. Тогда она существовала даже не в форме репрезентации, а часто в виде манифестации власти (от лат. manus — рука), идеология буквально «делается руками»: празднуется, строится, расписывается и вышивается.

В культурной истории дворцов произошло переосмысление фигуры автора художественного произведения. Обозначенный подход позволяет признать каждого владельца дворца демиургом знаковой реальности. Для стилистической парадигмы изучения искусства связь художественного стиля с личностью короля или императора составляла серьёзный методологический парадокс: стиль эпохи был признан заведомо более важной и сильной инстанцией, нежели конкретная личность (к тому же не художник или архитектор, а император или императрица). Как же тогда объяснить, почему смена стилей нередко совпадает со сменой престола? В культурной истории этот парадокс в известном смысле снимается. Создание дворцов по воле монарха демонстрирует и художественную интуицию, и политическую волю к выражению определённых идей и значений.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что большинство упомянутых исследований выполнены как подробный, основанный на ис-

точниках анализ конкретных памятников, событий, биографий. Вместе с тем, они обладают потенциалом генерализации, а значит, задают концептуальные рамки изучения дворцов и дворцов-музеев, позволяющие характеризовать масштабные историко-культурные изменения. Многие выводы применимы к культурной истории российских дворцов, хотя, надо полагать, в результате анализа наших памятников они могут быть скорректированы, а то и поставлены под сомнение.

Д.И. Раскин
(Санкт-Петербург)

Строительство, ремонт и содержание императорских дворцов в системе управления Российской империи

Строительство, ремонт и содержание императорских дворцов требовало соответствующих управленческих институтов, которые в самодержавной монархии не могли быть отделены от системы общегосударственных учреждений.

От Московской Руси Петру I досталась в наследство система многочисленных (зачастую создававшихся *ad hoc*) центральных учреждений, в которых управленческая компетенция не отделялась от личного поручения. Таковыми были все московские приказы. И в их системе приказы Большого дворца, Дворцовый каменный (как и все остальные дворцовые приказы) вполне органично стояли в одном ряду с приказами Посольским, Поместным, Тайных дел и т.д.

В созданной Петром системе высших и центральных учреждений собственно дворцам и дворцовому хозяйству было отведено весьма скромное место. Первоначально функция управления строительством и содержанием императорских дворцов соединялась с управлением строительством новой столицы, при основании которой была создана Канцелярия городских дел (с 1723 года — Канцелярия от строений, в 1765 году переименована в Канцелярию, а с 1769 года — в Контору от строений е.и.в. домов и садов)¹. Роль этой канцелярии в создании нынешнего облика Петербурга, особенно в

---

¹ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: В четырёх томах. Т. 3. Центральные государственные учреждения / Отв. ред. и отв. состав. Д.И. Раскин. СПб., 2002. С. 151.

годы, когда её возглавлял И.И. Бецкой, общеизвестна. В ведении этой канцелярии находилось строительство летних и зимних дворцов Петра I и Елизаветы Петровны, нового Зимнего и Екатерингофского дворцов, а наряду с ними — Петропавловской крепости и собора, зданий 12-ти коллегий, Кунсткамеры, Александро-Невского монастыря, домов членов императорской фамилии и отдельных государственных деятелей (А.Д. Меншикова, П.И. Ягужинского, П.П. Шафирова и др.).

Так строительство Петербурга в функциях этого учреждения постепенно переплелось со строительством императорских дворцов и других зданий придворного ведомства, а также устройством императорских садов и возведением монументов, прежде всего, Медного всадника, причём «дворцовые» функции стали явно преобладать. Впрочем, и в XVIII веке, и в дальнейшем строительство дворцовых (и подчинённых двору церковных, зрелищных и др.) зданий занимало значительное (если не ведущее) место в застройке императорской столицы.

Параллельно в 1732 году появилась Гоф-интендантская контора, специальное придворное строительно-хозяйственное учреждение, подчинённое в 1746 году Канцелярии от строений, в 1797 году, в свою очередь, переименованной в Гоф-интендантскую контору (1797—1851). Сооружение и содержание дворцовых зданий составляло одну из основных функций этой конторы, начиная с 1732 года. Сохранилась эта ведущая функция и после 1797 года. С 1826 года (после образования Министерства императорского двора) к числу её постоянных функций добавилось также внутреннее убранство дворцовых зданий².

Переписку о строительстве, перестройке и ремонте императорских дворцов (Аничкова, Зимнего и др.), прежде всего о финансировании этих работ, осуществлял также Кабинет е.и.в. (1704—1918), подчинённый лично монарху³.

В непосредственном ведении монарха находилась и Экспедиция кремлёвского строения, учреждённая в 1768 году для организации строительства нового дворца в Московском Кремле, а затем ведавшая строительными и ремонтными работами всех императорских дворцов Москвы и её пригородов (упразднена в 1831 году).

Таким образом, при наследниках Петра I строительство и содержание императорских дворцов находилось в ведении специальных,

---

² Там же. С. 151—152.

³ Там же. С. 149—150.

вневедомственных учреждений, деятельность которых номинально контролировалась Сенатом, а в действительности — лично монархами. Развитие системы этих учреждений при Елизавете, а затем при Екатерине II определялось растущим дворцовым строительством и, соответственно, возрастающими задачами по содержанию императорских дворцов. Основное направление эволюции придворного ведомства при наследниках Петра — возрастание его функций и их сращивание с общегосударственными. В царствование Екатерины II этот процесс происходил на фоне ликвидации системы петровских коллегий и замыкания основных функций центрального управления лично на императрицу и её докладчиков (А.А. Вяземского, А.А. Безбородко и др.). Создав просуществовавшую в своих основных чертах до 1917 года систему местных учреждений, Екатерина окончательно разрушила созданную Петром I систему высших и центральных учреждений. В размытой (хотя благодаря особенностям личности императрицы по-своему достаточно эффективной) системе центрального управления заведование императорскими дворцами не могло не носить ситуативного и не вполне конституированного характера.

Значимой датой в истории императорских дворцов, как и всего придворного хозяйства, стал 1797 год. Правовое оформление статуса императорской фамилии (учреждением 5 апреля 1797 года⁴) отделяло придворные дела от общегосударственных. Эта линия, наметившаяся ещё при Петре I, формально отделяла расходы на содержание правящей династии от государственных расходов. В это же время происходят преобразования в структуре придворного ведомства (например, слияние Гоф-интендантской конторы с Конторой от строений), так что приведение в порядок и управления дворцовыми имениями, и собственно дворцового хозяйства явно входило в более широкий план императора. Но, как и все преобразования Павла I, эти преобразования не были доведены до конца и не носили системного характера. А попытки Павла возродить единую систему центрального управления (на основах большего единоначалия) не привели к значимым последствиям.

Министерская реформа 1802 года, равно как и создание в том же году Комитета министров, а в 1810 году Государственного совета и издание в 1811 году Общего учреждения министерств не коснулись придворного ведомства. Включение его в систему общегосударственных учреждений не соответствовало ни взглядам Александра I и его молодых друзей, ни плану государственных преобразований

---

⁴ ПСЗ. Т. 24. СПб., 1830. № 17906: Учреждение об Императорской Фамилии.

М.М. Сперанского. Тем не менее, необходимость общего руководства разрастающимся дворцовым хозяйством, в том числе и строительством и содержанием императорских дворцов, привела к созданию канцелярий сначала кн. А.Н. Голицына по делам придворных ведомств (1810–1919), а затем начальника Главного штаба е.и.в. кн. П.М. Волконского по придворной части (1819–1826)⁵. Характерно, что существование первой не было оформлено законодательно, а создание второй (в функции которой были включено управление всеми строительными и ремонтными работами, доклады по Гоф-интендантской конторе и другие вопросы, связанные со строительством, ремонтом и содержанием императорских дворцов) оформлено личным приказом императора.

В то же время создание в рамках министерской системы центральных учреждений, ведавших гражданским строительством (сначала Департамента государственного хозяйства и публичных зданий⁶, с 1832 года — соответствующих структурных частей Главного управления путей сообщения и публичных зданий⁷, а с 1865 года — Техническо-строительного комитета МВД⁸), способствовало окончательному отделению управления дворцовым строительством от управления строительством и ремонтом казённых зданий.

Организация в 1826 году Министерства императорского двора, объединившего все части придворного ведомства, означала включение этого ведомства в министерскую систему управления Российской империей. Этот шаг, с одной стороны, входил в контекст передачи части важнейших государственных функций чрезвычайным учреждениям, подчинённым непосредственно императору (как, например, отделения Собственной е.и.в. канцелярии), а с другой — вводил управление придворным ведомством в систему унифицированного центрального управления. Несмотря на особый характер отношений монарха с министром императорского двора, выведение данного министерства из ведения Сената и системы Государственного контроля и в значительной мере из общей системы государственного законодательства (осуществлявшейся через Государственный совет), в дальнейшем участие министра императорского двора (с 1850) в заседаниях Комитета министров (формально — по делам

---

⁵ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 3. С. 145–146.

⁶ Там же. Т. 2. СПб., 2001. С. 27–28.

⁷ Там же. Т. 3. С. 9, 20–23.

⁸ Там же. Т. 2. С. 52–53.

своего ведомства, фактически — всё чаще и чаще)⁹ и, наконец, включение в Свод законов (издания 1892 года)¹⁰ учреждения Министерства императорского двора, создание нового ведомства означало не только смешение функций государственного и придворного управления, но и определённую унификацию последнего по общегосударственному образцу.

Строительство, ремонт и содержание императорских дворцов входило в функции министерства в целом. Министр императорского двора стал главным лицом, ответственным за руководство этими процессами и осуществление всеми учреждениями придворного ведомства соответствующих функций. В составе Канцелярии министерства строительными и ремонтными работами, управлением дворцами заведовали 1-я экспедиция (1826—1839), 1-е отделение (1839—1867), 1-е делопроизводство (1867—1882), 2-я экспедиция (до 1839) и 2-е отделение¹¹.

В состав Министерства императорского двора вошли в качестве его структурных частей: Гоф-интендантская контора, Кабинет е.и.в., Экспедиция кремлёвского строения. В составе Кабинета е.и.в. была образована Строительная комиссия (1817—1856, далее — Хозяйственное отделение, с 1888 года — отдел, с 1899 — инспектор по строительной части с Совещательным техническим комитетом при нём)¹².

В дальнейшем происходила унификация и специализация отдельных частей ведомства, в связи с чем в 1831 году была закрыта Экспедиция кремлёвского строения, в 1851 — Гоф-интендантская контора.

В то же время для управления дворцовым хозяйством (а с 1841 года и внутренним убранством дворцов и их содержанием) в 1826 году была образована Придворная е.и.в. контора (1826—1883)¹³. В 1857 году для технического контроля за строительными работами по придворному ведомству (взамен упраздненной Строительной комиссии Кабинета е.и.в.) была образована Строительная контора Министерства императорского двора (1857—1883)¹⁴.

В 1882—1883 произошло объединение в руках обер-гофмаршала управления хозяйственной частью императорского двора, в связи с чем было создано Главное дворцовое управление, заведовавшее импе-

⁹ Там же. С. 146—147.

¹⁰ Свод законов. Изд. 1892 г. Т. 1. СПб., 1892.

¹¹ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. Т. 3. С. 165—166.

¹² Там же. С. 150.

¹³ Там же. С. 163.

¹⁴ Там же. С. 174.

раторскими Зимним, Царскосельским, Петергофским и Гатчинским дворцами¹⁵. К нему перешли также функции упразднённой Придворной е.и.в. конторы. В 1891 году для административно-хозяйственного управления петербургскими дворцами было создано Петербургское дворцовое управление¹⁶.

В царствование Николая I наблюдалось смешение и пересечение функций Министерства императорского двора и других ведомств. Например, перестройка и восстановление Зимнего дворца после пожара была поручена П.А. Клейнмихелю, безусловно, не просто как особо доверенному лицу, но как главноуправляющему путей сообщения и публичных зданий. Во всяком случае, материалы по этим работам (как и по работам в Кремлёвском дворце) отложились в фонде Особенной канцелярии главноуправляющего путей сообщения и публичных зданий¹⁷.

В дальнейшем (после передачи строительной части в МВД) разделение функций придворного и гражданских ведомств осуществлялось более последовательно.

В пореформенной России дворцовое строительство всё больше отходило на второй план, а на первый план выдвигались реставрация, ремонт, содержание, внутреннее убранство. Но вплоть до начала XX века строительство великокняжеских дворцов (как и приспособление их под музеи, учебно-воспитательные учреждения и т.д.) оставалось актуальной задачей учреждений объединённого с удельным ведомством Министерства императорского двора.

Со дня образования Министерства императорского двора до 1852 года министр императорского двора был одновременно и министром уделов. Последняя должность была введена 4 апреля 1797 года¹⁸. Министр уделов заведовал департаментом уделов. С 1852 по 1856 год существовало отдельное Министерство уделов¹⁹, а с 1856 года оно вновь вошло в состав Министерства императорского двора в качестве Главного управления уделов²⁰.

Удельное ведомство заведовало дворцами членов императорской фамилии и некоторыми загородными императорскими дворцами (например, дворцом в Ливадии)²¹. В составе Главного управления

¹⁵ Там же. С. 178–179.

¹⁶ Там же. С. 182.

¹⁷ РГИА. Ф. 207. Оп. 4.

¹⁸ ПСЗ. Т. 24. № 17907: Высочайше утверждённый штат Департамента Уделов.

¹⁹ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 3. С. 193.

²⁰ Там же. С. 189.

²¹ Там же. С. 190–192.

уделов имелось специальное Архитектурное делопроизводство (с 1898 года — Архитектурная часть), осуществлявшее руководство строительными и ремонтными работами в загородных дворцах²².

Строительными и ремонтными работами заведовали также специальные управления отдельных дворцовых городов: Канцелярия главноуправляющего дворцовыми правлениями и городом Царское Село (1817—1865), Царскосельское дворцовое управление (1891—1918), Петергофское дворцовое управление (1891—1918), Гатчинское дворцовое управление (1783—1918), Ораниенбаумское дворцовое управление (1796—1918), Стрельнинское дворцовое управление (1801—1917)²³.

В состав удельного ведомства входили конторы и канцелярии членов императорской фамилии. В функции некоторых из них также входило заведование строительными и ремонтными работами по дворцовым зданиям, например, Управление Собственным е.и.в. (Аничковым) дворцом (1866—1918), Контора двора вел. кн. Елены Павловны и вел. кн. Михаила Павловича (1819—1873), Собственная имп. Марии Александровны канцелярия (1858—1880), Придворная канцелярия вел. кн. Константина Павловича (1796—1835), Придворная контора вел. кн. Константина Николаевича и вел. кн. Александры Иосифовны (1848—1912), Придворная контора вел. кн. Михаила Николаевича (1857—1910), Контора двора вел. кн. Николая Николаевича (Старшего) (1856—1892), Придворная контора наследника вел. кн. Александра Николаевича (1835—1855), Контора августейших детей (1882—1895), Контора двора наследника вел. кн. Александра Александровича (1866—1881), Контора двора вел. кн. Марии Павловны (1909—1918), контора двора вел. кн. Елизаветы Маврикиевны и вел. кн. Константина Константиновича (1884—1918), Контора двора вел. кн. Александра Михайловича (1894—1918)²⁴ и др.

В целом можно сказать, что управление строительством, ремонтом и содержанием императорских дворцов во второй половине XIX — начале XX века было достаточно органически вписано в систему высших и центральных государственных учреждений Российской империи. Для конца XIX — начала XX века такая система была столь же архаичной, сколь парадные мундиры камергеров и униформа придворных скороходов и прочих служителей. Но в таких монархических государствах Европы, как Австро-Венгрия и Германия, можно найти аналогии этой системы.

---

²² Там же. С. 192.

²³ Там же. С. 194—195.

²⁴ Там же. С. 196—200.

Государственные преобразования 1905–1907 годов не внесли радикальных изменений в систему взаимодействия придворного ведомства с высшими органами власти и органами центрального управления Российской империи. В новых условиях одной из главных задач Министерства императорского двора и уделов было обеспечение финансовой независимости ведомства от общегосударственного бюджета. Управление придворным ведомством было выведено из компетенции Государственной думы и Государственного совета, но министр императорского двора, формально обязанный присутствовать на заседаниях Совета министров (от которого он был независим так же, как военный и морской министры и министр иностранных дел) лишь при рассмотрении вопросов, затрагивающих его ведомство, участвовал в работе совета. Другое дело, что гр. В.Б. Фредерикс занимал подчёркнуто нейтральную позицию по всем вопросам внутренней и внешней политики, которые непосредственно не затрагивали вверенное ему министерство.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что в учреждениях, ведавших строительством и содержанием императорских дворцов, успешно соединялись чисто профессиональные (строительство, дизайн) и общеуправленческие функции. Место этих учреждений в системе высших и центральных государственных учреждений Российской империи определялось общими закономерностями эволюции этой системы и отражало некоторые существенные особенности российской имперской государственности.

А результаты этого управления дошли до нас в виде прекрасных дворцов, составляющих неотъемлемую часть культурного наследия России.

Н.Л. Корсакова
(Санкт-Петербург)

Резиденции Романовых в своде «Петровские памятники России»

Свод «Петровские памятники России» — один из крупных проектов, начатых в 2009 году в соответствии с общероссийской программой «Путь Петра Великого». Инициированная Фондом Лихачева в 2008 году, эта программа была поддержана Администрацией Санкт-Петербурга и руководством Российской Федерации¹.

Мысль о том, что интерес к личности Петра I, к его многообразному культурному наследию может объединить людей из разных уголков России, работающих в разных сферах, в различных учреждениях науки, культуры, образования, принадлежала писателю Д.А. Гранину — Председателю правления Фонда Лихачева, и мысль эта оказалась продуктивной. Начиная с 2009 года, в Санкт-Петербурге ежегодно проходят международные петровские конгрессы², во многих населённых пунктах России гостила созданная в Фонде Лихачева передвижная выставка «Города Петра Великого»³, в рамках программы, помимо

---

¹ Подробнее об этом: Путь Петра Великого: Российская программа. СПб., 2009.

² Конгресс 2009 года носил учредительный характер. Начиная с 2010 года, все петровские конгрессы были тематическими, их материалы изданы: Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 9–11 июня 2010 г. СПб., 2011; Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 г. СПб., 2012; Столицы и провинция: Материалы IV Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–9 июня 2012 г. СПб., 2013; Россия – Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве: Материалы V Международного петровского

материалов конгрессов, издаются работы отечественных и зарубежных исследователей по петровской истории⁴. Важный итог программы — учреждение в Санкт-Петербурге в 2010 году Института Петра Великого⁵.

Научные форумы историков и краеведов, посвящённые осмыслению роли Петра I и его сподвижников в развитии тех или иных российских территорий, прошли во многих регионах России. Проведены многочисленные выставки и конкурсы, популяризовавшие петровское наследие. Созданы и установлены новые памятники⁶. Всё это положило начало культурной интеграции «петровских городов» (больших и малых населённых пунктов, так или иначе связанных с именем Петра I и его сподвижников), их культурному взаимодействию.

В тесном сотрудничестве проходила работа над сводом «Петровские памятники России», в которой приняли участие более 40 авторов — историков, краеведов, представителей других специальностей

конгресса. Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 г. СПб., 2014. Готовятся к выходу в свет материалы прошедшего 6–8 июня 2014 г. VI петровского конгресса «Россия — Великобритания: Пять веков культурных связей».

³ Выставка открывалась в Александрове, Воронеже, Выборге, Екатеринбурге, Кингисеппе, Петрозаводске, Приозерске, Смоленске, Туле, Ярославле.

⁴ *Гузевич Д., Гузевич И.* Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия, 1697–2006. СПб., 2008; *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое Посольство: Рубеж эпох, или Начало пути, 1697–1698. СПб., 2008; *Максимов Е.К., Мезин С.А.* Города саратовского Поволжья петровского времени. СПб., 2010; *Юркин И.Н.* Пётр Железный: Пётр Великий и Тульский край. СПб., 2012; *Кросс Э.* Английский Пётр: Пётр Великий глазами британцев XVII–XX веков. СПб., 2013 и др.

⁵ Институт Петра Великого. СПб., 2011.

⁶ Так, уже в XXI веке памятники Петру I установлены: в 2002 году — во Владивостоке и Невьянске (Свердловская обл., где появилась вторая в городе скульптурная группа «Пётр I и Никита Демидов»); в 2003 — в Волгограде и Калининграде; в 2006 — в Махачкале (Дагестан); в 2007 — в Астрахани, Вышнем Волочке (Тверская обл.) и Кизляре (Дагестан); в 2008 — в Сочи; в 2009 — в Великом Новгороде; в 2010 — в Бийске (Алтайский край, где установлена конная статуя); в 2012 — в Гагарине (Смоленская обл., бывш. Гжатск), Туле и пос. Сомино (Ленинградская обл.); кроме того в 2008 и 2009 два памятника-бюста Петра I появились в Москве; наконец, в Санкт-Петербурге в 2003 году были установлены воссозданные памятники Петру — конный, у Константиновского дворца, скульптор Г. Шмидт-Кассель, до Первой мировой войны стоявший в Риге; и у Сампсониевского собора, скульптор М.М. Антокольский; в 2006 году у гостиницы «Прибалтийская» установлен памятник Петру работы З.К. Церетели. Во многих российских городах установлены памятные знаки в честь Петра I и его деяний, открыты памятники сподвижникам императора.

из многих городов России⁷. Была поставлена задача провести в регионах своего рода инвентаризацию объектов культурного наследия петровской эпохи и мемориальных памятников Петру I и его сподвижникам, которые следовало не только выявить, но и изучить, описать, сфотографировать. Целью проекта было привлечь внимание к личности Петра I, к петровским памятникам, их физическому состоянию, зачастую плачевному, и — в итоге — к их сохранению.

В результате многолетних усилий было выявлено и описано около 700 памятников на территории 51 региона Российской Федерации. Среди них как объекты культурного наследия петровской эпохи (дворцово-парковые ансамбли, заводы, верфи, крепости, городские и загородные усадьбы, церкви и т.д., возведённые по воле Петра I, его сподвижников и сотрудников), так и мемориальные памятники (скульптуры, обелиски, стелы, памятные знаки, мемориальные доски и др.).

Заметную группу среди петровских памятников составляют постоянные и временные резиденции Петра I и его ближайших родственников: городские и загородные дворцово-парковые ансамбли обеих столиц, путевые дворцы, каменные палаты, многочисленные «домики» Петра.

Поскольку Пётр I принадлежит к прямой линии Романовых, которая пресеклась после смерти его дочери, императрицы Елизаветы Петровны, когда российский престол по женской линии перешёл к Гольштейн-Готторп-Романовской династии, все места проживания самого Петра, его родителей, братьев, сестёр и детей бесспорно относятся к категории резиденций Романовых.

Среди сохранившихся петровских памятников Москвы, где родился и рос царевич Пётр Алексеевич, к категории резиденций можно отнести два строения на территории Московского Кремля — Теремной и Потешный дворцы. Памятники известны, хорошо изучены и описаны, приведу о них самые краткие сведения.

Теремной дворец возведён русскими мастерами в царствование Михаила Фёдоровича — первого государя из династии Романовых — на подклетных этажах великокняжеского дворца, сооружённого по проекту Алевиза Фрязина Старого, и над Постельными (впоследствии Мастерскими) палатами XVI века⁸. В композиции здания

---

⁷ Авторы и редакторы разделов свода живут и работают в городах: Александров, Бийск, Боровичи, Владимир, Воронеж, Екатеринбург, Москва, Невьянск, Омск, Париж, Петрозаводск, Санкт-Петербург, Саратов, Смоленск, Тверь, Ярославль.

⁸ Подробнее о постройках на территории Московского Кремля см., напр.: *Бартнев С.П.* Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 1–2. М., 1912–1916;

просматриваются традиции русского деревянного зодчества: ярсное построение, открытые гульбища, площадки, крыльца и лестницы. Вместе с тем, здесь впервые появляется анфиладная планировка внутренних помещений, которая в дальнейшем станет характерной чертой дворцовой архитектуры. Считается, что царевич Пётр Алексеевич родился и первые два года жизни провёл в этом дворце. некогда богато украшенные интерьеры дворца искажены ремонтами в XVIII веке, пострадали при пожаре 1812 года и были воссозданы в 1836–1837 годах. В настоящее время Теремной дворец — часть резиденции Президента РФ.

Дворец, известный под названием Потешный, построен в 1648–1651 годах тестем царя Алексея Михайловича боярином И.Д. Милославским и представляет собой почти квадратные в плане трёх-четырёхэтажные палаты с арочным проходом, соединявшим парадный и хозяйственный дворы. Здание с чётким поэтажным членением отличается богатым белокаменным резным декором, внутренняя планировка помещений близка к анфиладной. Потешный дворец — один из лучших памятников русского узорочья.

После кончины И.Д. Милославского (1668) и его дочери царицы Марии Ильиничны (1699) палаты отошли в казну и были приспособлены для придворных театральных представлений, откуда и произошло их название. В 1679 году в нём поселились царевны — сёстры Петра I, но предательства там по-прежнему давались. Уезжая в 1697 году за границу в составе Великого Посольства, Пётр I передал Потешный дворец князю-кесарю Ф.Ю. Ромодановскому под Преображенский приказ. В мае 1730 года, перед церемонией коронации, в Потешном дворце жила Анна Иоанновна. Во время приездов в Москву там останавливалась императрица Елизавета Петровна. В начале XIX века во дворце располагалась комендатура Кремля, а в начале 1930-х годов находилась квартира И.В. Сталина. В 2000-е годы дворец реставрировали по заказу Службы охраны Кремля, которая там и расположилась⁹.

Дворец в Москве, который до сих пор называют Лефортовским¹⁰, возводился каменных дел мастером Д.В.Аксамитовым в

Фёдоров Б.Н. Московский Кремль. Л., 1975; *Родимцева И., Калмыкова С., Загородная И., Донецкая Л., Кондрашова Л., Кунецкая Л., Онуфриева И., Ставская М.* Московский Кремль: Путеводитель. М., 1900; *Романюк С.К.* Кремль и Красная площадь: путеводитель. М., 2004.

⁹ Из последних исследований о дворце, рассказывающих, в частности, о результатах его реставрации, выделяется информативностью электронный ресурс: Потешный дворец // <http://www.archnadzor.ru/2007/04/03/poteshny-j-dvoret/>.

¹⁰ См. о нём, напр.: Лефортово далёкое и близкое / Под ред. Е.П. Миклашевской, М.С. Цепляевой. М., 1996; Дворец и архив. 300-летие Лефортовского дворца. Сборник / сост. А.П. Капитонов. М., 2001; *Алексеев В.Н.* Немецкая слобода на Яузе = Deutsche Siedlung an der Jausa: история в лицах / В.Н. Алексеев, Е.П. Миклашевская, М.С. Цепляева. М., 2004.

1697–1698 годах за счёт царской казны для сподвижника Петра I Франсуа Лефорта. Ещё до завершения строительства дворец стал местом проведения дипломатических приёмов, ассамблей, театрализованных представлений, фактически — царской резиденцией. В убранстве его фасадов преобладали формы западноевропейской барочной и маньеристской архитектуры (например, гермовидные пилястры первого этажа). После смерти Лефорта в 1699 году дворец по указанию Петра I был приспособлен для «комедийного театрума». Не позднее 1707 года Пётр передал здание князю А.Д. Меншикову, перестроившему дворец по своему вкусу. В 1727 году после ссылки Меншикова постройка была отобрана в казну.

Пётр II, прибывший в начале 1728 года в Москву на коронацию, сделал Лефортовский дворец своей резиденцией. В нём император обручился с княжной Е.А. Долгоруковой, в нём же скончался в день, назначенный для свадьбы. В конце XVIII века дворец по проекту архитектора М.Ф. Казакова перестраивался к коронации Павла I для размещения там свиты императора.

В собственности короны дворец оставался до начала XIX века, но царствовавшие особы в нём более не останавливались. С начала XIX века здание использовалось как место хранения архивов государственных учреждений. До сегодняшнего дня в нём располагается Российский государственный военно-исторический архив.

В свод вошли сохранившиеся строения загородных царских вотчин — Коломенского и Измайлова. Расцвет Коломенского связан с именем царя Алексея Михайловича. В 1667–1668 годах там был сооружён деревянный дворец в 270 помещений¹¹. В комплекс Государева двора входили деревянные хоромы с домовою Казанской церковью, Сытный, Кормовой, Хлебный дворы, Приказные и Полковничьи палаты и Караульни. Государев двор был обведён оградой с тремя воротами, вокруг были разбиты сады, окружённые высоким тыном. Хотя после смерти Алексея Михайловича в 1676 году Коломенское начало приходить в упадок, Пётр I любил там останавливаться. В царствование Екатерины II обветшавший дворец разобрали. В настоящее время предпринята попытка историко-художественной реконструкции деревянного дворца царя Алексея Михайловича¹², но не на старом месте, а поблизости.

¹¹ Подробнее см., напр.: *Евангулова О.С.* Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII века. М., 1969; *Зуйков В.В.* Государев двор в Коломенском. М., 2007; Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 11. М., 2008.

¹² *Суздаев В.Е.* Русское чудо. Царский дворец в Коломенском — шедевр русского деревянного зодчества второй половины XVII — первой четверти XVIII века. М., 2005.

Измайлово — родовая вотчина Романовых. Иван Грозный пожаловал её Никите Романовичу Захарьину-Юрьеву, деду будущего царя Михаила Фёдоровича. Царская усадьба находилась на рукотворном острове, созданном повелением Алексея Михайловича¹³. Вокруг Государева двора, который строился в 1664–1690 годах, располагались многочисленные хозяйственные постройки, в одной из которых юный царь Пётр Алексеевич отыскал ставший легендарным ботик — «дедушку русского флота». С 1696 года в Измайлово постоянно жила вдова царя Ивана Алексеевича царица Прасковья Фёдоровна и три их дочери — царевны Екатерина, Анна и Прасковья Ивановны. В 1702 году по указанию Петра I царский дворец, пострадавший во время пожара, был обновлён. Анна Иоанновна сделала Измайлово одной из своих резиденций, при ней был сформирован гвардейский Измайловский полк. В середине XIX века основные сооружения царской усадьбы были разобраны, на их фундаментах возведены новые корпуса.

Из многочисленных петербургских памятников к резиденциям Романовых можно отнести: Зимний и Летний дворцы Петра I, Домик Петра, Большой Петергофский дворец, павильоны «Марли», «Монплеизир», «Эрмитаж» в петергофском парке, а также Большой Стрельнинский дворец, деревянный Путевой дворец в Стрельне, Большой Екатерининский дворец в Царском Селе, который в XVIII веке принадлежал последовательно трём императрицам — Екатерине I (получившей его в 1710 году ещё некоронованной супругой Петра I), Елизавете Петровне и Екатерине II. Этим памятникам посвящены многочисленные специальные исследования¹⁴, ограничусь краткими сведениями об их связи с именем Петра¹⁵.

¹³ Подробнее см., напр.; *Датиева Н.С.* Измайлово. Памятники архитектуры измайловского острова XVII–XIX вв. М., 1989; *Зуйков В.В., Датиева Н.С., Данилова О.Н.* Московский Государственный объединённый музей-заповедник. М., 2007.

¹⁴ См., напр.: Памятники архитектуры пригородов Ленинграда. Л., 1983; *Голдовский Г.Н., Знаменов В.В.* Дворец Монплеизир в Нижнем парке Петродворца. Л., 1981; *Раскин А.Г.* Петродворец: Дворцы-музеи, парки, фонтаны. Л., 1988; *Козлова Т.Д., Кареева Н.Д.* Летний сад и дворец-музей Петра I. СПб., 1999; *Ласточкин С.Я., Рубежанский Ю.Ф.* Царское Село — резиденция российских монархов: Архитектурный и военно-исторический очерк. СПб., 2000; *Михайлов Г.В.* Зимние дворцы Петра I: История строительства. Архитектура и художественное убранство. События и люди. СПб., 2002; *Горбатенко С.Б.* Петергофская дорога: Историко-архитектурный путеводитель. СПб., 2002; *Марголис А.Д.* Дворцы Санкт-Петербурга. М., 2003; *Горбатенко С.Б.* Архитектура Стрельны. СПб., 2006. *Долбин В.Г.* История Стрельны: Дворцы, парковый ансамбль, Троице-Сергиева пустынь, мосты, каналы. СПб., 2008; *Малиновский К.В.* Санкт-Петербург XVIII века. СПб., 2008.

¹⁵ Значительное число описаний царских резиденций Петербурга выполнил для свода Ю.М. Пирютко — блестящий искусствовед, знаток петербургской культуры, скоропостижно скончавшийся 3 октября 2014 года.

Срубленный из тёсаных сосновых брёвен Домик Петра I («Первоначальный дворец») находится у берега Невы неподалёку от Петропавловской крепости. Эта единственная постройка, сохранившаяся с первых дней Петербурга. Домик является первой петербургской резиденцией Петра I, служившей ему пять лет. По указу Петра Домик в 1723 году был защищён каменной галереей, существующий кирпичный павильон над ним сооружён в 1844 году (арх. Р.И. Кузьмин). В экспозиции музея, который открылся в Домике в 1930 году, находятся подлинные личные вещи Петра I. В настоящее время — это филиал Государственного Русского музея.

Зимний дворец — третий по счёту после одноэтажного с мезонином деревянного «маленького домика, выстроенного на голландский манер» (1707–1709), и двухэтажного каменного дворца «на погребках» в тринадцать окон по фасаду (1711, арх. Д. Трезини). Построенный в 1716–1720 годах по проекту Г.И. Маттарнови, он представлял собой двухэтажный каменный корпус в восемь осей с примыкающими к нему с южной стороны боковыми корпусами. Строительство продолжил Д. Трезини, при котором центральная часть дворца получила оформление в виде трёхпролетной триумфальной арки, украшенной скульптурой. В этом дворце Пётр скончался в ночь с 27 на 28 января 1725 года. Прощание с императором происходило в Тронном зале дворца, специально оформленном для траурной церемонии. В 1783–1785 годах на месте дворца по проекту Дж. Кваренги был построен Эрмитажный театр, который сохранил часть стен первого этажа третьего дворца Петра Великого, что было обнаружено археологами в ходе реставрации 1976–1989 годов. В 1992 году в сохранившейся части дворцовых покоев открылась экспозиция, посвящённая петровской эпохе. Там же находится «Восковая персона» — фигура Петра I в натуральную величину, созданная скульптором Б. Растрелли в 1725 году из воска и дерева.

Летняя резиденция Петра построена в 1710–1713 годах по проекту Д. Трезини на мысе между Невой и Безымянным ериком (ныне река Фонтанка). Представляет собой двухэтажное кирпичное здание с четырёхскатной железной крышей. Основным украшением фасадов являются расположенные между окнами первого и второго этажей 28 барельефов, которые исполнены в технике ручной намазки. Во дворце 14 комнат (их расположение — анфиладное), две поварни, два внутренних коридора. В стенных шкафах Зелёного кабинета второго этажа помещались предметы первой петровской Кунсткамеры. После смерти Петра I и Екатерины I в Летнем дворце никто постоянно не жил. В 1903 году, к 200-летию юбилею Санкт-Петербурга, там открылась выставка, посвящённая Петру I. В настоящее время Лет-

ний дворец является филиалом Государственного Русского музея.

По мнению петербургского исследователя С.Б. Горбатенко, первые каменные палаты в Петергофе строились с 1711 года, с 1715 — под руководством И.Ф. Браунштейна, с 1716 — Ж.-Б.Леблона. Одновременно с палатами к северу от дворца началось сооружение Большого каскада, к югу — Верхнего сада. После пожара 1721 года палаты были возобновлены по проекту Н. Микетти, расширившего здание пристройкой симметричных флигелей, соединённых с главным корпусом галереями. Строительные работы были завершены в 1724 году, так что Пётр видел дворцово-парковый ансамбль во всём его великолепии. После перестройки в 1749—1751 годах по проекту Ф. Растрелли комплекс строений получил название Большого Петергофского дворца (палаты петровского времени оказались встроенными в новое здание). Дворец был разрушен в годы войны, восстановительные работы велись в 1951—1958 годах.

В Нижнем парке Петергофа в 1714—1717 годах по проекту архитекторов А. Шлютера, И.Ф. Браунштейна и Ж.Б. Леблона сооружён небольшой каменный дворец, получивший название «Монплеизир» (от фр. *mon plaisir* — моё удовольствие), перед южным фасадом которого разбит сад, устроенный по чертежу Петра I. Название петергофского дворца «Марли» связано с посещением Петром I в 1717 году Версаля, недалеко от которого находилась личная усадьба Людовика XIV Марли-ле-Руа. Первоначальные «малые палаты» (арх. Н. Микетти) были одноэтажными, в 1721 году Пётр распорядился достроить ещё один этаж. Сооружение Марлинского каскада велось в 1722—1723 годах по проекту Микетти, изменённому Петром, и было завершено в 1731 году М.Г. Земцовым. Марли сохранялся как мемориал Петра Великого, с его личной одеждой, мебелью и посудой. Проект петергофского паркового павильона «Эрмитаж» также изменялся в ходе строительства по указам Петра. Построенный в 1721—1723 годах, павильон представляет собой небольшое двухэтажное здание, весь верхний этаж которого занят залом для приёмов. Малые петергофские дворцы и павильоны, пострадавшие в годы войны, в настоящее время отреставрированы и доступны для обозрения.

Строительство Царскосельского Екатерининского (Большого) дворца, получившего имя супруги Петра Екатерины I, началось в 1717 году и продолжилось в 1744—1748 годах по проекту архитекторов А.В. Квасова и С.И. Чевакинского. В 1752—1756 годах Ф. Растрелли заново перестроил дворец, создав пышную загородную резиденцию. Там был размещён полученный Петром I в качестве дипломатического подарка Янтарный кабинет прусского короля

Фридриха Вильгельма I. На протяжении двух веков Царское Село являлось летней парадной императорской резиденцией, в 1990 году царскосельские дворцы и парки города получили статус музея-заповедника.

После того как в ходе Северной войны Ингерманландия отошла к России, усадьба Стрелингоф (или «Стрелина Мыза») под Петербургом перешла в личную собственность Петра. В середине 1710-х годов по царскому указу в Стрельне был построен небольшой деревянный двухэтажный «Попутный дворец» для остановок по пути из Петербурга в строящийся Кронштадт. В дальнейшем дворец неоднократно ремонтировался и перестраивался, в том числе в 1749–1750 годах по проекту Ф. Растрелли. В 1981 году отреставрированное после войны здание передано Музею-заповеднику «Петергоф».

Проектирование Большого Стрельнинского дворца началось одновременно с Петергофским, для его строительства в 1715 году были привлечены Ж.-Б. Леблон и Б. Растрелли, а в 1717 — Ж.-Б. Леблон. В 1722 году недостроенный дворец был подарен четырнадцатилетней царевне Анне Петровне. В создании пышной приморской царской резиденции приняли участие архитекторы Н. Микетти, М.Г. Земцов, Т.Н. Усов и П.М. Еропкин, однако только в 1747 году, под руководством Ф. Растрелли, работы во дворце были в основном закончены. В 1797 году император Павел I подарил Стрельну вел. кн. Константину Павловичу, потомки которого владели дворцом до 1917 года. Разрушенный в военные годы, дворец в 2001–2003 годах воссоздан и входит сейчас в Государственный комплекс «Дворец конгрессов».

Основанный в 1337 году Троице-Сергиев мужской монастырь (с 1742 года Лавра)¹⁶ — крупнейший в России — играл заметную роль в политической истории Северо-Восточной Руси. Обитель можно отнести к категории царских резиденций, так как на протяжении веков российские монархи, в том числе из династии Романовых, совершали туда паломничества. В конце XVII века в северной части монастыря было построено двухэтажное здание «Царских чертогов», предназначенное для размещения царской семьи, когда государь гостил в обители. Нарядный декор из белого камня и полихромных

---

¹⁶ Литература по истории монастыря и его архитектурного ансамбля обширна, назову некоторые исследования: *Горский А.* Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1890; *Голубинский Е.* Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. М., 1909; *Трофимов И.В.* Памятники архитектуры Троице-Сергиевой Лавры. Исследования и реставрация. М., 1961. *Голубцов С.А.* Сергиев Посад и Лавра. М., 1997; *Miller D.* Saint Sergius of Radonezh, His Trinity Monastery, and the Formation of Russian Identity. Northern Illinois University Press, 2010.

изразцов, оформление фасада в обоих этажах парными окнами с пышными наличниками сделали здание одним из лучших произведений «московского барокко». С 1814 года и до сих пор в Царских чертогах располагается Московская Духовная академия.

Другой подмосковный мужской монастырь — Саввино-Сторожевский, основанный в 1398 году в Звенигороде, был одной из самых любимых царём Алексеем Михайловичем обителей¹⁷. В середине XVII века на его территории был возведён царский дворец (палаты), в котором государь останавливался во время частых паломнических поездок. Здание, перестроенное в царствование Фёдора Алексеевича и сильно пострадавшее от пожара в 1721 году, было реконструировано при императрице Елизавете Петровне, а Екатерина II повелела приспособить его под семинарию. В XIX веке верхний этаж дворца был отведён под покои настоятелей обители. В 1861 году в здании останавливался для отдыха император Александр II с детьми.

После Великой Отечественной войны в отреставрированных помещениях дворца располагался санаторий. В настоящее время там находятся приёмная наместника, классы богословских курсов, библиотека монастыря, монастырские лавки, паломническая служба.

Одновременно с царским дворцом для первой супруги Алексея Михайловича Марии Ильиничны в монастыре были сооружены «Царицыны палаты». В настоящее время они представляют собой выходящую фасадом на соборную площадь нарядную одноэтажную постройку на склоне холма, имеющую со стороны крепостной стены полных два этажа. Покои царицы располагались в центральной части протяжённого здания. Его парадная часть оформлена нарядными наличниками и крыльцом, сложенным из кирпича и белого камня и декорированным затейливой резьбой. Сейчас в Царицыных палатах развёрнуты экспозиции и выставки Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея.

В Воскресенском Новоиерусалимском монастыре (г. Истра Московской обл.), основанном патриархом Никоном¹⁸, в конце XVII века был построен одноэтажный, кирпичный, в формах «московского

---

¹⁷ *Смирнов С.К.* Историческое описание Саввина Сторожевского монастыря. М., 1860 (2-е изд., исправл. и доп. М., 1877); *Вздорнов Г.И.* К архитектурной истории Саввина-Сторожевского монастыря // Памятники культуры (исследования и реставрация). Вып. 3. М., 1961. С. 110–122. *Тютюнникова И.В.* Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде: Путеводитель. М., 2007.

¹⁸ *Леонид (Кавелин), архимандрит.* Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1876. Бусева-Давыдова И. Об идейном замысле «Нового Иерусалима» патриарха Никона // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 174–181.

барокко» дворец для царевны Татьяны Михайловны, сестры царя Алексея Михайловича и сторонницы Никона.

К резиденциям Романовых (хотя и «вынужденным») можно отнести так называемые Марфины палаты — «хоромину», построенную в Успенском монастыре Александровской слободы для сосланной туда после подавления стрелецкого бунта 1698 года единокровной сестры Петра I царевны Марфы Алексеевны, сочувствовавшей намерениям восставших посадить на трон царевну Софью¹⁹. Одноэтажное строение с двускатной крышей, включающее в себя «опочивальню», «сени», «клеть» и «кладовую», примыкает с южной стороны к церкви-колокольне Распятия Христова. Скончалась царевна, принявшая в монастыре постриг с именем Маргарита, в 1707 году и, согласно завещанию, была погребена в общей монастырской усыпальнице, её кельи были перестроены для проживания других монахинь. В 1712 году останки царевны-монахини были перенесены в Сретенскую церковь того же монастыря.

Временными царскими резиденциями можно считать дома и «домики», где жил или останавливался Пётр I. Один из них находится в настоящее время на территории уже упоминавшегося Коломенского, куда он был перевезён в 1932–1934 годах. Небольшой деревянный дом был построен русскими и голландскими мастерами летом 1702 года на Марковом острове, в устье реки Северной Двины, неподалёку от сооружавшейся по царскому указу Новодвинской крепости, за строительством которой наблюдал Пётр. Дом, срубленный из толстых брёвен, состоит из четырёх помещений (столовая, гардеробная, спальня, кабинет), а также передней, коридора и кухни. Позднее он был перенесён с острова (в настоящее время остров уничтожен течением Северной Двины), на территорию Новодвинской крепости, а в 1877 году «переехал» в Архангельск, где сохранялся под специально построенным футляром — сначала деревянным, с 1907 — каменным.

Дом-музей Петра I находится в Вологде²⁰. В этом здании, принадлежавшем в конце XVII — начале XVIII века голландскому купцу Иоанну Гутману (Гоутману)²¹, а потом его вдове, император с импе-

¹⁹ *Стромиллов Н.С.* Царевна Марфа, сестра Петра Великого: Историческая биография // Владимирские Губернские ведомости. Часть неофициальная. № 3. 1883. С. 1.

²⁰ См.: Домик Петра Великого в Вологде. СПб., 1887.

²¹ *Черкасова М.С.* Новые документы о деятельности голландского купца И.А. Гутмана в Вологде в конце XVII — начале XVIII века // Историческое краеведение и архивы. Вологда, 1999. Вып. 5. С. 8–15.

ратрицей останавливались в 1724 году, возвращаясь с лечения на олонецких Марциальных водах. Здание не раз переходило от одного владельца к другому, много раз перестраивалось и долгое время использовалось под склад. До наших дней сохранился одноэтажный каменный дом со сводчатым потолком и двумя голландскими печами, украшенными изразцами XVII века. На его переднем фасаде, над дверями, находится вмурованная большая каменная доска с рельефным изображением герба, под которым на развевающейся ленте значится «1704».

В связи с 200-летним юбилеем Петра I обветшавшая постройка была приобретена в собственность города и отремонтирована для устройства там Музея Петра I.

Один из «домов Петра I» находится на территории Успенского Свенского монастыря (совр. пос. Супонево Брянской обл.). Обитель, расположенная в месте впадения речки Свени в Десну, основана в конце XIII века²². Согласно бытовавшей в монастыре легенде, записанной в XIX веке, в каменном одноэтажном доме на территории монастыря останавливался Пётр I во время своего пребывания в Брянске в октябре 1708 года, когда в ходе Северной войны он направлялся к находившейся на севере Украины главной армии²³. Дом неоднократно перестраивался, в 1887 году музеефицирован, там была развернута экспозиция, посвящённая Петру I. Тогда же по фасаду разместили надпись: «В сем домике неоднократно пребывал преобразователь России». Дом разобрали на кирпич после закрытия монастыря в 1926 году, начали восстанавливать в 1970-х годах, в 1988 он стал филиалом Брянского областного краеведческого музея и был открыт для посетителей. Сам монастырь возобновлён в 1992 году. В 2000 «Дом Петра I» воссоздан по сохранившимся изображениям.

К числу временных резиденций Петра I с большими оговорками можно отнести палаты купца Чатыгина и бургомистра Пушкикова в Нижнем Новгороде, палаты купцов Русинова и Ямскова в Пскове.

По преданию, в одном из богатых каменных домов Нижнего Новгорода, принадлежавших купцу Ефиму Чатыгину²⁴, Пётр I жил с 16 по 20 мая 1695 года, когда задержался в городе, спускаясь по Волге

---

²² *Иерофей (Добрицкий)*. Брянский Свенский Успенский Монастырь Орловской епархии. Орёл, 1866; Свенский монастырь // Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Брянская область. М., 1996. С. 168–177.

²³ *Белоконский И.П.* Домик Петра Великого в Брянском уезде // Русские ведомости. 1895. № 5. С. 2.

²⁴ *Смирнов Д.Н.* Посещение Нижнего Новгорода в 1695 году / *Смирнов Д.Н.* Очерки жизни и быта нижегородцев XVII–XVIII веков. Горький, 1978. С. 170–171.

в ходе первого Азовского похода. В палатах нижегородского бургомистра Пушников император с императрицей останавливались, согласно легенде, во время своего пребывания в городе 26–30 мая 1722 года, направляясь в Персидский поход²⁵.

Считается, что во время своих приездов в Псков во время Северной войны (22 июня, 22 июля и 8 августа 1701 года, а также в 1704, 1706, 1707 годах) царь останавливался в палатах богатого псковского купца Никифора Ивановича Ямского, который в конце XVII — начале XVIII века вёл крупную оптовую торговлю в России и за ее пределами²⁶. Однако в письме Петра I к коменданту Дерпта К.А. Нарышкину от 14 сентября 1704 года сделана приписка: «Сие письмо писано при жене и муже твоём у Русиновых» — купцов, разбогатевших в начале XVII века. В 1700 году Афанасий Русинов был назначен бургомистром Пскова²⁷.

Упомяну ещё несколько «домов Петра I», включённых в свод «Петровские памятники России», хотя пребывание в них царя не подтверждается документально.

В одном из домов Рыльска (совр. Курская обл.), некогда принадлежавшем рыльскому воеводе, по преданию, царь останавливался. Неподалеку от сохранившегося дома стояла каменная Вознесенская церковь, построенная купцами Герасимом Киприяновичем и Тимофеем Герасимовичем Шелиховыми. В ней, по легенде, состоялась панихида по убитым под Полтавой воинам и молебен во славу государя. На пиру с рыльскими купцами Пётр якобы поблагодарил их за помощь, а Тимофею Шелихову — прадеду будущего знаменитого мореплавателя — поднёс серебряный кувшин. В настоящее время на фасаде дома установлена мемориальная доска с текстом: «В этом здании в 1709 году останавливался Пётр I, когда возвращался с Полтавской битвы в Петербург». Однако после Полтавы путь Петра лежал через Киев в Варшаву, а оттуда — через Восточную Пруссию, Ригу, Дерпт (совр. Тарту) и Нарву — в Петербург, куда царь прибыл только 23 ноября. Рыльск в «Походном журнале» за 1709 год не упоминается.

---

²⁵ Пребывание Петра Великого в Нижнем Новгороде в 1722 году // Нижегородский летописец / публ. А.С. Гациского. Н. Новгород, 2001 (1-е изд. — 1886). С. 355–358.

²⁶ Палаты Ямского XVII в. // Наследие земли Псковской [электронный ресурс]. URL: <http://culture.pskov.ru/ru/objects/object/263>

²⁷ См.: *Богусевич В.А.* Псковские купцы XVII в. Русиновы // Новгородский исторический сборник. № 8. Новгород, 1940. С. 38–51; *Постников Б.А.* Палаты Русиновых в Пскове // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры [сб. статей] / Объединение «Росреставрация». Труды 78. М., 1979. С. 191–207.

Мемориальная доска установлена и на одном из домов в селе Великом (Ярославская обл.). На ней читаем: «В этом доме, по преданию, в 1702—1705 г. останавливался император Пётр I Самодержец всея Великия, Малыя и Белья Руси». Текст содержит неточность в передаче царского титула. Посещение же села Петром I в период, значащийся на мемориальной доске, действительно, относится к области преданий, так как не находит документального подтверждения. В указанные годы царь лишь однажды — 23 апреля 1702 года — проезжал Ярославль по пути из Ростова в Вологду, однако он двигался «водою» и захватить в Великое не мог.

* * *

Свод «Петровские памятники России» в соответствии со своим названием содержит описания памятников, так или иначе связанных с именем Петра I, а также его ближайших родственников. Резиденции Романовых представляют в своде не самую многочисленную, но заметную группу объектов. Их описание даёт наглядное (учитывая, что каждое описание снабжено изображением памятника) представление о разнообразии архитектурных форм, в которых создавались царские резиденции, начиная с периода правления царя Алексея Михайловича, рассказывает о вкусах и художественных предпочтениях представителей правящей династии и позволяет проследить дальнейшую судьбу памятников.

Так, можно отметить, что, несмотря на традиционные для русской гражданской архитектуры формы построек царствования Алексея Михайловича, во внутренней планировке помещений появляется новшество — анфиладное расположение комнат. Знаменитые петербургские загородные резиденции петровской эпохи сооружаются в стиле, который принято называть «петровским барокко». Он ориентируется на образцы шведской, немецкой и голландской гражданской архитектуры, ему свойственны простота объёмных построений, чёткость членения и сдержанность убранства. Можно также в очередной раз отметить, что пышность петровских резиденций имела, так сказать, представительский характер. Сам государь в повседневной жизни довольствовался (и даже любил) небольшие и скромно обставленные помещения, отдавая предпочтение в оформлении голландским мотивам.

Объекты культурного наследия петровской эпохи, включая резиденции (в широком понимании слова) представителей династии Романовых, рассказывают о судьбах (зачастую — весьма драматических) их создателей, владельцев и временных постояльцев. А описания свода

дают информацию о достоверности сведений, которые связывают памятники с событиями петровской эпохи.

Авторская работа над сводом «Петровские памятники России» в основном завершена. В настоящее время идёт работа над сводом петровских памятников и памятных мест Европы.

Большой коллектив авторов и редакторов свода «Петровские памятники России» надеется, что в обозримое время их труд будет издан и размещён на сайте Института Петра Великого. Он, без сомнения, станет полезным подспорьем в деле изучения и популяризации петровского наследия в разных уголках Российской Федерации и будет способствовать сохранению петровских памятников на её территории.

А.Д. Марголис
(Санкт-Петербург)

Петербургские дворцы и особняки Романовых

В течение трёх веков в Москве и Петербурге, а также в различных частях Московского царства и Российской империи были специально построены или приобретены для членов августейшей семьи¹ свыше сотни различных дворцов и особняков.

Больше половины из них (свыше 60-ти) находились в Петербурге и окрестностях столицы империи (см. Приложение). Для возведения и украшения этих палатцо Северной Венеции приглашали лучших иностранных и отечественных мастеров барокко, классицизма, эклектики, модерна и неоклассицизма. Среди них архитекторы Доминико Трезини, Жан Батист Леблон, Андреас Шлютер, Никколо Микетти, Иоганн Фридрих Браунштейн, Георг Иоганн Маттарнови, Михаил Земцов, Пётр Еропкин, Григорий Дмитриев, Алексей Квасов, Франческо Растрелли, Антонио Ринальди, Юрий Фельтен, Иван Старов, Чарльз Камерон, Джакомо Кваренги, Винченцо Бренна, Карло Росси, Андрей Воронихин, Луиджи Руска, Василий Стасов, Адам Менелас, Александр Брюллов, Андрей Штакеншнейдер, Гаральд Боссе, Христиан Мейер, Роман Кузьмин, Александр Резанов, Ипполит Монигетти, Карл Рахау, Антоний Томишко, Роман Мельцер, Александр

---

¹ В течение 120 лет, от выхода в 1797 году «Учреждения об Императорской фамилии» до революции 1917 года членами царской семьи (кроме императоров и императриц) были 31 великий князь, 43 великие княгини и великие княжны, 27 князей, княжон и княгинь императорской крови. Дворцы предоставлялись детям и внукам императора по достижении ими совершеннолетия. Старший сын, наследник престола, имел резиденцию в одном из императорских дворцов.

Хренов, Карл Шмидт; ваятели Николая Пино, Бартоломео Растрелли, Иоганн Франц Дункер, Федот Шубин, Михаил Козловский, Агостино Трискорни, Иван Мартос, Василий Демут-Малиновский, Степан Пименов, Александр Терепенёв, Давид Иенсен и другие.

Речь идёт о ценнейшем комплексе памятников истории и культуры, абсолютное большинство которых числится в наши дни под охраной государства². Не будет преувеличением сказать, что дворцы Романовых во многом определяют облик Петербурга как одного из красивейших городов мира. Значение резиденций членов царской семьи в общей эволюции зодчества усиливается тем, что они играли роль своего рода эталонов, способствовали распространению новых художественных идей и приёмов.

Домик Петра I, срубленный за три дня в мае 1703 года из сосновых брёвен — самый ранний и самый скромный из петербургских дворцов³. От него разительно отличается Зимний дворец — главная официальная императорская резиденция, нынешний внешний облик которой в основном сложился к 1762 году⁴. Здесь было более тысячи покоев, а общая протяжённость фасадов по периметру составляет почти два километра.

Наряду с Зимним дворцом, гениальный мастер русского барокко Франческо Растрелли перестроил для императрицы Елизаветы Петровны загородные резиденции в Царском Селе и Петергофе, придав им неслыханные роскошь и блеск. Современников поражали масштабы и великолепие царских жилищ. Удивляли не только апартаменты весёлой императрицы, но и грандиозные церемонии и празднества, которые устраивались в них⁵. Отметим, что пригородные резиденции составляли почти половину дворцов Романовых в Петербурге и окрестностях.

На дороге между Петербургом и Москвой было построено 25 путевых дворцов, в среднем через 20–30 вёрст. До наших дней дошёл в перестроенном виде Чесменский императорский путевой дворец. Эта романтическая резиденция в ложногоготическом стиле построена в середине 1770-х годов по проекту Юрия Фельтена⁶.

---

² Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга состоящие под государственной охраной: Справочник. СПб., 2003.

³ *Зязева Л.К.* Домик Петра I: Путеводитель по музею. Л., 1983.

⁴ Зимний дворец: Очерки жизни императорской резиденции. В 3 т. СПб., 2000.

⁵ *Писаренко К.А.* Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003.

⁶ *Кориунова М.Ф.* Юрий Фельтен // Зодчие Санкт-Петербурга, XVIII век. СПб., 1997. С. 498–505; *Баторевич Н.И.* Чесменский дворец. СПб., 1997.

В царствование Екатерины II, которая предпочитала чувственной пышности барокко строгость и рациональность классицизма, Петербург украсился такими шедеврами этого стиля, как Мраморный и Таврический дворцы⁷. Хотя строились они для фаворитов императрицы — Григория Орлова и Григория Потёмкина соответственно — с течением времени Екатерина выкупила их в казну. Таврический дворец стал любимой осенней резиденцией императрицы в последние годы жизни, а Мраморный был пожалован ею вел. кн. Константину Павловичу. Здесь уместно отметить, что свыше 20% от общего количества дворцов Романовых были приобретены для императорской семьи у других владельцев.

Короткая эпоха Павла I дала Петербургу романтический Михайловский замок, где император был убит заговорщиками в ночь с 11 на 12 марта 1801 года⁸. В дворцовый комплекс, который занимает особое место в истории русского зодчества, входили конюшни, манеж и павильоны, размещённые вдоль аллеи, проложенной от Невского проспекта. На площади перед южным фасадом установили монумент Петру Великому работы Бартоломео Растрелли. Эта гигантская архитектурная декорация ассоциировалась у Павла Петровича с воспоминаниями о любимом им замке Шантийи, памятнике французского ренессанса.

Особой торжественности и монументальной мощи зодчество Северной Пальмиры достигло при Александре I. Одна из лучших ампирных построек — Михайловский дворец, сооружённый Карло Росси для вел. кн. Михаила Павловича. К сожалению, из восхищавших своим великолепием интерьеров великокняжеского дворца уцелели только вестибюль с парадной лестницей и Белоколонный зал⁹. Гораздо лучше представлено изысканное убранство Елагина дворца, перестроенного и заново отделанного Карло Росси для вдовы Павла I императрицы Марии Фёдоровны на одном из Невских островов¹⁰.

При Николае I архитекторы зарождавшейся эклектики свободно заимствовали формы древнегреческих и древнеримских построек, готических замков, ренессансных палаццо и версальских дворцов. Даже на одном фасаде нередко соединялись произвольно воспроизведённые элементы разных стилей прошлого. Наиболее востребо-

⁷ *Марголис А.Д.* Дворцы Санкт-Петербурга. 3-е изд. М., 2010. С. 7.

⁸ Михайловский замок: Страницы биографии памятника в документах и литературе. М., 2003.

⁹ *Тарановская М.З.* Карл Росси. Л., 1978. С. 95–128.

¹⁰ Елагин остров: Императорский дворец: История и архитектура / Сост. Б.Е. Шмидт. СПб., 1999.

ванный Романовыми в середине XIX века архитектор Андрей Штакеншнейдер строит на Исаакиевской площади Мариинский дворец — резиденцию дочери Николая I, вел. кн. Марии Николаевны. Оставаясь в русле классицизма, зодчий внёс в убранство дворца элементы, характерные для итальянского и французского возрождения. Ещё более откровенно мотивы итальянской архитектуры XVI века Штакеншнейдер использовал при строительстве великокняжеского Николаевского дворца на Благовещенской площади (ныне пл. Труда)¹¹.

Во второй половине XIX века монументальные дворцы-усадьбы постепенно сменяются зданиями, которые приобрели «дворцовый» облик только благодаря богатству декора. Одна из характерных построек той эпохи — дворец сына Александра II — вел. кн. Владимира Александровича¹². Здание стоит в сомкнутом ряду жилых домов по Дворцовой набережной, а общая система застройки участка Владимирского дворца схожа с многоквартирными доходными домами.

Начало XX века стало временем заката дворцового строительства. В формах модерна архитектор Роман Мельцер перестроил в 1910–1913 годах дворец для брата Николая II, вел. кн. Михаила Александровича¹³. Его довольно сдержанный фасад почти не выделяется из фронта застройки Английской набережной. Любопытно, что первой постройкой в стиле модерн в России считается дача вел. кн. Бориса Владимировича в Отдельном парке Царского Села, которая датируется 1896–1897 годами¹⁴. Накануне Первой мировой войны на краю Троицкой площади, рядом с Домиком Петра I, был возведён дворец вел. кн. Николая Николаевича (Младшего). Здание, построенное по проекту Александра Хренова в стиле неоклассицизма, сразу стало архитектурной доминантой западной части Петровской набережной. Таким образом, несмотря на очевидное сокращение масштабов дворцового строительства, оно продолжало играть заметную роль в эволюции петербургского зодчества рубежа веков.

Ещё до революции радикально изменился характер использования многих романовских дворцов. К Февралю 1917 года почти треть из них уже не принадлежала императорской семье. В «первоначальном дворце» (Домик Петра I) ещё в середине XVIII века была устро-

¹¹ Пунин А.Л. Архитектура Петербурга середины XIX века. Л., 1990.

¹² Корнева Г.Н., Петрицкий В.А., Чебоксарова Т.Н. Санкт-Петербургский дворец великого князя Владимира Александровича (Дом учёных РАН): Путеводитель. СПб., 2001.

¹³ Соловьёва Т.А. Английская набережная. СПб., 2004. С. 228–235.

¹⁴ Кириков Б.М. Архитектура петербургского модерна: Особняки и доходные дома. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2006. С. 15–25; Марголис А.Д. Царскосельский коттедж: Дача великого князя Бориса Владимировича. СПб., 2009.

ена часовня Христа Спасителя¹⁵, тогда же «дворец Петра II» передан Шляхетскому Сухопутному корпусу, а в 1867 году — Императорскому историко-филологическому институту¹⁶. Дворец Петра I в Стрельне стал госпиталем, Чесменский дворец — богадельней. В Михайловском замке с 1823 года находилось Главное инженерное училище, в Николаевском дворце с конца XIX века — Ксениинский женский институт. В Таврическом дворце с 1906 года размещалась Государственная дума, а в Мариинском дворце заседали Государственный совет и Комитет министров Российской империи. В Среднерогатском путевом дворце был устроен трактир, а затем — фабрика типографской краски и чернил. Частным владельцам проданы Малый Мраморный, Алексеевский, Мало-Михайловский и Сергиевский великокняжеские дворцы. Важно отметить, что некоторые дворцы по инициативе Романовых были превращены в мемориальные и художественные музеи. Своеобразный мемориальный Музей Петра I устроен в петергофском дворце Марли уже в середине XVIII века. Крупнейшим хранилищем произведений отечественного изобразительного искусства стал Русский музей Александра III, разместившийся в конце 1890-х годов в Михайловском дворце.

Минувшее столетие оказалось нелёгким временем для Петербурга и его культурного наследия. После революции дворцы и особняки Романовых подвергались разграблению, многие из них были заняты различными советскими учреждениями и утратили значительную часть своего убранства. Ещё более тяжкими оказались годы Великой Отечественной войны. В результате артиллерийских обстрелов и бомбардировок серьёзные повреждения получили Зимний дворец и здания Эрмитажа, Михайловский, Владимирский и Таврический дворцы, Михайловский замок, сгорел Елагин дворец. Превращены в обуглившиеся руины Павловский дворец, Екатерининский дворец в Царском Селе, Большой и Английский дворцы в Петергофе.

Сразу после освобождения города от вражеской блокады началась растянувшаяся на десятилетия кропотливая работа по воссозданию разрушенных дворцовых ансамблей, изумившая весь мир¹⁷. Памятники, казавшиеся безвозвратно погибшими в огне войны, вернула

---

¹⁵ Антонов В.В., Кобак А.В. Святые Санкт-Петербурга: Энциклопедия христианских храмов. СПб., 2010. С. 71–72.

¹⁶ Ендольцев Ю.А. «Дворец Петра II» (Университетская наб., 11): События и люди. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2002.

¹⁷ Восстановление памятников архитектуры Ленинграда. 2-е изд. Л., 1989; Кормильцева О.М. Послевоенное восстановление памятников Ленинграда // Охрана памятников Санкт-Петербурга. СПб., 2008. С. 89–119.

к жизни самоотверженная деятельность ленинградских реставраторов, среди которых И.Н. Бенуа, А.Э. Гессен, Е.В. Казанская, И.Г. Капцюг, А.А. Кедринский, Ф.Ф. Олейник, М.М. Плотников, С.В. Попова-Гунич, В.М. Савков, Н.М. Устольская и многие другие. Они с полным правом могут считаться соавторами великих мастеров прошлого.

В наши дни более трети сохранившихся романовских дворцов в Петербурге и окрестностях являются популярными музеями¹⁸.

В заключение следует напомнить о памятниках, до сих пор находящихся под угрозой. Это, прежде всего, Ропшинский дворец, расположенный на территории Ломоносовского района Ленинградской области. Знаменит как место убийства Петра III в 1762 году. Был отреставрирован во второй половине 1980-х годов. Серьёзно пострадал от пожара в 1990 году, но реставрационные работы всё ещё не начались¹⁹. До сих пор не восстановлен царкосельский Баболовский дворец, построенный в «готическом вкусе» по проекту архитектора И.В. Неелова в 1783–1785 годах и повреждённый во время войны. В 2001 году включён в перечень выявленных объектов культурного наследия дворец Александра I в Красном Селе. Он был возведён в 1820 году и частично перестроен в начале XX века. Повреждён в период блокады Ленинграда, восстановительные работы так и не начались. С Нижней дачей Николая II в Петергофе связано немало исторических событий начала XX века. Во время войны дворец был повреждён, а в 1961 году разрушен.

Определённый оптимизм внушает тот факт, что Ропшинский дворец и руины Нижней дачи входят сейчас в состав Музея-заповедника «Петергоф», а Баболовский дворец вместе с парком может быть передан Музею-заповеднику «Царское Село» для последующей реставрации и музеефикации.

---

¹⁸ *Марголис А.Д.* Музеи Петербурга и области: Справочник-путеводитель. СПб., 2009.

¹⁹ *Мильчик М.И.* Ропшинский дворец — забытый памятник архитектуры XVIII в. // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. III. СПб., 1997. С. 305–323.

Т.Ю. Токарева
(Сергиев Посад)

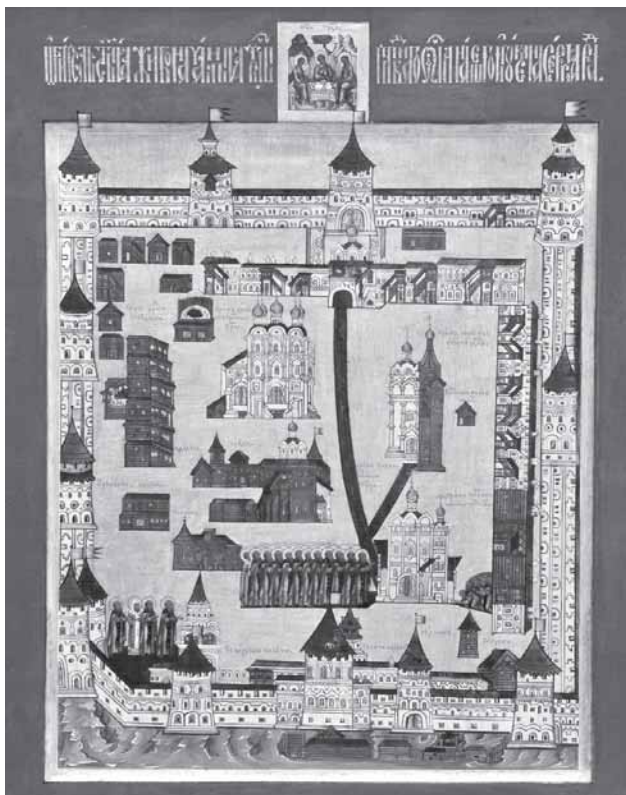
Царские чертоги Троице-Сергиева монастыря: новые данные по истории дворца в конце XVII – начале XVIII века

Первое упоминание о строительстве в Троице особых царских палат относится к 1558 году. К 1621 году дворец был срублен заново, а рядом с ним тогда же была поставлена церковь во имя Михаила Малеина, патрона государя¹. В Описи Троицкого монастыря 1641 года значатся уже два дворца, один для царя, а другой для царицы, с указанием на назначение: *«к...их государеву приезду в монастырь»*. Время появления самостоятельных хором для царицы и малолетних царевичей неизвестно. Дворец царя стоял на месте прежнего, на северной стороне монастырской площади, а хоромы царицы и царевича располагались на южной, около Троицкого храма². Облик деревянных дворцов условно показан на иконе середины XVII века. Царский дворец состоял из шести двухэтажных секций, поднятых на

---

¹ Голубинский Е.Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Жизнеописание Преподобного Сергия и путеводитель по Лавре. Изд. 2-ое. М. 1909. С. 228–230.

² Опись Троице-Сергиева монастыря 1641 г. СПМЗ. Инв. 189-рук. Л. 514. *«На монастырь взшед на правой стороне против церкви Живоначальные Троицы и Пречистые Богородицы Успения хоромы Государя Царя и Великого князя Михаила Федоровича всеа Руси. На другой стороне, на монастырь взшед налево, против церкви чудотворца Никона, хоромы Государыни Царицы и Великой княгини да Государя царевича две полаты, промеж их сени каменные...»*.

1. Икона «Обитель Преподобного Сергия Радонежского» в середине XVII века (Россия, XIX век). Собрание СПМЗ. Слева, перед храмом Успения Богородицы, деревянные Царские хоромы 1621 года из шести секций, ниже которых — церковь Михаила Малеина 1621 года. Справа, перед церковью Никона Радонежского, деревянные Царицны палаты первой трети XVII века, разобранные перед строительством каменной трапезной в 1686–1692 годах

высокие подклеты, к которым вели отдельные входы. Царицны палаты включали в себя два двухэтажных корпуса, соединённых каменными сенями (*Илл. 1*).

В XVII веке посещения государями обители совершались 1–3 раза в год и отличались особой пышностью. Троицким «объездам» посвящена специальная работа И.Е. Забелина³. Во второй половине XVII века

³ Забелин И.Е. Троицкие походы русских царей. Издание императорского Общества Истории и Древностей российских. М., 1847.

2. Царские Чертоги Троице-Сергиевой лавры.
1780-е годы. Вид с юго-востока

походы были очень многолюдны. Особенно умножилась женская половина двора. В этой связи напомним, что, согласно древнерусской традиции, каждому из царских детей предоставлялось отдельное помещение, при котором находились комнаты и для ближних людей⁴. Поэтому вероятно предположить, что Царицыны палаты, упоминаемые в Описи 1641 года, уже не вмещали всех прибывавших. Требовался новый дворец, но место, на котором они прежде стояли, было отведено под строительство огромной Трапезной палаты 1686–1692. Следовательно, новые Царицыны хоромы, как нам представляется, должны были быть поставлены рядом со старым дворцом, на северной стороне площади, около церкви, о чём подробнее будет сказано ниже. Вскоре, вероятно, возникла необходимость обновить царский дворец. Во второй половине XVII века обитель переживала бурный расцвет каменного строительства. Все деревянные здания последовательно заменялись каменными, среди которых, несомненно, особое значение отводилось покоям великого государя, регулярно посещавшего монастырь.

⁴ *Иржи Давид*. Современное состояние великой России или Московии. Публикация текста А.С. Мьельникова // Вопросы истории. М., 1968. № 3. С. 92; *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1915. Ч. II. С. 47; Там же. Издание 4-ое с дополнениями. М., 1918. Ч. I. С. 72–89.

Дата создания нового каменного царского дворца — Чертогов — в источниках не называется (*Илл. 2*). Исследователи относят его возведение к концу XVII века, опираясь на самое раннее описание 1702 года⁵. Ленинградская исследовательница Л.В. Андреева датирует его периодом между 1682–1689 годами, связав строительство «со стремлением возвести памятник спасению царской семьи и отечества от мятежных стрельцов»⁶. Однако дворец не мог быть построен одновременно с Трапезной — организация строительной деятельности монастыря этого не позволяла⁷. Самая близкая, на наш взгляд, датировка Чертогов приведена Г.И. Вздорновым, но, к сожалению, без аргументации⁸. Он относит его возведение к концу 1670-х — первой половине 1680-х годов.

В пользу этого предположения говорят и сведения вновь привлекаемых документов, среди которых наибольшую ценность представляют данные Переписной книги Троице-Сергиева монастыря 1701 года⁹. Анализ её содержания позволил нам впервые рассмотреть самое раннее описание Чертогов, обратив внимание на особенности его внутреннего убранства. Кроме того, текстологические наблюдения над рукописью, сделанные автором настоящего сообщения, позволили выдвинуть ряд гипотез для подтверждения более ранней датировки дворца.

Опись 1701 года содержит описание не только сохранившихся каменных «палат» великого государя — Чертогов. В ней показан весь дворцовый ансамбль Троицы, на что прежде не обращалось внимания. Сведения Описи 1701 года по дворцу ранее не подвергались анализу, несмотря на то, что она известна уже несколько десятилетий. Это вызвано, вероятно, её замысловатой структурой. Описания комнат каменного дворца перемешаны в ней с описаниями покоев деревянных государевых хором. Писцы двигаются по этажам: в поле их внимания попадают конкретные помещения и их обста-

---

⁵ *Корнелий де Бруин*. Путешествие в Московию // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л. 1989. С. 50.

⁶ *Андреева Л.В.* Царские Чертоги Троице-Сергиевой лавры // Памятники культуры. Исследование и реставрация. Издательство Государственного Эрмитажа / Под ред. В.В. Косточкина. Вып. 4. М.; Л., 1963. С. 66–67.

⁷ *Токарева Т.Ю.* Строительство по прототипам в Троице-Сергиевом монастыре в раннюю петровскую эпоху: Уточья башня. Материалы V Международного петровского конгресса «Россия — Нидерланды: диалог культур в европейском пространстве». Санкт-Петербург. 7–9 июня 2013 года. СПб., 2014. С. 384–398.

⁸ *Вздорнов Г.И.* Архитектурный альбом Троице-Сергиевой лавры 1745–1789 гг. Рукопись. 1961. Архив СПМЗ. № НА-310. С. 83, 176–177.

⁹ *Переписная книга Троице-Сергиева монастыря 1701 г.* // РГАДА. Ф. 237 (Монастырский приказ). Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 27. Л. 383–395 об. (Далее Опись 1701 г.).

новка. Характеристика построек отсутствует, что значительно усложняет прочтение Описи.

Возьмём на себя смелость впервые рассмотреть содержащиеся в ней сведения по дворцовому комплексу.

Раздел Описи, посвящённый описанию «государевых хором», в тексте особо выделен: перед ним и после него помещено по пустому листу¹⁰. Весь дворцовый ансамбль обозначен в тексте кратким заголовком, являющимся также его скупым описанием: «*В Дому Живоначальные Троицы в Сергиеве монастыре Великого Государя Хоромы каменного и деревянного строения*».

В Описи 1701 года показаны стоявшие на одной территории к северу от соборной площади два комплекса государевых хором. Самый представительный и обширный включал в себя двухэтажные каменные Чертоги с примыкавшими к ним с севера и с северо-запада двумя двухэтажными деревянными корпусами государевых хором. Они были соединены с Чертогами двухъярусными переходами. Это были парадная, жилая и служебная части дворца.

Второй комплекс хором не был связан переходами с Чертогами, но находился в непосредственной близости к юго-западу от них, около церкви. Он состоял из пяти деревянных светлиц на высоких подклетах с крыльцами. Эти особенности их расположения, а также характер интерьера, как и название — *светлицы* — позволяют нам предположить, что это были хоромы для царицы, царевен и малолетних царевичей.

Описание помещений государевых хором начинается с верхнего, парадного этажа каменного дворца, после которого показаны горницы соседних корпусов деревянных хором, в которые писцы идут по переходам. Первым даётся описание корпуса к северо-востоку от Чертогов, а затем корпуса, стоявшего к северо-западу от них. Как и у каменных Чертогов, описания деревянных хором начинаются с помещений главных, верхних этажей. Только после обхода деревянных государевых хором писцы возвращаются в нижний этаж каменных Чертогов¹¹.

---

¹⁰ Характеристика источника не входит в задачу настоящей работы, однако отметим, что описания остальных жилых зданий монастыря, начиная с покоев архимандрита, помещаются следом за *Хоромами великого государя*. Тексты по жилым корпусам обители в книге также отграничены пустыми листами, то есть сгруппированы в другой «главе», что позволяет уверенно говорить об отдельной главе, посвящённой дворцовому ансамблю Троицкого монастыря.

¹¹ Эта особенность источника, по-видимому, послужила причиной затруднений исследователей в правильном прочтении рукописи в «главе», посвящённой описанию Чертогов.

Помещения всего дворцового комплекса описаны по следующей схеме. Сначала — наименование покоя с уточнением его расположения относительно соседних зданий, от которых ведётся осмотр. В названии помещений применяется особая терминология. В тексте фигурируют: палата, палатка, горница, светлица, комната, чулан, задец, нужник, сени, крыльцо, переходы. Назвав покой, писцы переходят к описанию обстановки. Формуляр описаний краткий. Сначала, если имелись, святые образа. После перечисления икон, главной ценности для людей того времени, авторы говорят о количестве и заполнении оконных проёмов, об оформлении дверей (материал, обивка), о видах печей и о мебели, обращая особое внимание на металлические приборы всех названных элементов.

Пройдёмся вслед за писцами по покоям каменных Чертогов, начиная, как и авторы текста, с парадного этажа. Всего в «верху» перечислено 12 палат и четверо сеней и столько же в нижнем. Такая планировка дворца сохранялась очень долго, что видно из описаний его апартаментов по документам и планам дворца XVIII века (*Илл. 3–4*). Описание «верха» Чертогов начинается с юго-востока, с самой просторной передней угловой палаты о 14 окнах, находившейся справа от входных сеней¹². Опись указывает ориентир на соседнее здание, которое находилось к юго-востоку от дворца, — *Приказ Посельского старца*¹³.

Деревянные хоромы с северной стороны от Чертогов были небольшими: две горницы, которые стояли на подклетах, разделённых сенями, ведущими на крыльцо: одно к переходам к каменному дворцу, другое в сторону Житного двора¹⁴. В каждой из горниц было по два красных и по одному волоковому окну. Судя по описанию обстановки корпуса, можно заключить, что это были жилые покои для царской прислуги и поваров, в пользу чего говорит и тот факт, что позднее, в 40-х годах XVIII века, здесь стояла новая каменная царская кухня.

Северо-западный корпус деревянных хором, также двухэтажный, состоял из трёх горниц, соединённых между собой сенями, а с дворцом переходами. Он был больше первого и нарядней обставлен, и по-видимому, предназначался для свиты государя. Позднее почти на этом же месте планировалось построить помещения Гостиных покоев для знатных придворных служителей.

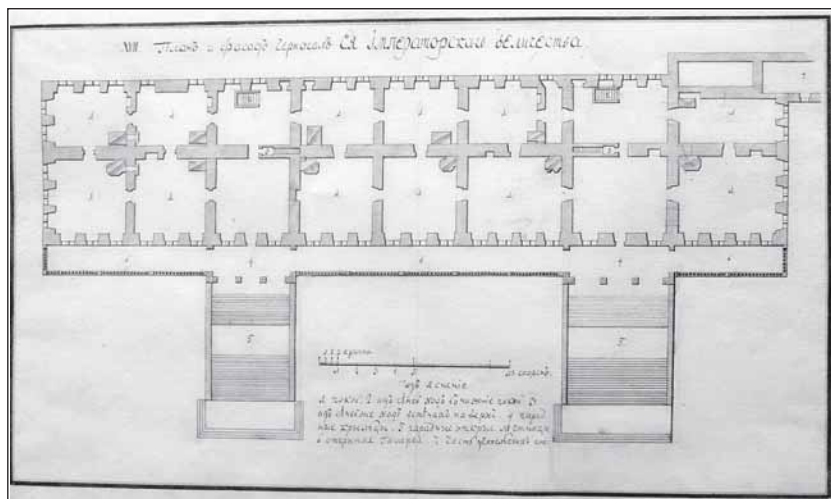
---

¹² В одной из описей Чертогов середины XVIII века это помещение называется Столовой палатой. В настоящее время здесь находится храм.

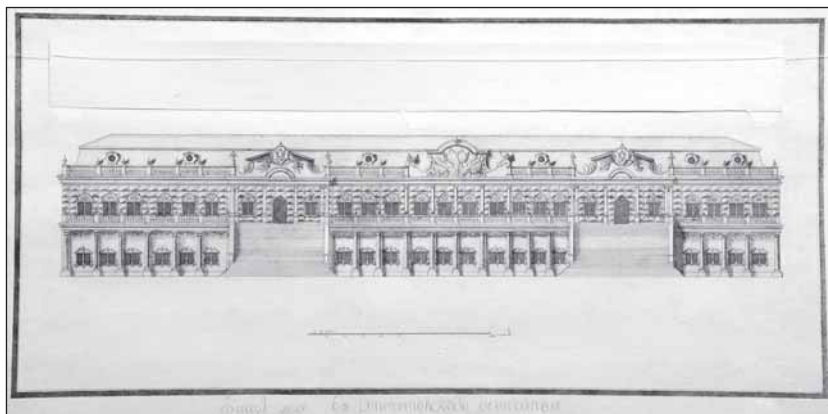
¹³ Точное расположение Посельского Приказа показано на одном из планов обители середины XVIII века.

¹⁴ Житный двор находился внутри монастыря, около угловой северо-восточной Житничной (Уточьей) башни.

3. План парадного этажа Царских Чертогов. Архитектурный альбом 1745–1789 годов Троице-Сергиевой лавры. Собрание СПМЗ. На плане отражены несохранившиеся первоначальные парадные крыльца, примыкавшие к южному фасаду и поздняя галерея, но отсутствуют перечисленные в описи 1701 каменные крыльца и деревянные переходы северного фасада

4. Фасад Царских Чертогов. Архитектурный альбом 1745–1789 годов Троице-Сергиевой лавры. Собрание СПМЗ. Наклейка 1789 поднята

После комплекса государевых хором писцы перемещаются, по нашему мнению, в Царицыны палаты. Местоположение несохранившихся хором для царицы помогают уяснить отсылки Описи на соседние здания: «У Оружейной палаты в деревянных светлицах...». Более точно определить расположение хором для царицы, царевен и малолетних царевичей пока не представляется возможным. Согласно Переписной книге 1701 года, дворцовый комплекс у Оружейной палаты представлял собой поставленные на подклеты пять обширных светлиц с просторными сенями, в которые вели отдельные входы.

Итак, дворцовые постройки — это несколько самостоятельных корпусов разного назначения. Главным был каменный дворец, Чертоги, в который со стороны соборной площади вели широкие лестничные марши с парадными крыльцами в «верх». С противоположной стороны войти во дворец можно было через верхние же крыльца, на которые попадали через деревянные переходы. Вход в нижний этаж дворца также осуществлялся с двух сторон — под лестницами дворца находилось по палатке.

Деревянные здания Лавры не сохранились. На гравюре И.А. Зубова от 17 февраля 1725 года видны лишь кровли от высоких построек, стоявших за Чертогами. На его же гравюре после 1734 года деревянных зданий в этом месте уже нет. Однако на ней, как и на первой гравюре, видно несколько зданий, уютно расположившихся между Чертогами, Успенским собором и зданием Больничных палат. Возможно, среди них показаны и бывшие Царицыны палаты (Илл. 5).

Большой интерес представляют материалы археологических раскопок территории¹⁵. На месте северо-западного корпуса деревянных хором, стоявшего за Чертогами, а также в районе предполагаемых Царицыных светлиц, в результате раскопок В.И. Вишневого найдены соответствующие Описи 1701 года элементы убранства: оконная слюда в железных рамах, лужёные крюки, кровельная черепица и разнообразные печные изразцы, а также фрагменты посуды¹⁶. Таким образом, собранному археологическому материалу находится документальное подтверждение.

Перейдём к рассмотрению особенностей рукописи, которые помогут в датировке Чертогов. Как уже говорилось, формуляр описа-

---

¹⁵ Вишневский В.И. Отчёт об археологических охранных работах на территории Свято-Троицкой Сергиевой лавры (г. Сергиев Посад Московской области) в 2000 году. Сергиев посад, 2001. Т. I. СПМЗ. Архив научной части. Инв. № 1519/1.

¹⁶ Выражаю особую благодарность старшему научному сотруднику археологического отдела СПМЗ Шербакову Виталию Владимировичу за оказанную помощь в работе.

5. И.Ф. Зубов. Троицкий монастырь. Гравюра. Не ранее 1734. Собрание СПМЗ. Фрагмент. У юго-западного угла Чертогов виден комплекс не сохранившихся двухэтажных зданий, среди которых в это время были оружейная палата и кузница, здание старой трапезной и поварни XV века. Один-два корпуса, возможно, относятся к нефункциональному к этому периоду комплексу Царицыных палат второй половины XVII века

ний комнат включал: окна, двери, металлические приборы, отмечая состояние сохранности. Не останавливаясь подробно на всех особенностях документа, отметим датирующие признаки. Благодаря указаниям на ветхость, например, слюдяных окончин нижнего этажа каменного дворца, можно утверждать, что дворец построен задолго до составления Описи. В этой связи важно обратить внимание на описание в Описи 1701 года состояния «окончин» в точно датированных, новых зданиях монастыря. Например, в Предтеченской церкви (1693–1699), были только стеклянные окна, а ветхие, разумеется, отсутствовали. Ещё раньше была построена Трапезная (1686–1692), в которой ветхих окон также нет. Однако здесь были и слюдяные и стеклянные окна, тогда как в Чертогах исключительно слюдяные, более архаичные, нарядные и дорогие. Таким образом, можно утверждать, что пришедшие к этому времени в ветхость оконные полотна Царского дворца и некоторых покоев деревянных хором, в том числе и со стеклянным заполнением, вовремя не ремонтировались. Также любопытные наблюде-

ния можно сделать, анализируя данные Описи 1701 года по печам всего монастыря¹⁷.

Обстановка покоев великого государя соответствовала древней традиции. В передних углах почти всех жилых помещений, а также в сенях перед ними висели иконы, писанные «на золоте», «на празелени» и на «вохре», перед которыми находились подсвечники. В парадных покоях Чертогов имелось по несколько образов, в жилых — по одному. Там же висели паникадила. Все иконы каменного дворца были в однотипных оловянных киотах, покрытых сусальным золотом¹⁸. Иконы не имели драгоценных окладов, что не типично для постоянно обитаемых жилых покоев монастырской братии. В этой связи отметим следующее. Во время «государева пришествия» иконы в драгоценных окладах приносились из казны, а по отъезде гостей возвращались обратно. Сведения об этом находим в Описи 1641 года: «*образы складни, что даются в Государевы Хоромы: ящик олифлян, а в нем...*»; «*да окладных же образов, даюцца в Государнины покои...*»; «*окладных же образов, даюцца о Государеве приходе в боярские кельи*» и т.д. В Описи 1701 года, среди имущества казны и ризницы, в сплошном потоке икон нам не встретились указания на конкретный комплект икон, предназначавшихся для царских хором. Всё же вероятно допустить, что и в петровскую эпоху окладные образа не находились в запертых в обычное время дворцовых покоях, как и прежде¹⁹.

Мебель дворца в петровскую эпоху была старорусская, традиционная. Вдоль стен, как в парадных покоях каменного дворца, так и в

---

¹⁷ Перечислим по степени значимости варианты наименований печей в зданиях ТСМ: кирпичная, муравленая, изразчатая муравленная, ценинная, изразчатая ценинная. Отметим, что считающаяся первоначальной изразцовая печь, находящаяся в церкви Рождества Иоанна Предтечи, на самой деле к концу XVII в. не относится — в Описи 1701 года упоминание о ней отсутствует.

¹⁸ Оловянные золочёные киоты по слюде, по-видимому, относятся к периоду правления царя Фёдора Алексеевича, и, очевидно, сделаны специально для нового дворца. К сожалению, почти вся первоначальная обстановка Чертогов утрачена, в том числе оловянные киоты, за исключением отдельных образов. О том, что киоты были со слюдой, свидетельствуют описания из более поздней Описи, чем книга 1701 г.: «*Киот по слюде обложен оловом с резьбою*» // РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ед. хр. 279. Л. 25–40.

¹⁹ В середине XVIII в. ситуация изменится. Окладные образа и другие ценные предметы дворца находились на попечении лаврской братии вплоть до секуляризации, после чего дворец недолго простоял опечатанным экономическим казначеем. В это время Лавра (после 1764) не хотела брать на себя заботу о дворце из-за введения штатов и стремилась сократить средства на содержание сторожей, выделяемые из казны монастыря, из-за чего дворец стал быстро ветшать. // РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ед. хр. 279. Л. 1–24.

остальных хоромах стояли скамьи: «*вкруг полат лавки*». Во всех палатах, кроме сеней, находились дубовые, сосновые и липовые столы: по одному-два в каждом парадном покое, все «*монастырского дела*», в стенах были встроенные шкафы. Чертоги были сплошь застелены цветными коврами и войлоками²⁰.

Таким образом, петровские преобразования не коснулись убранства дворца: и в начале XVIII века «*неизменность потребностей и общего уклада жизни и быта*» (И.Е. Забелин) русских государей сохранялась в обители в неприкосновенности. Новшества придворной жизни ещё не коснулись Троицкого царского дворца.

Введённые в научный оборот данные документально подтверждают обращавшую на себя внимание очевидцев поразительную скромность внутреннего убранства дворца. О несоответствии интерьера дворца его обстановке писал Де Бруин: «*Палаты его царского величества, великолепные и царские снаружи <...> имеют несколько ярусов, но внутренность их не соответствует наружной красоте*». Отказ от старомосковских обычаев в Троице сильно затянулся. В 1722 году камер-юнкеру Фридриху Берхгольцу вместе с остальными членами свиты герцога Карла-Фридриха Голштейн-Готторпского, жениха дочери Петра — Анны, пришлось ночевать в Чертогах на «голых скамьях», о чём он в своём дневнике упоминает с особым неудовольствием²¹.

Подводя итоги, отметим, что в конце XVII — начале XVIII века дворцовый комплекс Троицы представлял собой единый ансамбль из нескольких сооружений, объединённых общим назначением, среди которых самым представительным был новый каменный дворец для государя — Чертоги. Дворец не был, как принято считать до сих пор, самостоятельным новым зданием, поставленным «единым блоком под одну крышу». Автору настоящего исследования удалось также выдвинуть ряд гипотез о назначении светлиц и деревянных хором государя, соединённых с Чертогами переходами. Однако история дворца в петровскую эпоху ещё далека от завершения — за рамками данного сообщения остались многие вопросы его прошлого.

---

²⁰ Подробное описание изменений, происходивших в обстановке Чертогов в середине второй половины XVIII в., не входит в тему настоящего исследования.

²¹ Мебель европейского типа, картины, изразцовые расписные печи «немецкой работы», паркет и другие новшества появятся во дворце после смерти царя Петра.

Текст Описи 1701 года²²

/л. 383 «В Дому Живоначальные Троицы в Сергиеве монастыре Великого Государя Хоромы каменного и деревянного строения.

Полата, что от приказу посельского службы, а в ней Божия милосердия: Деисус на празелени в киоте, киот резной по олову, золочен сусальным золотом; Образ Видения Великого Чудотворца Сергия, писан на празелени. В той же полате два стола липовых монастырского дела под олифою, да в стене два шкапа, а в них затворы столярного дела на железных петлях, у тех же затворов две закладочки железные на пробоях. В той же палате 14 окошек, а в них 14 окончин слюдных на железных крючках. В той же полате дверь на железных луженых крючках, у ней же две скобы, да задвижечка, да крючик железные ж луженые.

Да из той полаты в другую заднюю палату дверь же на железных луженых крючках, с лица обе обиты светло-зелёным сукном, у той же двери две скобы, да зад/л. 383 об. вижечка луженые. А в полате: Образ Видение великого чудотворца Сергия, писан на золоте; два стола, один сосновый, другой липовый под олифою. В той же полате 4 окошка, а в них 4 окончины слюдных на железных крючках. В тех же полатах две печи ценинные, а у них два заслона железные, у тех же печей затворы обиты белою полстью. Из той задней палаты дверь в сени на железных же луженых крючках, с лица обита светло-зелёным же сукном, у ней же две скобы, да чепь с пробоем.

Перед теми полатами двои сени, одни к переднему, другие к заднему крыльцу.

А в передних сенях Божия милосердия: Деисус, писан на празелени, в киоте, киот резной /л. 384 по олову, золочен сусальным золотом, вверху того киота вылиты ангелы. А в сенях 4 окна, а в них 4 окончины слюдных на железных крючках.

Из тех же сеней на переднее крыльцо дверь на железных луженых на трех крючках, с лица обита светло-зелёным сукном, у той же двери две скобы да закладка с пробоем луженые.

Из задних сеней в передние сени дверь на железных луженых крючках, с лица обита светло-зелёным сукном, у той же двери две

²² Описание 1701 г. // РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 27. Л. 383–395 об. Публикация части текста Описи 1701 года выполнена с сохранением орфографии подлинника (за исключением чисел) с незначительными, не искажающими смысла сокращениями, отмеченными в тексте. Текст снабжён комментариями автора в круглых скобках.

скобы, да закладка луженые, а в задних сенях 4 окошка, а в них окончин нет.

А из тех сеней дверь на заднее крыльцо к деревянным хоромам на железных луженых крючках, с лица обита белою полстью, у той же двери две скобы луженые, закладка с пробоем, да задвижечка железные.

/л. 384 об. Против передних сеней три полаты, а в них Божия милосердия:

В передней полате: Деисус писан на празелени в киоте, киот резной по олову, золочен сусальным золотом; Образ Видение великого чудотворца Сергия, писан на золоте. Среди полаты паникадило медное о двенадцати перах, а на перах у подсвешников поддон, на нем вверху двоеглавной орлик. В той же полате два стола липовых. В восьми окнах 8 окончин слюдных на железных крючках. В стене сделан шкапчик, у него затворы столярного дела на железных луженых крючках, с лица обиты светло-зелёным сукном, у тех же дверей по две скобы, да по крючку луженые. В той же полате печь ценинная, у ней заслон железной.

/л. 385 Против той полаты другая средняя полата, а в ней Божия милосердия: Деисус писан на празелени в киоте, киот резной по олову, золочен сусальным золотом. Перед тем Деисусом три подсвешника железных прорезные, луженые; Образ Видение Великого чудотворца Сергия, писан на вохре. В той же полате два стола липовых, 6 окошек, а в них 6 окончин слюдных на железных луженых крючках. У той же полаты двой двери, одни из передней, а другие из задней полаты, на железных луженых крючках, с лица обиты светло-зелёным сукном, у тех же дверей по две скобы, да задвижечка, да крючки луженые. В той же полате печь ценинная, у ней заслон железной, у той же печи затвор обит белою полстью.

/л. 385 об. В третьей полате Божия милосердия: Деисус, писан на празелени в киоте, киот резной по олову, золочен сусальным золотом. У того Деисуса три подсвешника железные прорезные луженые. В той же полате в стенах сделаны два шкапа, у них затворы столярного дела на железных крючках, у них закладочки луженые, 6 окошек, а в них 6 окончин слюдных на железных крючках. У той же полаты две двери на железных луженых крючках, с лица обои обиты светло-зелёным сукном. У тех же дверей по две скобы, да по крючку, задвижечка луженые. В той же полате печь ценинная, у ней заслон железной, у той же печи затвор обит белой полстью.

Возле тех полат три полаты, а в них Божия милосердия по Образу Видения великого чудотворца Сергия, /л. 386 писаны на золоте. А в тех полатах 12 окошек, а в них 12 окончин слюдных на железных крючках, две печи ценинные, а в них два заслона железные, у тех же печей затворы обиты белою полстью.

В те ж полаты из сеней 4 двери на железных луженых крючках, с лица те двери обиты светло-зеленым сукном, у тех же дверей по две скобы луженых, да по задвижечке скобками, да чепь на пробое.

А из тех полат на переходы дверь на железных луженых крючках, с лица обита светло-зеленым сукном, у той же двери 2 скобы да чепь на пробое луженые.

Из задней полаты дверь к мыльне на железных же луженых крючках, с лица обита светло-зеленым сукном, у той же двери две скобы, да крюк луженые, а у мыльни дверь /л. 386 об. на железных луженых крючках, а у ней же две скобы. А в мыльне в красных двух окнах 2 окончины слюдных на железных петлях. Да у печи и у труб(ы) три заслона железных.

Полаты, что от ружейные полаты, а в них Божия милосердия:

В передней полате Деисус писан на празелени в киоте, киот резной по олову, золочен сусальным золотом. Перед тем Деисусом три подсвешника железные прорезные луженые; Образ Видение великого чудотворца Сергия, писан на золоте. В той же полате стол дубовой под олифою, да 6 окошек, а в них 6 окончин слюдных на железных крючках. В тое ж полате двои двери, одни из сеней, а другие из задней полаты, что от деревянных хором, с лица обои обиты светло-зелёным сукном на железных луженых крючках, у тех дверей по две скобы луженых, задвижечка, да по крючку.

/л. 387 В другой полате Деисус, писан на празелени, в киоте, киот резной по олову, золочен сусальным золотом. Перед тем Деисусом три подсвешника железные, прорезные, полуженые; два Образа Видения великого чудотворца Сергия, писаны на золоте. В той же полате паликадило <...> о шести перах, стол липовой. В той же полате 12 окошек, а в них 12 окончин слюдных на железных луженых крючках. У той же полаты две двери на железных луженых крючках, с лица обиты светло-зеленым сукном, у тех же дверей по две скобы, да задвижечка, крючки луженые.

Возле тех двух полат две ж полаты, а в палатах Божия милосердия:

В передней полате, что от сеней, Образ Видения великого чудотворца Сергия, писан на золоте. В той же полате 4 окошка, а в них 4 окончины /л. 387 об. слюдных. В тое ж полаты дверь на железных луженых крючках, с лица обито светло-зеленым сукном, у той же двери две скобы, да крючик железные. Из тое полаты другая дверь на переходы к деревянным хоромам на железных крючках, у той же двери две скобы, закладка, задвижечка луженые.

В другой полате, что к Каличьим воротам Божия милосердия: Образ Отечество, образ Пречистые Богородицы с приписными святыми, образ Иоанна Предтечи с приписными святыми, писаны на красках, все те образы в одном киоте, киот писан на красках же; Образ Видение великого чудотворца Сергия, писан на золоте. И в той же

полате 10 окошек, а в них 10 окончин слюдных на железных крючках. У той же полаты дверь на железных луженых крючках, с лица обита светло-зеленым сукном. /л. 388 У той же двери две скобы, задвижечка, чепь с пробоем луженые. В тех же во всех четырех полатах ценинные 4 печи, а у них 4 заслона железные, у тех же печей 4 затвора обиты белою полстью.

Перед теми ж полатами двои сени, а в передних сенях Божия милосердия: Образ Господа Саваофа, Знамение Богородицы на одной цке; Образ Иоанна Предтечи со апостолы на пятнадцати цках, писаны на красках. Все те образы в одном киоте, киот резной по олову, золочен сусальным золотом. Перед тем киотом подсвечник железный луженый. А из тех сеней на переднее крыльцо дверь на железных луженых крючках, с лица обита светло-зеленым сукном, у той же двери две скобы да закладка с пробоем луженые. Другая дверь из задних сеней в передние сени на железных луженых крючках, с лица обита светло-зеленым сукном. /л. 388 об. Из задних сеней вход на своды, а у него дверь на железных крючках, две скобы, да закладка железные <...> Из тех же сеней дверь на заднее крыльцо к деревянным хоромам на железных луженых крючках.

Да во всех тех полатах 13 скамей. У тех же полат в нужные покои пятеры двери на железных крючках, у них 10 скоб, 5 крючков <...>. Все те двери обиты с лица белою полстью.

(новый почерк)

Да в деревянных хоромаш, в передней горнице, что от Житничного двора: Образ Видения великого чудотворца Сергия, писан /л. 389 на золоте. В той же горнице стол липовой под олифою, 2 окна красных, а в них две окончины слюдных на железных крючках, у тех же окошек два затвора <...>, оконница из волокового окна слюдная же. У той же горницы дверь на железных луженых крючках, обита с лица светло-зеленым сукном, у той же двери две скобы луженые.

Против тое горницы другая горница, а в ней Образ Видения великого чудотворца Сергия, писан на золоте; стол липовой. В двух красных окнах две окончины слюдных <...>. В той же горнице окончина из волокового окна слюдная; две скамьи.

Да в обеих тех горницах /л. 389 об. по печи, одна ценинная, а другая кирпичная, два заслона железных, а от трубы задвижка железная.

В сенях Образ Видения великого чудотворца Сергия, писан на золоте.

А из тех сеней дверь на переходы к каменным палатам на железных луженых крючках, а прибиты те крюки на светло-зеленом сукне, у той же двери две скобы, задвижечка, чепь с пробоем луженые. В тех же сенях два окна, а в них одна оконница слюдная, а другая решетчатая деревянная.

А из тех сеней в задние сени дверь на железных крючках <...>, две скобы <...>, задвижка и чепь луженые.

А в задних сенях три чуланца, а у них три двери на железных крючках, у тех же дверей по чепи. У двух задцов две двери на железных крючках, у тех же /л. 390 дверей две чепи, две скобы луженые.

Из верхних сеней в исподние сени сход, а у него дверь на железных крючках, прибиты на сукне, скоба, задвижечка, чепь луженые.

А в подклеты две двери, одна на железных крюках, у дверей по скобе, а в подклетах по окну красному, у них затворы на железных крючках <...>. В задние сени из тех же сеней дверь на железных крюках <...>, скоба <...>. У задца дверь <...>. А из тех сеней дверь на дворец (имеется ввиду Житный двор. — Т.Т.) на железных крюках, а у ней скобы да чепь луженые.

В других деревянных хоробах, что Каличьих ворот:

В передней горнице образ Видения <...>, /л. 390 об. стол липовой под олифою, да в красном окне окончина слюдная <...>, в дву окнах волоковых по окончине слюдных, все помяты. В той же горнице печь изращатая ценинная, дверь <...>, с лица обита светло-зеленым сукном <...>.

В другой горнице... да в красном окне окончина слюдная <...>, в волоковых окнах две окончины <...> /л. 391 слюдных, у той же горницы дверь с лица обита светло-зеленым сукном.

А промеж тех горниц сени, а в сенях дверь на переходы <...>, в сенях же 2 окна, а в них 2 окончины слюдных <...> из сеней в задние сени 2 двери <...>, а в задних одних сенях 2 чуланца, а у них 2 двери <...>.

Третья горница к Каличьим воротам, а в ней стол липовой, в красных окнах /л. 391 об. 2 окончины слюдных <...>, в 2 окнах волоковых 2 окончины слюдных <...>, печь ценинная, у печи в сенях чуланец, у него дверь <...>, в сенях же в 3 окошках 3 решетки деревянных, два задца, а у них двери <...>.

Из задних сеней на крыльцо дверь <...>, из верхних передних сеней в выходе дверь <...>, а из сеней дверь на крыльцо <...>.

Во исподних сенях в два подклета по двери, а в подклетах 3 окна красных <...>. /л. 392 В задние сени дверь <...>. У третьего подклета дверь <...>, в подклете у красного окна затворы на железных крюках <...>.

Под вышеписанными государевыми каменными палатами исподние палаты

от приказу посельского службы: палата, а в ней Образ Видения <...>. В той же полате чулан каменной, а у него дверь железная на железных крюках, засов. Да в той же палате 9 окошек, а в них 9 окончин слюдных, печь ценинная, 2 стола липовые. Из той палаты

2 двери, одна железная, а другая деревянная на железных крюках, у деревянной двери замок глездун.

Перед нею сени, а в сенях 4 окошка, дверь трех крюках <...>.

/л. 392 об. В другой палате 8 окошек, а в них 6 окончин слюдных ветхие, печь ценинная.

В третьей палате образ Видения <...> на празелени, 6 окошек <...> 6 окончин слюдных, ветхи, печь ценинная.

В четвертой палате 6 окошек, а в них 3 окончины слюдные ветхие.

Да по сторон тех палат 4 палаты, в них во всех двери <...>, в том числе в одной палате печь ценинная.

От Каличьих ворот палата, а в ней образ Видения <...>, стол липовой, /л. 393 10 окошек, а в них 10 окончин слюдных ветхи, в ней же чулан деревянной, печь ценинная, двои двери <...>.

Другая палата, а в ней 6 окошек, а в них 6 окончин слюдных ветхи, печь ценинная. Перед нею сени, а в них две двери <...>.

Да по сторон тех палат 2 палаты, а в них 2 двери, 2 печи ценинные.

Да под крыльцами под передними и под задними по полатке каменные.

У Оружейной палаты в деревянных светлицах:

В первой светлице <...> три образа Видение <...> на золоте, стол липовой, /л. 393 об. другой стол сосновой под олифою, лавки вокруг (!), в ней же 12 окошек (!), а в них 12 окончин стеклянных (!), и в том числе 4 окончины ветхи, у тех же окончин крюки и закладные крючки железные луженые. Дверь <...> у той же двери <...>, с лица обита лазоревым сукном.

Против той светлицы сени, а в сенях <...> Деисус, писан на красках в киоте, киот резной по олову золочен сусальным золотом, 2 окошка, а в них 2 окончины слюдных, двои двери на железных крюках.

А на правой стороне тех сеней светлица с комнотою, а в ней <...> два Образа Видения <...>, стол липовой, да в комноте /л. 394 два образа Видение <...> на золоте, стол липовой, а в передней светлице и в комноте по 4 окошка красных, а в них 8 окончин слюдных <...>, у светлицы и у комнаты 3 двери <...>, обиты сукном лазоревым <...>.

Подле той комноты светлица, а в ней <...> Образ Видения <...> на золоте, в той же светлице стол сосновой, две лавки, чулан, а в чуланце Образ Видения <...> писан на вохре, в ней же три окна красных, три окончины слюдные на железных крюках, <...> у ней же дверь <...>, с лица /л. 394 об. обита белою полстью, <...> у чулана дверь на железных луженых крюках, <...> прибиты на светло-зеленом сукне, у той двери <...>

Подле той светлицы светлица ж, а в ней чюланец, да <...> образ Видения <...> писан на вохре, да в той же светлице стол липовой под лифою, лавки.

В чюланце <...> Образ Видения <...> на золоте, в том же чюланце и в светлице 3 окна красных, а в них 3 окончины слюдных на железных крюках, в том числе одна помята, а у светлицы и у чюланца по двери, одна обита белою полстью <...>.

/л. 395. Светлица, что от каменных палат, а в ней <...> Образ Видения <...> на золоте, в той же светлице чюланец, а в нем <...> Образ Видения <...> на золоте. В той же светлице стол сосновой, три окна красных, а в них три окончины слюдных на железных крюках, у светлицы дверь на железных крюках, а обита белою полстью <...>, у чюлана дверь на железных крюках.

В тех вышеписанных пяти светлицах 5 печей ценинных изразчатые, 5 заслонов железные. /л. 395 об. У тех же светлиц другие сени, а в них 11 окошек красных, в том числе у шести окошек затворы на железных крюках, да в пяти окошках 5 решеток деревянных. В тех же сенях 2 задца, а у них двери <...>, у тех же дверей по две скобы <...>. Из тех сеней на задние крыльца две двери <...>. В тех же сенях дверь на железных крюках.

Да по сторон тех светлиц две избы, промеж теми избушками сени, а в них <...> два образа Видения <...>, да в тех же избах 4 окна красных, а в них 4 окончины стеклянных. /л. 396 — пустой».

Н.В. Холодкова
(Сергиев Посад)

К вопросу об изменении облика Царских Чертогов Троице-Сергиевой лавы в XVII – начале XXI века

Царские Чертоги Троице-Сергиевой лавры (*Илл. 1*) на протяжении своего существования неоднократно меняли внешний облик. В статье рассмотрен вопрос об изменении облика строения с первой трети XVIII века по начало XXI века на основании как уже известных материалов, так и вновь выявленных.

Первое дошедшее до наших дней изображение этого памятника — гравюра Ивана Зубова, которая датируется 1730-ми годами. На ней Чертоги предстают двухэтажным зданием под обычной, ничем не украшенной двускатной кровлей. Вход в нижний, непарадный этаж указан с восточной стороны (возможно, такой же был и с северного торца)¹. Южный главный фасад украшают два больших крыльца, ведущих на второй этаж здания. Над крыльцами нависают портики с конусообразным завершением на столбах.

О «висячих портиках», в которых «показались расщелины», говорится в 1749 году². То есть можно предполагать, что со времени написания гравюры И. Зубовым до середины столетия крыльца не меняли свою форму. Но за ветхостью они были разобраны и восстановлены, вероятно, уже иной конфигурации. Спустя без малого 20 лет в документах тоже говорится об обветшавших крыльцах, на деревян-

---

¹ Насколько нам известно, на существование входов в первый этаж внимания не обращалось.

² НИОР РГБ. Ф. 303. № 724.

1. Царские Чертоги. Фото начала 1980-х годов.

ных резных столбах которых упоминаются купола. Это могли быть не в прямом смысле купола, а круто изогнутая кровля «с балюстрадом и педесталами»³.

Данные сведения 1760-х годов, насколько нам известно, единственные упоминания о купольном покрытии крылец, не успевшие найти подтверждения в графическом изображении (если, конечно, перекрытия с высокими шпилями с Зубовской гравюры не считались в то время «куполами»).

На одном из проектных чертежах 1745 года из Архитектурного альбома Лавры XVIII века по центру южного фасада изображён двуглавый орёл, не отмеченный документами⁴. Трудно говорить, был ли орёл проектом или же воплощён в жизнь. Можно допустить, что над царским дворцом герб всё же существовал.

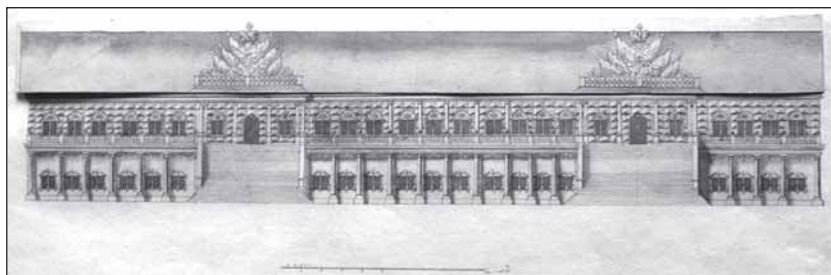
Над портиками крылец в 1775 года были устроены «арматура и короны позлащенные» с гербом⁵. Эта форма крылец зафиксирована (*Илл. 2*).

Вероятно, изначально главный фасад Чертогов украшали только крыльца. А вот на созданном в начале 1740-х годов плане между кры-

³ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 201. Л. 20, 20 об.; Д. 257-а. Л. 17; Д. 297. Л. 14.

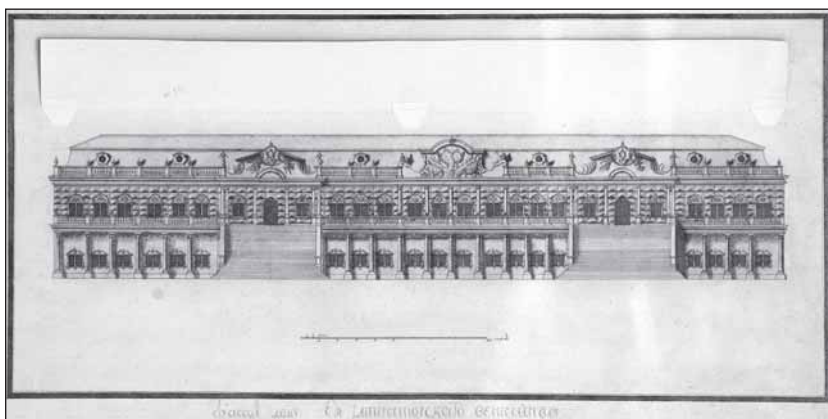
⁴ СПГИХМЗ. Инв. 5562 ИХО. Л. 5.

⁵ Пономарев П. Краткое историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы лавры. М., 1796. С. 32. (Арматура — декоративная композиция из предметов вооружения и военного снаряжения).

2. Фасад Царских Чертогов.

Чертёж из Архитектурного альбома 1745–1789 годов Троице-Сергиевой лавры. Собрание СПМЗ. Чертёж 1745, наклейка с кровлей 1789

3. Фасад Царских Чертогов.

Чертёж из Архитектурно альбома 1745–1789 годов Троице-Сергиевой лавры. Собрание СПМЗ. Чертёж 1745, наклейка 1789 поднята, на кровле – проектные скульптуры

лец показана галерея⁶. Это первое изображение здания с галереей, устройство которой поздними источникам датируется 1744 годом⁷.

Особого внимания заслуживает чертёж из архитектурного Альбома Лавры 1745–1789 гг.⁸ Он датируется 1744–1745 годами и считается проектным (Илл. 3).

На нём Чертоги предстают с галереей вдоль всего южного фасада. Отметим, что источниками утверждается, что таковой она была сооружена только в 1775–1776 годах. Если исходить из того, что чертёж

⁶ Опубликовано в кн.: Балдин В.И. Загорск. М., 1958. С. 29.

⁷ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 297. Л. 19.

⁸ СПГИХМЗ. Инв. 5562 ИХО. Л. 24.

из Альбома — проект её постройки, то трудно сказать, почему он был воплощён в жизнь лишь через 30 лет. Но на сегодняшний день не обнаружены документы, данные которых можно было бы трактовать в пользу существования галереи вдоль всего фасада в более ранний период.

Кровля, показанная на чертеже, совершенно иной формы, нежели изображённая на Зубовской гравюре. Судя по всему, она не являлась проектом и была осуществлена: в 1765 году говорится о деревянной кровле, покрытой «с переломом и по карнизам с обломом вдвоетес и по облomu с трех сторон имеются перилы»⁹, какую мы и видим на чертеже. Поскольку дата постройки фигурной кровли неизвестна, можно говорить лишь, что устроена она была после создания гравюры И. Зубовым (после 1732—1734) и к середине 1760-х была весьма ветха. В 1766—1768 годах вместо деревянной была устроена железная кровля, к разработке проекта которой имел отношение Д.В. Ухтомский.

Но что самое важное и необычное для лаврских построек: на кровле здания изображены скульптуры — две сидящие, четыре стоящие фигуры и четыре, возможно, горельефных изображения¹⁰.

Несмотря на то, что проект неоднократно публиковался, ни в одном исследовании на скульптуры не было обращено внимание. Размещение статуй на памятниках архитектуры не было явлением повсеместным, но всё же встречалось на многих, в основном, нецерковных зданиях Петербурга, реже — Москвы. Статуи, в основном изображающие античных богов и героев, для Лавры, считающейся «цитаделью православия и благочестия» (где скульптуры на храмах никоим образом не приветствовались), были прямым вызовом устоявшимся православным традициям. Так что скульптуры на лаврских памятниках (пусть даже проектные) — явление уникальное.

Насколько нам известно, нет ни одного документа, где хотя бы обсуждался вопрос о каких-либо изваяниях на монастырских сооружениях. Единственное известное на сегодняшний день упоминание о скульптурах на лаврском памятнике — это проект установки тридцати двух светских статуй на первом ярусе Колокольни, предложенный Д.В. Ухтомским, но отвергнутый монастырскими властями в 1760-х годах. Поэтому скульптуры на сооружениях обители, пред-

---

⁹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 201. Л. 2об.: «и по всей кровле теча, паче и на обломах в большой ветхости и затем починкою тесом исправить невозможно».

¹⁰ Хрунова Н.В. К вопросу о периодизации перестроек Царских Чертогов Троице-Сергиевой лавры // Труды по истории Троице-Сергиевой лавры. М.: Подкова, 1998. С. 157.

ставленные в Альбоме без малого на 20 лет ранее, вызывают особый интерес и требуют дополнительного исследования¹¹.

В 1775–1776 годах с северной стороны были разобраны два каменных нужника и два деревянных крыльца, существовавшие, видимо, не изначально, но довольно продолжительное время. Вместо них сделаны внутренние лестницы в сенях северной стороны¹².

А в 1815 году и южный фасад утратил крыльца и галерею. Это произошло в результате ревизии Московской духовной академии, переведённой в здание Чертогов годом раньше. Тогда, в бытность ректором духовной академии Санкт-Петербурга, будущий митрополит московский Филарет (Дроздов), осуществлявший её, с подачи «местного начальства» посчитал необходимой разборку двух «беспольных больших» парадных крылец Чертогов¹³. Так Чертоги оказались лишены каких-либо и первоначальных, и поздних пристроек. Были пробиты два дверных проёма в первом этаже южной стороны.

Разборка крылец повлекла за собой устройство двух внутренних деревянных лестниц (1816) на второй этаж. Соответственно, были пробиты своды в двух палатах. Одна лестница вела к «зале собраний и богослужебной», расположенной в восточной части Чертогов, другая, к «залам Правления», находившимся с западной стороны здания. К середине XIX века обе деревянные лестницы «от времени пришли в совершенную ветхость». В связи с этим в 1844 году был поднят вопрос об устройстве новых лестниц. Их сделали более широкими, и не деревянными, а чугунными. Западная лестница существует до настоящего времени. Восточная после пожара 1986 года была заменена на мраморную.

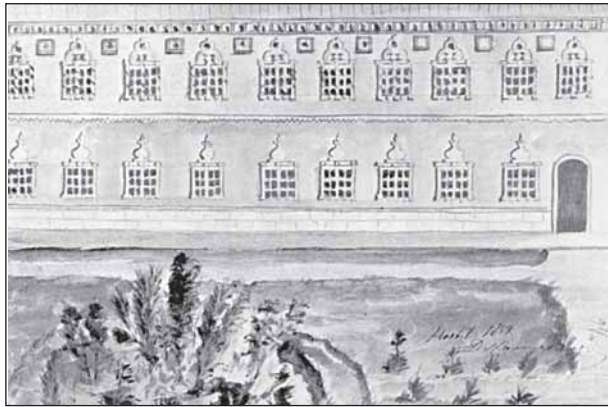
При устройстве чугунных лестниц две парадные двери «для удобнейшего освещения» передних перед ними было решено сделать не-

---

¹¹ Можно высказать предположение, что к Альбомному проекту имел отношение Д. Ухтомский, но с очень большой оговоркой. Согласно исследованию А. Михайлова, 1747 год нужно считать началом работы Д. Ухтомского над лаврской колокольней. (Михайлов А. Архитектор Д.В. Ухтомский и его школа. М. 1954. С. 136.) А Альбомный чертёж датируется 1745 г. Мы можем только предполагать, что и до того, как архитектор был официально утверждён на работы в Лавре, он мог приезжать в обитель и работать, в частности, над созданием чертёжей Альбома (над Альбомными чертежами работал не один человек, имена его создателей до сих пор неизвестны). Выполнял же он другие работы, официально работая у Троицы.

¹² РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 984. Л. 18; Д. 609. Л. 5.

¹³ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб., 1885. Т. 1. С. 245.

4. Д. Кастальский. Царские Чертоги. Рисунок. 1854

сколькo выше существовавшей высоты. Поэтому возникла необходимость в перестройке крылец-тамбуров перед этими дверями. До этого крыльца состояли «из двух кирпичных столбов с помостом из белого камня», к упоминаемому времени были уже весьма ветхи и не соответствовали общему виду здания. Считается, что существующие крыльца-тамбуры были устроены именно в тот период, т.е. в 40-х годах XIX века.

Но в 1914 году без каких-либо комментариев был опубликован рисунок Д. Кастальского, датируемый 1854 годом¹⁴, на котором изображён обычный арочный дверной проём без каких-либо тамбуров¹⁵ (Илл. 4). Исходя из этого, можно предположить, что в 1840-е годы крыльца не разобрали, а сделали это к середине 1850-х, или до этого времени входы были без крылец. Так или иначе, но именно в 1850-х годах — возможно, какой-то промежуточный этап — тамбуры отсутствовали. Так что вопрос устройства тамбуров требует дополнительных исследований.

Неизвестно, как выглядела непарадная северная сторона Чертогов изначально. Можно лишь говорить о том, что изразцового убранства на ней не было¹⁶.

Нет упоминаний и о том, была ли как-либо расписана северная сторона здания по завершении строительства. Есть только общие

¹⁴ На этот рисунок внимание обращено впервые.

¹⁵ Из «семейных записок» протоиерея Дмитрия Ивановича Кастальского: Академия в 1840—1844 гг. // У Троицы в Академии 1814—1914: юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. Ил. между с. 80 и 81.

¹⁶ Андреева Л.В. Царские Чертоги Троице-Сергиевой лавры // Памятники культуры: исследования и реставрация. М.; Л., 1963. Вып. 4. С. 72.

сведения о росписи Чертогов «в шахмат» без указания сторон. Скорее всего, на стороне, обращённой не в центр монастыря, роспись отсутствовала, так как в 1776 году упоминается, что северная сторона была «рописана на подобие шахмата и приведена в надлежащий фасад»¹⁷. Это единственное свидетельство, что на каком-то этапе, вероятнее всего, очень непродолжительном, непарадная северная сторона была расписана, так же как и главный южный фасад. Непродолжительном потому, что приведённые сведения относятся к 1781 году и были опубликованы в следующем году, а в переиздании этого же материала в 1796 году эти данные отсутствуют¹⁸.

Можно предположить, что за прошедшие годы роспись «в шахмат» обветшала и её не стали восстанавливать. Или же в переиздании ограничились фразой о росписи «разными красками наподобие шахмата», имея в виду весь объём здания, не отмечая отдельно роспись северного фасада, как уже давно существующую.

В начале XX века А.А. Потапов опубликовал рисунок, сделанный с фотографии 1893 года, на котором все окна с северной стороны здания имеют наличники, по форме аналогичные наличникам первого этажа других фасадов¹⁹. В настоящее время у окон на северном фасаде какие-либо украшения отсутствуют и нет данных о каких-либо переделках в советское время. Таким образом, северный фасад утратил наличники, вероятно, в первой четверти XX века.

В 1820 году стены Чертогов были оштукатурены и окрашены светло-жёлтой краской²⁰. В начале XX века они имели серый цвет.

Общеизвестно, что в 1740-х годах два западных торцевых помещения (императорские столовая и спальня) были украшены лепными медальонами с различными сюжетами. Между тем, в 1746 году говорится об «убрании штукатурною работою» не только этих помещений, но и восточного торца здания: «да в дву покоях науголных, что от житенного двора убрать штукатурною // ... а ... в средних во всех покоях штукатурным же гладким мастерством исправлять»²¹. Так что,

---

¹⁷ На роспись северного фасада в этот год обращала внимание Л. Андреева.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 984. Л. 18; *Пономарев П.* Краткое историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы лавры с приложением знатных происшествий, случившихся во оной. СПб., 1782. С. 30; *Он же.* Краткое историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы лавры с приложением знатных происшествий, случившихся в оной. М., 1796. С. 32–33.

¹⁹ *Потапов А.А.* Очерк древней русской гражданской архитектуры // Древности. Т. XX. М., 1904. Рис. 144. На это обращала внимание Л. Андреева: *Андреева Л.В.* Указ. соч. С. 72.

²⁰ *Смирнов С.* История Московской Духовной академии до ея преобразования (1814–1879). М., 1879. С. 312.

²¹ НИОР РГБ. Ф. 303. № 769. Л. 56–56 об.

возможно, и западные комнаты до перedelки имели какие-либо лепные изображения, но, вероятно, не столь пышные, как восточные залы (если, конечно, их сделали, а не только планировали).

В 1820 году в восточной части Чертогов была устроена «зала собраний» (или «богословская») и, чтобы сделать её более вместительной, были разобраны «каменный внутри перестенок и каменный свод» и сделан накатный потолок. То есть две восточные торцевые залы были объединены в один большой, более высокий зал. Видимо, тогда и были уничтожены упомянутые лепные изображения. «Живописный мастер» К. Коховский потолок и стены на этом участке «покрыл колерами под мрамор». В 1839 году роспись была заменена московским мастером Семёном Поляковым²².

Первые полстолетия своего существования Академия не имела своего храма. Богослужения проводились либо в академическом зале публичных испытаний (второй этаж, восточная часть здания), либо в лаврских храмах²³.

14 апреля 1869 году состоялось определение Св. Синода об устройстве домово́й церкви в восточной части Чертогов, занимаемой в то время актовым залом. Актовый зал переместили в западную часть здания — бывшую столовую и спальню Елизаветы Петровны. Эти два отдельных помещения были «обращены в одну залу посредством пробития стены и устройством довольно обширной арки»²⁴. Отметим, что на плане XVIII века из Архитектурного альбома Лавры все палаты сообщаются между собой, но приведённая цитата заставляет предполагать, что на каком-то этапе проход между двумя западными торцевыми залами был заложен, а в конце XIX века пробит вновь. Так оба торца Чертогов утратили первоначальную планировку.

Академический храм в восточной части освятили в 1870 году. Алтарь был обращён на юг, так как храм был приспособлен под имеющиеся помещения. И в таком виде он просуществовал до 1892 года. В этот год произошло значительное изменение длины фасада Чертогов в восточной части, при котором от крыльца стало не пять, а шесть спаренных окон²⁵. При устройстве была уничтожена массив-

²² Смирнов С. Указ. соч. С. 313, 315.

²³ Архим. Иларион. Покровский Академический храм к началу второго столетия Академии // Богословский вестник. Октябрь–ноябрь. Сергиев Посад, 1914.

²⁴ Смирнов С. Указ. соч. С. 316.

²⁵ Хрунова Н.В. Указ. соч. С. 159. Это первое пояснение, как выглядело здание после 1892 г. В сборнике, изданном в 2010 г. (Московской духовной академии 325 лет. Юбилейный сборник статей. Т. 1. Кн. 1. История Московской духовной академии. 1685–1995. Сергиев Посад; М., 2010. С. 174.), сказано, что алтарная пристройка 1892 г. удлинит Чертоги с восточной стороны на шесть метров.

5. Царские Чертоги до разборки пристройки 1892 (слева). Фото 1927.
После разборки пристройки 1892 (справа). Фото 1928.
Публикуется впервые. Архив СПМЗ

ная капитальная восточная торцевая стена и заменена «тонкими изящными чугунными колонками»²⁶. Алтарь уже был, как того требует традиция, обращён на восток. Вместо бывшего прежде фронтона на восточном торце устроили карниз.

Но реконструируемый храм, хотя и намного обширнее первого, к 100-летию существования Академии вновь был перестроен. Летом 1913 года был разобран накатный потолок и устроен железобетонный свод, вследствие чего храм стал намного выше²⁷.

Пристройка эта просуществовала до конца 1921 года, когда помещение церкви, занятое к этому времени городским театром, после случившегося пожара сильно выгорело²⁸. «После пожарища остались каменные стены, перекрытые железобетонным сводом и железные фермы покрытия здания»²⁹. Стоящая без крыши восточная пристройка конца XIX века была разобрана в строительный сезон 1927 года. В период восстановительных работ 1928 года с восточной стороны был сложен новый фронтон размером по очертанию имеющихся железных ферм (Илл. 5).

В советский период помещения в Чертогах занимали различные организации. В 1947 году здание было передано Московской Патриархии, но его восточная часть ещё несколько лет была занята городским Домом Культуры.

²⁶ Соколов В. Освящение академической церкви // Богословский вестник, издаваемый Московской Духовной академией. Октябрь. 1892. Сергиев Посад, 1892. С. 436.

²⁷ Архим. Иларион. Указ. соч. С. 726.

²⁸ Среди коллекционеров. 1922. № 1. (Н.Л. раздел «Заметки»).

²⁹ Зубов В.П. Чертоги. Архив СПМЗ. Инв. НА-53.

6. Царские Чертоги до и после пожара 1986.
 Фото начала 1980-х годов (слева)
 и начала 2000-х годов (справа)

В 1948—1949 годах на восточной части южного фасада были произведены работы по восстановлению расколеровки «в шахмат». Первый этаж был при этом выкрашен в красный цвет, но вскоре Московской Духовной академией весь фасад Чертогов был окрашен в жёлтый цвет.

Расколеровка фасадов царского дворца «в шахмат» была восстановлена в 1960-е годы. За основу брались остатки росписи, сохранившиеся на западном торце здания, сдержанных благородных тонов. Она неоднократно поновлялась, выдерживая колер, подобранный в 1960-е годы. Летом 2014 года здание непонятно из каких соображений было покрашено «в шахмат» кричаще-яркого цвета. В июне 1979 года над Покровским храмом был сооружён купол (синий с золотыми звёздами), сгоревший в пожаре 27 сентября 1986 года (*Илл. 6*). После этого был поставлен купол (золочёный) более высокий и несколько иной формы, существующий до настоящего времени. На восточном фасаде было заложено окно, художником Е.Н. Ключевым выполнена мозаичная икона Покрова Богородицы.

Ещё один вопрос, требующий дальнейшего исследования, касается несохранившихся «барельефных фигур, изображающих князей», располагавшихся в бывшей квартире ректора. Пока не обнаружены данные о том, когда они были утрачены — в советское время Чертоги занимали самые разные организации, и произойти это могло в любой момент.

В 1940 году на экраны страны вышел фильм «Светлый путь», который частично снимался в Лавре, в том числе в Чертогах. Среди сцен, снятых, вероятнее всего, в интерьере дворца, видим барельефные изображения. Оборот «вероятнее всего» употребляется потому, что в лаврских зданиях на съёмках использовалось много бутафорских наслоений, видимо, применялась комбинированная съёмка, и не всегда удаётся точно сориентироваться в интерьере. В фильме мелькают барельефные изображения в оконных проёмах, но они плохо соответствуют сохранявшимся описаниям и качество их исполнения оставляет желать лучшего. Вместе с тем, можно найти и доводы «за», так что вопрос остаётся открытым.

Итак, в результате проделанной работы отмечены следующие изменения, происходившие со зданием Чертогов в указанный период:

- ♦ первоначально Чертоги имели два больших парадных крыльца, ведущих на второй этаж, вход на первый этаж осуществлялся с торцевых сторон. Между крыльцами позже устраивается галерея, продлённая через некоторое время на весь фасад;
- ♦ крыльца, имеющие в начале описываемого периода висячие портики, получают сначала купольное завершение, затем украшаются позолоченными арматурой, коронами и гербом. Разобраны 1815 году; тогда же устроены дверные проёмы в первом этаже южного фасада;
- ♦ кровля, изначально деревянная двускатная, во второй трети XVIII века становится фигурной «с переломом», украшенная «балюстрадом»; в 1760-х годах заменяется железной;
- ♦ в XVIII веке фасады здания имеют окраску «в шахмат» с юга, востока и запада; некоторое время такая же расколеровка покрывает и северный, непарадный фасад;
- ♦ в XIX веке фасады лишаются всех имеющихся родных и поздних пристроек; стены становятся однотонными;
- ♦ в 1870 году с устройством церкви в восточном крыле здания и актовом зала в западном эти помещения утрачивают первоначальную планировку;
- ♦ в 1892 году восточный фасад здания удлинен довольно значительно; верхняя часть увенчана карнизом, тогда как на западном фасаде сохранился фронто́н. Два торца здания получили разную обработку;
- ♦ после пожара 1921 года поздняя восточная пристройка разобрана; восстановлен фронто́н с окном в верхней части;
- ♦ после пожара 1986 года в восточной торцевой части вместо окна выполнена мозаичная икона.

И.А. Орлова
(Александров)

Романовы в Александровской слободе. Утраченные дворцы и сохранённые палаты

С начала XVII века Александровская слобода была одной из дворцовых вотчин царского рода Романовых, её посещали многие представители этой династии. Целью статьи является вопрос об имевшихся в ней путевых и иных дворцах, которые использовались Романовыми для остановок на пути богомольных объездов. Специально устроенная для сосланной и постриженной в Успенский девичий монастырь Александровой слободы царевны Марфы Алексеевны келья так мало походила на келью рядовой монахини, что получила наименование «палат» (название «Марфины палаты» в отношении этого сохранившегося памятника архитектуры конца XVII века бытует по сей день). Деревянный дворец цесаревны Елизаветы Петровны впоследствии долгое время использовался для городских нужд и был даже резиденцией градоначальника.

К вопросу о том, как выглядели утраченные дворцы, не раз обращались историк и краевед Н.С. Стромиллов¹ и архимандрит Леонид². К проблеме возрождения Государева двора в Александровой слободе после Ивана Грозного обращались также учёные XX века: А.И. Некрасов³,

---

¹ *Стромиллов Н.С.* Александрова слобода в XVII веке и ея Успенский девичь монастырь // Владимирские епархиальные ведомости. 1882. № 18–21. *Он же.* Царевна Марфа, сестра Петра Великого. Владимир, 1883.

² *Архимандрит Леонид.* Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского монастыря в г. Александрове. М., 1891.

³ *Некрасов А.И.* Памятники Александровской Слободы. Их состояние и значение. М., 1948.

Н.В. Сибиряков⁴, В.В. Кавельмахер⁵. Исследованием этого вопроса занималась научный сотрудник музея-заповедника «Александровская слобода» А.Н. Лакиза⁶.

Первый царь из династии Романовых Михаил Фёдорович «указал и в Александровой слободе быть Государеву хоромному строению для царя его и ея царицы стана на пути богомольного объезда» их в Переславль Залесский, Ростов, Юрьев Польской, Ярославль. Н.С. Стромиллов писал: «Государев двор в Александровой Новой слободе, восстановленный в царствование Михаила Фёдоровича, быть может или на развалинах дворца в XVI в. Грозного или перестроенный из хором приютивших и князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского в начале XVII в., без сомнения ничем не отличался от подобного в дворцовых около Москвы селах Государева хоромного строения; уцелело сведение о размещении государевых хором в Слободе; там имелись: опочивальня, повалуша, сени, клетки, крестовая светлица; вообще же эти покои были деревянные, верховые, в них и пребывали в проезд через Слободу Царь и Царица»⁷.

А.И. Некрасов полагал, что разрушенные в Смутное время начала XVII века постройки времени Ивана IV не были возобновлены, что хоромы выстроили в новом месте, возле церкви Богоявления, расположенной за монастырскими стенами⁸.

Н.С. Стромиллов собрал известные и опубликованные во второй половине XIX века сведения, которые касались богомольных поездок и выходов царственных особ, посещавших Александрову слободу и останавливавшихся в имевшихся хороммах. Он писал о том, что «в октябре 1638 года в течение месяца длился богомольный поход Михаила Фёдоровича и Евдокии Лукьяновны в Троице-Сергиев монастырь, Переславль Залесский, с заездом на обратном пути в Александровскую слободу...»⁹ В 1645 году, после очередного пребывания в Слободе на пути богомольного объезда, «они вложили в монастырь

---

⁴ *Сибиряков Н.В.* Памятники архитектуры Успенского монастыря в г. Александрове и производившиеся по ним исследовательские работы // Стенограмма Всероссийского совещания специальных научно-реставрационных мастерских и органов охраны памятников архитектуры. Владимир, 1958.

⁵ *Кавельмахер В.В.* Древности Александровой Слободы. М., 2008.

⁶ *Лакиза А.Н.* Положение и состояние построек Государева двора в Александровой слободе в конце XVI — первой половине XVII вв. Научное сообщение 2009 год.

⁷ *Стромиллов Н.С.* Александрова слобода в XVII веке... С. 1—2.

⁸ *Некрасов А.И.* Указ. соч. С. 20.

⁹ *Стромиллов Н.С.* Александрова слобода в XVII веке... С. 2—3.

серебряный позолоченный потир и серебряное кадило с надписями в выпуклых клеймах...»¹⁰

К 1651 году относится основание Успенского девичьего монастыря в Александровой слободе. Ему были постепенно переданы уцелевшие постройки бывшего Государева двора Ивана Грозного¹¹. В 1660-х годах царь Алексей Михайлович пожертвовал монастырю на кельи старые царские хоромы¹².

В записях царских выходов сохранились сведения о посещении Слободы царём Алексеем Михайловичем 4 апреля 1671 года: «во вторник из Троицко Сергиева монастыря ходил царь Алексей Михайлович в Александрову слободу и слушал часы и вечерню в церкви Успенья в девичьем монастыре, а из Александровой слободы к кушанию пошел в Воздвиженское, куда и прибыл к 5-му числу»¹³. В ризнице монастыря хранился необычный портрет Алексея Михайловича, ныне находящийся в экспозиции музея-заповедника «Царственные особы в Александровой слободе»¹⁴.

В «Царских выходах» значатся и ежегодные посещения Александровой слободы царём Фёдором Алексеевичем, например, в 1676 году: «ноября в 22 день на первом часу дня изволил царь Федор Алексеевич идти из Троицкого монастыря в Александрову слободу, а как изволил придти в Александрову слободу, был в Успенском девичьем монастыре. Ноября 23 день царь изволил быть в Александровой слободе и слушал всеночное бдение и божественную литургию в Успенском девичьем монастыре...»¹⁵ Те же записи позволяют утверждать, что на пути от Троице-Сергиева монастыря до Александровой слободы был ещё один путевой дворец — в селе Слотине¹⁶.

После смерти Фёдора Алексеевича Александрову слободу унаследовал, как своё дворцовое владение, его брат Пётр Алексеевич, «а по

¹⁰ Бочаров Г.Н., Выголов В.П. Александровская слобода. М., 1970. С. 20.

¹¹ Стромиллов Н.С. Александрова слобода в XVII веке... С. 21; «И собралось богом избранное стадо...». Свято-Успенский Александров женский монастырь: история и современность. М., 2011. С. 9–11.

¹² Кавельмахер В.В. Указ. соч. С. 57.

¹³ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 193. Ч. 1–7. Дневальные записки Приказа тайных дел, заключающие в себе известия о царских выходах; № 546 Поденные записки о событиях при дворе царя Алексея Михайловича, начинающихся с 25 декабря 1660 г.; Выходы царей Михаила Фёдоровича, Алексея Михайловича и Фёдора Алексеевича, всяя Руси самодержцев. (1632–1682) // Пред. П. Строева. М., 1844.

¹⁴ Музей-заповедник «Александровская слобода». АМ 161 Ж 72.

¹⁵ Выходы царей Михаила Фёдоровича, Алексея Михайловича и Фёдора Алексеевича, всяя Руси самодержцев. (1632–1682); Стромиллов Н.С. Александрова слобода в XVII веке... С. 70.

¹⁶ Стромиллов Н.С. Александрова слобода в XVII веке... С. 82.

переписным 1678 года книгам стольника Степана Салтыкова значилось: в Переславском уезде Залесского в дворцовых селах в старой и новой Александрове слободах 1345 дворов крестьянских, 35 дворов бобыльских, людей в них 3058 человек, в живущем 109 вытей с четью»¹⁷. В своих поездках на Плещеево озеро в Переславль Залесский, где шло строительство кораблей российского флота, Пётр заезжал в Слободу. В документах нашли подтверждение его приезды в 1685¹⁸ и в 1688¹⁹ годах.

Для приездов особ царствующего дома хоромы в Александровой слободе подерживались в надлежащем

порядке. Особое внимание уделялось «противопожарной безопасности». Н.С. Стромиллов приводит документ, согласно которому «...на Государевом дворе — в его царских хорамах ... именно в 1684 году были починки в них печей и 27 июля потребовано из дворцового приказа откуда и велено купить для тамошних 20 печей образцов 330 круглых и плоских, 24 наугольника свислых, 71 перемычку, 14 образцов свислых, 14 исподников, 20 ног, 72 городка ценинных, 600 образцов, 50 перемычек, 12 валиков, 12 наугольников, 100 ног зеленых, 60 гнезд связей кованых: долгие по 3 аршина, да короткие по 2 аршина»²⁰.

В «Дворцовых разрядах» за 1689 год²¹, в «Дневниках» П. Гордона²² описаны учения, которые для верных ему войск проводил в

Царь Алексей Михайлович. Неизвестный художник XVII века. Музей-заповедник «Александровская слобода»

¹⁷ Там же. С. 84.

¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 195 Оп. 1 № 611. Л. 4.

¹⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1 № 26327. Л. 1.

²⁰ *Стромиллов Н.С.* Александрова слобода в XVII веке... С. 82.

²¹ Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной его императорского величества канцелярии. Т. IV. СПб., 1855. С. 486.

²² Патрик Гордон. Дневник 1684–1689. М., 2009. С. 213.

сентябре 1689 года под Александровой слободой Пётр I. Он сам, а также прибывшие с ним из Троице-Сергиева монастыря вдовствующая царица Наталья Кирилловна и его супруга Евдокия Фёдоровна, провели неделю в Александровой слободе и жили в местных «хоромах»²³.

Царица Наталья Кирилловна в 1694 году сделала богатые вклады: в Успенский монастырь Александровой слободы — серебряный вызолоченный крест с мощами, в Лукианову пустынь — «сосуды серебряные позолоченные: потир, дискос, звезда, лжица и два блюда»²⁴.

В 1696 году столбовому приказчику дворцовой Александровой слободы Якову Ладогину поступила память по указу царя Петра Алексеевича, как ответ на челобитную игуменьи Успенского монастыря. В ней приводятся важные сведения о состоянии Государева двора в Александровой слободе. В челобитной игуменьи Макрины с сёстрами говорилось, что на части данной им земли, более двух десятин, был устроен Государев двор, а рядом с ним разбит обширный сад. Таким образом, монастырь лишился части покосной земли. Царским указом было велено отдавать монастырю скошенную на этой земле траву для прокорма монастырского скота. А за государевым садом было велено следить и развивать его строителю монастыря. Среди растущих там деревьев упоминаются яблони, груши, вишни, сливы, кусты смородины и малины. Весь урожай с них предписывалось отправлять в Москву «к государеву столу». Строителю монастыря было приказано переписать все посадки в саду и завести для этого специальные книги, которые должны были проверяться в Приказе Большой Казны²⁵.

Это были последние дни существования царских хором в Слободе. Причиной их уничтожения стала необходимость постройки келий для сосланной в Успенский монастырь сводной сестры Петра I царевны Марфы Алексеевны. Она не была главным действующим лицом политической борьбы этого времени, но оказалась жертвой и заложницей противоборства семей Милославских и Нарышкиных, которое переросло в противостояние сторонников и противников реформ Петра Великого.

В 1698 году во время очередного выступления стрельцов царевна Марфа Алексеевна оказала помощь своей младшей сестре Софье Алексеевне, находившейся в Новодевичьем монастыре. «Розыском

---

²³ Дворцовые разряды... Т. IV. СПб., 1855. С. 484—485; *Стромиллов Н.С.* Пётр I в Александровой слободе в 1689 году // Вестник Политехнической выставки. 1872. № 46.

²⁴ *Стромиллов Н.С.* Александрова слобода в XVII веке... С. 79, 89.

²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. № 41/37 768/6,34.

было установлено, что через свою постельницу она передала письмо Софьи в стрелецкие полки, сказав при этом: «Письмо я тебе отдала, поверяя тебе; а буде узнают, тебя распытают; мне ж, оприч монастыря, ничего не будет»». Факт передачи письма Софьи розыск установил доподлинно, хотя царевна Марфа Алексеевна решительно всё отрицала²⁶.

Сестёр Софью и Марфу Пётр I допрашивал лично²⁷. 24 сентября 1698 года Марфа Алексеевна на допросе призналась в том, что в разговоре с Софьей упомянула: «стрельцы ждут ее на царство». К тому времени Марфа уже твёрдо знала, что подлинник письма не найден, и поэтому отрицала факт его существования и передачи. Документальное подтверждение её вины не было найдено.

И всё же Марфа Алексеевна в ноябре 1698 года была отправлена в Успенский девичий монастырь в Александровой слободе, где была пострижена в монахини под именем Маргариты в мае 1699 года. Обстоятельства пребывания её в монастыре подробно описаны двумя авторами: Н.С. Стромилловым и архимандритом Леонидом (Кавелиным)²⁸. К достоинствам работы Н.С. Стромилова следует отнести опубликование им сведений из документов, хранившихся в монастыре: описание «покоев» — келий инокини Маргариты, хранящихся в ризнице мебели и драгоценной посуды, которые ей принадлежали. Покои поименованы автором предположительно: опочивальня царевны, сени, горница, клеть, повалуша, светлицы, крестовая²⁹. Но он приводит ценный документ из архива монастыря: о починке ветхостей Марфиных палат в 1741 году: «...в оном монастыре колокольня шатровая каменная, по окружению 24 сажени, при которой от без покрытия тек как шатер, так и карнизы, стены и свод во многих местах повредились и кирпичья выпадали; при оной же колокольне: палатка, в оной же местами имеются повреждения, кельи государыни царевны каменные, и при оных пристроены деревянные (в них пребывание имела государыня царевна), длиною 2 сажени, шириною 5 сажений; на оных кровля и сених тесовая обветшала, тес сгнил и теча не мала»³⁰. Как видно из описания, состояние палат в середине XVIII века вызывало опасения.

²⁶ Павленко Н.И. Пётр Великий. М., 1999. С. 85.

²⁷ Документы розыскной комиссии Ф.Ю. Ромодановского по делу о письме царевны Софьи Алексеевны стрельцам // Документы о восстании стрельцов 1698 г. М., 1968. С. 109–115.

²⁸ *Архимандрит Леонид (Кавелин)*. Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского женского монастыря в городе Александрове. М., 1891.

²⁹ *Стромиллов Н.С.* Царевна Марфа — сестра Петра Великого. Владимир, 1883. С. 8.

³⁰ Там же. С. 9.

Н.С. Стромиллов высказывает предположение, что помещение это не строилось специально к приезду Марфы Алексеевны, а уже существовало к ноябрю 1698 года и было просто приспособлено для её нужд³¹. Для сооружения верхнего этажа над каменным низом было получено разрешение царя Петра Алексеевича на разборку деревянного Государева дворца в Александровой слободе, что и было проделано местными оброчными крестьянами под руководством столбового приказчика³².

Н.С. Стромиллов описывает состояние Марфиных палат в начале 1880-х: «...оне из белого тесанного камня, построены особо от прочих в один по прямой линии ярус, крыты тесом, не высоки, с малыми окнами, и внутренность их мрачна. К ним были приделаны деревянные службы, нужные для домашнего обихода царевны. Службы сии давно сломаны и дерево частью употреблено (по преданию, сохранившемуся в монастыре) на постройку игуменских келий, хоромы же переделаны в кельи для монахинь, а это и лишает возможности определительно назвать все горницы, оставляя лишь только догадки о их существовании»³³. Из виденной им мебели, хранившейся в ризнице монастыря и ранее находившейся в кельях-палатах инокини Маргариты, уцелели и находятся в экспозиции музея-заповедника: кресло, обтянутое зелёным бархатом³⁴, зеркало в резной барочной раме³⁵, ларь с «аспидной росписью»³⁶. Такой же росписью были покрыты стены палат (уцелел один фрагмент). Слюдяная ширма-дверь, принадлежавшая Марфе Алексеевне, находится в экспозиции ГИМа.

На основании материалов из «Розметной книги» 1700 года можно узнать о «натуральном содержании», которое Марфа Алексеевна получала в монастыре. Оно ничем не отличалось от того, которое получали её сестры на свободе³⁷. Указом Петра I от 22 августа 1700 года все члены «царской фамилии» были переведены на денежное содержание.

Представление о сборе средств на содержание царевны Марфы Алексеевны (инокини Маргариты) в Успенском монастыре Александровой слободы дают документы РГАДА³⁸. Документ, датирован-

³¹ Там же. С. 8.

³² Там же. С. 6–7.

³³ Там же. С. 9.

³⁴ Музей-заповедник «Александровская слобода». АМ 594 Д 63.

³⁵ Там же. АМ 787 Д 69.

³⁶ Там же. АМ 597 Д 64.

³⁷ *Стромиллов Н.С.* Царевна Марфа Алексеевна... С. 12–16.

³⁸ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. № 66. Л. 2–28.

ный 1707 годом, называется «Книга приходная по скаске боярина Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина с товарищи сбора платежей в приказы на 707-й год в военный по армиям — по 2 деньги, в ямской ямских и полоненичных — по 3 алтына по 3 деньги, в адмиралтейский корабельных — по 4 алтына 1 деньге, в Ингерманландский дворцовых дел канцелярии на покупку конных кормов по 3 алтына по 2 деньги, в приказ Земских дел — по 10 денег; в Монастырский приказ драгунам — по 11 алтын по 4 деньги, на корм драгунским лошадям — по 3 алтына по 2 деньги, во Александрову слободу в Успенский девич монастырь благоверной государыне царевне и великой княжне инокине Марфе Алексеевне — по 5 денег, по выписке Василия Дружинина»³⁹.

Умерла инокиня Маргарита 19 июня 1707 года и была похоронена в подклете Сретенской церкви Успенского монастыря⁴⁰. Её палатам-кельям была суждена ещё долгая жизнь, в XX веке — музейная, с обследованиями и описаниями, монтажом экспозиций.

Г.Н. Бочаров и В.П. Выголов в своей книге «Александровская слобода» так описывают палаты: «Лопатки на углах и тяга вверх стен — вот весь их скромный и маловыразительный убор. Внутри здания — три небольших комнатки, соединённые дверными проёмами с нижними ярусами звонницы и колокольни, то есть с храмом Распятая. Вход расположен в южной стене, к которой прежде примыкали деревянные службы, в 18 веке обветшавшие и затем исчезнувшие. Из древнего убранства келий почти ничего не сохранилось. Лишь две красивые кафельные печи (совсем недавно их было три) напоминают нам о некогда протекавшей здесь жизни. Одна из них — из рельефных расписных изразцов, типичных для начала 18 столетия. На изразцах фигурный темно-синий картуш в желтой рамке с такой же короной сверху и с белым овальным медальоном в центре, украшенным синим цветочком. Такая же печь была и в соседней палате. Топились они из помещений деревянных служб, о чём говорят их топки, сохранившиеся в виде замурованных арочных ниш снаружи южной стены келий...»⁴¹

В 1921 году на территории бывшего Успенского монастыря в г. Александрове был создан музей, и памятники XVI—XVII веков постепенно передавались в его пользование, в них создавались музейные экспозиции. В 1961 году на основании Постановления Совета

³⁹ Там же. Л. 29—86.

⁴⁰ *Архим. Леонид. Историческое и археологическое описание...* С. 162; *Стромилов Н.С. Царевна Марфа — сестра Петра Великого.* С. 69.

⁴¹ *Бочаров Г.Н., Выголов В.П. Указ. соч.* С. 24.

Распятская церковь-колокольня и Марфины палаты. Памятник архитектуры XVI–XVII веков. Музей-заповедник «Александровская слобода»

Министров РСФСР⁴² музей принял на себя охранное обязательство в отношении всех памятников истории и культуры ансамбля бывшего Успенского монастыря⁴³. В 1994 году при создании музея-заповедника «Александровская слобода» памятник истории и архитектуры Распятская колокольня с Марфиными кельями XVI–XVII веков был полностью передан на его баланс⁴⁴.

В техническом паспорте на Марфины палаты⁴⁵ отмечаются: кирпичный ленточный фундамент, кирпичная кладка стен, железное покрытие крыши, кирпичные полы, сверху покрытые керамическими плитками, наружная

отделка включает штукатурку и побелку. В памятнике имеется отопление, электроосвещение. Для поддержания нужной температуры и влажности приходится использовать увлажнители (зимой) и осушители (летом). Вокруг памятника возведены паропроницаемые отмстки с пластовым дренажем.

Марфины палаты по своему архитектурному статусу составляют единый объект с Распятской церковью-колокольней. Реставрацион-

⁴² Постановление Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР».

⁴³ Приложение к Постановлению Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 года «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР».

⁴⁴ Акт № 3 передачи-приёма памятника архитектуры от июня 1994.

⁴⁵ Технический паспорт здания (строения) Распятская церковь-колокольня с Марфиными палатами. Федеральное Государственное унитарное предприятие «Центр технической инвентаризации округа Александров» Владимирской области. Александров, 2002.

ные работы на них проводились, как правило, совместно и одновременно. В 1949 году по проекту архитектора М. Савелова (Владимирская специальная экспериментальная научно-реставрационная производственная мастерская) были проведены ремонтно-реставрационные работы на всем памятнике, в Марфиных палатах устроено водяное отопление. В 1969 году проведена реставрация, заменена деревянная лестница, обновлена побелка, удалена старая штукатурка. В 1980 осуществлены общие ремонтные работы на всём памятнике — обмазка и побелка. В 2003–2004 годах проводились ремонтно-реставрационные работы по фасадам, заново оборудовались системы отопления, электроснабжения и электроосвещения. В 2009 году проведён большой комплекс ремонтно-реставрационных работ именно в Марфиных палатах: отремонтированы и заменены полы, выложены керамической плиткой; отреставрированы двери, отремонтированы и покрашены стены⁴⁶.

В 2009 году в Марфиных палатах осуществлён монтаж новой экспозиции «Александровская слобода в XVII–XVIII веках. Успенская обитель». В ней размещены материалы, рассказывающие о возникновении и существовании Успенского монастыря, социально-экономическом положении Слободы, её принадлежности Петру I и обучения 1689 года. Отдельный комплекс посвящён пребыванию в монастыре царевны Марфы Алексеевны.

Научное исследование памятника было выполнено ООО «Региональный Инженерный Центр» (г. Владимир) в 2010 году⁴⁷.

Дочь Петра I цесаревна Елизавета Петровна унаследовала Александрову слободу после смерти матери Екатерины I, и для управления ею и другими владениями была учреждена особая Вотчинная Канцелярия⁴⁸. Представление о полученном Елизаветой Петровной наследстве «недвижимого имущества» даёт документ: «Дело о причислении принадлежащих блаженной памяти императрице Екатерине Алексеевне крестьян сел в разных уездах в ведомство дворцовое цесаревны Елизаветы Петровны по положениям в подушный оклад. 19 декабря 1736 г.»⁴⁹ Необходимость его составления объясняется в самом начале: сведения нужны для установки размеров подушного оклада, собранные таким образом средства поступали на содержание

⁴⁶ Ремонтно-реставрационные работы на Распятской колокольне-звоннице — памятнике истории и культуры XVI века. Т. 1. Комплексные научные исследования. Владимир, 2010.

⁴⁷ Там же. С. 10.

⁴⁸ *Стромиллов Н.С.* Цесаревна Елизавета Петровна в Александровской слободе и Успенский девичий монастырь в то же время. М., 1874. С. 3.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 322.

Бутырского, Вятского и Ярославского полков. Из документа следует, что, кроме собственно Александровой слободы, цесаревна владела ещё и «приписными» к ней волостями.

Для пребывания Елизаветы Петровны в Александровой слободе были построены «хоромы на каменном низе» напротив главного городского собора — Христорожественского на торговой стороне Слободы. Дворец располагался «на горе», и вокруг него высились пристройки для домашних служб⁵⁰.

В распоряжении Елизаветы Петровны были лошади Конного завода в Александровой слободе⁵¹, Охотный двор с сокольней и псарней⁵². Подробности организации охоты в Александровой слободе приводятся в книге Н. Кутепова⁵³.

В феврале 1729 года Пётр II и двор переехали в Москву, Елизавета Петровна стала часто посещать Слободу и к концу года совсем туда переселилась. Пётр II ездил в Слободу охотиться в августе 1729 года, что известно из писем Дюка Лирийского⁵⁴. Любимая «потеха» Елизаветы Петровны — псовая охота на зайцев: «...около Слободы в пригородных сёлах, окружённых густыми лесами, было где потешиться в отъезде поле; и отсутствуя из своей Слободы, в окрестных её сёлах и деревнях она имела так же в них свои станы (ставки) — хоромы для своего ночлега, а близ них и охотные дворы». На основании местных преданий Стромиллов полагает наличие такого двора в Курганихе, принадлежавшей А.Я. Шубину, и селе Андреевском⁵⁵.

В 1730 году Елизавета Петровна подала прошение в Синод с просьбой разрешить строительство в Александровой слободе каменного храма в честь святых Захарии и Елизаветы. Разрешение Синода было получено, но денег в казне цесаревны на строительство не оказалось⁵⁶.

---

⁵⁰ *Стромиллов Н.С.* Цесаревна Елизавета Петровна в Александровой слободе... С. 4–5.

⁵¹ РГАДА. Ф. 9. От. 2. Оп. 3. Ч. 2. Кн. 34. С. 467 Роспись лошадей что на конюшнях в Александровой слободе и Тонинском; Ф. 11. Оп. 1. № 329 Письма к цесаревне Елизавете Петровне Артемия Волинского; Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 90. № 42540. Разные предписания и распоряжения по конюшенной части двора цесаревны Елизаветы Петровны управляющего сею частью камер-юнкера Александра Шувалова.

⁵² РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 90. № 42528 Об изготовлении шуб для охотников псовой охоты цесаревны Елизаветы Петровны.

⁵³ *Кутепов Н.* Русская охота. М., 2007. С. 259–273.

⁵⁴ *Стромиллов Н.С.* Цесаревна Елизавета Петровна в Александровой слободе... С. 9.

⁵⁵ Там же. С. 9–13.

⁵⁶ Музей-заповедник «Александровская слобода». НВФ — 1484/7.

В 1735 году в Александровой слободе в отсутствие Елизаветы Петровны произошёл сильный пожар, сгорело много домов и торговых заведений, пострадали конюшни и винокуренный завод⁵⁷. Дворцовые постройки не пострадали. Через некоторое время из Вотчинной конторы пришло распоряжение о новом строительстве на месте сгоревших домов⁵⁸, но теперь их предписывалось возводить «в отдалении от дворцовой конюшни и от фатерных винных стоек».

Хотя дворец был небольшим, его вполне хватало для также небольшого двора цесаревны⁵⁹. Необходимый штат прислуги (для неё существовали отдельные помещения во дворце) постоянно находился на месте на случай приезда Елизаветы Петровны⁶⁰.

Ряд документов дают представление, какие доходы дочь Петра получала со своих владений в Слободе. Главную часть составляли таможенные сборы, доходы от винокуренного завода, на котором производились вино и пиво, как поставлявшиеся в Москву, так и продававшиеся на ярмарках. Весьма незначительными были доходы от продажи табака⁶¹. Сборы отдавались и на откуп⁶². Другие документы характеризуют «снабжение» цесаревны и её двора⁶³.

Став императрицей, Елизавета Петровна ещё только раз посетила Александрову слободу. «Камер-фурьерский журнал» за 1744 год от-

---

⁵⁷ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 76. № 34346 О случившемся в 1735 году пожаре в Александровой слободе и постройке вновь вместо сгоревших дворцовых конюшен и других зданий, обывательских домов, питейных, рыбных лавок и других торговых заведений, показанных в приложенном чертеже и показанных в описи.

⁵⁸ Там же. № 34497 О сделании распоряжения в Александрову слободу касательно постройки домов, лавок и анбаров посадскими людьми, сгоревших во время бывшего в той Слободе пожара, в отдалении от дворцовой конюшни и от фатерных винных стоек.

⁵⁹ Там же. Ф. 156. Оп. 1. № 194. Штаты дворов императора Петра II, цесаревны Елизаветы Петровны и великой княжны Натальи Алексеевны.

⁶⁰ Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 90. № 42498 Указ от дворцовых комиссарских дел подполковнику Федору Тарakanову об отпуске в комнату цесаревны Елизаветы Петровны впредь до прибытия ея, служителям разной живности.

⁶¹ Там же. № 42493 Дело о таможенных, кабацких и других сборах в Александровской слободе. 1727 г.

⁶² Там же. Ч. 76. № 34402 Об отдаче в Александровской слободе и селе Танинском таможенных и кабацких сборов на откуп по контракту крестьянину Горшечникову с платежом в казну ее высочества по 8200 рублей в год, за поручительством 13-ти человек поименованных в деле Слободы разных лиц.

⁶³ Там же. № 34395 О сборе про обиход ее высочества Елизаветы Петровны, по положению, с крестьян Александровской слободы вместо свежих яиц, баранов и прочей живности деньгами по московской цене, во время прибытия цесаревны Елизаветы Петровны из Петербурга в Москву собственно живностью, а не деньгами.

мечает её прибытие 6 марта при большом скоплении местного населения. Вначале она посетила Христорождественский собор, затем было «вечернее кушанье», переросшее в шумный пир в её бывшем дворце. 7 марта императрица и её свита прошествовали в Успенский монастырь, после посещения которого во дворце вновь был устроен пир. Веселье сопровождалось пением слободских девушек, гости любовались их хороводами. В тот же день Елизавета Петровна возвратилась в Троицкий монастырь⁶⁴. Посещение Слободы имело важное следствие: наконец-то здесь началось строительство каменного храма в честь святых Захарии и Елизаветы⁶⁵. Деньги на строительство нашлись в императорской казне.

В 1743 году Елизавета Петровна распорядилась перевести в Александрову слободу псовую охоту, которая когда-то принадлежала герцогу Бирону, вероятно, надеясь, когда-нибудь снова поохотится в здешних местах⁶⁶. Никакие документы не указывают на то, что это намерение было осуществлено. Об Александровой слободе и её монастыре Елизавета Петровна продолжала заботиться. В 1754 году, покидая Москву и уезжая в Санкт-Петербург, она распорядилась выдать Успенскому девичью монастырю 2 тысячи рублей «на монастырское строение»⁶⁷. В 1745 году по её указу в Слободы была открыта первая школа (для детей служащих Конного завода)⁶⁸.

«Слободской дворец цесаревны запустел после посещения в 1744 году своей царственной хозяйки и долго-долго стоял никем не занятый, пригодившись с учреждением в Александровой слободе города Александрова, в 1778 году сентября 1-го дня под квартиру высшему представителю правительственной власти в городе, первому Городничему, Осипу Яковлевичу Ильину. А Александровская слобода после смерти Елизаветы Петровны стала вотчиной императора Петра III», — так заканчивает своё повествование Н.С. Стромиллов⁶⁹. Впоследствии пришедшее в ветхость здание было разобрано и следы его «затерялись в истории».

---

⁶⁴ *Стромиллов Н.С.* Цесаревна Елизавета Петровна в Александровой слободе... С. 42–46.

⁶⁵ *Протоиерей О. Пенэжко.* Храмы г. Александрова и окрестностей. Владимир, 2008. С. 123–124.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 563 Об отправлении из Курляндии псовой охоты бывшего герцога Бирона и переводе его завода в Александрову слободу.

⁶⁷ Музей-заповедник «Александровская слобода». АМ — 14709.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 813.

⁶⁹ *Стромиллов Н.С.* Цесаревна Елизавета Петровна в Александровой слободе... С. 51.

Как видим, у представителей династии Романовых существовала необходимость посещения дворцовой Александровой слободы, для их проживания возводились такие же, как и прочие путевые дворцы, «хоромы». Возведённый при первом из царей династии Романовых дворец был разрушен «по необходимости обретения материалов» для сооружения верхней части палат, предназначенных сосланной в монастырь царевне Марфе Алексеевне. Но и в этом качестве они не дошли до нас — сгнили и были уничтожены. Та же судьба постигла деревянный дворец Елизаветы Петровны. Но музей-заповедник делает всё для сохранения уникального памятника конца XVII века — Марфиных палат, которые напоминают о былой принадлежности Александровой слободы царской и императорской династии Романовых.

Г.А. Айдашева
(Москва)

Судьбы дворцов Романовых Московской императорской резиденции

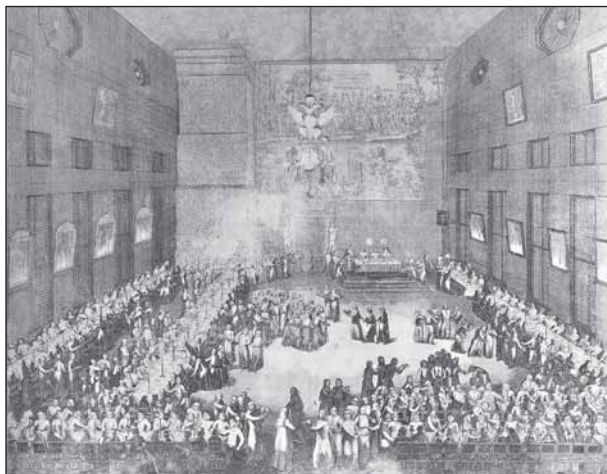
Лефортовский дворец
(«Дворец Петра I на Яузе»)
в первые годы XVIII века

В историко-культурном путеводителе В.А.Никольского «Старая Москва», вышедшем в 1924 году, Лефортово образно названо «уголком погибших дворцов». Это неудивительно, ведь в разное время здесь существовало 11 дворцов, принадлежавших

Дому Романовых, но в основном утраченных в XVIII–XIX веках. До сегодняшнего дня от бывшего великолепия сохранилось лишь три каменных дворца, один — на левом и два — на правом берегу Яузы.

Первый в России каменный дворец, построенный за казённый счёт в Москве на правом берегу Яузы и получивший название «Дворец Петра I на Яузе», в этом путеводителе назван загадочным зданием и охарактеризован как «старинное и довольно грубое по форме». Действительно, очень трудно усмотреть в нём что-то «дворцовое», особенно по понятиям архитектуры XVIII века. Изображений фасада дворца на момент его сооружения сохранилось очень мало.

Первоначально главное здание Лефортовского дворца было построено в стиле московского («нарышкинского») барокко с наружными балюстрадами вдоль фасада на уровне второго этажа, с высокими пирамидными крышами, завершавшимися резными украшениями.

Описание свадьбы остроумнолютного Феофилакта Шанского, который державнейшего великого монарха многоутешный шут и смехотворец. Гравюра Адриана Шхонебека. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Строительство велось в 1697–1698 годах под руководством мастера каменных дел Дмитрия Васильевича Аксамитова. О назначении дворца красноречиво говорил зал приёмов — «большая столовая палата» — площадью 324 кв. м, высотой 10 м, без сводов и опор, известный по гравюрам того времени. Официально дворец предназначался

Лефортовский дворец. Современное фото

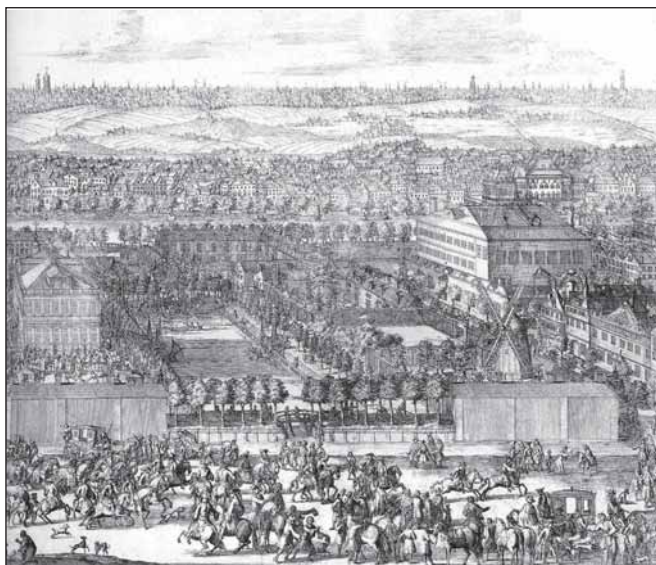
для ближайшего сподвижника Петра I — Франца Яковлевича Лефорта, но 2 марта 1699 года Лефорт скончался, дворец отошёл в ведение Посольского приказа и фактически стал резиденцией Петра I. Здесь Пётр I собственноручно укорачивал кафтаны и резал бороды московским боярам; здесь проходили одни из первых петровских ассамблей, на которых впервые появились «в свете» русские женщины; здесь собирались военные советы, принимались иностранные послы, шумели празднества, карнавалы и фейерверки. В 1707 году Пётр I, увлечённый строительством новой столицы в Петербурге, подарил дворец на Яузе А.С. Меншикову. Вдобавок царь пожаловал своему любимцу 2000 рублей, и новый хозяин сразу же начал перестройку здания. После опалы А.Д. Меншикова дворец стал называться «Лефортовским». С весны 1728 года — это резиденция Петра II. В стенах дворца 19 января 1730 года (в день, на который было назначено бракосочетание Петра II с Екатериной Долгорукой) умер от оспы 14-летний мальчик-царь, последний потомок рода Романовых по мужской линии. С начала 60-х гг. XIX века возникла идея размещения в Лефортовском дворце Московского отделения архива Инспекторского департамента Военного министерства. Ныне в здании дворца находится Российский государственный военно-исторический архив.

До конца XVII века левобережье Яузы оставалось без застройки. Ситуация сильно изменилась, когда общеизвестная дружба Петра I с иноземцами привела в 1690 — начале 1700 годов к тому, что в Немецкую слободу неофициально переместился царский двор, что вызвало быстрое освоение всех близлежащих к ней территорий.

Царю и придворным требовалась верная охрана, и в сентябре 1692 года был сформирован третий по счёту после Преображенского и Семёновского русский полк, названный по имени своего первого командира, любимца царя Петра, швейцарца Франца Яковлевича Лефорта. Тогда же начали строить новую Солдатскую слободу напротив Немецкой слободы по левому берегу речки Синички; 1692 год считается датой основания Лефортова. Несколькими позже Лефортовской солдатской слободы на левом берегу Яузы появилась «Слободка людей боярина Федора Алексеевича Головина». Точное время возникновения собственно Головинской усадьбы неизвестно. Первые достоверные сведения об усадьбе Ф.А. Головина в Лефортове относятся к началу 1702 года.

На офорте А. Шхонебека 1705 года, иллюстрирующем отъезд Петра I из Головинской усадьбы, усадьба показана вытянутой вдоль русла Яузы. Большой, чётко очерченный прямоугольник, окружённый рвом, поделён на геометрически правильные ячейки, симмет-

Головинский дворец с прилегающей к нему местностью.
Гравюра Адриана Шхонебека. 1705–1706. Фрагмент.
Лефортовский дворец находится в правом верхнем углу

ричные относительно центрального каре большого парадного двора. Двор с трёх сторон отделён от остальной усадьбы невысокими двухэтажными службами, а с севера плотным боскетом и прудом. Центральная ось композиции проходит от въездных ворот через пространство двора вниз к Яузе. Главные здания усадьбы: Головинский дворец и зал для ассамблей фланкируют с юга парадный двор, являясь равноправной частью системы.

Усадьба Ф.А. Головина положила начало формированию дворцового ансамбля в Лефортове и стала образцом для будущих дворцовых комплексов Петербурга. Обе усадьбы, Головина и Лефорта, использовались Петром I для посольских приёмов и до переноса столицы в Петербург фактически были официальными царскими резиденциями. Так, 23 марта 1703 года Пётр принимал в Головинском дворце посланника Людовика XIV Казимира де Балюза, а 24 марта 1704 года устраивал ему прощальный приём¹. То, что эти усадьбы были скорее официальными, также подтверждается наличием в собственности у Ф. Лефорта и Ф. Головина жилых дворов в Немецкой слободе.

¹ Мамышев Вc. Генерал-фельдмаршал и генерал-адмирал Фёдор Алексеевич Головин. СПб., 1904. С. 35.

До настоящего времени в Лефортове от Головинской усадьбы начала XVIII века сохранились прямоугольный Верхний Головинский пруд, питающийся водой из Павловского ключа, и кардинально перестроенная в 1730-х годов плотина Венеры.

В связи с гибелью сыновей Петра I царевичей Алексея, а потом Петра — единственных его прямых наследников мужского пола, перед царём особо остро встал вопрос об упрочении морганатического брака с Мартой Скавронской и положения своих внебрачных дочерей. В этих целях он начал готовить коронование Екатерины титулом императрицы Российской, для чего в начале 1722 года выкупает у наследников Ф.А. Головина усадьбу за Язуой. Выбор места жительства на время коронования, вероятно, сознательно отошёл от старых московских резиденций. Рядом находились дворцы самых верных сподвижников, а усадьба Головина в силу малой освоенности окружающей её территории имела хорошие перспективы для дальнейшего развития. Значительную роль, возможно, сыграло наличие в усадьбе камерного дворца, как известно, Пётр не любил больших помещений, а также хороших, но начавших приходить в упадок голландских садов, близость реки и военного госпиталя, где Пётр практиковал в анатомии. Новая Головинская усадьба мыслилась им как конечный пункт строившегося водного пути через Ладогу: «Я надеюсь со временем ... ехать водой из Петербурга и в Головинском саду при реке Язуе в Москве встать»². Проектные чертежи Петровской усадьбы составлялись архитекторами И. Зарудным, И. Устиновым, П. Еропкиным и Т. Усовым на основе прямых указаний Петра I, а подготовку её к коронованию царь поручил обер-коменданту Л.В. Измайлову и придворному медику Н. Бидлоо³. Причем, Н. Бидлоо мог многое перерабатывать и изменять в постройках, отступая от чертежей.

Приезд царя на жительство в Лефортово для коронации Екатерины I ожидался весной 1724 года. В 1723 году был составлен генеральный план Петровской усадьбы. В проведении земляных работ участвовала тысяча солдат Московского гарнизона. Были сделаны каналы для небольших судов и пруды, поддержанные по деревянным сваям насадками. Через каналы перекинули поворотные голландские мосты. Был выкопан канал, образовавший Восьмигранный остров, на котором стояла тесовая, обитая парусиной беседка — менажерия для мелких птиц. Углубили и вычистили Большой пруд. На пруду сделали два острова с беседками. Выкопали Крестовый

---

² *Евангулова О.С.* Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII в. М., 1969. С. 37.

³ Там же.

Плотина Венеры в Головинском саду. Современное фото

пруд. Из елей и штамбовых лип сделаны были аллеи, окружившие усадьбу до берегов Яузы, и шпалерная дорога, ставшая композиционной осью парка.

Ко времени коронования Екатерины I сделали деревянные беседки по проекту архитектора Ивана Зарудного, пять поворотных голландских мостов на каналах, три крытые дороги и две каменные плотины с гrotами. Одну белокаменную плотину возвели у Крестового пруда, украсив её полуциркульный фронтон барельефом с изображением Петра с символами Истины и Мудрости. Старая плотина

Грот Растрелли у Крестового пруда. Современное фото

между Головинским прудом и Восьмигранным островом была облицована белым камнем. В центральной её части располагался портик с четырьмя колоннами и большой нишей, в которой находилась фонтанная статуя Венеры с двумя голубями у ног⁴.

Смерть Петра I в начале 1725 года не позволила осуществить в Головинской усадьбе все его намерения, а Екатерина I после смерти мужа не проявляла к ней интереса.

Имперский расцвет Лефортова начался с воцарением в 1730 году императрицы Анны Иоанновны, которая своё восшествие на престол праздновала в Головинских палатах, устроив там бал и фейерверк. Московские дворцы были крайне запущены. В первые два года, пока императрица жила в Москве, был отдан приказ строить новые дворцы. В июле 1730 года по проекту молодого придворного архитектора Ф. Растрелли, под руководством архитектора А.П. Евлашева, началось строительство зимней резиденции — Кремлёвского Анненгофа. Новый большой дворец поставили на верхней береговой террасе Яузы. Одновременно под руководством К. и Ф. Растрелли начались работы по парку, направленные на создание панорамной композиции, смыкающейся на новом Летнем дворце и тяготеющей уже не к голландским камерным садам, а к французским и итальянским партерным.

Новые участки парка на верхних надпойменных террасах Яузы требовали большого притока воды. Для обеспечения действия дворцовых фонтанов устроили запруду на речке Синичке. Из запруды вода по открытому каналу поступала в спроектированный на лугу перед восточным фасадом дворца огромный Анненгофский сад, где для её сбора сделали бассейн, отсюда она по чугунным трубам доставлялась в нужные уголки парка. В 1731 году расширили старый открытый канал рубежа XVII—XVIII веков, проходивший по восточной границе Головинского сада, и использовали его для устройства П-образного обводного канала. В саду построили оранжереи, павильон Монплезир. Дворцовые менажерии за время пребывания в Москве Анны Иоанновны, страстно любившей охоту на птиц, обогатились настолько, что в них появились даже страусы, а при попугаях состояла особая смотрительница немка Варленд, учившая их говорить⁵.

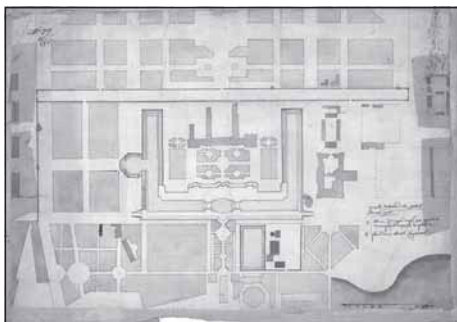
Продолжалось обустройство регулярного верхнего сада, расположенного вокруг Летнего Анненгофа по типу Версальского. На площадке между Обводным каналом и Летним дворцом была построена

---

⁴ Библиотека Российской Академии наук. Рукописный отдел. № 115. Л. 2—4 с об.

⁵ *Шубинский С.Н.* Исторические очерки и рассказы. М., 1995. С. 61.

План-схема Анненгофской
императорской резиденции.
Архитектор Ф. Растрелли. 1730-е гг.
По материалам РГВИА

каменная стена Анненгофской кашкады, где была установлена статуя Самсона, побеждающего семиглавого змея⁶.

Удачное воплощение архитектурных идей Ф. Растрелли привело к тому, что уже в 1736 году Анна Иоанновна решила сделать Лефортово своей постоянной резиденцией и велела перенести туда немедленно Зимний Анненгоф из Кремля. В марте 1736 года дворец был раскатын по брёвнам, а уже в октябре все работы по восстановлению его в Лефортове и по новым пристройкам были окончены⁷. Растрелли поставил Зимний дворец к югу от Летнего Анненгофа. Устройство Анненгофа велось с перерывами в течение всей второй половины 1730-х годов, но закончены не были. К концу царствования императрицы Анны Иоанновны характер дворцово-паркового ансамбля Лефортова радикально изменился. Камерность Головинского дома и сада в результате архитектурной деятельности Растрелли были поглощены новой монументальной барочной композицией и приобрели размах императорских резиденций Петербурга и Европы.

Дальнейшее развитие Лефортовского ансамбля связано с подготовкой к коронации Елизаветы Петровны. В Зимнем Анненгофе Елизавета Петровна дала 1 мая 1742 года большой коронационный обед. В Оперном доме в день коронации был сыгран великолепный спектакль на итальянском языке, состоявший из оперы «Титово милосердие», аллегорической интермедии «Опечаленная и вновь утешенная Россия» и балета «Радость народа, появление Астреи на Российском горизонте и о восстановлении златого века». Летом того же года императрица давала во дворце аудиенцию иноземным послам, а

⁶ РГАДА. Ф. 1239. Дворцовый отдел. Оп. 3. Д. 41157 О сделаны в Анненгофском доме канала и фонтана, 1735 г., на 58 л.

⁷ Там же. Д. 41159 О вывозе в Анненгоф деревянных хором, на 210 л.; Д. 41160 О передаче по описи Кремлевского дворца, на 11 л., 1736 г.

19 сентября в него были доставлены шведские трофеи, присланные маршалом Ласси из Финляндии и с триумфом провезённые по московским улицам. В дворцовой церкви 28 июня 1744 года приняла православие и на другой день была обручена с наследником престола великим князем Петром Фёдоровичем принцесса Ангальд-Цербская, впоследствии Екатерина II⁸.

Новый летний деревянный дворец проектом 1746 года, выполненный архитектором И.К. Коробовым при участии Ф. Растрелли, было решено строить на месте корпусов старого дворца Ф.А. Головина. Работы велись архитектором А.П. Евлашевым. Длинный Г-образный корпус Летнего дворца был развёрнут вдоль Дворцовой площади и ориентирован перпендикулярно Яузе в направлении Головинского пруда. Новый Летний дворец включил в себя Большие Головинские палаты петровского времени. В целом комплекс елизаветинских дворцов во многом напоминал планировку древнерусских хором.

В результате убийства Петра III на российский престол взошла императрица Екатерина II. После коронации 23 сентября 1762 года зиму она прожила в Москве, в Головинском дворце. 31 декабря 1771 года Головинский дворец вместе с Воскресенской церковью сгорели⁹. С уничтожением Головинского дворца Екатерина II фактически осталась без московской резиденции, так как все остальные усадьбы были ветхими. В начале 1773 года она распорядилась о постройке вместо сгоревшего Головинского дворца грандиозного каменного трёхэтажного дворца, получившего в 1774 году название Екатерининского. Екатерининскому дворцу не суждено было стать дворцом даже на день из-за долгостроя и смерти императрицы.

Первоначальное руководство работами по возведению Екатерининского дворца осуществлял князь П.П. Макулов¹⁰. Вероятнее всего, первый проект Екатерининского дворца, как и его служебных корпусов, был разработан в Петербурге приближённым тогда к Екатерине II и цесаревичу Павлу архитектором Антонио Ринальди. Творческий почерк его отличался лаконичностью, а скупость художественных средств испукалась изяществом и сложностью планировочных решений.

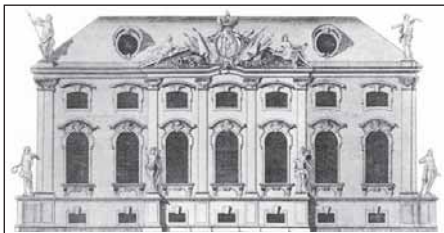
Здание дворца было заложено 16 мая 1773 года на месте Летнего Анненгофа. Дворец не только стоял на том же месте, обеспечивавшем наилучшую композиционную связь с садом, но и во многом повторял старую планировку. Основные работы начались в 1774 году,

⁸ Кондратьев И.К. Седая старина Москвы. М., 1996. С. 422–423.

⁹ Пыляев М.И. Старая Москва. М., 1990. С. 49–50.

¹⁰ РГАДА. Ф. 14. Придворное ведомство. Оп. 1. Д. 51. Ч. 1 О Московских дворцах, на 213 л. Л. 52, 105–117.

Главный фасад
Зимнего Анненгофского дворца.
1730-е гг.

когда были выделены необходимые средства. Каменный корпус дворца собирались вывести вчерне под крышу осенью 1776 года. Однако здание дворца, выстроенное до середины, а местами во всю высоту второго этажа, в начале 1776 года затрещало. Причины заключались в том, что шло трещинами, поскольку князь П.П. Макулов по неопытности не учёл сильнейшее влияние грунтовых вод и не сделал их отвод от фундаментов. Кроме того, на строительство дворца поставлялся кирпич низкого качества с принадлежавших Макулову кирпичных заводов.

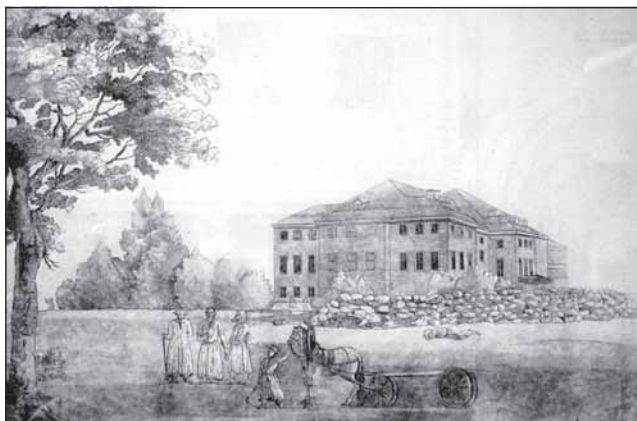
В июле 1776 года для освидетельствования дворца была собрана комиссия из архитекторов, которая пришла к заключению, что его строительство необходимо остановить. 5 февраля 1778 года руководить строительством московских дворцов был назначен сенатор и камергер М.М. Измайлов. В соответствии с выводами комиссии императрица приняла непростое решение о разборке наполовину построенного дворца.

Возведение второго здания Екатерининского дворца под руководством Измайлова пошло высокими темпами, сдать его в 1782 году оказалось нереальным.

Из-за долгого строительства проектное решение дворца устарело — к началу 1780 года наступил расцвет стиля классицизм. Ещё в 1773 году Екатерина II, захваченная величием и красотой античного искусства, мечтала об античном доме, похожем, по её выражению, «на греко-римскую рапсодию»¹¹. В проект стали вноситься корректировки. Для ознакомления с Екатерининским дворцом с целью исправления его фасадов и интерьеров в Москву из Петербурга был послан итальянский архитектор Джакомо Кваренги. Точные даты его приездов в Москву неизвестны, но их приблизительно определяют по екатерининским указам.

К лету 1782 года на получившихся чрезвычайно протяжённых главных фасадах Кваренги спроектировал мощные колоннады боль-

¹¹ Сборник Императорского русского исторического общества. «Письма Екатерины и Фальконе». Т. XVII. СПб., 1876. С. 450.

Вид Оперного дома. Старый деревянный театр около Головинского дворца в Москве. Гравюра Ф.И. Кампорези по собственному рисунку. 1789. Из собрания Государственного исторического музея

шого коринфского ордера: по главному от Анненгофской роши фасаду центральную в 16 колонн и два четырёхпилястровых портика по бокам, а по садовому — восьмиколонную под треугольным фронтоном в центре и по сторонам на выступах двух ризалитов — шестиколонные. В интерьерах дворца Кваренги предложил выполнить галерею Рафаэля — огромный длинный зал с двумя рядами колонн и верхними балконами по торцам, соединявший тронный зал и дворцовую церковь. К началу 1786 года отделка дворцовой церкви была закончена, и вскоре было проведено её освящение во имя святой великомученицы Екатерины¹².

Ещё в царствование Елизаветы Петровны началось постепенное превращение царского сада при дворцах в место общественного гулянья для «чистой» публики. При Екатерине II гулянья проводились на Вознесенье и Троицын день, причём в сад пускали не только дворян, но и купечество. Служители строго наблюдали, чтобы гуляющие ничего не ломали и не портили, а также не рвали цветы и фрукты.

Весной 1797 года на коронацию в Москву прибыл Павел I. На коронационные торжества будущий император по образцу своих предшественников велел построить иллюминацию в Головинском саду¹³. Он

¹² РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 51. Ч. 5 По строению Московских дворцов 1778–1784 гг. Л. 74.

¹³ Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41566 О построении по высочайшему повелению иллюминации в Головинском саду, 1797. 162 л.

Главный военный клинический
госпиталь им. Н. Бурденко.
Современное фото

Екатерининский дворец.
Современное фото

Слободской дворец.
Фото начала XX века

Слободской дворец.
Современное фото

Беседка с памятником Петру I.
Современное фото

не только не проявил интереса к новому Екатерининскому дворцу, но и нашёл его бесполезным и передал вместе с корпусами служб для размещения восьми батальонов 2-го Московского гарнизонного полка, переименовав дворец в Екатерининские казармы¹⁴. Ныне в здании Екатерининского дворца располагаются две общевойсковые академии МО РФ и военный институт.

Свою императорскую резиденцию — Слободской дворец — Павел I построил на правом берегу Яузы. С этим местом связано много исторических преданий. Здесь в 1753 году стоял дом канцлера Елизаветы Петровны графа А.П. Бестужева-Рюмина — копия

его роскошного петербургского дворца. В 1764 году после смерти Бестужева-Рюмина Екатерина II купила его дворец и подарила своему фавориту графу А. Орлову. Впоследствии дворец был возвращён в государственную казну. В 1787 году Екатерина II пожаловала Слободской дворец канцлеру А.А. Безбородко. Под руководством архитектора Дж. Кваренги дворец был перестроен.

Летом 1812 года, в самом начале Отечественной войны, в Слободском дворце останавливался император Александр I, где он обратился с посланием к жителям столицы, патриотически настроенным дворянству и купечеству. В залах дворца был начат сбор денег на формирование Московского ополчения. В пожаре 1812 года дворец сильно пострадал. После Отечественной войны его поручили восстановить московскому архитектору Д.И. Жилярди. В 1830 году в Слободском дворце разместили Московское ремесленное училище, которое с 1868 было преобразовано в Императорское техническое училище. В 1930–1943 годах училище переименовали в Механико-машиностроительный институт, затем — в Московское высшее техническое училище. Ныне это Московский Государственный технический университет имени Н.Э. Баумана.

¹⁴ Романюк С. По землям московских сёл и слобод. М., 1998. С. 453.

В 1802 году Головинский и Анненгофский сады приписали к Слободскому дворцу. Головинский сад с этого времени стал называться Слободским. В 1805 году в саду на месте, где, по преданию, любил отдыхать Пётр I, по проекту архитектора М.Ф. Казакова была построена беседка¹⁵.

С 1820-х годов Лефортово превращается в район военно-учебных заведений, в значительной степени оставшийся таковым до нашего времени.

В целом изучаемая территория обладает высокой сохранностью крупных градостроительных архитектурных и парковых ансамблей, планировочных рубежей и элементов застройки XVIII — начала XX века. Чрезвычайная историко-культурная ценность района требует признания его особой заповедной зоной Москвы.

---

¹⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 57. Д. 150. Л. 1 План и фасад беседки в Слободском саду. Внизу подпись: Оригинальный план принадлежит Казакову.

Л.Б. Перепечаева
(Азов)

«Государев двор» в Азове начала XVIII века. Концепция и программа его музеефикации

В 1696 году во время осады и массированного артиллерийского обстрела Азов был взят штурмом. По плану, предложенному Лавалем, а потом усовершенствованному Боргсдорфом, турецкую крепость устаревшей — башенной — системы, разрушенную бомбардировкой, перестраивают в более совершенную — бастионную.

Среди документов 1699–1700 годов по передаче дел по управлению Азовским краем из Пушкарского приказа в Разряд есть чертежи строений Азова: «...инженера Боргсдорфа... тетрадь немецкого письма 11 листов»; 6 чертежей Антония де Лавала; инженера Рейнгольт Трузина — 2 чертежа; итальянского карабельного капитана Матфея Симунта — 1 чертеж; инженера Ганца Шенурофа — 1 чертеж...»¹

В мае 1699 года в связи с бунтом стрельцов Пётр пребывает в Азове, остаётся там до конца августа и занимается подготовкой кораблей к плаванию в Стамбул для заключения мира с турками. 3 июля 1700 года был заключён мир с Турцией сроком на 30 лет. В условиях мира и стабильности Пётр стремится строить и развивать Азов не только как военную крепость, но и как крупный город, столицу новых территорий на юге России...²

В это время были сооружены: «Города земляные — Азов, Алексеевской, Петровской...»; под Азовом образованы слободы: Никоновский и Сергиевский городки (при «каланчах» — сторожевых баш-

¹ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 10. Л. 19–21.

² Перепечаева Л.Б. Азов — пограничная крепость России // Очерки истории Азова. Вып. 11. Азов, 2006. С. 70.

нях); «Лютин» городок — при бывшей турецкой крепости Сед-ислам на Мёртвом Донце; рядом с Азовом, к западу от его стен — Казачья слобода. Слободами у Азова были устроены приказные плотники и столяры, токари, котельники, кузнецы и «оконнишники» — для них было построено 48 изб из бударного леса. В конце казачьей слободы, ближе к палисаду, — 4 избы для калмыков³. За городом построены слободами строения для солдат. «В слободе одна горница и 93 избы с сенями и без сеней и 27 чуланов»⁴.

В делах Государственного архива Воронежской области (далее ГАВО) содержатся многочисленные челобитные, сказки, досмотры и другие документы об отводе земельных участков под строения, в том числе челобитные азовских переведенцев о передаче им в найм куреней, о строительстве дворов, погребов и других строений домашнего обихода за 1701–1702 годы⁵.

В Азове с 1696 по 1701 год были построены (кроме фортификационных сооружений): церковь Похвалы Пресвятой Богородицы, Предтечев монастырь, Приказная палата, Таможня, Кружечный двор, Питейная изба, Винный амбар, двор «Морского каравана» — Адмиралтейский двор, Инженерный, Тюремный, Конюшенный дворы, на рынке — фартерная изба, по городу — караульные избы, амбары, чуланы и конюшни, за городом — Гостинный и Посольский дворы. Внутри крепости построены многочисленные жилые дворы: стольников и полковников Стремянного полка, полковых полковников и капитанов, урядников и вестовых, дворы, где живут дьяки и подьячие, дворы для инженеров и иностранных специалистов⁶.

В России XVII — начала XVIII века Царский двор (Княжий двор, Государев двор) — название царской резиденции с определённым штатом придворных, обычаями и церемониями. Учитывая грандиозные планы Петра, связанные с Азовом, Пётр непременно должен был обзавестись здесь своим Двором — царской резиденцией. В Азове осенью 1700 года по приказу Петра после его отъезда начали строить дворец, точнее «Двор Великого Государя», а также дворы Азовского воеводы и адмиралтейца Апраксина и др.⁷ В делах архива Воронежской области за ноябрь 1700 года есть указы азовского воеводы Салтыкова о назначении надсмотрщика на Государев двор в Азове⁸.

³ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 10. Л. 801–802.

⁴ Там же. Л. 802 об.

⁵ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 340, 352.

⁶ *Перепечаева Л.Б.* Указ. соч. С. 14–22, 146–153.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 10. Л. 38, 103, 106, 108, 801

⁸ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 226.

В XVII веке в России Двор государя представлял пёструю массу зданий самой разной величины. Они теснились друг подле друга, возвышались одно над другим разнообразными по форме крышами: двускатными, епанечными, в виде шатров, скирдов, бочек с гребнями и маковицами, с башнями и башенками. Двор огораживали решётчатым забором с воротами, на которых висели образа.

В 1708 году была образована Азовская губерния, центром которой фактически стал Азов. В этом году Пётр посещает Азов и останавливается, видимо, в своём дворце, в котором продолжают отделочные работы. В издании «Древние грамоты...» есть документ: «Счет припасам, забранным для дворца императора Петра I во время пребывания его в Азове...», где сказано: «В нынешнем 1708 году июня в разных числах взято из рядов у торговых и посадских людей про обиход Великого Государя во дворец...»: сахар, мыло, различные пряности, огурцы.

Для дворца было куплено: «масла деревянного 1 пуд 19 фунтов; на переделку дворцовых свеч — 5 фунтов светилны; 365 аршин плетешков нитяных и бумажных; 192 колодочки гвоздей луженых; для починки окончин 13 колодок гвоздей простых...»⁹ До начала XVIII века во дворце, в богатых хоромах обычной мебелью были лавки подле стен, иногда накрытые «полавочниками». В последние годы XVII столетия вместо лавок появились стулья, на стенах зеркала, которые раньше хранились в чехлах, картины и «персоны» (портреты), для свеч — паникадила, шандалы. Стены дворцов украшали «стенным подволочным письмом», «бытейскою стенописью», а иногда «травами» и «аспидом».

Для росписи помещений царского дворца в Азове в 1708 году было взято: «5 фунтов сурику; 3 ф. белил; 1 ф. яри; 1/2 ф. желти; 1/4 ф. лазори...», а также «...крашенины 8 концов, мерою 67 аршин» — возможно, для покрывал на лавки и столы¹⁰. В «большую светлицу» — парадное помещение царского дворца — было куплено сукно: красного 36 аршин и 2 чети и сукна «шептуху» на 12 тюфяков¹¹. В приёмных палатах Государева дворца того времени, кроме лавок, стоял трон, богато украшенный золотом, серебром и тканями. В красных углах стояли простые столы, дубовые или липовые, «скамьи» и «стольцы» (табуреты).

---

⁹ *Второв Н., Александров-Дольник К.* Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частично Азова. Изд. Воронеж, Тип. Губернского правления, 1851. Кн. 1. С. 52–53.

¹⁰ Там же. С. 52.

¹¹ Там же. С. 52–53.

«Иконописцам, кои писали во дворце» была куплена сулея и клей¹².

Через 15 лет после завоевания Азов — административный центр края и столица юга России. На 1711 год в Азове было 4646 гражданских жителей разного сословия, военных — 8649 человек, всего — 13 295 человек.

К 1711 году под Азовом образован Государев рыбный заповедник и государев Виноградный городок. В Виноградном городке выращивали виноград, арбузы, клубнику, огурцы, дыни, лук и чеснок. Подготовлена земля под капусту и «насеяно рассады».

В документах РГА ВМФ за 1711 год есть описание «Государева двора в Азове».

Двор Великого государя в Азове построен на берегу Дона. Все постройки обнесены изгородью, передняя стена которой «горожена в столб», ворота передние и задние решётчатые. «На царском дворе в одной связи светлица из белого соснового четырехсаженного лесу и поварня, против них светлицы из леса 3 сажени длиной. На их строительство пошел бударный лес». Стены этих построек внутри и «с надворья» обиты досками, между ними сени, — «забраны досками вкось». «На том новом строении чердаки вверх о трех житьях»¹³.

Над рекой на царском подворье выстроены из соснового бруса две «набережные» с сенями и дощатый «нужник». На подворье 4 светлицы с сенями, мыльня из соснового леса, к которой с двух сторон приделаны сени. Около задних ворот 3 избы с сенями, конюшня, а также избы «поваренные» и поварня, около которой два ледника и два погреба с двумя окнами, над ними сооружён сарай, а около него ещё 3 избы и караульня из досок. Всего 28 построек. Все строения крыты тёсом¹⁴.

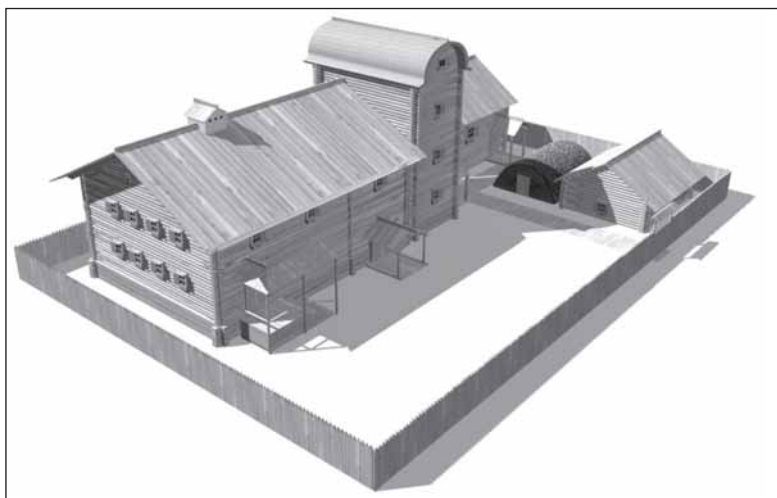
Погреба на царском подворье, на случай приезда государя, с его предыдущего посещения хранили всякую «снесь и питье»: «12 бочек пива, 5 бочек — полупива, 4 бочки меду — доброго и расхожего варенного», 15 вёдер двойного вина, а также мука ситная — 6 четей с осьминою, мука ржаная — 5 четей, крупа овсяная — 2 чети, крупа гречневая — 22 чети, горох — 3 чети, 573 пуда соли, 823 пуда 9 фунтов коровьего масла, 31 пуд ветчинного сала, сухари ржаные и пшеничные. Кроме того от посещения государя в 1709 году остались гречские орехи, изюм, пшено «сорочинское» (рис?), орехи турецкие (?), орехи русские (фундук), 31 брусок мыла простого, масло деревянное в кувшине и воск¹⁵.

¹² Там же. С. 53.

¹³ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 31. Л. 323.

¹⁴ Там же. Л. 328.

¹⁵ Там же. Л. 486.

Макет царского дворца в Азове

Помимо съестных припасов, дворец Великого государя в Азове хранил множество «припасов и запасов посуды прежних приемов прошлых лет»: «из Сытного дворца медная посуда: наливная мера малая; пол кружки и кружка, которой мерили вино; кумганы с крышкой и «холмогорского дела ночник»; ендывы большая, малая и средняя; чарки, ведра, кумган с «кровлей» и рукоятями со всех четырех сторон и с носом; 2 куба больших и 2 меньших с «кровлей» и с трубками (кубы с крышками и трубками, возможно, для перегонки вина. — *Л.П.*); куб для мыльни — в нём грели воду для купания и стирки; стаканы, котёл; 17 больших орленных блюд; 25 — средних; 28 блюд глубоких «меньшей руки орленных; 96 блюд «всякой руки. Всего 166 блюд. 3 чашки с кровлями и рукоятками, орленных; 7 чашек порченых; 10 солонок с крышками»¹⁶.

В документе перечисляется кухонная посуда из Царского дворца: котлы на ведро и «котлики маленькие турецкие с кровлею», в том числе и лужёные; чумич железный, катки лужёные «на оба лица, что пропускают кушанье», тёрка белого железа «что хрен трут»; сковородки; 14 железных «росщепов, что пропускают всякую рыбу»; решётка железная для жарки мяса; таганы, «на чем ставят жаровни»; таганы «поваренные, на которых варят»; вертела, «на которых пропускают» кур и уток¹⁷.

¹⁶ Там же. Л. 481.

¹⁷ Там же. Л. 483.

Из Хлебного дворца в Азов были доставлены и хранились в Царском дворце пружинные весы медные, а также различная деревянная посуда: блюда, ложки боярские (видимо, расписные. — *Л.П.*), ложки расхожие, ножи польские, кружки, блюда, чашки, крышки, две сусеки, обёрнутые чаканом, «бандемра измайловского дела стеклянная» и другие предметы¹⁸.

Неудача Петра на берегах Прута трагическим образом решила судьбу Азова — по Прутскому мирному договору Россия возвращала Азов Турции, не имела права держать свой флот на Азовском море, а Таганрог подлежал полному разрушению и передаче Османской империи. По договору Азов с пушками, снарядами и прочими припасами у Азовского обер-коменданта Келина «в сторону Салтанова величества... Аванс-паша и Мурза Мегмет-ага по росписи приняли»¹⁹. Остальное имущество и хоромное строение, которое российская сторона не смогла вывезти, удалось выгодно продать — турки пожелали «взять (их) на деньги... за 70 мешков»²⁰.

На плане Азовской крепости 1736 года на месте дворца Петра значится «Пашин двор». Но по окончании войны, по Белградскому миру 1739 года, Азов оказался на «барьерной территории», его укрепления были взорваны, а внутренние строения постепенно разорились. Когда в 1769 году, в ходе очередной русско-турецкой войны, Азов вновь был занят российскими войсками, в крепости не осталось и следов Двора Петра, но сама крепость, хоть и со взорванными бастионами, сохранилась и по приказу императрицы была восстановлена «по старым линиям». Таким образом, линия первой в России бастионной земляной крепости конца XVII — начала XVIII века сохранилась до настоящего времени (за исключением береговых сооружений). Сегодня Алексеевский гонверк, Большой рavelин, Петровский и Полугорный бастионы, Алексеевские и Верхне-Таганрогские ворота, Пороховой погреб, куртины и рвы Азовской крепости — памятники Федерального значения.

Ещё в 1989 году на заседании городского Общества охраны памятников музеем была предложена программа создания Заповедной зоны, ядром которой должна была стать Азовская крепость с отреставрированными, реконструированными и музеефицированными объектами, однако последовавшие перемены в стране не позволяли приступить к её воплощению. В начале нового тысячелетия, в новых экономических условиях открылись перспективы поэтапной реализации этой программы.

---

¹⁸ Там же. Л. 484, 484 об.

¹⁹ Там же. Л. 45.

²⁰ Там же. Л. 295–302.

Азовским музеем-заповедником разработана концепция музеефикации Азовской крепости, которая включает сохранившиеся памятники фортификации. Уже создан музейный комплекс «Пороховой погреб» — памятник военно-инженерного искусства XVIII века. Аналоги его конструкции в нашей стране неизвестны. Комплекс включает Пороховой погреб с экспозицией, где само сооружение — главный «экспонат» экспозиции под открытым небом: «Азовская крепость в макетах и планах», «Транспортные средства XIX — начала XX вв.», «Половецкая и скифская скульптура в собрании Азовского музея-заповедника», «Интерактивная площадка — Крепость».

Разработана концепция музеефикации 2-го полубастиона Алексеевского гонверка и так называемого «Алексеевского города» — территории, образованной Алексеевским гонверком, примкнувшим к Азовской крепости с юго-восточной стороны.

В 2013 году по программе «Культура России» были получены деньги на реализацию первой очереди проекта — музеефикацию «2-го полубастиона Алексеевского гонверка», ориентированной на конец XVIII — начало XIX века. Алексеевский гонверк представляет собой земляную фортификационную постройку бастионного начертания из двух полубастионов и двух куртин. В куртине между полубастионами находятся каменные крепостные ворота Алексеевские, постройки 1800–1805 годов и проезд, прорезанный в земляной насыпи куртины в конце XIX века. С юго-восточной и с южной стороны сохранился ров.

В 2011–2012 годах была подготовлена научно-информационная база для создания условий реставрации и музеефикации главного и самого привлекательного объекта Азовской крепости — Алексеевского гонверка. Алексеевский гонверк с прилегающей к нему территорией занимает 37 772 кв. м и находится в оперативном управлении Азовского музея заповедника. В пределах этой территории законом определена зона охраны и регулирования застройки, которая задаёт технологию строительства и размеры реконструируемых объектов.

В 2012 году разработаны предложения по музеефикации объектов «2-й полубастион Алексеевского гонверка» и «Алексеевский город». В петровское время Алексеевский город (или Алексеевская слобода) располагался за стенами Азовской крепости, от Алексеевского гонверка вниз к Дону. Из документов известно, что Алексеевский город был застроен куренями стрельцов и солдат, а между ними были торговые ряды. От азовской стены, по правую сторону «ряд Московский», в нём 24 лавки, 9 скамей, 9 лотков, и 5 лотков подъячего Никифора Кренёва и ещё «порожнее место»²¹. В этих рядах торгова-

²¹ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 1. Л. 222–224.

ли «разных полков стрельцы и всех чинов люди индюшками и бобровыми пухами, куличами... сафьянами, сапогами, шапками и рукавицами».

В Алексеевском городе, против часовни Предтечева монастыря стояли две харчевни, принадлежащие стрельцам, и 11 скамей «мерю в длину — сажень, в поперечнике — аршин (примерно 200х60 см)²². На берегу Дона, выше келий монахов Предтечева монастыря находился рыбный ряд из 11 лотков. Здесь же, в Алексеевском городе, если идти от Дона «большой улицей, на которой стоит часовня Предтечева монастыря», был ещё ряд из 13 скамей, которыми владели стрельцы. Кроме этих торговых мест в городе имелись три торговые бани, также принадлежащие стрельцам²³.

В России XVII века, в каждом значительном городе на торгу был Государев Таможенный и Кружечный двор, куда должны были явиться купцы прежде чем открывать торговлю. 5 июня 1697 года А.П. Прозоровский писал в Приказ: «Указал ты, Великий государь по чертежу и по назначенным численным словам... в городе Алексеевском под горою, длиннику на 30 поперечнику на 16 саженой переведенцев курени и войсковые избы Филиппова полку солдат снести и место очистить и построить на том месте таможду и кружечный двор, со всякими строение как пристойно»²⁴.

Выдержки из документов приведены, чтобы дать представление о полноте документальной изученности застройки Азова, Алексеевского, Петровского и других слобод петровского времени. Такой же документальный материал дают нам планы Азовской крепости XVIII — начала XIX века.

На этой основе построена концепция и программа музеефикации Алексеевского гонверка. В 2012 году на программу «Культура России» была подана заявка на музеефикацию «2-го полубастиона Алексеевского гонверка» и «Алексеевского города». В 2013 году были выделены средства на реализацию проекта музеефикации первой очереди памятника фортификации — «2-го полубастиона». Первая очередь ориентирована на конец XVIII — начало XIX века, а музеефикация второй очереди — территория «Алексеевского города» — на петровское время, т.е. на начало XVIII века.

---

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Андрющенко О.В. Население и администрация города Азова в 1696–1711 годах. Воронеж, 2008. С. 212.

Музеефикация первой очереди памятника фортификации — «2-го полубастиона» окончена и сдана в эксплуатацию в марте 2014 года. На валах 2-го полубастиона изготовлены и установлены:

- ♦ сторожевые будки по чертежам XVIII века;
- ♦ артиллерийские орудия на лафетах и станках по чертежам XVIII века;
- ♦ орудие, из которого будет производиться выстрел в полдень;
- ♦ декоративный знак с указанием направлений сторон света и ближайших к Азову крепостей и укреплений XVIII века;
- ♦ бинокляр для осмотра окрестностей;
- ♦ турникеты с информацией и изображениями.

Под валами 2-го полубастиона, внутри крепости реконструировано здание кордегардии (которая служит служебным помещением для музейного объекта). На площадке ретро-аттракционов установлены «круглые качели» и «катательная горка».

В финансирование первой очереди были также заложены и освоены средства на подведение коммуникаций к объекту и установку видеонаблюдения.

На реализацию второй очереди — музеефикации объектов на территории Алексеевского города подготовлена заявка на программу «Культура России». При условии финансирования на территории Алексеевского города будут реконструированы объекты:

- ♦ *Городской торг* (на историческом месте начала XVIII века) — «лавки, шалаши и скамьи, а также полки и стулы» с разными товарами: сувенирами, водой, сладостями, мороженым и т.п.;
- ♦ *Кружечный двор* (на историческом месте начала XVIII века) — «где торгуют горячительными напитками» (чай, кофе, сбитень и проч.);
- ♦ *Государев двор (макет в 1/2 величины)* с интерьерами в помещениях, которые можно будет увидеть, заглянув в окна. Этот объект будет воспроизведён не на историческом месте, а на территории Алексеевского города, т.к. территория места расположения Государева двора с начала XIX века застроена портовыми сооружениями.

Программа предусматривает благоустройство музеефицированной территории, установку изгороди, видеонаблюдения по всему периметру и информационных турникетов.

Е.А. Андреева
(Санкт-Петербург)

Первые дворцы Петра I в Петербурге и окрестностях

Первоначальный Петербург расположился на острове, называвшемся Берёзовым (по-шведски — Биркенгольм, по-фински — Койвусаари), который с созданием города стали называть Городовым (Городским), а с наименованием — Санкт-Петербургским (Петербургским). Царя можно считать первым петербуржцем, поскольку уже в мае 1703 года он поселился недалеко от возводившейся на Заячьем острове крепости, в юго-восточной части Городового острова, в доме, позднее получившем название «Первоначальный дворец», или «Красные хоромы», а ныне именуемый — Домик Петра.

Первый летописец Петербурга А.И. Богданов, живший в городе на Неве с 1712 года¹, так описывает Домик: «Сей дворец его величества состоит в небольших хоромцах брусчатых, по сторонам по одной светелке, а посередке сенцы, в длину не более десяти сажен, а в ширину три сажени, наверху кровли поставлена мортира, а по концам кровли лежат по одной бомбе с горящим пламенем, разписаны по кирпичному маниру, и внутри обиты холстом»².

В литературе распространено мнение, что дом был построен в 1703 году за три дня из сырого леса русскими солдатами-плотниками³. Вместе с тем, о строительстве этого домика с указанием точ-

¹ ОР РНБ. Ф. 406 (М.М. Курбанов). Оп. 1. № 346. Л. 18.

² *Богданов А.И.* Описание Санктпетербурга. СПб., 1997. С. 137.

³ См., напр.: *Пекарский П.П.* Петербургская старина // Современник. СПб., 1860. Т. 82. С. 144; *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1864. Т. IV. Ч. I. С. 243.

ных дат 24–26 мая 1703 года речь идёт только в одном, и то нарративном источнике, называемом «О зачатии и здании царствующаго града Санкт-Петербурга», хранящемся в Эрмитажном собрании Отдела рукописей РНБ и впервые опубликованном Г.В. Есиповым в 1863 году. Переиздавший несколько лет назад этот источник П.А. Кротов установил его авторство и время создания. Итак, его написал не кто иной, как Пётр Никитич Крекшин в 1750–1760-х годах. И саму легенду, и датировку строительства Домика Петра I П.А. Кротов считает достаточно условной⁴. Таким образом, можно заключить, что источников, подтверждающих даты строительства и само строительство в мае 1703 года домика Петра I, на сегодняшний день не выявлено.

Что касается дошедшего до нашего времени Домика Петра, то его русское происхождение ни у кого не вызывало сомнения до 1996 года, когда Н.В. Четверикова, изучив памятник, пришла к выводу, что дом выстроен в традициях не русского, а «скандинавского народного зодчества» со шведской шестиугольной рубкой, на Руси не применявшейся. Его планировка также типична для скандинавского, а не русского деревянного зодчества: две разные по размерам комнаты, соединённые сенями. Исследователь приходит к выводу, что дом был построен шведскими пленными в 1703 году⁵.

П.Е. Сорокин на основании изучения допетровской топографии местности полагает, что это шведский дом, располагавшийся на дворе Лейя, который царь просто занял после взятия Канец (Ниеншанца)⁶. С.Б. Горбатенко, опираясь на выводы Н.В. Четвериковой и П.Е. Сорокина, сопоставив местоположение шведского домика Лейя на шведских планах и домика Петра I, выявив свидетельства нарративных источников (анекдотов Я. Штелина, А.К. Нартова и др.), в которых упоминается, что царь поселился в доме шведского рыбака, отметив обнаруженную реставраторами традиционную шведскую роспись в домике, убедительно доказывает, что для Петра I этот дом не строили,

⁴ О зачатии и здании царствующаго града Санктпетербурга // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. Приложение 2. С. 259; «О зачатии и здании царствующаго града Санкт-Петербурга» // *Кротов П.А.* Основание Санкт-Петербурга: Загадки старинной рукописи. СПб., 2006. Приложение. С. 144; *Кротов П.А.* 1) Начало Санкт-Петербурга: Тайны старинной рукописи // *Меншиковские чтения 2005: Сборник научных статей / Отв. ред. П.А. Кротов.* СПб., 2005. С. 66–95; 2) Основание Санкт-Петербурга... С. 19, 113–114.

⁵ *Четверикова Н.В.* Домик Петра I в Петербурге // *Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология.* 1995. М., 1996. С. 454–462; см. об этом также: *Малиновский К.В.* Санкт-Петербург XVIII века. СПб., 2008. С. 25–26.

⁶ *Соркин П.Е.* Археологическое изучение Троицкого Петровского собора // *Археологическое наследие Санкт-Петербурга.* СПб., 2003. Вып. 1. С. 27–28.

что первым петербургским домом-дворцом стало жилище шведского крестьянина (или рыбака) деревни Койвусаари Марти Лейя⁷.

Остановимся на времени, когда царь мог занять домик Лейя. П.Н. Крекшин говорит о 24–26 мая 1703 года. Проследим местонахождение в эти дни царя. Здесь мы касаемся не решённого, на наш взгляд, в историографии вопроса о том, где был Пётр I при основании Петербурга. В последние годы эта тема поднималась в работах А.М. Шарымова, Е.В. Анисимова, П.А. Кротова и др.⁸ Трудность решения вопроса связана с тем, что о местонахождении Петра I 16 мая 1703 года ничего неизвестно: «Походный журнал» пропускает эту дату, писем царя за этот день нет. В «Гистории Свейской войны», написанной по указу и под наблюдением Петра Великого в 1720-х годах, о его роли в закладке крепости не сказано ни слова. Звучит безлико: «мая в 16 день в неделю Пятидесятницы фартецию заложили...» или, в другом варианте: «крепость заложена, именована Санкт-Питербурх»⁹. Приверженцы идеи, что царь 16 мая 1703 года находился в невской дельте, считают главным доказательством пометку на письме Т.Н. Стрешнева от 7 мая 1703 года из Москвы сделанную рукой секретаря или денщика: «принято с почты в Шлотбурхе 15 мая»¹⁰, на основании которой делается вывод, что царь в это время, а значит и на другой день, 16 мая, был в будущем Петербурге, а, следовательно, сам закладывал крепость¹¹. На мой взгляд, эта по-

⁷ Горбатенко С.Б. 1) Новый Амстердам: Санкт-Петербург и архитектурные образы Нидерландов = New Amsterdam: St. Petersburg and Architectural Images of the Netherlands. СПб., 2003. С. 190–191; 2) Шведский домик Петра I // Приневье до Петербурга: Сборник научных статей. СПб., 2006. С. 100–106.

⁸ См., напр.: Шарымов А.М. Был ли Пётр I основателем Санкт-Петербурга? // Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. СПб., 2003. Кн. 2: 1703 год: Хроника года и его загадки. Раздел 2. С. 435–710; Анисимов Е.В. 1) Основание Санкт-Петербурга // Санкт-Петербург: 300 лет истории. СПб., 2003. С. 27–29; 2) А был ли основатель при основании? // Анисимов Е.В. Юный град: Петербург времён Петра Великого. СПб., 2003. С. 35–36; Кротов П.А. 1) Как был заложен Санкт-Петербург // Кротов П.А. Основание Санкт-Петербурга: Загадки старинной рукописи. СПб., 2006. С. 85–86; 2) Закладывал ли Пётр I столицу Российской империи? // Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: Прологи основания Санкт-Петербурга / Отв. ред. Н.В. Кирющенко. СПб., 2011. С. 154–172.

⁹ Первая редакция. 1703 г. // Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова, под общ. ред. А.А. Преображенского. В 2-х вып. Вып. 1. М., 2004. С. 105 и примеч. 7 на с. 105.

¹⁰ ПиБ. Т. II. СПб., 1889. Примеч. к № 514. С. 529.

¹¹ См. об этом, например: Шарымов А.М. 1703 год: Хроника года и его загадки // Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год... С. 529–531; Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года... С. 162–163.

метка говорит только о том, что письмо было принято в личную канцелярию (будущий кабинет) Петра 15 мая, и совсем не значит, что царь был в тот день здесь же.

На основании писем Петра I, «Походного журнала» и сведений, содержащихся в «Гистории Свейской войны», устанавливается, что царь ушёл из Невской дельты на Лодейную пристань 11 мая, а вернулся 20 мая и пробыл в будущем Петербурге до 1 июня, когда отправился опять же на Лодейную пристань¹². Следовательно, впервые жить в доме шведского рыбака царь мог с 20 мая по 1 июня 1703 года.

***

Ранний Петербург имел два центра, можно сказать, состоял из двух городов: один находился на Берёзовом (Городовом) острове, а другой — на Адмиралтейском. И первым жителем второго центра города тоже стал царь. Его первый дом на этом острове имел сезонный характер и получил название Летний¹³. О.Н. Кузнецова и Б.Ф. Борзин полагают, что этот дом, как и на Городовом острове, не строился специально для Петра I. Царь поселился в уже существовавшем деревянном доме Э.Б. фон Коноу, находящемся на берегу

¹² Походный журнал 1702 г. СПб., 1853. С. 4–5; РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 1. Л. 68 об.; Отд. II. Кн. 2. Л. 531, 553–553 об., 555 об., 561–562, 563 об., 573 об., 916; РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 7. Л. 24; Походный журнал 1703 г. СПб., 1853. С. 4–6; ПиБ. Т. II. № 530. С. 168; № 531. С. 169; № 532. С. 170; № 533. С. 170; № 534. С. 171; № 554. С. 211–212; № 555. С. 213; № 556. С. 214; № 557. С. 215; № 559. С. 217; № 560. С. 219; № 562. С. 221; № 563. С. 222; № 564. С. 224; № 566. С. 226; № 567. С. 227; № 570. С. 230; Примеч. к № 562. С. 603–604; Примеч. к № 564. С. 606–608; Примеч. к № 567. С. 612; Примеч. к № 571. С. 625; Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. IV. Ч. I. Приложение I. С. 244–245; Ч. 2. № 76. С. 53; № 77. С. 54; № 79. С. 55; № 84. С. 59; № 85. С. 60; № 86. С. 60; № 88. С. 61; № 89. С. 61; № 90. С. 62; № 91. С. 63; Военно-походный журнал (с 3 июня 1701-го года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по высочайшему повелению в Новгород и Псков для охранения тех городов и иных тамошних мест от войск шведского короля // Материалы военно-учёного архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. I. С. 131; Первая редакция. 1703 г. // Гистория Свейской войны... С. 106; Последняя редакция. 1697–1707 гг. // Гистория Свейской войны... С. 235; *Тимченко-Рубан Г.И.* Первые годы Петербурга: Военно-исторический очерк. СПб., 1901. С. 86–88. См. об этом также: *Шарымов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга... С. 492, 621, 630–632, 634–637, 673–674, 680–681, 740, 742–743.

¹³ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 1 об.; ПиБ. М., 1962. Т. XI. Вып. 1. Примеч. к № 4212. С. 356; «...Ехать и переписать имянно без медления»: Первые жители Петербурга. 1717 г. / Публ. С.Р. Долговой // Исторический архив: Научно-публикаторский журнал. 2003. № 2. С. 10; *Дубяго Т.Б.* Летний сад. М.; Л., 1951. С. 12.

Невы, западнее р. Фонтанки¹⁴. Этой же версии придерживается С.Б. Горбатенко¹⁵.

Вместе с тем, существует документ, а именно опись Адмиралтейского острова 1717 года, в которой значится: «Слобода по Неве реке от Фонтанной речки. Дом царского величества Летней, а по ведомости от светлейшего князя (т.е. Меншикова. — *Е.А.*) построен оной дом в 1703 году. А по справке из Концелярии городовых дел припасы на строение отпущаны в 1708 году»¹⁶. История составления этого документа такова: Пётр I, находясь во втором европейском путешествии, распорядился А.Д. Меншикову прислать к нему «подлинную ведомость о дворовом при Санкт-Петербурге числе». Губернатор края Меншиков отдал соответствующее распоряжение генерал-майору и адмиралтейскому обер-штер-кригс-комиссару Г.П. Чернышеву, с 1717 года отвечавшему за строительные работы адмиралтейского ведомства в Петербурге. Генерал-майор отправил ордер о составлении описи строений на Адмиралтейской стороне некоему адмиралтейского батальона майору Скунскому¹⁷. Была составлена опись, которая за подписью Чернышева была передана Меншикову и отложилась в его «Походной канцелярии». По всей видимости, на основании этой описи светлейший князь отправил требуемую ведомость монарху. Упоминаемая в этом документе ведомость Меншикова на сегодняшний день не обнаружена, и неизвестно, когда и для каких целей она была составлена и на каких источниках основывалась. Возможно, в меншиковской ведомости речь шла о том, что царь жил в доме с 1703 года. На мой взгляд, версия о шведском происхождении первого деревянного Летнего дворца вполне вероятна. Поскольку царь в 1703 году не находился на берегах Невы подолгу, вполне вероятно, что и на Адмиралтейском острове он выбрал себе уже существовавший дом Э.Б. фон Коноу. Возможно, этому дому или обоим — и на Городовом и на Адмиралтейском островах — в 1704 году были переданы шведские трофеи: четыре двери, «в том числе одна з замком», две плетённые медью решетки и 33 оконницы¹⁸.

Безусловно, судьба Летних дворцов (деревянного, потом каменного) была неразрывно связана с Летним садом. И в марте 1704 года,

¹⁴ Кузнецова О.Н., Борзин Б.Ф. Летний сад и Летний дворец Петра I. СПб., 1988. С. 62; Ср.: Малиновский К.В. Указ. соч. С. 39.

¹⁵ Горбатенко С.Б. Новый Амстердам... С. 190.

¹⁶ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 1–1 об.; Опубликовано: «...Ехать и переписать имянно...». С. 9–10.

¹⁷ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 1, 135 об.; «...Ехать и переписать имянно ...». С. 9.

¹⁸ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Кн. 11. № 30. Л. 387–387 об.

вероятно, как только потеплело, Пётр просит своего «дядьку» Т.Н. Стрешнева¹⁹ прислать цветы из подмосковного Измайлова и садовников: «всяких цветов из Измайлова не помалу, а больше тех, кои пахнут, прислать с садовники в Петербург». А в письме тому же корреспонденту от 16 июня узнаем, что за цветы были присланы: «Цветы, шесть кустов пионы, привезли в целости, чему zelo удивляемся, как не разтрясло, а цветы немалые. Zelo жалеем, что калуферу, мяты и прочих душистых не прислано, а когда пиони довели, а эти гораздо легче; прикажи их прислать...»²⁰

В 1704 и 1705 годах, судя по всему, никаких кардинальных работ ни в саду, ни в доме не производилось, но шла подготовка: в декабре 1705 года на невские берега из Нарвы был возвращён чертёжник Приказа артиллерии И.М. Угрюмов (Матвеев), который до апреля 1707 года производил работы в деревянном Летнем дворце, соорудил фонтаны в Летнем саду, плотину через Фонтанку и т.д. Первый фонтан, качеством которого, правда, царь остался недоволен, Угрюмов (никогда ранее ничего подобного не соорудавший) сделал уже весной 1706 года²¹.

Летняя резиденция Петра I находилась на Адмиралтейском острове, за строительство на котором следил глава приказа Военного морского флота генерал-адмирал Ф.А. Головин. Непосредственно за работы на острове, в том числе в резиденции царя, отвечал олонечкий комендант И.Я. Яковлев. Поэтому не случайно в письмах монарха к Головину речь идёт о присылке в Петербург фонтанного мастера и свинцовых труб, а к Яковлеву — об отправке в Петербург токарного станка²².

В 1706 году упоминания о поставках во дворец и сад находим в письмах Петра I к различным корреспондентам, прежде всего адмиралтейского ведомства. Так, о привозе из Новгорода токарных станков царь пишет кораблестроителю Г.А. Меншикову: «немедленно два станка такарных, которыя вверху у меня [один что ногою, а другой колесом точат] со фсею снастью, деревами и костью, также что у Телса [т.е. английского купца А. Стейлса. — *Е.А.*] есть дерева и

¹⁹ Судя по всему, Тихон Никитич Стрешнев был одним из тех немногих людей, кому царь доверял. Стрешнев был в своё время другом и опорой царице Наталии Кирилловне. Он поддержал юного Петра в борьбе за трон. После прихода Петра к единоличной власти Стрешнев назначался главой различных приказов. Вероятно, он прекрасно справлялся со своими обязанностями, поскольку Пётр его сделал и московским губернатором, и сенатором.

²⁰ ПиБ. Т. III (1704–1705 гг.). СПб., 1893. № 636. С. 42; № 672. С. 93.

²¹ *Малиновский К.В.* Указ соч. С. 37–38.

²² ПиБ. Т. IV (1706 г.). СПб., 1900. № 1143. С. 148; № 1257. С. 283; № 1300. С. 321.

кости возми ж, и с тем всем»²³. О поставках цветов царь пишет в июле 1706 года кораблестроителю Ф.М. Склеяву: «Что послано отсюда белых лилий коренья, которые чтоб огородник бережно управил; также маеран, которой в Нарве чтоб, з землею выняв, бережно перевезли в Питербурх...», а также тайному секретарю Посольского приказа П.П. Шафирову: «Цветы, которые в Алексеевском [дворец и сад царя Алексея Михайловича под Москвой. — Е.А.], уже давно время послать в Питербурх...»²⁴

С осени 1706 года по весну 1707 велись работы по перестройке Летнего дворца, которыми руководит И.М. Матвеев (Угрюмов)²⁵. В 1707 году произошла ротация в Адмиралтейском ведомстве. В июле 1706 года умирает Ф.А. Головин, и руководство Адмиралтейским ведомством в начале 1707 переходит к ставшему адмиралом Ф.М. Апраксину. В январе 1707 года скончался И.Я. Яковлев, а в июле того же года И.М. Матвеев (Угрюмов), и с этого времени на долгие годы за строительство на Адмиралтейском острове, в том числе и за царские объекты, отвечает адмиралтейств-советник А.В. Кикин²⁶.

Уже при А.В. Кикине были осуществлены два переноса деревянного Летнего дворца. Первый раз его перенесли на место, где теперь находится знаменитый каменный Летний дворец. В царском письме Кикину за март 1708 года говорится: «Когда болшия хоромы перенесены будут на указное место, надобно в них и на другия дела кирпич, печи и на фантанное дело тесаной камень...»²⁷ Из ответа адмиралтейство-советника от 12 марта становятся известны некоторые подробности: «В доме вашем хоромы, которые перенесены, в неделю, хотя не все, однако поварня и другие будут готовы»²⁸. Известно, что в это время во дворце трудились 16 живописцев и золотарей и 11 столяров²⁹. Деревянный Летний дворец был перенесён в 1708 году и после переноса претерпел перестройку, для чего, как видно из цитированной выше «Описи Адмиралтейского острова 1717 г.», начали отпускать строительные материалы Канцелярии городовых дел. На шведской «Карте Петербурга и его окрестностей, составленной по показаниям дезертиров и пленных» 1708 года³⁰, деревянный Летний

²³ Там же. № 1161. С. 171.

²⁴ Там же. № 1284. С. 304; № 1298. С. 320.

²⁵ Малиновский К.В. Указ, соч. С. 38–39.

²⁶ Андреева Е.А. Рождение Петербурга. СПб., 2011. С. 25–32.

²⁷ ПиБ. Т. VII. Вып. 1. Пг., 1918. № 2323. С. 120.

²⁸ Там же. Вып. 2. М.; Л., 1946. Примеч. к № 2273. С. 423.

²⁹ Там же.

³⁰ Базарова Т.А. Планы петровского Петербурга: Источниковедческое исследование. СПб., 2003. С. 65, 67.

дворец изображён двухэтажным, на высокой крыше которого расположена ещё одна небольшая крытая постройка (мезонин). Немецкий путешественник, посетивший Петербург в 1710–1711 годах, ещё застал этот дворец: «маленький дом в саду на самом берегу реки, выстроенный в голландском стиле и пёстро раскрашенный, с позолоченным оконным переплётом и свинцом [на стёклах]»³¹.

Под руководством А.В. Кикина, как видно из его переписки с царём, велись работы и в Летнем саду, сопровождавшиеся определёнными трудностями. Так, сооружение фонтанов затянулось почти на год: весной 1708 года должен был прибыть из Москвы фонтанный мастер и гравёр Иван Блеклант³², но он заболел, тогда в Нарве нашли Ганса Киндлера, и Кикин писал царю 9 августа: «Фонтанный взвод начнем вскоре делать», однако и Г. Киндлер заболел. 23 октября Кикин сообщал: «Фонтанное дело в доме вашем еще делать не зачето, ибо Г. Киндлер в Нарве лежит болен». Работы начались только 6 декабря³³.

Вероятно, еще с 1707 года в саду сооружались галереи. За эту работу отвечал архитектор Фёдор Васильев, который в начале года не подавал ведомости о том, какие материалы и в каком количестве ему нужны. 20 февраля 1707 года А.В. Кикин опять недоволен Васильевым: «Федора Васильева понуждаю ево непрестанно, однакож дела свои делает слабо». И к концу августа того же года стало все ясно: Кикин сообщает царю, что Васильев «обезумел» и спрашивает, кого из архитекторов привлечь к этой работе: Д. Трезини или Г. Киндлера³⁴.

Помимо строительных работ в саду высаживались деревья, кусты, цветы и т.д., за чем следил непосредственно сам царь. 3 августа 1707 года Пётр I из Варшавы слал Кикину следующее распоряжение: «Также слышал я от Лутковского³⁵, что многия деревья засохли, о чем также прошу в осень (ежели я не буду или замешкаюсь) на тех местах новыя (с лутчим бережением коренья и земли около их) посадить толшиною в толстую аглоблю или малым толще...»³⁶ В тот же день

³¹ Точное известие... // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 52.

³² *Андреева Е.А.* Именной указатель // Петербург в эпоху Петра I: Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории. Каталог / Под ред. Ю.Н. Беснятых, В.Н. Гинева; авт.-сост. Е.А. Андреева, Т.А. Базарова, Г.А. Победимова, Ю.Б. Фомина. Вып. 1. СПб., 2003. С. 681.

³³ ПиБ. Т. VII. Вып. 2. Примеч. к № 2323. С. 511–512; Примеч. к № 2442. С. 897; Примеч. к № 2690. С. 760; *Малиновский К.В.* Указ. соч. С. 41.

³⁴ ПиБ. Т. VII. Вып. 2. Примеч. к № 2323. С. 512.

³⁵ Лутковский Илья Ерофеевич (Юрьевич).

³⁶ ПиБ. Т. VI. № 1886. С. 35.

великолукскому коменданту С.Г. Нарышкину он сообщал, что отправил из Варшавы поручика гвардейского Преображенского полка Семёна Пискорского «с помаранцовыми³⁷ и иными деревьями, которых будет немалых ящиков со сто и больше», и распорядился к приезду поручика сделать тёплые амбары, в которых бы эти деревья перезимовали, с тем, чтобы весной их отправить в Петербург. 6 октября Пискорский слал царю донесение из Великих Лук, что все привезенные деревья размещены в амбаре и находятся «в добром здравии». Он сообщал также, что за это время «на гранате яблоко поспело», которое и было отправлено его величеству, а также рапортовал об отправке в Петербург младшего огородника с тюльпанами и травой «букзборн»³⁸, «чтоб посадить в нынешних осенних числах»³⁹. К 1710 году, по свидетельству иностранцев, это был довольно большой, «хорошо разбитый» сад, посреди которого находился выложенный тёсаным камнем водоём. В центре водоёма был сделан искусственный грот, из которого бил фонтан. В саду была также оранжерея, где выращивали апельсиновые, лимонные, лавровые и другие деревья, кусты гвоздики и так далее⁴⁰.

Распоряжение царя о втором переносе деревянного Летнего дворца и причины этого отражены в его инструкции А.Д. Меншикову от 13 января 1711 года: «Что надлежит сделать по отъезде нашем», деревянный Летний дворец следовало «перенести в новое место, что близ Калинкина»⁴¹, то есть в Екатерингоф, на его же месте возвести «палаты», то есть существующий поныне каменный Летний дворец, что и было сделано в феврале 1711 года⁴².

---

³⁷ Померанец, чинотто или бигарадия (лат. *Citrus aurantium*) – вечнозелёное древесное растение рода цитрусовых семейства рутовых, имеет белые цветки и шаровидные (иногда слегка сплюснутые) ярко-оранжевые плоды.

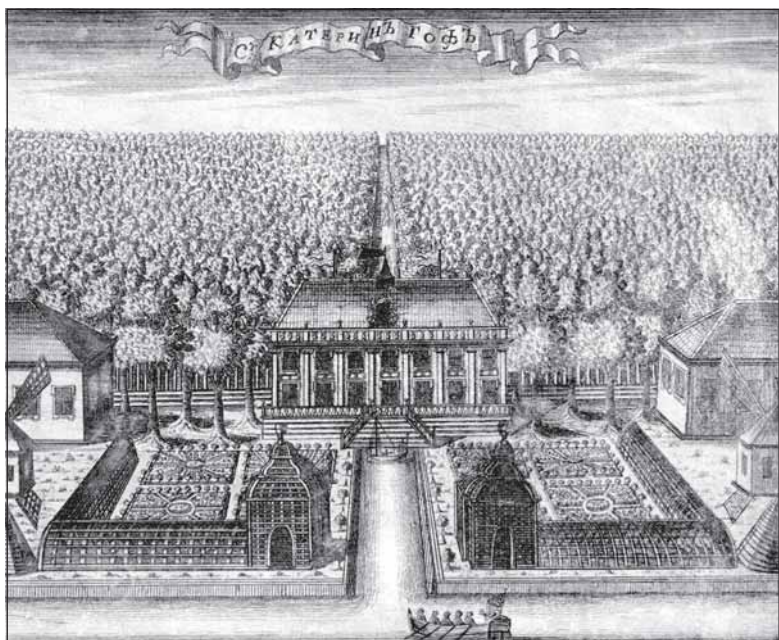
³⁸ Самшит (буксус) (по лат. *Vixus*), в документах первой половины XVIII в. назывался: букжбмор, бушбом, бускбом – медленнорастущий вечнозелёный теневыносливый лиственный кустарник (3–6 м высотой и 1,5–3 шириной) или дерево (высотой до 15 м). Ценится его декоративная густая кроваля и блестящая листва. Все его части ядовиты. Долговечен (до 500 лет). В петровское время самшит в огромных количествах выписывали из-за границы для боскетов и цветников, однако в петербургском климате он плохо приживался и часто погибал. Самшит высаживали в Летнем саду, он широко использовался в Петергофе, в частности, в монплеизирском саду. См.: *Тихомирова М.А. О восстановлении русских регулярных садов петровского времени // Восстановление памятников культуры: Проблемы реставрации / Под ред. Д.С. Лихачева. М., 1981. С. 127, 132.*

³⁹ ПиБ. Т. VI. № 1887. Примеч. к № 1887. С. 273.

⁴⁰ Точное известие... С. 52.

⁴¹ ПиБ. Т. XI. Вып. 1. М., 1962. № 4212. С. 34.

⁴² РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 35а. Л. 37.

Екатерингофский дворец.
Гравюра А.Ф. Зубова. 1716 г.

Вероятно, при переносе дворец был незначительно переделан. Известны два изображения перенесённого в Екатерингоф деревянного Летнего дворца до его кардинальной перестройки, то есть, вероятно, в том виде, в каком он стоял в Летнем саду: 1) на шведском двойном чертеже П. Бетюна (Paul Bethun): наверху изображён Екатерингоф, внизу Петербург: Адмиралтейский, Городовой, Васильевский острова и Петербургская крепость; 2) на гравюре А.Ф. Зубова 1716 года⁴³. На обоих изображениях: двухэтажное здание на семь окон по центральному фасаду и на три — по боковому, с высоким одномаршевым крыльцом по центру. С ордерной системой во всю высоту здания с высокой четырёхскатной крышей, по краям которой идёт балюстрада и с небольшим шпилем, увенчанным по центру

⁴³ Karta over St Petersburg // Peter den store och Karl XII: Katalog. Stockholm; St Petersburg, 1999. № 253. С. 128; Горбатенко С.Б. 1). Петровский Екатерингоф // Памятники истории и культуры Петербурга. СПб., 1997. Вып. 4. С. 24–36; 2) Новый Амстердам... С. 232–235; Сорокин П.Е. Археологическое изучение Екатерингофского дворца, или Неизвестное об известном // Кормильцева О.М., Сорокин П.Е., Кищук А.А. Екатерингоф. СПб., 2004. С. 67–73.

флагом. Это деревянное здание неоднократно переделывалось и перестраивалось и просуществовало до революции. При советской власти в здании случилось три пожара в 1923, 1925 и 1926 годах, после чего 4 июня 1926 года его постановили продать на слом. Дворец разобрали на дрова местные жители⁴⁴. Таким образом, первый деревянный Летний дворец, являвшийся вторым петербургским дворцом Петра Великого просуществовал, правда в перестроенном виде, более двухсот лет.

***

Сезонность Летнего дворца была обусловлена тем, что здесь же, на Адмиралтейском острове, у царя был ещё один дворец — Зимний. Об этом дворце в литературе не так много сведений⁴⁵. В уже упомянутой описи Адмиралтейского острова 1717 года значится: «Дом царского величества Зимний, а по ведомости от светлейшего князя построен оной дом в 1703 году, а по справке из Концелярии городовых дел припасы на строение отпущаны в 1710 году»⁴⁶. К.В. Малиновский, логично предположив, что документы по строительству Зимнего дворца могут находиться в архиве Военно-морского флота, выявил ряд интересных документов. Из его исследования становится ясно, что дворец строился с осени 1707 года (а не с 1703 г., как значится в описи Адмиралтейского острова 1717 года), по весну 1709. Переписку о строительстве дворца царь вёл со служителями адмиралтейского ведомства, уже упомянутыми выше Ф.М. Склеяевым и А.В. Кикиным⁴⁷.

В феврале 1708 года царь распоряжается Кикину сделать окна в этом дворце шире. А в январе следующего года ему же повелевает: «Мадель камару с моих хором (что в слободе) сыми и постафь близ адмиралтейского двора, где пристойно, а на моих хоромаш, где она была, зделай чрез средния две наверху одное избу и покрой так, как в приложенном текене видеть возможно»⁴⁸. По мнению К.В. Малиновского, таким образом на доме появился небольшой мезонин, завершённый треугольным фронтоном. Неизвестный немецкий путешественник, находившийся в Петербурге в 1710–1711 годах и ос-

---

⁴⁴ *Кормильцева О.М.* История Екатерингофа // *Кормильцева О.М., Сорокин П.Е., Кищук А.А.* Екатерингоф. С. 55–56.

⁴⁵ См., например: *Михайлов Г.В.* Зимние дворцы Петра I: Архитектура и художественное убранство. События и люди. СПб., 2002. С. 19, 20, 22.

⁴⁶ «...Ехать и переписать имянно...». С. 11.

⁴⁷ *Малиновский К.В.* Указ. соч. С. 36.

⁴⁸ ПиБ. Т. IX. Вып. 1. М., Л., 1950. № 2979. С. 24.

тавивший своё «Описание Петербурга», говорит, что это был маленький дом в голландском стиле⁴⁹.

В цитированной выше инструкции от 13 января 1711 года А.Д. Меншикову Пётр I повелевает перенести дом на Петровский остров «и поставить у пристани», что и было сделано⁵⁰. Увидевший дом в 1714 году ганноверский резидент Ф.Х. Вебер оставил единственное краткое его описание: «имеет шесть тесных покоев»⁵¹.

***

Свои деревянные дома-дворцы в окрестностях города на Неве Пётр I начинает ставить уже в 1704 году. По всей видимости, первые упоминания деревянного дома царя на острове Котлин содержатся в выявленной Приходо-расходной книге Петербургской приказной палаты за 1704 год, где есть несколько кратких упоминаний об «увеселительном» домике Петра. Так, поставлены «На остров в государевы хоромы для отделки тех хором плотником 50 свечей большой руки», олонецких гвоздей «розных рук», из «завоеванных припасов» «на Котлин остров 4 оконницы... 2 котла чугунных средних, третьей большой, да точило з железным веретеном»⁵². Согласно Г. Адлерфельду, в январе 1705 года этот царский дом разрушили шведы⁵³. Вероятно, позднее дом был отстроен вновь, так как в 1708 царь приказал свой дом на острове «совсем отделать»⁵⁴. В феврале 1710 года А.Д. Меншиков шлёт распоряжение главе Канцелярии городских дел обер-комиссару У.А. Сенявину: «Понеже для пришествия его царского величества надлежит построить на Котлине острове поварню, да две избы скатерную и хлебную, також де погреб с анбаром, да анбар на запасы и для всякой живности и кормов сараи. И вам бы по получении сего помянутое строение зделать все немедленно. И чтоб то строение поставлено было близ дому его царского величества»⁵⁵.

⁴⁹ Точное известие... С. 53.

⁵⁰ ПиБ. Т. XI. Вып. 1. № 4212. С. 34; См. об этом также: *Веснина Н.Н.* Петровский остров // Краеведческие записки: Исследования и материалы. СПб., 1997. Вып. 5. С. 51.

⁵¹ *Вебер Ф.Х.* Записки о Петре Великом и его царствовании брауншвейгского резидента Вебера // Русский архив. М., 1872. Стб. 1087.

⁵² РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Кн. 11. № 30. Л. 380–380 об., 382, 387, 387 об.

⁵³ Цит. по: *Устрялов Н.Г.* Указ. соч. Т. IV. Ч. I. С. 259.

⁵⁴ ПиБ. Т. VII. Вып. 1. № 2273. С. 79.

⁵⁵ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Ед. хр. 477. Л. 82.

Напротив Котлина на южном берегу Финского залива в Поповой мызе, то есть будущем Петергофе, сооружается ещё один царский дом. Упоминание о «новом государевом дворе по морю» встречается уже в письме А.И. Репнина А.Д. Меншикову от 12 марта 1704 года⁵⁶. 7 мая по приказу губернатора дьяк Семёновской приказной палаты А.Я. Шукин отправил туда же к будущему гофмаршалу двора Петра I М.Д. Олсуфьеву для отделки царских хором 60 аршин, без трех четвертей, красного сукна (42,13 м) и 18 стеклянных оконниц⁵⁷.

В 1708 году за царский дом в Петергофе также отвечал А.В. Кикин, и 25 февраля Пётр I распоряжается: «Также маленькой погребок сделать у тех хоромец в Поповой мызе, которые на низу стоят, и везде по погребам пива наварить»⁵⁸. В 1710 году Пётр распорядился возвести там же возле гавани ещё одни «хоромцы»⁵⁹.

Деревянный дворец царя в Петергофе представлял собой находящиеся на возвышении у оврага две светлицы с подсобными постройками, напротив которых на берегу залива была возведена небольшая пристань⁶⁰.

⁵⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 1; *Горбатенко С.Б.* «Попова мыза»: Новое из истории Петергофа // Вестник «Зодчий. 21 век». 2004. Июнь. № 1–2. С. 104. Примечательно, что спустя месяц, согласно письму Петра I из Петербурга П.М. Апраксину, А.И. Репнин лежал больной в Поповой мызе, то есть, вероятно на царском дворе. (ПиБ. Т. III. № 642. С. 49–50).

⁵⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 230. Л. 1.

⁵⁸ ПиБ. Т. VII. Вып. 1. № 2273. С. 79.

⁵⁹ Там же. Т. X. М., 1956. № 3703. С. 117; *Горбатенко С.Б.* 1) Петергофская дорога: Историко-архитектурный путеводитель. СПб., 2001. С. 236; 2) «Попова мыза»... С. 102.

⁶⁰ *Гейрот А.Ф.* Описание Петергофа. СПб., 1868. С. 7. (Репринт: Л., 1991. С. 7).

Н.А. Александрова
(Санкт-Петербург)

К истории бытования Первоначального дворца (Домика Петра I) после 1917 года

Первоначальному дворцу на Петербургской стороне, более известному как Домик Петра I, изначально была уготована роль памятника-мемориала. Постройка его в мае 1703 года, вскоре после основания города, явилась символическим актом поселения монарха на новом месте. По указанию Петра I для дворца по проекту архитектора Д. Трезини в 1723 году была создана защитная галерея, что обусловило восприятие его как своеобразного раритета. В дальнейшем сохранение построенного у самого берега реки Невы Первоначального дворца являлось предметом особой заботы всех правителей России.

В царствование дочери Петра I Елизаветы Петровны в 1740-е годы, после укрепления берега и необходимых ремонтных работ, в Домике была устроена часовня Спаса Нерукотворного образа. Образ Спаса — любимая икона Петра I — в то время находился в помещении столовой. В правление Екатерины II галерею, возведенную Д. Трезини, перестроили, заменили пол и кровлю. При Александре I пролёты арок застеклили, галерея приобрела близкий к современному облик и стала называться чехлом или футляром.

Особенно много для сохранения памятника было сделано в период правления Николая I: построен ныне существующий футляр по проекту архитектора Р.И. Кузьмина, на прилегающей территории разбит сад, окончательное оформление которого произошло при Александре III. В итоге к концу XIX века в историческом центре Санкт-Петербурга сформировался особенный архитектурно-ландшафтный комплекс — деревянный Домик Петра I, защитный футляр и сад с

ажурными решётками, в котором до наших дней сохранились деревья, посаженные членами императорской семьи.

После Октябрьской революции Первоначальный дворец на Петроградской стороне вместе с часовней перешел из ведения Министерства двора в Народный Комиссариат имуществ республики. Нами выявлены документы, освещающие малоизвестную страницу в истории бытования первого дома Петербурга после событий 1917 года.

Документы Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга свидетельствуют, что 23 февраля 1918 года на заседании художественно-исторической комиссии при Зимнем дворце на Б.А. Надеждина было возложено подробное ознакомление с состоянием Первоначального дворца как памятника старины¹. Сохранились письма в районный исполнительный комитет Петроградского района, в которых указывалось исключительное художественно-историческое значение Домика Петра и приводились просьбы об обсуждении возможной ликвидации часовни Спасителя как заслоняющей интерес к самому дворцу².

Годы революции и гражданской войны разорили страну. Архитектурные памятники нуждались в ремонте, музеи не получали ассигнований, не хватало топлива, заработная плата музейных сотрудников была чрезвычайно низкой. В октябре 1921 года в Главном комитете по делам музеев (Главмузее) состоялось совещание о возможных доходах. Ввиду того, что сокращались расходы государства по охране музеев, последним предоставлялось право получать доходы, в том числе и от аренды строений³.

Документы рассказывают, что в конце 1922 года архитектором Купцовым была заполнена анкета по Домику Петра на предмет аренды здания для предоставления в отдел недвижимых имуществ⁴, после чего администрация музейного фонда и Петроградское епархиальное управление заключили соглашение. По его условиям, в часовне Спасителя беспрепятственно могли совершаться богослужения, и епархиальное управление несло полную ответственность за имущество Домика. В целях сохранения историко-художественного ансамбля не допускались ремонты, приспособления, перемещения предметов без предварительного согласия администрации Музейно-

¹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1217. Л. 30.

² Там же. Д. 1347. Л. 16.

³ Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX). М., 1991. С. 149–150.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 1217. Л. 30.

го фонда. В установленные часы Петроградское епархиальное управление обязано было допускать осмотр Домика экскурсиями и отдельными лицами, представителями администрации. Информацию обо всех происшествиях и событиях, связанных с Домиком и его участком, а также о посещениях Домика экскурсиями, отдельными лицами, представителями администрации заносили в особую прошнурованную книгу и сообщали об этом ежемесячно в Музейный фонд. Кроме того, епархиальное управление обязано было производить за свой счёт все ремонты и исправления, необходимые для поддержания в должной сохранности и порядке Домика, его футляра, а также сада и решётки по утверждению детального плана таких работ Музейным фондом. За пользование Петровским Домиком на вышеуказанных условиях Петроградское епархиальное управление уплачивало Музейному фонду ежемесячно, за месяц вперед, 50 (пятьдесят) рублей золотом в переводе на дензнаки по курсу Госбанка. Подобные договоры заключались позднее с Ленинградским епархиальным управлением, а с 1927 года — с группой верующих («двадцаткой») вплоть до конца 1929 года, также с возложением обязательств по охране исторического памятника и по выполнению ремонтных и реставрационных работ⁵.

В ходе данного исследования удалось изучить описи предметов, которые сопровождали все договоры и которые составляли сотрудники Музейного фонда и епархиального управления. Анализ описей позволяет утверждать, что предметы из Домика Петра I в рассматриваемый период не перемещались. Икона Спасителя признавалась принадлежностью Домика, как один из музейных предметов.

При передаче дел о кражах (в исследуемый период произошло несколько краж имущества часовни) проводилась сверка наличия, что фиксировалось соответствующими актами. Так, в связи с хищениями в 1923 году Губернским прокурором было возбуждено судебное дело против администрации часовни по обвинению в халатном отношении к своим обязанностям (ночью не проверены сторожа). За похищенное серебро из часовни музейному фонду выплачены деньги, и все иски по хищениям ликвидированы за счёт средств часовни⁶.

Аренду Первоначального дворца рассматривали как временную меру, отмечая «в принципе нежелательным зажигание свечей, лампад и кадил, вредно отражающихся на сохранности, тем не менее, находили временно возможным сдачу в наём одной из комнат»⁷. Средства от

---

⁵ Там же. Ф. 151. Оп. 2. Д. 155. Л. 19.

⁶ Там же. Л. 26.

⁷ Там же. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1217. Л. 29.

аренды направлялись на улучшение бедственного материального положения музеев и памятников. В доказательство того, что доходы были необходимы и использовались должным образом, можно привести документ 1924 года, подписанный заведующим музейным фондом Б.А. Надеждиным. В нём подчёркивается, что «полученные от аренды суммы 1500 рублей в месяц или 18 000 рублей в год направляются на содержание усадеб Марьино, Грузино, на поддержание Екатерингофского дворца и по учёной части по Музейному фонду (в облегчение Госбюджета)»⁸.

Такая выгодная для государства система использования памятника продолжалась с перерывами до конца 20-х годов. О наличии перерывов в договорах свидетельствуют служебная записка хранителя О.М. Равицкой, направленная в Управление дворцами-музеями в январе 1926 года с просьбой о «немедленном заключении договора, так как охрана, обеспечение в пожарном отношении, а также ремонт не могут быть правильно поставлены без договора»⁹.

Личность хранителя Домика Петра О.М. Равицкой обращает на себя внимание. В её ведении находились четыре петровских памятника (Петропавловский собор, Летний дворец Петра I, Домик Петра I и Екатерингофский дворец). Изученные архивные документы показывают её как человека энергичного, отчётливо понимающего, судьба какого рода памятника зависит от неё лично. Одним из выразительных примеров её позиции является обращение в Ленинградское отделение Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями по поводу убытков по Домику Петра с 1917 по 1926 год. В нём О.М. Равицкая отмечает, что «вследствие недостаточной охраны Домика разбита чугунная ограда середины XIX века вокруг всего сада, сломаны все скамейки в саду, нарушена пожарная сигнализация»¹⁰.

В интересующий нас период времени заведующим реставрационной мастерской А.П. Удаленковым была составлена смета на ремонт и реставрацию Домика Петра и памятников Петровской эпохи, исторически связанных с ним (Петровские ворота и Летний дворец Петра I. — *Н.А.*)¹¹. Впечатляет заключительная часть документа: «В виду исключительного значения указанных памятников и необходимости постоянного надзора за их охраной и для выявления их художественно-исторического облика будет откомандировано реставрационной

⁸ Там же. Д. 1347. Л. 12.

⁹ Там же. Д. 1217. Л. 33.

¹⁰ Там же. Л. 34.

¹¹ КГИОП. Ф. 91/2. Д. 2, 1924. Л. 75.

мастерской особое лицо, оплачиваемое в размере 100 рублей в месяц из ежемесячных поступлений от арендной платы за Домик Петра I»¹².

В своё время Пётр I определил местоположение для своего Первоначального дворца у самого берега Невы. Близость строптивной реки во все времена существования Домика сказывалась на его судьбе, памятник пережил почти три сотни наводнений различной силы. Одно из крупнейших наводнений в истории города произошло 23 сентября 1924 года. Оно явилось подлинным бедствием для всего города, пострадал и Домик Петра I.

В акте осмотра Домика от 24 сентября 1924 года, говорится, что «вода, проникшая в Домик, дошла на высоту от пола 2 аршина 4 вершка (71 см). Снаружи Домика образовались с двух сторон провалы. В той части, где стоит ботик (так называли лодку-верейку Петра I. — *Н.А.*), «плитный пол вспучило, в других же помещениях заметных повреждений нет, но пострадали стёкла, из коих 22 разбито. Мебель была поднята водой, плавала, а после убыли воды оказалась в полном порядке, перевернутою и нагромождённою одна на другую. Вместе с водою в помещение было нанесено много илу и песку»¹³.

Деревянный Первоначальный дворец всегда вызывал опасения в пожарном отношении. Среди изученных документов встречаются акты комплексных осмотров представителями различных ведомств совместно с брандмейстерами Петровской части. В них особое внимание уделяется организации противопожарных мер, как то: не допускать скопления публики и молящихся, устроить новый незамерзающий кран, привести в порядок электропроводку, немедленно соединить здание с Петровской пожарной частью, установить четыре огнетушителя, назначить Завпожа и т.д.¹⁴ Так как между документами имеется интервал в несколько лет, вероятно, далеко не все меры принимались незамедлительно.

До конца 20-х годов сохранялись условия, позволявшие часовне и музею в Домике Петра сосуществовать. Но политическая ситуация в стране изменилась, возросла роль идеологических факторов в организации музейного дела. В очередной раз, в июле 1929 года, в отдел противопожарных мероприятий Ленинградского Облпожара обратилась Экскурсионно-лекторская База с предложением о ликвидации часовни в Домике Петра как «приносящей активный политический вред, соединяющийся с практической опасностью сохранности помещения»¹⁵.

¹² ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1347. Л. 2.

¹³ Там же. Ф. 51. Оп. 2. Д. 155. Л. 23.

¹⁴ Там же. Ф. 151. Оп. 2. Д. 131. Л. 34.

¹⁵ Там же. Ф. 2556. Оп. 7. Д. 143. Л. 1.

Постановлением президиума Ленсовета от 7 января 1930 года предложено расторгнуть договор и административно передать Домик Петра I Государственному Русскому музею, икону Спасителя передали церкви¹⁶. Вначале она находилась в Троицкой церкви на Стремянной улице, ныне — в Спасо-Преображенском соборе в Санкт-Петербурге.

Согласно акту, хранящемуся в архиве Русского музея, Домик Петра I с имуществом принят Русским музеем 23 января 1930 года. В списке передаваемых предметов упомянуты: мемориальная лодка-верейка Петра I, его рабочий стул, шкафы и витрины. В одной из витрин хранилась лопата Александра III для посадки деревьев в саду у Домика Петра I¹⁷.

Создание новой музейной экспозиции поручили Русскому музею совместно с музеем Революции¹⁸. Уже в начале марта 1930 года Управление Уполномоченного Наркомпроса известило Экскурсионно-лекторскую Базу, общество «Старый Петербург—Новый Ленинград», музей Революции, Русский музей, что «в закрытой часовне Спасителя развёрнут музей-выставка историко-революционного строительства Петербурга-Ленинграда и 12 марта в 6 ч. вечера состоится рабочий общественный просмотр»¹⁹. С этого времени в истории Первоначального дворца Петра I на Петроградской стороне наступил принципиально новый этап.

---

¹⁶ Там же. Д. 134. Л. 10.

¹⁷ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 758. Л. 116.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 7. Д. 134. Л. 9.

¹⁹ Там же. Л. 15.

А.Е. Ухналёв
(Санкт-Петербург)

Новое о Летнем дворце Петра I

Изучение Летнего дворца за последнее десятилетие подготовило основание для нескольких гипотез о ходе его строительства и дало пищу для осмысления градостроительного значения Летнего двора, его роли в сложении городского организма Санкт-Петербурга. Связанный с этим материал обширен и разнообразен, и мы ограничимся здесь только двумя моментами, которые ещё не были широко представлены.

Речь пойдёт сначала о гаванце — небольшой гавани перед южным фасадом дворца. О его внешнем виде в послепетровское время можно судить по рисунку из коллекции Берхгольца¹. Однако сразу после постройки дворца ситуация была иной, чем это зафиксировано на рисунке. Достоверно известно, что три стены здания в то время отвесно уходили в воду, и северной границей гаванца служил сам дворец. Но как были оформлены остальные стенки бассейна? Первый после постройки дворца графический документ — план Летнего сада Яна Розена 1715 года² даёт повод для некоторых предположений.

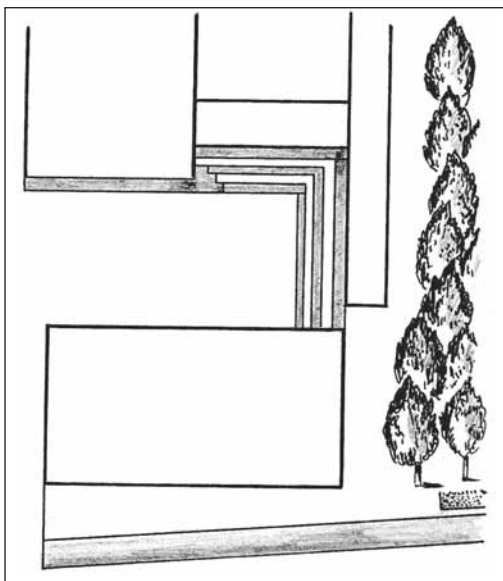
На плане видно, что у южного фасада дворца набережной действительно нет. Остальные стенки гаванца изображены одинаково — тремя чередующимися параллельными полосами, залитыми акварелью и разделёнными белыми просветами. Что это означает? Возможный ответ даёт изображение места примыкания набережной к служебному корпусу дворца — так называемым Людским покоям. На

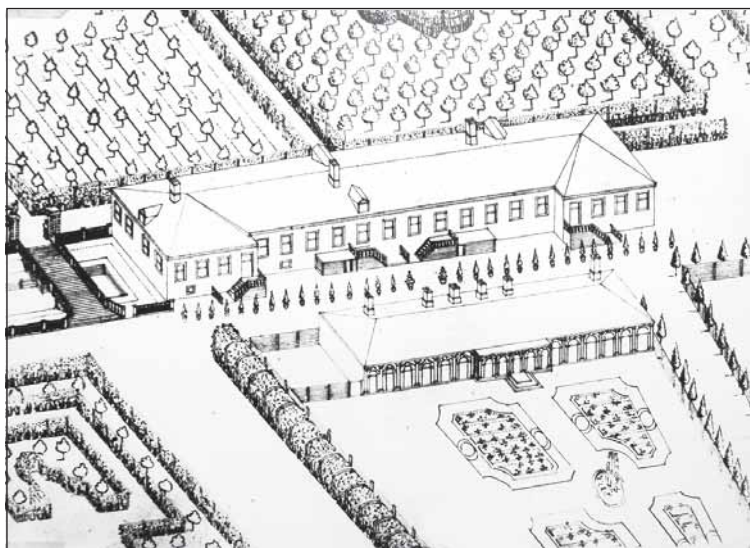
¹ *Hallström B.* Russian architectural drawings in the Nationalmuseum // Nationalmuseum skriftserie. № 9. Stockholm, 1963. ТНС 146 (инв. номер указан по каталогу).

² *Дубяго Т.Б.* Летний сад. М.; Л., 1951. С. 10. План хранится в БАН. Есть основания полагать, что план был составлен не позднее 1715 года.

Прорисовка фрагмента плана Летнего сада
Я. Розена 1715 года с изображением
Летнего дворца и гаванца

Фрагмент аксонометрического плана Сент-Илера 1770-х годов.
В левой части рисунка возле мостика видно устройство
берегов Поперечного канала

плане это место показано в виде лестницы из трёх ступеней. Если сравнить теперь не вполне ясно трактуемые обозначения на плане Розена с наглядными изображениями тех же мест на аксонометрическом плане Сент-Илера³, можно понять, из каких уступов состояла эта «лестница». Одинаково обозначенные у Розена берега гаванца, Лебяжьего и Поперечного каналов, как показывает план Сент-Илера, действительно, выполнены в виде ступенчатой конструкции. Из воды отвесно поднимается деревянная подпорная стенка. Она завершается неширокой площадкой, за которой следует пологая насыпь — берма.

Итак, судя по плану Розена, в 1715 году западный и южный берега гаванца представляли собой невысокую стенку, переходящую в горизонтальную площадку, за которой следовал откос. Такое устройство набережной объясняет, почему бассейн примыкает не к углу здания, а отстоит от него на несколько метров к востоку. Дело в том, что общую линию с западным фасадом здания составляла верхняя отметка бермы. От неё следовал пологий откос, затем площадка.

Следующий по времени создания план сада относится к 1723 году. Это чертёж архитектора М. Земцова⁴. Обозначение набережных гаванца на чертеже не имеет каких-либо особенностей. К этому времени они уже получили вид, близкий тому, что запечатлён на рисунке из коллекции Берхгольца.

Это, коротко, информация, которую можно извлечь из исторических документов. Характер гипотезы имеет здесь реконструкция вида набережных гаванца в самый ранний период, т.е. на время составления плана Розена. Подтвердить её могли только натурные исследования памятника. Впервые гаванец был обследован в 1963 году архитектором-реставратором А.Э. Гессеном⁵. Заложённые тогда шурфы показали, что хорошо сохранилась южная стенка из блоков известняка и клинкерное мощение. Западная стенка оказалась сильно разрушенной. Однако многое тогда так и осталось не выясненным. Оставалось надеяться на полное обследование памятника.

---

³ *Васильев Б.Л.* К исторической планировке Петербурга во второй половине XVIII века // *Архитектурное наследство*. Вып. 4. Л.; М., 1953. С. 14–29. План хранится в РГА ВМФ.

⁴ *Дубяго Т.Б.* Указ. соч. С. 29. План хранится в БАН.

⁵ Результаты раскопок изложены в отчёте А.Э. Гессена «Научный отчёт об археологическом исследовании остатков набережных начала XVIII века и цокольной части здания Летнего дворца, ограничивавших бассейн т. наз. “гаванца” перед южным фасадом здания» (Музей «Летний сад и Дворец Петра I». № 42).

В 2010–2011 годах были проведены раскопки, вскрывшие гаванец полностью⁶. Посмотрим, подтвердили ли они догадку о виде берега гаванца на плане Розена. Как сказано, западная набережная гаванца сохранилась плохо. Но оказалось, что разрушено или разобрано было только кирпичное мощение и верхняя часть стенки. Ниже обнаружилась ровная площадка, покрытая плитами известняка. Это и есть первоначальная набережная гаванца, которую зарисовал на своём плане Ян Розен. Впоследствии стенки набережной нарастили, и эта ступень оказалась под землёй.

Плиты мощения набережной заканчиваются ровной линией, затем к западу следует заполненный грунтом разрыв, за которым находится фундамент токарни. Наклонное залегание слоёв грунта в разрезе этого разрыва дополнительно подтверждает существование земляного откоса от уровня дорожек сада к площадке набережной гаванца.

Фундаментная стена петровской токарни проходит почти вровень с западным фасадом дворца. Однако эта постройка уже не была свидетельницей существования старой низкой набережной гаванца с откосом. Токарня возводилась в 1716 году одновременно с работами по переустройству набережной, в ходе которых её стенка была выведена примерно на 60 см вверх, старая площадка была засыпана грунтом, и сверху был сделан широкий тротуар с клинкерным мощением.

К фундаменту токарни в одном уровне с набережной в двух местах примыкают небольшие площадки, замощённые плитным камнем и кирпичом, положенным плашмя. Это — забутовка под крыльца перед входами в токарню. Два дверных проёма можно видеть на планах построек Летнего двора. Примерно в полуметре к северу от остатков северного крыльца токарни фундамент сооружения перерывается вертикальным швом. От шва начинается фундамент уже другого сооружения — сеней, пристроенных к токарне несколько позднее. Весь этот «слоёный пирог» пристроен — характерная черта петровского строительства, исходившего из потребностей монарха.

Неожиданностью стало для исследователей открытое раскопками устройство набережной у Людских покоев. Здесь обнаружилась

---

⁶ *Сорокин П.Е., Новосёлов Н.В.* Археологические исследования в Летнем саду и уникальные археологические находки петровского времени // *Материалы международной конференции «Научные чтения памяти Т.Б. Дубяго»*. СПб., 2010. С. 92–99; *Новосёлов Н.В.* Археологические исследования в Летнем саду в 2009–2011 годах // *Летний сад. Возрождение*. СПб., 2012. С. 27–32; *Штиглиц Е.О., Сорокин П.Е.* Археологические исследования Летнего сада 2005–2011 годов. Научные открытия // *Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы*. Вып. 18 (34). СПб., 2013. С. 21–54.

Остатки первоначальной набережной гаванца.
Раскопки 2010 года. Вид с севера

деревянная пристройка к каменной набережной. Раскопки открыли ряд деревянных свай с врубленным в них горизонтальным ригелем. Ясно видно, что настил деревянной пристройки находился примерно на 80 см ниже уровня каменной набережной. По-видимому, этот

причал был сделан для высадки пассажиров и выгрузки припасов. Каменные стенки гаванца поднимались от уреза воды более чем на полтора метра. Ясно, что с набережной сесть в лодку или высадиться из неё было невозможно. Потому и понадобилось пристроить у служебного корпуса деревянный причал. Естественно, он не имел ограждения.

В ходе реставрации гаванца причал был воссоздан, но авторы проекта не разобрались в находках археологов. В сделанной

Остатки первоначальной
набережной гаванца.
Раскопки 2010 года. Вид с юга

Остатки деревянного причала
в юго-восточной части гаванца.
Раскопки 2010 года

Цоколь на юго-западном углу
Летнего дворца.
Раскопки 2010 года

ими реконструкции площадка причала выведена на один уровень с набережными гаванца, да ещё и ограждена балюстрадой.

Ещё одной загадкой гаванца остается ограждение его набережной. Известно, что это была балюстрада, но как она крепилась к стенкам набережных? На них нет никаких следов заделки ограждения. Объяснить это недоумение может только предположение, что столбики ограждения были выложены из кирпича. Тогда они могли иметь достаточную устойчивость, чтобы удерживать балюстраду. Но в ходе реставрации для крепления воссозданной балюстрады не нашли иного способа как сверлить отверстия в камнях трёхсотлетней набережной.

Вернёмся теперь к юго-западному углу дворца и прилегающей к нему части раскопа, где остался не разрешённым ещё один вопрос. Обнажив скрытую землей часть стены дворца, археологи выявили её необычную и сложную структуру. Ниже выступавшего над землёй каменного цоколя открылось несколько рядов кирпичной кладки, а

ниже вновь показалась кладка из больших известняковых блоков, продолжающаяся до самого низа.

Сложное устройство стены было объяснено ещё Гессеном. Нижний каменный цоколь существовал изначально. Когда гаванец засыпали, земля полностью скрыла цоколь и стала контактировать с кирпичной кладкой. Кирпич начал в этом месте мокнуть и разрушаться. По-видимому, в начале XIX века была сделана реконструкция аварийных стен. Разрушившийся кирпич выбирали из стены и замещали новой кладкой, а выше, на уровне примыкания земли, сделали новый цоколь из камня.

Но особенности скрытой землёй части стен этим не ограничиваются. На западном фасаде, обращённом к саду, и на углу южного фасада петровский цоколь сложен из грубо околотых блоков камня, тогда как остальные части цоколя выполнены из гладко обработанного камня. Причём «грубый» цоколь ещё и выступает вверх над уровнем «чистого» цоколя на один камень.

На углу южного фасада участок грубого цоколя завершается несколькими рядами заглубленной кладки, а в цоколе здесь имеются камни, выдающиеся за плоскость стены — общие у дворца и стенки набережной. Такая конструкция кладки делалась там, где к стене предполагалась пристройка. Уступчатый участок стены назывался «убегом».

Ясно, почему грубый цоколь был сделан на западном фасаде, со стороны сада. Здесь он был изначально скрыт землёй. Но на южном фасаде открытая археологами мостовая набережной гаванца находится значительно ниже, оставляя открытыми грубые камни. Они, конечно, были оштукатурены, но вид от этого не делался лучше. Ведь тогда получалось, что на этом фасаде часть стены была оштукатурена, а часть представляла собой лицевую кладку из камня.

Но, повторяем, такая «неархитектурная» ситуация сложилась после переделки гаванца, в результате которой первоначальная низкая набережная с земляным откосом была переделана в высокую и ровную. Осмысление странной конструкции части южной стены приводит к выводу о том, что у этого угла здания изначально существовал участок повышенной отмостки — выступ суши в общем уровне с дорожками сада. Этот участок шириной не более 2 метров с одной стороны сливался с садом, а с двух других сторон был «взят» в высокие каменные стенки. Именно для стены, обрамляющей этот выступ, была оставлена штроба в стене дворца. Набережная, таким образом, примыкала к стенке этого выступа, а не к стене дворца. Выступ полностью закрывал часть цоколя здания, почему и камни здесь были оставлены не обработанными.

Интересной принадлежностью набережной гаванца были причальные кольца. Два больших кольца одно под другим находятся на южной стенке гаванца. Ясно, что кольца служили для причаливания лодок. Но к этим кольцам лодки не привязывали, а поступали иначе. В стену дворца против этих колец также вделано два кольца. Повидимому, между двумя парами колец — на стене здания и на стенке набережной — были протянуты канаты. К ним и причаливали лодки. Их просто зацепляли за эти канаты крюком, привязанным к лодочной верёвке.

Другая эффектная находка относится к 1780-м годам — времени постройки набережных Фонтанки. Это часть одной из перемычек, которыми при строительстве разделяли русло реки. Каменный берег Фонтанки строился «дистанциями». Дерево-земляными дамбами перекрывали реку по концам участка, а затем откачивали из неё воду⁷. Перемычка начинается от угла гаванца и идёт наискось через русло Фонтанки в направлении устоя Прачечного моста. Такое направление перемычки обусловлено тем, что по противоположному берегу строительство набережной начиналось от моста, а по садовому берегу — от устья гаванца. Решение о засыпке гаванца, как видно, последовало позднее. Назначение дамбы и время её устройства полностью подтверждается планом 1783 года из собрания РНБ⁸.

Теперь хотелось бы перейти от частных вопросов к более общему, касающемуся истории градостроительного развития Санкт-Петербурга и той роли, которую в нём играл Летний двор и Домик Петра I.

Одной из особенностей раннего Петербурга было то, что, в отличие от многих европейских городов-резиденций эпохи барокко, он не получил такого центра с царским дворцом, который полностью соответствовал бы представлениям о столичном городе. Градостроительная логика предполагала, что в новостроящемся городе жилище монарха должно стать центром роста городской ткани и фокусной точкой, стягивающей линии городской застройки. Можно возразить, конечно, что Петербург начинался не как столичный город, а всего лишь как военный форпост с неопределённым будущим. Но в начале 1710-х годов судьба Петербурга как царской резиденции уже определилась, и город тогда был ещё достаточно подвижным образованием, чтобы легко перенести перестройку, дающую ему достойный центр с царским дворцом.

---

⁷ Описание конструкции такой перемычки, полностью совпадающее с открытой археологами в Летнем саду, имеется в архивном деле: РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 738. Л. 79.

⁸ ОР РНБ. Ф. 342. Ед. хр. 263.

Графическая реконструкция первоначальной набережной гаванца в месте её примыкания к стенам Летнего дворца

Остатки дерево-земляной дамбы в юго-восточной части гаванца. Раскопки 2010 года

Однако мы должны помнить, что перед нами город особенный уже по одному тому, что это — город Петра I, несущий отпечаток его необыкновенной личности. Отношение Петра к внешней обстановке, казалось бы, идёт вразрез с нормой монаршей репрезентативности. Пётр избегает больших дворцов. Во многом такое предпочтение царя обусловлено особенностями его психики. Можно найти и другие, дополнительные объяснения этого поведения.

Пётр словно демонстрирует, что истинно велик не тот государь, который пребывает в дворцовых покоях, а тот, который собственным трудом и опытом познаёт мир. История деревянного домика царя на Петроградской стороне встраивается в модель нарочитого поведения Петра. Отношение трогательной заботы, которым окружил его царь, резко контрастирует с его малозначительностью в масштабах Петербурга. Уже в 1710-е годы домик мыслился царём как

реликвия. Домик наглядно демонстрировал, из какого ничтожества произошёл Петербург.

Но как ни мал домик, он всё же был важнейшим элементом первоначального Петербурга. Не Троицкая площадь, десакрализованная способностью принять в себя карнавал, богослужение, казнь и торг, была «истоком» Петербурга и его «сердцем» в высоком смысле. Таковым была площадь петровского домика, содержавшая святыню петербургской легенды. Домик выполнял в первоначальном Петербурге роль дворца монарха, находясь в смысловом и физическом фокусе городского пространства и будучи окружённым каменными дворцами вельмож. При этом домик, являясь дворцом по смыслу и значению, парадоксально принимал вид «убогой хижины». «Аще и мал, но вышний есть оных, и Кира Царя прекрасных Полат, и Соломонова многообитательнаго Дому, и оной прекрасной Версалии; почтен быть достоин сей малый Императорский Дом, паче оных», — патетически восклицал А. Богданов⁹.

Итак, мы видим, что, вопреки первому впечатлению, Петербург уже в начале своего существования имел зачаток вполне барочного по своему характеру центра, нетрадиционно трактованного как мемориал царя-основателя. С перемещением зоны роста города на левый берег Невы значение домика Петра меняется. Он уже не может с прежними основаниями претендовать на роль фокуса городского пространства, хотя его сакральное значение от этого делается только более отчётливым. Домик, отодвинутый на периферию, оказался в роли древних святилищ, которые всегда помещались в священных урочищах. Обратившись из петровской эпохи в будущее Петербурга, мы видим, как дворцы петровской знати возле хоромцев царя превращаются в пеньковые склады, у домика разрастается диковатого вида сад — подобие священной рощи, а в нём самом появляется часовня, святынями которой наравне с образом Спасителя являются мемориальные вещи Петра I.

Утрачивая домик как фокусную точку семантики городского пространства, Петербург ищет новое место, способное собрать линии силового поля города. В 1710-е годы таким местом должно было стать уже реальное местожительства царя. Зимний дворец, встроенный по прихоти Петра в линию домов Верхней набережной, был лишён возможности сделаться «местом», то есть выделиться из среды и завязать особые связи с ключевыми городскими объектами. Претендовать на роль центра мог только Летний двор,

---

⁹ Цит. по: *А.И. Богданов*. Описание Санктпетербурга. СПб., 1997. С. 138.

который приобрёл к этому времени вид, достойный державного государя¹⁰.

Конец эпохи Петра I, наступивший со смертью монарха, поставил как бы многоточие в развитии Петербурга. Характер роста города не даёт возможности ясно представить перспективу, которая его ожидала, если бы Пётр жил дольше. Однако внимательное прочтение источников даёт иногда возможность заглянуть в неосуществившееся будущее Петербурга.

На одной из страниц заметок Карла Рейнхольда Берка есть краткое примечание о территории возле Летнего двора. Рассуждая о материалах петербургского строительства, Берк пишет: «Пётр I подумывал построить из лешади приличествующий монарху дворец на большой площади между Летним двором и старым Почтовым домом...»¹¹

Ясно, что речь идёт о нынешнем Марсовом поле. В самом деле, почему этот обширный участок оставался не освоенным, словно зарезервированным для какой-то надобности? Сообщение Берка открывает нам намерения Петра I относительно этого места. Возможно, они созрели у императора в последние годы его жизни. Иначе они не остались бы в памяти людей, сообщивших их Берку в конце 1730-х. Важно отметить, что речь идёт о большом представительском здании — о «зимнем дворце» в принятой в России терминологии. Ведь рядом продолжал существовать Летний двор со старым дворцом и только что построенными большими «Новыми палатами» — Вторым Летним дворцом. Таким образом, здесь, на берегу Невы, прямо напротив Красных хором планировалось сооружение большого дворцового комплекса, в котором должны были соединиться летняя и зимняя резиденции. В градостроительном отношении новое местоположение зимнего дворца было неизмеримо выгоднее старого. Последний, как сказано, не был «местом», обладающим градостроительной значимостью.

История двух обменивающихся ролями и оттенками смысла центров освещает специфику сложения Петербурга как художественного

---

¹⁰ На значение Летнего двора как подлинного центра дворцовых комплексов раннего Петербурга указывает Н. Гуляницкий (Русское градостроительное искусство: Петербург и новые российские города XVIII – первой половины XIX веков. М., 1995. С. 161). Спорным является только его утверждение о господствующей роли сада в этом ансамбле, что, якобы, выделяет его на панораме города. Всё же вынесенные на берег Невы здания и сооружения летней резиденции оставляли массиву сада роль фона — второстепенную при восприятии панорамы берега.

¹¹ Берк К.Р. Путевые заметки о России // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 141.

объекта. Город, который имел полную возможность построиться по единому плану как целостное художественное произведение, наощупь прокладывая путь своего развития¹². Но удивительно, что переменчивая воля царя, обрывки планов, стихийные импульсы — вся совокупность векторов развития произвели структуру, в которой, несмотря на все противоречия и неправильности, усматривается система. Причём, потенциал системности, заложенный в петровское время, существенно превосходил силу стихийных факторов, влиявших на рост города¹³. Последующее развитие Петербурга в XVIII столетии и в эпоху Александра I демонстрирует постоянную волю к упорядоченности, всё более осмысленное и глубокое проникновение в сущность города как художественного феномена и всё более точное выражение этой сущности в архитектуре.

---

¹² Планы Трезини, а также планы Гербеля и Маттарнови едва ли возможно поставить в один ряд с планом Леблона. Скорее, они отражают локальный прагматический подход к строительству города, лишённый общей организующей идеи.

¹³ Как пример действенности запущенных Петром градостроительных механизмов можно привести отмеченный Н.Ф. Гуляницким эффект действия высотных ориентиров как важнейшего, наряду с трассировкой улиц, фактора структурного объединения крупных и относительно свободно развивающихся пространств Петербурга середины XVIII столетия (см: *Гуляницкий Н.Ф.* Градостроительные особенности Петербурга и черты русской архитектуры середины XVIII века // Архитектурное наследие. Вып. 27. М., 1979. С. 15).

П.Е. Сорокин (Санкт-Петербург),
Н.В. Новосёлов (Санкт-Петербург)

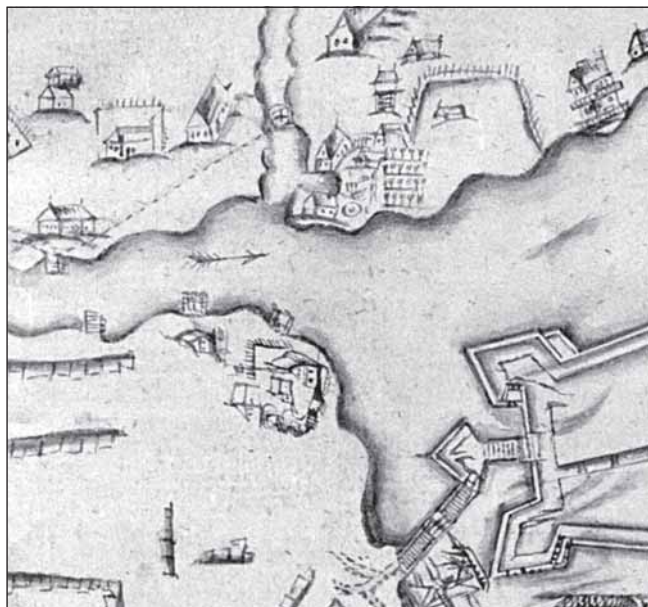
Археологическое изучение Дворца Петра I в Летнем саду

Из переписки Петра I известно, что первой его резиденцией на территории Летнего сада стал дом из располагавшейся здесь усадьбы шведского дворянина фон Коноу. Схематичное её изображение имеется на нескольких картах XVII – начала XVIII века. По ним можно понять, что усадьба находилась на мысу у истока Фонтанки, на месте Летнего дворца. О первоначальном этапе существования летней петровской резиденции имеются лишь отрывочные сведения, неоднократно приводившиеся её исследователями. На их основании можно предположить, что сохранившаяся в дельте Невы шведская усадьба использовалась уже в первый год основания Петербурга, когда летом сюда из Ниеншанца (Шлотбурга) был переведён военный лагерь русских войск. В Переписных книгах дворян на Адмиралтейской стороне в Санкт-Петербурге упоминается: «Дом летний... а по ведомости от светлейшего князя построен онный дом в 703 году...». По сведениям Канцелярии городовых дел «припасы на строение были отпущаны в 708 году»¹.

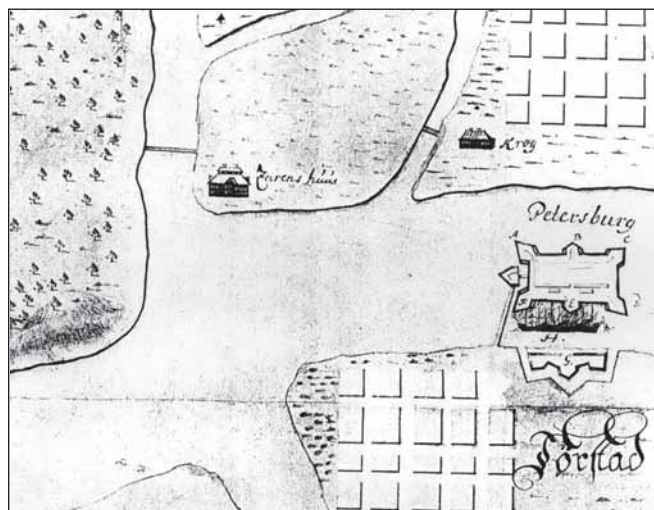
В письме царя к Ивану Матвееву, ведавшему делами в саду, датированном 2 декабря 1705 года, предписывалось: «И чтоб весною перебить тое речку, которая идет мимо моего двора, которому мнению моему посылаю чертеж при сем. Пред сим писал господин губернатор о выглублении нынешним временем по льду моего гаванца, чтоб оной сделать везде в 8 фут глубины и чтоб сие было исправлено»². Речь в нём

¹ Дубяго Т.Б. Летний сад. М.; Л., 1951. С. 12.

² ПиБ. Т. 3. СПб., 1893. С. 528.

1. Летний сад.
Фрагмент плана Санкт-Петербурга 1706 года.
ГМИ СПб (ФГИГ №1-А-12462-п)

2. Фрагмент шведского план Санкт-Петербурга 1708 года
(Bagrow L., Kohlin H. IX)

идёт о перекрытии Фонтанки для завершения этого строительства. То, что гаванец был сделан уже в этот период, видно на плане Петербурга 1706 года³ (Илл. 1). На месте будущего Летнего дворца на мысу у истока Фонтанки изображён деревянный дом с двускатной кровлей, развёрнутый фасадом в сторону Невы. К югу находился гаванец, а за ним на месте людских покоев — длинная деревянная постройка, ориентированная вдоль берега Фонтанки. Показанные сооружения фактически предвеляют будущее композиционно-планировочное решение в этой части царской резиденции, когда она была перестроена в камне. К западу от этих сооружений изображён первоначальный Летний сад с круглым прудом, постройками и регулярными посадками. А далее на месте Марсова поля располагался обнесённый палисадом лагерь русских войск, упоминавшийся в описаниях иностранцев. С юго-востока от него была устроена смотровая башня. Все эти сооружения не были случайными — они были призваны защитить первую царскую резиденцию.

Более детальное изображение деревянного Летнего дворца имеется на шведской карте 1708 года: двухэтажный дом с третьим мансардным этажом⁴ (Илл. 2). Усадебные дома такого типа были широко распространены тогда в Швеции. Дом этот стоял на берегу Невы и в 1706–1708 годах по приказу Петра I был перенесён на место современного Летнего дворца. А. Кикин писал царю, что «когда большие хоромы перенесены будут на указанное место», для их устройства потребуются кирпич, печи и другое, что нужно для воссоздания хором⁵.

В описании Санкт-Петербурга и Кронштадта 1710–1711 годов говорится: «У самой реки его царское величество имеет теперь резиденцию. Она представляет собой маленький дом в саду на самом берегу реки, выстроенный в голландском стиле и пёстро раскрашенный, с позолоченным оконным переплётом и свинцом [на стёклах]. Рядом расположен маленький птичник, в котором щебечут всевозможные птички. Далее в саду изящная беседка, устроенная из невысокого штакетника; около неё стоит большой дом для придворных служителей и корабельная кухня его величества»⁶. Это описание в целом отражает ситуацию, показанную на карте 1705–1706 годов.

³ План Петербурга 1706 г. ГМИ СПб. ФГИГ. №1-А-12462-П.

⁴ *Bagrow L., Kohlin H.* Maps of the Neva river and adjacent areas in Swedish archives. М., 1953. IX.

⁵ *Кузнецова О.Н., Борзин Б.Ф.* Летний сад. Л., 1988. С. 62–63.

⁶ Точное известие... // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 52.

В 1711 году Пётр отдаёт распоряжение Меншикову о переносе деревянного Летнего дворца в Екатерингоф и строительстве на его месте нового — каменного. В письме от 13 января говорилось: «Також гавань вывезть камнем же. А другие полаты на место нынешних хором, буде не успеют будучим летом то хотяб фундамент зделать, а хоромы перевезть в новое место, что близ Калинкина»⁷. Речь в нём идёт о начавшемся строительстве палат — Людских покоев, а «другие полаты» — Летний дворец или хотя бы его фундамент планировалось сделать летом на месте старых «хором» — первоначального деревянного дворца.

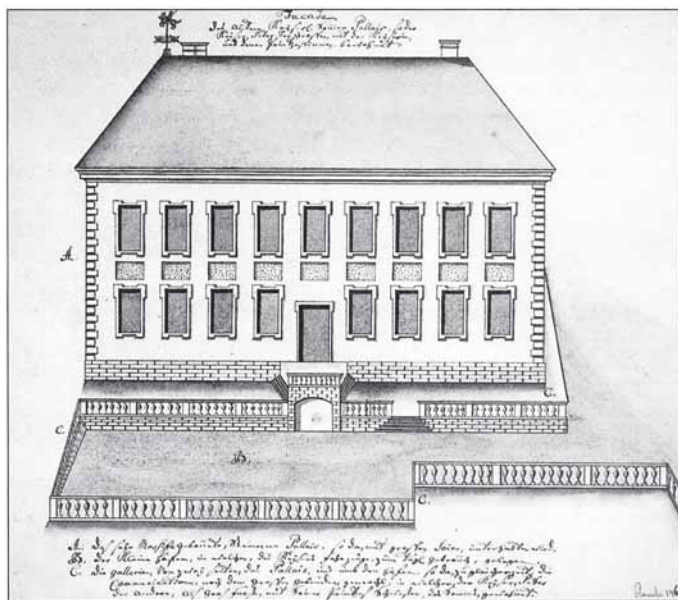
В ответном письме Петру I, написанном 31 июля, Меншиков сообщал, с какими трудностями столкнулись строители: «На дворе вашем летнем людские покои строятся, а под ваши полаты воду непрестанно выливают, для чего нарочно с Москвы свою машину я привезти велел. Однако по се время вылить не могут, ибо без четверти четыре аршина фундамент...»⁸

Сооружение каменного Летнего дворца по проекту Д. Трезини велось в 1710—1711 годах. Однако уже в 1714 году упоминаются работы по перестройке дворца архитектором А. Шлютером. К 1714—1716 годам относится и первый подробный план Летнего сада, составленный предположительно Я. Розеном. Первые архитектурно-археологические исследования дворца и гаванца были проведены в 1963 году архитектором А.Э. Гессеном в рамках реставрационного проекта. Здесь было заложено 10 шурфов. В результате обнаружена южная каменная стенка гаванца с примыкающим к ней кирпичным мощением. С западной и северной сторон (перед дворцом) стенки гаванца обнаружить не удалось. По предположению исследователя, с западной стороны стенка могла быть разобрана, а с северной, перед дворцом, как и далее по его периметру со стороны Фонтанки и Невы, могла существовать «соответствующим образом оформленная деревянная обноска» — срубная конструкция, обшитая доской и раскрашенная под кирпичную кладку. Не было найдено и фундаментов центрального крыльца со сводчатой нишей, служившей, вероятно, выходом канализационного канала, в том виде, как это было изображено на рисунке из коллекции Берхгольца⁹ (*Илл. 3*). Впоследствии наблюдения за земляными работами у Летнего дворца проводил

⁷ ПиБ. Т. XI. Вып. 1, январь—июль 1711 г. Л., 1962. С.34.

⁸ Там же. Т. VIII. СПб., 1893. С. 760.

⁹ Гессен А.Э. Научный отчёт об археологическом исследовании фрагментов «гаванца» — остатков набережной начала XVIII века и цокольной части фасада Летнего дворца // Архив Института Ленпроектреставрация. Л., 1963. С. 5—12.

3. Летний дворец Петра I.
Из коллекции Б.Ф. Бергхольца

В.А. Коренцвит, зафиксировавший важные конструктивные элементы в его устройстве и обобщивший информацию по его строительной истории¹⁰.

Новые археологические исследования Летнего дворца и прилегающих территорий были связаны с проводившейся реконструкцией сада и началом проектно-изыскательских работ, предшествующих запланированной реставрации дворца. В 2010 году был полностью раскопан гаванец перед южным фасадом дворца, а также примыкающие к нему остатки соседних построек: части корпуса Людских покоев и галереи Летнего дворца. Была раскрыта кладка фундамента у южной стены дворца, которая одновременно являлась северной стенкой бассейна гаванца. В 2011 году перед северной стеной дворца, на территории Голландского садика, впервые был открыт и исследован участок набережной Невы начала XVIII века. В 2013 году у стен дворца было заложено три шурфа, а во внутренних помещениях сделано несколько зондажей. В это же время проводилось обследование коллектора, находящегося в подземном пространстве дворца.

¹⁰ Коренцвит В.А. К истории построек Летнего дворца Петра I // История Петербурга. 5 (21). 2004. С. 66–72.

4. Разведочный шурф в юго-западном углу гаванца. 2011 г.

Стенки гаванца с юга и с запада были сложены из известняковых плит на известковом растворе. По периметру их окружало кирпичное мощение, шириной 2,7–2,8 м, доходившее до Людских покоев с южной стороны и галереи с западной, фундаменты которых были также выявлены. Южная стенка бассейна гаванца сохранилась на полную высоту. Кладка верхней части западной стенки, а также примыкавший к ней участок кирпичного мощения были разобраны. Это обстоятельство позволило проследить профиль западной стенки и изучить её конструкцию. Ширина стены в нижней части была равна 2–2,3 м, в средней части 1,2 м, а в верхней, на уровне кирпичного мощения, 0,55–0,57 м. Нижняя (расширенная) часть стены была перекрыта песчаной засыпкой, поверх которой было устроено кирпичное клинкерное мощение. На отметках 0,40–0,35 БС (чуть выше среднегодового уровня воды в Неве и Фонтанке) фасадные поверхности стенок имеют двухступенчатый уступ с общим выносом около 0,4 м. Выше уступа кладка стен выполнена из хорошо обработанных блоков одинаковой толщины (размеры 0,55–1,57 x 0,3–0,65 x 0,13–0,2 м.). Ниже уступа фасадные плоскости стен выполнены из плит более грубой обработки. В шурфе, заложенном в юго-западном углу гаванца, глубина заложения стенок была прослежена до отметки — 1,7 БС, то есть на 1,9 м ниже уровня воды в Неве и Фонтанке. Дойти до их основания не удалось из-за интенсивного поступления грунтовых вод (Илл. 4). Внутренняя часть стенок, судя по разобранному

участку с западной стороны, представляла собой забутовку из грубо колотых плит, пролитых известковым раствором. Блоки верхнего ряда лицевой кладки стен были скреплены между собой железными скобами. В южной стене обнаружены два железных причальных кольца диаметром 20 и 22,5 см, толщиной 3,5 см, с пробоями, закреплёнными в кладке на глубине около 10 и 40 см от поверхности. Аналогичные кольца были и на северной стенке — южной стене дворца. Вероятно, они использовались для швартовки при разных уровнях воды. Каких-либо следов крепления парапета (подобного тому, что изображён на рисунке Ф.-В. Берхгольца) на верхних блоках подпорных стен не выявлено. Только в процессе разведочных раскопок 2005 года в юго-западном углу гаванца были найдены деревянные части, возможно, относящиеся к этому парапету¹¹.

Кладка фундаментов северной, южной и восточной стен Летнего дворца по своему характеру аналогична кладке подпорных стенок гаванца. В верхней части она выполнена из хорошо обработанных плит, размеры которых аналогичны размерам плит стенок, а в нижней — из грубо обработанных блоков. Несколько иной характер имела кладка верхней части фундамента западной стены дворца, а также кладка западной части фундамента южной стены (к западу от западной стенки гаванца). Она выполнена из грубо обработанных известняковых блоков (размеры 1–0,4х0,3–0,16 м). Толщина швов раствора достигает 6 см. В некоторых местах пространства между блоками заполнены более мелкими камнями и раствором. Таким образом, этот участок кладки фундаментов дворца был выполнен в манере, сходной с кладками нижних частей фундамента других его стен и стенок бассейна гаванца. Данная особенность, вероятно, имеет следующее объяснение: кладки верхних частей фундаментов северной, восточной и южной стен дворца изначально планировались как открытые — к ним вплотную подступала вода. Это подтверждается тем, что на восточной и южной стенах сохранились железные причальные кольца, а на северной стене — отверстия для балок деревянного настила. В отличие от них кладка фундамента западной стены была перекрыта насыпкой уже в процессе строительства. Она находилась ниже уровня дневной поверхности XVIII века, то есть являлась фундаментной кладкой в полном смысле слова.

Стенки гаванца перевязаны между собой, а также с фундаментом южной стены Летнего дворца. Это может указывать на то, что строи-

---

¹¹ *Сорокин П.Е.* Археологические исследования в Летнем саду в 2005–2006 гг. // Петровское время в лицах—2007. Труды ГЭ XXXVIII. Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 234.

тельство нового дворца и облицовка гаванца камнем велись одновременно. На это же указывает упоминавшееся письмо царя Меншикову. В ответном письме говорится о глубине закладки фундаментов дворца на 3,75 аршина (примерно на 2,66 м). Учитывая низменный характер участка к моменту строительства, этот уровень был значительно ниже уровня воды в соседних Неве и Фонтанке¹², что в целом согласуется с более ранними указаниями о заглублении гаванца на 8 футов (около 2,5 м). Этим обстоятельством и была вызвана необходимость столь глубокой закладки фундаментов. Дворец строился на пониженном мысу, возможно, прямо на песчаной отмели у истока Фонтанки. Учитывая значительное расширение фундаментов в их основании, а также устройство коллектора в подземном пространстве дворца, котлован, вероятно, сразу копался по всей его площади. При этом по его внешнему периметру предполагалось возвести временную дамбу, препятствующую притоку в него воды из рек, а, возможно, и перекрыть Фонтанку, о чём также упоминалось ранее в переписке. Сам котлован из-за пониженного уровня этого участка был неглубокий, поэтому фундаменты только в нижней части делались в заглублении, в основном же они возводились на поверхности.

В ходе исследований было установлено, что кладка фундамента западной стены дворца в значительной степени делалась открытым способом с последующей засыпкой её с внешней стороны. О последовательности увеличения слоя подсыпки по мере роста кладки свидетельствуют натёки раствора с внешней стороны фундамента, которые накрывали слои подсыпки. В нижней части фундамент западной стены имел двух- или трёхступенчатый уступ с общим выносом около 1 м. В слоях подсыпки встречены строительные материалы со следами использования: фрагменты кирпичей и куски известкового раствора. Эти материалы могли происходить из разобранной постройки, находившейся поблизости. Учитывая время строительства Летнего дворца, на роль такой постройки с наибольшей вероятностью претендует находившийся здесь первоначальный деревянный дворец, у которого мог быть каменный фундамент, а также, несомненно, имелись печи.

Следов примыкания к северо-западному углу дворца какого-либо сооружения, за исключением бесформенного развала каменных плит, в ходе исследований выявлено не было. Таким образом, остаётся неясным, каким образом насыпная платформа, примыкающая к западной части дворца, переходила к берегу Невы, уровень которой был значительно ниже. Вероятно, уже в это время берег был оформ-

---

¹² ПиБ. Т. VIII. СПб., 1893. С. 760.

лен подпорной стенкой — набережной Невы, которая изначально могла быть деревянной. В ходе реставрационных работ в верхней части фундамента северной стены дворца были выявлены 17 заложённых кирпичами прямоугольных отверстий (размерами 40х40 и 23х20 см глубиной 20 см) от деревянных балок, которые располагались на одном уровне с разными интервалами (0,32–1 м) перпендикулярно к её плоскости¹³. Отверстия не были выдолблены в стене, а выложены в процессе кладки, следовательно, их предполагалось использовать одновременно со строительством. Вероятно, они служили основанием деревянного настила, связанного с набережной. Пространство между стеной и набережной оставалось открытым для обеспечения функционирования коллектора, находившегося в основании дворца, входное отверстие которого располагалось в центральной части стены.

Сведения о строительстве каменной набережной перед Летним дворцом со стороны Невы относятся к 1716 году. После приказа царя: «стенку на большой реке сколько возможно сделать», в марте 1716 года он получает сообщение: «в Летнем доме у полат на углу сваи побиты для дела стенки, которую повелено от саду потянуть до угла полат»¹⁴.

Остатки первоначальной каменной набережной Невы были открыты раскопками на удалении 4,5–5,7 м от южной стены дворца. Каменная кладка стенки шириной 1,25–1,4 м прослежена на протяжении 9,4 м (*Илл. 5*). При этом она оказалась разобрана в верхней части и сохранилась до отметок 1,07 БС. Кладка была выполнена из известняковых блоков (размеры 0,7–0,3х0,3–0,4х0,12–0,18 м) на известковом растворе. Внутренняя часть стены забутована камнями и фрагментами кирпичей, пролитыми раствором. В стене имелся сквозной проём, находящийся напротив входного отверстия коллектора (системы проточной канализации) и, вероятно, связанный с ней. Однако каких-либо следов их конструктивного соединения не обнаружено. Ширина проёма увеличивалась с 0,62 м с внутренней стороны до 0,72 м с внешней. Следует отметить, что подпорная стена набережной Невы на данном участке располагалась под углом к северному фасаду дворца, приближаясь к его северо-западному углу, как это показано на планах Ж.Б. Леблона 1716–1717 годов и М.Г. Земцова 1723–1725 годов. На более раннем плане Я. Розена 1714–1716 годов нельская набережная расположена параллельно северной стене дворца. В этот период, вероятно, ещё существовала деревянная набе-

¹³ *Коренцов В.А.* Указ. соч. С. 69.

¹⁴ Там же.

5. Каменная кладка невской набережной перед дворцом

режная, показанная на гравюре А. Зубова 1716—1717 годов¹⁵. На всех перечисленных планах она расположена несколько дальше от дворца, чем стенка, выявленная раскопками 2011 года. В процессе раскопок получены новые данные об оформлении главного входа Летнего дворца, расположенного со стороны гаванца. Перед южным порталом дворца обнаружены забитые в грунт сваи, верх которых находился на отметках 0,22–0,30 БС (т.е. близко к уровню воды в Неве и Фонтанке).

Сваи были расположены двумя группами (к западу и к востоку от оси портала), площадью 4,2х0,8 м, расстояние между группами — 0,8 м. В пределах этих полей сваи располагались без определённой системы на разном расстоянии друг от друга. На рисунке Ф.-В. Берхгольца в центральной части крыльца, как раз над местом разрыва между группами свай, изображена разгрузочная ниша (*Илл. 6*).

Над сваями, расположенными к востоку от портала, сохранились перекрывающие их деревянные плахи, которые крепились к сваям железными костылями. Костыли были не до конца забиты в дерево и выступали на 5–10 см. Вероятно, это сделано для того, чтобы обеспечить связку деревянных конструкций с вышележащей каменной кладкой. Кладка из известняковых плит на известковом растворе опиралась на деревянные плахи и на уступ фундамента дворца. Таким образом, конструкция крыльца представляла собой каменную клад-

¹⁵ Дубяго Т.Б. Указ. соч.

6. Свайное основание с деревянными плахами и полуразобранная каменная кладка крыльца перед входом во дворец

ку, опирающуюся на деревянные конструкции. Основная её часть оказалась разобрана, остался небольшой участок протяжённостью 4,4 м к востоку от портала. От фасадной облицовки сохранилось лишь две плиты (размеры 0,55x0,15–0,3x0,13 м). Реконструируемые размеры крыльца — 9,2x1,55 м.

С западной стороны перед южным фасадом дворца выявлено лишь четыре сваи. Две сваи, ближайšie к фасаду дворца, являлись опорами для бруса, расположенного параллельно фасаду. Ещё одна из раскрытых свай оканчивалась шипом, развернутым параллельно фасаду дворца. Следовательно, деревянная деталь, надеваемая на шип, скорее всего, также была расположена параллельно фасаду. Данных для интерпретации этих конструкций недостаточно, но очевидно, что они не могли нести значительные нагрузки, поэтому маловероятно, что каменная кладка от крыльца продолжалась в этом направлении до западной стенки гаванца. С некоторой долей вероятности эти конструкции являлись основаниями деревянных мостков, по которым можно было пройти вдоль фасада дворца от стенки гаванца к крыльцу. Участок с восточной стороны крыльца перекрыт гранитной набережной конца XVIII века, поэтому изучить продолжение деревянных конструкций в этой части южного фасада не удалось.

В юго-восточной части гаванца функцию подпорной стены бассейна выполняла северная стена корпуса Людских покоев, расположенных вдоль Фонтанки. В ходе раскопок было установлено, что между южной подпорной стеной бассейна и северной стеной корпу-

са Людских покоев перевязка кладки отсутствует. Северная стена Людских покоев смещена от стенки гаванца к югу на 0,27 м, таким образом, в плане между этими конструкциями имеется уступ. Плиты фасадной облицовки южной подпорной стены в районе стыка с северной стеной Людских покоев не были стёсаны и образовывали неровные выступы, равные 0,05–0,12 м. Было также установлено, что северная стена Людских покоев не параллельна южной подпорной стене бассейна, а отклоняется от её оси примерно на 5° к югу. Данные наблюдения позволяют сделать вывод, что в момент строительства корпуса Людских покоев восточная часть южной подпорной стены бассейна гаванца была разобрана.

Перед северной стеной Людских покоев, в юго-восточной части гаванца выявлены одновременные деревянные свайные конструкции. Это конструкции примыкавших к причальной стенке мостков, относящиеся к двум строительным периодам, а также остатки дамбы, созданной в конце XVIII века, в момент устройства набережной Фонтанки. Мостки первого строительного периода располагались непосредственно перед северной стеной корпуса Людских покоев и имели ширину 1,15 м. Конструкция представляла собой ряд свай с обвязкой поверху. С внутренней стороны сваи были подшиты досками, расположенными вертикально. Пространство между деревянной конструкцией и кладкой стены Людских покоев было заполнено обломками известняковых плит и строительным мусором, пролитым в верхней части известковым раствором.

Во время второго строительного периода площадь мостков была расширена к северу и к западу, для чего к северу и к западу от существующей конструкции был создан второй ряд свай с обвязкой по верху. Ширина мостков после перестройки составила 2,2 м. Верх свай, относящихся к конструкции второго строительного периода, находился на 10–15 см выше верха свай первоначальной конструкции. В отличие от свай первоначальной конструкции сваи второго строительного периода с внутренней стороны были подшиты досками, расположенными горизонтально. В момент перестройки мостков к южной подпорной стене бассейна была сделана прикладка: на уступы стены уложены известняковые блоки (размеры 0,3–0,72х0,13–0,22 м), скреплённые раствором. Верх блоков находился на уровне верха свай мостков второго строительного периода.

Конструкции описанных мостков прорезаны при строительстве временной дамбы конца XVIII века, расположенной под углом около 45° к основным сооружениям гаванца и ориентированной в направлении юго-восток — северо-запад. Дамба шириной 2,7–2,8 м представляла собой две шпунтовые стенки, пространство между ко-

торами для гидроизоляции было забутовано глиной. Её сооружение связано с началом строительства каменной набережной по берегу Фонтанки в начале 1780-х годов, когда гаванец ещё не был засыпан¹⁶.

Ещё одним сооружением, изученным в процессе археологических исследований, стал коллектор в подвальном пространстве дворца, интерпретированный исследователями как проточная канализация. Предполагалось, что проток воды в ней осуществлялся по течению с севера на юг из Невы в гаванец. Входной сводчатый проём канализационного коллектора был обнаружен ранее в центральной части фундамента северной стены здания. Предположительным выходным отверстием с южной стороны считался арочный свод, изображённый на рисунке Берггольца по оси кладки крыльца. Однако в процессе исследований эта версия не подтвердилось. Канал коллектора проходит западнее оси крыльца. В южной стенке фундамента дворца какого-либо отверстия, похожего на канал коллектора, обнаружено не было. Единственное заложенное кирпичом прямоугольное отверстие зафиксировано в западной части стены, напротив парвари, однако оно находится выше уровня воды в Фонтанке.

Коллектор расположен под центральной частью дворца (*Илл. 7*). Обследование его показало, что основной канал коллектора протяжённостью около 10 м и шириной 1,4 м имеет входное отверстие в центральной части северного фасада. Он проходит в сторону южной стены, в центральной части поворачивая на юго-запад. Далее он соединяется с продольным каналом, ориентированным по направлению восток — запад, который связывал между собой выходы нескольких туалетов дворца. При этом он не доходит до южной стены здания, связанной с гаванцем, а проходит параллельно ей на удалении около 3 м. Не обнаружено его выходов и к другим стенам дворца. Верх свода коллектора расположен на отметках 1,7–1,85 БС, дно его было прослежено с помощью шупа на отметке — 0,85 БС. Тот факт, что почти на половину своей высоты канал оказался засыпан песком, в котором были найдены находки XVIII века, свидетельствует, скорее всего, о постепенном его замыве, хотя не исключена и возможность частичной засыпки. Исследовать эти отложения на полную глубину не представлялось возможным из-за притока грунтовых вод. Нижняя часть коллектора выложена из обработанных известковых плит, верхняя часть стенок и свод сложены из кирпича, аналогичного тому, что использовался в кладке стен здания. Наверняка эти сооружения строились одновременно по единому проекту.

---

¹⁶ Ухналёв А.Е. Гаванец Летнего дворца Петра I: История создания и изучения // Труды ГЭ XLIII. Петровское время в лицах. 2008. С. 246.

7. Внутренне пространство коллектора.
Продольный канал

Можно предположить, что у коллектора был один вход, он же выход — с северной стороны здания сопрягавшийся с разрывом в каменной кладке набережной. В таком случае промыв его мог обеспечиваться только внутренним — круговым течением, возникающим естественным путём в закрытом пространстве. В противном случае отводящий канал коллектора должен был располагаться значительно ниже основного канала коллектора и иметь выход в сторону гаванца или в сторону Фонтанки. Средний уровень воды в Неве в районе дворца в настоящее время находится на отметке около 0,18 БС и какие-либо данные о его существенном изменении с петровского времени отсутствуют. В этих условиях коллектор мог быть заполнен водой примерно на 1 м, учитывая, что его полная высота составляла около 2,65 м.

Многие спорные вопросы строительной истории Летнего дворца можно было разъяснить при продолжении его археологических исследований. Однако провести их в нужных объёмах не представляется возможным даже в процессе таких масштабных реставрационных работ, которые велись в последние годы в Летнем саду. Тем не менее, проведённые в ходе этих работ исследования позволили существенно расширить информацию о многих объектах сада, включая Летний дворец Петра I.

Н.Д. Кареева
(Санкт-Петербург)

Летний дворец Петра I: вкусы царя и западноевропейские образцы

Летний дворец Петра I — единственное строение из комплекса дворцовых построек петровского времени в Летнем саду, дошедшее до наших дней. Людские покои, каменная галерея, Новые палаты с картинной галереей были разобраны в XVIII веке. Уже при жизни Петра I его стали называть «старым», в сопоставлении с Новыми палатами, выстроенными для Екатерины I в северо-западном углу Летнего сада в 1721—1726 годах. По нему мы судим о петербургской архитектуре петровского времени. Внешне настолько скромный, что тот, кто видит его впервые, не сразу может поверить, что это — Дворец Петра Великого, он может рассказать о вкусах Петра I, его образе жизни. Летний дворец сохранил с петровского времени свой внешний вид, габариты и планировку. Его высота от уровня пола до конька крыши — 14,00 м, высота комнат — 3,3 м. Длина северного фасада 24,1 м, южного 26,35 м, восточного 14,4 м, западного 15,6 м. Здание двухэтажное, построено на свайном основании. Стены Летнего дворца оштукатурены, углы рустованы. Вход оформлен порталом чёрного мрамора. Оконные проёмы прямоугольные и оформлены штукатурными наличниками.

Фасад украшен фризом из акантовых листьев, с картушем в центре декоративного пояса на каждом из фасадов. 28 намазных барельефов в лепных прямоугольных рамах, расположенные между окнами первого и второго этажей, исполнены на сюжеты «Метаморфоз» Овидия и других античных сказаний, а 29-й барельеф, над порталом, изображает богиню мудрости и справедливой войны Минерву на фоне арматуры. Путешественник К.Р. Берк, посетивший Петербург

во времена Анны Иоанновны писал: «Дом царя был маленьким, в два этажа, с опрятными, но не роскошными комнатами»¹. Тем не менее, история создания Летнего дворца Петра I свидетельствует о том, что здание, воспринимаемое потомками как скромное, создавалось в трудах и хлопотах, подходящих возведению достойного царского жилища. К созданию облика Летнего дворца, оформлению его интерьеров были привлечены архитекторы и скульпторы из Западной Европы: Доменико Трезини, Андреас Шлютер, Георг-Иоганн Маттарнови, художник Георг Гзель; свой след оставил Жан-Батист-Александр Леблон. После смерти Петра I Летний дворец перестаёт использоваться как царское жилище. Время в нём как будто остановилось, вкусы следующих хозяев не наложили своего отпечатка. Некоторое время здесь жили придворные служители, кастильянка с прачками, белошвейки. В царствование Елизаветы Петровны, чтившей память об отце, придворных служителей из дворца выводят, а «ветхости» чинят. Затем дворец стали использовать как летнюю дачу для видных сановников того времени. В 1753 году здесь жил князь М.М. Голицын, в 1810—1820-е годы — А.И. Горчаков, князь Д.И. Лобанов-Ростовский, граф М.А. Милорадович, министр финансов Е.Ф. Канкрин². Когда высокопоставленные «дачники» жили во Дворце, вся мебель на лето вывозилась, а затем возвращалась на место. При этом не обходилось без изменений в убранстве помещений. Ремонты и реставрации XIX века нанесли определённый ущерб первоначальному облику. В годы Великой Отечественной войны прямых попаданий бомб и снарядов в Летний дворец не было. Взрывными волнами были вырваны рамы, во дворец проникла сырость, но сама архитектура осталась нетронутой.

Летний дворец Петра I в Санкт-Петербурге построен в 1711 году по проекту архитектора Доменико Трезини, который называет его в числе своих работ³. Известно, что в январе 1711 года, уезжая, Пётр I оставил распоряжение: «что надлежит делать по отъезде нашем: зачатые палаты сделать двойные вверх по чертежу... а другие палаты на месте нынешних хором буде не поспеют будущим летом, то хотя б фундамент сделать...»⁴ «Зачатые палаты» — это Людские покои, под которые «свай начали бить» в 1710 году, а «палаты на месте нынешних хором» — Летний дворец.

---

¹ Берк К.Р. Путевые заметки о России // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 163.

² Кузнецова О.Н., Борзин Б.Ф. Летний сад и Летний дворец Петра I. Л., 1988. С. 110.

³ Лисаевич И.И. Доменико Трезини. Л. 1986. С. 62.

⁴ Цит. по: Кузнецова О.Н., Борзин Б.Ф. Указ. соч. С. 63.

Летний дворец Петра I в Летнем саду.
Фото 2013 г.

По свидетельству датского посланника Юста-Юля весной 1711 года, отправляясь в Прутский поход, Пётр I объявил сестре и племянницам, что они должны считать Екатерину (Марту Скавронскую) его законной женой и русскою царицей⁵ (Запись от 21 марта 1711 года). Они целовали ей руку как царице. 19 февраля 1712 года состоялось венчание Петра I и Екатерины. Вскоре, 17 апреля 1712 года Пётр уже переехал жить в Летний дворец⁶: «Господин Шаутбенахт перешёл в Летний дом». Вероятно, Пётр I торопил со строительством палат именно потому, что планировал семейную жизнь, для которой ему требовался новый дом.

В Летнем дворце была предусмотрена высокая степень комфорта. Н.В. Калязина в статье «Архитектор Леблон в России» привела следующее утверждение Леблона: «то, что составляет самое большое удобство и о чём можно только мечтать — это иметь текущую воду, приведя трубы с текущей водой из находящегося поблизости источника»⁷. Именно это удобство присутствовало в Летнем дворце. В поварню на первом этаже вода подавалась от фонтанной системы Лет-

⁵ Из записок датского посланника Юста-Юля // Русский Архив. М., 1892. Вып. 10. С. 133.

⁶ Цит. по: *Лансере Н.* Летний дворец Петра I. Л., 1929. С. 9.

⁷ Цит. по: *Калязина Н.В.* Архитектор Леблон в России (1716–1719) // От Средневековья к Новому времени. Материалы и исследования по русскому искусству XVIII – первой половины XIX века / Под ред. Т.В. Алексеевой. М., 1984. С. 122.

Медаль в честь битвы при Нердлингене.
Из книги: *Medailles sur les principaux evenemens du regne de Louis le Grand. Avec des explications Historiques.*
Par l'Academie Royale des Medailles des Inscriptions. /
Redigees par Charpentier F. et autres. Preface par Tallement.
Paris, 1702

него сада. Из крана шла вода, которая использовалась для технических нужд. Раковина с бачком сохранилась до сих пор. Было устроено и сохранилось шесть «нужных мест», которые были связаны коробами с пространством под дворцом. Туалеты предназначались не только для хозяев, но и для obsługi — по одному в Денщицкой и Фрейлинской. Принцип устройства проточно-промывной канализации под Летним дворцом до сих пор является предметом дискуссий специалистов⁸.

Планировка обоих этажей сходна и свидетельствует о стремлении Петра I к рационально организованному, а следовательно, комфортабельному пространству: вестибюль и восемь комнат на первом этаже и вестибюль и восемь комнат на втором идут вкруговую вокруг внутренних коридоров, расположенных буквой Г.

В коридоры выходили двери служебных помещений: Денщицкой, поварен, двух туалетов, вход на служебную винтовую лестницу. В коридорах обоих этажей находились гардеробные — сосновые шкафы для хранения одежды, которые сохранились до нашего времени. В коридорах расположены и топочные отверстия печей, которые обогревали Секретарскую на первом этаже и Спальню Екатерины на втором. Тепло можно было поддерживать, не беспокоя хозяев.

⁸ Ухналёв А.Е. Гаванец и подземные сооружения Летнего дворца Петра I // Страницы истории отечественного искусства. СПб., 2012. С. 273.

Детская комната на втором этаже через дверь в коридор была связана с Верхней поварней. Теплую воду и пищу с плиты можно было немедленно доставить в Детскую. То, что Детская находилась там, подтверждает живописный плафон на потолке комнаты.

К числу удобств отнесём и передаточное окно из Нижней поварни прямо в Столовую.

Назначение комнат было определённым (Спальня, Кабинет, Столовая, Поварня и др.). Первый этаж был жильём Петра I, второй — Екатерины I.

Пётр I не забывал и о представительских функциях дворца. Поляк-очевидец, посетивший в 1720 году Летний дворец Петра Великого в составе посольства Станислава Хоментовского, отметил убранство дворца: «его царская милость забрал его милость господина посла с собой в свой дворец, очень красиво украшенный различной китайской обивкой».

В трёх комнатах стояли бархатные кровати с широким позументом, соответствующим всему убранству. Было много зеркал, много украшений; пол — мраморный. При комнатах — кухня, стены которой обтянуты обивкой, как комнаты в других дворцах. В ней находились насосы, подсобки, шкафы для серебряной и оловянной посуды. Одна комната напротив была заполнена токарными и слесарными инструментами, такими, как воротки, большие и малые тиски. Там можно было найти любые инструменты для превосходнейшего ремесла»⁹.

В Летнем дворце не прекращались переделки. В ходе корректировки отказались от варианта ордерной постройки; внутри возводились новые стены и двигались с места на место прежние, выламывались и строились вновь каминные, менялись обои, ставились зеркала. Пётр I сам указывал, что делать, следил за ходом строительных работ, занимался отделкой интерьеров — цветом обоев, тканями из Англии, покупке там же четырёх кроватей (об этом — письма Петра I Апраксину от 12 и 15 марта 1717 года)¹⁰. В Летнем дворце висели шпалеры¹¹, были развешены на позолоченных гвоздиках купленные в Европе картины¹², был устроен Зелёный кабинет с витринами для раритетов.

⁹ Краткое описание города Петербурга и пребывания в нём польского посольства в 1720 году // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. СПб., 1991. С. 155–156.

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 84 (1); РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 11.

¹¹ РГИА. Ф. 467. Кн. 6в. Д. 210. 1720 г. 21 окт.

¹² Там же. Кн. 6б. Д. 104–188. Л. 174.

Зелёный кабинет в Летнем дворце Петра I

Архитекторы и художники, сам хозяин и его сподвижники пользовались различными увражами архитектурных образцов, на которые можно было ориентироваться при создании интерьера и экстерьера дворца. Многие из них сохранились в библиотеке Петра I в Отделе рукописей Библиотеки Российской Академии наук.

Создавался Летний дворец в голландском духе. Исследователи заметили сходство Летнего дворца и особенно малоизвестного проектного чертежа фасада из Научно-исследовательского музея Российской Академии художеств (НИМ РАХ) с дворцом Маурицхейс в Гааге (архитекторы Я. ван Кампен и П. Пост, 1633 год). «Маурицхейсу подражали и в Голландии, и в Дании. Трезини мог видеть эти повто-

Деталь росписи Зелёного кабинета в Летнем дворце Петра I

рения и взять их за образец»¹³, — пишет Ю.М. Овсянников. Вероятнее всего, пожелание Петра I, который видел в Гааге это здание, было решающим. Близость Летнего дворца Петра I к воде и отделка интерьеров кобальтовыми изразцами ярко свидетельствуют о том, что голландская архитектура была любима царём.

Но затем свою лепту внесли немецкие и французские мастера. Выразительное украшение дворца — барельефы на темы «Метаморфоз» Овидия и других античных сказаний, пояском охватившие его фасады. Появление этих барельефов связано с творчеством яркого немецкого скульптора и архитектора А. Шлютера, работавшего в России в 1713–1714 годах. Пётр I указывает в мае 1714 года: «штукаторскою работою делать вноф между окнами верхними и нижними фигуры, как бау-директор даст»¹⁴... Известно, что Пётр I входил во все подробности создания своей летней резиденции. Скорее всего, он знал, какие фигуры предлагает А. Шлютер, который, к сожалению, вскоре после получения этого указа умер. Немецкая исследовательница Рената Кроль обнаружила первоисточник композиций восточного и частично южного фасадов Летнего дворца, изображающих мальчиков на морских существах¹⁵ — серию гравюр итальянского гравёра Андреа Мальоли (конца XVI — начала XVII века) — тритоны, наяды, путти на морских существах. Эти образцы были позднее гравированы немецким гравёром А. Фуксом, их мог привезти с собой Шлютер. Дворец украшают и сюжетные барельефы «Персей и Андромеда», «Похищение Прозерпины», «Похищение Европы», «Диана и Актеон», «Нептун и Амфитрита», «Пан и Сиринга», «Латона и ликийские крестьяне», которые носят аллегорический характер и посвящены победам Петра I в Северной войне.

Скорее всего, у каждого из 28 сюжетных барельефов есть свой прообраз. Они вкрапливаются в многочисленные образцы интерьеров немецкого гравёра Пауля Декера, в гравюры французских орнаменталистов Ж. Берена, Ж. Лепотра¹⁶. До сих пор не указывался источник центральной композиции над входом в Летний дворец. Как вероятный источник можно предложить графическое изображение медали в честь победы Франции при Нердлингене в 1645 году в ходе 30-летней войны из книги «Медали в честь главных событий правления Людовика Великого с историческими

¹³ Овсянников Ю. Доминико Трезини. Л., 1987. С. 63.

¹⁴ РГАДА. Кабинет Петра. Разд. IX. Оп. 9/2. Отд. 1. Д. 57. Л. 581.

¹⁵ Kroll R. Andreas Schlüter und der Sommerpalast Petrs // Forschungen und Berichte. Berlin, 1976. P. 113–134.

¹⁶ L'Architecture a la mode. Paris, 1710.

объяснениями»...¹⁷ из библиотеки Петра I (Рукописный отдел Библиотеки Российской Академии наук). В соответствии с комментарием к гравюре, на медали изображена Беллона, с копьём в правой руке и щитом с тремя лилиями в левой, на фоне развёрнутых знамён, сидящая на арматуре. В русском искусстве петровского времени образы Беллоны и Минервы почти совпадали. Минерва на фасаде располагается зеркально по отношению к Беллоне на гравюре, но победный пафос медали вполне соответствует идее барельефов Летнего дворца. Любопытно, что три лилии на щите Беллоны (символ Франции) превратились в некий цветок с лепестками за спиной Минервы. Подобную композицию с женской аллегорической фигурой, сидящей на арматуре, можно считать типичной для начала XVIII века, она встречается в разных вариантах.

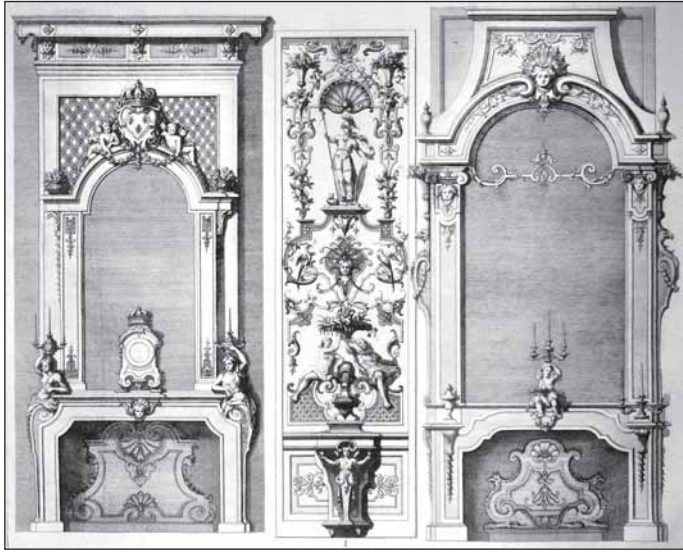
В конце 1717 или начале 1718 года из Амстердама в Санкт-Петербург приехала семья художников Гзелей — Георг и Мария-Доротея, дочь известной художницы и энтомолога Марии Сибиллы Мериан. С августа 1719 года Гзель расписывает изнутри Грот в Летнем саду, а также, начиная с 1719 года, не менее трёх живописных плафонов в Летнем дворце Петра I.

Швейцарский художник Георг Гзель, прибывший из Голландии, обращается к альбому образцов, изданному в Германии под названием «Княжеский архитектор». Сочинитель рисунков для этой книги — Пауль Декер, помощник Андреаса Шлютера на строительстве Берлинского дворца. Безусловно, это издание было довольно авторитетным источником образцов. В библиотеке Петра I собралось шесть альбомов Пауля Декера. Пользуясь этими образцами, Гзель создаёт три живописных плафона, причём он заимствует группы персонажей из многофигурных композиций, повторяет их расположение в пространстве, атрибуты, но в целом на русской почве аллегорические фигуры композиции приобретают новое звучание.

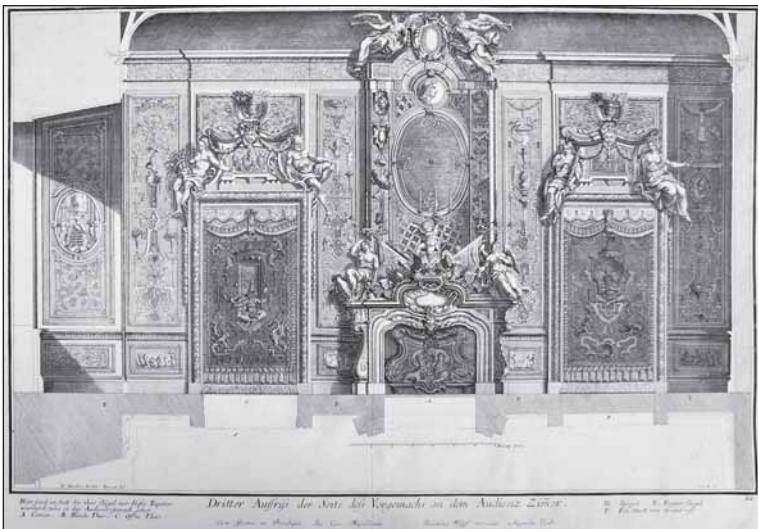
В 1716 году в Россию прибыл Ж.-Б. А. Леблон, а также множество французских мастеров. До сих пор прямых указаний о работе Леблону в Летнем дворце не найдено, тогда как о его планах по переустройству Летнего сада есть множество свидетельств. «Основным элементом отделки комнат, дверей, трюмо, каминов Леблон считал ламбри — деревянные панно с резьбой или окрашенные в светлые тона; последние он дополнял ажурной золочёной или серебряной резьбой для высветления апартаментов»¹⁸. Возможно, идеи Леблону

¹⁷ *Medailles sur les principeaux evenements du regne de Louis le Grand. Avec des explications historiques. Par l'Academie Royale des Medailles des Inscriptions / Redigees par Charpentier F. et autres. Preface par Tallement. Paris, 1702. P. 31.*

¹⁸ *Калязина Н.В. Указ. соч. С. 111–112.*

Ж. Берен. Образец оформления каминов.
 Из книги: *Livre de Deseins de Cheminees*. Paris, s.a.

П. Декер. Образец оформления комнаты для аудиенций.
 Из книги: *Decker P. Fürstlicher Baumeister. Oder: Architectura civilis*. Th.1, 2 Augsburg. 1711, 1716

проникли в Летний дворец через книги образцов. В сентябре 1718 года резчиком Иваном Петровым были изготовлены капители к пилястрам для Зелёного кабинета¹⁹. До отделки деревом стены помещения были хорошо оштукатурены и отделаны под мрамор (следы этой отделки были найдены при реставрации Летнего дворца в 1961–1964 годах).

Настенные росписи Зелёного кабинета выполнены в стиле гротеска, общепризнанным мастером которого был французский орнаменталист Жан Берен. Казалось бы, росписи Зелёного кабинета далеки от изящных и затейливых гротесков Берена. Тем не менее, книга его гравюр для украшения каминов, вышедшая в Париже в 1710 году²⁰, убеждает в обратном (книга из библиотеки Петра I, Рукописный отдел Российской Академии наук). В росписях Зелёного кабинета можно найти немало мотивов Берена: трельяжной сетки, козьиной головы, корзин с цветами, парных грифонов по сторонам вазы-курильницы, вазы с пламенем и без него. Мотив характерной морской раковины и мотив короны. Оформление филёнок и пилястр золотой рамкой. Восточная фигурка со скрещенными ногами. Мотив двух сидящих спинами друг к другу фигур, вписанных в орнамент. Эти примеры можно множить. Мы убеждаемся в том, что при создании росписей Зелёного кабинета художники пользовались образцами Берена. Но стоит обратиться к гравюрам по рисункам Пауля Декера, и мы обнаружим те же образцы архитектуры и орнаментов. Вполне возможно, что создатели Зелёного кабинета получили французские образцы и через немецкую графику, которая так или иначе пропитана духом версальских веяний. У Берена могли заимствовать различные детали оформления Летнего дворца: резную фигуру Минервы на деревянном панно в Вестибюле; резную балюстраду на втором этаже; десюдепорты — цветочные корзины в Зелёном кабинете.

Гравированные образцы из библиотеки Петра I свидетельствуют, что царь был нацелен на самые модные современные архитектурные веяния. Плеяда западноевропейских мастеров, опираясь на собственный опыт, рекомендации «архитектурных книг» и учитывая вкусы хозяина, создала неповторимый облик Летнего дворца Петра I в Санкт-Петербурге.

¹⁹ РГИА. Ф. 467. Оп. 483/1440. Г. 1720. Кн. 7. Ч. III. Л. 960.

²⁰ *Livre de Desseins de Cheminées*. Paris, 1710.

Г.И. Сергеева
(Санкт-Петербург)

Материалы к истории создания музея во дворце императора Петра I в Летнем саду (1917–1934)

В 1934 году во Дворце Петра I в Летнем саду был образован музей — ещё один из числа тех, которые были созданы во дворцах, принадлежавших до революции правящей императорской семье Романовых и находившихся в ведении Министерства императорского двора. И так же, как в подобных обстоятельствах происходило с другими дворцами, ключевую роль в этом деле сыграли революционные события 1917 года. Весной 1918 года вышел подписанный В.И. Лениным Декрет СНК «О конфискации имущества низложенного российского императора и членов быв. Российского императорского дома», позволивший национализировать всю без исключения собственность царской семьи, в чём бы она ни заключалась и где бы ни находилась. Что и было сделано. Дворцы Романовых и содержащиеся в них бесценные собрания были национализированы. Зимний дворец объявлен государственным музеем ещё 30 октября (12 ноября) 1917 года, 13 мая 1918 года открылся в качестве музея Большой Петергофский дворец, затем — Гатчинский дворец-музей, 9 июня — Екатерининский и Александровский дворцы-музеи Царского Села¹.

Однако угроза художественно-историческим ценностям, находившимся в императорских дворцах, особняках знати, музеях, общественных учреждениях, церквях, монастырях, частных коллекциях,

---

¹ Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть. М., 1991. С. 98–126.

возникла уже весной 1917 года. Ситуация резко обостряется после летних выступлений революционно настроенного населения.

По инициативе научно-культурной общественности Петрограда, озабоченной судьбой памятников, возникают различные комиссии по приёму и описи имущества дворцов. В июле 1917 года создаётся Комиссия по приёму и описи имущества дворцов, находившихся в ведении Петроградского Дворцового Управления, вошедшая в историю под именем Художественно-исторической комиссии (ХИК) при Зимнем дворце². С осени 1917 года дворцы (не все) находятся также под охраной комиссаров Петроградского Военно-революционного комитета (ПВРК) и объединённой ХИК, образованной после слияния ХИК Зимнего дворца с подобными комиссиями, существовавшими при пригородных дворцах Петергофа, Царского села, Гатчины, Ораниенбаума³. Основная деятельность всех этих органов заключалась в учёте ценностей, составлении на них описей, карточек и перемещении тех из них, которые имели особое историко-художественное значение, в специально отведённые для их хранения многочисленные склады. В Петрограде первые помещения, отведённые под склад, находились в Зимнем дворце, однако количество поступающего реквизируемого и конфискованного имущества было огромным. Вскоре под склады ХИК определяют бывшие склады городских ломбардов (Новгородская, 10, Гороховая, 47, Владимирский, 17 и др.), продовольственные склады (Кокоревские на Лиговке, 50, Склад Горпродукта 2-го Городского района в Гостином дворе), помещения в районах города, так называемые районные Бюро ХИК⁴.

Что же представлял собой к этому времени Летний дворец? Известно, что дворец был построен в начале XVIII века по проекту крупнейшего архитектора петровского времени Доменико Трезини. Над осуществлением плана летней резиденции царя трудились выдающиеся мастера того времени — Ж.-Б. Леблон, А. Шлютер, Г.-И. Маттарнови, Ф. Растрелли, Н. Микетти, М. Земцов и др. Хотя дворец и не был парадным, его внутренний декор был богатым и тщательно продуманным, в нём имелось много высокохудожественных предметов, в том числе созданных ведущими западноевропейскими мастерами. После смерти владельцев Летний дворец теряет значение царского дома и до середины XVIII века пребывает в заброшенном состоянии. Какое-то время его предоставляют на лето царским сановникам. Въезды, выезды и ремонты сопровождалась варварским

---

² ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 1–1 об.

³ Кузина Г.А. Указ. соч. С. 98–99.

⁴ ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

разрушением интерьеров и приводили к невосполнимым утратам. В XIX веке внимание к петровскому дворцу усилилось — он не сдаётся больше под дачи, возникает стремление сохранить его как мемориальный памятник, в 1840-х годах его наполняют мебелью, переданной из Камерцалмейстерской конторы, проводятся реставрационные работы. В 1903 году во дворце проводится знаменитая выставка, приуроченная к 200-летию основания Петербурга. По описи 1907 года, во дворце находятся художественные и бытовые предметы, многие из которых не имеют никакого отношения к Петру I и его эпохе. Посещать дворец можно было с разрешения Гофиндентантской конторы. В 1914 году смотритель дворца и Домика Петра I полковник Романов докладывал в Петербургское дворцовое управление, что публика, посещая указанные дворцы, интересуется их обстановкой, такая ли она была при жизни Петра I, и он высказывает пожелание обставить первоначальные дворцы мебелью петровского времени⁵.

В связи с революционными событиями 1917 года Летний дворец национализирован. Соответствующий декрет Совнаркома вышел 5 октября 1918 года, но уже летом 1917 года, вскоре после создания ХИК Зимнего дворца, Летний дворец обследован членами Комиссии в числе первых важнейших подлежащих охране объектов, одновременно с помещениями императорской семьи в Зимнем дворце. В это же время над ним наблюдает комиссар Зимнего дворца.

ХИК начала работу в июле 1917 года с Зимнего дворца, т.к. Временное правительство намеревалось немедленно занять апартаменты бывшей Царской семьи, и потому в ускоренном порядке приступила к приёму и описи некоторых покоев (приёмная, бильярдная, кабинет, спальня, бассейн Николая II, Малахитовая гостиная, столовая, бассейн, кабинет и две гостиные Александры Фёдоровны, одна проходная, четыре служебных комнаты и Салтыковская лестница). По окончании работ здесь были сфотографированы покои и находившиеся в них предметы, каждый предмет в отдельности и «в общей их совокупности, с точным восстановлением их расположения в том виде, в котором они находились во время пребывания во дворце Императорской семьи». После чего комиссия приступила к осуществлению той же задачи в других местах, в том числе «в Летнем дворце Императора Петра I, в Елагином дворце и в Часовне Спасителя на Петроградской стороне (в Домике Петра I. — Г.С.)». В Летнем дворце было описано около 200 предметов и картин, 15 из них сфотографированы. В Часовне Спасителя описаны иконы и драгоценности⁶.

⁵ Кузнецова О.Н., Борзин Б.Ф. Летний сад и Летний дворец Петра I. Л., 1988. С. 112.

⁶ ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 19–21.

До настоящего времени описи и фотографии не обнаружены, однако нет сомнения, что фотографии делались с той же тщательностью, что и снимки вышеуказанных покоев Зимнего дворца. Неизвестно, были ли предметы из Летнего дворца вывезены на какие-либо склады или остались на месте, известно только, что опись проводилась на месте. А вот драгоценности из Часовни Спасителя были перевезены в кладовые Зимнего дворца, где были упакованы в ящик Смотрителем комнатного имущества Зимнего дворца Н.Н. Дементьевым и эвакуированы в Москву. Сведения о проведении описания имущества во дворце содержатся в документах Государственного Музейного фонда, из которых следует, что Летний дворец был в числе первых из охранявшихся, наряду с Зимним, Аничковым и др. Его имущество описывают и спасают вместе с ценными предметами в покоях императорской фамилии.

Для организации работ по описи дворцов ХИК назначает своих сотрудников комиссарами-хранителями этих объектов. С лета 1917 до июня 1919 года хранителем Летнего Дворца был Николай Алексеевич Габилев. О нём пока найдено немного сведений. Известно только, что Н.А. Габилев — бывший офицер, как и некоторые другие члены ХИК — Александр Александрович Крутецкий, преподаватель Первого Кадетского корпуса, в 1920-х заведующий музеями во дворце Меншикова, Виктор Людвигович Драке и другие. В.Л. Драке курировал район Петроградской стороны и находившийся там Домик Петра I и какое-то время был также хранителем дворца Меншикова. Адъютант вел. кн. Сергея Михайловича, генерал-инспектор артиллерии, главный картограф Ставки Верховного Главнокомандующего М.В. Алексеева, он был женат на Варваре Афиногеновне Ильиной, фрейлине вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны. В 1937 году его обвинили в контрреволюционной деятельности и в январе 1938 года расстреляли⁷.

ХИК организует охрану дворцов и особняков. С осени 1917 до лета 1918 года охрану Летнего дворца, по её распоряжению, производили комнатные служители Зимнего дворца. В Ведомости постов и районов комнатных служителей Зимнего дворца перечисляются помещения, где сохраняются посты комнатных служителей: Эрмитажный театр, Запасная половина, Павильонный зал, Романовская галерея, зал Петроградских видов, квартира директора Эрмитажа, комнаты императора Александра II, Александра III и др., и далее: «18. Домик Императора Петра Великого — 1 чел.»⁸ Вероятно, речь

⁷ Драке А.Д. История двух инскриптов К.Р. // Журнал Союза дворян «Union de la noblesse russe» № 81. Париж. С. 22–23.

⁸ ЦГАЛИ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.

идёт о Летнем дворце, так как определение «Императора Петра Великого» используют в это время, говоря о нём, хотя нередко дворец называют домиком, что подтверждается гравюрой 1913 года В. Талепоровского «Домик Императора Петра I в Летнем саду».

В первую очередь ХИК озабочена вопросами о срочном вывозе художественных ценностей из дворцов и особняков из-за обострившейся угрозы захвата их революционными организациями, разграбления и разрушения. Ещё осенью 1917 года в Аничков дворец въехали учреждения Министерства продовольствия, дом вел. кн. Николая Николаевича в декабре 1917 года занял Революционный трибунал, дом графов Строгановых (угол Невского и Мойки) заняли матросские организации. Дом С.А. Шереметева по Французской наб. № 4—6 собирались занять представители союза металлистов, и Комиссия срочно принимает меры по охране ценных предметов и организации наблюдения, чтобы металлисты пользовались «обыденными» вещами, а не художественными предметами.

Летний дворец с первых дней революции находится под охраной. После увольнения в 1919 году Н.А. Габилева он переходит под наблюдение комиссара Мраморного дворца. Исследователи отмечают, что в начале 1920-х годов его штат состоит «из четырёх сторожей, охранявших его круглосуточно и убиравших здание внутри». В 1924 году во дворце имеется экспозиция и «запасные материалы». С этого же года планировалась входная плата во дворец — 600 рублей на год, однако документов, подтверждающих, что в это время Летний дворец имеет статус музея, нет⁹.

В апреле 1925 года на заседании Музейной секции Комитета социологического изучения искусства Российского института истории искусства рассматривается вопрос о создании в Летнем дворце историко-бытового музея. Председателем Музейной секции был член ХИК при Зимнем дворце Оскар Фердинандович Вальдгауэр (1883—1935), заведующий сектором античного общества Эрмитажа (время работы в Эрмитаже: 1904—1935), автор идеи создания из ленинградских и пригородных домов-музеев единой цепи бытовых памятников, иллюстрирующих разные «стороны быта, вкусов, экономических, классовые взаимоотношения предшествующих столетий».

Идея создания музеев быта возникла на основе сложившихся к этому времени новых, социологических взглядов на природу исторических процессов и общественных отношений. Не случайно вопросы создания и функционирования таких музеев стали предметом обсуждения Комитета социологического изучения искусства, его

---

⁹ Кузнецова О. Н., Борзин Б.Ф. Указ. соч. С. 113.

Музейной секции (О.Ф. Вальдгауэр, Б.Л. Богаевский, В.К. Станюкович, Н.П. Сычев, М.В. Фармаковский, П.Н. Шеффер, Ф.И. Шмидт, Н.П. Шульц и др.)¹⁰

Не будет преувеличением сказать, что это была также попытка, а подчас и единственный способ сохранить как художественно-исторические ценности, не вывезенные на склады и остававшиеся на местах, так и сами здания дворцов и особняков. Материалы по деятельности Музейной секции Комитета наглядно об этом свидетельствуют. Летний дворец оказался в числе тех дворцов и особняков, где ленинградская научно-художественная общественность инициирует создание музеев быта.

Осуществление этих планов отчасти выразилось в организации в Летнем дворце в сентябре 1925 года, когда дворец был передан в ведение Русского музея в составе его Историко-бытового отдела (ИБО), выставки «Русский быт I-й четверти XVIII в.»¹¹ Поводом для выставки стало празднование 200-летия Российской Академии наук¹². С инициативой о её проведении выступил Русский музей. Экспонаты на выставку предоставили различные музеи, а также научные и культурные учреждения Ленинграда и его пригородов, Москвы, частные лица.

В истории создания будущего музея в Летнем дворце эта выставка сыграла особую роль. Главная задача выставки выходила далеко за рамки показа только частного быта того или иного социального слоя. Это была попытка дать характеристику эпохи Петра Великого через показ широкого круга тем, связанных с петровским временем: война и военная реформа, управление и дипломатия, быт торгового капитала, начатки промышленности, быт рабочих, дворянства, крепостных, новая светская культура и др. Отличительной особенностью выставки было наличие зала, где впервые за послереволюционные годы был показан личный быт Петра I. Его создание в летнем доме, построенном в своё время для отдыха и личных занятий царя и его семьи, подчеркнуло и усилило мемориальный характер памятника. Личность царя, его повседневный быт были показаны посредством предметов петровской эпохи, в том числе мемориальных, размещённых в исторических помещениях дворца. Это позволяет сегодня говорить, что на этой выставке была отчасти реализована идея создания во дворце в будущем не только историко-архитектурного и художественного, но и мемориального музея.

¹⁰ Архив ГЭ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 219. Л. 65–66.

¹¹ Отчёт Государственного Русского музея за 1925 год. Л., 1926. С. 10, 64.

¹² *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семёнов Л.К.* Академия наук СССР. 1724–1974 гг. Краткий исторический очерк. М., 1974. С. 280.

Вслед за этой, в Летнем дворце будут организованы другие выставки на тему быта: «Народный костюм в городском быту», «Выставка русских самоваров XVIII–XIX веков» и др. Одним из курьёзов можно считать проведение в июне 1927 года выставки «Материалы из погребений XVIII века». На ней экспонировались мумифицированные трупы и остатки погребений XVIII века, доставленные сотрудниками ИБО из села Мартышкино, откуда поступило сообщение о разграблении лютеранского склепа. Три хорошо сохранившихся тела пастора, вельможи и ребёнка показывали в подлинных гробах. В витринах были представлены найденные в склепе предметы одежды: шляпа с траурным флёром, перчатки, чулки, сетка парика с остатками волос, части платья, сапоги и пр.¹³

Всё это время, начиная с 1925 года, помимо предметов, экспонируемых на выставках, в Летнем дворце находятся различные предметы мебели и декоративно-прикладного искусства. В 1929 году сотрудник ИБО Н.Е. Лансере пишет, что во дворце находятся: живописные плафоны на аллегорические сюжеты в залах, сосновые шкафы в коридорах (верхнем и нижнем), Ветровой прибор работы ювелира саксонского курфюрста в Дрездене Динглингера в Кофейной («Кабинет Петра I»), «зеркала Петровского времени в золочёных рамах» в Столовой, большой шкаф «голландской» работы начала XVIII века, в котором Пётр, по преданию, «держал свои ботфорты», в Приёмной Екатерины, зеркало в резной ореховой раме в Спальне Екатерины, «стол (венецанской работы) с деревянной золочёной фигурой Атланта» в углу в Зелёном кабинете и др. Была экспозиция во дворце и в начале 1930-х годов, о чём свидетельствуют документы¹⁴.

К концу 1920-х – началу 1930-х годов музейное дело переживает очередной сложный период. Приказом по Наркомпросу РСФСР от 13 марта 1934 года Русский музей реорганизован в Музей живописи, скульптуры, графики и рисунка. Этнографический отдел ГРМ, входивший ранее в состав ИБО, выделен в самостоятельный музей. ИБО и все его коллекции переданы в Ленинградский Государственный Музей революции¹⁵. Летний дворец Петра I получает статус

¹³ Степанов А.А. Выставка «Материалы из погребений XVIII в. (Мартышкино)». Л., 1926.

¹⁴ Лансере Н. Летний дворец Петра Первого. Изд-во Гос. Русского музея. Л., 1929. С. 38, 46, 49.

¹⁵ ОР ГРМ. Ф.ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1026. Л. 3. В 1935 году эта передача будет признана ошибочной. В начале 1937 года Историко-бытовой отдел был передан в Музей этнографии народов СССР в качестве самостоятельного Исторического отдела. В конце апреля 1941 года Исторический отдел Музея этнографии с фондами был передан в Эрмитаж, где положил основание Отделу истории русской

самостоятельного музея. Домик Петра I на Петроградской стороне попадает под юрисдикцию Музея истории и строительства Ленинграда (Музея города).

Во вновь образованном музее стараниями научно-культурной общности начинает формироваться коллекция. Из разных музеев, научных учреждений Ленинграда и пригодных дворцов-музеев сюда передаются художественно-исторические памятники. Из императорских романовских дворцов поступили самые ценные предметы коллекции — подлинные мемориальные вещи Петра Великого или определяемые специалистами как возможно «петровские». Из Большого Петергофского дворца — кровать Петра I. Из Царского Села — его одежда, из Гатчины — одежда, шпага, трость и др.¹⁶ Основу коллекции нового музея составили экспонаты из бывшего ИБО ГРМ. Известно, однако, что собрание ИБО ГРМ формировалось преимущественно из национализированного и конфискованного имущества дворцов, особняков и домов знати. Были в нём и предметы из Летнего дворца. И теперь, после создания музея во дворец возвращаются предметы, которые ранее в нём располагались. Они занимают в нём своё место, наряду с теми, которые все годы, начиная со времени постройки, не покидали его стен. Это бесценные подлинные произведения живописи и декоративно-прикладного искусства первой четверти XVIII века, которые «видели» и «слышали» хозяина дома — Петра Алексеевича Романова, его жену, смех и плач его детей. Они сохранились во дворце спустя два столетия, несмотря на утраты части его богатого убранства и сберегли для будущих поколений атмосферу и дух наполнявшей его когда-то жизни. Во вновь образованном музее сложилось уникальное собрание художественно-исторических памятников: предметы живописи, мебель, часы, осветительные приборы, различная посуда, предметы одежды, собрание зеркал русской и иностранной работы, каминная и печная утварь, измерительные приборы, письменные принадлежности, предметы культа, оружие и др. Большая их часть датирована началом XVIII века, петровским временем. Среди предметов, поступивших из ИБО, были и те, которые с некоторой долей вероятности исследователи или устная традиция относят к «петровским»: дубовая резная кровать, на которой, как пишут, Пётр I отдыхал, когда говел на Страстной седмице в монастыре Александро-Невской Лавры¹⁷, напольное зеркало-панно

культуры; см.: *Закс А.Б.* Историко-Бытовой Отдел Русского музея. 1918–1941 гг. // Труды НИИ Музееведения. Вып. VII. М., 1962. С. 282, 284.

¹⁶ *Кузнецова О.Н., Борзин Б.Ф.* Указ. соч. С. 158.

¹⁷ *Шкаровский М.В.* Реликвии петровской эпохи в Древнехранилище Александро-Невской Лавры. Петровские реликвии в собраниях России и Европы / Материалы III Международного конгресса петровских городов. СПб., 2012. С. 283.

в деревянной резной раме, по преданию, собственноручной работы Петра I, датированное 1710–1711 годами и др. Передача в Летний дворец предметов петровской эпохи из других музеев и учреждений позволила собрать их в одном месте, напрямую связанном с жизнью Петра Великого, и сохранить для потомков. Создание музея позволило спасти от разорения и забвения и сам дворец — уникальный архитектурный памятник отечественной истории и культуры первой четверти XVIII века.

И к середине 1930-х годов в Советском Союзе появляется музей, увековечивающий память монарха из рода Романовых. В период усиления культа личности создаётся музей — своеобразный гимн Петру Великому. Вряд ли это исторический парадокс. На наш взгляд, вряд ли верно объяснять создание музея, прославлявшего эпоху Петра Великого, патриотическими настроениями и тем, что власть, в целях укрепления культа личности, не возражала против демонстраций народу такого рода личностей. Скорее, дозволение власти создать музей было использовано для свершения благородного дела — сохранения историко-художественного достояния России. Если даже допустить, что власть не препятствовала тому, что создали музейные и научные работники тех лет, то, что они сделали, можно без преувеличения назвать подвигом. Наш долг — помнить об этом и отдать должное их памяти.

Р.В. Реброва
(Санкт-Петербург)

Голландская плитка в интерьерах Зимнего дворца Петра I. Взгляд на реконструкцию 25 лет спустя

В 1988 году после предварительных научно-исследовательских и археологических изысканий началась реконструкция выявленных фрагментов последнего Зимнего дворца Петра I. В итоге Эрмитаж располагает его восстановленной северо-западной частью, в том числе пятью личными комнатами Петра I. Нас заинтересовал результат восстановительных работ плиточного убранства, данная статья практически впервые представляет участников проекта плиточной отделки и оценивает его итоги.

Голландскую плитку стали использовать при отделке царских дворцов с 1711 года. Во втором Зимнем дворце архитектор Д. Трезини облицовал ей откосы окон¹. В последнем, третьем «новом зимнем доме» Петра I голландской плиткой было облицовано пять комнат первого этажа и угловая столовая. По расчётам, число плиток в Зимнем дворце достигало 30 тысяч².

Реконструкция производилась группой научных сотрудников Государственного Эрмитажа Отдела истории и реставрации памятников архитектуры, возглавляемой Григорием Владимировичем Михайловым. В её состав входили: Ирэна Владимировна Бурковская, Валерий Константинович Галочкин, Михаил Юрьевич Асеев и Евгения Константиновна Баженова. В проекте реконструкции помимо

---

¹ Михайлов Г.В. Зимние дворцы Петра I. СПб., 2002.

² Там же. С. 100.

Конторка реконструированных помещений
Зимнего дворца Петра I. Токарня

Государственного Эрмитажа участвовали: институт Ленгипротееатр (архитектурная часть), кооператив «Бельведер», впоследствии «Арт-эксперт» (декоративно-оформительская часть). Реконструкция плиток проводилась по методике, разработанной Юрием Георгиевичем Мицкевичем, впоследствии усовершенствованной реставратором М.Ю. Асеевым. Асееву, в частности, удалось добиться получения нужного оттенка «марганца».

Художник Екатерина Рачковская непосредственно выполнила весь объём работ и разрисовала каждую плитку вручную.

Аналоги рисунков для реконструируемых плиток утверждались комиссией. Они брались из различных источников, в основном из плиткового убранства Меншиковского дворца и, по словам М.Ю. Асеева, по калькам, используемым при производстве плиток в городе Маккум (Нидерланды). Реставраторы были знакомы также с образцами подлинных плиток из археологического материала и обращались к нидерландским библиографическим источникам³. Технологии и краски были аналогичны применявшимся в Голландии в первой половине XVIII века, краски варили из сырья, использовавшегося в этот период.

³ О том, что реставраторам были известны подлинные образцы плиток, свидетельствует упоминание о них в графических материалах к отчёту о проведённых восстановительных работах дворца, найденных в архиве Отдела истории и реставрации памятников архитектуры Государственного Эрмитажа.

Столовая реконструированных помещений Зимнего дворца Петра I

Расположение каминов и печей в реконструированных интерьерах соответствует петровскому времени — архитекторам было известно их размещение по сохранившимся контурам. Расположение топочных дверок было установлено по стандартному шагу плитки и изразца.

В 1976 году при демонтаже старых перекрытий были проведены археологические работы и собран материал, относящийся к первой четверти XVIII века. Среди него присутствует голландская плитка. Плитка Зимнего дворца, если судить по оставшимся найденным подлинным фрагментам, отличается от подлинной плитки в Меншиковском дворце, послужившей главным иконографическим источником для реконструкции. У царя и у Меншикова поставщики плитки были разными. Скорей всего, плитка Зимнего происходит из Роттердама и Амстердама, чаще всего это пейзаж большого круга. В росписях подлинных плиток Зимнего используются пасторальные сюжеты, архитектурные и морские пейзажи с видами городов, сцены из городской жизни. Отсутствуют библейские сюжеты и иллюстрации из популярной в середине XVII века в Нидерландах пасторали П.К. Хофта «Гранида» — в отличие от Меншиковского дворца. «Зимнедворцовые» плитки разнятся от меншиковских и декоративным оформлением — другие угловые заполнения. В плитках Зимнего дворца не используется марганец в таких рисунках, как листья аканта и

Дровяная реконструированных помещений Зимнего дворца Петра I

птицы. Известен только один тип использования марганца в декоративном оформлении подлинной плитки, где угловое заполнение — геральдическая лилия.

Облицованы и украшены новодельной плиткой четыре из воссозданных помещений — конторка, токарня, столовая и дровяная. Во всех, кроме дровяной, широкие, идущие от пола до оконных проёмов декоративные панели из голландской плитки. В дровяной вдоль плинтуса по всему периметру комнаты идёт полоса в одну плитку. Сюжеты и композиции плиток во всех комнатах отличны друг от друга.

В помещении конторки панели составлены из трёх типов плитки, центральная часть заполнена восемью плитками с рисунками на библейские сюжеты. Они обрамлены плитками с почти белым полем и

Подлинная археологическая плитка из убранства Зимнего дворца Петра I. Угловое заполнение «голова быка»

Подлинная археологическая плитка из убранства Зимнего дворца Петра I. Угловое заполнение «геральдическая лилия», глазурь с добавлением марганца

Реконструированная плитка с сюжетом «Каин, убивающий Авеля»

Плитка из Летнего дворца Петра I в Летнем саду с сюжетом «Каин, убивающий Авеля»

небольшим рисунком в центре, угловые заполнения «паук», эта композиция в свою очередь обрамлена плитками с пейзажами в большом круге, угловые заполнения в них — «голова быка». Последние, т.е. плитки с пейзажем большого круга, присутствовали и в подлинном интерьере. Библейские сюжеты следующие: «Проповедь Иоанна Крестителя в пустыне», «Каин, убивающий Авеля», «Благовестие Захарии», «Искушение Адама и Евы», «Изгнание Адама и Евы из рая», «Сон Иосифа», «Облако над скинией». Вопросы о появлении

Реконструированная плитка
с сюжетом «Благовестие Захарии»

на стенах подобных сюжетов, их подача, равно как и вопрос об аналогах для них остаются пока открытыми. Плитки с такими же сюжетами были обнаружены нами в Варварином покое Меншиковского дворца и во дворце Петра I в Летнем саду. Существует версия, что они были привезены из Нарвы.

В токарне панели оформлены плитками с центральным прямоугольным заполнением кобальтовым рисунком и белым полем по верхним и нижним краям, угловые заполнения — «паучки». Этот тип составляет более 50% плитки в интерьерах Меншиковского дворца. Панели обрамлены плитками с орнаментальной композицией, заключённой в ромб, и угловыми заполнениями в виде цветов. В ромбе крестообразно направленные листья аканта расписаны марганцем, угловые заполнения — кобальтовые. В Меншиковском дворце плитки с таким рисунком находятся в плафоне «кабинета из прихожей», одна плитка является центром плафона предспальни. Ни один из этих типов плитки не встречается среди подлинных археологических.

Столовая украшена центральными панелями двух типов, обрамлёнными плитками с орнаментальной композицией, выполненной марганцем — лист аканта с птицей. На первом типе панелей — композиции малого круга с угловыми заполнениями «паук». Такими же плитками облицованы поверхность стен спальни Меншикова, а также панели и постаменты пилястр в «Варварином покое». Второй тип панелей составлен из плиток, где в шестигранной марганцевой рамке с угловыми заполнениями геральдические лилии помещён выполненный марганцем пейзаж или пасторальная сцена. Всего шесть плиток этого типа находится в плафоне «кабинета из прихожей» Меншиковского дворца, они присутствуют и среди подлинного археологического материала, выявленного в ходе натурных исследований во дворце в 1970-х годах. Итак, плитки, повторяющие подлинные, среди всех перечисленных — только с пейзажем большого круга и с угловым заполнением геральдической лилий.

Расположение плиток
с библейскими сюжетами
в Варваринном покое
Меншиковского дворца

С плитками Зимнего дворца произошёл удивительный исторический парадокс. На момент реконструкции количества изобразительных сюжетов в найденных подлинных плитках и изразцах показалось недостаточно. Реставраторы воспользовались интерьерами Меншиковского дворца как главным иконографическим аналогом. Среди плиток Меншиковского есть образцы, которые изначально предназначались для дворца Петра I — пейзажи большого круга. Такая плитка дороже, но в Меншиковском дворце располагается иногда в несколько неподходящих для такого качества местах. Так, большое количество плитки этого типа расположено в углах и простенках, т.е. ими заполняли те части,

на которые не хватило плитки при первичной отделке. Теперь мы можем увидеть плитку с пейзажем большого круга в воссозданных интерьерах только потому, что в XVIII веке Меншикову не хватало плиток для украшения собственного дворца. Как установила Екатерина Андреева, в октябре 1717 года И. Борисов, по распоряжению светлейшего князя, просит царского гоф-интенданта П. Мошкова отпустить два ящика плиток, записав «на шот его светлости». Существовал «взаимозачётный» обмен плитками разного типа росписи между царскими дворцами и дворцами Меншикова. Так, в 1720 году в меншиковский дворец из царского было взято несколько ящиков плиток, но в царский дворец «взаимно» не поставлено. Поэтому гоф-интенданта П. Мошкова в июне следующего года просит доставить в царский дворец означенные ящики плиток, «понеже есть в том нужда»⁴. Благодаря тому,

⁴ Андреева Е.А. Голландская расписная фаянсовая плитка в интерьерах дворца Меншикова в Санкт-Петербурге // Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. СПб., 2012. С. 125–135.

что в своё время Меншиков взял «немного» плиток у царя, уже во время реконструкции реставраторы воспользовались их рисунками, а именно, типом с пейзажем большого круга. Таким образом, Меншиков всё-таки вернул плитку, хотя и несколько запоздав со сроком.

Сравнивая подлинные и новодельные плитки из реконструированных покоев, мы пришли к выводу, что реставраторы, отталкиваясь от подлинных интерьеров Меншиковского дворца, создали самостоятельное художественно цельное дизайнерское решение плитковых интерьеров, максимально приближённых к облику «нового зимнего дома» Петра I.

М.В. Шкаровский
(*Санкт-Петербург*)

Утраченные святыни Зимнего дворца

Одной из самых значительных церковных святынь Санкт-Петербурга в XIX — начале XX века была хранившаяся в Зимнем дворце Санкт-Петербурга, а ныне находящаяся в Черногории Филермская икона Божией Матери. В издаваемом в России православном церковном календаре под 12/25 октября до сих пор отмечается «перенесение из Мальты в Гатчину части древа Животворящего Креста Господня, Филермской иконы Божией Матери и десной руки святого Иоанна Крестителя» (в 1799). А в одном из недавних зарубежных русскоязычных изданий сообщалось о Филермском образе, что «оригинал иконы находится в Санкт-Петербурге»¹. Однако в годы гражданской войны, ставшей подлинной трагедией в истории России, для нашей страны навсегда оказались утрачены многие величайшие культурные ценности и святыни. Некоторые были уничтожены в ходе ожесточённых боёв, сгорели при пожарах и т.д., но многие в период кровавой смуты и раскола государства безвозвратно покинули его пределы. Так случилось с одной из бесценных священных реликвий всего христианского мира, волей судеб оказавшейся в России — Филермской иконой Божией Матери.

Этот образ имел многовековую историю. По преданию, икона была написана евангелистом Лукой в начале первого тысячелетия и освящена благословением Божией Матери. Вскоре самим евангелистом Лукой этот образ был препровождён в Египет, оттуда перевезён в Иерусалим, а около 430 года императрица Евдокия, супруга Феодосия II (408—450), распорядилась доставить икону в Константино-

---

¹ Филеримос // VIP Родос. Родос, 2011. Б/с.

поль, где образ Богоматери был помещён во Влахернскую церковь. В 626 году, по молитвам жителей, возносивших свои прошения перед Филермским образом, город был спасён от нашествия персов. По этому случаю была составлена благодарственная песнь Богоматери, которую молящиеся должны были выслушивать стоя; это песненное чинопоследование было названо акафистом².

В 1204 году, во время IV крестового похода, икона оказалась захвачена крестоносцами и снова перенесена в Палестину. Там она находилась в ведении монашеско-рыцарского ордена иоаннитов, или госпитальеров. Вытесненные в 1291 году сарацинами из Палестины и Сирии, иоанниты в течение 18 лет жили на Кипре, а в 1309 году перебрались на отвоёванный у мусульман после двухлетних сражений остров Родос. Для Филермской иконы рыцарями в XIV веке был построен храм Божией Матери на территории древнего поселения Ялиса на горе Филермиос (названной так по имени монаха Филеримоса), вблизи города Родос. Этот храм, возведённый на фундаменте древней византийской базилики, хорошо сохранился, как и расположенный рядом монастырь. В церкви Божией Матери на горе Филермиос в настоящее время находится список Филермской иконы и проводятся богослужения, причём храм разделён решёткой на две половины: православную и католическую³.

В 1522 году войска турецкого султана Сулеймана Великолепного после шестимесячной осады захватили Родос, и члены ордена через несколько лет (в 1530) нашли прибежище на переданном им императором Карлом V острове Мальта, куда вместе с ними прибыла и Филермская икона Божией Матери, а также другие древние святыни. В 1573 году в столице острова было начато строительство кафедрального собора во имя св. Иоанна Крестителя и, после его освящения, чтимая икона Богоматери была помещена в Филермском приделе, украшенном серебряными вратами.

В конце XVIII века Мальтой овладели французские войска под командованием Наполеона, и мальтийские рыцари решили перейти под защиту России. В 1798 году они избрали императора Павла I главой ордена, 29 ноября 1798 года император торжественно возложил на себя корону Великого магистра. Десная рука св. Иоанна Крестителя была привезена в Петербург в том же году, а Филермскую икону Божией Матери и часть древа Животворящего Креста Господня доставили в российскую столицу в 1799 году.

---

² *Архимандрит Августин (Никитин)*. Филермская икона Божией Матери. СПб., 2003. С. 1.

³ Филеримос; Рыцари Родоса // VIP Родос. Б/с.

В сентябре 1799 года императорский двор прибыл в Гатчину, где была любимая загородная резиденция Павла I. К этому времени дочь императора великая княжна Елена Павловна была обручена с наследным принцем Мекленбург-Шверинским Фридрихом Людовиком. Бракосочетание произошло в Гатчине 12 октября; в этот же день по указанию Павла I состоялось торжественное перенесение привезённых с Мальты святынь, которые поместили в Гатчинский придворный храм. Император принёс свой дар церкви, повелев устроить золотые, украшенные бриллиантами и драгоценными камнями, ковчеги для десницы св. Иоанна Предтечи и для части Креста Господня, а для Филермской иконы — новую золотую ризу. В память этого события, по высочайшему повелению, был учреждён ежегодный праздник, внесённый в церковный месяцеслов под 12 октября (старого стиля)⁴.

Гатчина недолго оставалась местом пребывания перенесённых с Мальты святынь. Осенью 1799 года, с отъездом императорского двора, Филермская икона и остальные святыни были перевезены в Петербург. В 1800 году празднование 12 октября совершалось в Зимнем дворце столицы. Затем, в течение 50 с лишним лет, святыни постоянно находились в соборе Зимнего дворца, а праздник перенесения их в Гатчину указывался в календарях и святцах, но особо не отмечался.

В годы правления императора Николая I была возрождена традиция перенесения Филермской иконы в Гатчину. В память Павла I, основателя города, Николай I повелел воздвигнуть в Гатчине соборный храм во имя св. апостола Павла. Собор был заложен 30 октября 1846 года, строился по проекту профессора архитектуры Р.И. Кузьмина и был освящён 12 июля 1852 года⁵.

Осенью того же года храм посетил Николай I. Депутация от прихожан принесла благодарность императору и попросила, чтобы Филермская икона Богородицы и другие мальтийские святыни были помещены в новом храме на постоянное пребывание. Государь выслушал просьбу, но согласился только на временное ежегодное приношение святынь в собор для поклонения верующих. С того времени было восстановлено торжество праздника 12 октября, которое стало совершаться ежегодно в Гатчинской придворной церкви и Павловском соборе города. В 1852 году Николай I велел написать

---

⁴ *Архимандрит Августин (Никитин)*. Указ. соч. С. 2–5; *Рыженко И.* Церковь Гатчинского дворца // *Старая Гатчина*. СПб., 1996. С. 154; *Гафифулин Р.Р.* Об иконе Филермской Богородицы // *Император Павел Первый и Орден Святого Иоанна Иерусалимского в России*. СПб., 1995. С. 113.

⁵ *Гатчинские святыни* / Ред.-сост. Г.М. Елфимова. Гатчина, 2006. С. 34–36.

копию с Филермской иконы и в серебряном позолоченном окладе поместить на аналое Гатчинского собора. Вскоре у царских врат среднего иконостаса был поставлен на аналое список иконы, сделанный художником Бовиным.

Накануне праздника, 11 октября, Филермская икона Богоматери и другие святыни доставлялись из Петербурга в Гатчину. В дворцовой церкви торжественно совершалось всеношное бдение, и молящиеся прикладывались к выносимым на середину храма святыням. На следующий день, после ранней литургии во дворцовой церкви, с крестным ходом святыни переносились в собор, где они пребывали в течение десяти дней для всеобщего поклонения и молебствий. В день празднования Казанской иконы Божией Матери, 22 октября, после крестного хода по городу святыни отвозились обратно в Петербург. В течение 60 с лишним лет этот праздник был главным для жителей Гатчины. В остальное время года мальтийские святыни пребывали в соборе Зимнего дворца, в особом киоте с правой стороны царских врат. В 1915 году старший судья и председатель Судебной палаты острова Мальта Пулличино обратился к императору Николаю II с просьбой о предоставлении Мальтийскому музею фотографий иконы Филермской Богоматери. Эта просьба была выполнена⁶.

Вскоре после Октябрьской революции, в конце 1917 — начале 1918 года собор Зимнего дворца был закрыт и разорён, но мальтийские святыни удалось спасти. В числе других предметов убранства ликвидированных придворных церквей они оказались в ризнице принадлежавшего придворному ведомству Архангельского собора Московского Кремля. По благословению Святейшего Патриарха Тихона протопресвитер бывшего придворного духовенства Александр Дернов 6 января 1919 года в двух футлярах перевёз святыни из Москвы в Гатчину, где они были помещены в соборе св. ап. Павла⁷.

Интерес к Филермской иконе у советских властей проявился только в начале 1920-х годов. 29 декабря 1923 года Главное управление научных и научно-художественных учреждений Народного комиссариата просвещения в послании своему Петроградскому отделению (содержавшему ряд ошибочных суждений по истории иконы) пыталось выяснить судьбу реликвии: «Наркоминдел запросил о местонахождении вывезенной в 1799 году Павлом I с острова Родос иконы Филермской Богоматери ввиду ходатайства итальянского правитель-

---

⁶ Лавры, монастыри и храмы на святой Руси. Санкт-Петербургская епархия. СПб., 1908. С. 120; *Архимандрит Августин (Никитин)*. Указ. соч. С. 6–8; *Гафифулин Р.Р.* Указ. соч. С. 113–115.

⁷ Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994. С. 63.

ства о возвращении иконы на Родос [в тот период колонии Италии]. Икона была во дворце Гея [?], а теперь якобы передана в Гатчинский дворец. Отдел по делам музеев просит в самом срочном порядке ответить, где находится эта икона в данное время, и представить заключение, настолько ли велика музейная ценность иконы, чтобы отстаивать перед Наркоминделом оставление её в России»⁸.

Этот запрос был сделан в связи с тем, что в 1923 году итальянское правительство через своего посла в Москве обратилось к советским властям с просьбой вернуть святыни Мальтийского ордена. Наркомат просвещения, в свою очередь, послал запрос хранителю дворца-музея г. Троицка (Гатчины) В.К. Макарову, в котором просил выяснить судьбу этих реликвий. Вскоре В.К. Макаров обратился за разъяснениями к настоятелю Павловского собора протоиерею Андрею Шотовскому⁹.

Однако отстаивать было уже нечего. Ни в Петрограде, ни в Гатчине икона давно не хранилась. О её судьбе говорилось в ответе на соответствующий запрос от 14 января 1924 года протоиерея Иоанна Шотовского: «1919 года, января 6 дня протопресвитером Зимнего дворца о. А. Дерновым были привезены в Гатчинский Павловский собор святыни: часть Древа Животворящего Креста Господня, десная рука св. И. Предтечи и икона Филермской Божией Матери. Все эти святыни были привезены в том же виде, в каком оне и всегда были привозимы 12 октября в собор, то есть на иконе Бож. Матери — риза и ларцы для мошей и креста были в старинном драгоценном уборе. После богослужения, совершённого Петроградским митрополитом, эти святыни были оставлены на некоторое время в соборе для поклонения верующих жителей гор. Гатчины. Так оне оставались здесь до октября месяца, когда пришли «белые» и овладели Гатчиной. В один из воскресных дней, именно 13 октября, настоятелем собора был устроен в сопровождении этих святынь крестный ход кругом города. Когда крестный ход был совершён, и народ разошёлся по домам, явился в собор настоятель протоиерей Иоанн Богоявленский в сопровождении графа Игнатьева и ещё какого-то военного человека и, уложив святыни в фуляры, в которых они были привезены в собор, взял их с собою и увёз в Эстонию, не спросив на это разрешения ни у причта, ни у прихожан. О дальнейшей судьбе этих святынь, где они и что с ними — ни причту, ни Приходскому совету — неизвестно»¹⁰.

⁸ Шкаровский М.В. Неужто погибла икона? // Ленинградский рабочий. 1991, № 7, 15 февраля. С. 13. Цитируемый документ хранится в ЦГА СПб. (Ф. 2555).

⁹ Гафифулин Р.Р. Указ. соч. С. 114.

¹⁰ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 13.

Ещё ранее эти события излагались в письме гатчинского протоиерея Алексея Благовещенского от 6/19 октября 1920 года Святейшему Патриарху Тихону и протопресвитеру Александру Дернову¹¹. Что касается копии, сделанной при Николае I с Филермской иконы Божией Матери, то она, по свидетельству протоиерея Андрея Шотовского, «в настоящее время [в январе 1924] сохраняется в Павловском соборе, хотя серебряная риза с неё снята и сдана по требованию местного исполкома в Троцкий финотдел»¹².

Объяснить и в определённой степени оправдать поведение настоятеля Павловского собора можно. Ведь к осени 1919 года многие священнослужители оказались репрессированы, были нередкие случаи вскрытия мощей святых, уничтожения икон и т.п., а в период реальной угрозы Петрограду со стороны войск генерала Юденича, когда город стали очищать от сомнительных элементов, планировались и антицерковные акции. Так, в заявлении делегации авторитетных священников и мирян, направленной 15 сентября священномучеником митрополитом Вениамином (Казанским) председателю Петроградского совета Г.Е. Зиновьеву, говорилось, что церковь взволнована «упорными слухами о поголовном аресте (или высылке) петроградского духовенства ввиду их контрреволюционности или же в качестве заложников...»¹³ Возможно, в этом причины того, что протоиерей Иоанн Богоявленский (в монашестве Исидор, будущий епископ Таллинский) не только сам покинул Гатчину (можно вспомнить, что и писатель Куприн уехал из города с отступающими войсками Юденича), но и увёз с собой наиболее ценные реликвии. Так Россия утратила эти важнейшие христианские святыни.

В середине 1920-х годов советское правительство передало в Италию некую икону Пресвятой Богородицы, названную Филермской, но это был лишь список. В апреле 1925 года нарком просвещения А.В. Луначарский послал в Ленинград телеграмму: «Задержка передачи Филермской иконы из Гатчины вызывает неприятности с итальянцами; категорически предлагаю препроводить икону в Москву. Исполнение срочно сообщите». Выполняя это указание, административный совет Троцкого уездного исполкома изыал копию Филермской иконы и передал её В.К. Макарову для отправки в Москву. С иконы была сделана фотография, оставленная в соборе. Таким образом, итальянскому послу в 1925 году в Москве передали выполненную в середине XIX века копию Филермской иконы Божией

---

¹¹ Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. С. 63.

¹² Гафифулин Р.Р. Указ. соч. С. 115.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 79. Д. 24. Л. 16.

Матери, именно она была помещена в римской резиденции мальтийского ордена (позднее икона была перевезена в Ассизи и помещена в храме Санта Мария дельи Анджели)¹⁴.

Как уже говорилось, в октябре 1919 года прежние мальтийские святыни были вывезены из Гатчины в Эстонию, затем их доставили в Копенгаген, где передали вдовствующей императрице Марии Фёдоровне, супруге императора Александра III. 13 октября 1928 года Мария Фёдоровна скончалась. В том же году её дочери вел. кнн. Ксения и Ольга передали Филермскую икону (и две другие святыни) Архиерейскому Синоду Русской Православной Церкви за границей, располагавшемуся в югославском г. Сремски Карловцы, и вскоре этот чтимый образ был доставлен в Германию и помещён в православном соборе Берлина.

Летом 1932 года Первоиерарх Зарубежной Русской Церкви митрополит Антоний (Храповицкий) передал гатчинские святыни на хранение королю Югославии Александру I Карагеоргиевичу. 20 июля Владыка Антоний в письме к бывшему личному секретарю генерала П.Н. Врангеля Н.М. Котляревскому отмечал: «...наши Петроградские святыни до сих пор лежат в сейфе Министерства Двора, а не в церкви. Говорят, что по желанию Высочайших Особ их возьмут в строящуюся церковь загородного дворца в Дедине»¹⁵. Вскоре король поместил святыни в дворцовой церкви в Белграде, а в 1934 году перенёс в завершённую церковь загородного дворца на острове Дедины.

В докладе Владыки Антония Архиерейскому Синоду от 10 декабря 1932 года подчёркивалось: «Принимая названные Святыни и передавая их на хранение Его Величеству Королю Александру, я неизменно признавал их за собственность Российских Императоров. Поэтому и преемники мои, как Председателя Архиерейского Синода, собственником Святынь должны признать Главу Российского Царственного Дома, и если Святыни будут переданы кому-либо из моих преемников Королём Югославии, то на того Преосвященного ляжет долг обратиться к Главе Российской Династии за указаниями, как с ними поступить»¹⁶. К сожалению, это условие временной передачи в дальнейшем было забыто.

6 апреля 1941 года нацистская Германия без объявления войны напала на Югославию, немецкие бомбардировщики совершили на-

---

¹⁴ *Архимандрит Августин (Никитин)*. Указ. соч. С. 10–11; *Гафифулин Р.Р.* Указ. соч. С. 115.

¹⁵ Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилл, 1988. С. 198.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 128. Л. 1.

лёт на Белград. Через два дня — 8 апреля — король Пётр III Карагеоргиевич, уезжая ввиду военной опасности вместе с Сербским Патриархом Гавриилом (Дождичем) из Белграда, взял святыни с собой. Вскоре они прибыли на территорию Черногории — в монастырь св. Василия Острожского (Острог), вытесанный в скале на высоте 840 метров над уровнем моря.

Через несколько дней беглецы разделились: Патриарх остался в обители, а король вместе с членами сербского правительства вылетел 14 апреля в Иерусалим, передав гатчинские святыни на сохранение Первосвятителю. Сразу же после прихода в монастырь немецких войск — 25 апреля — Патриарх был арестован, а затем вывезен из Черногории. Некоторое время находился под арестом и настоятель обители архимандрит Леонтий (Митрович). Святыни же, вместе с другими сокровищами королевской династии, были спрятаны в подполье келии настоятеля, где хранились около 10 лет. Во время войны Архиерейский Синод Зарубежной Русской Церкви пытался разыскать и вернуть себе святыни, в связи с чем митрополит Анастасий даже встречался в середине июня 1941 года с командующим немецкими войсками в Сербии генералом фон Шредером. Генерал заверил митрополита, «что будут приняты все меры для отыскания и возвращения святынь из Зимнего дворца», но отыскать их не смог¹⁷.

31 декабря 1944 года Черногория была освобождена от оккупации народно-освободительной армией Югославии, но реликвии ещё около семи лет укрывались в монастыре. В 1951 года гатчинские святыни были изъяты из Острожского монастыря во время конфискации церковных ценностей коммунистическими властями Югославии и переданы в музей г. Подгорица (в то время Титоград), а в 1960-х годах перевезены в Исторический музей г. Цетинье — древнюю столицу Черногории.

Лишь 7 июля 1993 года, в день праздника Рождества Иоанна Предтечи, десницу Иоанна Предтечи и часть Животворящего Креста Господня передали в Цетинский монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, где они и хранятся в настоящее время. В мае 1994 года глава Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, посетивший Югославию, благословил народ Черногории десницей св. Иоанна Предтечи. 8 июня 2006 года Черногорский митрополит впервые вывез десницу Иоанна Предтечи за пределы страны — в Москву. В течение 40 дней святыня побывала в 16 городах России, Украины и Белоруссии, где ей поклонились

---

¹⁷ Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей в Нью-Йорке. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28 ноября 1940 — 18 сентября 1946.

более двух миллионов верующих, а затем была возвращена в Цетинский монастырь.

Филермская икона Божией Матери, как представляющая большую художественную ценность, до сих пор находится в Народном музее г. Цетинье. Руководство Черногорской митрополии неоднократно обращалось с ходатайством о передаче иконы в ведение Сербской Православной Церкви; представители Мальтийского ордена также стараются заполучить чудотворный образ, обещая при этом значительную материальную компенсацию¹⁸.

Таким образом, гатчинские святыни оказались утрачены для Русской Православной Церкви, однако в некоторых храмах России сохранились списки Филермской иконы. В Павловском соборе Гатчины копию иконы и живописное изображение десной руки св. Иоанна Предтечи изготовил протоиерей Алексей Благовещенский, служивший настоятелем храма до своего ареста и расстрела в феврале 1938 года. В первой половине 1950-х годов в Павловском соборе появился пожертвованный серебряный крест-мошевик с частицей мощей св. Иоанна Предтечи, а в 1990-х годах храму была пожертвована частица Древа Животворящего Креста Господня. Установленный же в 1799 году праздник с особой службой в память о перенесении мальтийских святынь в Гатчину и сейчас — 12/25 октября ежегодно с особой торжественностью отмечается в Павловском соборе. В 1999 году, ровно через 200 лет после перенесения великих христианских святынь с острова Мальта в Россию, в Гатчине была возобновлена старинная традиция торжественного крестного хода¹⁹.

К находящимся в Черногории Филермской иконе Божией Матери и другим бывшим гатчинским святыням в настоящее время приезжает большое количество паломников и туристов из России. Память об их пребывании в нашей стране продолжает сохраняться. Вероятно, следует поставить вопрос если не о возвращении Филермского образа в Россию, то хотя бы о его временном принесении в нашу страну и другие православные земли, где почитают эту икону, для поклонения верующих.

---

¹⁸ *Архимандрит Августин (Никитин)*. Указ. соч. С. 12–13.

¹⁹ Гатчинские святыни. С. 32–33.

Е.Р. Секарева (Санкт-Петербург),
И.А. Стёпичева (Санкт-Петербург)

Марли в Петергофе: историческая и мемориальная значимость дворца

1. Дворец Марли.
Фото 2010 г.

Дворец Марли построен архитектором И.Ф. Браунштейном в 1720–1723 годах и является архитектурным центром западного ансамбля Нижнего парка в Петергофе. Уникальность и ценность дворца заключается в его необыкновенной судьбе: Марли стал фактически одним из первых мемориальных музеев России (*Илл. 1*).

Название дворца восходит к наименованию резиденции французского короля Марли-ле-Руа (Марли королевский), которую Пётр I, путешествуя по Европе, посетил в мае 1717 года. Он осмотрел великолепный дворец, павильоны, регулярные парки, фонтаны, но особый интерес у него вызвала «машина Марли», снабжавшая водой парки Версаля и Марли. Можно предположить, что уже тогда у Петра созрело решение — на южном побережье Финского залива построить летнюю резиденцию по образцу французской (*Илл. 2*).

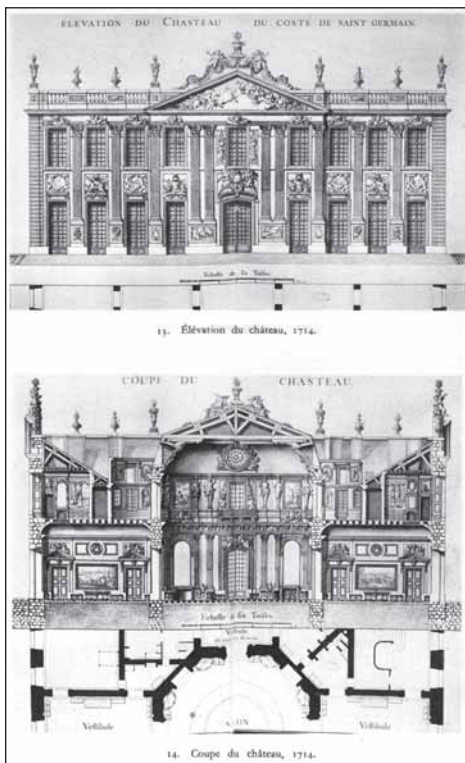
В документах петровского времени дворец имел другое название: «Малые приморские палаты», «маленькие палатки», «палаты между прудов», «другой Момплезир». Аналогию с французским «Marly-le-roi» провёл сам Пётр I указом от 13 марта 1722 года, где приказал

2. Фасад и интерьеры дворца Марли-ле рюа. 1714 г.

«кашкату большую против пруда надлежит сделать во всем препорциею против кашкаты Марлинской, которая против королевских палат в Марли»¹. Пётр I бывал в Марли, пока велось строительство, строго следя за исполнением своих указов. Осматривая уже построенное здание, он решает изменить его облик и приказывает надстроить ещё один этаж, вероятно понимая, что размеры дворца не соответствуют размерам Большого пруда. Император принимал дея-

тельное участие в обустройстве «приморских палаток»², по преданию, оштукатурил одно из помещений дворца и посадил дуб со стороны секторального пруда, положив при посадке червонец³. Марли, построенный в стороне от Монплезира, играл роль «образцового домика», дачи, где среди прудов и аллей можно было вести уединённую жизнь.

Первые гости оказались во дворце в августе 1723 года, когда Пётр I пригласил в Петергоф иностранных дипломатов. В новой загородной резиденции иностранцы увидели фонтаны, посетили Монплеzir и только что достроенные Малые приморские палаты. Французский посол Ж.-Ж. Кампредон после визита во дворец докладывал

¹ Архипов Н.И., Раскин А.Г. Петродворец. Л.; М., 1961. С. 136.

² Из воспоминаний леди Блумфильд о России, 1845–1846 // Рус. архив. СПб., 1899. № 6. С. 241.

³ Шарубин Н. Очерки Петергофа и его окрестностей. СПб., 1868. С. 10.

королю: «В доме восемь маленьких комнат внизу и столько же наверху, с прекрасными картинами, но без мебели. Между прочим, один кабинет отделан деревом, привезённым царём из Персии. Это особенный род кедра, замечательно красивый. (Так посол ошибочно назвал чинару и Чинаровый кабинет.) Царь показал нам устроенные под водою погреба и бассейн, в виде веера, в отделениях коего размещены различные породы рыб»⁴. Для послов во дворце был устроен обед, на котором, по приказу Петра I, роль хозяина выполнял герцог Голштинский⁵. Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский, племянник шведского короля Карла XII, приехал в Россию в 1721 году по приглашению русского царя. Осенью 1724 года Пётр обручил его со старшей дочерью Анной Петровной.

Следующий большой приём для иностранных послов в Петергофе в августе 1725 года устроила уже новая императрица. Гостей Екатерина I принимала вместе с зятем, который после смерти Петра I стал для неё значимой фигурой и был назначен членом Верховного тайного совета. Императрица поселилась в Монплезире, «маленьком дворце, стоящем у воды»⁶, где «по примеру покойного императора всегда имеет обыкновение останавливаться»⁷, герцога с женой отправила для проживания в Марли, который «по своему местоположению очень мил»⁸. Приём Екатерины получился таким же пышным, как и во времена Петра. Гости гуляли по иллюминированному парку, 15 августа с императрицей обедали в Монплезире, а на следующий день герцог Голштинский принимал в Марли князя Меншикова, графа Ягужинского и шведских посланников. После обеда гости были приглашены в погреб дворца, где «хранился довольно большой запас превосходнейшего венгерского вина»⁹, и герцогиня «в качестве хозяйки сама начала угощать и поднесла им по несколько стаканов»¹⁰. Петровские традиции были соблюдены: разъезжаясь, гости еле стояли на ногах. Всё повторилось, как в былые времена, когда Пётр I в подвале Монплезира потчевал вином «по здешнему обычаю», когда «надобно пить за здоровье каждого гостя отдельно...

⁴ Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при Русском дворе Кампредона с 1722 по 1724 г. // Сб. Имп. Рус. ист. о-ва. СПб., 1885. Вып. 49. С. 372.

⁵ Там же.

⁶ *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера // Юность державы. М., 2000. С. 298. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX).

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 300.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

и без того оттуда не выйти»¹¹. Вслед за Петром императрица продолжала устраивать в Петергофе праздники и иллюминации, например, в один из вечеров в садах «зажгли свыше четырёх тысяч фонарей»¹². Екатерина I в июле 1725 года посетила петергофский Эрмитаж и первой «забавлялась» там с подъёмным столом и тарелками, приказала установить фонтан «Ева». От Екатерины исходят и первые указания о сохранении памяти почившего императора. Так, в 1726 году по её просьбе для сохранения в качестве реликвии был куплен дом ремесленника Иоганна Луде в Нарве, в котором останавливался Пётр I. Екатерина I, вступив на престол, свято соблюдала обычаи, введённые Петром I. Марфе Скавронской, по воле случая оказавшейся на троне Российской империи, необходимо было подвести твёрдый фундамент под свою власть, и образ великого Петра служил для этой цели как нельзя лучше.

В 1730 году российской императрицей стала Анна Иоанновна, которая ежегодно проводила лето в Петергофе. В тёплые летние дни она имела обыкновение прогуливаться по парку и пить кофе в Эрмитаже, Монплезире или Марли¹³. Когда двор переезжал в Петергоф, в «маленьком красивом увеселительном доме», который был хорошо обставлен и украшен «превосходной живописью»¹⁴, размещался принц Вольфенбюттельский, жених Анны Леопольдовны, племянницы Анны Иоанновны. Иностранцы, посещавшие Петергоф в это время, отмечают его запустение и заброшенность: в петровском Марли страдают «многочисленные прекрасные живописные полотна. Их совсем не берегут, и некоторые картины уже испорчены, да и вообще всё портится»¹⁵. (По описи 1728 года в Марли находилось 46 картин из петровской коллекции). Анна Иоанновна мало заботилась о сохранении детища Петра.

Ни одна из женщин, управлявших Россией в XVIII веке, не имела прямых прав на престол. Пришедшей к власти в результате гвардейского переворота Елизавете Петровне, чтобы подтвердить своё право на престол, важно было обратиться к памяти и авторитету отца. Выступая его преемницей, она перестроила Нагорные палаты, украсила стены Эрмитажа картинами из петровской коллекции, продол-

¹¹ Там же. С. 188.

¹² *Ла Мотрэ О. де.* Из путешествия... // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 232.

¹³ *Дэшвуд Ф.* Дневник пребывания в С-Петербурге в 1733 году // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 240.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 67.

жила строительство Монплезира. «Елизавета возобновила Петергоф и довела его до такой степени, что при ней он мог равняться своими фонтанами с Версалем»¹⁶. Редко посещая дворец Марли¹⁷, императрица нашла ему новое применение: распорядилась собирать и хранить в нём петровские вещи. «С эпохи Елизаветы Марли окончательно теряет своё значение как жильё и становится своего рода музеем, посвящённым памяти Петра I»¹⁸. Здесь размещался его гардероб, опись которого была составлена в 1797 году, подарки, поднесённые царю, живопись, мебель, посуда, личные вещи императора. Елизавета первой начинает уделять внимание церемониалу, вводит куртаги, особые придворные платья. Церемониал как искусство манипулирования подданными Елизавета Петровна успешно использует в борьбе за поддержание своего статуса, управляя страной двадцать лет. В век господства религиозно-символического сознания Елизавета канонизирует Петра Великого и превращает его деревянный домик в Санкт-Петербурге в часовню, поместив там чудотворную икону Спаса Нерукотворного с молитвой, написанной своей рукой¹⁹. Обожествляя память отца, его дочь и наследница внушает подданным мысль о незыблемости и законности своих прав на русский престол. Марли как мемориальный дворец великого императора служит этой цели.

Царствование Екатерины II начинается с тайного побега из Петергофа и свержения законного императора Петра III. «XVIII столетие — эпоха, когда каждый монарх вступает на престол в результате дворцового переворота. Отсутствие прямой легитимности требовало специальных символических практик утверждения на престоле»²⁰. Екатерина, оправдываясь в глазах социума, также вынуждена создавать миф о законности своего престолонаследия, а для этого ей нужен петровский Петергоф. «Я сегодня оставила мое любимое Царское Село и отправилась в отвратительный, ненавистный Петергоф, которого терпеть не могу, чтобы праздновать там день моего восшествия на престол и день святого Павла»²¹. Только Петергоф как офи-

¹⁶ Шарубин Н. Указ. соч. С. 5.

¹⁷ Камер-фурьерские журналы 1695—1817: в 100 т. Факсимильное издание 1903 г. СПб., 2009. Т. 8: 1750. С. 77.

¹⁸ Измайлов М. Марли в Петергофе: ист. справка // Архив ГМЗ «Петергоф», Р-302а.

¹⁹ Никифорова Л.В. Чертоги власти: дворец в пространстве культуры. СПб., 2011. С. 289.

²⁰ Там же. С. 319.

²¹ Елисеева О. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М., 2008. С. 80.

циальная резиденция давал ей «символическое право личного приобщения к культу Петра Великого»²². Здесь Екатерина II всегда проживала в «своих апартаментах» в Деревянном флигеле петровского Монплезира. Для пеших прогулок она обычно выбирала западную часть Нижнего парка — уединённое и приятное место с садами, прудами и прекрасным видом на залив, открывающимся с Приморского вала. «В память о Петре Великом целостность Марлинского ансамбля тщательно сохраняли даже во времена господства пейзажного стиля»²³. С узким кругом придворных императрица совершала прогулку до Марли, где охотно занималась рыбалкой. В прудах Марли водились «головли, язи, карпы, сазаны, судаки, караси»²⁴, о разведении которых заботился ещё Пётр I. «Для прогуливания изволила проходить в сад к Марлину и там продолжала увеселение с кавалерами»²⁵. «Тут у пруда... соизволила сесть и кормить рыбу»²⁶, «кавалеры же для увеселения около фонтанов мочились»²⁷. После прогулки императрица вместе с приближёнными могла заглянуть на кухню дворца, где они «некоторые кушанья приготовление имели»²⁸, вероятно, собственноручно пожарив для неё выловленную рыбку. Здесь в уединении Марли, отдыхая от условностей, Екатерина могла позволить себе быть простой и доступной для своего близкого круга. Иногда она совершала во дворец Марли непонятные визиты. В мае 1769 года, направляясь в Бронну для наблюдения за солнечным затмением, императрица заехала по дороге в Петергоф, отдохнула и выпила кофе в Большом дворце, а затем спустилась в Марли, «там в домике побыв несколько, продолжала путь»²⁹. 29 июня 1786 года в день святых апостолов Петра и Павла, день официальных мероприятий в Петергофе, императрица, покинув бал в 11 часов вечера, по иллюминированному Нижнему саду поехала «до Марлина, откуда возвратясь прибыть изволила в Монплезир»³⁰. Можно ли объяснить эти странные

²² Никифорова Л.В. Указ. соч. С. 340.

²³ Волкова О.Д. Сады Марли: история формирования объёмно-пространственной композиции // 300 лет Петергофской дороги, Ораниенбаум: история, реставрация, музеефикация: сб. ст. по материалам науч.-практ. конф. СПб., 2012. С. 39.

²⁴ Архипов Н.И. История строительства Марлинского дворца в Петергофе: ист. справка. 1948 // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ-584. С. 49.

²⁵ Камер-фурьерские журналы 1695–1817. Т. 14: 1766. С. 121.

²⁶ Императорский Петергоф. XVIII век / Сост. Е.В. Анисимов, М.И. Обатурова. СПб., 2002. С. 49.

²⁷ Камер-фурьерские журналы 1695–1817. Т. 14: 1766. С. 152.

²⁸ Там же. Т. 13: 1765. С. 93.

²⁹ Там же. Т. 17: 1769. С. 95.

³⁰ Там же. Т. 34: 1786. С. 399.

3. С.В. Галактионов. Вид дворца Марли со средней аллеи. 1804 г.

визиты во дворец? Статс-секретарь императрицы А.М. Грибовский в своих воспоминаниях писал, что Екатерина, часто носившая с собой табакерку с портретом Петра, говорила: «Это для того, чтобы мне спрашивать себя каждую минуту: что бы он приказал, что бы запретил, что бы сделал, будучи на моем месте?»³¹. Можно предположить, что для императрицы посеще-

ние Марли было особым ритуалом. Великая создательница мифов, обращаясь к памяти и авторитету Петра I, внушала обществу мысль о законности своего престолонаследия, т.к. она продолжает преобразование России, начатое великим реформатором. И как бы ни твердила Екатерина своим адресатам о нелюбви к Петергофу, он был значим для неё: здесь находились места, хранившие память о великом Петре, которых не было в обожаемом Царском Селе.

Император Павел I любит Петергоф и часто бывает в Марли, где с семьёй и придворными ужинает или обедает «перед домом, на площадке, на 43 кувертах»³². Для Павла Марли — дворец для приятного развлечения и памятное место о великом предке (*Илл. 3*).

При Николае I Петергоф продолжает оставаться любимым местом пребывания царской семьи. Дворец по-прежнему исполняет роль летней дачи. Сыновья императора, вел. кнн. Николай и Михаил, любят рыбалку в прудах возле дворца. «Ловил рыбу в Марли, и мы поймали 31 штуку»³³, — записал в своём дневнике 30 мая 1843 года десятилетний вел. кн. Михаил Николаевич. Дочери императора Николая I, Ольга и Мария, в ноябре 1838 года по просьбе княгини М.Г. Разумовской подарили ей пять дубков из Марлинского сада, вероятно, выросших из желудей дуба, посаженного Петром, осуществляя его мечту о посадке дубового леса в садах поданных³⁴ (*Илл. 4*). Николай I пополняет петровскую коллекцию дворца, передавая из Петергофского дворцового правления личные вещи первого импе-

³¹ Грибовский А.М. Воспоминания и дневники статс-секретаря Екатерины Великой // Русский архив. 1899. М., 1937. №. 1. С. 20.

³² Камер-фурьерские журналы 1695–1817. Т. 50: 1797. С. 504.

³³ ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 13. Л. 94.

³⁴ Шарубин Н. Указ. соч. С. 9.

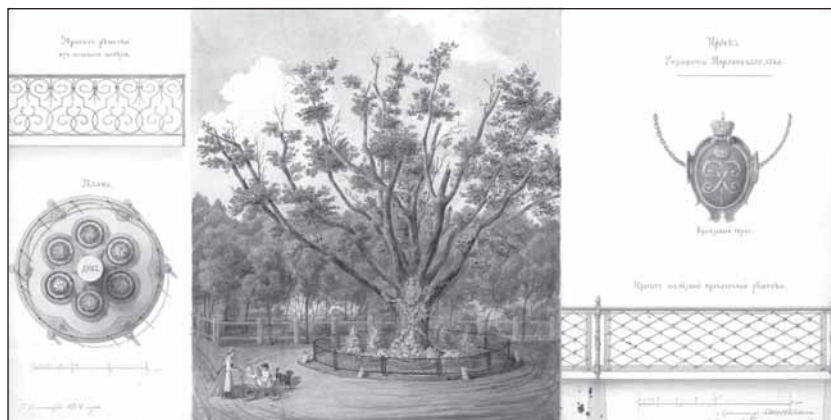

4. Дуб, посаженный императором Петром I.
Рисунок находится в Марлинском саду в Петергофе. ПДМП-410ар

ратора, из которых впоследствии в Зимнем дворце устраивает галерею Петра Великого. В 1848 году петровская коллекция Марли насчитывала 774 предмета³⁵. Продолжается и традиция петергофских праздников, по-прежнему поражающих воображение иностранцев. А. Кюстин, посетивший резиденцию в 1839 году, пишет: «Иллюминация на озере Марли показалась мне изумительнее всех прочих. У самого края водного пространства... высится дом, где жил Пётр Великий; он тоже освещён фонарями, как и всё вокруг. Более всего поразил меня оттенок воды, в которой отражался свет тысяч ламп-онов, зажжённых по берегам этого огненного озера». Дворец Марли был не только династическим домом-музеем, но и живой памятью о Петре I. Леди Блумфильд, жена английского посланника при петербургском дворе, осмотрев здание в июне 1846 года, рассказывала: «Мы затем отправились в Марли, небольшой дворец, в котором жил Пётр Великий. Его камзолы, шляпы, сапоги, палки и кровать сохраняются там... Против дворца находится пруд, наполненный старыми карпами, которые приучены приплывать для кормления по звонку. Тут есть рыбы огромной величины с небольшими на шее цепочками, надетыми ещё при Петре Великом»³⁶. Но память об императоре —

³⁵ Архив ГМЗ «Петергоф». Оп. 150. ПДМП 7217ар.

³⁶ Из воспоминаний леди Блумфильд о России... С. 241.

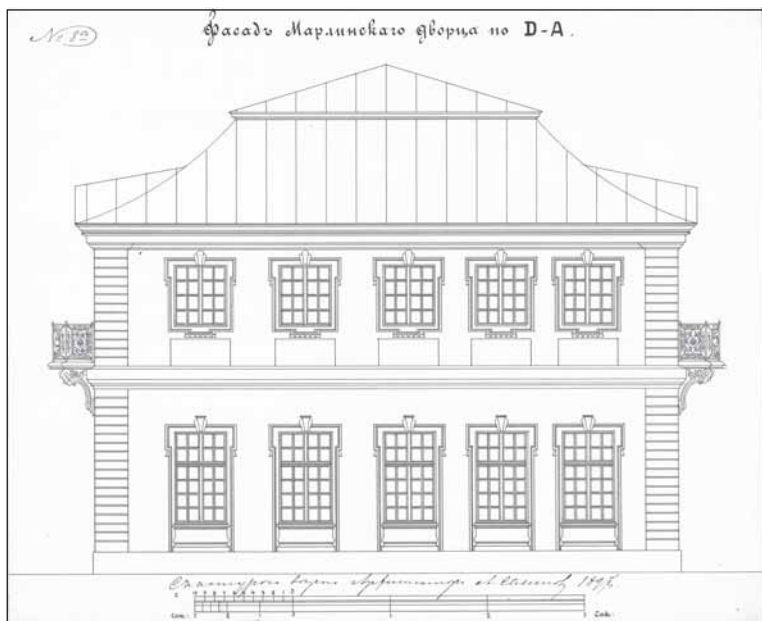
5. Проект решётки вокруг дуба.
Арх. Н. Бенуа. 7 сентября 1874. ПДМП-409ар

это не только хранение вещей, но и развитие петровских традиций, поэтому в Петергофе устраиваются роскошные праздники, кормят и разводят рыб в Марлинском пруду, петровские дубы тщательно оберегают, а в любимом Петром Монплезире Николай Павлович устраивает свой кабинет³⁷. «Как не благодарить попечительности, сохранившей для бесчисленных почитателей незабвенного монарха столь драгоценные остатки!»³⁸, — писал основатель журнала «Отечественные записки» П.П. Свиньин.

Преемники Петра сохраняли Марлинский дворец в неизменном виде до конца XIX века. В Марлинском ансамбле берегли и мемориальный ландшафт эпохи Петра Первого. Н. Бенуа разработал проект бронзового герба на петровском дубе и решётки вокруг него (Илл. 5). К концу XIX века здание дворца обветшало, и в 1898–1899 годах под руководством архитектора Петергофского дворцового правления А. Семёнова была проведена первая реставрация Марли (Илл. 6). Здание было разобрано до основания и вновь возведено на новом фундаменте из сохранившегося кирпича в первоизданном виде. В 1901 году Марли пережил пожар, а в 1902 отделка помещений была воссоздана в прежнем виде.

³⁷ Архив ГМЗ «Петергоф». Опись Большого дворца и Церкви. 1831 г. Оп. 2. С. 122.

³⁸ Свиньин П.П. Достопамятности С-Петербурга и его окрестностей. СПб., 1997. С. 169.

6. Фасад Марлинского дворца по Д-А.
Архитектор А. Семёнов, 1897 г.

В начале XX века Марли открыл свои двери для посетителей. Интерьеры дворца того времени сохранил в своих акварелях Александр Бенуа (*Илл. 7*). А.Н. Бенуа писал: «Скромный дворец Марли, окружённый прудами с рыбками, подплывающими по звонку на кормление, разросшиеся деревья и огромный дуб, по преданию посаженный Петром I, воспринимались как некий романтический мир давно ушедшей эпохи, но всегда милой сердцу художника»³⁹. По желанию редких посетителей лакей, состоявший при Марли, созывал на кормление «золотых рыбок», получавших хлебные крошки⁴⁰. Мир петровского Марли сохранялся в незыблемом состоянии.

После 1917 года дворец становится историко-бытовым музеем. В годы Второй мировой войны Марли был сильно разрушен (*Илл. 8*). Реставрация памятника продолжалась более двадцати лет, и в 1982 году он открылся для посетителей как музей петровского времени. Благодаря архивным документам дворец восстановили в первоначальном виде.

³⁹ Петергоф в акварелях Александра Бенуа. СПб., 1996. С. 53.

⁴⁰ Там же. С. 58.

7. *А.Н. Бенуа*. Петергоф. Марли.
Чинаровый кабинет

чальном виде, сохранённые в эвакуации 163 экспоната были включены в музейную экспозицию.

Марли — мемориальный музей, находящийся на своём историческом месте. Петру I принадлежала идея создания дворца, он участвовал в его строительстве. В музее сохраняется первоначальная коллекция картин, часть библиотеки, личные вещи первого российского императора — одежда, предметы быта. В экспозиции Марли представлены 132 предмета петровского времени. Благодаря использованию описей в музее воссоздана подлин-

ная обстановка первой половины XVIII века. Сады и пруды, окружающие дворец, и сейчас выполнены по канонам регулярного парка и великолепно сочетаются с архитектурным убранством дворца. Историческая значимость Марли не ограничивается функцией царской загородной дачи. На протяжении 300 лет представители Дома Романовых сохраняли этот дворец как петровскую реликвию.

8. Дворец Марли. Фото 1944 г.

И.О. Суворова
(Санкт-Петербург)

Элементы нового быта при русском дворе: чай и кофе во дворцах Петергофа

Реформы, проведённые Петром I в XVIII веке, затронули практически все сферы российского общества. При русском дворе возникли новые церемонии, связанные с различными сторонами жизни царствующих особ. Помимо торжественных ритуалов, таких как восшествие на престол, венчание, тезоименитство, возникают церемонии, имеющие отношение к частной жизни императоров и императриц. Этому способствовало появление в России в XVII веке чая и кофе. Их широкое распространение в последующие века привело к тому, что эти напитки, благодаря своим необыкновенным вкусовым качествам и целебным свойствам, заняли достойное место в повседневном существовании двора. Чайная и кофейная церемонии носили как публичный, так и приватный характер, поэтому выбор дворца для их проведения зависел от вкусов и предпочтений того или иного царственного лица, а разнообразие дворцов и павильонов в Петергофе способствовало укреплению этих традиций.

Чай появился в России в 1638 году, когда российский посол Василий Старков привёз Михаилу Фёдоровичу Романову в подарок четыре пуда «диковинного сушёного листа»¹ от монгольского правителя Алтын-хана Кучкуна. Приготовленный по рецепту посла напиток понравился царю и боярам. В 1665 году чай попробовал и Алексей Михайлович, который принимал его как лекарство для желудка.

В XVIII веке ввоз чая в Россию увеличился, популярность чайного напитка возросла. Постепенно сложился ритуал чаепития, для

---

¹ Энциклопедия православной кухни. Н. Новгород, 2000. С. 401.

соблюдения которого необходима была специальная посуда: самовар и поднос к нему, заварочный чайник, сахарница, чайница, чашки и блюдца, молочник или сливочник, чайные ложки, шипчики для сахара, ситечко. Обычай добавлять в чай сахар россияне переняли от европейцев, которые в середине XVIII века подслащивали его по аналогии с какао². Чай с лимоном — чисто русское изобретение. В первой трети XIX века с чаем употребляли ром и мадеру. В середине XIX столетия в быт дворян прочно вошла английская церемония пятичасового чая, в соответствии с которой в чай начали добавлять молоко или сливки. В России к чаю подавали калачи, пироги, «белый или кисло-сладкий пеклеваный хлеб... сливочное масло, также сухари и разных сортов крендели»³.

Кофе, как и чай, при русском дворе долгое время употребляли в лечебных целях. В 1665 году придворный лекарь Самюэль Коллинс прописал кофе в качестве лекарства от головной боли царю Алексею Михайловичу.

Широкое распространение кофе получил благодаря Петру I, который, после посещения западноевропейских стран, в 1718 году ввёл в повседневный быт дворян ассамблеи — собрания придворных с непременным участием в них дам. Именно на ассамблеях впервые появился обычай между танцами предлагать гостям чай и кофе. Камер-юнкер Ф.В. Берхгольц, находившийся в свите герцога Карла-Фридриха Голштинского, в своём дневнике отмечал, что на ассамблеях «в продолжение танцев постоянно разносили кофе, чай, сласти и пирожное»⁴. Пётр I с удовольствием принимал участие в ассамблеях, но иногда любил побыть в одиночестве — пил чай в беседке, расположенной на огромной липе, недалеко от оранжерей его деревянного дворца в Стрельне. Попасть в беседку можно было по высокой крутой лестнице. «Здесь государь часто сиживал, пил чай и любовался морем»⁵.

При дворе Анны Иоанновны также пили чай, в основном «следующих сортов: уй, монах, жулан, зелёный»⁶, но всё же императрица

---

² Похлёбкин В.В. История важнейших пищевых продуктов. М., 2001. С. 497.

³ Авдеева Е.А. Полная хозяйственная книга, составленная Катериною Авдеевою, содержащая в 4 частях: поваренное искусство, домоводство, скотоводство, птицеводство, огородничество, садоводство, цветоводство; с прибавлением домашнего лечебника и домашнего секретаря: В 4 ч. СПб., 1851. Ч. II. С. 67.

⁴ Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. 1721–1725: В 4 ч. / Пер. с нем. И.Ф. Амона. М., 1902. Ч. II. С. 38.

⁵ Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Репринтное воспроизведение издания 1889 года. СПб., 1994. С. 209.

⁶ Обатурова М. Императорские бани и кухня в Петергофе. СПб., 2001. С. 32.

1. Павильон Эрмитаж в Петергофе. Фото 2014 г.

2. Павильон Марли в Петергофе. Фото 2014 г.

3. Дворец Монплеизр в Петергофе. Фото 2014 г.

отдавала предпочтение кофе. По свидетельству учёного шведа К.Р. Берка, она вставала между семью и восемью часами утра, и жена обер-камергера Э.-И. Бирона, которую немедленно об этом уведомили, входила к ней в апартаменты с кофе или шоколадом⁷. Анна Иоанновна очень любила кофе и распорядилась выращивать кофейные деревья в южной части Летнего сада в «африканской» оранжерее⁸. В 1740 году по её указу «на большом лугу против Летнего дома»⁹ был разбит главный дворцовый огород — «новый», на территории которого находился «кофейный дом»¹⁰. Проживая летом в Петергофе, Анна Иоанновна любила в хорошую погоду прогуляться до Эрмитажа, Марли или Монплезира (*Илл. 1, 2, 3*), попить кофе и остаться там на несколько часов¹¹.

Хранились запасы чая, кофе и сахара, а также «порцелиновой» посуды для них в «овощных и конфектных палатах», бывших в ведении Придворной конторы¹². Чай и кофе готовили в «большой» и «малых» Кофишенских, находившихся в Летнем и Зимнем дворцах, и «подавались членам царского семейства и придворным лицам по несколько раз в день»¹³.

При Елизавете Петровне Кофишенская появилась и в Петергофе. 21 июня 1755 года императрица подписала указ о возведении при Монплезире «кухни большой» в «каменном правом флигеле... в отдельной комнате»¹⁴, а в смежном с кухней помещении располагалась Кофишенская¹⁵ (*Илл. 4*). Разработал проект и руководил строительными работами архитектор Ф. Растрелли. В Кофишенской находи-

---

⁷ Берк К.Р. Путевые заметки о России // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 159.

⁸ Карнович Е.П. Очерки русского придворного быта в XVIII столетии // *Исторический вестник*. Т. 6. Июнь 1881. С. 251

⁹ Летний дворец Анны Иоанновны находился в Летнем саду: «... у здания приятное местоположение: по одну его сторону сад, по другую Нева...» (*Берк К.Р.* Указ соч. С. 163.).

¹⁰ Карнович Е.П. Указ. соч. С. 251–252. Первый кофейный дом был построен в Петербурге по указу Петра I в 1704 году (*Пыляев М.И.* Старое житьё: очерки и рассказы о бывших в отошедшее время обрядах, обычаях и порядках в устройстве домашней и общественной жизни. СПб., 2000. С. 8.)

¹¹ Берк К.Р. Указ. соч. С. 240.

¹² Карнович Е.П. Указ. соч. // *Исторический вестник*. Т. 7. Июль 1881. С. 499.

¹³ Там же. С. 499–500.

¹⁴ РГИА. Ф. 470. Оп. 5. 1755. Д. 389. Л. 331.

¹⁵ В мае 2001 года в Монплези́рском комплексе после реставрации открылся Кухонный корпус, который включает в себя Тафельдекерскую (специальное помещение для хранения столового белья и посуды) и Кухню с Кофишенской.

4. Кухня с Кофишенской в Кухонном корпусе.
Музей «Баннный корпус» в Петергофе. Фото 2014 г.

лась плита для приготовления чая, кофе и горячего шоколада, полка для самоваров и кофейников, а также шкаф, в котором хранилась чайные и кофейные сервизы. Заведовал приготовлением этих напитков специальный служитель — кофешенк. Появление Кофишенской в Нижнем парке у Финского залива способствовало зарождению обычая пить чай или кофе на террасе Монплезира. Елизавета Петровна чтит традиции, заведенные её отцом, поэтому на балах и маскарадах, проходивших в Большом дворце, гостей угощали «кофе-ем, чаем, конфетами и разными фруктами»¹⁶.

Страстной любительницей кофе была Екатерина II. В каком бы дворце она ни находилась, её утро всегда начиналось с кофе. П.И. Сумароков, записывавший свои рассказы со слов приближённых императрицы, в частности М.С. Перекусихиной, отмечал, что после утреннего туалета императрица шла в кабинет, туда ей приносили кофе, который «она кушала с густыми сливками»¹⁷. Находясь в Петергофе, она вставала в шесть часов утра, в семь совершала прогулку по саду, «после восьми часов пила свой кофе на террасе [Монплезира. — *И.С.*] или прямо в саду; сюда собирались к ней придворные; в девять часов она уходила к занятиям»¹⁸. Чай пользовался при дворе Екатерины II не меньшей популярностью. Существует предание, что

¹⁶ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 20. 1751. Л. 5.

¹⁷ *Сумароков П.И.* Черты Екатерины Великой // Русский архив. 1870. М., 1871. Т. 8. С. 2086.

¹⁸ *Пыляев М.И.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. С. 353.

5. Большой дворец в Петергофе. Фото 2013 г.

императрица, не раз посещавшая со своим двором павильон Катальная горка в Ораниенбауме, «после летних катаний угощала всех придворных запросто чаем»¹⁹.

Павел I с супругой Марией Фёдоровной приезжали в Петергоф в конце июня и оставались на весь июль. Здесь 29 июня отмечали тезоименитство императора, а 22 июля — императрицы и их дочери Марии Павловны. Так, 22 июля 1799 года после окончания «императорского стола» в Большом дворце гости были «обнесены... кофе»²⁰. Павел Петрович боготворил Петра I, поэтому любил приезжать с семьёй на полдник в Монплеизр, Марли и Эрмитаж. Сообщения об этом содержатся в Камер-фурьерских журналах²¹.

Император Александр I много времени проводил в походах, поэтому в Петергофе он появлялся в июле на тезоименитство императрицы-матери Марии Фёдоровны и своей сестры Марии Павловны. Программа торжественных мероприятий предполагала проведение званого обеда в Большом дворце (*Илл. 5*), после которого обычно подавали кофе. 22 июля 1804 года, в день своего тезоименитства,

¹⁹ Там же. С. 383.

²⁰ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 86. 1799. Л. 492.

²¹ РГИА. Ф. 516; Камер-фурьерские журналы 1695—1817. В 100 т. Факсимильное издание 1898 г. СПб., 2009. Т. 54. 1799. С. 951; факсимильное издание 1898—1899 гг. Т. 55. 1799. С. 984, 1011, 1035, 1056, 1152; факсимильное издание 1899 г. Т. 56. С. 533, 539, 548, 559, 573.

6. Дворец Коттедж в Петергофе. Фото 2013 г.

великая княгиня Мария Павловна обвенчалась с наследным принцем Карлом-Фридрихом Саксен-Веймарским, а 26 июля в честь новобрачных в Большом дворце состоялся обед, по окончании которого «в Картинной комнате был подан кофе»²². Александр Павлович и его жена императрица Елизавета Алексеевна тёплыми летними вечерами пили чай или кофе на террасе Монплезира²³.

Во время правления Николая I Петергоф был любимым местом пребывания царской семьи. Николай Павлович, по воспоминаниям его дочери, вел. кн. Ольги Николаевны, кофе обычно пил с молоком, а чай иногда закусывал солёным огурцом²⁴. Государь предпочитал наслаждаться этим напитком на террасе Монплезира²⁵.

Супруга императора Александра Фёдоровна завела обычай пить утренний кофе и вечерний чай в одном из многочисленных петергофских дворцов. Кофе пили утром между девятью и десятью часами. Фрейлина императрицы Анна Фёдоровна Тютчева так писала о «церемониале по поводу простого питья кофе»²⁶: по утрам можно было видеть «ездовых... скачущих по всем направлениям, чтобы предупредить великих князей и великих княгинь и дежурных дам, что императ-

²² Камер-фурьерские журналы 1695–1817. В 100 т. Факсимильное издание 1903 г. СПб., 2009. Т. 65: 1804. С. 98.

²³ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 118. 1820. Л. 316; Там же. Д. 126. 1824. Л. 178; Камер-фурьерские журналы. Т. 63: 1803. С. 109.

²⁴ Сон юности. Воспоминания великой княгини Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 203.

²⁵ Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. С. 311.

²⁶ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. М., 1928. С. 95.

7. Фермерский дворец в Петергофе. Фото 2013 г.

рица будет пить кофе в таком-то... месте, куда вскоре и направляется фургон с “кафешенками” и кипящим самоваром, а за ними целый ряд нарядных экипажей с членами императорской фамилии...»²⁷

Традицию пить кофе или чай в личных апартаментах, появившуюся при русском дворе в середине XVIII века, соблюдала и Александра Фёдоровна. Иногда она сама разливала чай и подавала его с сахаром государю²⁸. Вечерний чай проходил с 19 до 21 часа в различных дворцах и павильонах Петергофа и его окрестностей: Монплезире²⁹, Марли³⁰, Коттедже³¹ (Илл. 6), Английском дворце³², Знаменке³³.

Бывали в Петергофе и торжественные чаепития. По свидетельству М.П. Фредерикс, фрейлины императрицы, 2 июля 1849 года, на следующий день после дня рождения Александры Фёдоровны, когда единственный день в году в Александрию допускался народ, «царская фамилия кушала чай на украшенном гирляндами из васильков балконе, окружённая толпой»³⁴.

Александр II и его жена императрица Мария Александровна лето проводили в Петергофе в Фермерском дворце (Илл. 7). Обычно вече-

²⁷ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Дневник. 1855–1882. М., 1929. С. 33.

²⁸ Высокочков Л.В. Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 439.

²⁹ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 17. 1827. Л. 10.

³⁰ Там же. Л. 12 об.

³¹ Там же. Д. 37. 1829. Л. 36.

³² Там же. Д. 72. 1832. Л. 16 об.

³³ Там же. Д. 194. 1842. Л. 3 об.

³⁴ Тайны царского двора (из записок фрейлин). Сборник / Сост.: И.В. Ерёмина. М., 1997. С. 301.

8. Екатерининский корпус в Петергофе. Фото 2013 г.

ра «Их Величества проводили и кушали чай без гостей»³⁵, но иногда они навещали царственных родственников, прежде всего, мать Александра II, вдовствующую императрицу Александру Фёдоровну, в Коттедже³⁶. Они приезжали в Константиновский дворец в Стрельне, где по вечерам пили чай у вел. кн. Александры Иосифовны, супруги вел. кн. Константина Николаевича, или ездили в Знаменку к вел. кн. Николаю Николаевичу³⁷. Выезжая на вечерние чаепития в другие дворцы, Александр II и Мария Александровна брали с собой детей. Так, в Камер-фурьерском журнале сообщается, что 2 июля 1861 года в 19 часов 45 минут «Их Величества с государем цесаревичем, Великими князьями Александром и Владимиром Александровичами... и приглашёнными особами в шарабанах имели выезд... и на Царицыном острове кушали чай»³⁸. Также император и императрица с детьми вечерами пили чай в Берёзовом домике в Английском парке³⁹.

Без чаепитий не обходились и праздники, которые Александр II ежегодно 1 июля устраивал для воспитанниц петербургских институтов. В этот день они приезжали в Петергоф, где их ждал праздничный обед с членами императорской семьи, чаепитие, игры и танцы. Обед обычно проходил в 16 часов в Екатерининском корпусе (*Илл. 8*), а чай — в 21 час «в Александрии», где специально «приготовлены были

³⁵ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/2382). Д. 69. 1860. Л. 52, 60; Д. 230. 1875. Л. 77.

³⁶ Там же. Д. 6. 1855. Л. 4 об.

³⁷ Там же. Д. 69. 1860. Л. 42, 57.

³⁸ Там же. Ф. 516. Оп. 1. Д. 83. 1861. Л. 53.

³⁹ Там же. Д. 7. 1855. Л. 24, 25.

чайные столы»⁴⁰. После обеда традиционно «для дам подавался за столом кофе»⁴¹.

Кофе при императорском дворе подавали и на других мероприятиях, например, на полковых праздниках. В праздник лейб-гвардии Гатчинского полка 17 августа 1871 года в Большом Петергофском дворце был дан «высочайший обед», после которого «кофе подавался в Белой зале»⁴².

В годы царствования Александра III чайной церемонии отводилась более существенная роль, чем кофейной. Чаепития проходили в 5 часов и в 10–11 часов вечера. В беседе с государственным секретарём А.А. Половцевым император рассказывал, как проходит его день: «С утра принимаю доклады вплоть до завтрака. После завтрака иду гулять и потом опять принимаюсь за бумаги. В 5 часов иду пить чай к жене, это единственное время, когда её вижу»⁴³. Эта церемония в «английском вкусе»⁴⁴ длилась около часа. Приготовлением чая занималась императрица: она заваривала и разливала чай.

Во время пребывания Александра III и Марии Фёдоровны в Петергофе особенно популярны были чаепития в 10–11 часов вечера после прогулок с приглашёнными родственниками или гостями⁴⁵. Так, 17 мая 1882 года Александр III после прогулки с вел. кнн. Сергеем Александровичем и Павлом Александровичем «кушали вечерний чай»⁴⁶. Такие чаепития проходили и в праздничные дни. 27 мая 1884 года, в день Святой Троицы и праздник лейб-гвардии Измайловского полка, после праздничного обеда в Большом дворце государь с супругой, членами императорской семьи и гостями пили чай «на даче Александрия»⁴⁷.

При Александре III получила дальнейшее развитие традиция чаепития на балах. Например, 22 июля 1884 года, в день тезоименитства Марии Фёдоровны, в Белой столовой Большого дворца (*Илл. 9*) вечером был дан бал, во время которого императрица «с послами иностранных держав и со старшими дамами изволила во внутренних комнатах кушать чай»⁴⁸. Вечерний чай проходил и в Монплезире.

⁴⁰ Там же. Д. 221. 1874. Л. 66.

⁴¹ Там же. Д. 204. 1872. Л. 62.

⁴² Там же. Д. 195. 1871. Л. 69.

⁴³ *Половцев А.А. Дневник // Александр III: Воспоминания. Дневники. Письма.* СПб., 2001. С. 303.

⁴⁴ *Боханов А.Н.* Николай II. М., 1997. С. 84.

⁴⁵ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (206/2703). Д. 17. 1882. Л. 15, 27 об., 44.

⁴⁶ Там же. Л. 27.

⁴⁷ Там же. Д. 40. 1884. Л. 105 об.

⁴⁸ Там же. Д. 42. 1884. Л. 37 об.

9. Белая столовая.
Большой дворец в Петергофе.
Фото 2013 г.

В честь германского императора Вильгельма 10 июля 1888 года состоялся торжественный обед в Петровском зале Большого дворца, после которого император и императрица с гостями «пили кофе в Портретной и Белой зале», затем «изволили кататься по иллюминации в парадных шарабанах с жокеями и проезжали в Монплеизр к вечернему чаю»⁴⁹.

Чайная и кофейная церемонии занимали особое место в распорядке дня последнего российского императора Николая II и его семьи. Лето Николай Александрович и Александра Фёдоровна любили проводить в Петергофе, на Нижней даче. Император вставал в 7–8 часов утра. Кофе подавали обычно в уютной гостиной — «кофейной». После утреннего кофе они с супругой ездили «кататься в двуколке» или гуляли в саду⁵⁰. Церемония чаепития обычно проходила в 17 часов в узком семейном кругу или с приглашенными на чай великими князьями и княгинями. В дневнике Николая II содержатся записи, что 25 июля 1896 года на Нижней даче пила чай «тетя Санни»⁵¹, 11 мая 1906 года — «Ксения и Сандро»⁵². Иногда Николай Александрович и Александра Фёдоровна заезжали «на чашку чая» к императрице Марии Фёдоровне в Коттедж, к вел. кн. Ксении Александровне и вел. кн. Александру Михайловичу в Фермерский дворец, к вел. кн. Александре Иосифовне в Константиновский дворец, а также к другим царственным родственникам, проводившим лето на своих дачах в окрестностях Петергофа⁵³. При Николае II продолжилась традиция чаепитий членов императорской

⁴⁹ Там же. Д. 92. 1888. Л. 49–50.

⁵⁰ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 157, 158.

⁵¹ Александра Иосифовна — вел. кн., жена вел. кн. Константина Николаевича.

⁵² Ксения Александровна — вел. кн., сестра Николая II. Александр Михайлович — вел. кн., двоюродный дядя Николая II, супруг Ксении Александровны.

⁵³ Дневники императора Николая II. С. 153, 85, 158, 95, 266.

10. Жёлтый зал. Екатерининский корпус в Петергофе.
Фото 2013 г.

семьи с воспитанницами петербургских институтов во время ежегодных праздников 1 июля в Петергофе. Например, 1 июля 1901 года чаепитие проходило в Екатерининском корпусе: в Синей гостиной были накрыты «три круглых стола», а чай «подавался с рук» официантами в Жёлтом зале⁵⁴ (Илл. 10).

Чаем встречали именитых восточных гостей. Так, 22 июня 1900 года в Петергоф прибыло Хивинское посольство во главе с наследным принцем, и в Большом дворце им «предложен был дастархан⁵⁵, шоколад и чай»⁵⁶.

Чай пили не только по праздникам, но и во время спектаклей. В июле 1900 года Петергоф посетил персидский шах. В его честь 7 июля в Белом зале Большого дворца был дан обед, а в 9 часов вечера в Императорском театре состоялся спектакль с участием солисток балета Ольги Преображенской и Матильды Кшесинской. Во время антракта чай подавали в галереях театра⁵⁷.

Появление чайных и кофейных традиций при императорском дворе в Петергофе связано с ввозом в Россию в XVII веке и широким

⁵⁴ РГИА. Ф. 516. Оп. 2. Д. 141. 1901. Л. 4.

⁵⁵ В европейской литературе дастарханом принято называть обеденный ритуал в Средней Азии, который открывается и завершается зелёным чаем (Похлёбкин В.В. Кулинарный словарь. М., 1997. С. 112–113).

⁵⁶ РГИА. Ф. 516. Оп. 2. Д. 127. 1900. Л. 23 об.

⁵⁷ Там же. Д. 129. 1900. Л. 62–63.

распространением в XVIII – начале XX века чая и кофе. Введённый Петром I обычай употреблять эти напитки на ассамблеях прослеживается и в последующие века на балах, маскарадах, званых обедах, во время спектаклей, встреч именитых гостей, на полковых праздниках, а также приёмах, которые устраивали в Петергофе для воспитанниц петербургских институтов. Другая сторона чайной и кофейной церемоний — проведение их в узком семейном кругу или в присутствии царственных родственников, поэтому место и время их проведения зависели от распорядка дня, привычек и вкусов императоров и императриц.

В.В. Аристов
(*Kunigisenn*)

Дворец Петра I в Нарве

По мнению авторитетных историков архитектуры Нарвы¹, дворец Петра I в Нарве объединял в себе два каменных жилых дома, построенных в XVII веке. Первый дом был возведён в 1676–1679 годах каменных дел мастером Захариясом Хоффманом-младшим из Нарвы для богатого нарвского сапожника Якоба Нимана, второй принадлежал строительных дел мастеру Георгу Хехту. До 1708 года эти два дома существовали отдельно. За три года до начала Северной войны Ниман продал свой дом столяру-краснодеревщику Иоганну Луде.

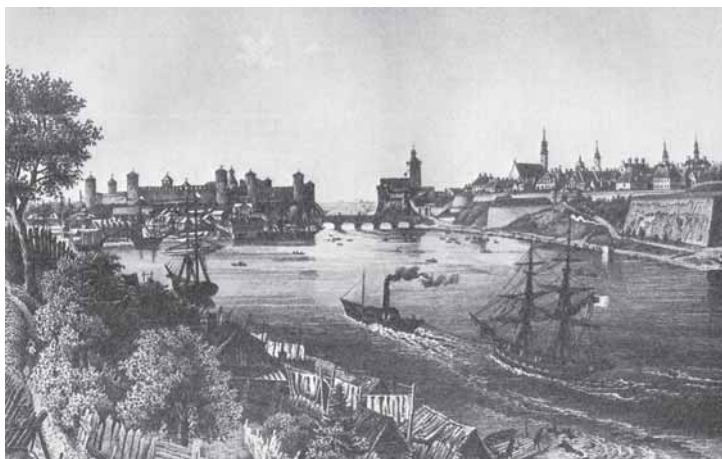
Дом, хозяином которого стал столяр Луде, был обычным домом нарвского горожанина средней руки. В соответствии с традициями позднего средневековья имел два этажа: верхний использовался под жильё, нижний — под мастерские и хозяйственные службы. Имелся глубокий сводчатый подвал, в котором располагались складские помещения. На месте этого и соседнего дома в средние века стоял другой жилой дом, о чём свидетельствовал находившийся в подвале глубокий колодец².

Дом Луде восточной частью выходил на набережную реки Нарвы. Из окон его второго этажа открывался живописный вид на реку, Ивангородскую крепость и Ивангород, который в шведское время был присоединён к Нарве и на 300 лет стал её Ивангородским форштадтом (районом).

---

¹ Наиболее полно их взгляды отражены в исследовании Олега Коченовского. См.: *Коченовский О.* Нарва. Градостроительное развитие и архитектура. Таллин, 1981.

² Там же. С. 97.

Вид Ивангорода и Нарвы. Гравюра В. Ставенхагена. 1866 г.

Северная сторона дома Луде выходила на Рыцарскую улицу — одну из лучших улиц Нарвы. К концу XVII века она была плотно застроена жилыми домами богатых и знатных горожан. Дом Луде стоял на самом углу Рыцарской улицы вблизи бастиона Врангель, имевшего также другое название — Пакс (Мир). 9 августа 1704 года в Нарвскую бастионную крепость, окружавшую Нарву, ворвались войска Петра I. *«С первым отрядом, вторгшимся... во время штурма, в крепость вошёл и государь и занял ближайший на валу дом, принадлежавший какому-то бюргеру. В память этого незабвенного события он купил этот дом и жил в нём во время пребывания в Нарве»*³, — писал в 1842 году И. Пушкарёв, основывая своё утверждение, вероятно, на рассказах нарвских старожилов. Дом, о котором идёт речь, принадлежал столяру Иоганну Луде.

Дореволюционный историк Александр Петров, написавший самую фундаментальную книгу по истории Нарвы, сообщает о предании, согласно которому царь, *«занятый... войною со шведами и другими важными государственными делами... забыл выслать Луде деньги за дом. Тогда Луде подал жалобу в суд... Суд постановил взыскать с должника сумму и проценты, и при этом царь, рассматривавший приговор, будто бы, прибавил: “не только с процентами, но и протори (то есть с оплатой расходов истца в связи с ведением судебной тяжбы. — В.А.)...”*»⁴

³ Пушкарёв И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санктпетербургской губернии. СПб., 1842.

⁴ Петров А. Город Нарва, его прошлое и достопримечательности. СПб., 1901. С. 338–339.

Документальных свидетельств о покупке дома Иоганна Луде самим Петром не сохранилось. Поэтому не исключено, что факт торговой сделки царя с этим жителем Нарвы вымышлен и является очередной легендой. Вместе с тем, иск со стороны Луде к Петру и решение суда в пользу нарвитянина, а также готовность Петра оплатить свой долг с процентами могли иметь место. После взятия русскими войсками Нарвы столяр-краснодеревщик Иоганн Луде работал по найму в Петербурге в особняках русской знати, в частности, выполнял столярные работы во дворце князя Меншикова и стал довольно известным мастером⁵. А как известно, царь-преобразователь мастеровых людей уважал.

Исторически зафиксированный факт — покупка дома Иоганна Луде Екатериной I в 1726 году, уже после смерти Петра. Дом был куплен ею в собственность царской семьи «*под дворец*» — так записано в купчей, много лет хранившейся в этом доме. К тому времени дом Луде был уже соединён с соседним домом мастера Хехта и перестроен. В своём перестроенном виде он и получил название «Дворец Петра Великого». Устная, а вслед за ней и книжная традиция связали нарвский Дворец с домом Иоганна Луде.

В 1870-х годах нарвский краевед Н. Скроботов, писавший под псевдонимом «Ругодивцев», высказал предположение, что при жизни Петра I дом Луде формально продолжал принадлежать этому жителю Нарвы. Царь мог арендовать его за определённую плату, фактически считая своим. Окончательная сделка покупки была осуществлена позже Екатериной I⁶.

Петру с самого начала нужен был свой дом в Нарве. Собственный дом здесь имел губернатор Ингерманландии Александр Меншиков. Свои дома, по сообщению историка А. Петрова, были и у других приближённых к царю людей. При этом Пётр никак не меньше, а вероятно, больше и чаще их бывал в Нарве.

12 ноября 1704 года царь поехал из Петербурга «*сухим путём в Нарву*»⁷ и пробыл здесь больше трёх недель. Сюда он пригласил для переговоров турецкого посла Мустафу-агу. 6 декабря из Нарвы царь отправился в Москву, где состоялись торжества по поводу взятия Нарвы и Дерпта (Тарту). В марте 1706 года царь вновь специально приехал в Нарву. Известно, что он посетил дом Меншикова, отпраздновал Пасху, а также «*пересмотрел и освидетельствовал... не только*

---

⁵ Там же.

⁶ Гдовско-Ямбургский листок. 1872 г. № 14. С. 14–15.

⁷ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). В 2-х выпусках. Вып. 1. М., 2004. С. 116.

*крепостное строение, артиллерию и канцелярию и дела комендантские, но почти каждый дом в городе*⁸.

5 июня того же года Пётр опять прибыл в Нарву. Он остановился здесь на четыре дня, после чего отправился в Гдов и Псков, а оттуда на Украину⁹. В начале сентября 1706 года царь возвращался в Петербург через Нарву и снова пробыл здесь несколько дней¹⁰. В декабре 1706 года Пётр — уже в четвёртый раз за год — приехал в Нарву из Петербурга, на этот раз вместе с царевичем Алексеем. Отсюда царь *«намерен был идти к Москве»*¹¹, но события в Польше заставили его следовать на Украину. Известно, что Пётр, как и в предыдущие свои приезды, в Нарве *«всё осмотрел»* и дал ряд письменных указаний своим подчинённым¹².

К июню 1708 года относится новое посещение Нарвы и «новозавоёванных крепостей» Ямбурга и Копорья. С собой Пётр взял царственных родственников: вдову царя Ивана V, царицу Прасковью Фёдоровну, её дочерей Прасковью Ивановну и Анну Ивановну (ставшую впоследствии императрицей России). Ехали с Петром и его родные сёстры-царевны¹³. 27 июня большая царская семья прибыла в Нарву. Здесь она оставалась продолжительное время, отметила день апостолов Петра и Павла и именины царя Петра, во время которых *«чинена была на реке Нарове на плотях огненная потеха»*¹⁴.

По всей видимости, перед этим приездом и была начата перестройка дома столяра Луде и мастера Хехта под царский дворец. Первые данные о строительных работах относятся к марту 1708 года. В календаре за этот год, хранящемся в Научной библиотеке Академии наук Эстонии, *«каким-то жителем Нарвы сделана пометка, что во дворце Петра I проводятся работы по устройству печей и камина. Тогда же работы были завершены»*¹⁵.

В том же году Новгородский митрополит Иов отправил царю письмо, в котором поздравил Петра с новосельем в связи с окончанием строительства его нарвского дворца. Вместе с письмом Иов прислал Петру подарок: *«образ премудрости Слова Божия, да на новоселье сто рублём, хлеб, два меха меда красного вина, мех меда вареного...»*¹⁶

⁸ Голиков И.И. Деяния Петра Великого. Изд. 2-е. Т. 3. М., 1837. С. 93.

⁹ История Свейской войны. С. 125.

¹⁰ Там же. С. 127.

¹¹ Там же. С. 133.

¹² Исаков С.Г., Шор Т.К. Властители Российской империи на эстонской земле. Таллин, 2009. С. 20.

¹³ См.: История Свейской войны С. 280.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Коченовский О. Указ. соч. С. 97.

¹⁶ Петров А. Указ. соч. С. 337.

Дворец Петра I в Нарве.
Открытка 1930-х гг.

Два этих исторических свидетельства служат доказательством того, что свой дом или дворец у Петра I в Нарве действительно был.

В ходе перестройки под дворец дом Луде приобрёл черты барокко начала XVIII века, сохранив при этом пристенную

башню или эркер. Такой архитектурный элемент характерен для ряда зданий Нарвы, построенных в XVII столетии. Согласно характеристике эстонского искусствоведа Х. Юпрус, *«фасад дворца со стороны реки был оформлен как парковый: длинный балкон, с которого открывался вид на реку Нарову, опирался на столбы тосканского ордера»*¹⁷.

Следует отметить, что аналогичный длинный балкон между боковыми ризалитами имеет фасад дворца Меншикова на Васильевском острове, обращённый в сторону Невы.

*«Здание было дополнено также небольшим мезонином, завершившимся треугольным фронтоном и обращённым двумя окнами в сторону реки, — пишет исследователь архитектуры и градостроительства Нарвы Олег Коченовский. — Лоджия второго этажа в южной части здания соединялась с валом на набережной подъёмным мостиком на цепях, посредством которого Пётр I мог, минуя внутреннюю лестницу, попасть из спальни на вал и оттуда через Тёмные ворота к своей пристани у реки. Подъёмный мост был выполнен по образцу сооружаемых в Петербурге над каналами мостов... Четыре тосканских столба оформляли крыльцо перед главным входом в северной торцовой части здания со стороны ул. Рюютли (Рыцарской. — В.А.). Барочное завершение крыльца украшали волюты с фигурой Марса с копьём и щитом между ними»*¹⁸.

На первом этаже дворца Петра находились подсобные помещения и кухня. На втором этаже при перестройке дома вместо двух

¹⁷ Коченовский О. Указ. соч. С. 97.

¹⁸ Там же.

помещений, располагавшихся у северного торца здания, который выходил на Рыцарскую улицу, был сделан просторный зал. *«Из вестибюля на второй этаж вела представительная деревянная лестница... В помещениях второго этажа имелись три печи, выполненные из белых с синим рисунком голландских изразцов, и камин из песчаника. Пол зала был устлан дубовым паркетом. Потолки зала, спальни, кабинета и ряда смежных помещений украшала плафонная живопись с аллегорической тематикой»*¹⁹.

Живописные плафоны имелись в семи помещениях второго этажа. В передней на плафоне был изображён Иаков, благословляющий своих сыновей. В большом зале — Нептун и Минерва с наядами, а также Марс и Венера с Амуром. В помещении рядом с залом — шесть морских и военных символов с текстом на русском языке. В помещении за залом — Марс со щитом. В комнате перед спальней — Самсон и лев. В спальне — Марс и Венера. В кабинете — Ливония в виде женщины, освобождаемой от оков богиней Победы, и восемь аллегорических картин с текстом по латыни²⁰. Предполагают, что плафоны создавал живописец Фёдор Васильев, работавший в Петербурге, а до того расписывавший царские хоромы в сёлах Измайлово, Преображенское и Воробёво. В 1712 году он был отправлен из Петербурга в Нарву на строительство царского дворца.

*«Документальных данных о строителях Дворца Петра I в Нарве пока не обнаружено, однако участие Д. Трезини как приближённого к Петру I и А. Менишикову архитектора вполне вероятно. В пользу такого предположения свидетельствуют достаточно масштабно задуманное архитектурное решение дворца»*²¹, — сообщает О. Коченовский в своём исследовании.

В ноябре 1708 года, возвращаясь в Петербург, Пётр I вновь посетил Нарву, откуда проследовал в свой «парадиз» на Неве через Ямбург.

Летом 1712 года Пётр ехал из Петербурга в Померанию. Дорога в Европу традиционно шла через Нарву. На сей раз царь решил добраться до этого города водным путём. 19 июня он дошёл на шнявеве «Лизет» до устья реки Луги и лично провёл здесь промер глубин. Затем пересел на полугалеру, двинулся вверх по Луге и повернул в её рукав, реку Россонь²². Через Россонь полугалера Петра вышла в Нарву и 20 июня подошла к Нарве. Здесь Петра поджидала его жена Екатерина, приехавшая в этот день по сухопутной дороге че-

---

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 98.

²¹ Там же.

²² Походный журнал 1712 года. СПб., 1854. С. 16.

Вход во дворец Петра I
с Рыцарской улицы.
Фото начала XX в.

рез Ямбург. Наверняка царь-мореход остановился в своём дворце на Рыцарской улице. И, скорее всего, он воспользовался откидным мостиком, по которому прямо с бастиона можно было пройти на балкон второго этажа этого дворца. На следующий день Пётр и Екатерина продолжили путь в Европу (через Дерпт) и возвратились в Россию только в начале 1713 года. 20 марта они прибыли в Нарву и здесь ночевали.

Следующий приезд царя в Нарву состоялся в начале 1714 года. Как сообщает «Походный журнал», «государь, взяв с собою генерал-адмирала графа Апраксина и генерала Адама Вейда, воспринял путь свой к Ревелю». 25 или 26 января они были в Нарве, где царь *«изволил быть перво в своем дому, а потом кушал у обер-коменданта Нарышкина»*²³. В Нарве Пётр ночевал, а вечером следующего дня уехал в Ревель, где заложил новую гавань. В феврале на обратном пути, двигаясь морем из Риги, царь вновь побывал в Нарве.

Следующее посещение состоялось 25 августа 1715 года, когда царь возвращался из Рогервика (ныне Палдиски) и Ревеля «сухим путём». Пётр ночевал в Нарве и наверняка останавливался в своём домедворце на Рыцарской улице. На следующий день он на каком-то судне *«ездил от Нарвы по Нарове и Россони 10 вёрст»*²⁴. И, вероятно, пользовался откидным мостиком, который позволял пройти прямо со второго этажа его нарвского дворца на вал бастиона и спуститься на причал к стоящему на Нарове судну. 27 августа царь покинул

²³ Походный журнал 1714 года. СПб., 1854. С. 2–3.

²⁴ Исаков С.Г., Шор Т.К. Указ. соч. С. 39.

Нарву, направляясь к побережью Лужской губы, откуда «*пошел галите на Котлин-остров*»²⁵.

В конце января 1716 года Пётр с женой Екатериной и племянницей царевной Екатериной Ивановной отправился на лечение в Германию. 28 или 29 января они были в Нарве, остановились здесь на короткое время и поехали на Дерпт.

Назад царь и царица возвратились осенью 1717 года и проезжали Нарву.

Последняя сухопутная поездка царя Петра с женой в Прибалтику, имевшая целью посещение Риги и Ревеля, состоялась весной 1721 года. На сей раз в Нарве они долго не задерживались, а назад в Петербург царь возвратился в июне морем.

Очевидно, что к Нарве Пётр I испытывал особую симпатию как к развитому и известному в Европе портовому городу²⁶. Не считая его прибытия под Нарву во время её осады в 1700 и 1704 году, он был в Нарве 15 раз, включая транзитные поездки. При этом даже во время транзита Пётр, как правило, оставался в этом городе на ночлег. Это неудивительно, учитывая наличие у него собственного каменного дома, известного как Дворец Петра Великого. По моим подсчётам, с 9 августа 1704 года, когда русские войска взяли Нарву, и до своего последнего приезда сюда весной 1721 года Пётр Великий находился в Нарве в общей сложности более 80 дней.

Екатерина I хотя и приобрела нарвский дворец в собственность императорской семьи, но сама в Нарву не ездила. После последней поездки Петра I российские монархи не приезжали в Нарву в течение 25 лет.

Первой восстановила традицию посещения этого города и Дворца Петра императрица Елизавета Петровна. Она побывала здесь во время путешествия в Прибалтику в 1746 году. Дважды Нарву и дворец Петра посещала Екатерина II²⁷. Это было в 1764 и 1780 годах во время её путешествий в Эстляндию. В связи с её приездами внутренние помещения дворца были несколько перестроены и приобрели более пышный облик, соответствующий понятию дворцового. «*Тог-*

²⁵ История Свейской войны. С. 438.

²⁶ По моему убеждению, именно здесь, а не в устье Невы, Пётр I первоначально предполагал строить главный порт России на Балтике. См.: *Аристов В.В.* Нарва — несостоявшаяся морская столица Петра I // Столицы и провинция. Материалы IV Международного конгресса петровских городов. СПб., 2013. С. 196–223.

²⁷ До этого она бывала здесь проездом в качестве принцессы и невесты будущего императора Петра III, а также в качестве его супруги и великой княгини при дворе императрицы Елизаветы Петровны.

да же здесь появилась новая, более изысканная, мебель, в том числе кресло, специально изготовленное для императрицы по заказу нарвского магистра»²⁸. Это было весьма кстати, так как в 1780 году Екатерину Великую сопровождала большая свита, включая самых видных представителей двора. Среди них были князь Григорий Потёмкин, граф Иван Чернышов, обер-штальмейстер Лев Нарышкин, граф Александр Строганов, граф Яков Брюс, гофмаршал князь Фёдор Барятинский, князь Михаил Долгорукий, князь Сергей Гагарин и др.

После Екатерины Великой практически все российские императоры бывали в Нарве и обязательно посещали Дворец Петра. В мае 1802 года здесь побывал Александр I. По сообщению историка А. Петрова, он «с удовольствием и вниманием осматривал различные предметы, принадлежащие бессмертному завоевателю Нарвы. Государь обратил внимание на ветхий вид дворца и повелел, чтобы впредь были приняты все возможные меры к сохранению “драгоценного для всех россиян памятника”»²⁹. Это распоряжение Александра I выполнялось и после его смерти. В начале 1840-х годов писатель П.Р. Фурман сообщал о Дворце Петра в Нарве так: «Начальство города бережёт этот дом как святыню; он чист, выкрашен светло-жёлтой краской; перед ним на мостовой, где редко проедет экипаж, вы не увидите ни одной травки, между тем как в нескольких шагах оттуда мостовая похожа на лужок...»³⁰

В самом дворце сохранялись вещи Петра. Описи XIX века упоминают шпагу царя-преобразователя, его трость, дубинку, бокал, подаренный польским королём Августом, модель корабля «Шлиссельбург», которую якобы изготовил сам царь. В первой половине XIX века нарвский дворец Петра отошёл к военному ведомству. Некоторое время здесь жил комендант Нарвы, на первом этаже здания размещался архив управления коменданта.

В 1865 году купцы нарвской Большой гильдии обратились к императору Александру II с просьбой передать Дворец Петра археологическому обществу Нарвы, созданному за год до того при гильдии. Просьба была удовлетворена. После этого на втором этаже дворца был открыт исторический музей — первый музей на территории Эстляндии и один из первых общественных музеев в России. Как музей, Дворец у местных жителей и гостей города пользовался боль-

---

²⁸ Никитюк И. Дворец Петра в Нарве: история ещё не дописана // Нарвский рабочий. 16 августа 1988. № 96 (6756).

²⁹ Петров А. Указ. соч. С. 433.

³⁰ Фурман П. Путешествие по всей России // Иллюстрация. 1845. Т. I. Электронный ресурс. Режим доступа: http://az.lib.ru/f/furman_p_r/text_1845_narva.shtml

шой популярностью. Помимо предметов петровской эпохи здесь экспонировались коллекция монет, предметы деятельности средневековых цехов Нарвы и многое другое.

В августе 1913 года прямо напротив Дворца Петра был открыт новый нарвский музей имени супругов Лаврецовых. В нём разместились произведения искусства, которые купец Сергей Антонович Лаврецов и его жена Глафира Александровна, широко известные в Нарве и Ямбурге благотворители и меценаты, собирали долгие годы. Согласно завещанию, после их смерти огромная коллекция перешла городу. Созданный из неё музей, разместившийся в доме Лаврецовых, считался самым богатым музеем провинциальной России.

Вскоре оба музея были объединены в один, произошло перераспределение экспонатов. Во Дворце Петра разместились коллекции исторического характера, в доме Лаврецовых — художественного и этнографического.

В 1933 году Нарва оказалась в составе Эстонской республики, и Дворец Петра перешёл в собственность этого государства. Когда в 1941 году Красная армия отступала из Эстонии, коллекции музея Лаврецовых были эвакуированы, но из Дворца Петра ничего вывезено не было. Захватившие Нарву немцы снова открыли здесь музей, который работал до их ухода. В 1944 году, во время отступления, оккупанты вывезли все коллекции Дворца. Часть их была обнаружена в районе Раквере и возвращена, другая рассеялась по различным музеям Эстонии. *«Судьба ряда исторических реликвий, в том числе практически всех вещей Петра I, до сих пор не выяснена...»*³¹, — писал в 1988 году старший сотрудник Нарвского музея И. Никитюк. Насколько известно, эта ситуация сохраняется и поныне.

Что касается самого здания Дворца Петра, то во время полугодового штурма Нарвы советскими войсками оно изрядно пострадало, однако масштабы разрушений не были столь катастрофическими, чтобы его нельзя было восстановить. В 1950-х годах был поднят вопрос о восстановлении нарвского дворца. «Таллинские архитекторы подготовили проектную документацию для восстановительных работ, по окончании которых во Дворце Петра I должен был разместиться городской музей. Тем неожиданнее было решение исполкома Нарвского городского Совета от 3 марта 1959 года о разборке здания дворца...».

В 1959 году пострадавшее в войну здание было разобрано, как были снесены почти все дома исторической Старой Нарвы. Перестала существовать и Рыцарская улица, и сама Старая Нарва, от которой остались два жилых дома XVII века, здание ратуши и Нарвский замок.

---

³¹ Никитюк И. Указ. соч.

Здание дворца Петра I. После 1944 г.

В 1988 году, когда в стране шла «перестройка» и близилось к концу восстановление Нарвского замка, исполком Нарвы принял решение восстановить Дворец Петра и открыть в нём музей. Газета «Нарвский рабочий» сообщила: «Исторические, археологические, искусствоведческие исследования доказывают, что планы эти реальны. Сохранились не только описания, фотографии и чертежи дворца, но и фундаменты самого здания, что позволяет восстановить его на прежнем месте и в прежнем виде»³². Распад СССР, смена общественно-политического строя, экономическая ситуация в новой Эстонской республике сделали этот план восстановления Дворца Петра Великого в Нарве нереальным.

В настоящее время в Нарве разрабатывается проект восстановления Старого города. Полностью восстановить Старую Нарву, конечно, нельзя, но среди зданий, намеченных к восстановлению, есть и Дворец Петра I. Сейчас нарвские власти ищут инвесторов для реализации этого большого проекта. В 2013 году в Нарве были проведены работы по восстановлению каменной облицовки бастионов XVII века, расположенных вдоль реки Наровы, а также реконструкция городской набережной. Успешное завершение этих работ даёт надежду на то, что когда-нибудь начнётся восстановление Дворца Петра I и что история этого здания, связанного с жизнью и деятельностью великого преобразователя России, будет продолжена.

---

³² Там же.

А.М. Пашков
(Петрозаводск)

Резиденции Петра I на Марциальных водах и Олонецких петровских заводах

В последние годы жизни Пётр I тяжело болел (историки считают, что он страдал почечнокаменной болезнью, осложнённой уремией). Одним из самых действенных способов лечения в то время считалось питьё воды из целебных источников. Первый раз Пётр I выехал для лечения целебными водами в Карлсбад (Карловы Вары) осенью 1711 года, сразу после неудачного Прутского похода, и провёл там около 20 дней. В 1716 году Пётр I посетил саксонский курорт Пирмонт (Бад-Пирмонт) в тоже провёл там около 20 дней. Летом 1717 года Пётр побывал на бельгийском курорте Спа, а на обратном пути — на источниках в Аахене (Северный Рейн — Вестфалия)¹.

Но поездки за границу для лечения на водах были связаны с длительным отсутствием царя в России, поэтому Пётр велел отыскать целебные источники в самой России. Лейб-медик царя шотландец Роберт Эрскин (в России его называли Арескин)² уже в 1717 году в письме из Германии поручил доктору Готлибу Шоберу заняться поисками целебных источников в России, в частности, на Северном Кавказе.

Пётр I всецело поддержал инициативу Р. Эрскина и в указе Сенату от 24 июня 1717 года писал: «*Господа Сенат! По получении сего велите доктору Шоберу (Шоберу. — А.П.) искать в нашем государ-*

¹ Капуста Л.И. Марциальные воды. СПб., 2006. С. 26–27.

² Подробнее о нём см.: Мирский М.Б. Доктор Роберт Эрскин — первый российский архиатр // Отечественная история, № 2, 1995. С. 135–145.

стве (а особливо в таких местах, где есть железные руды) ключевых вод, которыми можно пользоваться от болезней, на приклад, какими в здешних краях пользуются, как Пирмонтская, Шнавассер и прочие, и для того дайте помянутому доктору полный указ, чтобы ему не были никто противны и давали от города до города и от села до села подводы, дабы он нынешним летом до заморозков осмотрел, о чем пространно писал к тому доктору от себя доктор наш Арескин, и то письмо при сем посылаем, которое к нему от себя с указом к Москве пошлите»³.

Такова предыстория открытия Олонецких Марциальных вод⁴. А история их началась зимой 1714 года, когда приписной крестьянин деревни Видасельги (современное название Виданы) Шуйского погоста Иван Рябоев (Ребоев) был послан для перевозки железной руды с Рав-болота на Кончезерский завод. Позднее он сообщал, что у него уже много лет была «сердечная болезнь», из-за которой он «чуть жив волочился», но по совету местных крестьян стал пить воду из колодца и через три дня болезнь прошла. О своём исцелении он сообщил начальнику Кончезерского завода Мартину Циммерману, а тот в 1716 году — коменданту Олонецких Петровских заводов Виллиму Геннину.

Неясно, когда известия об открытии целебной воды в Олонецком уезде получил Пётр I, но уже в октябре 1717 года царь отправил для изучения её лечебных свойств придворного медика Лаврентия Блюментроста. Испытанием воды на людях занимался хирург Антоний Равинель (Равелин). В начале 1718 года он исследовал действие воды в основном на солдатах Олонецкого батальона. Питьё воды принесло ощутимую пользу их здоровью, некоторые полностью выздоровели. Результаты своих опытов А. Равинель изложил в брошюре «*Подлинныя дознания о действе марциальныя Кончозерския воды, разными человеки изыскано, Херургием Равелином, 1718 году, в месяце генваре. Печатано в Санктпитебурхе, 28 февраля 1718*». Вероятно, после этих

---

³ Именной указ, данный Сенату. О приискании в России минеральных вод (от 24 июня 1717 года) // ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 5. № 3092. С. 498–499.

⁴ О пребывании Петра I на Олонецких марциальных водах и на Петровских заводах подробнее см.: *Игнатий (Семёнов)*. Воспоминания о пришествиях Петра I в Олонец. СПб., 1849. С. 51–71; *Самойлов Н.* Пётр Великий на Марциальных водах, открытых 1716 года в Олонецкой губернии. СПб., 1852; *Чудинов И.К.* Марциальные воды // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1858 год. СПб., 1858. С. 130–159; *Мегорский В.П.* Олонецкие марциальные воды при Петре Великом // Вестник общества ревнителей истории. Вып. 2. Пг., 1915. С. 119–126; *Беснятых Ю.Н., Коваленко Г.М.* Карелия при Петре I. Петрозаводск, 1988. С. 104–116; *Жульников А.М., Спиридонов А.М.* Древности Петрозаводска. Петрозаводск, 2003. С. 66–127; *Капуста Л.И.* Указ. соч. и др. работы.

Виллим Иванович Геннин, начальник Олонецких Петровских заводов в 1713–1721 гг. Гравюра В. Гейтман по рисунку В. Флорова. 1826 г. На груди Геннина медальон с царским портретом, подаренный ему Петром I в феврале 1719 г. за открытие и обустройство Марциальных вод

изысканий вода стала называться в честь бога войны и железа Марса — марциальной.

Под влиянием полученных рекомендаций Пётр I решил и сам посетить курорт. В конце 1717 года он писал коменданту заводов В.И. Геннину, чтобы тот вместе с Л.Л. Блюментростом определил место для постройки царского дворца на водах. Сроком постройки дворца Пётр определил март 1718 года, но реально дворец был готов только к концу 1718 года.

5 января 1718 года В.И. Геннин писал своему начальнику Ф.М. Апраксину: *«Господин доктор Блюментрост, по учиненной пробе, хвалит чрез меру здешнюю новую минеральную воду, от меня приисканную. И, того ради, для прибытия Всемилостивейшего нашего государя и Вашего высокографского сиятельства дорогих гостей, заложил сего генваря 3-го дня у колодезя дворец, как сам Его царское величество изволил приказать, и стану поспешать как возможно и, дай Бог, чтобы строение поспело...»*⁵

Придворный врач
Л.Л. Блюментрост (1692–1755).
Гравюра 1837 г.

Примерно за месяц царский дворец построен «против колодца минеральных вод, с особенными помещениями для царедворцев» — П-образное здание примерно 32 сажени в длину и 11,5 сажений в ширину. Вдоль главного фасада шла балюстрада. Для царских покоев отводилось пять комнат и большой зал, Екатерина и Ф.М. Апрак-

⁵ Доношения, рапорты и письма Виллима Ивановича Геннина к императору Петру I, императрице Екатерине I и разным лицам // Горный журнал. 1826. Кн. 2. С. 151–152.

син получили по четыре комнаты, царская свита разместилась в восьми комнатах по 2–3 человека в каждой. Итак, всего было оборудовано более 20 комнат и большой зал длиной в 15 сажен. Кроме жилых комнат во дворце находились баня («мыльная»), кухни, скатерные, пирожные и поварские. К 1725 году во дворце имелось 60 кроватей и 20 деревянных столов.

В 1718 году на Марциальных водах (так постепенно стали называть эти источники) построен особый дворец для царицы Прасковьи Фёдоровны (вдовы сводного брата Петра — царя Ивана) с царевнами «на полугоре на запад» с четырьмя комнатами, мыльнею и погребом. В этом же году построены дом для лекаря, изба для лекарского ученика, поварни, хлебня, погреба, офицерские и людские избы, командирский двор и кордегардии («караульни»). Комплекс зданий для пребывания Петра I на Марциальных водах был назван «Дворцы».

19 января 1719 года Пётр первый раз отправился на Марциальные воды. «Походном журнале» царя об этой поездке говорится: *«19-го. Царское величество пошел к Марциальным водам и с ним: адмирал, подполковник Бутурлин, Бас Головин». 21-го. Государыня царица изволила идти к Марциальным водам... ..И того же дня <28 января. — А.П.> ...изволили ехать до Марциальных вод и того же дня ввечеру к оным прибыли. В 29-й день изволил Его Величество принимать соль, а в 30-й день начал принимать воды. 15-го <февраля. — А.П.> Царское Величество и прочие закончили употребление вод...*

А в 17-й день оттуда поехали рано...»⁶

Царя сопровождали Екатерина Алексеевна, царица Прасковья Фёдоровна, президент Адмиралтейской коллегии граф Ф.М. Апраксин, только что вернувшийся с Аландского конгресса (мирных переговоров со шведами) барон А.И. Остерман, царский денщик подполковник А.Б. Бутурлин, И.М. Головин и другие «знатные особы».

Находясь на лечении, царь продолжал заниматься государственными делами. Так, на Марциальных водах был подписан манифест о проведении в России первой переписи мужского населения — ревизии. В надежде на приезд на Марциальные воды большого числа пациентов Пётр I велел В.И. Геннину построить дом для приезжающих, а для прогулки больных галерею, сам выбрал для них место и начертил планы.

Царь пробыл со своим двором на Марциальных водах примерно до 24 февраля, затем выехал в Санкт-Петербург, куда прибыл 3 марта. По возвращении в Санкт-Петербург Пётр I опубликовал 20 марта «Указ на докторские правила», извещавший об открытии нового целебного

⁶ Походный журнал 1719 года. Изд. 2-е. СПб., 1913. С. 113, 117.

источника и «Объявление о Марциальных водах на Олонце» с приложением «Докторских правил, как на оных водах поступать»⁷.

Из тринадцати рекомендаций, как поступать при лечении водами, самая забавная следующая: *«После окончания пития вод обедать... а пред обедом чарку водки тем, которые обыкли или которым смутится, выпить позволяется, а особливо анисовой, а за обедом рюмки три вина бургонского, или рейнвейну, или легкого вина французского (которое называть обыкли рейнским), можно выпить также от жажды полтива или легкого самого пива пить помалу не запрещается. А которые для скудости рейнвейну, бургонского, французского не имеют, тем другую чарку водки выпить позволяется, а не больше; а квасу, кислых щей, такожде браги весьма воспрещается».*

К 1721 году была построена линнея — гостиница для лечашихся на водах — деревянное здание с 20 «покоюми», 40 окнами и 20 печами и «земляным залом» для прогулок с 32 окнами и 4 печами.

Вторая поездка Петра I на Марциальные воды состоялась в 1720 году. 29 февраля царь выехал из «Питербурха» и 6 марта прибыл на Марциальные воды. С 10 по 22 марта он пил воду, затем выехал в С.-Петербург, куда прибыл 27 марта.

Пребывание царя на водах подробно описано в его «Походном журнале»:

«В 7-й день. Их величества кушали вместе и князь цесарь [И.Ф. Ромодановский. — А.П.]»

В 8-й день. Его величество принимал лекарство и кушали дома, играли в бирюльки.

В 9-й день. Его величество принимал лекарство, играл в билиарт и бирюльки все.

В 10-й день. Его величество зачал пить воды и ездил на озеро [Габозеро. — А.П.], играл в бирюльки.

В 11-й день. По питью воды кушали вместе, играли в бирюльки.

В 12-й день. По питью воды кушали вместе, и при Их Величестве за одним столом ели всех чинов 60 персон всех.

В 13-й день. Их Величества слушали часы и кушали вместе и, покушав, играли в бирюльки до вечера все.

В 14-й день. Его величество, покушав, точил в токарне до вечера.

В 15-й день. Его величество играл в трукт-тафель⁸ и в шахматы.

⁷ Именной указ. О целительных водах, отысканных на Олонце. Объявление о марциальных водах на Олонце. Правила дохторские, как при оных водах поступать (от 20 марта 1720 года) // ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 5. № 3092. С. 684–686.

⁸ Трукт-тафель (Drucktafel) — игра, отчасти похожая на бильярд. Она состоит в том, что бросают рукою круглые каменные шары, снизу гладко отшлифованные, в желоба, выдолбленные в высоких бортах по двум сторонам длинного и узкого стола. — Прим. А.П.

В 16-й день. Его величество играл в бирюльки и пели с певчими партесное⁹.

В 17-й день. Его величество ездил гулять на озеро и был в токарне.

В 18-й день. Их величества слушали часы и играли в билиарт и трукт-тафель.

В 19-й день. Его величество после кушанья ездил на озеро и играл в билиарт и трукт-тафель, и в шахматы и в бирюльки до ночи.

В 20-й день. Их величества слушали часы, и играли в трукт-тафель, и пел с своими певчими концерты и играл в бирюльки.

В 21-й день. Его величество после кушанья ездил до медных заводов, в них не был.

В 22-й день. Их величества поехали от колодезя и приехали к заводам¹⁰.

Во время пребывания Петра I на водах к нему обратился крестьянин Иван Рябоев с челобитной о награждении его за открытие вод. На этой челобитной Пётр I собственноручно написал: *«За объявление сего, что первый знак лечения на нем обозначился, освобождается он и дом его с землею, чем владеет, от всех работ и податей на медных заводах. В 22 марта 1720 года. Петр»*. Потомки И. Рябоева живут в Карелии до настоящего времени.

10 мая 1720 года вышел второй указ Петра I, посвящённый Марциальным водам, появление которого, вероятно, объясняется нежеланием многих особ ездить на новый курорт и распространявшимися слухами о бесполезности такого лечения. В указе сказано, что неудачи в лечении связаны с нарушениями рекомендаций врачей: *«А которые из оных при тех водах и пользовались, но не содержали регулярно, как в пище, так и в питии напитков и в необычайном сне пребывали, и по таким тех людей не регулярным поступкам оныя воды к здравиям пользы им не показали...»¹¹*

В 1721 году на Марциальных водах была заложена деревянная на каменном фундаменте «новоманерная» церковь во имя апостола Петра. По преданию, чертёж церкви был начертан самим Петром I. Архиепископ Олонецкий Игнатий (Семёнов) так описывал Марциальноводскую церковь в конце 1830-х годов: *«Церковь в Марциальных водах деревянная, брусяная, с усеченными кроме западной стены углами, расположением крестообразная, с надстроеною над притвором или входом колокольнею. Вход с северного бока. Расположение церкви совер-*

⁹ Партесное — многоголосое хоровое пение. — Прим. А.П.

¹⁰ Походный журнал 1720 года. С. 10–11.

¹¹ Именной указ, объявленный из Сената. О действии марциальных вод в Олонце (от 10 мая 1720 года) // ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 6. № 3579. С. 191.

Церковь Ап. Петра в Марциальных водах.
Построена в 1721 году. Фото В.А. Григорьева, февраль 2014 г.

Иконостас церкви Ап. Петра в Марциальных водах.
Фото В.А. Григорьева, февраль 2014 г.

шенно похоже на на престольный четырёхконечный крест. Длины она, без притвора, 9 сажень, ширины в протяжениях креста 6, в узких местах около 3-х; притвор в 1 сажень. В высоту церковь имеет не более 5 сажень, равно и колокольня. Церковь и колокольня покрыты куполами»¹².

Большой интерес представляет иконостас церкви. Вот каким его увидел архиепископ Игнатий в конце 1830-х годов: «Иконостас в

¹² Игнатий (Семёнов). Указ. соч. С. 122–123.

Церкви — времени Петрова, резной, покрытый белую краскою так чисто, что, приметно, и не был готовлен под позолоту. Такой же резьбы имеется налой. Резьба довольно хороша, но не витиевата. Святые иконы писаны придворными живописцами тогдашней новой школы. Царские двери писаны в промеж резьбы на холсте; в них 6 круглых икон на медных деках: Благовещение на двух и четыре Евангелиста на прочих. Местные иконы на холсте: изображены а) Господь Вседержитель, б) Божия мать (Одигитрия), в) Апостол Пётр (с серебряным позолоченным венцом), Святитель Николай, св. Иоанн Златоуст и Благоверный Великий князь Александр Невский в иноческой одежде. Лики святых изображены почти в профиль в молитвенном расположении к Святителю. Разительно изображён в таком виде Апостол Пётр на образе подле Спасителя. В тени в малом виде изображён на иконе тот случай, как Пётр, испросив позволения Спасителя идти к нему по водам, начал утонать. Образ Божией матери всех скорбящих радость стоит особо, хотя и в ряду с иконостасом. Он прежде был в комнатах царских. Над царскими дверьми и местными иконами три резных херувима»¹³.

Считается, что иконы были написаны специально для церкви, а церковная утварь была привезена на Марциальные воды из церкви при Лодейнопольской верфи, туда она попала из Александро-Свирского монастыря. К церкви апостола Петра были определены священник, дьячок, пономарь и просвирня.

Третья поездка Петра I на Марциальные воды была в феврале 1722 года. Царь выехал из Москвы 6 февраля и 14 февраля прибыл «к колодезю Петровскому».

Подробности этой поездки царя можно узнать из его «Походного журнала» за февраль 1722 года:

«15-го. Приехали к колодезю Петровскому.

16-го. Принимал лекарство.

17-го. Принимал лекарство и слушал вечерню в церкви.

18-го. Их величества зачали воду пить и были на освящении церкви св. Петра.

19-го. Его величество после кушанья работал в токарне.

20-го. Его величество после кушанья работал в токарне.

21-го. Их величества играли в трукт-тафель.

22-го. Его величество работал в токарне, играл в бирюльки.

23-го. Их величества были... [пропущено несколько слов. — А.П.]
взрезывали Стефану Медведю.

24-го. Их величества слушали вечерню в зале.

25-го. Их величества слушали литургию в церкви.

¹³ Там же. С. 123–125.

Апостол Пётр. Храмовая икона
из церкви в Марциальных водах.
Конец XVII – начало XVIII века.

На заднем плане корабль
с трехцветным русским флагом.

Фото В.А. Григорьева,
февраль 2014 г.

*26-го. Его величество перестал
воду пить»¹⁴.*

Таким образом, самыми значимыми событиями в этот период стали освящение 18 февраля церкви во имя апостола Петра и гибель царского любимца — шута и по совместительству палача Стефана Медведя (известного также как Степан Вытащи). Тот упал с лестницы, сильно расшибся, сломал рёбра и умер.

Пётр, вероятно, участвовал в его вскрытии («смотрел анатомии»).

К третьему приезду Петра I на Марциальные воды был построен третий дворец для Екатерины Алексеевны. Он находился на вершине горы, и при нём была теплица. При дворцах находилось несколько строений для царской свиты и людей, приезжавших лечиться на воды. Во дворце Петра I была мастерская, с несколькими токарными станками и набором инструментов. Кроме того, над источником был сооружён восьмигранный павильон («шатёр»), к которому от царского дворца вела крытая галерея — ризалит¹⁵.

Перед отъездом из Марциальных вод царь повелел В.И. Геннину ехать на Урал «для исправления и размножения там заводов». Перед отъездом тот приказал отлить на заводе и установить на курорте чугунную доску со следующей надписью: «Сей источник исцелительной марциальной воды сыскан для пользы Его царского величества Петра Первого, императора всея российского, и для прочей всенародной пользы тщанием и искусством Его величества всеняжайшего раба артиллерии полковника и коменданта Олонецкого господина Георгия Вилгелма Геннина, рождение его в Насосигене и помянутой источник объявлен в прошлом 1716 году»¹⁶.

¹⁴ Походный журнал 1722 года. С. 27–28.

¹⁵ Ризалит — выступающая за линию фасада часть здания, идущая во всю его высоту.

¹⁶ *Игнатий (Семёнов)*. Указ. соч. С. 129.

Екатерина Алексеевна,
супруга Петра I.
Гравюра 1724 г.

Последняя поездка царя на Марциальные воды состоялась в 1724 году. 16 февраля Пётр со свитой выехал из Санкт-Петербурга и 23 февраля прибыл на Марциальные воды. «Походный журнал» сообщает об этой поездке:

«24-го <февраля>. Его величество изволил начать пить воду и продолжал до 7-го числа марта.

Март, 5-го. Рождение госу-

дарыни императрицы Екатерины Алексеевны сей день.

7-го. Его императорское величество изволил окончить воду пить и потом еще отдыхал до 15-го числа сего месяца. А во время питья вод и отдыха изволил трудиться в токарне за моделью Кронштацкою и точил паникадило, которое совершил в 14-й день марта.

15-го. Его императорское величество изволил быть у обедни в церкви Петра и Павла (что у вод марциальных) и паникадило трудов своих привесил к церкви. И после обеда пошли Их величества на Петровские заводы и прибыли того ж числа»¹⁷.

О тяжёлом состоянии здоровья царя в этот период говорит то, что во время пребывания на водах он распорядился собрать и напечатать все свои прежние указы и повеления и составил церемониал коронации Екатерины Алексеевны. В свободное время он выточил из кости паникадило, которое поднёс Марциальноводской церкви. На паникадиле имелась надпись «Сие приносится в знак благодарения Господу Богу за целебные воды; сделано при оных марта 14-го дня 1724 года». Впоследствии по распоряжению Екатерины II это паникадило было перенесено в Петропавловский собор Санкт-Петербурга.

После смерти Петра I пациенты перестали ездить на Марциальные воды. В 1729 году все личные вещи царской семьи были вывезе-

¹⁷ Походный журнал 1724 года. С. 3–4.

И. Никитин. Портрет царицы Прасковьи Фёдоровны в пожилом возрасте, одетой по новой европейской моде. Она трижды (1719, 1721, 1723) лечилась на Марциальных водах, где у неё был свой дворец

ны в Санкт-Петербург, а оставшееся имущество, дворцы и другие постройки в июне 1730 года перешли в ведение канцелярии Петровских заводов. В сделанной по этому поводу описи указано: «Дворец императора по линии от высокой горы к болоту. В нём: уборная Его величества, камора, где хранились

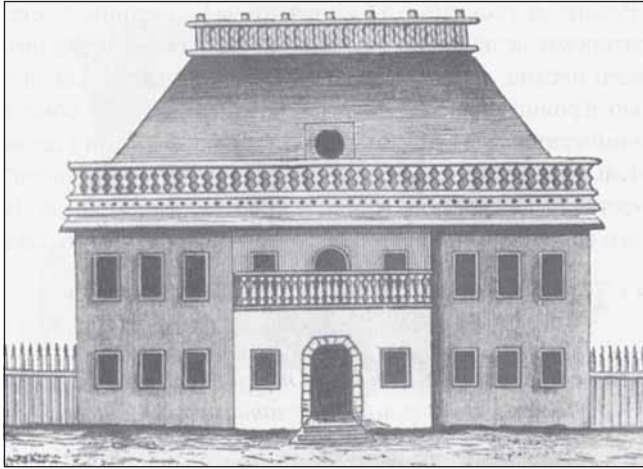
чертежи и книги, спальная с каморкою и сенями, и токарная. В токарной: станки и инструменты, на стене указ Его величества: как поступать надлежит при употреблении вод; а также принадлежности биллиарда. С половиною императорскою соединялось большое зало для прогулки больных, с 22 окнами, и в нём биллиард; от зала сени до колодца, над которым крытый шатёр. Здесь висела чугунная доска с надписью выпуклыми буквами об открытии вод Генниным (доныне там находящаяся). Пред залом каморка и сени, далее кухни, скатертная, пирожная и поварня. От этих камор сени к адмиральским покоям, которых 4; от покоев адмирала восемь каморок, расположенных параллельно по длинному земляному залу. Наконец, мыльная, с каморкою и сенями. На половине Государыни четыре камеры и один чулан для платьев; земляной зал с 32 окнами, с особыми сенями.

Дворец летний, построенный на высокой горе, с 4 комнатами. В нём, однако ж, не было устроено ни дверей, ни окон, ни печей.

Дворец царицы Праскевы Феодоровны. В нём 4 комнаты, поварня, мыльная. От дворца под горою два погреба. Близ домов Ея величества теплица»¹⁸.

Кроме царских жилищ, у Марциальных вод были помещения для медиков и для больных разного звания: квартира докторская с четырьмя комнатами и поварнею; изба для лекарского ученика; в другом месте малый шатёр над источником у болота, две караульни и линия под высокою горою для пользующихся водами с 20 комнатами и 40 окнами.

¹⁸ Чудинов И.К. Указ. соч. С. 152–153.

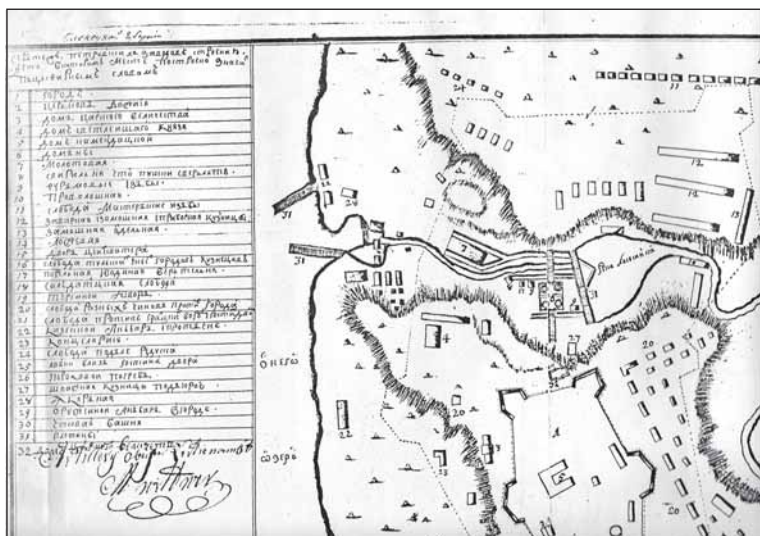

Петровский дворец в Петровской слободе.
Из книги архиепископа *Игнатия (Семёнова)*
«Воспоминание о пришествиях великого государя
Петра Первого в Олонец» (СПб., 1849)

Первое время канцелярия Петровских заводов заботилась о сохранности дворцов в Марциальных водах, в 1732–1733 годах даже была произведена их капитальная починка. Но в болоте у источника марциальной воды продолжали добывать железную руду, а в 1752 году рядом с ним был устроен купоросный завод. В 1773 году царский дворец уже совершенно обветшал: крыша, потолок и стены сгнили. В 1782 году царский дворец у источника был сломан. В 1733–1782 годах перестали существовать и другие строения. Уцелела только церковь во имя апостола Петра. В 1832 году она была перебрана и 20 марта 1832 года заново освящена. Церковь в Марциальных водах и её иконостас сохранились до наших дней.

Пётр I четырежды посетил Марциальные воды и провёл там в общей сложности около 80 дней. В связи с частыми поездками царя на Марциальные воды, вероятно, в 1719 году был построен путевой царский дворец на Петровском заводе — двухэтажное здание длиной 15 и шириной 8 сажень. Его опоясывал открытый балкон с балюстрадой. Вокруг дворца был высажен Летний сад из растущих в Карелии деревьев.

В августе 1730 года канцелярия Олонецких Петровских заводов составила опись путевого дворца Петра I в Петровской слободе: *«Во дворце комнаты: спальня и токарная императора с прихожей: спальня императрицы с уборною, крестовая [вероятно, комната для молитв. — А.П.]; зало*

Чертеж «Петровских заводов строений» полковника Матвея Виттвера. 1720-е годы. Фрагмент. Под № 3 «Дом царского величества»

с двумя каморами; мьяльная с тремя уборными; хлебная и скатертная; кухня. В верхнем этаже зало с двумя каморами, подлючная [т. е. комната, в которой под ключом хранились припасы] и два винных погреба. Из оставшейся мебели замечательны: в токарной стол с железными тисами, кровать государя с балхадином рудо-желтого цвета без занавесей и кровать государыни ореховая»¹⁹.

О посещении Петром I и его свитой Петровского завода во время первой поездки царя на Марциальные воды в 1719 году «Походный журнал» пишет: «...и в 26-й день [января] приехали на Петровские заводы поутру и там были до 28-го. И того дня, откушав, изволили поехать до Марциальных вод ...» На обратном пути «...в 17-й день [февраля]... поехали рано и на Петровские заводы, того ж дня прибыли к обеду». Вероятно, Пётр I находился на Петровских заводах до 28 февраля или до 1 марта, поскольку именно в этот день он узнал о смерти шведского короля Карла XII: «28-го получена ведомость о смерти короля шведского на Петровских заводах». Уже 3 марта царь «прибыл в Питербурх в 3 часа пополудни»²⁰.

Походный журнал Петра I за март 1720 года сообщает о том, что царь провёл на Петровском заводе несколько дней: «Во 2-й день. Его величество приехал поутру на Петровские заводы.

¹⁹ Там же. С. 152.

²⁰ Походный журнал 1719 года. С. 113, 117.

В 3-й день. Его величество гулял по всем работам и в молотовой.

В 4-й день, Его величество гулял по всем каморам в доме и принимал лекарство.

В 5-й день. Ея величество приехала на заводы Петровские, и кушали в доме своем, играли в бирюльки и в шахматы.

В 6-й день. Их величества слушали литургию, и поехали с заводов и приехали к колодезю»²¹.

На обратном пути Пётр I также задержался на Петровском заводе: *«В 22-й день [марта]. Их величества поехали от колодезя и приехали к заводам.*

В 23-й день. Его величество гулял по всем работам на заводах, в молотовой.

В 24-й день. Их величества слушали литургию и всенощную.

В 25-й день. Их величества кушали на заводах и поехали оттуда»²².

В ходе третьей поездки посещение Петром Петровского завода в феврале 1722 года было кратким: *«14-го. Приехал к заводу Петровскому. 15-го. Приехал к колодезю Петровскому»²³.* О посещении Петровского завода на обратном пути в походном журнале никакой информации нет.

Во время четвёртой и последней поездки Петра I на Марциальные воды он вновь посетил Петровские заводы: *«19-го [февраля]. В полдни прибыл на Петровские заводы...*

22-го. Ея величество государыня императрица изволила прибыть на Петровские заводы пополудни в 5-м часу...

23-го. В 23-й день Его величество был у обедни и, не кушав, пошел к водам...

15-го [марта]. ...И после обеда пошли Их величества на Петровские заводы и прибыли того ж числа.

16-го. Пополудни в 9-м часу Его величество пошел с Петровских заводов в свой путь в Москву»²⁴.

За время всех четырёх поездок Петра I на Марциальные воды он провёл в своём путевом дворце на Петровских заводах около 24 дней.

Недалеко от дворца Петра I был построен дворец А.Д. Меншикова и выкопан небольшой пруд. После смерти Петра I царский дворец на Петровском заводе обветшал. В 1756 году в указе Берг-коллегии, направленном в канцелярию Олонецких Петровских заводов, было сказано: *«Имеющийся при тех заводах построенный с давних времен*

²¹ Походный журнал 1720 года. С. 10.

²² Там же. С. 11.

²³ Походный журнал 1722 года. С. 27.

²⁴ Походный журнал 1724 года. С. 3–4.

дворец пришел в самую ветхость, и потолки упали, и крыша вся развалилась, и время от времени от великих дождей и от сырости вскоре все может развалиться».

В марте 1772 года развалины путевого дворца Петра I в Петровской слободе были окончательно разобраны. Разбитый вокруг него сад лег в основу современного Парка культуры и отдыха.

Итак, два населенных пункта Олонецкого уезда — Петровский завод и селение Дворцы у источника Марциальные воды — сыграли важную роль в жизни Петра I. Царь посетил Марциальные воды четыре раза, а Петровский завод не менее семи раз и провёл там в общей сложности более 100 дней. Память о пребывании Петра I в Карелии сохранялась в народных преданиях и сочинениях краеведов, отразилась в топонимах (Петрозаводск, Марциальные воды, Царевичи и др.).

М.А. Смержевских-Смирнова
(Таллин, Эстония)

Таллинские дворцы Петра I в контексте имперского идеологического строительства

В живописном месте эстонской столицы, на территории парка Кадриорг (в прошлом — Катериненталь) находятся два дворца первого русского императора: так называемый «старый» дворец, или домик Петра I, с которого в 1714 году началась история таллинского Катериненталья, и Екатерининский дворец, к строительству которого Пётр I приступил в 1718 году.

Появление каждого из этих дворцов было связано с событиями Северной войны (1700—1721) и большими планами Петра I — от строительства военной гавани в Ревеле¹ до создания здесь дворцово-паркового ансамбля, посвящённого любимой супруге Екатерине Алексеевне. Вместе с тем, история таллинских дворцов неразрывно связана с определёнными задачами имперского идеологического строительства второй половины 1710-х годов — именно на имперском контексте мы сосредоточим внимание в настоящей статье.

Впервые царь приехал в завоёванный Ревель в декабре 1711 года². Во время визита, продолжавшегося две недели, Пётр I и Екатерина Алексеевна останавливались в Верхнем городе, в доме Вольмара

---

¹ В настоящей статье, говоря о Таллине начала XVIII века, мы будем использовать название Ревель, отражённое в документах того времени.

² Столицу Эстляндии Пётр I посещал 11 раз. Это были разные по продолжительности и целям визиты, но они всегда сопровождалась со стороны городских властей пышным приёмом, торжествами и разнообразными устраиваемыми для царя увеселениями.

1. Дом-музей Петра I (Таллин, ул. Мяэкалда, 2)

Антон фон Шлиппенбаха (Müürisepp, Vilbaste, 15)³. Уже в следующем, 1712 году для царя был приобретён просторный трёхэтажный дом, несколько окон которого (в соответствии с пожеланиями Петра I), смотрели прямо на гавань⁴. В январе 1714 года Его Величество занялся обустройством ещё одного дома, в который поселился вместе с супругой в июне того же года и где предпочитал останавливаться во время последующих визитов в Ревель. Рассмотрим обстоятельства приобретения этого дома, получившего вскоре название «старый дворец», — сегодня здесь находится Дом-музей Петра I, филиал Таллинского городского музея (*Илл. 1*).

29 января 1714 года в Ревеле «палили изо всех пушек», салютая Петру I по случаю его очередного приезда. Из записей царского «Походного журнала» известно, что Его Величество по прибытии «исперва изволил быть у корабельной пристани, а потом кушал у Генерала Шлиппимбаха» (Походный журнал 1714 (I), 3). Через не-

---

³ Вольмар Антон фон Шлиппенбах — шведский генерал-майор, пленённый под Полтавой и перешедший на русскую службу, владелец нескольких имений в Лифляндии и Эстляндии. Дом Шлиппенбаха, где останавливались Пётр с Екатериной, сохранился.

⁴ «Городовому дворцу» царя посвящена отдельная статья М. Лумисте, где впервые опубликованы и проанализированы чертежи этого здания, выполненные в 1753 году И. Тейхертом. Согласно предположениям исследовательницы, дворец построен в 1712—1713 годах по проекту Д. Трезини или одного из его ближайших помощников (Lumiste, 112). Искусствовед Ю. Куускема, ссылаясь на архивные материалы РГАДА, указывает, что этот дом приобрели для царя в 1712 году (Kuuskema 2010, 32). К сожалению, здание городского дворца Петра I, находившееся на пересечении современных улиц Толли и Лай, не сохранилось.

сколько дней, в присутствии генерала Вейде, адмирала Ф.М. Апраксина и важных городских персон, Пётр I заложил в городе «пристань»⁵ и удивил магистрат неожиданным решением: царь пожелал приобрести небольшое поместье за городской чертой, в местности Фонтеналь: одноэтажный каменный дом скромных размеров (холл, открытая кухня и две жилых комнаты) и также несколько хозяйственных построек. Сумма сделки составила 3500 талеров — несомненная удача для продавца, вдовы бургомистра Дрентельна, поскольку соседние поместья оценивались куда меньше: от 300 до 1300 талеров (Lumiste, 113).

Что привлекло царя в доме Дрентельнов? Прежде всего удачное расположение: на склоне высокого пустынного холма (Ласнамяги), откуда идеально просматривались и море, и город. Уже с осени 1713 года Пётр I готовился к летней военно-морской кампании, намереваясь атаковать шведский флот. Ревелю в этой кампании отводилась важная роль. Сюда из Петербурга, на корабле «Св. Екатерина», Пётр прибыл в июне 1714 года, дожидаясь союзного флота датчан (вопреки договоренностям, их корабли так и не появились у города), из Ревеля царь направился к финским берегам, где дал сражение кораблям неприятеля у мыса Гангут.

Весной и летом 1714 года за шведскими кораблями велись регулярные наблюдения: вражеский флот подходил к Ревелю на столь близкое расстояние, что его заметили с Домской церкви: «Пополудни в 5-м часу увидели неприятелей из города с Дома, потом уже крейсера прислали с тем же в 6-м часу в исходе, почему велено тотчас сигнал дать, чтоб все были на кораблях и протчих судах готовы» (Походный журнал 1714 (I), 29). Дом Дрентельнов оказался не менее удобным наблюдательным пунктом: море — в непосредственной близости⁶, а с горы Ласнамяги царь невооруженным глазом мог наблюдать передвижения кораблей и отслеживать ситуацию. Об этом свидетельствуют и записи Походного журнала: так, за 18 июня журнал сообщает, что после обеда, гуляя «на горе» подле «новых хором», Пётр I «увидел кораблей Шведских⁶, командор Виц-Адмирал Лили; и поехал Его Величество на Полтаву и собирались наши корабли» (Походный журнал 1714 (IV), 113).

---

⁵ В крупном портовом городе, каким являлся Ревель, пристань, несомненно, была. В Походном журнале речь идёт о закладке нового военного порта («Во второй день <февраля. — М.С.> Господин Генерал изволил заложить у Ревеля пристань, на котором закладе были господин Адмирал, и генерал Вейд и протчие» (Походный журнал 1714 (I), 3)).

⁶ Согласно картам начала XVIII века, 300 лет назад морской берег был гораздо ближе к дому, чем сейчас.

При выборе участка фон Дрентельнов немаловажным было, по-видимому, и то, что дон находился за городской чертой, обеспечивая определённую приватность. Это было особенно актуально в отношении Екатерины I, которая летом 1714 года снова была «на сносях», но по обыкновению «спутешествовала» своему супругу. Большую часть лета царица провела в этом доме и оставалась здесь до начала сентября. Позднее рядом с домом Екатерина разбила небольшой «огород», где выращивала цветы, мяту и пряные травы.

Запись о покупке дома Петром I осталась в книге Ревельского магистрата, правда, регистрация купли-продажи была осуществлена городскими властями лишь 13 августа 1715 г. (Müürisep, 16). Магистрат, очевидно, занимал выжидательную позицию: после летней морской кампании 1714 года, закончившейся триумфальной победой России у мыса Гангут, шведский флот наверняка готовился к ответной кампании, исход которой мог поменять судьбу горожан. Активные действия Петра по укреплению ревельской гавани, а также его переговоры в июле 1715 года с прибывшими в Ревель голландской и английской эскадрами послужили убедительным аргументом в пользу оформления сделки. Вскоре Пётр I приобрёл четыре соседних поместья, территория которых составила около 100 гектаров.

В рамках интересующей нас темы покупка поместья фон Дрентельнов за 3500 талеров весьма показательна. Пётр I не просто проявляет щедрость, но пытается строить с местным дворянством добропорядочные отношения, демонстрируя, что он для них не завоеватель, а, скорее, новый покровитель, причём лучший, чем Карл XII. Уместно процитировать строки из «Универсала жителям Эстляндии и г. Ревеля», составленного царём в 1710 году и отправленного в осаждённый город, «чтобы заручиться поддержкой населения, особенно рыцарства и магистрата, игравших в управлении городом первостепенную роль»: «уведомляем каждого в отдельности и всех жителей княжества Эстляндского, к какому бы сословию они ни принадлежали и каково бы ни было их имущественное положение, отныне милостиво объявляем как каждому жителю в отдельности, так и всем вместе, каково бы они ни были происхождения и звания: наследственным владельцам, залогодержателям и арендаторам, жителям городов и местечек, не исключая самого простого крестьянина, что мы нашей царской милостью свято обещаем им полную безопасность и благоволение в их поместьях, домах и жилищах <...>. *Мы принимаем под нашу великую царскую защиту всех и каждого в отдельности, и всех уроженцев, владельцев и жителей упомянутого княжества со всем их имуществом и принадлежащими им поместьями и милостиво гарантируем им полную безопасность*» (Курсив мой. — М.С.) (ПиБ 10, 695; 285).

2. Кадриоргский дворец (Таллин, ул. Вейценберги, 37).
Фото С. Степашко, фотоархив Художественного музея Эстонии

Благородно покупая (а не отбирая на правах завоевателя) земли местных дворян, царь явно следовал этому документу, хранившемуся со времени тихой капитуляции Ревеля в городском магистрате как своеобразный гарант царской милости. Вместе с тем, ничто не мешало Петру I вероломно нарушать данные обещания, как только они переставали отвечать его интересам⁷. Важно отметить, что в этом документе 1710 года, обращаясь к жителям Ревеля, Пётр I в первых же строках именуется императором: «Мы, Петр Первый, Божией милостью царь и император всероссийский» (ПиБ 10, 285).

В 1718 году на купленной рядом с бывшим домом Дрентельнов земле царь приступил к строительству роскошной летней резиденции, которой дал имя Катериненталь (*Илл. 2*)⁸. Руководить строительными работами Пётр I пригласил римского архитектора Никола Микетти, позднее к работам был привлечён русский архитектор Михаил Земцов. При создании Катериненталья, в оформлении дворца и обустройстве парка тема Петра-императора, покровителя и бла-

⁷ Так, например, пункты универсала, касающиеся гарантий и «полной неприкосновенности» лютеранской церкви, были нарушены сразу же после капитуляции города и многократно нарушались впоследствии при отъятии лютеранских храмов и переосвящении их в православные. См.: *Погосян, Сморжевских-Смирнова* 2011-а.

⁸ О том, что уже в первые годы дворцово-парковый ансамбль получил имя супруги Петра I, свидетельствуют записи камер-юнкера Берхгольца за 1721 и 1723 годы. Посвящение дворца Екатерине могло быть связано и с печальными событиями 1718 года в царской семье. После драматической развязки дела царевича Алексея статус Екатерины Алексеевны невольно поменялся: теперь она оказалась матерью единственного наследника престола — царевича Петра Петровича.

3. Памятная надпись об основании Кадриоргского дворца.
Фото С. Степашко, фотоархив
Художественного музея Эстонии

4. Иконостас Ивана Зарудного в Преображенской церкви Таллина.
Фото Янус Хейнла, реставрационная мастерская Канут

годетеля, стала одной из центральных. Для её воплощения архитекторы (а за ними всегда стояли прямые распоряжения Петра) обратились к яркому языку барочных аллегорий и эмблем, выполняющих совершенно определённую программную функцию.

Не претендуя охватить все аспекты этой дворцовой риторики, попытаемся обозначить некоторые из них. В центре нашего внимания — эмблематические сюжеты Парадного зала, где в первоздан-

ном виде сохранились лепнина и росписи, отобранные и одобренные лично Петром и воплощённые живописцами и скульпторами.

Начнём с памятной каменной плиты, которая и сегодня встречает посетителей дворца по левую руку от главного входа. Здесь в первых строках на латинском языке воспроизведены фактически те же слова, что и в универсале Петра 1710 года (*Илл. 3*): «Петр Первый, Божьей благодатью Российский император <...>». Пётр I опережает события, поскольку титул императора, Отца Отечества и Великого будет поднесён ему официально только в 1721 году, после заключения Ништадского мира. Впрочем, официальной культуре известны и более ранние примеры именованя Петра императором. Можно вспомнить, например, издание «Символ и эмблематов» 1705 года, где Пётр Император появляется на фронтисписе издания в обрамлении соответствующей имперской символики.

В случае с Катерининским дворцом в Ревеле появление титула императора обрело дополнительное звучание: начало строительства резиденции фактически совпало с началом мирных переговоров на Аландских островах, когда Россия и Швеция пытались договориться о статусе завоёванных Россией территорий. Пётр I позиционирует себя на завоёванной земле как император, не оставляя новым подданным сомнений в том, кому *de facto* принадлежит эта земля, а указание на милость Божью (которое в надписи обозначено более крупным шрифтом) должно было развеять любые сомнения. То же можно сказать и о появлении императорского титула в городском сакральном пространстве. Так, почти синхронно с началом работ в Катеринентале, в период с 1717 по 1719 год Иван Зарудный создаёт для Ревеля уникальный иконостас (*Илл. 4*). Иконостас строится в Москве, но предназначен для церкви, которую генерал-губернатор Эстляндии А.Д. Меншиков изъясил у шведского гарнизона и повелел переосвятить в православную. Освящение происходило в знаковый день, 19 февраля 1716 года, в праздник Торжества православия⁹. Иконостас представляет собой выдающееся произведение искусства и архитектуры, не имеющее в православной традиции аналогов. В нём два придела — Преображенский и Петро-Павловский, более 150 резных надписей, обилие резьбы и деревянной скульптуры, кафедра проповедника в композиционном центре иконостаса, между двумя приделами. На уровне местного центра Петро-Павловского придела, связанного с царём Пет-

---

⁹ Ревельскому иконостасу И.П. Зарудного посвящён ряд наших совместных с проф. Е. Погосян работ. См.: *Погосян, Смержевских-Смирнова 2011-а; Погосян, Смержевских-Смирнова 2012; Смержевских-Смирнова 2012.*

5. Надпись-посвящение
в иконостасе Преображенской
церкви (фрагмент)

6. Парадный зал
Каприоргского дворца.
Фото С. Степашко, фотоархив
Художественного музея Эстонии

ром, имеется надпись-посвящение (Илл. 5): «Петру Алексеевичу несравненному и всесветнаго благочестия цесарю во обладание пресветлыя его даровавшему победы на супротивныя Шведы **Императору Первому Державы Всероссийския** и прочим и при Благочестивейшей **ЕВ Цесареве Екатерине Алексеевне Всероссийской** <...> устроися храм <...> сей же алтарь святых верховных апостолов Петра и Павла в тезоименитство». В лютеранском городе, в иконостасе новоустро-

енной православной церкви Пётр I представлен как император, которому «во обладание» вверяется не только бывший шведский храм, но и шведские земли. Супруга его представлена как Цесарева, кроме того, изображение св. Екатерины, её святой покровительницы, помещено сразу под кафедрой, в центре иконостаса¹⁰.

Вернёмся в Кадриоргский дворец и проследуем в Парадный зал, где нас встречают монограммы Петра и Екатерины, выполненные золотом по глубокому синему фону и расположенные друг против друга в абсолютно симметричной позиции (*Илл. 6*). Над монограммами мы видим два живописных плафона, фигуры крылатых гениев, трубящих монаршей чете вечную славу, а также изображения двуглавых орлов по сторонам от плафона и большую корону в сиянии.

Рассмотрим сюжеты плафонов. Всего малых плафонов четыре: по одному над монограммами Петра и Екатерины и на оставшихся двух стенах.

---

¹⁰ Сразу по взятии Ревеля здесь появился ряд посвящений царской избраннице. Начало этому процессу было положено светлейшим князем А.Д. Меншиковым, губернатором Ингрии, Корелии и Эстляндии, в юрисдикцию которого попадал и Ревель. Уже в 1711 году к первому визиту Петра I и Екатерины I в Ревель Меншиков заказал необычную икону, где Екатерина Алексеевна предстаёт в образе своей тезоименитой святой, а царь Пётр — в образе апостола Петра, стоящего по правую руку от Христа. «Святые покровители Петра и Екатерины помещены на иконе по сторонам от государственного герба, то есть апостол Пётр представлен здесь именно как святой патрон царя (об этом свидетельствуют и вирши в нижней части иконы), и Екатерина — в симметричной царю позиции, так, как изображали святых патронесс царей или самих царей на иконах этого времени» (*Погосян, Сморгжевских-Смирнова 2011: 120*). В отличие от остальных персонажей, св. Екатерина смотрит прямо на зрителя, чем сразу же привлекает внимание. Не только расположение св. Екатерины, особо прописанный взгляд, но и целый ряд других составляющих образа имел прямое отношение к событиям 1711 года. Тогда, накануне Прутского похода, Екатерина была официально провозглашена Российской государыней и тайно обручена с Петром. Свадебному сюжету иконы «Литургия Господня» посвящена наша совместная с Е.А. Погосян статья, останавливаться на этой теме мы не будем (см.: *Погосян, Сморгжевских-Смирнова 2011*). Напомним лишь, что в феврале 1712 года состоялось официальное бракосочетание Петра I с Екатериной (подготовкой свадьбы, кстати, занимался в Петербурге А.Д. Меншиков), и вопрос о брачных узах царя, открытый с 1705 года, наконец-то решился (*Погосян, Сморгжевских-Смирнова 2011: 124–137*). Благодаря иконе «Литургия Господня», хранившейся в городском храме, образ св. Екатерины, а с ней и Екатерины Алексеевны, как покровительницы здешних земель, был представлен и закреплён на территории завоёванного царём города. Символическое присутствие Екатерины как в сакральном, так и в светском пространстве Ревеля во второй половине 1710-х годов было только усилено.

7. Монограмма Петра I
в Парадном зале

Кадрингского дворца.

Фото С. Степашко, фотоархив
Художественного музея Эстонии

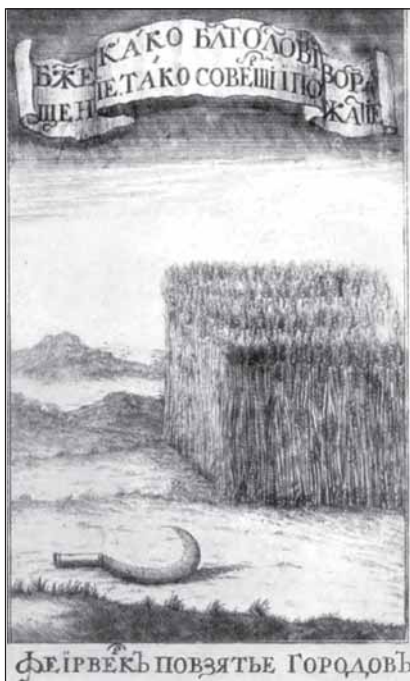
Над Петром (*Илл. 7*) — это сноп колосьев с девизом на латыни «VITAE MELIORUS USUM», «к лучшей жизни». В официальной культуре Петровской эпохи эта эмблема используется самыми разными жанрами панегирической культуры и трактуется как имперский символ. Приведём один из самых ранних примеров использования этой эмблемы в официальной панегирической культуре. Когда были одержаны победы 1704 года, взяты крепости Дерпт (Тарту) и Нарва, в Москве были устроены в несколько этапов

пышные торжества: сначала торжественное вхождение победителей в город через триумфальные врата, затем празднование Нового года, которое, начиная с 1703 года Пётр соотносит с итоговым военным торжеством (Погосян 2001: 94–95). Праздник Нового года — это воспоминание о прошедшей военной кампании, благодарение за неё и символическое призывание удачи на новые марсовы свершения, что находит выражение и в языке Петровского фейерверка.

Новогодние торжества начинаются с проповеди Стефана Яворского в Успенском соборе. В честь первых крупных побед на территории Эстляндии и Лифляндии местоблюститель патриаршего престола произносит 1 января 1705 года проповедь, темой к которой берёт 6-й стих 125-го псалма: «Сеющая слезами радость пожнут, ходящих хождоу и плакахуся, метающе семена своя, грядуще же приходят с радостью вземлюще рукояти <снопы> своя».

Проповедь посвящена торжественной жатве, которую собрали российские войска на поле брани в «июле и августе в году 1704, егда преславнии города Нарва и Дерпт крепкою российскаго воинства рукою пленена быша, а также прочии города», которые «мужи сии

8. Д.Ф. Зубов. Пшеничное поле и серп. Транспарант первого января 1705 года. Гравюра. Оригинал в ГРМ

(его слушатели. — М.С.) пожате» (Яворский 1702: л. 58). Вся проповедь — о том, что в 1700 году у Петра было слёзное сеяние под Нарвой (когда русская армия была разгромлена войсками Карла XII), а теперь настала радостная жатва, собранная на «марсовых ливонских полях», связанная в снопы и готовая для того, чтобы возложить её на триумфальную колесницу российского царства.

Теме проповеди Яворского вторил и государев фейерверк, сожжённый в тот же день, 1 января.

Сценаристом фейерверка и автором программы был сам царь. Один из центральных сюжетов фейерверка изображал поле спелой пшеницы и серп. Надпись, размещённая над изображением, повторяла темы царской переписки и реляций (Илл. 8): «Боже, како благослови возвращение, тако соверши пожатие». Под возвращением подразумевалось взятие «дедичных городов» — Нарвы и Дерпта, а под жатвой — та польза, которую России принесут эти победы. Проповедь митрополита Стефана не просто совпала с сюжетом царского фейерверка, но и детально развивала тему счастливой жатвы.

К 1718 году сноп колосьев как символ завоеванных Петром городов — уже общее место в эмблематической панегрической культуре (он повторяется в росписях триумфальных врат, фейерверках и проч.).

В статусе резиденции российских монархов дворец должен был нести представительскую и репрезентативную функцию, и оформление интерьера имело особенное значение. Плафон «Сноп колосьев», обрамлённый скульптурными изображениями двух имперских орлов, являлся уже символом новой империи, которой Россия готовилась стать в самом ближайшем времени. Вместе с тем, эмблема «прочитывалась» и в контексте тех идей, что повторялись многократно в

9. Монограмма Екатерины I в Парадном зале Кадриоргского дворца.
Фото С. Степашко, фотоархив Художественного музея Эстонии

«военных» проповедях и фейерверках: Пётр I «собирает» то, что было «посеяно» его предками («возвращает» «праотеческие города»), и объединяет «расточенное» — «вяжет в снопы» то, что его «праотцы» не смогли собрать воедино. В оформлении Катерининского дворца это однозначный имперский символ, разъясняющий местному населению, что все здешние города «собраны» и «связаны» царём Петром для лучшей жизни.

Монограмма Екатерины (Илл. 9), как и Петра, выполнена золотом по глубокому синему фону. Над ней расположилась роза-плафон с девизом-комплиментом — *Junicta Arma Decore* «Объединённое красой оружие». Так Пётр, очевидно, намекал на то, что супруга его не только прекрасна собой, но и всегда готова разделить его «марсовы труды» (Kuuskemaa 2010: 79). И действительно, Екатерина была первой из российских цариц, сопровождавшей супруга в многочисленных военных походах¹¹.

Монограмма и эмблема Екатерины были такой же весомой репрезентацией власти и знаком высокого царственного присутствия,

¹¹ В 1714 году военные «подвиги» Екатерины (в числе их — спасение русской армии от позорного плена у реки Прут) были отмечены особым посвящением: Пётр I учредил первый женский орден «Св. Екатерины», девизом которого стали слова «За любовь и отечество». О бесстрашии Екатерины в боевых условиях рассуждал о. Феофан (Прокопович) в своей проповеди 1717 года на тезоименитство Екатерины Алексеевны.

10. Малые плафоны Парадного зала Кадриоргского дворца — лилия и ласточка. Фото С. Степашко, фотоархив Художественного музея Эстонии

как монограмма и плафон-эмблема Петра. Не случайно у эмблемы Екатерины (плафона и монограммы) точно такое же «обрамление» из гербовых орлов и императорских корон, как у царя. Всё указывало на то, что она — покровительница и равноправная с Петром хозяйка здешних земель.

Показательно также, что монограмма Екатерины украшает ту половину дворца, что смотрела на море и была обозначена в плане как покои царя. Так же и монограмма Петра — располагается в крыле, предназначенном для Екатерины. Замыслу государя вторило барочное остроумие: даже когда Пётр не вместе с супругой (в своей половине дворца), её присутствие ни на миг не должно оставлять его; таково же постоянное «присутствие» супруга в покоях Екатерины. Однако такую же присутственную функцию в отсутствии царской четы должны были нести их эмблемы и символы власти, являющиеся и сегодня концептуальными и композиционными центрами Парадного зала.

Рассмотрим также оставшиеся малые плафоны Парадного зала, которые, как и плафоны-эмблемы Петра и Екатерины составляют тематическую пару и расположены симметрично, друг напротив друга: изображение лилии на восточной стене и ласточки — на западной (Илл. 10). В православной традиции лилия, или «крин» — райский цветок, символизирующий чистоту истинной веры. Этому вторит и девиз плафонной росписи — *Candore Omnia Vincit* «Чистотойю все

11. Лепнина Парадного зала
Кадриоргского дворца, деталь

победимо». Ласточка на противоположном плафоне, согласно девизу над ней, «возвращает лучшие времена» (*Et Tempora Laeta Reducit*). В эмблематической культуре «умирающая» на зиму и «воскресающая» весной ласточка символизировала воскресение (Погосян, Сморжевских-Смирнова 2010: 528). Можно полагать, что в контексте лютеранского пространства лилия и ласточка олицетворяли чистоту веры российских монархов и утверждение православия, а в случае отдельных городов — воскресение православия на завоёванной земле. На это указывает очень жёсткая и последовательная политика Петра по изъятию и переосвящению лютеранских церквей в православные, начиная с первых завоеваний на землях Эстляндии и Лифляндии в 1704 году¹².

Отметим, что эскизы всех четырёх эмблем были созданы Жаком Балли (1629–1679) в 1665 году и «предназначались для восхвалявших правление Людовика XIV гобеленов <...>. Изначально ласточка и роза символизировали весну, лилия и снопы колосьев лето» (Кадриоргский дворец, 21) Кадриоргские плафоны вторят этой «сезонной» тематике, и в оформлении Парадного зала тема весны и лета поддержана лепниной: каминные украшения с подснежниками и подсолнухами (*Илл. 11*). В полном соответствии с барочной традицией каждый из этих цветов обладал символическим значением. Так, на уже упомянутом фронтисписе первого русского издания книги «Символов и эмблематы» (*Илл. 12*) 1705 года, над портретом Петра I изображено солнце, а подпись «всегда и везде подобен» уподобляет монарха небесному светилу. Надпись над портретом Петра «Красота и защищение от него» дополняет общий смысл эмблематической композиции.

В Парадном зале Кадриоргского дворца каминные украшения с цветочным декором расположены на той же вертикали, что и монограммы Петра и Екатерины; нет сомнений, что тематика каминной лепнины,

¹² Подробнее об этом: Сморжевских-Смирнова 2013, 181–200.

13. Центральный плафон Парадного зала Кадриоргского дворца.
Фото С. Степашко, фотоархив Художественного музея Эстонии

ния» и гибели. (На Кадриоргском плафоне девы-водоносы тоже представлены — это пять нимф, которые устремляются к источнику). Чем дольше длилась Северная война, тем больше «нимф» становилось у «России-Дианы». Оформление Парадного зала свидетельствует о том, что Пётр определённо стремился предвосхитить успешный исход дипломатической миссии, начавшейся в мае 1718 года на Аландских островах.

7 июля 1723 года камер-юнкер Берхгольц, находившийся в Ревеле, записал в дневнике, что император повелел «свободно впускать в Катериненталь всех городских жителей, и что они, если хотят, могут начать пользоваться прогулкой там с ныняшнего же дня» (Берхгольц, 107). Это распоряжение императора должно было напомнить городскому совету ещё один пункт универсала 1710 года, где Пётр I обещал, что «доброе поведение, имеющее в виду всеобщую пользу, будет принято <...> с особым удовлетворением, благодаря чему все жители страны смогут пользоваться нашей верной защитой, щедрой милостью и благоволением» (ПиБ 10, 286).

В пространстве Катериненталья этому обещанию императора суждено было сбыться — сегодня это излюбленное место прогулок горожан и гостей Таллина. В Катериненском (Кадриоргском) дворце находится Эстонский Художественный музей зарубежного искусства, рядом с ним, на пути к «старому» дворцу (домику Петра), располагается канцелярия действующего главы государства — президента Эстонии.

К сожалению, ни Пётр, ни Екатерина не успели насладиться всей красотой императорского дворца в Катеринентале: строительные работы при жизни венценосной четы завершены не были. В полном великолепии и убранстве Катериненталь встречал уже дочь Петра и Екатерины — Елизавету Петровну.

ЛИТЕРАТУРА

- Kuuskemaa J. Peeter I Eesti reseedentsid. Eesti kunsti ajalugu. 1520–1770. Tallinn, 2005. С. 266–280.*
- Kuuskemaa 2010 = Kuuskemaa J. Lossi-ja pargiansambli rajamine. Kadriorg: lossi lugu. Tallinn: Eesti Kunstimuseum, Kadrioru Kunstimuseum, 2010. С. 25–109.*
- Lumiste M. Peeter I linnapaleest Tallinas ja majast Kadriorus. T?id kunstiteaduse ja-kriitika alalt. 3 Artiklite kogumik. Tallinn: Kunst,1980. С. 110–122.*
- M??risepp K., Vilbaste G. Kadriorg: minevik ja t?nap?ev. Tallinn: Eesti Raamat, 1966.*
- Берхгольц = Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца, ведённый им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год. Часть третья. 1723-й год. Москва, 1903.
- Кадриоргский дворец = Кадриоргский дворец. Кадриоргский Художественный музей / Сост. Кади Полли. Таллинн: Художественный музей Эстонии, 2008.
- Панегирическая литература = Панегирическая литература петровского времени. Русская старопечатная литература (XVI — первая четверть XVIII в.) / Сост. В.П. Гребенюк. Москва, 1979.
- ПиБ 10 — Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. Москва, 1956.
- Погосян Е.А. 2001 Пётр I — архитектор российской истории. Санкт-Петербург: Искусство — СПб., 2001.*
- Погосян, Смержевских-Смирнова 2010 = Погосян Е.А., Смержевских-Смирнова М.А. 2010-а. «Книга любви знак в честен брак»: воспитание чувств молодого царя Петра Алексеевича — Con amore: Историко-филологический сборник в честь Любови Николаевны Киселевой Москва: O.G.I., 2010. С. 519 — 528.*
- Погосян, Смержевских-Смирнова 2011 = Погосян Е.А., Смержевских-Смирнова М.А. Екатерина Алексеевна — российская государыня и царская невеста на ревельской иконе — Пограничные феномены культуры. Перевод. Диалог. Семиосфера. Материалы Первых Лотмановских дней в Таллиннском университете (4–7 июня 2009 г.) Tallinn: Издательство Таллиннского университета, 2011. С. 117–144.*
- Погосян, Смержевских-Смирнова 2011-а = Погосян Е.А., Смержевских-Смирнова М.А. Иконостас Ивана Зарудного в Преображенской церкви Таллинна. Искусство иконы Эстонии. Таллин: Эстонский художественный музей, 2011. С. 78–112.*

- Погосян, Смержевских-Смирнова* 2012 = *Погосян Е.А., Смержевских-Смирнова М.А.* Иконостас Ивана Зарудного в Преображенской церкви Ревеля (Таллина). Семантика и идеология. Русское искусство Нового времени. Исследования и материалы. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции с участием иностранных специалистов «Отечественное искусство XVIII – начала XX века: стилевые предпочтения, персоналии, обучение, взаимоотношения с государством и обществом». С. 8–22. Москва: Памятники исторической мысли, 2012.
- Походный журнал 1714 (I) (IV). = Походный журнал 1714 года (первая и четвертая пагинация). Санкт-Петербург, 1854.
- Смержевских-Смирнова* 2012 = *Смержевских-Смирнова М.А.* Ревельский иконостас Ивана Зарудного в контексте идеологии балтийских завоеваний. Труды государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 22. Храмы Петровской эпохи: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, Петропавловская крепость, 7–8 июня 2012 г.) С. 99–114. Санкт-Петербург: Государственный музей истории Санкт-Петербурга, 2012.
- Смержевских-Смирнова* 2013 = *Смержевских-Смирнова М.А.* Ингерманландия, Эстляндия и Лифляндия в церковном панегирике Петровской эпохи. Диссертации по гуманитарным наукам 34. Таллинн: Tallinn University Press, 2013.
- Яворский 1702 = Проповеди Стефана Яворского за 1702–1716 гг. [online]. Рукопись — [www: http://old.stsl.ru/manuscripts / medium.php?col=6&manuscript= 112&pagefile=112-0001](http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=6&manuscript=112&pagefile=112-0001).

А.Э. Шукурова
(Санкт-Петербург)

Гатчинский дворец: история в портретах

У каждого из пригородных дворцов Петербурга своё особое очарование: но в тихой Гатчине, окружённой тенистыми парками и озёрами, романтика прошлого чувствуется особенно сильно. Печать таинственности, которую наложило на неё правление Павла I, видимо, остро ощущалась его сыном, и Гатчинский дворец был неофициально назначен императором Николаем I «хранителем исторической памяти», зримым выражением чего стало появление во дворце портретных галерей. С тех пор, с середины XIX века, собрание исторических портретов надолго стало характерной чертой гатчинского дворцового собрания живописи: к 1917 году из примерно 3000 картин половина приходилась на портретную живопись, а к 1941 году из 2074 картин портретов было 1414.

В бережном отношении к историческому прошлому Николай I шёл по стопам своей матери, вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. Известно, что по её велению в Гатчинском дворце сохранялись в неприкосновенности личные комнаты императора Павла I. Можно сказать, что Николай I расширил границы памяти от семейной к общегосударственной. После перестройки 1850-х годов под руководством архитектора Р.И. Кузьмина, в полностью обновлённом Арсенальном каре появились огромные портретные галереи, где были собраны изображения не только ныне царствующих особ, но и славных деятелей предыдущих эпох, европейских монархов и т.д. Надо заметить, что инициатива Николая I лежала в русле традиции, заведённой Петром I, когда в России начали создаваться картинные галереи по образцу европейских, в том числе портретные. Не

только в царских дворцах и государственных учреждениях, но и в жилищах аристократов появляются целые залы, главенствующая роль в которых отведена портретам.

В Гатчинском дворце со времён его первого хозяина графа Г. Орлова в коллекции живописи несомненно имелись портреты, хотя сейчас невозможно сказать, сколько именно. При вел. кн. Павле Петровиче во дворце была преизрядная живописная коллекция — 419 картин¹. К сожалению, из текста дошедших до нас документов можно почерпнуть только самые общие данные о картинном убранстве: их количество и сравнительный размер (большие, средние, маленькие). Об авторах нет ни слова, зато есть скудные сведения о сюжетах и жанрах. Среди неизвестных «мужских» и «женских» изображений были и два портрета императрицы Екатерины II в золочёных рамах.

Следует отметить, что создание портретных галерей в Гатчинском дворце не было единственной инициативой Николая I: в Петербурге государь отдал распоряжение реорганизовать Романовскую и Петровскую галереи в Зимнем дворце.

Так или иначе, росток, посаженный Николаем I, дал хорошие плоды. Портреты из Гатчинского дворца экспонировались на «Исторической выставке лиц XVI—XVIII веков», устроенной Обществом поощрения художников в 1870 году. Душой этого грандиозного предприятия стал Н.П. Петров, который подготовил два издания каталога; чуть позже был выпущен альбом фотографий картин, представленных на выставке². При всех издержках печати — изображения сильно ретушированы, все портреты овальные, независимо от истинного формата картин — невозможно переоценить значение этого издания: в нём можно найти редчайшие фотографии утраченных портретов. Гатчинская коллекция послужила основой для знаменитой портретной выставки в Таврическом дворце, которую в 1905 году устроил С.П. Дягилев. В журнале «Старые годы» художественным сокровищам Гатчины были посвящены два выпуска — в 1914 и 1916 годах³.

---

¹ «Опись разной мебели, вступивший в Гатчинской Его Императорского высочества дворец после бывшей 1793 года описи; там же картин и других вещей с показанием во первых: из какого именно места оныя поступили; а во вторых когда, куда и кому имянно и по чьему повелению отданы после описи учиненной 1796 года». Копия // ГМЗ «Гатчина». Фонд рукописей. ГДМ-457-ХIII. Л. 63.

² Автор пользуется возможностью выразить самую глубокую признательность А.Н. Дулову, указавшему этот альбом.

³ Старые годы («Гатчина при Павле Петровиче, цесаревиче и императоре»). 1914. июль—сентябрь; Старые годы («Сокровища Гатчинского дворца»). 1916. июль—сентябрь.

Вместе с тем, А.Н. Бенуа довольно скептически охарактеризовал гатчинскую коллекцию: «В Гатчину ещё при Александре III и раньше начали свозить исторические портреты и картины, но до чего-либо систематизированного так и не дошло, а получился лишь весьма значительный склад без всякой системы подобранных материалов...»⁴ Эти слова, по нашему мнению, несправедливы уже потому, что живописная коллекция Гатчины фактически не исследована. Поэтому представляется правильным если и не полностью восстановить историческую справедливость, то, по крайней мере, дать краткий, приблизительный набросок тех поистине грандиозных портретных галерей Гатчинского дворца, сформировавшихся к концу XIX века в Арсенальном каре⁵.

Воистину «Рог изобилия, до краёв наполненный картинами, опрокинулся над Гатчиной» — так писал в 1914 году искусствовед А. Трубников в статье «Старые портреты старого замка»⁶. Это в полной мере относилось и к Арсенальному каре. На каждом этаже была своя портретная галерея, условно их можно представить так:

Первый этаж — Готическая галерея (**52 портрета**).

Антресольный этаж — коридор (**17 портретов**).

Бельэтаж — Китайская галерея (**102 портрета**) и Портретная галерея (**156 портретов**).

Кроме того, были ещё две лестницы:

Кочубеевская (Министерская)⁷ — **7 портретов**.

Медвежья — **5 портретов**.

Представляется важным определить, хотя бы вчерне, «персональный» состав каждой галереи и лестницы и посмотреть, действительно ли это «лишь весьма значительный склад» или всё-таки специальное отобранное собрание.

---

⁴ «Александр Бенуа размышляет...» М., 1968. С. 77.

⁵ Главным источником для написания этой статьи послужила «Опись Ливена» 1894 года, которая хранится в РГИА (Опись Ливена 1894 г. // РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 499. Л. 510).

⁶ Трубников А. Старые портреты старого замка // Старые годы. 1914. июль-сентябрь. С. 84.

⁷ К сожалению, историческая топография дворца ещё не достаточно изучена, поэтому в разных документах можно найти разные названия как отдельных интерьеров, так и комплексов помещений.

ПЕРВЫЙ ЭТАЖ

Начнём с первого этажа, с Готической галереи, примыкавшей к покоям императора Николая I и императрицы Александры Фёдоровны. Структура развески портретов в галерее была предложена лично Государем. Как свидетельствуют материалы переписки придворной Его Величества Канторы, после посещения Гатчины 2 ноября 1851 года «(Государь. — *А.Ш.*) повелеть изволил: В Арсенальном каре, в нижней галерее, ведущей к арсеналу повесить в своё время, между колонками, имеющиеся грудные портреты с одной стороны галереи современников Павла I, — а с другой Особ других царствований. Так же поставить там маленькую китайскую мебель и прочие такого же рода украшения»⁸.

Э. Гау. Готическая галерея. 1877.
Акварель, бумага. ГМЗ «Гатчина»

Готическая галерея — замечательный пример интерьера, задуманного цельно, в полном единстве архитектурного и декоративного убранства. Портреты подобраны единого размера, двух форматов. Дубовые рамы выполнены по единому образцу, в мастерской Тура⁹. Картины расположены в два ряда: в нижнем — прямоугольные, в верхнем — овальные. Над каждой «парой» помещены небольшие олени рога, по сторонам на полочках-кронштейнах — китайские или японские вазы. И можно представить, как строгая, отчасти мрачноватая галерея в солнечные дни была расцвечена бликами цветных оконных стёкол, которые играли на вазах причудливой формы и тусклом золоте «китайских» табуретов.

До 1941 года Готическая галерея представляла собой счастливый пример интерьера, сохранившегося практически в перевозданном виде.

⁸ Цит. по : Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1801–1881. СПб., 2007. С. 286.

⁹ «О сделании придворным фабрикантом Туром картинных рам в Арсенальное каре» 1852 г. // РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 237.

Не только хозяева дворца ничего не перемещали, но и музеефикация его не коснулась: все 52 портрета оставались на своих местах.

По биографиям героев портретов Готической галереи можно было проследить всю историю России XVIII — начала XIX века: от «птенцов гнезда Петрова» барона П.П. Шафирова, князя М.М. Голицына и адмирала Ф.М. Апраксина до князя А.Б. Куракина. Клань высшей аристократии елизаветинского и екатерининского правлений были представлены несколькими поколениями Воронцовых, Голицыных, Шуваловых, Бестужевых-Рюминых и других. Тут же можно было увидеть и баловней судьбы, оказавшихся на вершине власти благодаря случаю, отваге или исключительным способностям. Таковы граф А.Г. Разумовский и его брат К.Г. Разумовский, светлейший князь А.А. Безбородко, братья Алексей и Григорий Орловы.

АНТРЕСОЛЬНЫЙ ЭТАЖ

Сегодня невозможно точно указать, в какой части коридора Арсенального каре были развешаны портреты — пока не удалось найти ни документов, ни рисунков, ни фотографий. Коридоры антресольного этажа не были музеефицированы, а портреты, в них находившиеся, пусть их было и немного, должны были, по замыслу В.К. Макарова, стать самой ценной частью портретной экспозиции на третьем этаже Центрального корпуса. Что же в них было такого необычного?

В 1894 году здесь имелось всего 15 портретов, большая часть которых была написана в петровское время и представляла несомненную искусствоведческую ценность как пример перехода к живописи «нового стиля». Здесь же находилась знаменитая серия портретов участников «Всешутейшего и всепьянейшего собора князь-папы»¹⁰, а также портреты значимых для петровской эпохи лиц, например, преображенца Сергея Леонтьевича Бухвостова, которого Пётр Великий назвал «первым русским солдатом».

БЕЛЬЭТАЖ

Три портретные галереи бельэтажа Арсенального каре, которые образовались в результате перестройки середины XIX века, составляли единое целое. Можно было от Мраморной лестницы обойти по кругу через Китайскую галерею¹¹, попасть в Портретный коридор

¹⁰ В литературе можно встретить название «Преображенская серия».

¹¹ Иногда в документах разделяются Китайская и Японская галереи, но чаще их называют общим именем — Китайская.

на половине вел. кн. Марии Николаевны, а потом через площадку Медвежьей лестницы пройти в Театральный коридор, который снова приводил посетителя в вестибюль Мраморной лестницы.

КИТАЙСКАЯ ГАЛЕРЕЯ

Здесь, как и в Готической галерее, авторство общей идеи портретного «оформления» принадлежит, несомненно, Николаю I. По первоначальному замыслу в этой галерее следовало разместить в нишах по два портрета, грудных и в рост, «Особ Императорской Фамилии». Видимо, изначально предполагалось сделать единым оформление двух Готических галерей, в первом этаже и бельэтаже¹². Тем не менее, Китайская галерея не сразу стала «Романовской галереей» Гатчинского дворца. Во-первых, в середине XIX века в Китайской галерее имелись и портреты представителей не царского рода (братьев Долгоруких, Матвеева, Остермана), которые позже были перемещены в Портретную галерею бельэтажа, во-вторых, в общий ряд включены близкие родственники семьи Романовых, например, родители императрицы Марии Фёдоровны, герцог и герцогиня Вюртембергские, а также супруги детей царственной четы и даже портреты внуков.

Отсчёт «доромановских» царей начинался с портрета Ивана IV Грозного. Видимо, такой выбор был связан с тем, что он первым официально принял царский титул, опять-таки Романовы были связаны родственными узами с его первой супругой Анастасией Захарьиной-Романовой. Всего царских портретов Рюриковичей и Годуновых было четыре: Иван Грозный, Фёдор I Иоаннович, Борис Годунов, его сын Фёдор II Борисович и несчастный Василий IV Шуйский, которого можно отнести к Серпуховской ветви Рюриковичей.

Изображений первых Романовых-царей было пять: Михаила Фёдоровича, Алексея Михайловича (два портрета), Фёдора Алексеевича, и, очевидно, сюда же следует отнести портрет Иоанна V, соправителя Петра I. Каждый правитель изображался со всеми регалиями власти, в парадных царских одеждах. Подобные серии уже существовали к этому времени в Оружейной палате Московского Кремля и Романовской галерее Зимнего дворца.

Конечно, в рамках одной статьи нет возможности проанализировать весь состав портретных изображений Китайской галереи — одного из самых полных собраний портретов царствующих особ XVIII века, особенно — семьи Павла I.

¹² Во времена Николая I для Китайской галереи употреблялось название «Готическая галерея на половине великой княгини Елены Павловны».

Э. Гау. Китайская галерея. 1876.
Акварель, бумага. ГМЗ «Гатчина»

После Китайской галереи начинался «непарадный» Портретный коридор. Здесь были собраны изображения иностранных государей, поступившие в Гатчину из Таврического, Английского и Мраморного дворцов¹³ при Николае I, а также портреты русских государственных и военных деятелей. В 1894 году их насчитывалось 156¹⁴. Видимо, эта галерея состояла из двух частей: от Кочубеевской о Медвежьей лестницы — Портретный коридор; от Медвежьей лестницы до Вестибюля Мраморной лестницы — Центральная галерея.

В узком Портретном коридоре можно было увидеть целую вереницу правителей Австрии, Англии, Швеции, Дании. За пышными парадными раззолоченными одеяниями, коронами

и мантиями скрывался целый клубок страстей, политических расчётов, несчастных судеб, человеческих трагедий, коварства и предательства. Многие из этих королей, герцогов, принцев были так или иначе связаны с русским двором — или посредством хитросплетения родственных связей, или через участие в общеевропейских войнах, которые потрясли Европу в течение XVIII века: Северная и Семилетняя войны, нескончаемые конфликты с Османской империей, тлеющий польский вопрос. Здесь можно было полюбоваться произведениями знаменитых европейских портретистов, например, придворного художника Венского двора Мартина ван Мейтенса,

¹³ Согласно распространенному мнению, в Гатчину попали, в том числе, и портреты из Чесменского дворца, но эта версия документально не подтверждается. Собрание портретов, насколько об этом можно сейчас судить, было полностью перенесено в Императорский Эрмитаж, в 1920–1930-е годы несколько портретов было продано за границу. Эти сведения предоставлены Е.П. Ренне, за что приношу ей глубокую признательность.

¹⁴ Описание Ливена. Арсенальное каре. 1894 г. // РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1499. Л. 449–480.

итальянца Помпео Баттони, Ж. Ализара, шведского художника Шрёдера, учителя А. Рослина.

Театральный коридор, смеем предположить, был очень эффектен — верхний свет позволял выигрышно представить портреты русских государственных деятелей¹⁵, которые почти не дублировались с Готической галереей. Пожалуй, можно сказать, что здесь была представлена более отдалённая, петровская эпоха.

КОЧУБЕЕВСКАЯ ЛЕСТНИЦА

Эта лестница интересна, с одной стороны, изображениями представителей правящих династий Австрии, Великобритании и Италии, с другой — портретами, которые, вероятно, являлись дипломатическими подарками, например, персидского шаха и короля Гавайских островов¹⁶. Редким для отечественных собраний был и образец американской живописной школы — портрет первого адмирала США Дэвида Глазго Фарагута.

МЕДВЕЖЬЯ ЛЕСТНИЦА

На Медвежьей лестнице были собраны «карусельные» портреты, запечатлевшие сцены придворных маскарадов XVIII и XIX веков. Два конных портрета графа Григория Орлова и его брата Алексея принадлежат кисти В. Эриксона, на третьем Орас Верне изобразил Николая I с семьёй в красочных средневековых нарядах на знаменитой Царскосельской карусели в 1842 году. Тут же были и два парадных портрета — лорда Уолпола (как тогда писали, Вальпола) и князя Александра Голицына.

Даже по беглому обзору портретных галерей Арсенального каре можно утверждать, что почти в каждом интерьере «прочитывались» важнейшие темы государственной идеологии. Готическая галерея и Театральный коридор — лица представителей самых знатных родов империи, государственных и военных деятелей, опоры трона. Китайская галерея — величие Романовых от царей до императоров. Портретный коридор — полноправное место российской правящей династии в семье европейских монархов. И это вполне осознанно сформированное собрание, с чёткой политической программой, а вовсе не «склад без всякой системы», по выражению А.Н. Бенуа. Надеемся, что эта тема ещё привлечёт внимание исследователей.

¹⁵ Курбатов В.Я. Гатчина. Л., 1925. С. 40—41.

¹⁶ Описание Ливена. Арсенальной каре // РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1 499. Л. 481—482.

М.В. Мангуров
(*Санкт-Петербург*)

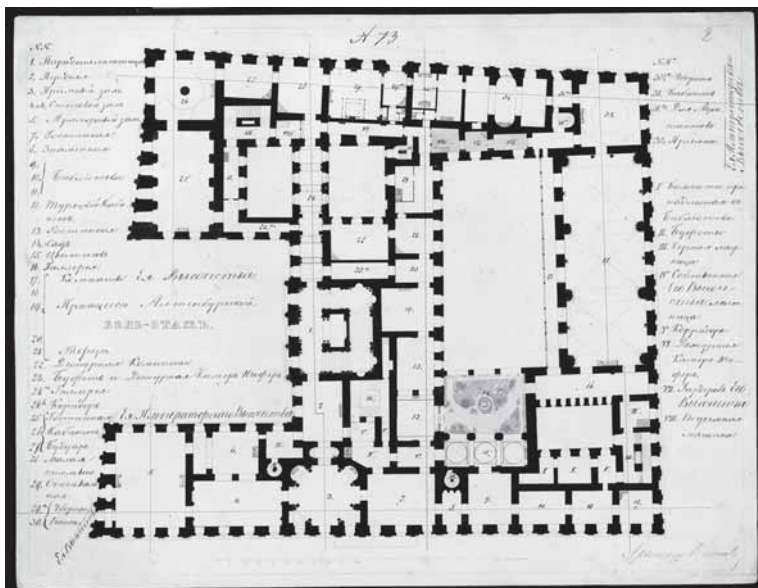
Мраморный дворец: от великокняжеской резиденции Романовых до филиала Государственного Русского музея

Мраморный дворец и принадлежавший ему Служебный дом занимают целый квартал на Дворцовой набережной Невы. Такое местоположение определяет его значение в историческом облике Санкт-Петербурга — он находится в одном ряду с ансамблем Сенатской площади, Адмиралтейства, Зимнего дворца и Летнего сада.

История Мраморного дворца со времени его создания и до событий 1917 года неразрывно связана с жизнью династии Романовых.

Мраморный дворец с набережной Невы.
Современное фото

Архитектор А.П. Брюллов.
План бельэтажа Мраморного дворца. 1849 г.

Дворец строился с 1768 по 1785 год по заказу Екатерины II на средства Кабинета по проекту итальянского архитектора А. Ринальди. Мраморный дворец и Служебный дом объединяет стоящая на гранитном цоколе монументальная кованая ограда с золочёными украшениями, закреплённая на гранитных столбах с декоративными мраморными арматурами.

Мраморный дворец — уникальный памятник русской архитектуры конца XVIII века. Фасады и отделка некоторых его интерьеров полностью выполнены из различных пород природного камня гранита и мрамора. Камень сохранился почти в первозданном виде на наружных фасадах дворца. Это уникальный в истории русской архитектуры второй половины XVIII века пример классицистического решения фасадов, построенный на принципах ордерной системы и обращённый на простор Невы с севера и Марсова поля с юга. Великокняжеской резиденцией Мраморный дворец становится в 1796 году, когда Екатерина II дарит дворец своему второму внуку вел. кн. Константину Павловичу к его бракосочетанию.

Высочайшим указом 1832 года Николай I после смерти вел. кн. Константина Павловича назначает дворец своему малолетнему сыну — вел. кн. Константину Николаевичу. С 1832 по 1849 год Мра-

морный дворец находился в ведении Департамента уделов¹. С 1844 по 1849 год здание Мраморного дворца и Служебного дома реконструируют по проекту архитектора А.П. Брюллова. К этому периоду относятся первые известные нам работы по ремонту и реставрации фасадов, которые были предусмотрены сметой по возобновлению дворца. Результатом реконструкции стало создание новой великокняжеской резиденции, оснащённой самым передовым для того времени инженерно-техническим оборудованием: централизованным воздушным отоплением, водопроводом и канализацией.

Особенностью новой планировочной структуры и отделки интерьеров было рациональное сочетание репрезентативных и чисто утилитарных функций в эксплуатации здания. Особенно явно это проявилось в планировке второго этажа. А.П. Брюллов создаёт многочисленные горизонтальные связи и строит три новых галереи. Одна из них соединила южную часть дворца, обращённую на Миллионную ул., с парадной лестницей. В результате лестница становится центром планировочной структуры бельэтажа и неотъемлемой частью парадных интерьеров². Две другие галереи соединили Большой (Белый) зал с Зимним садом, возведённым при реконструкции Висячего сада. Личные покои владельцев дворца занимали южную анфиладу второго этажа, парадные апартаменты находились в северной части дворца, центром которых являлся Мраморный зал. Комнаты для детей Великого князя, так называемая Детская половина создавалась на первом этаже непосредственно под личными покоями владельца дворца.

После завершения работ в 1849 году Николай I дарит Мраморный дворец второму сыну вел. кн. Константину Николаевичу (1827–1892) и переименовывает его в «Константиновский»³.

Сегодняшнее состояние планировки второго этажа Мраморного дворца — следствие этой реконструкции, завершение которой вовсе не означало прекращения работ по инженерному оснащению здания. Владельцы дворца использовали все технические новшества своего времени для усовершенствования резиденции. К середине 1870-х годов часть интерьеров второго этажа дворца была электрифицирована.

Вел. кн. Константин Николаевич во время царствования своего старшего брата императора Александра II занимал исключительное

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 45. 1832 г. О поступлении Мраморного дворца и служебного дома в ведение департамента уделов.

² Там же. Ф. 485. Оп. 2. Д. 69. Л. 2. 1849 г. Бель-этаж (Гравированный план).

³ Там же. Ф. 515. Оп. 8. Д. 495. Л. 22. О пожаловании в дар В.К. Константину Николаевичу означенного здания и о именовании ононого Константиновским.

место в иерархии государственной власти Российской империи. Будучи в звании Генерал-адмирала, он последовательно занимал ряд высших постов: Морского министра и Председателя Государственного совета. В это время в стенах Мраморного дворца происходили важные исторические события: здесь Александр II подписал Манифест 19 февраля 1861 года об освобождении крестьян.

После смерти Александра II в 1881 году вел. кн. Константин Николаевич уходит в отставку и последние годы жизни проводит вне стен дворца. Он скончался в Павловске в 1892 году. Мраморный дворец наследует его второй сын вел. кн. Константин Константинович (1850–1915). Вдова вел. кн. Константина Николаевича занимала жилые апартаменты второго этажа, где и скончалась в 1911 году.

Ещё в 1884 году к бракосочетанию вел. кн. Константина Константиновича с принцессой Саксен-Альтенбургской Елизаветой устроили новые жилые апартаменты на месте бывшей детской половины на первом этаже корпуса по Миллионной улице. Работы по созданию художественной отделки личных покоев нового владельца продолжались многие годы и были завершены только в начале XX века. Архитектурное убранство этих апартаментов почти полностью сохранилось до наших дней.

В Мраморном дворце до 1915 года жил также младший брат владельца дворца вел. кн. Дмитрий Константинович, его апартаменты находились на первом этаже в северо-восточной части здания

В семье вел. кн. Константина Константиновича с 1886 по 1906 год родилось восемь детей. Его сыновья, Князь крови императорской Иоанн (1886–1918), Гавриил (1887–1955), Константин (1890–1918), Олег (1892–1914), Игорь (1894–1918) по достижении совершеннолетия (20-летия) получали в здании дворца помещения для устройства личных апартаментов. По воспоминаниям кн. Гавриила Константиновича известно, что в 1912 году он устроил для себя квартиру в северо-западной части второго этажа Мраморного дворца, на месте бывшего Турецкого кабинета, двух залов дворцовой библиотеки и примыкающих к ним с юга служебных помещений⁴. Следовательно, созданные А. Брюлловым в 1844–1849 годах дворцовые интерьеры меняли своё назначение и отделку. К 1910-м годам дворец превратился в густо населённый жилой дом многочисленной великокняжеской семьи.

Судьба Мраморного дворца как великокняжеской резиденции была предрешена задолго до событий 1917 года в России. В 1885 году Император Александр III утвердил изменения в «Учреждении об

---

⁴ Великий Князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. М. 2001. С. 156–158.

императорской фамилии»⁵. Они коснулись, прежде всего, прав членов династии на получение великокняжеского титула и соответствующего ему денежного содержания из Удельного ведомства. По новому законодательству этот титул могли наследовать только дети и внуки императора. Дети вел. кн. Константина Константиновича были правнуками императора Николая I, они наследовали движимое и недвижимое имущество своего отца, но не наследовали его великокняжеский титул.

Затраты на содержание Мраморного дворца со Служебным домом, по данным на 1912 год, составляли 120 000 рублей в год⁶. Годовое содержание из Удельного ведомства вел. кн. Константина Константиновича, скончавшегося в 1915 году, выражалось в сумме 225 000 рублей, а его совершеннолетних сыновей — князей крови императорской только 45 000 рублей⁷.

Таким образом, у наследников вел. кн. не оказалось средств на содержание Мраморного дворца и Служебного дома, и они были вынуждены искать возможности для продажи их государству. Переговоры о продаже зданий начались летом 1916 года после годичного траура по кончине вел. кн. Константина Константиновича. Нам известны документы, относящиеся к весне 1917 года, когда власть в России перешла к Временному правительству. Постановлением этого правительства от 16 марта были приняты два важных для членов династии Романовых решения: «I. Признать все удельные и находящиеся в заведывании удельного ведомства имущества, предприятия и капиталы государственной (национальной) собственностью. II. Доходы, получаемые от всех имуществ предприятий и капиталов, считать доходами государственными и за счёт их никаких выдач членам бывшего Императорского Дома не производить»⁸. Данное постановление лишило членов династии Романовых основной статьи дохода. Вместе с тем, Временное правительство признало Мраморный дворец наряду с другими великокняжескими резиденциями личной собственностью наследников вел. кн. Константина Константиновича⁹. Пока велись переговоры, наследники были вынуждены предоставить помещения дворца для размещения Министерства труда

⁵ Учреждения о Императорской фамилии (Св. Зак. т. I, ч. I, по прод. 1886 г.)

⁶ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 314. Л. 83.

⁷ Там же. Ф. 515. Оп. 60. Д. 237.

⁸ Там же. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 8. Л. 3. 1917. Об установлении порядка заведывания дворцами-музеями и др.

⁹ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1629. Докладная Записка Комиссара над бывшем Министерством Двора Временного правительства о правах членов царской семьи на Мраморный дворец. Л. 4об.

Временного правительства. Процесс переговоров нашёл своё отражение в нескольких заседаниях правительства, протоколы которых сохранились в архивах.

О том, насколько сложными они оказались, говорит эпизод, связанный с обращением к Временному правительству вел. кн. Николая Константиновича (1850—1918), старшего сына вел. кн. Константина Николаевича. Над ним в 1874 году была учреждена опека, его лишили наследственных прав на недвижимое имущество отца, а затем выслали на постоянное жительство в Ташкент. На заседании Временного правительства 28 марта 1917 года рассматривалось ходатайство вел. кн. Николая Константиновича о снятии с него опеки. Одновременно он обращался с заявлением о желании передать в государственную собственность Павловское имение и Мраморный дворец. Временное правительство признало, что после отречения Николая II, а с ним и всей правящей династии, «опека на него возложенная, должна быть признана недействительной. Вопрос о передаче в государственную собственность Павловского имения и Мраморного дворца был передан на рассмотрение министру юстиции для его изучения с точки зрения существующего законодательства»¹⁰. В дальнейшем предложение о передаче отклонили.

Основная трудность переговоров состояла в том, что необходимо было произвести оценку зданий Мраморного дворца, Служебного дома и занимаемого ими земельного участка, а также хранящихся здесь художественных и исторических ценностей, продаваемых владельцами вместе с ними. Процесс оценки осложнялся тем, что Россия находилась в состоянии войны и возникших экономических трудностей. Последовательно дворец обследовали и оценивали пять различных комиссий. Первая из них, созданная по распоряжению Временного правительства, оценила Мраморный дворец, Служебный дом и земельный участок, но эта комиссия не учитывала художественную отделку фасадов и интерьеров. Заключение датировано 2 июля 1917 года¹¹.

13 июля 1917 года другая комиссия в составе А. Бенуа, В.И. Аргутинского-Долгорукого, К.П. Петрова-Водкина, С.Н. Тройницкого и С.П. Яремича, созданная для оценки находящихся в Мраморном дворце художественных ценностей, составила описание. В ней дана оценка самых значительных художественных произведений¹². Эта описание являлась полным перечнем художественных ценностей, хранив-

¹⁰ Там же. Д. 1. Ч. 1. Л. 135 об.—141 об.

¹¹ Там же. Ф. 657. Оп. 1. Д. 346. Л. 27.

¹² Там же. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1142. Л. 1—2.

шихся в стенах Мраморного дворца, так как не включала некоторые произведения искусства и семейные реликвии, которые владельцы не планировали продавать вместе с дворцом.

Следующая комиссия составила ещё один Акт. В него наряду с оценкой зданий и ограды с декоративной кованой решёткой на гранитных столбах вошла также оценка элементов художественной отделки, фасадов и интерьеров дворца¹³.

Ещё одна комиссия, составившая Акт от 3 августа 1917 года, работала по поручению Правления Петроградского Городского кредитного общества. Создание этой комиссии было, вероятно, обусловлено желанием владельцев дворца получить независимую оценку стоимости Мраморного дворца и Служебного дома для ведения дальнейших переговоров с Временным правительством о продаже¹⁴.

Последняя комиссия работала в Мраморном дворце 24 августа 1917 года и занималась оценкой библиотеки и хранившихся здесь гравюр¹⁵.

Таким образом, всё лето 1917 года шли активные переговоры владельцев с Временным правительством о продаже комплекса Мраморный дворец — Служебный дом в национальную собственность. Окончательное «Решение о приобретении государством Мраморного дворца в национальную собственность» было принято на заседании Временного правительства 17 октября 1917 года. Дворец и Служебный дом купили за 12 000 000 рублей с условием, что владельцы получают эту сумму в виде «Займа свободы» и дадут обязательство не реализовывать этот капитал в течение пяти лет, а пользоваться только банковскими процентами с него¹⁶.

К моменту государственного переворота, произошедшего в России 25 октября 1917 года, комплекс de jure являлся государственной, национальной собственностью, однако перемена государственного строя не позволила осуществить это решение на практике.

История Мраморного дворца как великокняжеской резиденции завершилась к осени 1917 года и была типичной для многих великокняжеских и вельможных дворцов в конце XIX — начале XX века. Такие дворцы, как Михайловский, Мариинский и Таврический, последовательно меняли назначение и статус, становились государствен-

¹³ Там же. Д. 1143. Л. 1—4.

¹⁴ Там же. Ф. 657. Оп. 1. Д. 349. Л. 35.

¹⁵ Там же. Д. 346. Л. 48. «Директор Государственного и Петроградского Главного архивов Князь Н.В. Голицын уведомил Комиссара над б. Министерством Двора, что образованная под его председательством комиссия для осмотра и оценки библиотеки и гравюр, находящихся в Мраморном дворце... 24 августа 1917 г.».

¹⁶ РГИА. Ф. 565. Оп. 12. Д. 905. Л. 1, 2^А, 2^Б, 3, 4; ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 443.

ной собственностью и подвергались реконструкции для выполнения новых функций.

Судьбы последних владельцев Мраморного дворца с приходом Советской власти сложились трагично. В апреле 1918 года по решению Советской власти непосредственно из Мраморного дворца в Вятку были высланы Князья крови императорской: Иоанн (1886–1918), Константин (1890–1918) и Игорь (1894–1918) Константиновичи¹⁷. Их отправили в Екатеринбург, далее в Алапаевск, в окрестностях которого они были 18 июля 1918 года казнены.

Князь Гавриил Константинович (1887–1955), проживавший отдельно, смог осенью 1918 года покинуть Россию и жизнь провёл в эмиграции. Вдова вел. кн. Константина Константиновича Елизавета Маврикиевна осенью 1918 года вместе с малолетними детьми Георгием (1903–1938) и Верой (1906–2001) выехали из России в Стокгольм, затем в Германию. Елизавета Маврикиевна умерла 24 марта 1927 года на своей родине в городе Альтенбурге¹⁸. Младшего брата Константина Константиновича — вел. кн. Дмитрия Константиновича — расстреляли на территории Петропавловской крепости в ночь с 24 на 25 января 1919 года¹⁹.

После смены общественного строя в России создаётся новое правительство — Совет Народных комиссаров, в составе которого учреждается Народный Комиссариат труда РСФСР. Он являлся преемником Министерства труда Временного правительства и оставался в стенах Мраморного дворца до 10 марта 1918 года, когда Советское правительство переехало из Петрограда в Москву.

Судьба Мраморного дворца и хранящихся в нём художественных и исторических коллекций рассматривалась новой властью на самом высоком уровне. Так, 15 ноября 1917 года датирован документ, подписанный Председателем СНК В. Ульяновым (Лениным) и Комиссаром по заведыванию дворцами Республики А.В. Луначарским, адресованный Народному комиссару труда о принятом решении — Об отчуждении дворцовых имуществ, представляющих художественную ценность²⁰.

Перед Советской властью после национализации многих подобных дворцов с уникальными художественными коллекциями встал вопрос об их сохранении и использовании в новых условиях. На

---

¹⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 4. Л. 26 Список членов бывшего дома Романовых, проживающих в Мраморном Дворце и выбывших из него.

¹⁸ Кузьмин Ю.А. *Российская императорская фамилия*. СПб., 2005. С. 149.

¹⁹ Мантуров М.В. *История Мраморного дворца и его владельцев в 1917 году* // Страницы истории отечественного искусства. Вып. XX. СПб., 2013.

²⁰ ГАРФ. Ф. 657. Оп. 1. Д. 349. Л. 52. 1917–1918 гг.

первом этапе было принято решение о музеефикации этих дворцов путём создания в них историко-бытовых музеев. Но Мраморный дворец, несмотря на уникальное художественное убранство интерьеров и находившиеся в нём коллекции, в их число не входил. Это можно объяснить тем, что в нём уже размещались различные государственные учреждения. В отличие от других дворцов, которые до национализации являлись жилыми частными владениями, этот дворец воспринимался руководством страны как общественное здание.

После отъезда в Москву Народного комиссариата труда РСФСР Мраморный дворец пустовал, но находился под охраной Советской власти. В Служебном доме размещались воинские части. Весной 1919 года учреждается Российская Академия истории материальной культуры²¹, которая являлась преемницей Императорской археологической комиссии. В распоряжение Академии передаётся Мраморный дворец со Служебным домом²². В 1926 году её переименовали в Государственную Академию истории материальной культуры (ГАИМК).

Начинается новый этап существования Мраморного дворца как общественного здания. Он характеризуется стихийным приспособлением дворца и служебного дома для нужд большого научного учреждения. В большом Белом зале ГАИМК размещают библиотеку, а Зимний сад приспособляют под фотопавильон. Для этого разбирают мраморный фонтан посередине сада и убирают все уцелевшие к этому времени растения.

В начале 1920-х годов поднимался вопрос о создании в апартаментах на первом этаже дворца по Миллионной улице мемориального музея Константина Константиновича Романова как поэта Серебряного века, публиковавшегося под криптонимом К.Р., но это предложение по идеологическим мотивам не было реализовано. Архив, библиотеку и мебель из кабинета Константина Константиновича передали в Пушкинский дом Российской Академии наук.

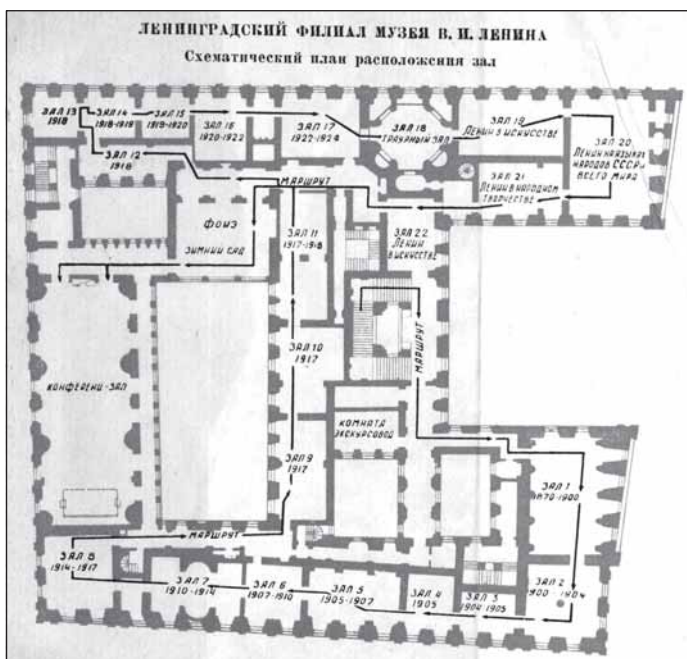
Художественные коллекции дворца перешли в ведение Государственного Музейного фонда, располагавшегося также во дворце. Впоследствии они оказались в различных музейных собраниях как у нас в стране, так и за рубежом.

К середине 1930-х годов происходит распад комплекса на два независимых друг от друга здания. Учитывая художественную и историческую ценность Мраморного дворца, в 1935 году решением Президиума

---

²¹ Декрет СНК о Российской Академии истории материальной культуры. Учреждён на заседании Малого Совета Совнаркома 18 апреля 1919 г.

²² Научный архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. 1924 г. Постановление Коллегии Наркомпроса о передаче Мраморного дворца в ведение ГАИМК.

Архитектор Н.Е. Лансере. План Бельэтажа.
Экспозиция Музея В.И. Ленина. 1937 г.

ВЦИК его в числе других объектов включают в Список памятников архитектуры Ленинграда, подлежащих государственной охране²³.

Осенью 1936 года принимается решение о размещении в стенах Мраморного дворца Ленинградского филиала Центрального музея В.И. Ленина²⁴. Музей открылся 7 ноября 1937 года. За десять месяцев в здании дворца произвели замену всех инженерных сетей. Реконструкция дворцовых интерьеров для музейных залов и создание экспозиционного оборудования производились по проекту группы архитекторов, возглавляемых Н.Е. Лансере²⁵. При проектировании экспозиционных залов архитектор стремился сохранить элементы исторического художественного убранства путём включения их в создаваемую экспозицию.

²³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 16. Д. 22. 1936. Список памятников архитектуры, утверждённый Постановлением Президиума ВЦИК от 20.03.1935 г.

²⁴ Постановление Ленсовета от 2 октября 1936 г. О предоставлении Филиалу центрального Музея В.И. Ленина Мраморного дворца.

²⁵ Мантуров М.В. Н.Е. Лансере в Мраморном дворце // Дворцы Русского музея. СПб., 1999.

Так, в Мраморном зале создали стендово-витринную экспозицию и мраморные рельефы работы М. Козловского закрыли щитами, на которых поместили цитаты из классиков марксизма-ленинизма. Демонтировали элементы декоративного убранства зала, относящиеся к середине XIX века, — мраморные каминные с зеркалами в резных золочёных рамах и люстры золочёной бронзы с хрустальным убором, подвешенные по периметру зала. Одновременно произвели реставрацию мраморных облицовок и восстановили пилястры на месте демонтированных зеркал. На втором этаже отреставрировали все сохранившиеся паркетные полы и наборные двери.

Входную зону музея Лансере разместил в северо-восточной части первого этажа. Она группируется вокруг парадной лестницы и включает гардероб на тысячу номеров, буфет и санузел. Стены гардероба и коридоров отделаны искусственным мрамором, новые полы выполнены из искусственного камня. Дирекция и кабинеты сотрудников размещались в невской анфиладе, связанной со вторым подъездом в северном ризалите дворца и парадной лестницей.

Экспозиция Музея В.И. Ленина размещалась на втором этаже дворца, который имел анфиладную систему залов с дублирующей её системой коридоров, галерей и переходов. Это позволяло Лансере создать для посетителей чёткий маршрут движения, центром которого стала парадная мраморная лестница. В результате реконструкции на втором этаже разместились 22 экспозиционных зала, конференц-зал в бывшем Белом зале с фойе на месте Зимнего сада и комнатой экскурсоводов. Музейное оборудование и мебель проектировали с учётом архитектурных особенностей интерьеров дворца. Посетители обходили по периметру весь этаж и возвращались к началу маршрута. Парадная мраморная лестница дворца сохранила своё художественное убранство, за исключением аллегорической скульптуры в нишах, которую заменили бюсты вождей марксизма-ленинизма²⁶.

Это был один из первых примеров высокопрофессионального подхода к переосмыслению уникального памятника архитектуры в Ленинграде во второй половине 1930-х годов. Реконструкция создала условия для существования Мраморного дворца в новом качестве, отвечающем реалиям времени.

Во время блокады Ленинграда с 1941 по 1943 годы фасады Мраморного дворца получили несколько повреждений. Так, в результате попадания снаряда был разрушен аттик юго-западного угла здания и установленная на нём доломитовая ваза. После окончания войны начались масштабные работы по реставрации фасадов и интерьеров

---

²⁶ *Танк Е.* Мраморная Лениниана // *Архитектура Ленинграда.* 1938. № 1.

Мраморного дворца, проводившиеся с 1950 по 1956 год. Главные разрушения и утраты исторического и художественного облика Мраморного дворца были связаны с вредным воздействием окружающей среды и хозяйственной деятельностью при эксплуатации здания. Работы проводились Специальными научно-реставрационными производственными мастерскими Главного Архитектурно-планировочного управления Ленгорисполкома (СНПРМ). Автор проекта реставрации интерьеров и фасадов — архитектор А.Э. Гессен (1917–2001).

Первоначально в 1950–1952 годах провели комплексную реставрацию Мраморного зала. По проекту реставрации второй ярус восточной стены Мраморного зала, ранее зашитый фанерой, облицовали искусственным мрамором и восстановили декор перекрытия, падуги с золочёной лепниной, а также наборные дверные полотна, украшенные золочёной бронзой. Был демонтирован живописный плафон и проведена его реставрация. Капители и базы мраморных пилястр, воссозданные в 1936–1937 годах из гипса, были заменены новыми, выполненными из золочёной бронзы.

В истории Мраморного зала это была первая реставрация, базировавшаяся на научном подходе к проблеме сохранения памятника архитектуры в том виде, в каком он до нас дошёл. После завершения работ администрация Музея В.И. Ленина признала значение Мраморного зала как уникального художественного и исторического памятника — фактически это означало музеефикацию зала. В путеводителе по залам музея, изданном в 1957 году, сказано: «Четвёртый, Мраморный зал музея находится вне плана экспозиции. Он представляет собой замечательный памятник искусства и привлекает большое внимание посетителей богатством внутренней отделки»²⁷. Впоследствии Мраморный зал использовался для проведения торжественных мероприятий и небольших временных выставок.

В 1952–1956 годах велись работы по реставрации фасадов Мраморного дворца, — первый опыт в истории послевоенной реставрации в Ленинграде, связанный с работами по каменным облицовкам фасадов, мраморной скульптуре и аттиковым доломитовым вазам. В ходе реставрации воссоздали утраченные элементы мраморного декора на фасаде, очищали и полировали поверхности гранитной и мраморной облицовок, воссоздали по сохранившимся элементам доломитовые вазы на аттике.

В дальнейшем экспозиция музея В.И.Ленина неоднократно менялась, что неизбежно приводило к изменению планировки залов, установке новых перегородок, подвесных потолков и широкому использованию искусственного освещения. Эти изменения означали

---

²⁷ Музей В.И. Ленина Ленинградский филиал. Путеводитель. Л., 1957. С. 26.

Вид на восточный фасад Мраморного дворца и статую Александра III.
Современное фото

утрату исторического облика многих интерьеров Мраморного дворца. Мемориальное значение дворца все эти годы сознательно игнорировалось по идеологическим мотивам.

В конце 1991 года после упразднения Музея В.И. Ленина здание Мраморного дворца передали в ведение Государственного Русского музея для размещения в его стенах музейно-выставочного комплекса²⁸. В Русском музее создаётся Сектор изучения истории Мраморного дворца. За прошедшие годы научными сотрудниками сектора собраны и исследованы уникальные архивные материалы: графика по истории строительства и реконструкции дворца, сведения о строителях, обитателях и исторических событиях. Установлено расположение и назначение жилых и парадных помещений и их мемориальное значение — домовая церковь, кабинеты и личные комнаты владельцев. Работы сотрудников публикуются в научных изданиях. Так, в 1999 году вышел сборник статей «Дворцы Русского музея», один из разделов которого посвящён Мраморному дворцу. В этой книге история дворца впервые рассматривается в художественном и мемориальном значении.

В 1994 году перед главным входом в Мраморный дворец установили конную статую императора Александра III работы П. Трубец-

²⁸ Решение Мэрии СПб. № 659 от 6 декабря 1991 г. «О передаче Русскому музею помещений Мраморного дворца» и Распоряжение КУГИ № 188-р от 17. 05. 1993 г. О передаче Мраморного дворца в оперативное управление ГРМ.

Парадная лестница Мраморного дворца.
Современное фото

Мраморная скульптура XVIII века,
возвращённая на парадную лестницу дворца.
Современное фото

кого, хранившуюся в Русском музее. Ранее она была частью памятника на Знаменской площади (Восстания) перед Московским вокзалом. Для установки использовали существовавший гранитный постамент, созданный ранее для экспонирования исторического броневика В.И. Ленина. В этом же году подписано соглашение с немецкими коллекционерами Питером и Ирен Людвиг о передаче в дар Русскому музею тридцати трёх произведений современного искусства второй половины XX века. Так было положено начало уникального музейного проекта, получившего наименование «Музей Людвиг в Русском музее».

Воссозданный зимний сад Мраморного дворца.
Современное фото

Готическая (музыкальная) комната
вел. кн. Константина Константиновича. Современное фото

В 1995 году в залах второго этажа открылись выставка «Иностранные художники в России. XVIII — первая половина XIX века», в которой было проиллюстрировано влияние западноевропейского искусства на развитие отечественной школы живописи.

В 1998 году отмечалось 100-летие Государственного Русского музея. К этому времени завершили реставрацию часов на восточном фасаде дворца с воссозданием механизма курантов и колоколов звонницы на кровле. На парадную лестницу дворца возвратился исторический декор — аллегорические мраморные статуи, которые были демонтированы в 1936—1937 годах при создании музея В.И. Ленина и хранились в собрании Русского музея.

Экспозиция «Музей Людвига в Русском музее».
Современное фото

Службой комплексной реконструкции и капитального ремонта Русского музея ведётся систематическая реставрация и реконструкция элементов архитектурного декора здания дворца. Выполнена реставрация наружных фасадов дворца. Среди завершённых работ в интерьерах — реставрация с элементами воссоздания исторической отделки Белого зала и прилегающих к нему дубовой и греческой галереи, а также Зимнего сада с цветником. При реконструкции Мраморного зала воссоздано убранство середины XIX века: лепной декор восточной стены, камин с зеркалами, хрустальный убор на люстрах, наборный паркет XVIII века.

В настоящее время ведутся работы в парадных помещениях северной анфилады второго этажа, прилегающих к Мраморному залу. На первом этаже дворца, в апартаментах, принадлежавших семье последнего владельца дворца вел. кн. Константина Константиновича и сохранивших свою историческую отделку, создана мемориальная экспозиция.

Часть помещений Мраморного дворца занимает Отдел новейших течений и размещаются его фонды. Этим отделом регулярно устраиваются выставки современного искусства, представляющие художественные направления и национальные школы. В них находят своё отражение пути развития изобразительного искусства как российских, так и зарубежных мастеров.

Во дворце функционирует постоянная экспозиция «Музей Людвига в Русском музее» — уникальный музейный проект как для нашего города, так и для всей страны. В составе коллекции, передан-

ной П. и И. Людвиг в дар Русскому музею, вошли 118 произведений, созданных во второй половине XX века американскими и западноевропейскими основоположниками поп-арта, гиперреализма и неоэкспрессионизма. Здесь же представлены работы представителей советского андеграунда — основателей соц-арта и концептуализма, которые долгие годы не были доступны отечественному зрителю. Появление в постоянной экспозиции Русского музея произведений современных художников наглядно иллюстрирует концепцию развития Мраморного дворца — филиала Русского музея: «Русское искусство в контексте мирового»²⁹. Параллельно в залах Мраморного дворца регулярно проходят временные выставки из фондов Русского музея. Другой важный аспект деятельности Мраморного дворца как филиала Русского музея — проведение различных международных официальных мероприятий, встреч и конференций.

Сохранившаяся историческая планировка здания середины XIX века и реконструированная художественная отделка позволяют выявить мемориальное значение Мраморного дворца, представить события, происходившие в его стенах за двухвековую историю существования.

---

²⁹ Белковская В., Мантуров М., Новикова О., Карлова А. Мраморный дворец. Альманах. Вып. 371. СПб.: Palace Editions, 2012.

В.М. Марасанова
(Ярославль)

Путевой дворец Романовых в Твери: от императорской к губернаторской резиденции

За более чем 300-летнюю историю династии для Романовых были созданы многочисленные императорские и великокняжеские дворцы, из которых около сотни сохранились. Эти дворцы и резиденции расположены на территории разных стран (РФ, Украина, Польша, Финляндия и др.) и регионов современной России. Особым типом дворцов Романовых стали путевые дворцы. История и особенности архитектурного облика дворцов Романовых, их значение как важных элементов историко-культурного наследия — особое направление научных исследований историков, архитекторов, искусствоведов, культурологов.

Путевой дворец Романовых в Твери — памятник архитектуры XVIII–XIX веков и значимый культурный центр российской провинции¹. За 250 лет дворец прошёл несколько этапов реконструкций и перестроек. Он интересен как своими архитектурными особенностями, так и связанными с ним историческими событиями и персоналиями.

Совершая в 1767 году путешествие по Волге, императрица Екатерина II сказала о приволжских городах, что они прекрасны по расположению, но «мерзостны» по постройкам². Введение разделения стра-

---

¹ Подробнее см.: Памятники истории и культуры Калининской области / Сост. Э.А. Шулёпова. М., 1988. С. 174; Тверская область: Энциклопедический справочник / Гл. ред. М.А. Ильин. Тверь, 1994. С. 328, ил.; и др.

² *Маров В.Ф.* Ярославль: Архитектура и градостроительство. Ярославль, 2000. С. 87.

ны на губернии по условиям реформы 1775 года делало необходимым переустройство российских городов, нацеленное на приспособление их к новым условиям и формам общественной жизни. Во-первых, каждому губернскому городу были необходимы помещения для новых органов власти. Во-вторых, возникновение дворянских органов самоуправления требовало площадей для проведения съездов и балов. Развитие промышленности и торговли заставляло учитывать важность постройки Гостиных дворов вместо хаотично расположенных мелких лавок. Строительство в основном осуществлялось по принципам классицизма, который с 1770-х годов стал по сути официальным государственным стилем. Он предоставлял широкие возможности для создания строгих зданий правительственных учреждений. Вместе с тем, классицизм подошёл для планировки массовой застройки в провинциальных городах.

Впервые в новых губернских учреждениях, созданных после реформы 1775 года, предусматривались вакансии для архитекторов. Перепланировка становилась непосредственной задачей местной администрации, прежде всего, генерал-губернаторов. Самой ранней из серии планов перепланировки городов стала тверская (1777). Работа по составлению новых планов началась ещё до губернской реформы, после того, как 12 мая 1763 года в Твери случился сильный пожар. Необходимость восстановить разрушенную пожаром Тверь стала поводом для подписания Екатериной II в 1763 году указа «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии». В 1764 году в Тверь была прислана комиссия «сделать генеральный план»³.

В восстановлении города принимала участие «Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы». Для разработки плана и проекта застройки города был назначен архитектор Пётр Романович Никитин. Группа московских архитекторов (М.Ф. Казаков, А.В. Квасов, В.С. Обухов), работавшая в Твери под его руководством, получила название «Архитекторской команды». После нового пожара 1767 года был разработан проект перепланировки города, по которому шло восстановление Твери. План дорабатывался после ещё одного пожара в Заволжской части города в мае 1773 года. В итоге Тверь получила трёхлучевую планировку в виде трёх прямолинейных улиц, сходящихся к центру всей архитектурной композиции⁴. На примере

---

³ Летопись о событиях в городе Твери тверского купца Михаила Тюльпина. 1762–1823 гг. / Приготовил к изданию В. Колосов. Издание Тверской учёной архивной комиссии. Тверь, 1902. С. 7.

⁴ *Иерусалимский Ю.Ю.* Города Верхнего Поволжья в конце XVIII – начале XIX в. по топографическим описаниям и картографическим источникам // Ярославский край пушкинской поры. Ярославль, 1999. С. 3.

тверских планов закладывались основы облика «регулярного» города России.

Несомненной заслугой П.Р. Никитина стал проект Путевого дворца в Твери в стиле раннего классицизма с элементами барокко. Проект готовился при участии М.Ф. Казакова и предназначался для отдыха членов царской семьи по пути из Петербурга в Москву⁵. Дворец расположился на территории бывшего Тверского Кремля, на месте Архиерейского дома, сильно пострадавшего при пожаре 1763 года. Архиерейский дом был построен в 1671–1672 годах под руководством Аверкия Мокеева и перестраивался на прежних фундаментах И.Ф. Мичуриным в 1738 году.

Строительство началось в 1764 году, и к весне 1767 года П-образный Путевой дворец был готов, но ещё без павильонов на торцах по линии въезда (со стороны взорванного в 1935 году Спасо-Преображенского собора XVII века). Именно в таком виде его увидела Екатерина II во время посещения Твери в мае 1767 года, начиная своё знаменитое путешествие по волжским городам⁶.

В законченном виде Путевой дворец включал центральный корпус с парадным двухсветным залом и два флигеля — западный и восточный, заканчивающиеся двумя крестообразными в плане павильонами. Строительство и отделку павильонов завершили в 1778 году, когда освятили Екатерининскую церковь в западном павильоне с иконостасом работы Владимира Лукича Боровиковского. К императорским покоям сходились аллеи специально разбитого на берегу Волги регулярного парка. К Путевому дворцу примыкали служебный жилой флигель с двухэтажной центральной частью и одноэтажными крыльями, конюшни и каретный сарай. До наших дней от хозяйственного комплекса уцелели и двухэтажный флигель с одноэтажными крыльями, и каретный сарай. Так закончился первый этап строительства Путевого дворца.

В 1809 году принц Георгий Петрович (Пётр-Фридрих-Георг) Ольденбургский (1784–1812) был назначен генерал-губернатором Тверским, Новгородским и Ярославским⁷. Он был сыном герцога Гольштейн-Готторпского и Фридрики Вюртембергской, сестры императрицы Марии Фёдоровны, жены Павла I. 18 апреля 1809 года состоялось его бракосочетание с сестрой императора — вел. кн. Екатериной Павловной (1788–1819). Несколько ранее, в 1808 году, обсуждался вопрос о возможности брака Екатерины Павловны с Напо-

⁵ Тверская область: Энциклопедический справочник. С. 29, 47, 209.

⁶ Колосов В. Тверь в царствование Екатерины II. Тверь, 1896. С. 23.

⁷ ПСЗ. Собр. II. Т. XXVIII. Отд. 2-ое. № 23595.

Путевой дворец в Твери (губернаторский дом).
Фото начала XX в.

леоном, но Александр I это предложение не принял. Позднее Наполеон неудачно сватался к её сестре Анне⁸.

Путевой дворец в Твери срочно реконструировали под резиденцию принца Ольденбургского под руководством архитектора К.И. Росси, прибывшего в Тверь с помощниками О. Бове и З. Дылдиным. На втором этапе строительства Путевого дворца изменились его наружный и главным образом внутренний декор и меблировка, были перепланированы некоторые помещения. К садовому фасаду дворца пристроили пандус на арках, ведущий на террасу второго этажа (разобраны в 1930-х годах). Над белокаменной лестницей в парк возвышались скульптуры Аполлона и Лаокоона. Парапеты пандуса были украшены скульптурой и вазонами. Кроме того, был спланирован пейзажный парк и сооружена оранжерея⁹. Ко второму — ампириному — периоду строительства дворца относилась и гауптвахта, построенная позднее, в 1838—1839 годах, по проекту архитектора И.Ф. Львова. Путевой дворец принадлежал тогда военному ведомству (с 1816 года — удельному ведомству).

Ольденбургские прибыли в Тверь 30 августа 1809 года, и уже в ноябре их посетил император. Александр I говорил о резиденции Ольденбургских в Твери: «У тебя тут, сестра, маленький Петергоф»¹⁰. В рези-

⁸ *Боханов А.Н.* Романовы. Сердечные тайны. М., 2000. С. 14—15; РБС. Т. «Обезьянинов — Очкин». СПб., 1905. С. 135.

⁹ Города России: энциклопедия / Гл. ред. Г.М. Лаппо. М.: Научное изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 1994. С. 462.

¹⁰ *Пушкин Е.А.* Предисловие // Письма великой княгини Екатерины Павловны: Читано в заседании Тверской учёной архивной комиссии 13 апреля 1888 г. членом комиссии Е.А. Пушкиным. Тверь, 1888. С. 9.

денции принца Ольденбургского и его супруги находили радушный приём многие государственные деятели и представители российской культуры, он и сам пробовал силы на литературном поприще. В 1810 году в Москве вышел (без указания имени автора) его сборник стихов «Poetische Versuche» («Поэтические попытки»), украшенный арабесками вел. кн. Екатерины Павловны.

В Тверь по приглашению великой княгини неоднократно приезжал Николай Михайлович Карамзин. Первый раз Карамзин посетил Ольденбургских в Твери в декабре 1809 года и пробыл здесь шесть дней. В этот приезд он читал свою «Историю государства Российского» Екатерине Павловне. Она даже хотела сделать его тверским губернатором, но он отказался, поскольку «не готовил себя к этой должности и потому будет и дурным губернатором, и дурным историком»¹¹. В феврале 1811 года Карамзин привёз в Тверь «Записку о древней и новой России» и читал её великой княгине. В этот приезд он оставался в резиденции Ольденбургских две недели. После отъезда из Твери Карамзин постоянно вёл переписку с великой княгиней, и она относилась к нему с симпатией. В письме из Твери, написанном 8 июня 1810 года, Екатерина Павловна отмечала: «Приятен для меня каждый случай, когда могу быть с вами в сношении»¹².

Карамзин вновь приехал в Тверь, где в это время гостил Александр I, 18 марта 1811 года, а на следующий день Екатерина Павловна отдала «Записку» брату. Сначала император воспринял «Записку» довольно прохладно, поскольку в этот период ещё был настроен на проведение либеральных реформ¹³. Александр I даже не взял «Записку» с собой в Петербург, и тем не менее, она оказала воздействие на его мнение по поводу необходимости преобразований в России и реакции дворянства на них. Как известно, в дальнейшем Карамзин активно работал над «Историей государства Российского» и в 1816 году поднёс Александру I первые шесть томов. Остальные двенадцать томов, доводящие повествование до 1611 года, были завершены к 1825 году.

В 1809–1811 годах Тверь посещал художник О.А. Кипренский, создавший портреты Г.П. Ольденбургского, И.П. Вульфа и других жителей Твери. Статус резиденции генерал-губернатора и места проживания особ царствующего дома ставил Тверь выше рядовых губернских центров. Вел. кн. Екатерина Павловна очень любила Тверь и,

¹¹ Там же. С. 5.

¹² Письма великой княгини Екатерины Павловны. С. 29.

¹³ *Пивоваров Ю.С.* Время Карамзина и «Записка о древней и новой России» // *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 10.

когда приходилось покидать её, всегда с удовольствием возвращалась «в тихую любезную Тверь»¹⁴.

В 1812 году из-за угрозы вторжения неприятеля Ольденбургским пришлось на время покинуть резиденцию в Твери и перебраться в Ярославль. Здесь принц Ольденбургский занимался формированием ополчения, устраивал лазареты, следил за снабжением проходивших полков продовольствием и распределением по городам военнопленных. Ольденбургские пробыли в Ярославле до середины ноября 1812 года, затем вернулись в Тверь. В начале декабря 1812 года, после осмотра одного из госпиталей, Георгий Ольденбургский тяжело заболел и в ночь с 14 на 15 декабря умер от «нервной горячки» (тифа)¹⁵. Он был похоронен в Санкт-Петербурге; в 1826 году его останки перевезли в родной Ольденбург. Екатерина Павловна после смерти мужа в 1813 году уехала за границу, а в 1816 году вышла замуж за наследника Вюртембергского престола — принца Фридриха-Вильгельма. Она умерла в Штутгарте в 1819 году.

Император Александр I посещал Тверь и после того, как город утратил статус резиденции генерал-губернатора — в 1816, 1820 и 1823 годах¹⁶ — во время переездов между двумя столицами. В Путевом дворце останавливались многие Романовы. Вел. кн. Александр Николаевич, будучи наследником престола, в 1837 году посетил Тверь во время поездки по 29 губерниям России. Уже как император Александр II, он приезжал в Тверь в 1858, 1860 и 1862 годах. Программа пребывания императора в Твери была традиционной. Так, приехав в Тверь 17 августа 1862 года, Александр II «принял во дворце начальствующих лиц, представителей дворянства и города, а потом произвёл смотр уланской и гусарской бригадам... посетил собор, гимназии и богоугодные заведения»¹⁷. Железная дорога сократила время переездов из Петербурга и Москву и сделала визиты Романовых в Путевой дворец более редкими.

Третий этап в истории строительства Путевого дворца в Твери начался в 1864 году, когда его умело достроил архитектор Александр Иванович Резанов. Путевой дворец получил два больших балкона, дополнивших прежнюю объёмно-пространственную композицию.

¹⁴ Письма великой княгини Екатерины Павловны. С. 46.

¹⁵ РБС. Т. «Обезьянинов — Очкин». С. 252.

¹⁶ История Правительствующего Сената за двести лет: в 5 т. СПб., 1911. Т. 3. С. 540; Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I. Опыт исторического исследования. 2-е изд. Пг.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1914. С. 735.

¹⁷ Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862 гг. / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 1999. С. 372.

В 1867–1876 годах А.И. Резанов внёс изменения в декоративную обработку фасадов. Скульптурные фигуры аттика с новыми гербами, гирляндами и вазами выполнил академик Д.И. Иенсон. Тогда же вторично изменилась планировка парка.

В финансовом отношении дворец перешёл в ведение Министерства двора и содержался за его счёт. Во второй половине XIX века на отопление, освещение, мелкий ремонт и прислугу дворца ежегодно в распоряжение губернатора отпускалось 10 тыс. руб. В состав прислуги входили дворецкий, лакеи, кучер, повар, четыре садовника, среди прочего украшавшие комнаты дворца цветами и декоративными растениями. Как вспоминал князь Сергей Дмитриевич Урусов, «эта особенность составляла привлекательную сторону губернаторской должности и была причиной стараний многих губернаторов перейти на службу в Тверь»¹⁸.

В Путевом дворце имелся прекрасный зал розового мрамора, несколько гостиных, кабинет длиной в 22 метра, обставленный старинной и современной мебелью. Во дворце имелось электрическое освещение — хрустальные люстры и боковые бра. Целые стёкла угловой гостиной, выходящие в сад, были настолько гладкими и прозрачными, что создавалась иллюзия их отсутствия. Князь С.Д. Урусов в своих мемуарах описал, как на приёме у губернатора Николая Дмитриевича Голицына командир кавалерийского полка Офросимов после выпитого шампанского бросил пустую бутылку в сад и разбил окно, о наличии которого не догадывался. Из ежегодной сметы в 10 тыс. руб. на замену стекла ушло 600 руб., так как его пришлось выписывать из-за границы¹⁹. В 1897 году в западном флигеле Путевого дворца разместился исторический музей.

Статус резиденции губернатора дворец получил в 1898 году при губернаторе князе Н.Д. Голицыне (в последние месяцы существования Российской империи он занимал пост Председателя Совета министров).

Революционный 1917 год круто изменил жизнь страны и отразился в драмах, разыгравшихся в стенах дворца. Одной из первых жертв Февральской революции стал тверской губернатор Николай Георгиевич Бюнтинг, неоднократно ходатайствовавший перед императором о назначении сенатором. Последнее прошение об освобождении от должности губернатора Н.Г. Бюнтинг написал 17 февраля 1917 года. Он отмечал: «Ухудшившееся в последнее время состояние

---

¹⁸ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы / Вступ. ст., подгот. текста, сост. и коммент. Н.Б. Хайловой. М., 2009. С. 512.

¹⁹ Там же. С. 512–513.

моего здоровья лишает меня возможности продолжать нести ответственную и сопряжённую с постоянными разъездами и тревогами должность губернатора и побуждает меня обратиться к Министру Внутренних Дел с просьбой о возбуждении им ходатайства о назначении меня в Прав. Сенат. Я счёл себя вправе просить о таком назначении ввиду того обстоятельства, что, насколько мне известно, принципиальное соизволение Его Имп. Величества на сие назначение уже последовало в ноябре 1915 г.»²⁰ Отложившиеся в фонде Бюнтингов материалы подтверждали это утверждение. В книге «Тверские губернаторы» неверно указана дата подачи последнего прошения Н.Г. Бюнтинга — 7 февраля 1917 года²¹.

Однако Февральская революция 1917 года не позволила осуществиться намеченным планам, и новый хозяин у Путевого дворца уже не появился. 2 марта 1917 года солдаты вышли из Желтиковских казарм, избили офицеров и вместе с подошедшими рабочими устроили демонстрацию. Н.Г. Бюнтинг был схвачен за своим рабочим столом в Путевом дворце и в этот же день убит у здания гауптвахты, а его тело затопано разъярённой толпой. После чего было разгромлено Тверское охранное отделение, разоружены городовые и освобождены из тюрьмы политические заключённые. Убийство Н.Г. Бюнтинга было фактом исключительной жестокости, поскольку отстранённых от должности губернаторов, как правило, арестовывали.

С Путевым дворцом связаны многие знаковые события в истории Твери и Тверского края. В 1917 году во дворце работали Советы рабочих и солдатских депутатов, губисполком (до мая 1918 года) и штаб Красной гвардии. 28 октября (10 ноября) 1917 года председатель ревкома А.П. Вагжанов провозгласил с его балкона установление в Твери Советской власти. В 1920–1930-е годы во дворце размещались городская библиотека, правление Общества изучения Тверского края, музей, а с 1935 года — облисполком. Осенью 1941 года Путевой дворец был частично разрушен фашистами, а к 1948 восстановлен (архитекторы И.Е. Бондаренко и Н.Я. Колли).

В послевоенный период в здании Путевого дворца расположились Тверской государственный объединённый историко-архитектурный и литературный музей и Тверская областная картинная галерея. В настоящее время музей переехал в соседнее здание — бывшее Реальное училище, а дворец, имеющий статус объекта культурного

---

²⁰ ГАТО. Ф. 1064 Личный фонд семьи Бюнтинг. Оп. 2 Бюнтинг Николай Георгиевич (1861–1917). Д. 92. Л. 1.

²¹ Тверские губернаторы: К 200-летию образования Тверской губернии / Сост. Г.М. Дмитриева, В.Н. Серeda. Тверь, 1996. С. 58.

наследия (памятника истории и культуры) федерального значения, с 2012 года закрыт на реставрацию. Опыт научной реставрации и музеефикации Путевого дворца в Твери может оказаться полезным для резиденций Романовых в России и за рубежом, которые планируются в качестве музеев.

Визиты представителей Дома Романовых вносили в провинциальную жизнь столичные обычаи и нравы, давая губернским чиновникам образец для подражания. В архитектуре и художественном убранстве Путевого дворца в Твери, как и во всех дворцах Романовых, отразились вкусы и предпочтения разных периодов, но особенно ярким в его истории стал период накануне Отечественной войны 1812 года, когда здесь находилась резиденция генерал-губернатора принца Георгия Петровича Ольденбургского и его супруги вел. кн. Екатерины Павловны. Единство архитектурного облика дворца, великолепного парка и духа светского столичного салона, воссозданного четой Ольденбургских, на три года превратило «Тверской императорский дворец» в подлинное «культурное гнездо» провинциальной России. Во второй половине XIX столетия визиты представителей правящей династии в Тверь стали более редкими, и в 1898 году Путьевой дворец окончательно получил статус губернаторской резиденции и стал её лучшим образцом в российской провинции.

Е.Ф. Михайлова
(Великий Новгород)

Путевые дворцы на Новгородской земле

Расположение Новгородской губернии между Москвой и Санкт-Петербургом являлось причиной частых визитов сюда представителей царских династий на протяжении XVIII – начала XX века. Лица царской фамилии посещали Новгородскую землю в связи с поездками по стране, путешествиями на юг России. Предпринимались и поездки, в которых Новгород был конечной остановкой. Поводом для них были торжественные события в губернии, посещение подшефных полков, квартировавших на Новгородчине.

До присоединения Новгорода к Москве в 1478 году князья, приглашённые в Новгород по решению веча, жили на Городище к югу от Новгорода. Территория княжеского двора в Новгороде располагалась на Ярославовом дворище. Старый государев дворец на этой территории существовал ещё в 1740-е годы. После пожара в 1722 году был выстроен новый путевой дворец на берегу Волхова к северу от каменного Гостиного двора. Комплекс деревянных строений располагался по периметру прямоугольника. Одноэтажный дворец с мезонином, завершённый мансардной кровлей со слуховыми окнами, был обращён главным фасадом на Волхов. Два протяжённых одноэтажных корпуса с мансардными кровлями располагались симметрично, образуя южную и северную линии застройки двора. С востока размещалась кардегардия — въезд с двумя небольшими флигелями по сторонам. Но в 1745 году в Новгороде случился сильный пожар, который уничтожил деревянные строения путевого дворца. Отстроенный Алексеем Рославлевым

путевой дворец в планировочно-композиционном решении повторял прежний дворцовый комплекс¹.

Широко развернулось строительство путевых дворцов в Новгородской губернии в период правления Екатерины II, которая много путешествовала и не однажды посещала Новгород и новгородскую землю. В 1771 году для её приездов в Новгороде сооружается каменный путевой дворец. Новый дворцовый комплекс несколько сместили к северу относительно старого деревянного дворца.

Здание дворца было возведено по проекту, разработанному для Смоленска. Авторство проекта не установлено, возможно, это были П. Обухов, Н. Богданов, П. Никитин или Ю. Фельтен².

Дворцовый комплекс составляли три здания: главный корпус и два флигеля. Двухэтажное главное здание располагалось вдоль Волхова, флигели окружали въезд на территорию парадного двора. Здания неоднократно ремонтировались. В 1786 году после пожара перекрыли крышу, сделали новые каменные своды в помещениях первого этажа, заменили парадную лестницу, изготовили новые кафельные печи, установили дубовые двери и оконные переплёты, настелили дубовый паркет в парадных помещениях и расписали зал и пять комнат в верхнем этаже главного корпуса.

В то время, когда здание не использовалось для приёма государей, помещения были приспособлены под другие цели. В 1813–1814 годах в главном корпусе размещалась уголовная палата гражданского суда, а флигель был занят типографией. В 1820 году в связи с ожидаемым визитом царя был запланирован ремонт Екатерининского путевого дворца. На время исправлений для размещения лиц царской фамилии был выбран дом мещанина Баранова недалеко от кремля. От Баранова дом перешёл к дворянину Мельгунову, а после его смерти был приобретён с публичных торгов в государственную казну и поступил в Новгородскую удельную контору³.

В 1824 году начальник штаба отдельного корпуса военных поселений Клейнмихель сообщил новгородскому гражданскому губернатору Жеребцову, что по высочайшему указу путевой дворец из гражданского ведомства предписано принять в Департамент военных поселений. Ответственным за приём был назначен генерал-майор Эйлер⁴. После передачи началась перестройка здания по проекту архитектора В. Стасова. Наблюдение за реконструкцией в

¹ Секретарь Л.А. Дома, события, люди (Новгород. XVIII – начало XX вв.). Великий Новгород, 1999. С. 155.

² Там же. С. 156.

³ ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 5145. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 9 об.

Новгороде вели прибывшие архитекторы А. Гамбурцев и Л. Пели. Именно в это время была измена фасадная декорация: сбиты фигурные наличники, декоративные панно, лепные гирлянды.

В 1860 году путевой дворец поступил в распоряжение Инженерного департамента Военного министерства, а занимал его штаб Резервной дивизии 1-го Артиллерийского корпуса. В предреволюционные годы здесь находился штаб расквартированной в Новгороде 22-й пехотной дивизии. В 1930-х годах путевой дворец занимал клуб Красной армии. Его директором был старший политрук Н.Г. Васильев, в годы Великой Отечественной войны возглавивший 2-ю партизанскую бригаду и удостоенный звания Героя Советского Союза. Его имя было присвоено в 1950-х годах сперва клубу, а затем Дому культуры, разместившемуся в стенах бывшего путевого дворца⁵.

Строили путевые дворцы и в уездных городах Новгородской губернии: Валдае, Крестцах. Строительство дворца в Валдае относится к 1770—1780 годам, строился он по образу путевого дворца г. Торжка. Среднюю часть первого этажа занимали сени (передние и задние) и парадная лестница. На обоих этажах вдоль главного фасада располагалась трёхкомнатная анфилада с залом на втором этаже, который занимал всю ширину дворца.

Дворец был построен на узком прямоугольном участке и занимал угловое положение в квартале парадной казённой застройки на главной площади напротив церкви св. Екатерины. На торцовой стороне участка в центре стоял дворец, по его сторонам — двое ворот, а пара флигелей (каретный сарай и кухня) была отодвинута вглубь двора⁶.

В 1880-х годах в здании разместили земскую больницу. В 1913 году помещения приспособили под казначейство и полицейское управление, а рядом стоящие здания — под тюрьму. Не ранее 1903 года и не позднее 1917 между стоящими в один ряд казёнными домами сделали двухэтажные кирпичные вставки. После переезда Валдайской районной больницы в 2009 году в новое здание помещения бывшего путевого дворца оказались заброшены.

Путевой дворец в Крестцах был построен в 1777—1783 годах. Внешний облик его главного корпуса во всём совпадает с валдайским дворцом, отличаясь лишь большей длиной прямоугольного здания. Внутренняя планировка сделана по образцу дворца в Торжке. Глав-

---

⁵ Секретарь Л.А. Указ. соч. С. 158.

⁶ Смирнов Г.К. Путевые дворцы Екатерины II в провинциальных городах России // «Государева дорога» и её дворцы. Материалы межрегиональной конференции 19—21 ноября 2002. Тверь, 2003. С. 93.

ный корпус поставлен на угол квартала, два флигеля расположены на разных расстояниях от него — один по площади, другой по Большой Московской улице. Дворец и флигели соединены глухой оградой с двумя воротами. Кухонный и каретный флигели были одноэтажными, в три окна по главному фасаду, декор которого повторял основные элементы внешнего убранства дворца. Авторство валдайского и крестецкого дворцов приписывают новгородскому губернскому архитектору В.С. Поливанову, занимавшему должность с 1776 по 1796 год, а до того нескольких лет работавшему в Твери под руководством П.Р. Никитина⁷. Почти сразу после строительства в здании путевого дворца был размещён Крестецкий уездный суд.

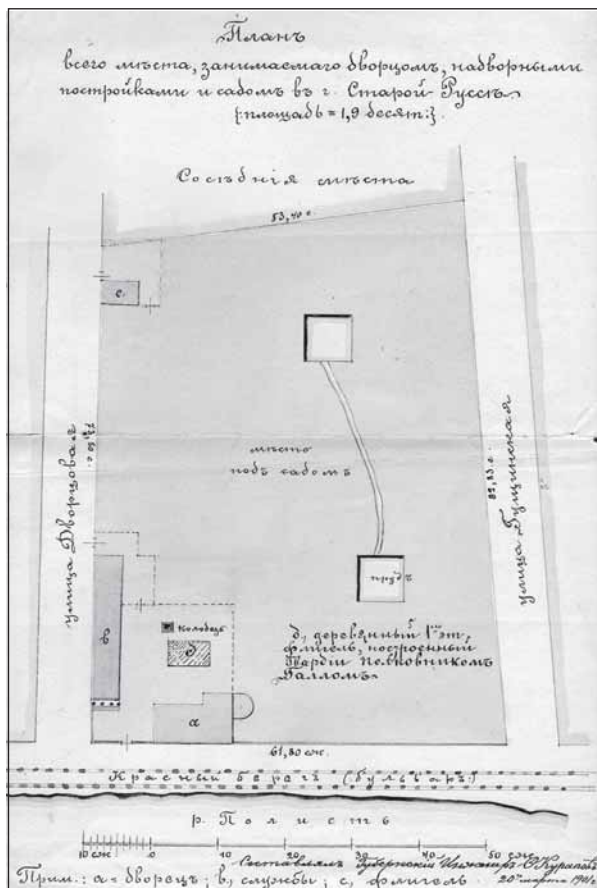
Для регулирования процесса предоставления «лучшего ночлега» в Крестцах — путевого дворца, Новгородским наместническим правлением осенью 1777 года был издан указ, согласно которому Крестецкому уездному суду предписывалось освобождать помещения путевого дворца для знатных персон только на основании указа Новгородского наместнического правления. Так, например, 25 сентября 1777 года правитель Новгородского наместничества Ф.Н. Кличка приказал Крестецкому уездному суду переехать на время пребывания в Крестцах новоназначенного генерал-губернатора Ярославской губернии А.П. Мельгунова, следующего в Ярославль на торжественное открытие наместничества. Летом 1779 года Крестецкому уездному суду не пришлось искать помещение для своего переезда. Во время пребывания в путевом дворце Смоленского и Орловского генерал-губернатора, генерал-аншефа князя Н.В. Репнина, необходимо было лишь привести занимаемые судом помещения в порядок, а внешний вид служителей в опрятность. Иногда подобные приготовления оказывались напрасными.

В 1780 году в Крестцах проводилась подготовка к приёму важного гостя, который собирался посетить город не под своим настоящим именем — император Священной Римской империи, король Богемии и Венгрии, эрцгерцог Австрии Иосиф II, а как «граф Фалькенштейн».

Одним из населённых пунктов, где «граф Фалькенштейн» мог остановиться на ночлег, были Крестцы. О возможном визите высокого гостя крестецкие власти узнали из предписания поручика правителя новгородского наместничества А.Н. Кожина. Письмо с известием о возможном визите было получено 5 июня 1780 года. В нём излагалось предложение наместника Тверского, Новгородского и Псковского Я.Е. Сиверса Крестецкому уездному суду «об осмотре

---

⁷ Там же. С. 97.

План мѣста, занимаемаго дворцомъ, надворными постройками и садомъ в г. Старая Русса. 1892. ГАНО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 3. Л. 1

путевого дворца на предмет необходимости его ремонта и найма рабочих для исправления ветхостей». Ремонтные работы требовалось завершить в течение восьми дней, а Крестецкий уездный суд должен был освободить помещения дворца. Помещения для переезда служащих уездного суда были найдены городничим, майором Балбековым в ямской слободе, в доме мещанина Даниила Кирилова. Внезапное известие, поступившее 6 июня, прервало все приготовления. Прибывший в Крестцы А.Н. Кожин велел городничему прекратить ремонт дворца и переезд Крестецкого уездного суда. Австрий-

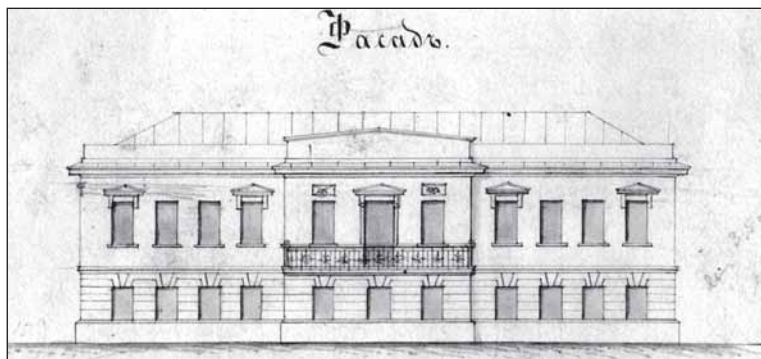
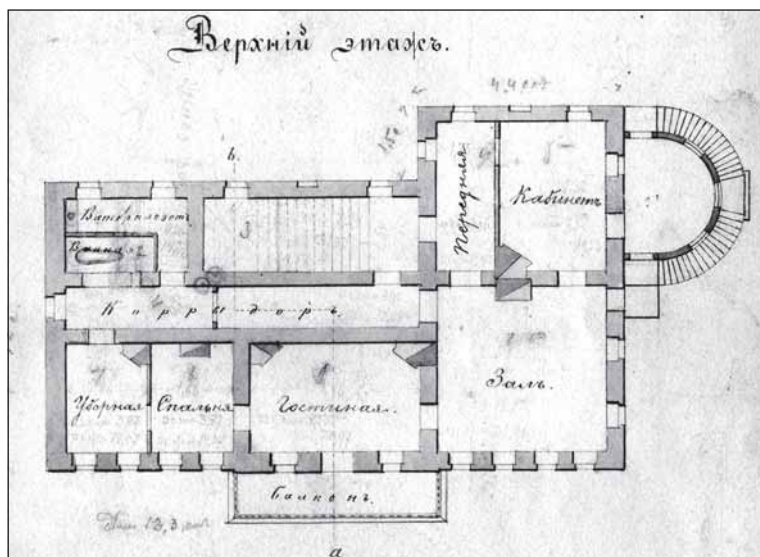

Чертёж путевого дворца в г. Старая Русса.
Фасад. 1892. ГАНО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 3. Л. 2

Верхний этаж путевого дворца в г. Старая Русса. 1892.
ГАНО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 3. Л. 3

ский император изменил маршрут путешествия по России, и вся подготовка оказалась ненужной⁸.

Каменные путевые дворцы были также в Боровичах и Старой Руссе, в настоящее время они не сохранились. В Старой Руссе Императорский путевой дворец находился на Дворцовой улице. Во дворце

⁸ ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3312. Л. 56.

останавливались вел. кнн. Владимир и Алексей Александровичи, посетившие город в 1865 году, вел.кнн. Михаил Павлович, Дмитрий Константинович, а также герцог Лихтенбергский с женой.

Деревянные путевые дворцы располагались в Любани, Чудово, Спасской Полисти, Подберезье, Яжелбицах, Хотилово, Едрове. Время их строительства относится к 1790-м годам. К 1813 году здания пришли в столь ветхое состояние, что по предложению министра внутренних дел новгородскому губернатору был начат сбор данных о дворцах и рассматривалась возможность их продажи с торгов. Причём здание путевого дворца в Любани «ни в каком виде не было найдено». Было решено дворцы «как ни к какому казённому употреблению неспособные», продать и деньги передать в государственный доход⁹.

Последним на Новгородской земле построили путевой дворец в Коростыни. Его строительство относится ко временам учреждения на территории Новгородской губернии военных поселений. Дворец был построен по проекту архитектора В.П. Стасова, утверждённому графом А.А. Аракчеевым в сентябре 1824 года. Окончание строительства относится к 1828 году, когда был утверждён проект чугунной решётки для лоджии.

Дворец представляет собой двухэтажное здание с каменным первым и деревянным вторым этажом, главным украшением которого является лоджия с каннелированными деревянными колоннами дорического ордера, увенчанными деревянными капителями. Рядом с дворцом — амбар, сложенный из булыжного камня и кирпича.

В настоящее время заявлены ремонтно-реставрационные работы памятника архитектуры, что позволит открыть полноценный доступ к ансамблю путевого дворца как местному населению, так и гостям Новгородской области. В здании путевого дворца планируется создание музейной экспозиции, воссоздание интерьера гостиной XIX века, организация художественных выставок. Путевой дворец предполагается использовать как культурный центр просветительской, образовательной и научной деятельности, а также для демонстрации произведений искусства и театрализованных представлений.

---

⁹ Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 68. Л. 5.

И.А. Серова
(Ярославль)

«Императорский дворец для приезда...» в Ярославле

В Ярославле немало памятных мест, связанных с царственными путешественниками, которые можно было бы назвать дворцами временного пребывания русских царей. Даже приписываемый императору Павлу I афоризм: «Где я — там и дворец!» по легенде родился именно во время проезда императора по Ярославской губернии.

В истории династии Романовых Ярославль сыграл важную роль, именно здесь фактически началось их царствование. Вскоре после оглашения в Костроме в Ипатьевском монастыре решения Земского собора Михаил Фёдорович со своей матерью инокиней Марфой 21 марта 1613 года прибыл в Ярославль, в котором им пришлось задержаться из-за разлива рек до 16 апреля. Остановились они в настоятельских покоех древнего Спасо-Преображенского монастыря. В монастыре же разместился временный Государственный совет, и Ярославль на 26 дней стал столицей Русского государства. Именно отсюда 23 марта юный царь послал в Москву свою первую грамоту о согласии на принятие Царского венца. На протяжении всего царствования Михаил Фёдорович с благодарностью вспоминал о гостеприимной обители в Ярославле, свидетельством чему служит большое количество жалованных грамот, присланных монастырю. Думается, это обстоятельство и сделало Ярославль притягательным в глазах царствующего дома.

Так, весной 1763 года Ярославль одним из первых принимал только что коронованную императрицу Екатерину II, которая последовательно формировала общественное мнение, чтобы снять «неудобные» вопросы, связанные с правоммерностью её притязаний на

Архиерейский дом (ныне отдел древнерусского искусства Ярославского художественного музея). Современное фото

российский трон. Обретя его под звон гвардейских шпаг и шпор, Екатерина II понимала, что для укрепления своего авторитета в глазах подданных ей необходимо заручиться поддержкой духовенства и дворянства. Поэтому перед своим возвращением в столицу она изъявила желание, по примеру благочестивых московских царей и цариц, совершить паломническое путешествие. Временной резиденцией Екатерины II в Ярославле с 25 по 28 мая 1763 года стал Архиерейский дом¹ на Волжской набережной, где местная знать засвидетельствовала императрице свои верноподданнические чувства. Спустя четыре года во время путешествия по Волге императрица принимала здесь министров европейских государств.

Видимо, собираясь посетить Ярославль и в дальнейшем, Екатерина II изъявила желание построить здесь собственный Императорский дворец. К его возведению действительно приступили, правда, спустя десять лет. Город к тому времени стал центром большого наместничества, во главе которого императрица поставила генерал-губернатора А.П. Мельгунова. В соответствии с утверждённым ею регулярном плане в Ярославле были заново разбиты кварталы, организованы площади, спланированы прямые широкие улицы. В 1786 году Мельгунов получил высочайшее разрешение начать строитель-

---

¹ Архиерейский дом (Митрополичьи палаты) построен в 1680-е годы по волеизъявлению митрополита Ростовского и Ярославского Ионы.

ство дворца напротив церкви Ильи Пророка рядом с присутственными местами, для чего при необходимости он мог использовать деньги ещё и Вологодской казённой палаты².

Надзор за возведением административных зданий в Ярославле осуществлял губернский архитектор И.М. Левенгаген. Работы велись очень быстро. Для обеспечения материалами был даже построен кирпичный завод. 14 мая 1786 года Мельгунов отдал приказ казённой палате: «чтобы нынешнего лета всего дома заложен был фундамент <...>, будущим 1787 г. отделан был совсем черне и покрыт крышею, а в 1788 г. начисто отделан. А чтобы строение того дома производилось успешнее, разделить строительство на четыре части, а службы на две части»³.

В 1787 году в полном соответствии с рекордными сроками грандиозный архитектурный ансамбль, состоящий из дворца, двух корпусов присутственных мест и храма Ильи Пророка, не только окончательно оформил центральную площадь города, но и стал своеобразным гимном Екатерине Великой, зримо воплотив идею гармоничного сосуществования духовной и светской властей в просвещённом государстве. Главный фасад дворца с шестиколонным портиком украсил лепной картуш с вензелем императрицы в обрамлении цветочной гирлянды. Противоположный фасад, выходящий на большой двор, был окружён с трёх сторон сквозной оградой, отделяющей комплекс от прилегающих улиц. Внутри имелась ещё одна решётка, полукруглая в плане с двумя симметрично поставленными башенками, которая отгораживала хозяйственную зону со служебными флигелями, конюшенинным сараем, помещением для конской сбруи и солдатской караульной.

Произвести внутреннюю отделку помещений А.П. Мельгунов, скорее всего, не успел, по крайней мере, документов, подтверждающих это, пока не выявлено. Зимой 1788 года он тяжело заболел и через полгода скончался. В дальнейшем никто из его преемников этой постройкой не занимался.

В краеведческой литературе XIX–XX веков существовало устойчивое мнение, что вступивший на российский престол в 1796 году Павел I, который, по словам Н.М. Карамзина, «легкомысленно истреблял плоды государственной мудрости, ненавидя в них дело своей матери»⁴, уже в первый год царствования вслед за ликвидацией

---

² ГАЯО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 901.

³ Там же. Д. 903.

⁴ *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 45.

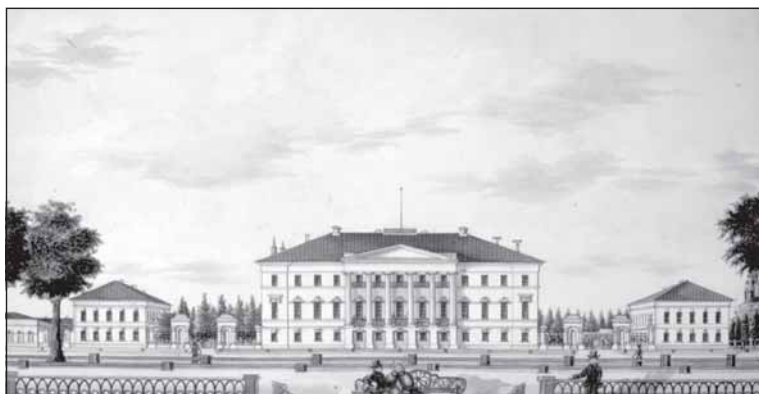

Фасад главного дома с флигелями и конюшенным корпусом со стороны Волжской набережной. Архитектор П. Я. Паньков. 1840. Обмерный чертёж

учреждённых Екатериной II наместничеств, отдал причудливый приказ разобрать почти завершённый дворец с ненавистным вензелем на фасаде, а кирпич использовать для постройки солдатской казармы и тюрьмы для содержания колодочников. Т.А. Рутман на основании обнаруженного в ГАЯО письма ярославского губернатора Н.С. Урусова генерал-прокурору А.Б. Куракину выдвигает, однако, версию, что инициатива сноса дворца принадлежала самим горожанам, которые высказали желание собрать «всем обществом» средства на новые здания для размещения войск, а дворец разобрать, полученные материалы использовать на постройку казарм и «вырученные через сие деньги употребить на поправление второго корпуса присутственных мест»⁵. Так вот и получилось, что дворцу-фантому, в котором никто никогда не жил, была уготована роль одного из многих «фальшивых» фасадов идеального города эпохи Просвещения. Стремительно возведённый, он был столь же стремительно разобран, и только груды мусора ещё несколько лет напоминали о его существовании.

И всё-таки дворец, достойный принимать августейших особ, в Ярославле появился. Современник восхищённо писал о нём: «Императорский дворец для приезда, трёхэтажный по обеим сторонам фли-

⁵ Письмо от 16 мая 1797 года. См.: Рутман Т.А. Храмы и святыни Ярославля. Ярославль, 2005. С. 546.

Вид Императорского дворца с Волжского бульвара в Ярославле.
Акварель И.М. Белоногова. 1851 г.

гели для прислуги, с конюшненным двором и регулярным садом, стоящим на волжском берегу. Построен по собственному благоволению Александра I под присмотром гражданского губернатора А.М. Безобразова на выдаваемую из казны сумму, начатый и оконченный в один год со всею постройкою. <...> А по приезду самого государя или высочайших фамилий оный дом готов бывает всегда⁶.

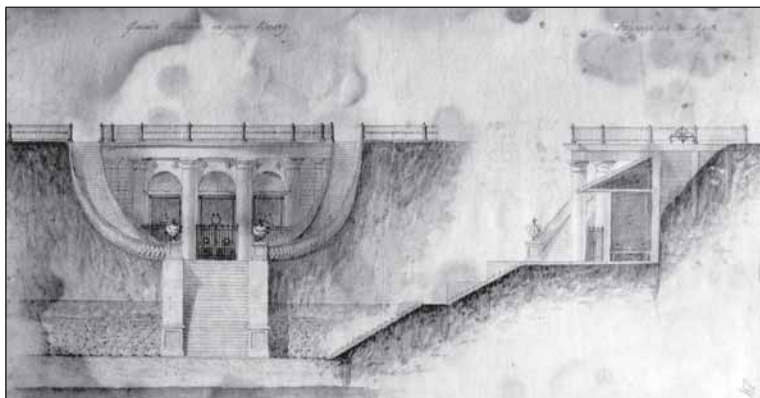
Торжественная закладка дворца произошла 11 августа 1821 года, а в августе 1823 года на открытии присутствовал сам Александр I. Именно здесь в дальнейшем останавливались все императоры, великие князья и сопровождавшая их многочисленная свита во время церемониальных и инспекционных приездов в Ярославль⁷.

Функцию дворца для временного пребывания государей призвана была выполнять новая губернаторская резиденция, возведённая по проекту ярославского архитектора П.Я. Панькова. Основные постройки усадьбы — главный трёхэтажный дом, увенчанный бельведером «для обозрения прелестных окрестностей», два флигеля и конюшненный корпус с мезонином — архитектор разместил вдоль Волжской набережной, что в дальнейшем определило её общественную и эстетическую значимость в осуществлении представительской функции.

Набережная, а также полукруглая площадка перед домом, поддерживаемая каменными колоннами ионического ордера, выполняли в усадебной композиции роль парадного двора. Отсюда к губер-

⁶ *Серебrenиков Д.И.* Географическое и историческое описание города Ярославля // ГАЯО. Коллекция рукописей. № 1317.

⁷ См. Приложение.

Проект беседки-гроты на реку Волгу. 1850 г.

наторской деревянной пристани спускались две лестницы, украшенные лепными вазонами, а внутри берегового откоса была устроена беседка-грот, в котором для удобства любования Волгой поставили садовые диваны. Вид на город с реки не менее живописен. Высокий берег воспринимался как грандиозный сценический подиум, на котором разворачивалась величественная панорама Ярославля: множество храмов, гражданские здания и элементы парковой архитектуры — беседка-ротонда, арочный мост.

Позади дворца располагался сад с элементами регулярной и пейзажной планировки, окружённый каменной оградой с тремя парадными въездными воротами, украшенными лепными львами. В него можно было спуститься прямо из бельэтажа по двум полукруглым пандусам. Сад композиционно объединял Волжскую набережную с Ильинской площадью, на которой были расположены церковь Ильи Пророка и здания присутственных мест, что также служило продолжением пространственной идеи усадьбы. Расширение формальной усадебной композиции за счёт включения в общий замысел уже имеющих архитектурных памятников XVII—XVIII веков не только завершило формирование парадно-административного центра Ярославля, но и усилило впечатление от самой усадьбы, ставшей ядром интересного градостроительного комплекса. До сих пор это планировочное решение поражает своей стройностью⁸.

Столь обширная территория была организована в единый ансамбль не случайно. Прежде всего, это объяснялось административ-

⁸ В 1980-е годы в связи со строительством на месте Дворца административного здания, занявшего доминирующее положение, акцент несколько сместился, но основная планировочная структура нарушена не была.

Вид дворца с Волжской набережной.
Фото конца XIX в.

Современный вид дворца
(ныне Ярославский художественный музей)

но-общественной функцией усадьбы. Во время государственных, календарных и прочих торжеств здесь проходили церемонии, которые предполагали проведение военных парадов, а также участие в этих мероприятиях значительной части городского населения. В такие дни съезжались люди даже из окрестных городов и деревень. Поэтесса XIX века Юлия Жадовская так описывала посещение в 1841 году Ярославля Николаем I: «Ну, слава Богу! вот мы и против дворца. О, да здесь весь Ярославский beau-monde. Какой чудесный вечер! Ни одно облачко не омрачает тёмно-голубого неба; луны нет, а светло. Природа заодно с нами торжествует наш великий и единственный праздник. Какое бесчисленное стечение народу! Какое многоцветное разнообразие лиц и костюмов! ...Тут ведь не один Ярос-

Фасад дворца со стороны сада.
Современное фото

лавль, — нет, сюда пришли жители из всех его уездов и селений, у всех одно намерение, одно желание — посмотреть своего государя — Красное солнышко»⁹.

Внешний облик дома на протяжении XIX века не раз изменялся. В 1844 году одновременно с кровельными работами, проводимыми на здании, был снесён бельведер. На его месте соорудили площадку, окружённую балюстрадой «для выкидки флага во время прибытия Его императорского величества»¹⁰. Представить, как выглядел губернаторский дом после перестройки, можно по акварели «Вид Императорского дворца с Волгского бульвара», выполненной ярославским художником Иваном Михайловичем Белоноговым в 1851 году¹¹, на которой видно, что, помимо бельведера, отсутствуют ещё и львы на воротах в сад.

Следует сказать, что этот дом-дворец, построенный очень спешно, был обречён на практически непрекращающийся ремонт. А уж перед приездом августейших особ в обязательном порядке обновлялись интерьеры второго этажа. Вот что записала в своём «Дневнике» фрейлина А.Ф. Тютчева, посетившая Ярославль в 1858 году в составе свиты Александра II: «Дом <...> просторный и удобный. Уверяют, что он разваливается, но его очень хорошо ремонтировали к нашему приезду»¹².

Во время капитальной перестройки 1862–1864 годов под руководством архитектора А.А. Любимова¹³ главный дом утратил свой

⁹ Мельгунов Б.В. Два дебюта // Очарованный странник. 1995. Вып. 8 (26). С. 5.

¹⁰ ГАЯО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 251.

¹¹ Акварель хранится в библиотеке Конгресса США.

¹² Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания, дневник 1853–1882. Тула, 1990. С. 273.

¹³ ЯМЗ 19621. Папка 43. Проект архитектора Любимова по губернаторскому дому 1862–64 гг.

Парадный зал дворца.
Экспозиция русского искусства XIX в.

первоначальный облик эпохи строгого классицизма и приобрёл новые черты, свойственные эклектике. Был разобран шестиколонный портик, «ибо нижняя часть портала, от неравномерной осадки перекосилась»¹⁴, а взамен колоннады плоскость фасада проработали пилястры. Вероятно, по причине ветхости тогда же был снесён и северный флигель.

Мало что известно о внутреннем убранстве дворца, однако в конце XIX – начале XX века его главной особенностью было большое собрание императорских портретов. Начало галерее было положено губернатором А.Я. Фриде, который обратил внимание на недопустимость отсутствия в доме портретов Их императорских величеств. В 1895 году в парадном зале появился большой портрет Александра III «на постаменте, обитом красным сукном»¹⁵, вскоре напротив появился портрет Николая II. Они были переданы «во временное пользование Городской управой»¹⁶. При губернаторе графе Д.Н. Татищеве коллекция включала в себя портреты уже всех российских императоров¹⁷. Обнаруженная в архиве опись 1909 года даёт представление о составе живописной коллекции дворца, правда, без указания авторов работ. Так, в малом зале находились портреты Петра I, Екатерины I, Екатерины II, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Петра III, Александра II, Александра III, Павла I, Николая I, Александра I, Петра II, Иоанна IV. В приёмной — Алек-

¹⁴ ГАЯО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 966.

¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 118.

¹⁶ Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 7439.

¹⁷ В воспоминаниях дочери губернатора Д.Н. Татищева есть упоминание о «царской гостиной», которая, вероятно, была не чем иным, как портретной галереей. См.: *Княгиня И.Д. Голицына. Воспоминания о России (1900–1932)*. М., 2005. С. 34.

Кабинет-библиотека.
Экспозиция «Императоры России»

сандра III и Марии Фёдоровны, Николая II и Александры Фёдоровны, а также картина, изображающая «Николая I с наследником Александром Николаевичем, великим князем Михаилом Павловичем и государевой свитой», подаренная Городским общественным банком. В парадной столовой или зимнем саду находились портреты Петра I, Екатерины II, Николая I, Александра II¹⁸.

После трагических событий 1917 года, когда была решена судьба императорской России, завершилась и история ярославской резиденции. Сюда въехал ярославский Совет рабочих депутатов, и дом, некогда гордо именовавшийся «Императорским дворцом для приезду...», стал называться Домом народа. Вскоре усадьба перестала существовать и как целостный градообразующий архитектурно-парковый ансамбль. В 1929 году в основном доме находился батальон НКВД, усадебный сад использовали для хранения дров. В дальнейшем были снесены каменные службы и оранжереи, и на их место поставлен дом для работников Обкома партии. Ничего не сохранилось от убранства интерьеров дома. Неизвестна и судьба его живописной коллекции. Скорее всего, её уничтожили — новые хозяева вряд ли потерпели бы присутствие в Доме народа царских портретов.

¹⁸ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 7439.

Возрождение некогда блистательной резиденции пришлось на последнюю треть XX века. Передача Ярославскому художественному музею дома и сада позволила не только провести комплексную научную реконструкцию, но и заметно расширить функции и эстетическое значение усадьбы, которая соединила на своей территории различные виды искусств — архитектуру, садово-парковое и изобразительное искусство, музыку, театр, танец. В бывшем дворце были построены ретроспективные экспозиции отечественного искусства XVIII—XX веков, а в саду разместилась современная пластика. Внутри основной экспозиции был создан Кабинет-библиотека. В 2013 году к юбилею Дома Романовых здесь экспонировалась выставка «Императоры России» из музейных и частных собраний. Изменения в административной системе управления областью, связанные с политическими реформами конца XX века, возродили и представительскую функцию резиденции. В июле 1994 года во время визита в Россию в усадьбе побывала вдова князя Владимира Кирилловича Романова (двоюродного племянника Николая II) княгиня Леонида Георгиевна, её дочь княгиня Мария Владимировна и внук принц Георгий Гогенцоллерн¹⁹. Здесь проходят инаугурации губернаторов, приём глав государств ближнего зарубежья, высокопоставленных государственных чиновников, известных политиков, деятелей науки и культуры. Особый мир гармонии и красоты усадьбы, соединившей прошлое и настоящее, привносит в эти официальные мероприятия и светские встречи не только парадную пышность, но и утончённый аристократизм.

Можно по-разному относиться к такой сфере функционирования музея, как парадно-представительское обслуживание власти, однако, бесспорно, это полнее отвечает идее реконструкции архитектурно-паркового ансамбля с богатейшей историей, а также способствует выполнению на должном уровне главной миссии — сохранению, изучению, пополнению и экспонированию музейной коллекции. Так новые формы освоения старинной усадьбы и своеобразное поддержание традиций прошлого позволили вернуть былое величие резиденции, принимавшей многих представителей Дома Романовых и с гордостью именовавшейся ярославцами «Императорским дворцом для приезда...»

---

¹⁹ В литературе существуют различные версии титулования потомков Дома Романовых. Автор пользовался данными издания, подготовленного ГМЗ «Павловск»: «На золотом крыльце...». Династия Романовых. Биографический и библиографический справочник / Автор-сост. И.В. Алексеева. СПб., 2007.

Летопись посещения дворца в Ярославле
членами Дома Романовых*

20–23 августа 1823	Император Александр I
13 ноября 1831	Принц П.Г. Ольденбургский (сын вел. кн. Екатерины Павловны, сестры Александра I)
16–17 ноября 1831	Император Николай I
5–6 октября 1834	Император Николай I
8–11 мая 1837	Наследник цесаревич Александр Николаевич (император с 1855 года)
10–11 мая 1841	Император Николай I
6–8 августа 1850	Вел. кн. Николай Николаевич, вел. кн. Михаил Николаевич
4 сентября 1851	Цесаревна Мария Александровна (императрица с 1855 года)
13–15 августа 1858	Император Александр II, императрица Мария Александровна и вел. кнж. Мария Александровна
12–14 июля 1866	Наследник цесаревич Александр Александрович (император Александр III с 1881 года) и вел. кн. Владимир Александрович
13 мая 1868	Вел. кн. Алексей Александрович
3–4 июня 1885	Вел. кн. Владимир Александрович
4–6 июня 1892	Вел. кн. Сергей Александрович и вел. кн. Елизавета Фёдоровна
12 июля 1897	Вел. кн. Сергей Александрович
4 июля 1899	Вел. кн. Владимир Александрович
4 ноября 1900	Вел. кн. Константин Константинович
23 мая 1901	Вел. кн. Константин Константинович
21–25 мая 1903	Вел. кн. Константин Константинович
2 апреля 1905	Вел. кн. Константин Константинович

* Случалось, что во время пребывания в Ярославле августейшие гости по разным причинам не останавливались во дворце на Волжской набережной. Так, 25 июня 1863 года цесаревич Николай Александрович ввиду капитального ремонта дворца останавливался в доме Пастуховых на Пробойной улице.

23 июля 1881 года император Александр III, императрица Мария Фёдоровна, цесаревич Николай Александрович, вел. кн. Георгий Александрович и вел. кн. Алексей Александрович находились в городе всего два часа.

21 мая 1913 года император Николай II, императрица Александра Фёдоровна, цесаревич Алексей, вел. кнж. Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия ночевали на пароходе «Мезень».

А.А. Цымбал
(Таганрог)

«Высочайший дворец императора Александра I в Таганроге» — царская резиденция и мемориальный музей

Таганрог, один из старейших русских городов на юге России, обладает значительным числом исторических памятников. Среди них особое место занимает дом по улице Греческой, 40, в котором прошли последние месяцы жизни российского императора Александра I, и с его смертью завершилась блистательная историческая эпоха.

Главные вехи истории Таганрога тесным образом связаны со становлением и развитием Российской империи, созданной Романовыми. Основанный Петром Великим на заре его реформаторской деятельности, восстановленный Екатериной II как один из форпостов Российского государства на юге, при Александре I город был поис-

Высочайший дворец Александра I
в Таганроге (Греческая ул., 40). Фото 2012 г.

Памятник Александру I в Таганроге.
Скульптор И.П. Мартос, 1831 г.
Современное фото

тине обласкан вниманием центральной власти. Никто из последующих правителей не сделал столько для его экономического и социального развития, как этот российский император. В правление Александра I Таганрог стал одним из крупнейших экономических, административных, культурных центров юга России. Императором были подписаны десятки указов и распоряжений, касавшихся различных сторон жизни города.

К началу XIX века Таганрог уже был крупнейшим портом юга России. Правительство Александра I продолжило политику его предшественников по развитию азово-черноморской торговли. На это в первые годы царствования были направлены многие распоряжения Александра I. Особо следует отметить указ от 8 октября 1802 года о разделении Новороссийской губернии на Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую. «Портовый город Таганрог» вошёл в Екатеринославскую губернию, в нём, как и в Одессе, Херсоне и Феодосии, было учреждено градоначальство.

Назначенному на должность таганрогского градоначальника А.А. Дашкову император направил 9 мая 1803 года письмо, в котором, определяя круг его полномочий, писал: «Поощряя и покровительствуя всеми мерами торговли и торгующих, должно также будет вам приласкивать всех тех из иностранцев, кои в Таганроге поселиться пожелает, доставляя им все нужные к тому удобства»¹.

Кроме того, Александр I обязал градоначальника «доставлять мне каждые две недели обстоятельные рапорты, кои до сведения моего нужным или полезным довести вы признаете...»²

В Таганроге в это время были открыты гимназия, коммерческий суд, городской сад, строительный комитет, которым был утверждён план города. Развернулись большие работы по благоустройству, на

¹ ГАРО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1. Л. 8. Письма императора Александра I градоначальнику Таганрога.

² Там же.

Вид Таганрога.
Бумага, карандаш.
1825 г.

Гавань в Таганроге.
1800 г.

которые градоначальник Б. Кампенгаузен исходатайствовал из казны кредит в 50 000 рублей, а также 10% таможенного сбора.

22 мая 1818 года Александр I, путешествуя по югу России, впервые прибыл в Таганрог. Вместе со свитой из высших чиновников (Аракчеев, Милорадович, Волконский, Уваров, Каподистрия, Меншиков, Данилевский и др.) он осмотрел город, посетил тюремный замок, карантин, порт и вечером 23 мая отбыл. Таганрог произвёл на императора приятное впечатление. Он остался доволен результатами деятельности правительства и таганрогского градоначальства.

Александр I останавливался в «казённом доме» для приёма гостей градоначальства. История здания, которому предстояло стать интереснейшим историческим памятником не только Таганрога, но и юга России, началась в 1806 году. Первой хозяйкой располагавшегося здесь домовладения была комендантша Фузанщикова. В 1811 году домовладение приобрёл сотник С. Николаев, строивший в Таганроге казённые здания по подряду. Впоследствии дом был продан с торгов за долги его владельца перед казной. Новым хозяином стал

градоначальник Таганрога генерал-майор П.А. Папков. После капитального ремонта, который проводился под наблюдением городского архитектора Франческо Молла, здание было продано в казну за 52 тысячи рублей и стало числиться как «казённый дом» в ведении таганрогского строительного комитета. Городские власти использовали его как дом для приёма особо важных гостей градоначальства. Первым таким гостем стал вел. кн. Николай Павлович, посетивший Таганрог за два года до приезда своего августейшего брата.

К приезду императора в «казённом доме» был проведён ремонт, устроены плацдарм и кордегардия. Опись здания, сохранившаяся в фонде строительного комитета, позволяет представить его облик: «Корпус на каменном фундаменте, кирпичный в полтора этажа, оштукатуренный внутри и снаружи жёлтой краскою, а цоколь мраморною, крыша на нём железная и вокруг желоба»³.

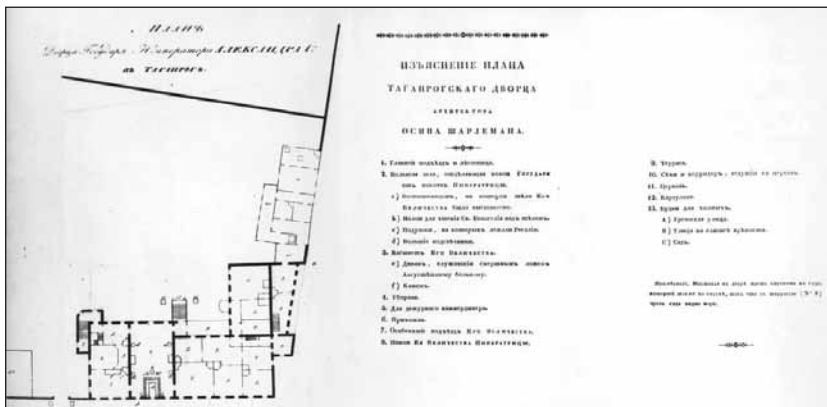
Этому дому, совсем непохожему на императорский дворец, суждено было стать последним пристанищем одного из самых могущественных правителей Европы начала XIX века.

Причиной отъезда на юг летом 1825 года стала прогрессирующая болезнь императрицы Елизаветы Алексеевны, которой врачи порекомендовали провести зиму в мягком южном климате. Выбор остановился на Таганроге, что вызвало у современников недоумение. Так, графиня Шуазель-Гуффье писала: «Трудно понять, как и почему медики нашли климат Таганрога, расположенного на берегу моря и открытого зимой очень холодным ветрам, — благоприятным при грудных болезнях...»⁴

В сентябре Александр I прибыл в Таганрог, чтобы подготовить приезд императрицы. Для пребывания царской четы был избран тот же дом, в котором император останавливался во время первого посещения. На ремонт и замену обстановки новой царской резиденции из казны было выделено 25 тыс. руб. Руководил работами придворный архитектор И.И. Шарлемань. Мебель для обстановки резиденции была доставлена из Царского Села. Ожидая приезда императрицы, Александр I сам руководил расстановкой мебели, развешивал картины. В соответствии со вкусами царя, не любившего роскоши и придворного этикета, была создана обстановка простоты и уюта. По всему было видно, что император устраивался надолго, он планировал надстроить второй этаж резиденции, разбить сад между крепостью и дворцом. Первым было поручено заняться И.И. Шарлеманю, для выполнения второй задумки царя из резиденции в Ропше был

³ Там же. Ф. 581. Оп. 1. Д. 6. О покупке Казённого дома. 1816. Л. 4.

⁴ Шуазель-Гуффье С. Воспоминания об Александре I. СПб., 1829. С. 196.

План таганрогского дворца.
 Архитектор И.И. Шарлемань, 1825 г.

вызван садовник Грей. В разговорах с князем П.М. Волконским Александр I неоднократно упоминает о своем желании жить частной жизнью и предлагает ему: «а ты выйдешь в отставку и будешь у меня библиотечарем»⁵. Кроме упомянутого Волконского, в свиту императора в Таганроге входили: начальник Главного штаба Дибич, советник Логинов, барон Клейнмихель, лейб-медики Тарасов и Вилье, позднее, уже перед смертью императора, прибыл генерал-адъютант Чернышёв; всего около 20 человек.

На время пребывания императора были усилены стоявшие в городе военные части. В Таганрогский гарнизон командировали лучший полк донских казаков, которым командовал полковник С.С. Николаев. Службу при дворе нес почётный караул из солдат лейб-гвардии казачьего полка. Комендантом города был назначен полковник барон А.А. Фридерикс. Значительные средства были израсходованы на ремонт казённых и городских зданий, на благоустройство города: отремонтировали спуски к морю, дом призрения неимущих, городской сад обнесли оградой. Городскому саду император уделил особое внимание. По его распоряжению сад увеличили за счёт выкупленных у частных лиц дачи и рощицы, назначили рабочих для устройства сада, и Александр I сам отдавал им распоряжения по приведению в порядок аллей и клумб. 9 октября 1825 года им был подписан указ «О казённом саде в Таганроге»⁶.

⁵ Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 294.

⁶ ПСЗ. Т. 40. С. 531–532.

23 сентября 1825 года в Таганрог прибыла императрица Елизавета в сопровождении фрейлины Е.П. Валуевой и княгини С.Г. Волконской. Императорская чета разместилась в доме: половина императрицы состояла из восьми небольших комнат, в которых кроме неё расположились Валуева и Волконская. В этой же половине находилась походная церковь. Посредине дома была большая зала для приёмов. Император занимал две комнаты с другой стороны приёмной залы. В угловой был кабинет со спальней, а в другой — полукруглая уборная, одним окном выходившая во двор. При этих двух комнатах был коридор. Гардеробная находилась в подвальном этаже⁷.

Приезд царской четы открыл новую страницу в истории города. Новой жизнью зажил и «Казённый дом», ставший царской резиденцией. Отсюда теперь управлялась Российская империя, скакали фельдъегери с письмами и указами императора в Петербург, Варшаву. В этот дом приезжали на приёмы к императору новороссийский генерал-губернатор граф М.С. Воронцов с супругой, наказной атаман Войска Донского М.Г. Власов, начальник военных поселений на юге генерал И.О. де Витт, с утренними докладами являлись начальник Главного штаба барон И.И. Дибич, генерал-адъютант А.И. Чернышёв, другие деятели Александровской эпохи. Здесь, получив донесение о существовании тайных обществ, император мучительно размышлял, что делать с заговорщиками.

Царь жил в Таганроге очень просто, без положенного его персоне этикета и церемониала: «Государь ежедневно гулял пешком по городу, в обращении он был необыкновенно доступен», — писал Н.К. Шильдер⁸.

В середине октября 1825 года Александр I совершил путешествие в Новочеркасск, попутно посетив Аксай, Нахичевань, Ростов, а в конце месяца по приглашению генерал-губернатора князя М.С. Воронцова посетил Крым. 5 ноября он вернулся из этой поездки тяжело больным. Началась лихорадка, и все старания придворных медиков оказались напрасны. Утром 19 ноября 1825 года закончился земной путь императора.

В 10 часов вечера в день смерти императора барон Дибич собрал чрезвычайный комитет, в состав которого вошли: П.М. Волконский, А.И. Чернышёв, Лонгинов, протоиерей А. Федотов, лейб-медики Я.В. Вилье и Д.К. Тарасов; этот комитет составил акт: «Император Александр I 19 ноября 1825 года в 10 часов 47 минут утра в Таганроге скончался от горячки с воспалением мозга»⁹. Печальная весть была отправлена в Петербург и Варшаву.

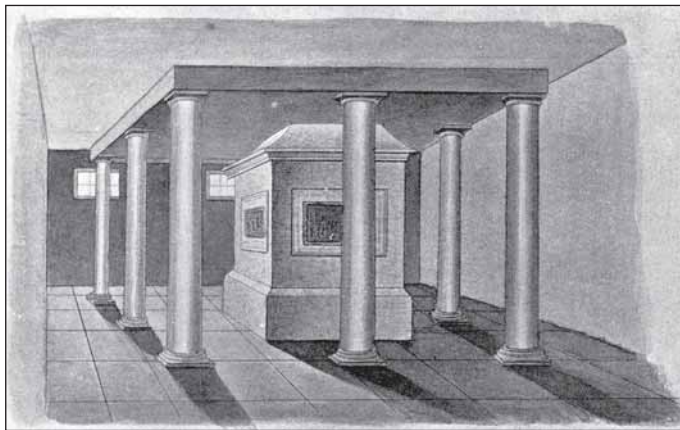
⁷ *Филевский П.П.* История города Таганрога. М., 1898. С. 127.

⁸ *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. 4. С. 296.

⁹ Там же. С. 306.

Смерть императора Александра I в Таганроге
19 ноября 1825 года. Гравюра

Памятный знак на месте бальзамирования тела Александра I
в таганрогском дворце. Рисунок М.К. Шильдера.
Вторая половина XIX в.

Тем временем в Таганроге готовились к траурным церемониям. Медики под руководством барона Вилье бальзамировали тело императора, после чего установили гроб в дворцовой церкви. Для отпевания был вызван екатеринославский архиепископ Феофил. 11 декабря гроб с телом императора перенесли в церковь Иерусалимского

греческого монастыря, где он находился до 29 декабря, когда был отправлен в Петербург. Сопровождать тело императора было поручено атаману Войска Донского графу В.В. Орлову-Денисову, священнику Алексею Федотову и лейб-хирургу Д.К. Тарасову.

Вдовствующая императрица Елизавета Алексеевна прожила в Таганроге до 22 апреля 1826 года. Она вела очень уединённую жизнь, проводя время в молитвах и одиноких прогулках. Ею были сделаны большие пожертвования таганрогским церквям, на раздачу бедным гражданам, а также вручены подарки чиновникам канцелярии градоначальника¹⁰. Перед отъездом она выразила желание приобрести дом, где прошли последние дни жизни императора. Её просьба была тотчас удовлетворена. Здание было куплено у города за 52 тыс. рублей и перешло в ведение Министерства Двора. Значительное участие во всех делах, связанных с приобретением дома и сохранения в нём мемориальной обстановки, принял князь П.М. Волконский. 24 апреля 1826 года он направил градоначальнику Таганрога А.И. Дунаеву опись мебели и вещей, оставленных в доме после отъезда императрицы из Таганрога. В этой описи дом впервые отнесён к имуществу царской семьи и дано подробнейшее описание его внутреннего убранства. Этот документ можно рассматривать как первую музейную опись, зафиксировавшую обстановку мемориальных залов. Приведём в сокращённом варианте описание одной из комнат.

«Кабинет Ея Величества».

«...Дверь в кабинет Ея Величества столярная, створчатая, окрашена белой краской с замком и ключом с четырьмя медными ручками и четырьмя накладными сквозными шпингалетами на медных петлях.

...пол оббит ковром синим с оранжевыми цветами кругом с бордюром зелёным. Стены по ходу оклеяны обоями лиловыми с цветными гирляндами с бордюром вверху и внизу.

...маленький комод... секретер красного дерева с четырьмя колоннами... на нём бюст покойного Государя императора гипсовый, попорчен... и т.д.»¹¹

По воле вдовствующей императрицы в комнате, где скончался её августейший супруг, была оборудована домовая церковь — единственное изменение в интерьере дворца, сделанное после кончины императора.

После смерти императрицы Елизаветы Алексеевны (4 мая 1826 года) все заботы о дворце взяло на себя Министерство Двора, во главе которого на протяжении четверти века стоял князь П.М. Вол-

¹⁰ ГАРО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 450. О подарках чиновникам градоначальства, сделанных перед отъездом имп. Елизаветой. 1826. Л. 1–15.

¹¹ Там же. Ф. 581. Оп. 1. Д. 986. Л. 21.

Греческая улица в Таганроге.
Фото 1880-е гг.

Дворец Императора Александра I в Таганроге.
Почтовая открытка, 1898 г.

конский. Для поддержания музея была учреждена должность смотрителя дворца, в обязанности которого входило сохранение физического состояния здания и его обстановки, а также приём посетителей. Первым смотрителем Таганрогского дворца стал губернский секретарь Максим Луговской, назначенный по представлению министра Волконского. В его распоряжение отпускались средства на содержание дома, на выдачу жалования: ему 700 рублей в год, трём служащим при нём по 300 рублей в год каждому. Необходимо отметить, что на протяжении почти ста лет интерьеры практически не изменились. Все ремонтные работы, замена обоев и драпировок делались с разрешения Министерства Двора. Пришедшие в негодность вещи можно было уничтожить только с его разрешения. Замена обо-

ев, драпировок и обивки проводились очень аккуратно с изготовлением по образцам их точных аналогов в Петербурге.

Желающие осмотреть дворец обращались к смотрителю, после осмотра каждый посетитель должен был расписаться в книге посетителей. За столетнее существование музея собрано сорок томов таких книг с автографами посетителей. Из них в фондах Таганрогского музея-заповедника сохранилось лишь пять. Они сами по себе являются уникальными памятниками, так как хранят автографы известных исторических деятелей: С. Есенина, А.Б. Мариенгофа, А. Луначарского, А. Дурова и др.

Дом по улице Греческой 40 связан не только с Александром I. Уже упоминалось, что первым высокопоставленным гостем, остановившимся здесь в 1816 году, был вел. кн. Николай Павлович (в будущем — император Николай I). Год спустя в этом доме принимали младшего брата императора, вел. кн. Михаила Павловича. В 1820 году в доме останавливался герой войны 1812 года генерал Н.А. Раевский с семьёй и сопровождавший их в поездке А.С. Пушкин.

Путешествовавшие по России наследники престола заезжали в Таганрог специально, чтобы посетить «Высочайший дворец». В сентябре 1837 года в городе побывал будущий император Александр II со своим наставником В.А. Жуковским. 13 августа 1863 года — наследник престола, вел. кн. Николай Александрович, умерший в возрасте 23 лет. К.П. Победоносцев так вспоминал это посещение: «Из монастыря Великий князь прибыл в достопамятный дом, в котором скончался император Александр I. Дом этот содержался в том самом виде, в каком находился во время кончины Государя, и в той комнате, где он скончался, устроена домашняя церковь. С трепетным чувством проходили мы по комнатам, в которых жил и думал, может быть, утвердить своё пребывание вместе с императрицей, Александром Благословенный, и дивились простоте, которую во всём окружала себя царская чета»¹². В 1870 году в Таганроге проездом в Новочеркасск останавливался наследник престола Александр Александрович (Александр III). 12 августа 1872 года в Таганрог парохомом из Керчи прибыл император Александр II с императрицей Марией Александровной и детьми: вел. кнн. Сергеем и Павлом Александровичами. Они посетили дворец, где был отслужен молебен по покойному.

Музей посещали и знаменитые деятели русской культуры, оказавшиеся в Таганроге: П.И. Чайковский, И.К. Айвазовский и др.

После революции музей, с которого начиналось музейное дело на юге России, прекратил своё существование. В январе 1920 года в

¹² *Победоносцев К.П.* Письма о путешествии наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. СПб., 1864. С. 556.

Таганроге была окончательно установлена Советская власть. Все городские музеи были национализированы. 26 марта 1920 года после осмотра мемориального музея Ревкомом было принято решение: «сохранить в надлежащем виде, как памятник старины» и «соединить первые три комнаты... в этом помещении, устроить исторический музей и библиотеку, все остальные комнаты оставить неприкосновенными, как исторический памятник»¹³. Из этого же протокола следует, что бывший «Высочайший Дворец» был преобразован в исторический отдел музея им. А.П. Чехова.

С этого времени экспозиция утрачивает мемориальность, бережно сохранявшуюся на протяжении всего XIX века, и подвергается неоднократным «уплотнениям». Старания краеведов и благосклонное внимание высокопоставленных представителей новой власти ничего не изменили в судьбе исторического памятника.

В сентябре 1920 года во дворце Александра I побывал нарком просвещения А.В. Луначарский. Он оставил запись в книге посетителей: «Этот старинный уголок, сохранившийся сравнительно неприкосновенным, необходимо сохранить как исторический бытовой памятник, главным образом, для учебных целей»¹⁴. Заведующий музейной секцией таганрогского горисполкома М.М. Андреев-Туркин совместно с Главнаукой прилагал огромные усилия для сохранения музея, апеллируя при этом к высокой оценке, данной этому историческому памятнику наркомом. Однако все усилия ревнителей старины были тщетны...

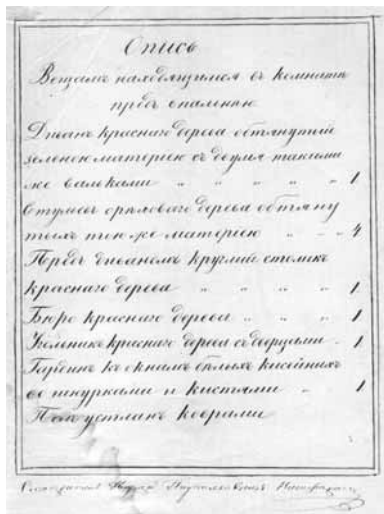
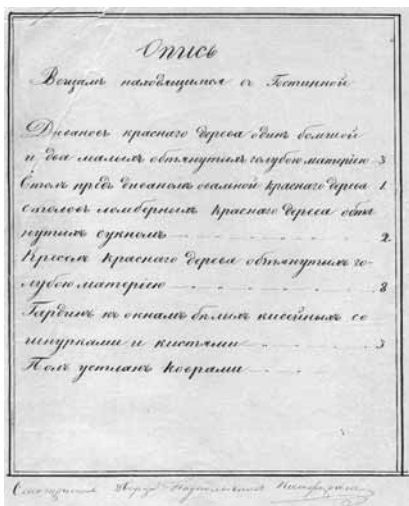
В 1927 году таганрогский отдел народного образования, в ведении которого находился музей, обращается с ходатайством в Горсовет о предоставлении здания, занимаемого институтом научной организации труда и производства (бывший особняк таганрогского помещика греческого происхождения Н.Д. Алфераки) для размещения в нём объединённого городского музея. 5 августа 1927 года на заседании президиума таганрогского окружного исполкома и Горсовета вопрос был решён положительно.

В связи с этим решением музей во дворце Александра I был закрыт, исторический отдел переведён в особняк Н.Д. Алфераки. Дом, где провёл последние месяцы своей жизни император, в 1931 году по решению таганрогского горсовета был передан под коммунальные квартиры. Под руководством нового директора городского музея

---

¹³ ТГЛИАМЗ. ФПИ. Ф. 6–15. Д. 1. Документы по истории музейного дела в Таганроге. Л. 6, 1.

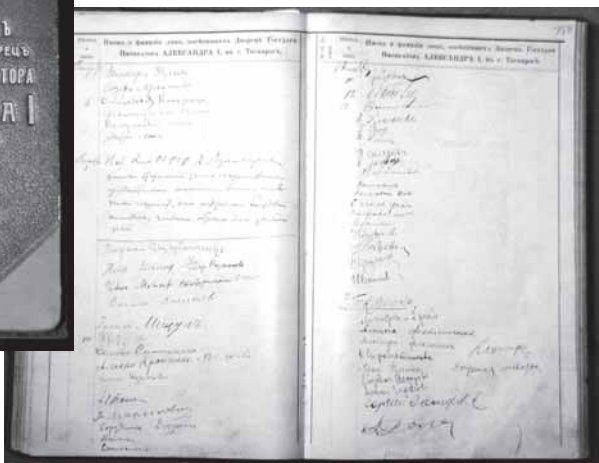
¹⁴ Там же. Ф. 1–17. Д. 5. Книга для записи лиц, посетивших дворец Государя Императора Александра I в Таганроге. Л. 154.

Страница описи комнат
«Высочайшего дворца Александра I в Таганроге». 1826.

Книга посетителей мемориального музея
Императора Александра I в Таганроге.
1918—1924 гг.

Страницы книги посетителей мемориального музея
Императора Александра I в Таганроге. 1918—1924 гг.

Комнаты мемориального музея Императора Александра I в Таганроге.
Фото 1926 г.

Лапина были уничтожены все драпировки, ковры, сорваны обои, бережно сохранявшиеся с 1825 года. Во дворе краеведческого музея сожжено убранство домово́й церкви. Мебель частично перевезена в городской музей, частично продана.

Любопытен факт попытки во время немецкой оккупации Таганрога в 1942 году восстановить музей Александра I, но открыть его не удалось. В 1961 году коммунальные квартиры из здания убрали, в нём обосновалось детское оздоровительное учреждение — санаторий «Березка».

Как уже упоминалось, часть мемориальной Александровской коллекции оказалась в фондах историко-краеведческого музея Таганрога. В основном это мемориальная мебель из обстановки дворца. Кро-

Таганрогский историко-краеведческий музей
(дворец Н.Д. Алфераки). Современное фото

Зал таганрогского историко-краеведческого музея «Император Александра I. Царствование, закончившееся в Таганроге». Современное фото

ме того, в фондах музея хранится часть фарфорового письменного прибора из дворца Александра I и ваза с портретом императора, выполненная на императорском фарфоровом заводе и подаренная музею Николаем I.

Хранившиеся в музее предметы из бывшей царской резиденции почти всё время экспонировались как в постоянных экспозициях, так и на выставках. К 200-летию Отечественной войны 1812 года в музее открыта новая экспозиция «Император Александр I. Царствование, закончившееся в Таганроге», где выставлены многие предметы из дворца Александра I.

По-прежнему всех приезжающих в Таганрог влечёт к себе старинный, загадочный дом на ул. Греческой, 40, где завершился земной путь победителя Наполеона.

Мемориальная доска на здании последней резиденции Императора Александра I. Современное фото

П.Я. Ямски
(Варшава, Польша)

Бросил ли Константин Павлович Романов резиденцию в Стрельне в пользу малого дворца Бельведер в Варшаве?

Указанные в названии два дворца объединяет личность их владельца цесаревича и вел. кн. Константина Павловича Романова. Родившийся 27 апреля 1779 года, он был вторым сыном Павла Петровича и Марии Фёдоровны и с самого начала предназначен на роль монарха. Более других известен «Греческий проект» Екатерины II и графа Григория Орлова, нацеленный на подчинение Турции, с Константином Павловичем на тамошнем престоле¹.

В 1788 году рассматривалась его кандидатура на шведский престол, потом король Польский и Великий князь Литовский Станислав Август Понятовский писал в письме Императрице: «Дай нам в качестве моего наследника твоего внука Константина, пусть объединит две страны вечный союз вместе с торговым союзом, выгодный для обеих сторон»². В 1796 году Екатерина II умирает. Понятовский повторяет, на этот раз Александру I, то же предложение³. В очеред-

---

¹ *Арун Г.Л.* Некоторые соображения по поводу «Греческого проекта» // Век Екатерины II. Россия и Балканы. М., 1998. С. 68–80; *Анишаков Ю.П.* К истории «Греческого проекта» Екатерины II // Исторические исследования. Сборник научных трудов. Самара, 1997. Т. 1. С. 10–18; *Кучерская М.* Великий князь Константин Павлович византийский император // К 60-летию профессора Анны Ивановны Журавлёвой. Сборник статей. М., 1998. С. 3–15.

² *Zienkowska K.* Stanisław August Poniatowski. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1998. S. 349.

³ *Zielinska Z.* «O sukcesyi tronu w Polsce» – 1787–1790. Warszawa, 1991.

ных политических сценариях Константин Павлович ещё несколько раз возводился на польский престол. Присвоение Константину в 1799 году в обход «положения о наследовании престола» титула цесаревича указывало на его высокую позицию и связанные с ним ожидания в политике монархии. Но лишь в 1815 году, когда постановлениями Венского конгресса было создано Царство Польское, Константин Павлович, несмотря на возведение царского наместника-поляка, получил в Варшаве фактическую власть⁴. Этот выбор сделал император Александр I, а причины своего решения аргументировал Адаму Чарторыйскому тем, что хочет задержать Константина в Варшаве, дабы тот освоился с конституционным строем, который царь замышляет ввести в России, стал менее вспыльчивым и полюбил поляков... *так как сам он полек любил уже долгие годы, оставаясь в близких отношениях с Хеленой Любомирской, Марией и Жанетой Четвертинскими*⁵. Последствием решения Александра I был отъезд Константина Павловича на постоянное жительство в Варшаву. Он, в частности, оставил свой великолепный дворец в Стрельне, который, по мнению автора монографии о дворце Сергея Горбатенко, попал в продолжавшуюся до конца 1830-х годов летаргию⁶.

Братья Александр Павлович и Константин Павлович воспринимали Варшаву как один из самых важных городов в царстве, окно России на Запад, через которое культура Запада могла доходить не только до приближённой к императорскому двору элите, но и более широко — до формирующегося нового российского общества. Эта по-своему утопическая идея, обременённая ежедневной зависимостью на стыке «покорённый — господствующий» частью общества, тем не менее, воспринималась с надеждой. Великий учёный и организатор польской научной жизни Станислав Сташиц предсказывал Казтану Козьмяну: «Этот город благодаря своему географическому и политическому положению предназначен быть третьей, а может, и главной столицей великого, в одно тело объединённого под одним могучим скипетром славянского народа. <...> давайте сплачиваться с Россией и будем просвещать друг друга, возьмём у неё могущество, а она у нас пусть берёт просвещение»⁷.

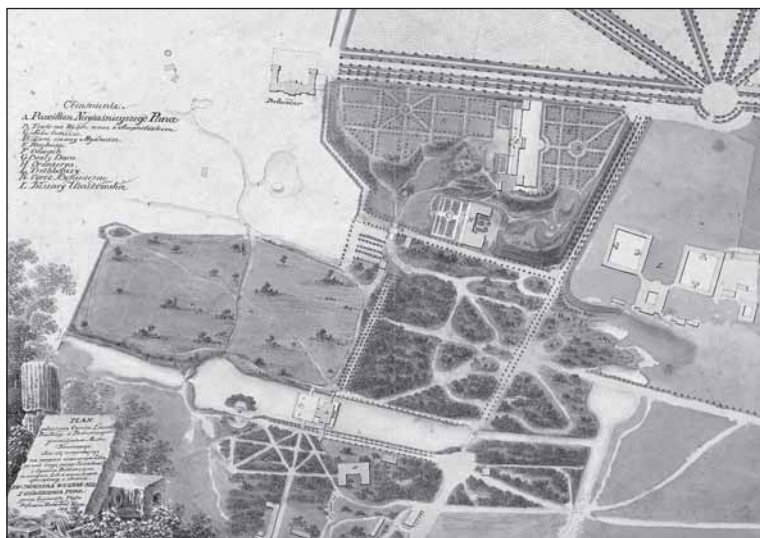
---

⁴ *Кауштанова О.С.* Великий князь Константин Павлович в Варшаве в 1815–1830 гг. (по воспоминаниям современников) // *Столица и провинция в истории России и Польши.* М., 2008.

⁵ *Bortnowski W.* Wielki Książę Konstanty i Joanna Grudzińska. Łódź, 1961. S. 78.

⁶ *Горбатенко С.* Архитектура Стрельны. СПб., 2008. С. 180–203.

⁷ *Koźmian K.* Pamiętniki. T. II. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972. S. 196–197.

Лазенки и Ботанический сад в Варшаве.
 План резиденции Александра I. Работа Зигмунда Вогла, 1818. BN-R4696

Возможно, уже тогда император думал о приобретении имений, ранее принадлежавших польскому королю Станиславу Августу Понятовскому, которого он хорошо знал лично, питал к нему симпатию и помнил о взаимной привязанности между Екатериной II и будущим правителем Польши и Литвы. Александр I отлично понимал, насколько важно для формирования общественного мнения польских подданных приобрести имения, связанные с бывшими правителями польских земель. Уже в 1815 году он занял Королевский замок в Варшаве, тогда же намеревался выкупить Лазенки (*дворцово-парковый ансамбль в Варшаве*), а несколько лет спустя объединил в качестве имущества царского двора почти весь Уяздовский дворец в Варшаве и королевский дом в Беловеже, которая столетиями была охотничьими угодьями польских королей. Подобные действия, несомненно, укрепляли чувство политической преемственности правителей польских земель, а обращение к традициям убедительно указывало на Александра I как на реального обновителя польской политической жизни. Следует добавить, что император заботился о сохранении архитектурного облика этих символических строений и мест. Во время визитов в Варшаву в 1815 и 1816 годах Александр I подробно ознакомился с проблемами развития города и под одобрение многих варшавян выразил желание способствовать его благоустройству, в том числе восстановлению Лазенкам былого блеска. В августе 1817 года император дал

официальное согласие на приобретение Лазенок, аргументируя это тем, что «на их приобретение решился лишь для блага жителей Варшавы, помнящих лучшее состояние любимого ими места прогулок»⁸.

Согласие на принятие Конституции Царства Польского, восстановление польской армии, во главе которой стояли опытные польские генералы, открытие университета в Варшаве, поддержка уходящего корнями в станиславовскую эпоху Научного общества и многое другое, введённое в первые годы царствования императора Александра I, позволяло полякам надеяться на возрождение независимой Польши⁹. Императору Александру I такое решение давало надежду на постепенную перемену облика России, в которой польские земли оказывались полезным инструментом.

Император Александр I отвёл Константину Павловичу роль, подобную той, которую несколько лет назад сыграл наполеоновский маршал Луи Никола Даву, командующий польскими и французскими войсками в Варшавском княжестве, фактически управлявший им¹⁰. Даже имя княгини Лович для супруги Константина было заимствовано из титулатуры французского маршала. С этим титулом были связаны приносявшие около 200 000 франков годового дохода богатые и многолюдные имения в окрестностях городов Скерневице и Лович¹¹.

По-видимому, Константин Павлович с самого начала рассматривал вопрос, связанный с его летней варшавской резиденцией, и выбрал соединённый с лазенковским парком и царской резиденцией дворец Бельведер, небольшую часть имения в 700 гектаров, когда-то принадлежавшего Станиславу Августу Понятовскому¹².

⁸ Warszawa, AGAD. Sekr. Stanu. Vol. 4. Plik 2. K. 49v. List Sobolewskiego do Zajączka z 5 sierpnia 1817.

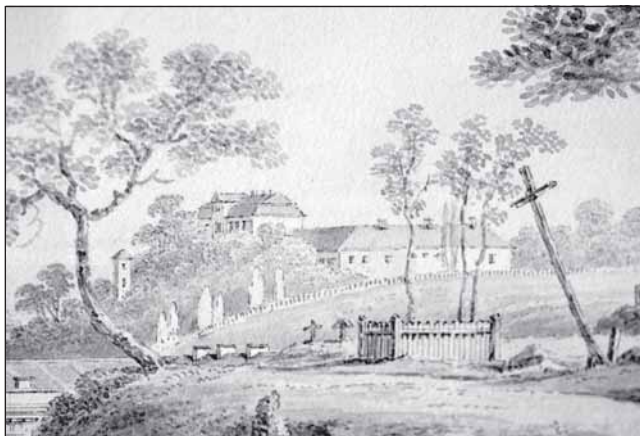
⁹ Каптанова О.С. Развитие просвещения и культуры в Королевстве Польском (1815–1830) // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010; Высшая и средняя школа в Королевстве Польском при Александре I глазами царской администрации // Akademia nauk, uniwersytety, organizacje nauki. Polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w. Warszawa, 2013.

¹⁰ Pienkos A.T. The Imperfect Autocrat Grand Duke Constantine Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. Columbia, 1987.

¹¹ Земли вокруг города Лович с 1135 по 1795 (название князь Лович появилось только в XVII веке) принадлежали католическим епископам Гнезно. После третьего раздела Польши перешли в руки прусского правительства, в 1807 году Наполеон отдал княжество своему маршалу Луи Даву. Шесть лет спустя Верховный Совет Варшавского герцогства выкупил их в государственную казну. В 1820 году поместья, принадлежавшие герцогству, были переданы Константину Павловичу, а название «Княгиня Лович» — Иоанне Грудзинской.

¹² Иосиф Залуски позволяет сравнить два дворца Константина Павловича: Załuski J. Wspomnienia. Kraków, 1976. S. 332–334.

Вид на заложение Бельведера. Фрагмент акварели Зигмунда Вогла, около 1817. Государственный Эрмитаж, номер кат. ОР-23673

Таким образом, Бельведер вновь появляется на политической арене и в очередной раз со времён королевы Боны Сфорцы становится узлом в истории польских земель... Интересно, что этот район и сам Бельведерский дворец уже принимали правителей Московского государства: в 1611 году здесь несколько недель пребывал после своего низложения Василий IV Шуйский, ожидая, когда его официально представят в качестве пленника Речи Посполитой королю Сигизмунду III Вазе¹³.

В свою очередь, Константин Павлович, приняв решение о переселении в Бельведер, во второй раз оказался во дворце, принадлежавшем некогда Станиславу Августу Понятовскому. Когда тот умирал в Мраморном дворце на невском берегу Санкт-Петербурга, он не отрывал глаз от украшающих стены видов любимых Лазенок, написанных Зигмунтом Фогелем. Следующим обитателем дворца оказался Константин Павлович, который, любуясь когда-то акварельными видами парка на Висле, и не предполагал, что Лазенки станут ему такими родными, что он захочет в них умереть.

В Бельведере Цесаревич нашёл спокойную пристань для семейной жизни, после того как женился на аристократке Иоанне (Жанет-

¹³ Ямски П. Усыпальница московских царей в Варшаве в новое время. История. Дипломатия. Миф // Россия—Польша. Два аспекта европейской культуры. XVIII Царскосельская научная конференция. СПб., 2013. С. 636–650; *Jamski P. Legenda Kaplicy Carów Moskiewskich w Warszawie (1620–1914) // Hold Carów Szujskich. Warszawa, 2012. Biblioteka «Baroku». T. 1. S. 143–160.*

Константин Павлович на фоне
Бельведерского дворца. Литография
по рисунку Валентего Сливинского.
Ок. 1825. MNW

те) Груздинской¹⁴. Скромное бракосочетание состоялось 24 мая 1820 года в православной церкви Королевского замка, затем в католической часовне того же дворца, после чего было подтверждено государственным чиновником по Кодексу Наполеона. После бракосочетания молодожёны отправились в открытой коляске, которой правил сам Цесаревич, в Бельведерский дворец. Конечно, его начали приводить в порядок гораздо раньше,

чтобы во дворце можно было жить. Генеральный ремонт финансировался за счёт местных налогов. В бюджете Царства Польского на 1819 год был предусмотрен расход на приобретение Бельведерского дворца¹⁵. Официальным покупателем числились органы администрации Царства¹⁶, но общественности было известно, что великий князь купил дворец для себя¹⁷. На следующий год планировалось покрыть за счёт казны Царства строительство дороги в резиденцию Константина¹⁸. Последующие годы Константин и Жанетта прожили в семейном согласии. Их жизнь протекала в отдалённом от центра Варшавы Бельведере, они вели её в согласии с тогдaшней модой, но и не отказываясь от своего вкуса¹⁹.

¹⁴ Z korespondencji Księżnej Łowickiej. Przegląd Polski. R. XVII. Z. II. Sierpień, 1882. Kraków, 1882. S. 176; *Колзаков К.П.* Жанетта Антоновна Лович, супруга цесаревича Константина Павловича. Русская старина. 1873. Т. 8. С. 398–400.

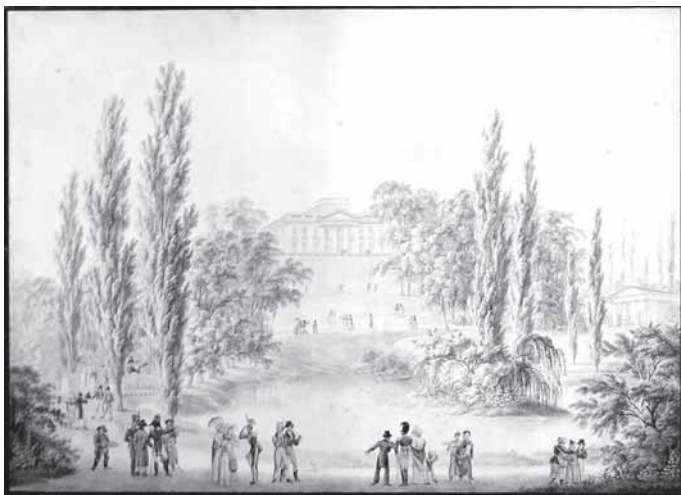
¹⁵ Warszawa, AGAD. Rachunek Administracji Skarbu Królestwa Polskiego za rok 1818 [...]. S. 70.

¹⁶ Źródła do dziejów Warszawy. T. II. Wykaz posesji stanowiących własność rządową i publiczną, wyd. Kazimierski J. Warszawa, 1966. S. 194.

¹⁷ *Kicka N.* Pamiętniki. Warszawa, 1972. S. 80.

¹⁸ Warszawa, AGAD. Rada Administracyjna. Vol. 7. S. 355–356.

¹⁹ *Ibid.* Vol. 6. S. 105.

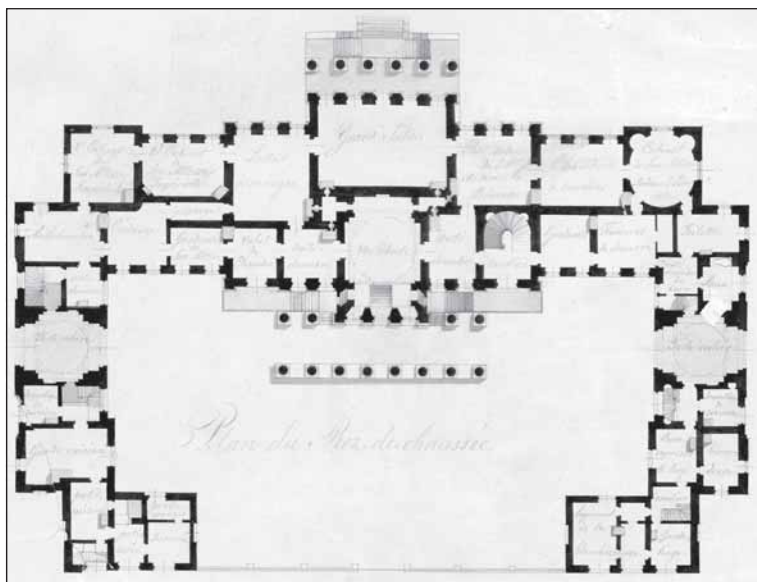

Бельведерский парк.
Рис. Joseph Richter, до 1827. MNW

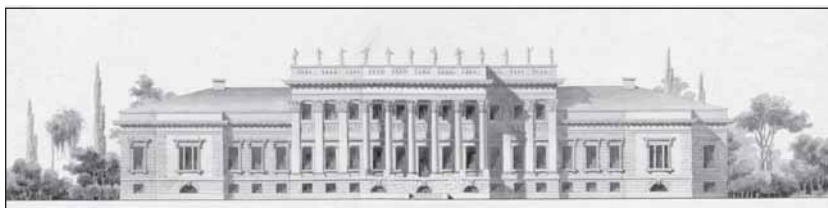
Очередные визиты Александра I в Варшаву доставили резиденции Цесаревича новые привилегии. К Бельведеру царским указом была присоединена усадьба Сельце, ранее входившая в состав моковтоской усадьбы: «Принимая во внимание, насколько присоединение фольварка, называемого Сельце, составляющего часть варшавской экономии, ко дворцу и имению Бельведер, являющегося собственностью Нашего любимейшего Брата, Великого князя Константина, поспособствовало бы благоустройству окрестностей столицы Царства, мы постановили и устанавливаем: фольварк Сельце будет присоединён бесплатно (*titulo gratuito*) и на вечные времена ко дворцу Бельведер». В Селецком дворце была устроена хозяйственная база Бельведера. Здесь же находилась главная администрация имений Ловичского княжества, подаренного в 1820 году царём молодожёнам, в которое входило два города и более ста деревень.

В 1822 году произошли небольшие, но исключительно важные административные изменения, отразившиеся на дальнейшем поведении Константина в Польше. Тогда было создано отделение царского Министерства иностранных дел, что повлияло на усиление независимости Царства в международных отношениях, а Константину позволило отчасти влиять на этот элемент царской власти²⁰. В руках

²⁰ *Smolka S. Polityka Lubeckiego przed powstaniem listopadowym. T. I. Warszawa, 1983. S. 317.*

Анонимный проект дворца Константина Павловича в Сельцах.
План. После 1827. ВУЖ, номер кат. IR-1759

Анонимный проект дворца Константина Павловича в Сельцах.
Главный фасад. После 1827, ВУЖ, номер кат. IR-1518

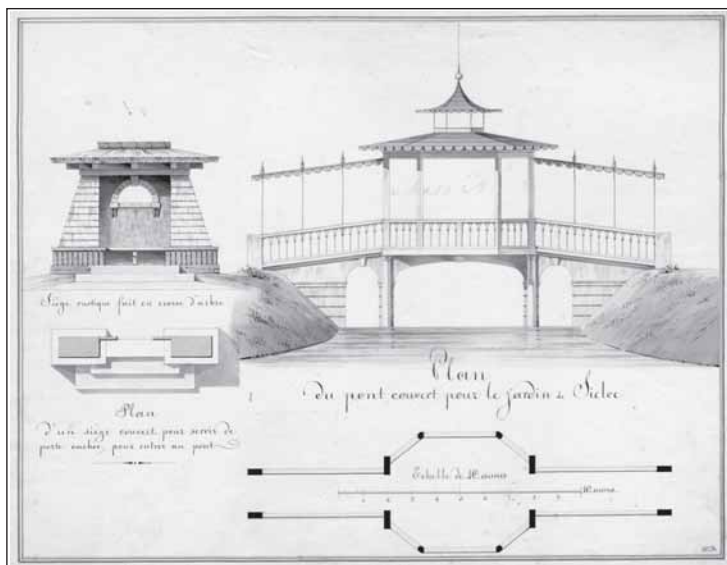
Константина соединились власть над армией и управление гражданской администрацией в Царстве Польском и пяти литовско-русских губерниях. Константин Павлович фактически стал вице-королём на территории Речи Посполитой в границах 2-го и 3-го разделов и на землях, присоединённым к Царству после Венского Конгресса. Вероятно, именно тогда он принял решение об увеличении своего «малого двора» и расширении резиденции, которая была недостаточна, чтобы вместить частный дом, польскую и российскую канцелярии, помещения для внешней и внутренней разведки, а также коллекции европейских мундиров и сабель, картографические и библиотечные фонды.

Работы по ремонту и перестройке Бельведера продолжались до 1825 года по проекту архитектора Якуба Кубицкого, главного инспектора Комиссии по надзору за строительством в Польском Королевстве²¹. Следует подчеркнуть, что этот архитектор почти полвека участвовал в делах, связанных первоначально с королевской, а затем с царской резиденцией. Якоб Кубицкий как и Зигмунт Фогель, Марчелло Бачиарелли, Теофил Боретти, — связующее звено в художественной истории дворца и гарантия воплощения плана Станислава Августа Понятовского касательно Королевских Лазенок. К 1826 году были выполнены все пункты плана, в том числе дорожки к пруду, несколько композиций пруда, сосредоточенных вокруг четырёх парковых сооружений: Египетского храма (или Египетского моста), храма Дианы, Ледника, Оранжереи возле дороги ко Дворцу на острове, каменный мост (первоначально деревянный), многочисленные каналы, группы деревьев, не использованные в ближайших Лазенках клумбы и соединяющие всё это дорожки²². Композицию дополнял искусственный остров с бюстом императрицы Марии Фёдоровны на колонне с позолоченной надписью: «À LA PLUS HONORÉE DES MÈRES», а в глубине парка второй постамент с надписью, посвящённой Александру I — «À NOTRE BIENFAITEUR». Автором планировки парка считается Александр де Альфонс де Сент-Омер, французский устроитель садов в английском стиле²³. В целом строительные и художественные приёмы вполне соответствовали пространству, помнившему времена Станислава Августа. Когда Александра I не было в Варшаве, Константин Павлович и его супруга пользовались лазенковской территорией, предоставляя доступ на неё варшавской публике. Вблизи Дворца на острове квартировали отборные подразделения польских войск. Интересно, что бельведерский и лазенковский парки, ботанический сад и окрестности старого уяздовского замка не имели тогда ограды и составляли общий зелёный массив.

²¹ O przekształceniach pałacu m. in.: Warszawa, AGAD. Rada Admin. Król Pol. T. 6. S. 162. Prot. 227 z 5 V 1818; T. 6. S. 261. Prot. 240 z 19 VI 1818; T. 6. S. 261. Prot. 288 z 11 VIII 1818; T. 6. S. 355. Prot. 253 z 25 VI 1818; T. 6. S. 390. Prot. 240 z 15 IX 1818; T. 6. S. 433. Prot. 264 z 20 X 1818; T. 6. S. 474. Prot. 271 z 14 XI 1818; T. 7. S. 6. Prot. 283 z 2 I 1819; T. 7. S. 49. Prot. 291 z 30 I 1819; T. 7. S. 138. Prot. 309 z 10 IV 1819; T. 7. S. 207. Prot. 320 z 25 V 1819; T. 8. S. 159. Prot. 390 z 25 IV 1820, T. 12. S. 157. Prot. 596, 1 VIII 1824; T. 12. S. 343. Prot. 621, 14 XII 1824; T. 12. S. 343. Prot. 621, 14 XII 1824, T. 13. S. 257. Prot. 657, 8 XI 1825; T. 14. S. 76. Prot. 678, 21 III 1826; t. 14 s. 251, Prot. 704, 12 IX 1826; T. 14. S. 343, Prot. 621, 14 XII 1824; T. 15. S. 225, Prot. 752, 24 IV 1827; T. 15. S. 287. Prot. 759, 29 V 1827.

²² *Tatarkiewicz*. Wł. Pięć studiów o Łazienkach Stanisława Augusta. Lwów, 1925; Kwiatkowski M. Łazienki. Warszawa, 1972.

²³ *Łoza St.* Architekci i budowniczowie w Polsce. Warszawa, 1954. S. 11.

Проект моста в парке в Сельцах. Акварель неизвестного архитектора с инициалами «F.V.». Ок. 1825. ВУЖ, номер кат. IR-1517

Иоанна Грудзинская, жена Цесаревича, в письмах сёстрам восхитилась своей квартирой: «она прелестная, здесь есть все удовольствия и удобства самой изысканной жизни»²⁴, сообщала, что её шурин Александр I «каждый день к нам прибывал на обед и вечер»²⁵. Образ жизни, который вела княжеская чета, и ежедневно повторявшийся «ритуал замкнутой среды бельведерского двора, который не давал повода для злых сплетен»²⁶ склонял императора к мысли о жизни в Лазенках после возможного отречения от престола. По этой же причине он не хотел окружать оба парка оградой, вероятно, чтобы не противиться «духу-попечителю этих мест — *genius loci*».

Бельведерский дворец вне своего контекста воспринимается как пример скромной жизни Цесаревича. В действительности, после смерти Александра I и непродолжительного пребывания в Варшаве Николая I, Константин Павлович был единственным владельцем поместий Уяздова, Багатели, Бельведера, Лазенок, Сельц, части Мокотова и Сольца, а после присоединения Ловичского княжества

²⁴ Z korespondencji Księżnej Łowickiej, Przegląd Polski. R. XVII, z. II, sierpień 1882. Kraków, 1882. S. 194; R. XVII, z. III, wrzesień, 1882. Kraków, 1882. S. 456.

²⁵ Ibid. S. 441.

²⁶ Skowronek J. Posłowie // Gąsiorowski W. Księżna Łowicka. Powieść historyczna z XIX wieku, Warszawa, 1987. S. 328.

здесь сформировалась огромная резиденция²⁷, которую собирались расширить. В конце 1820-х годов Цесаревич и княгиня Лович планировали перестройку Бельведерского парка и построить здесь китайскую беседку, турецкий зал, грот, фуникулёр между террасами варшавского обрыва, оранжерею, а расположенные вблизи Сельцы из второстепенного фольварка превратить в современный центр имений, с обширным дворцом в стиле классицизма. Найденный проект неизвестного автора свидетельствует о значении, которое хотел придать своей резиденции Константин Павлович²⁸. Его будущее место жительства должно быть обширным, удобным, безопасным, окружённым просторным садом и парком. Несомненно, в совокупности с упомянутыми выше поместьями оно должно было стать резиденцией, достойной своего хозяина. Однако на все эти предприятия Цесаревичу и княгине Лович времени не хватило...

Свободная и спокойная жизнь великокняжеской семьи в Бельведере и Лазенках вскоре была прервана событиями, которые способствовали росту недовольства поляков русскими и, в конце концов, привели к восстанию в 1830—1831 годов. В ночь с 29 на 30 ноября 1830 года обитателям Бельведера пришлось бежать. Торопливо покидая дворец, они думали, что оставляют его на несколько часов... Рассматривались разные варианты развития ситуации, часть польской элиты хотела провозгласить Константина польским королём²⁹. Эти планы, однако, не сбылись³⁰. Восстание расширялось, и Николай I вызвал брата в Петербург. Во время длительного переезда в Петербург Константин Павлович скончался в Витебске, через полгода после отъезда из Бельведера. Иоанна Грудзинская умерла в Царском Селе через несколько месяцев после мужа. Бельведер оказался важным пунктом в её завещании, в котором она распорядилась: «Не хочу, чтобы имения перешли в чужие руки, в руки москаля <внебрачного сына Константина — Павла Александра>. Итак, отписываю все мои имения в Польше польскому королю, кем бы он ни был, то есть присоединяю их к коронным имениям, принадлежащим монарху.

---

²⁷ Шильдер Н.К. Император Николай и Польша в 1825—1831 гг. // Русская старина, 1900. № 2. С. 277—306; № 3. С. 517—544; № 4. С. 51—69; № 5. С. 237—259; № 6. С. 477—504.

²⁸ Проект хранится в библиотеке Ягеллонского университета в Кракове: инв. IR-1518; 1759.

²⁹ Między innymi. Воспоминания К.П. Колзакова о пребывании русских в Польше и о революции в Варшаве. 1815—1830 // Русская старина, 1873. Т. 7. С. 423—455, 587—612; Tokarz W. Sprzysiężenie Wysockiego i Noc Listopadowa. Warszawa, 1925.

³⁰ Bortnowski W. Wielki Książę Konstanty podczas Powstania Listopadowego. Studia i materiały do historii wojskowości. Т. 11. Warszawa, 1965. S. 193—232.

Он не в праве их ни продать, ни заложить, они должны переходить от отца к сыну, от монарха к монарху, подобно Лазенкам <...> Бельведер с садом, Сельце и Лазенки можно объединить в прекрасную королевскую резиденцию, а Скерневице доходами обеспечат её содержание»³¹. Изнурённая болезнями и одинокая Грудзинская не предусмотрела того, что в согласии с последней её волей имения достанутся младшему брату Константина Павловича Николаю.

На протяжении следующих семидесяти лет, вплоть до эвакуации в 1915 году, «императоры всегда останавливаются в Бельведере или в Лазенках, а в Замке бывают только на балах, прежде у наместников, а ныне у генерал-губернаторов. <...> предпочитают задышаться в тесных комнатах Лазенок или скромных комнатах Бельведера...»³² С годами пребывание членов царской семьи в Бельведере становилось всё короче, в основном летом, что свидетельствовало о спаде интереса к польским делам. Резиденции в Варшаве использовались лишь как временные остановки в далёких путешествиях: в Скерневице, Спалу, Париж, на датские пляжи и Лазурный Берег (где Романовы построили виллу с тем же названием «Бельведер»). Важной причиной посещения земель Мазовии во второй половине XIX века был присмотр за имениями Ловичского княжества, которые составляли важную статью доходов в бюджете двора...³³

Несмотря на изменение Николаем политики Российской империи по отношению к польским землям и ослабление значения варшавских резиденций, завещание Иоанны Грудзинской помогло сохранить царские резиденции на польских землях. Сохранением частицы времён Станислава Августа Понятовского мы обязаны следующим после Константина Павловича владельцам и администраторам территорий вокруг Дворца на острове. В сохранившихся зданиях, планировке парка и архивных документах пребывает память о так и не осуществлённых намерениях создать в Варшаве великую царскую резиденцию.

---

³¹ Z korespondencji Księżnej Łowickiej, Przegląd Polski. R. XVII, z. III, wrzesień 1882. Kraków, 1882. S. 493–496.

³² *Zalewski A.* Towarzystwo warszawskie. Listy do przyjaciółki przez baronową XYZ, oprac. Kołodziejczyk R. Warszawa, 1971. S. 62.

³³ Даже в 1905 году Ловичское княжество принесло около 400 тысяч рублей дохода, и заняло 4-е место в таблице доходов Министерства Императорского Двора. *Зимин И.В.* Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. СПб., 2013.

З.А. Персевич
(Санкт-Петербург)

Великокняжеский Михайловский дворец. 1825–1895

Сокровищница отечественного искусства, Русский музей со дня основания занимает одно из красивейших зданий в центре Петербурга — бывший великокняжеский Михайловский дворец. Архитектурному гению Карло Росси мы обязаны тем, что в 1820–1830-х годах в центре столицы появился ампирный ансамбль: дворец, площадь и улица, связанные с именем младшего сына императора Павла I (*Илл. 1*).

С рождением 28 января 1798 года вел. кн. Михаила Павловича в императорской семье появился порфирородный сын. Заботясь о его судьбе, Павел I пожаловал новорождённому звание генерал-фельдцейхмейстера и распорядился, чтобы в будущем для него был построен дворец (*Илл. 2*). Строительство Михайловского дворца началось в год совершеннолетия Михаила Павловича летом 1819-го и продолжалось шесть лет

1. Архитектор К. Росси.
Неизвестный художник

2. Дж. Доу. Портрет вел. кн. Михаила Павловича. 1826 г. ГРМ

при Александре I. 8 февраля 1824 года вел. кн. Михаил женился на внучатой племяннице своей матери принцессе Шарлотте Вюртембергской, получившей при переходе в православие имя Елена Павловна. 30 августа 1825 года дворец был передан императором младшему брату в вечное потомственное владение. Михаил Павлович поселился в нём с женой и дочерью.

Как великокняжеская резиденция дворец использовался ровно 70 лет. Внешний вид дворцового комплекса сохранялся, интерьер же со временем преобразался под влиянием архитектурной моды, перемен в составе семьи и других обстоятельств. В 1895—1916 годах в связи с перестройкой под музей целостный ансамбль понёс существенные потери извне и изнутри¹.

Поскольку Михайловский дворец является выдающимся архитектурным памятником, нам особенно интересен начальный период его бытования. На каком материале мы попытаемся реконструировать первоначальный образ дворца К. Росси? Важнейшим остаётся сохранившееся здание и фрагменты его убранства. К этому следует добавить авторский «Альбом планов, фасадов и профилей дворца»². К сожалению, до сих пор не обнаружены эскизы Росси по внутреннему убранству дворца, известны только виды Белой гостиной и Нижнего кабинета вел. кн. Михаила Павловича. В этих условиях значительный интерес представляют несколько архивных фотографий конца XIX века, зафиксировавших состояние интерьеров накануне перестройки под музей, и авторская «Папка с рисунками мебели для бельэтажа»³. Некоторое представление об убранстве даёт

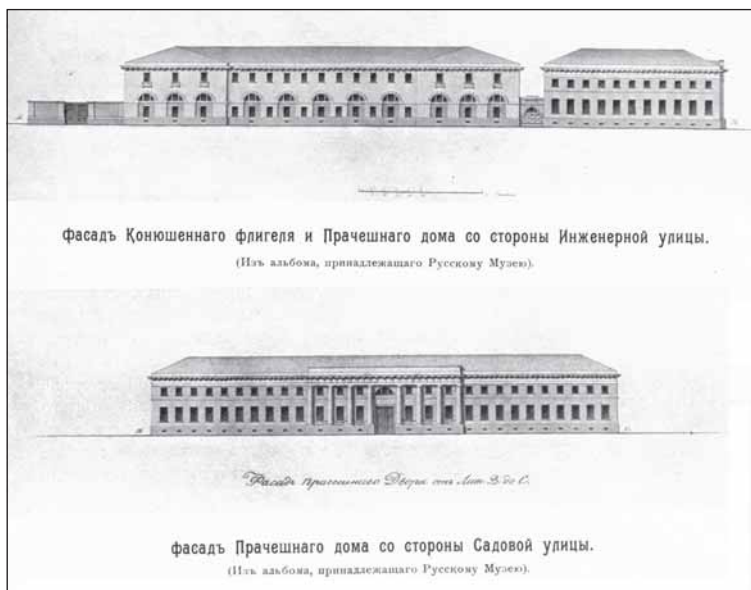
¹ Перскевич З.А. Строитель Русского музея архитектор В.Ф. Свиньин // Петербургские чтения 1998 г. Раздел VIII. С. 569.

² ГРМ. Р-17041-17058.

³ Хранится в Музее истории Санкт-Петербурга.

3. Г. Мартенс. Михайловский дворец. 1830-е гг. ГРМ

4. К. Росси. Фасады зданий, выходящих на Инженерную ул. Из Альбома Росси. ГРМ

«Опись Михайловского дворца», составленная в 1826 году⁴. Ценны и свидетельства современников.

Центральное место в ансамбле занимает дворец (Илл. 3). К нему симметрично примыкали два невысоких, но вместительных, флигеля-каре. Сохранившийся Западный (Фрейлинский) был отведён под

⁴ Хранится в РГИА. Ф. 438. Оп. 35. Д. 107–114.

5. К.П. Беггров. Вид Михайловского дворца. 1832 г. ГРМ

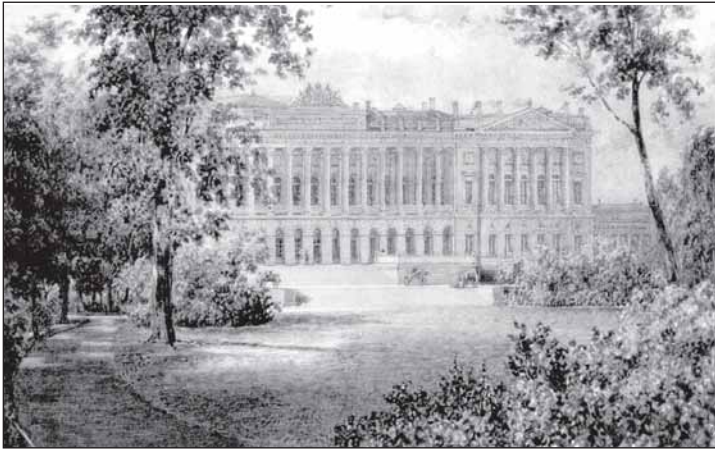
квартиры придворных дам и жильё для прислуги, в восточном помещался Манеж, контора двора и служебные квартиры⁵. Флигели выходили на линию вновь проложенной Инженерной улицы (Илл. 4). Рядом с Манежным был поставлен Конюшенный корпус, за ним на углу Инженерной и Садовой улиц стоял Прачечный корпус⁶.

Главное здание имеет четыре этажа, высота его центрального помещения— парадного вестибюля —28 метров. Нижний этаж предназначался для повседневного пользования: личные комнаты владельцев, детские, резервные для гостей. В бельэтаже залы располагались анфиладой: на западной стороне — бальные, на восточной — парадные покои великой княгини и великого князя. В юго-восточном углу антресольного этажа был построен домовый храм св. Архистратига Михаила, рядом сосредоточены гардеробные великой княгини и дежурные комнаты для придворных дам, на этом этаже находились и различные кладовые. Подвальные помещения занимали кухни и другие службы. Лестницы, коридоры и комнаты в глубине здания освещались со стороны внутренних Сервизного и Церковного дворики. Внутренняя планировка здания отвечала максимальному удобству пребывания.

Парадное великолепие дворца, обращённого к площади главным фасадом, его масштаб, совершенство и гармония пропорций подчеркнуты благородной простотой дворцовых флигелей и окружающих площадь домов, решённых с ним в едином стиле (Илл. 5). В симметричной композиции фасада акцентирован выступающий по центру

⁵ Разобран в 1903 г.

⁶ Перестроен в начале 1900-х В. Свиным.

6. М. Садовников. Садовый фасад Михайловского дворца.
1830-е гг. ГРМ

роскошный восьмиколонный портик с треугольным фронтоном, покоящийся на высокой аркаде входа, и аккомпанирующие ему боковые ризалиты, а также устремлённый ввысь бельэтаж, украшенный коринфской колоннадой. В творении Росси отразилась эпоха Отечественной войны 1812 года, в блестяще решённом скульптурном и орнаментальном декоре использована военная атрибутика и символика победителей (Илл. 6). Позади дворца раскинулся просторный пейзажный сад. Не менее впечатляющий садовый фасад с просторной лоджией просматривается как дальний план Марсова поля.

Ансамбль Михайловского дворца стал центром, объединившим целый городской квартал. В 1827 году его осмотрел английский путешественник А. Гренвилл в сопровождении самого Росси. Мы приводим описание дворца того времени, используя яркие впечатления Гренвилла⁷, дополненные материалами из других источников.

Внутреннее убранство поражало великолепием и выдержанностью стиля не меньше, чем внешний вид. Решение парадных покоев имело ордерную основу. Стены больших залов, колонны и пилястры были облицованы искусственным мрамором. В покоях меньшего размера их покрывали шёлковые обои в золочёном обрамлении. Обилие позолоты в отделке, сверкающие полировкой двери, набранные из дорогой древесины полы, поразительных размеров зеркала, ме-

⁷ *Granville Augustus Bozzi*. St. Petersburg: A Journal of Travels to and from That Capital; Through Flanders, the Rhenish Provinces, Prussia, Russia, Poland... London, 1828. P. 566–573.

7. Парадный вестибюль. Современный вид

бель, каждая деталь которой продумана изобретательным гением Росси, богатые портьеры на окнах, вазы, светильники, всё в целом создавало неповторимость жилища великого князя. Главная особенность творчества Росси — мышление ансамблем. В каждом зале дворца Росси создал свой ансамбль из элементов, сосуществующих в единой гармонии (Илл. 7). Особое впечатление оставляет сохранившийся донныне грандиозный вестибюль — широкая входная арка, торжественные марши парадной лестницы, венчающая её коринфская колоннада в бельэтаже, богато украшенный росписью потолок с верхним просветом, по стенам — ряды прекрасно исполненных барельефов на тему военного триумфа России.

В зону балльных залов входили большая парадная Столовая, Танцевальный зал и три гостиных — Кармазинная, Белая и Оранжевая. По мнению Гренвилла, «их убранство не только превосходит всё, что я видел в Тюильри или в любом другом дворце на континенте, но также является особо уникальным». В большую Столовую вела изысканно декорированная Голубая галерея (Илл. 8), двери которой поныне фланкируют скульптуры кариатид, а по стене напротив окон стояли две великолепные печи работы скульптора С. Пименова (Илл. 9). Большая Столовая⁸ была перекрыта сводом с гризайлевой росписью кессонами и вакхическими сюжетами у его основания. На фоне светлых стен попарно выступали 32 золотистого цвета мраморных пилястры, от карниза до высоких окон, дверей и зеркал шли пояса лепных и живописных орнаментов. Эффект богатства отделки зала достигнут совершенством задуманной композиции декораций и высочайшим мастерством исполнителей: живописца Д.-Б. Скотти и скульптора С.С. Пименова.

⁸ Ныне Академический зал № 15.

8. Голубая галерея.
Фото 1895 г. ГНИМА

9. Большая парадная столовая.
Фото 1895 г. НИМРАХ

10. Танцевальный зал.
Фото 1895 г. НИМРАХ

11. М. Садовников.
Вид Белой гостиной.
1830-е гг. ГНИМА

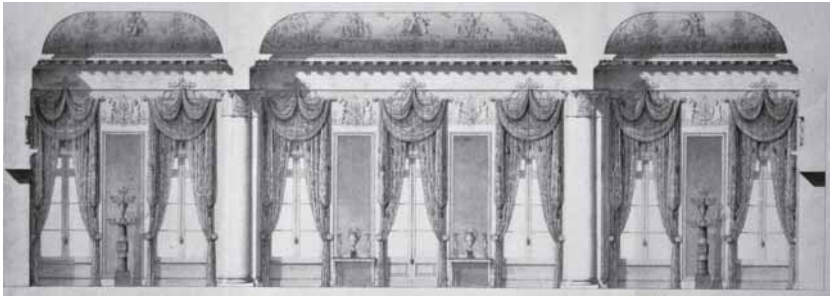
Танцевальный зал⁹ облицован мрамором белого цвета. По периметру стоят 28 трёхчетвертных голубых колонн, а между ними на фоне зеркал — 12 канделябров из резного дерева с позолотой. Голубой свод, разделённый на панели, изображает группы античных танцовщиц и арабески, исполненные Дж.-Б. Скотти. Кресла, драпировки на окнах завершают убранство зала (Илл. 10).

«Именно в Белую гостиную сеньор Росси вложил всю свою гениальность, архитектурное вдохновение и классический вкус», — восклицает Гренвилл (Илл. 11). Центральный зал сохранился, он представляет собой

довольно большую вытянутую комнату с двумя парами отдельно стоящих коринфских колонн. Это членение подчёркнуто отдельными перекрытиями каждой части. Стены и колонны облицованы ослепительно-белым искусственным мрамором. Плафон, расписанный Дж.-Б. Скотти, воспринимается как узорочье из фантастического золотого орнамента, в который включены фигуры античных небожителей. Живописную декорацию плафона дополняют стенной фриз с играющими купидонами, орнаменты и на центральной стене крупные фигурные группы, представляющие сюжеты из «Илиады» и написанные маслом по мрамору художником Антонио Виги. Эти фигуры находятся на золотых орнаментальных основаниях. Белый лепной карниз, оживлённый позолотой, смотрится великолепно. Цветной наборный паркет из дерева дорогих пород разделён на восьмигранники с розетками. Превосходны диваны с богатым тканым рисунком, стоящие по сторонам в ряду окон канделябры, виртуозно составлены из блоков сибирского порфира и золочёной бронзы. Своим описанием петербургского дворца вел. кн. Михаила Павловича в опубликованном в 1828 году «Дневнике путешественника» Гренвилл

⁹ Ныне Академический зал № 14.

12. К. Росси. Эскиз оформления северной стены Белой гостиной

прославил его на всю Европу. В начале 1828 года Николай I задумал сделать дипломатический подарок английскому королю Георгу IV. Он выделил двадцать пять тысяч рублей и велел К. Росси до осени изготовить деревянную модель Белой гостиной. Приложением к модели стали листы с эскизами убранства зала. В середине января 1829 года ценный груз достиг Лондона и был поднесён королю. В наше время давние события создали прецедент для новой подарочной истории.

Со временем Белая гостиная потеряла полноту первоначального архитектурного облика. Об этом свидетельствуют фрагменты окрашенных стен на месте мраморной облицовки, утраты настенной живописи, унылая бесцветная обивка уникального мебельного гарнитура, обычные музейные шторы на месте ампирных оконных драпировок и др. Это побудило нас обратить свои надежды в сторону Англии, где могли сохраниться заветные эскизы Белой гостиной. Направив летом 2002 года запрос, в апреле 2003 мы получили фотокопии в качестве подарка Русскому музею к 300-летию Петербурга (*Илл. 12*). Теперь мы имеем полную картину убранства зала, в том числе стены с окнами, которая не видна на акварели М. Садовникова.

Следующие за гостинными парадные покои Елены Павловны на северо-восточной стороне бельэтажа отличались особым изяществом и роскошью отделки. Об этом она позаботилась сама ещё летом 1824 года, когда в непростой ситуации сумела добиться существенных переделок в убранстве согласно своим пожеланиям. Сегодня мы любуемся в музее залами¹⁰, где сохранились камин с зеркалом и цветной паркет, изысканная живопись плафонов и пилястр, и при этом воображаем шёлковые драпировки на лёгких карнизах по стенам, дорогую мебель из тополя, морёного клёна, карельской берёзы, роскошные напольные ковры, затканые цветами.

¹⁰ Отделка старой Спальни и Маленького углового кабинета сохранилась благодаря тому, что великая княгиня разместила в них свою разросшуюся библиотеку.

13. *Л. Премацци*. Вид Нижнего кабинета
вел. кн. Михаила Павловича в Михайловском дворце. 1863 г. ГРМ

Парадные комнаты Михаила Павловича по-своему раскрывали характер своего хозяина. В них не было роскоши, что, в целом, не лишало эти залы художественной выразительности. Окрашенные стены и потолки с монохромной росписью под лепку, мебельные гарнитуры, главным образом, полированного красного дерева, натёртый до блеска дубовый наборный паркет дополняли тонко подобранные мраморные резные камины, золочёные светильники, отделочные ткани. В бельэтаже они не сохранились.

Нижние комнаты великого князя, упомянутые Гренвиллом, выходили на северо-восточную сторону окнами в сад; в их числе — запечатлённый Л. Премацци кабинет (*Илл. 13*), а также два зала Библиотеки и Арсенал. «Одно лишь место, где великий князь допустил величие и пышность, — отмечал путешественник, — богатое и очень разнообразное собрание оружия, военных мундиров, головных уборов, снаряжения, всевозможных артиллерийских и других орудий в прекрасном состоянии, аккуратно расположенных и образующих уникальный обзор». А. Бенуа в 1895 году описал свои впечатления от комнат Михаила Павловича: «В Кабинете и Библиотеке с коллекциями редких книг, эстампов и нумизматики, множеством роскошных изданий по искусству, хранились “целые полчища” небольших, удивительно тщательно обмундированных и вооружённых статуэток под стеклянными колпаками, они стояли на верхних полках книжных шкафов. Стены

14. Т.А. Нефф.
Портрет вел. кн. Елены Павловны.
1848 г. ГМЗ «Павловск»

залов были завешаны трофеями, состоявшими из сабель, шпаг и знамен, картинами военного содержания и портретами»¹¹.

Небольшая проходная комната между Библиотекой и Арсеналом имела выход в примыкавший к дворцу восточный флигель, северную часть манеж с личной конюшней, где под седлом великого князя стояло до 20 лошадей.

Для Михаила Павловича, занимавшего многие командные должности, городской дворец был не только жилищем, но и местом служебной деятельности, где могли заседать его комитеты, каждое утро являлись офицеры с рапортами, докладами и донесениями. По государственным, церковным и полковым праздникам, в дни именин великий князь принимал генералов и офицеров, а также чинов гвардии. Здесь он устраивал праздники для кадетов, делал приёмы по случаю назначения в должность и производства в офицеры.

Поскольку Михаил Павлович светских раутов не любил, хозяйкой балов во дворце была великая княгиня. Величественную красоту дворца она умела подчеркнуть размахом, роскошью устраиваемых праздников, всегда придумывала что-нибудь новое, оригинальное, неожиданное (Илл. 14). Сама Елена Павловна царственной осанкой, очаровательной любезностью, живостью ума никого не оставляла равнодушным¹².

Образ вел. кн. Михаила Павловича — первого владельца резиденции — рисуется исключительно на фоне Михайловского дворца, где всё определялось укладом его жизни и службы. Сам он не затевал никаких перестроек, зато энергичная и инициативная Елена Павловна чутко реагировала на новые художественные вкусы. Так, в

¹¹ Бенца А.Н. Мои воспоминания. М., 1980. Т. 2. Гл. 25. С. 199–200.

¹² Интересные описания балов в Михайловском дворце оставил барон М. Корф.

15. Т.А. Нефф. Портрет вел. кн. Екатерины Михайловны. 1850 г. Новокузнецкий художественный музей

середине 1830-х годов она поручила Андрею Штакеншнейдеру¹³ перестроить два зала на своей половине. Впервые в ампирный дворец вошёл архитектор нового поколения, положив начало внедрения новой архитектурной «моды» в интерьеры классического дворца.

28 августа 1849 года в Варшаве после тяжко пережитой трагедии смерти старших дочерей вел. кн. Михаил Павлович скончался. Его смерть повлекла за собой понижение статуса вдовствующей великой княгини в семейной иерархии, что сократило репрезентативную функцию Михайловского дворца. Тогда Елена Павловна внесла изменения в назначение залов. В Большой столовой она развернула Театр. В Официантской был устроен Малый храм во имя св. царицы Елены. Большие парадные залы сохранили прежнюю архитектурную отделку, вместе с тем в их убранство были введены модные элементы. Нижние комнаты Михаила Павловича остались в неприкосновенности.

Летом 1850 года к вел. кнж. Екатерине Михайловне посватался 26-летний герцог Георг-Август Мекленбург-Стрелицкий (*Илл. 15*). Третья дочь Михаила Павловича со смертью сестёр оказалась единственной наследницей родительских имений, что заставило обе стороны искать особый вариант для существования этого брака «между Стрелищем и Петербургом». Герцог Георг поступил на русскую военную службу, сохранив при этом для себя и детей все права в Мекленбурге.

К свадьбе дочери Елена Павловна обновила покои, занимавшие всю западную часть нижнего этажа Михайловского дворца. Для размещения двора вел. кн. Екатерины Михайловны был передан Манежный флигель, получивший с тех пор название Герцогского. За

¹³ В ту пору придворному архитектору двора вел. кн. Михаила Павловича.

16. Л. Премацци. Вид Красного кабинета-гостиной вел. кн. Елены Павловны в Михайловском дворце. 1848 г. ГЭ

Еленой Павловной остались западный Фрейлинский флигель и жилая половина бельэтажа.

Время Елены Павловны оказалось самым радикальным в отношении перестроек дворцовых интерьеров: не затронув лишь большие парадные залы, они преобразили большинство помещений, пригодных для личного пользования.

Сегодня в общих чертах можно представить объём и динамику перестроек. После А. Штакеншнейдера работали известные архитекторы: Гаральд Боссе был автором Красной гостиной (Илл. 16), и других комнат Елены Павловны, построенных стиле рококо (1840-е годы), Людвиг Бонштедт готовил покои к свадьбе Екатерины Михайловны, Александр Юркевич в 1850-е годы обновил верхний храм, Роберт Гедике в 1863 году спроектировал музыкальную гостиную. Из Ораниенбаума в Петербург Елена Павловна перевела архитектора Георга Прейса, который после стажировки в Италии в 1859 году занял штатную должность архитектора Михайловского дворца.

Период владения дворцом вел. кн. Екатериной Михайловной был спокойным. Архитектором дворца оставался Георг Прейс, который в 1865 году построил для Екатерины Михайловны и её дочери личные апартаменты в нижнем этаже восточного флигеля. Здесь великая княгиня жила до своей кончины в 1894 году¹⁴. Когда в 1873 году с

¹⁴ Фотографии этой квартиры во флигеле, запечатлённые М. Классеном, сохранились в коллекциях ГМИ СПб, ГРМ, ИИМК РАН.

17. Вице-президент Императорской Академии художеств гр. И.И. Толстой. Архивное фото

упразднением двора Елены Павловны освободились помещения Фрейлинского флигеля, Екатерина Михайловна сдала половину, выходящую на площадь, в долгосрочную аренду I Отделению императорской канцелярии, и Прейс приготовил помещения и квартиры для служащих канцелярии¹⁵. Лепные плафоны,

что сохранились в музейных залах на западной стороне нижнего этажа, полагаем, — также работы Георга Прейса. В 1888 году архитектор ушёл в отставку, передав свои обязанности сыну, выпускнику Академии художеств Константину Прейсу, последнему архитектору великокняжеской резиденции.

К началу 1890-х годов семья вел. кн. Екатерины Михайловны постепенно расселилась в небольших комфортных квартирах во флигелях. Главное здание превращалось в своеобразный мемориал. Парадный бельэтаж использовался теперь от случая к случаю — семейные торжества, благотворительные вечера и базары. Опустевшие дворцовые залы постепенно ветшали. После смерти вел. кн. Екатерины Михайловны 30 апреля 1894 года Александр III предполагал выкупить дворец. С болезнью и смертью самого императора в октябре того же года история с покупкой временно отошла на второй план, но уже в январе 1895 года Михайловский дворец был продан наследниками в казну за 4 миллиона рублей¹⁶.

¹⁵ Следы отделки жилых помещений сохранились.

¹⁶ «Михайловский дворец своими громадными размерами не отвечал положению нашему, и его поддержание было для нас весьма обременительным. Поэтому пришлось примириться с мыслью об его продаже, и мы той же весной после кончины великой княгини Екатерины Михайловны обратились к Государю с просьбою, чтобы он приобрёл дворец. Государь отнесся к этой просьбе благосклонно». Отрывок из «Письма в редакцию» наследников вел. кн. Екатерины Михайловны // Газета «Руль» № 933, 30 декабря 1923. Берлин, (хранится в мемориальной Библиотеке Голицына).

Вскоре появились различные проекты использования исторического здания¹⁷. Автором осуществлённого замысла стал вице-президент Императорской Академии художеств граф Иван Иванович Толстой (*Илл. 17*). Так как по смерти Александра III в Академии художеств шли разговоры о необходимости основания музея Русского искусства его имени, Толстой составил убедительную записку о перспективности организации этого музея в здании Михайловского дворца. Записка была подана Николаю II. Именной Высочайший Указ об учреждении Русского музея Александра III был подписан императором 14 апреля 1895 года.

Так самим течением жизни и волею людей нового поколения произошёл исторический поворот в судьбе дворца, и бывшая резиденция вел. кн. Михаила Павловича превратилась в сокровищницу национального искусства.

---

¹⁷ Толстой И.И. Дневники 1906–1916. СПб., 1977. С. 611–612.

М.Н. Микишатъев
(Санкт-Петербург)

Мариинский дворец: структура и форма

Мариинский дворец в Петербурге — интереснейший памятник архитектуры начального этапа эклектизма или — по новейшей искусствоведческой терминологии — историзма. При том — это *первое* крупное произведение архитектора Андрея Ивановича Штакеншнейдера. Зодчему было 36 лет, когда он принялся за работу над проектом. За плечами без малого десять лет работы под началом Монферрана, перестройка имения графа Бенкендорфа Фалль в Эстляндии, знаменитый Павловский вокзал и несколько небольших работ для императора Николая Павловича¹.

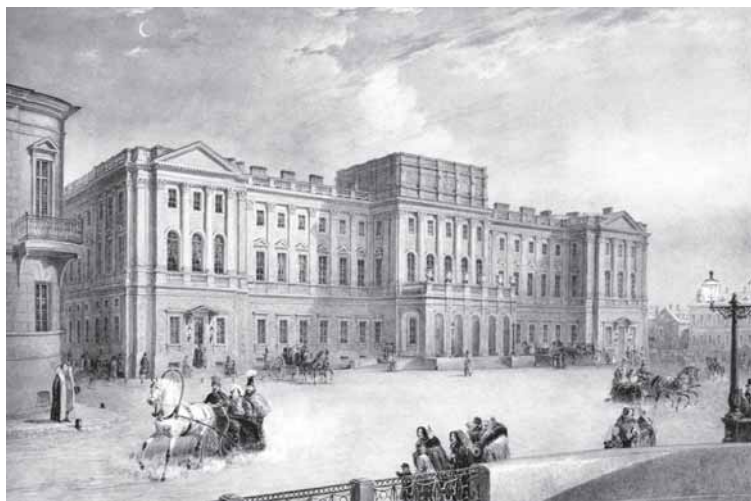
Большой дворец в самом центре столицы строился для дочери Николая I — вел. кн. Марии Николаевны в связи с её предстоявшим бракосочетанием с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским. Мария Николаевна унаследовала от отца тяжёлый властный характер, так что работа архитектора со столь непростыми заказчиками оказалась серьёзным испытанием, особенно, если учесть, что их требования неоднократно оказывались диаметрально противоположными.

В отечественной истории архитектуры сплошь и рядом встречаются выражения, вроде: «архитектор решил», «по замыслу зодчего» и тому подобные. На самом деле — и в последнее время это историками всё шире признаётся — решающую роль в замысле архитектурного сооружения, а то и в процессе проектирования нередко играл *заказчик*. В этом не раз приходится убеждаться в ходе исследова-

---

¹ См. монографию: *Петрова Т.А.* Архитектор А.И. Штакеншнейдер. СПб., 2012.

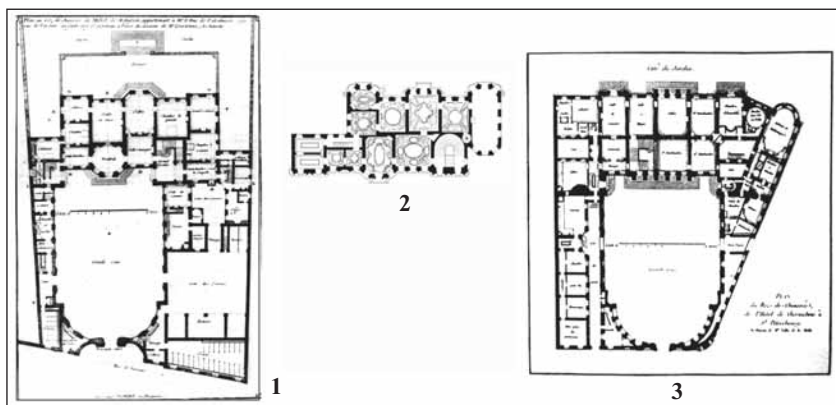
*В.С. Садовников. Мариинский дворец.
Около 1847 г. Акварель. ГЭ*

тельской работы, даже применительно к постройкам начала XX века, что уж говорить о первой половине XIX столетия и о таком заказчике, как император Николай Павлович! Доведись ему заполнять послужной список, в графе «специальность» он непременно написал бы «инженер» и лишь в графе «профессия» — «Император Всероссийский». Эти обстоятельства следует постоянно иметь в виду, анализируя произведение придворного архитектора.

Серьёзной проблемой для молодого зодчего явилось и то, что здание возводили не на пустом месте. Здесь, на левом берегу Мойки, во второй половине XVIII века располагалась усадьба графа И.Г. Чернышёва, который в 1865 году построил оригинальный особняк по проекту Ж.-Б. Валлен-Деламота: «экспортированный» из Парижа тип «отеля», который французы называли — «дом между двором и садом». Нерегулярные очертания трапецеидального участка предопределили сложную композицию и планировку здания, в которой просматриваются черты прямого влияния известного парижского отеля Матиньон, построенного в 1726 году архитектором Ж. Куртоном². Как указывает А.Ф. Крашенинников, характерная особенность подобных построек — несовпадение осей дворового и садового фасадов³. Впро-

² Алферова Г.В., Эрн И.В. Архитектура Франции // Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. 7. М., 1969. С. 167–168.

³ Крашенинников А.Ф. Мариинский дворец и его предшественники // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. II. СПб., 1995. С. 204–205.

Проекты дома И.Г. Чернышёва в Петербурге и их исторический источник.

1. Ж. Куртон. План отеля Матиньон в Париже. 1726 г.

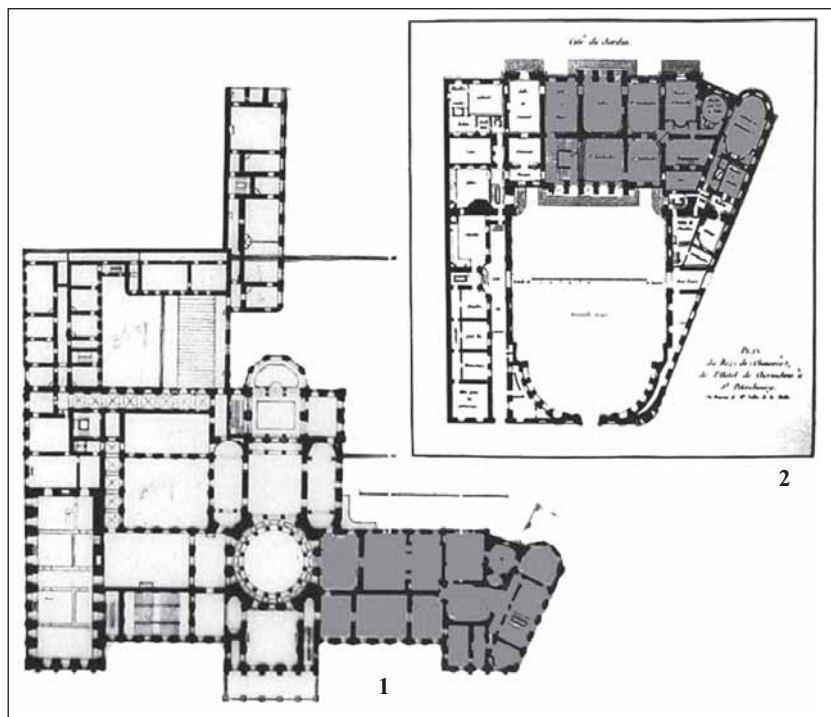
2. Проект А. Ринальди.

3. Проект Ж.Б. Валлен-Деламота

чем, Валлен-Деламот избежал характерных для рококо «синкопированных ритмов» нарочито нерегулярной планировки, а также свёл к минимуму овальные залы и ротонды. Строгие фасады решены вполне по-дворцовому и близки к фасаду Ламотова павильона Эрмитажа. Несомненно, тут сказалась воля заказчика, которого не удовлетворил вполне рокайльный проект А. Ринальди, выполненный первоначально⁴. Между прочим, проект Ринальди ещё точнее воспроизводит в плане характерные формы отеля Матиньон, и это убеждает в том, что именно произведение Куртона было указано заказчиком как предлагаемый образец для проектирования дома на Мойке — как первому, так и второму архитектору. Об этом говорит и то, что в результате переработки Вален-Деламота многие особенности планировки и объёмно-пространственной структуры особняка «между двором и садом», заложенные в ринальдиевском проекте, были (очевидно, по той же воле заказчика) сохранены, в частности, западный **овальный зал**, который у Деламота расположился наискось, вдоль проспекта. Его полуцилиндрический выступ придал садовому фасаду вольные черты диссимметрии.

Нам пришлось остановиться на архитектуре дома Чернышёва, поскольку А.И. Штакеншнейдеру велено было, хотя бы частично, включить его стены в новую постройку. Это обстоятельство, усложняющее работу над проектом, вместе с тем, как это нередко и случа-

⁴ Кючариянц Д.А. Антонио Ринальди. Л., 1984. С. 149–151.

Часть конструкций дома И.Г. Чернышёва (2), включённая в постройку А.И. Штакеншнейдера (1)

еся, мобилизовало творческий потенциал зодчего и позволило ему создать интересную **пространственную структуру** — основной предмет настоящего исследования. Но прежде отвлечёмся на короткий разговор о градостроительном значении нового дворца. Его фасад значительно шире фасада чернышёвского особняка, ещё более сужавшегося оградой курдонёра. Идея расширения фронта застройки южной оконечности Исаакиевской площади восходит ко времени Александра I, когда К.И. Росси проектировал на этом месте дворец для вел. кн. Михаила Николаевича⁵. Тогда от замысла пришлось отказаться по причине дороговизны приобретения на снос большого числа окружающих домов. В результате, как хорошо видно на «Плане Шуберта» 1828 года, площадь сохраняла в южной части крайне неудачную конфигурацию, механически образовавшуюся в результате сочетания урегулированного в XVIII веке западного фронта застройки с косой трассировкой Вознесенского проспекта.

⁵ Крашенинников А.Ф. Указ. соч. С. 213, 217–218.

Штакеншнейдеру предлагалось расширить фасад дворца, доведя его до Нового переулка, при этом курдонёр уничтожался, превращаясь в городскую площадь, которая посредством значительного расширения Синего моста продолжалась и по ту сторону Мойки, доходя до Большой Морской улицы. Позднее по её сторонам архитектор Н.Е. Ефимов выстроил два представительных здания для министерства Государственных имуществ⁶. И эта квадратная площадь, пространственно отделённая от Исаакиевской, вполне заслуженно могла бы получить название *Николаевской*, особенно после установки на ней памятника императору.

Вернёмся, однако, к разговору о композиции Мариинского дворца. Итак, А.И. Штакеншнейдер сохранил большую часть особняка Чернышёва, превратив её в западное крыло своей постройки⁷. Это вполне естественно для творческой практики нового архитектурного направления, которое, оказавшись в оппозиции к ампиру, с самого начала обнаружило сближение с художественным языком рококо и раннего классицизма. Диалектический «возврат к якобы старому» вполне логичен для переходных периодов архитектурной эволюции. В отношении планировки красноречиво сопоставление «синкопированных» ритмов на плане первого этажа дачи Самойловой, построенной А.П. Брюлловым несколькими годами ранее, и на плане того же отеля Матиньон⁸. Позднее, на втором этапе эклектизма это родство было открыто заявлено модой на оформление фасадов особняков и доходных домов Петербурга в «стиле Людовика XVI»⁹.

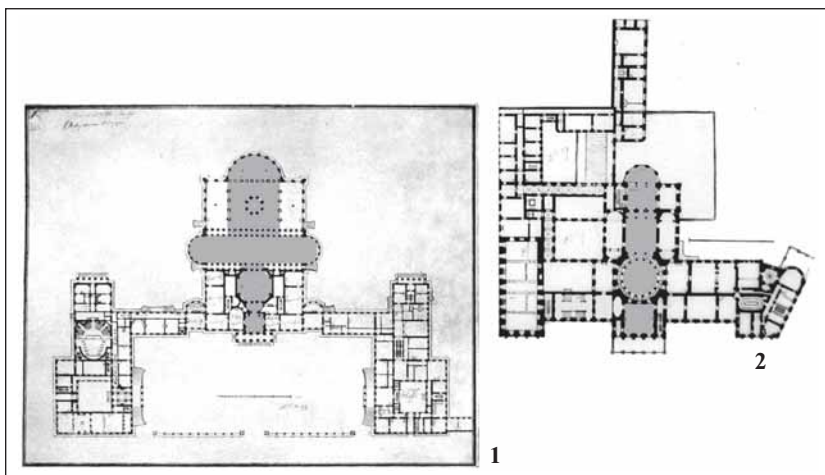
Тем не менее сохранённая часть особняка Чернышёва стала играть в композиции нового здания подчинённую роль. При общем асимметричном плане Мариинского дворца, заметно отличающем его от планировочных схем дворцовых зданий эпохи строгого классицизма и ампира, **ядром** всей структурно-пространственной композиции является крестообразное размещение двух парадных анфилад, традиционно продольной, куда вошли и крупные компартименты ламотовской постройки, и осевой, «Помпейской», динамично на-

⁶ Пунин А.Л. Архитектура Петербурга середины XIX века. Л., 1990. С. 129–132.

⁷ А.Ф. Крашенинников ошибочно полагал, что «центр <...> старого здания подлежал сносу» (Крашенинников А.Ф. Указ. соч. С. 219–220). На самом деле центральные компартименты дома И.Г. Чернышёва вошли в объём западного крыла Мариинского дворца.

⁸ Подробнее см.: Микшицкий М.Н. Архитектор Александр Брюллов. Особенности формообразования в творчестве архитектора первого этапа эклектизма // Архитектурное наследие. Вып. 58. С. 169–191.

⁹ Пунин А.Л. Указ. соч. С. 273.

Сопоставление парадных анфилад дворцов
Таврического (1) и Мариинского (2)

правленной в глубину здания¹⁰. Ось выделена и в построении симметричного главного фасада с центральным ризалитом. Развитие парадной анфилады по средней оси, перпендикулярно фасаду, — приём, довольно редкий даже в архитектуре классицизма, из-за чисто функциональной сложности развития объёма в глубину. Ведь габариты участка в плотно застроенной городской среде, как правило, ограничены — даже для высочайших персон. Исследователи давно отметили определённое сходство построения этой парадной анфилады с уникальной анфиладой залов Таврического дворца¹¹. Впрочем, Ивану Старову было легче реализовать свой оригинальный замысел. При возведении загородного дворца на обширном садовом участке зодчий не был стеснён размерами обращённого к городскому пространству корпуса, но и здесь Штакеншнейдеру помогло наличие сада позади постройки.

В литературе пока оставлен без внимания вопрос, *кому* принадлежала инициатива выбора этого аналога — самому Штакеншнейдеру или его августейшему заказчику, — хотя вопрос этот, безусловно, интересен. Однако, сейчас важно отметить, что у Штакеншнейдера не было возможности столь грандиозного развития этой композиционной идеи, как у Старова. Пришлось несколько редуцировать её за

¹⁰ Крашенинников А.Ф. Указ. соч. С. 223–224.

¹¹ Пунин А.Л. Указ. соч. С. 86; Крашенинников А.Ф. Указ. соч. С. 224; Петрова Т.А. Указ. соч. С. 68.

счёт изыятия из анфилады перпендикулярного ей пространства овального колонного зала, излюбленного элемента старовских композиционных структур. Тем не менее, талантливый зодчий нашёл яркую замену этой вынужденной потере, о которой скажем несколько позже. Впрочем, само *движение* от начала анфилады через светотеневые и пространственные контрасты разновеликих помещений к ярко освещённому, насыщенному зелёному зимнему саду было *сохранено*.

Одной из серьёзных проблем при реализации этого замысла оказалось размещение лестницы. В двухсветном корпусе Таврического дворца анфилада начиналась прямо с вестибюля, а здесь приходилось поднять её в бельэтаж. Парадная лестница, идущая по оси здания — в привычной для классицистической архитектуры традиции — заняла бы слишком большое пространство. Решено было развернуть её параллельно фасаду. И здесь мы видим, возможно, вынужденный, но характерный возврат к приёмам компоновки плана петербургских домов эпохи барокко и рококо, включая Зимний дворец Растрелли. В Мариинском положении лестницы ближе всего к любимому Николаем I Аничкову дворцу, только обращено зеркально. Напомним, что даже в Мраморном дворце лестница, хоть и помещена в центр входного комплекса, развёрнута параллельно фасаду, так же, как и в Летнем — у Петра Великого. Между прочим, у Валлен-Деламота лестница в доме Чернышёва занимала примерно такое же положение относительно входа, как у Штакеншнейдера. Но, отделив лестничную шахту от вестибюля ещё и небольшим холлом, Штакеншнейдер обеспечил в бельэтаже свободное сообщение между парадными анфиладами, а пространство, расположенное непосредственно за средним ризалитом, наполнил в трёх этажах самыми важными помещениями — вестибюлем, парадным кабинетом герцога и домовою церковью. Надо сказать, что положение лестницы в здании, характер её пространственного и архитектурного решения, по точному наблюдению Б.Р. Виппера, — важные индикаторы стиля и эпохи¹². Свободное размещение лестничных пространств у А.П. Брюллова (в здании Штаба Гвардейского корпуса) и у Г.Э. Боссе (в доме ротмистра И. Пашкова на Литейном) знаменовало в 1830-х годах размежевание с композиционными принципами русского ампира, характеризующимися почти неизменным созданием осевых, монументально-помпезных вестибюлей и лестничных холлов.

Столь существенная для первого этапа эклектизма ориентация на стилистику Кватроченто, сказавшаяся в оформлении многих интерьеров А.И. Штакеншнейдера, выразилась и в оформлении входа на

¹² *Bunper Б.Р.* Архитектура русского барокко. М., 1978. С. 18–20.

1 Сопоставление оформления парадных лестниц Аничкова (1) и Мариинского (2) дворцов, а также Императорского Эрмитажа (3)

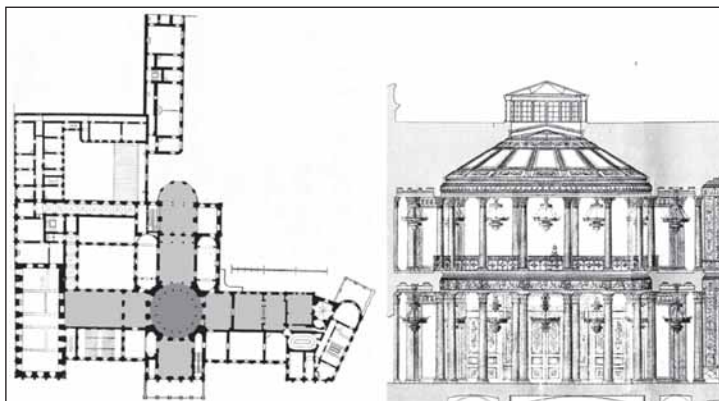
лестницу Мариинского дворца, заключённого в ренессансный портал, который обрамляет перспективу лестничного марша, зажатого между стен. Портал здесь уподоблен обрамлению фрески с предельно натуралистичным изображением лестницы в каком-нибудь палаццо раннего Возрождения. Да, собственно, и сама двухмаршевая лестница «в стенах» напоминает что-то вроде Скала Реджиа в Ватикане¹³. Одновременно напрашивается совсем иная параллель — с поразительно эффектной лестницей, возведённой в Новом Эрмитаже в те же годы по проекту Л. Кленце¹⁴, но там она является центральным звеном всей композиционной структуры здания, а здесь лишь «вставным сюжетом», что и подчёркнуто её «картинным обрамлением». Между прочим, вышеупомянутая лестница Аничкова дворца тоже открывалась «картинной рамой» эффектного портала, выполненного, естественно, в совсем иной стилистике.

Напомним, что важнейшим отличием пространственной композиции Мариинского дворца от Таврического является скрещение двух парадных анфилад — перпендикулярной и параллельной главному фасаду. Как писал А.Ф. Крашенинников, «геометрический и композиционный центр двух пересекающихся анфилад сосредотачивался в круглом зале — Ротонде, двухъярусная колоннада которого несла лёгкое купольное перекрытие с верхним светом»¹⁵. На ком-

¹³ Архитектор Л. Бернини, 1663–1666. См.: *Маркузон В.Ф.* Архитектура Италии // Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Том 7. М., 1969. С. 80–81. Между прочим, Скала Реджиа явилась несомненным прототипом для *оформления* аналогичной лестницы Аничкова дворца.

¹⁴ Проект 1839 года. Завершение строительства — в 1852 году (*Пунин А.Л.* Указ. соч. С. 170–173).

¹⁵ *Крашенинников А.Ф.* Указ. соч. С. 223–224.

Ротонда Мариинского дворца. Место, занимаемое ею в пространственно-структурной композиции парадных анфилад, и её архитектурное воплощение (фрагмент поперечного разреза здания: чертёж А.И. Штакеншнейдера)

позиционном решении Ротонды и хотелось бы остановиться подробнее.

Несомненно, её прототипом явилась ротонда Зимнего дворца, созданная учителем Штакеншнейдера О. Монферраном¹⁶. Возможно, А.И. Штакеншнейдер принимал какое-то участие в работе над её проектом. Впрочем, функция ротонды Зимнего дворца была совсем иная, чем в Мариинском: она должна была переориентировать сложное столкновение нескольких направлений движения — на стыке помещений невосковой анфилады и жилой части дворца, расположенной в западном корпусе. Ротонда Зимнего красиво, даже эффектно распутывает этот лабиринт, связывая между собой шесть помещений (не считая седьмого — лестничного холла). Как раз в годы строительства Мариинского дворца Александр Павлович Брюллов реконструировал ротонду в Зимнем после пожара, вызвав восторженные отзывы современников¹⁷. Не исключено, что желание иметь в Мариинском повторение помещения, привычного по Зимнему дворцу, исходило от августейших заказчиков.

Интересно сопоставить два этих круглых зала. Ротонда Зимнего дворца — тоже двухсветное пространство. В интерпретации А.П. Брюллова его гладкие стены разрывают четыре двухъярусные

¹⁶ В начале 1830-х гг. См.: Эрмитаж: История строительства и архитектура зданий / Под общ. ред. акад. Б.Б. Пиотровского. Л., 1989. С. 176–178.

¹⁷ Башуцкий А.П. Возобновление Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. СПб., 1839. С. 120.

1

2

3

Ротонда Мариинского дворца (2) в сравнении с ротондой Зимнего (1) и её вид со стороны Помпейского зала (3)

лоджии-колоннады, позволяющие собрать и закамуфлировать семь разнонаправленных входов (в верхнем ярусе колонны заменены квадратными в плане пилонами, почему — скажем чуть позже). Любопытно, что расположены эти колоннады *диагонально* относительно главных планировочных осей Зимнего. Следует обратить внимание и на то, что здесь нижние колоннады доминируют, несмотря на свою относительно камерную высоту. Ордерные элементы второго яруса соотносятся с ними примерно в миноре золотого сечения. В отличие от нижней части ротонды, «антресольная» её часть, отделённая лёгким круговым балконом, сплошь обработана ордерными вертикалями, но колонки заменены пилястрами. Для чего это сделано, понятно — верхний ярус воспринимается уже не как продолжение стен, а как основание высокого купола со световым отверстием в центре. В наши дни брюлловская ротонда выглядит пустынно. Первоначально же её стены заполняли громадные парадные портреты императорской четы в пышных золотых рамах.

Ротонда у А.И. Штакеншнейдера — совершенно иная. Стены прикрыты сплошной двухъярусной колоннадой, при этом колонны второго яруса отличаются от нижних по размерам *нюансно*, почти в пределах перспективных искажений, что зрительно увеличивает высоту помещения. Горделивая поступь колонн завораживает. Срез перекрытия балкона трактован как антаблемент нижнего яруса. Возникает повторность элементов по вертикали, усиленная кривизной цилиндрического помещения, и это пересечение повторяющихся ритмов создаёт эффект неопределённости, обостряя переживание загадочного пространства.

Казалось бы, здесь, в Мариинском дворце, на скрещении двух анфилад, колонные лоджии, разделённые пряслами криволинейных

стен, как в Зимнем, были бы особенно уместны, ясно прочерчивая основные трассы движения. Но ясность и простота уже не в почёте, и Штакеншнейдер мистифицирует пространство всеми доступными средствами. И средства-то не такие уж сложные: потрясающего эффекта зодчий добивается, широко раскрыв проход в следующий двухсветный зал Помпейской анфилады и разделив этот проход двумя колоннами, уже принадлежащими лоджии зала, но поставленными по радиальным осям колонн Ротонды. Эти связи выявлены архитравами, а в плафонах между ними помещены небольшие люстры. Та же композиция повторена во втором ярусе. В результате из квадратного зала при обратном движении в северном направлении открывается захватывающая дух картина. Она поражает чёткостью структуры, вызывающей между тем ощущение невероятного богатства пространственных переживаний — благодаря наложению различных ритмов движения колонн и перекрытий.

Приглашая нас вступить в Ротонду с северной стороны, зодчий отдаёт нас во власть кружения колоннад, но в разрыве видится манящий путь из полумрака — к зелени Зимнего сада, а когда мы, пройдя Ротонду, оглядываемся, архитектор словно бы раскрывает нам секрет внутреннего устройства своего волшебного создания. Взор *одномоментно* охватывает систему коммуникаций двух этажей и множество увлекательных вариантов перемещения по ней. Возможно, отталкиваясь от избранного прототипа, ротонды Зимнего дворца, А.И. Штакеншнейдер совершенно переосмыслил назначение, композицию и весь образный строй круглого колонного зала, сделав его в Мариинском такой же сердцевиной парадных анфилад, как знаменитый белоколонный зал в Таврическом дворце у Старова.

Разумеется, в кратком очерке удалось рассмотреть немногие аспекты композиции Мариинского дворца. Но и они показывают, что уже в первой крупной постройке А.И. Штакеншнейдера проявился его удивительный дар *структурирования пространств*, который, наряду с талантом изобретательного декоратора, о котором чаще всего пишут исследователи творчества зодчего, а также в сочетании с такими личными качествами, как чисто немецкая аккуратность в работе, исключительная трудоспособность и умение точно и беспрекословно выполнять волю властного заказчика, обеспечили ему положение одного из ведущих архитекторов николаевской эпохи.

Г.Н. Корнева (Санкт-Петербург),
Т.Н. Чебоксарова (Санкт-Петербург)

Владимирский дворец и его августейшая хозяйка великая княгиня Мария Павловна

Великая княгиня Мария Павловна (1854–1920), урождённая принцесса Мария Александровна Елизавета Элеонора, появилась на свет 2 (14) мая 1854 года в Людвигслусте, в семье великого герцога Мекленбург-Шверинского. Когда Марии было всего лишь три года, 14 (26) мая, в день рождения её отца Фридриха Франца II, семья переехала из дворца в Людвигслусте в перестроенный замок в Шверине. Работы по обновлению этой роскошной резиденции велись в течение 14 лет под руководством прусского придворного архитектора Георга Демлера. В те годы на живописном острове огромного озера площадью около 64 кв. км появился «сказочный» замок с золочёными шпилями, башенками, где и прошла юность принцессы Марии.

В России Мария провела большую часть своей жизни, 45 лет. В день свадьбы с вел. кн. Владимиром Александровичем, 16 августа 1874 года, она стала хозяйкой дворца в столице (Дворцовая наб., 26 — Миллионная ул., 27), который построили петербургские зодчие Виктор Шретер (1839–1901), Иероним Китнер (1839–1929) и Андрей Гун (1841–1924) под руководством профессора Академии художеств Александра Резанова (1817–1887). В. Шретер писал о создании дворца в журнале «Зодчий»: «Дешевле, прочнее и честнее, можно смело сказать, редко строили в России».

Внешне Владимирский дворец напоминает знаменитые флорентийские палаццо Строчи и Риккарди, построенные в XV столетии, но, в отличие от итальянских прототипов, дворец в Петербурге вы-

Великая княгиня
Мария Павловна

полнен не из камня, а из кирпича и лишь оштукатурен «под руст». Уже по отделке фасада можно понять, что этот трёхэтажный особняк принадлежал вел. кн. Владимиру Александровичу: монограмма владельца легко читается на гербовых щитах массивных пилонов портика. Используются также изображения грифонов — элементы герба Романовых. Отличитель-

ная черта этого дворца — «гербовый фриз», уникальное явление в петербургской архитектуре¹. Автор проекта Александр Резанов обращался в Департамент герольдии за разрешением поместить гербы на фасаде. Он полагал, что наряду с гербами царств и великих княжеств, входивших в состав России, во фризе будут изображены «родовой герб и вензель Его Высочества», а также «родовой герб и вензель Ея Высочества»², однако в процессе строительства не было известно имя его будущей хозяйки³. Поэтому вместо «герба и вензеля Ея Высочества» во фризе разместили на трёх щитах части герба одного из царств — Грузинского⁴. Геральдические элементы и монограммы многократно использованы и в украшении интерьеров дворца. Во фрамуге двери между тамбуром портала и сенями помещён великокняжеский герб, выполненный на стекле в мюнхенской мастерской Владимира Сверчкова. Живописные витражи этого ма-

¹ Корнева Г.Н., Петрицкий В.А., Чебоксарова Т.Н. Санкт-Петербургский дворец Великого князя Владимира Александровича — Дом учёных РАН. Путеводитель. СПб., 2001.

² РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 780. Л. 39, 40.

³ Скульптор Н. Адт обязался поставить 14 гербов «на месте в течение весны 1870 г.» (РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 789. Л. 4).

⁴ Сообщено М.Ю. Медведевым.

Владимирский дворец

стера были применены также в отделке Малой столовой и домово́й церкви⁵.

Первое торжество во дворце молодожёнов состоялось 18 августа 1874 года. В тот день Владимир и Мария принимали особ дипломатического корпуса и статс-дам, членов Госсовета, Синода, сенаторов, генералов, адмиралов. Вечером на свадебный ужин они пригласили самых близких людей. Любопытно, что даже в великокняжеской семье не сразу удалось «наладить быт». Гофмейстер Двора вел. кн. Владимира Александровича контр-адмирал Георгий Бок написал управляющему Зимнего дворца Альфреду Гроту, что для «фамильного ужина необходим банкетный стол на 30 персон и 36 к нему стульев... а также столовое серебро, которое может понадобится вдобавок к имеющемуся в доме... 6 офицеров за прислуживанием за фамильным ужином, так как... служители, принятые в дом, ещё не привыкли служить при столь Высоких особах и потому робеют и не могут исполнить свои обязанности в той полноте, как испытанные служители Высочайшего Двора»⁶.

⁵ Величенко М.Н., Миролубова Г.А. Дворец Великого князя Владимира Александровича. СПб., 1997.

⁶ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 5. Л. 157, 123.

В дальнейшем приёмы во Владимирском дворце стали регулярными, прекрасно организованными и славились в столице. Почти полвека дворец был свидетелем радостных и горестных дней в жизни великокняжеской четы — здесь росли дети Владимира Александровича и Марии Павловны Александр (1875—1877), Кирилл (1876—1938), Борис (1877—1943), Андрей (1879—1956) и Елена (1882—1957), здесь бывал высший свет Петербурга, представители многих государств со всех концов земли. Гости великокняжеской четы, войдя через парадный подъезд во дворец, оказывались у ступеней прекрасной мраморной лестницы, ведущей на второй этаж в нарядные залы. Она изготовлена из каррарского мрамора в мастерской на набережной реки Фонтанки итальянскими скульпторами Е. Руджиа и С. Мадерни. Лестница и сегодня поражает изысканностью формы, красотой пространственного решения и богатством отделки. Облик её сформировался постепенно в результате работы зодчих под руководством А. Резанова и перестройки, выполненной архитектором Максимилианом Месмахером. Стены отделаны искусственным мрамором жёлтого цвета, в их верхние части вмонтированы три огромных зеркала стоимостью 1 800 рублей, которые были заказаны во флорентийской мастерской Кремонезе⁷ и там же расписаны за баснословную сумму в 15 тыс. рублей. На зеркале с изображением кувшинок и финиковых пальм читается подпись живописца *T. Cheluzzi*. Потолок украшен лепниной с позолоченным орнаментом и живописным плафоном «Гений искусств на берегах Невы» кисти Василия Верещагина (1835—1909).

Дверь с верхней площадки ведёт в *Малиновую гостиную*, самую большую в анфиладе бельэтажа, идущей вдоль невского фасада дворца. Гостиная для парадных приёмов с большим балконом, обращённым на Неву, отделана в стиле итальянского ренессанса. Малиновый материал для обивки стен, «1200 аршин», заказали в 1892 году на московской фабрике братьев Сапожниковых, но до наших дней сохранились лишь фрагменты «фасонного бархата»⁸. Помещённые в рамы, они находятся на верхней площадке *Бронзовой лестницы*. Малиновый — цвет, который был Высочайше назначен для Двора великого князя Владимира Александровича. В этой гостиной часто собирались родственники и друзья великокняжеской семьи, здесь выступали известные певцы, музыканты. Камер-паж великой княгини А.Н. Панчулидзева вспоминал, как величественно выглядела Мария Павловна, когда она в великолепном платье и в сопровождении фрейлин выходила к гостям из соседней комнаты.

⁷ Там же. Д. 341. Л. 355.

⁸ Там же. Д. 582. Л. 96, 98, 99.

Самое роскошное из парадных помещений — *Танцевальный, или Белый зал*, оформленный в стиле Людовика XV. Он поражает обилием и разнообразием лепных украшений, множеством зеркал и великолепным набором осветительных приборов, изготовленных на заводе Иоганна Беца. Роспись плафона «Триумф Венеры» и два живописных круглых медальона с изображением музицирующих амуров выполнил художник В.П. Верещагин.

Приехав в Петербург в двадцатилетнем возрасте, Мария взяла в свои руки решение многих вопросов, прежде всего, связанных с обустройством дворца. Видимо, после роскошного обширного замка в Шверине дворец Великого князя показался ей довольно тесным, но это был её первый собственный дом, в котором хозяйка могла проявить свой вкус. Уже весной 1875 года архитектор Двора великого князя В. Шретер получил задание подготовить гостевые комнаты к приезду родственников Марии Павловны и пристроить к Танцевальному залу крытую галерею, что потребовало немалых затрат⁹. Оконные проёмы зала прорубили до пола и превратили их в нарядную аркаду, через которую гости из галереи могли попасть в зал.

Во дворце ежегодно устраивались балы и приёмы, и представители элиты Петербурга считали честью быть приглашёнными на них. Великокняжеская чета регулярно принимала родственников из императорской семьи и владетельных домов Европы. Самым знаменитым оказался «исторический» костюмированный бал, в котором 25 января 1883 года участвовало более 250 гостей, среди них 24 члена императорской семьи, ведущие государственные деятели, дипломаты, высший свет российской столицы. Для подготовки этого вечера Мария Павловна заказала в библиотеке Академии художеств фолианты с описаниями старинной одежды, обычаев допетровской Руси и обратилась к художникам Григорию Гагарину, Константину Маковскому и Адольфу Шарлеманю с просьбой помочь ей и гостям в выборе костюмов. В тот день Владимирский дворец утопал в цветах, одних только живых растений было куплено в столичном садоводстве Эйлерса, цветочном магазине на *Невском пр., 30* и в оранжерее Юсуповского сада на огромную сумму в 997 руб. Камелии, гиацинты, ландыши и тюльпаны украшали в морозный январский день залы дворца. Великолепный праздник и роскошные наряды хозяев и их гостей подробно описаны на страницах журнала «Всемирная иллюстрация». В частности, «Вел. княгиня Мария Павловна изволила

---

⁹ 10 апреля 1875 года Шретер представил смету в 15 800 рублей на пристройку каменной галереи и в 11 200 рублей на мебель, бронзу и обойные работы (РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 852).

быть в праздничном роскошном костюме боярыни [XVII века. — *Авт.*]. На голове Ея Высочества был высокий кокошник новгородского образца. Кокошник, шубка и ферьязь золотой парчи были унизаны разноцветными драгоценными камнями и жемчугом¹⁰. Пятьдесят пять вееров для участниц котильона хозяева заказали в училище барона Штиглица. А. Шарлемань сделал художественное оформление меню, которое было тиражировано в 250 экземплярах. Директор императорских театров Иван Всеволожский нарисовал карикатуры на гостей великокняжеской четы на черепаховом веере, ныне хранящемся в Эрмитаже¹¹. Корреспондент журнала «Вестник изящных искусств» писал: «Бал вышел на славу, как нельзя более характерно русским, полным олицетворением былой и современной Руси». Идея этого праздника была использована в 1903 году на знаменитом костюмированном балу в Зимнем дворце.

Один из залов Владимирского дворца — *Большую столовую* — оформили в «русском стиле». Этот интерьер сохранился до наших дней почти без изменений. Стены столовой покрыты лепниной, искусно имитирующей резьбу по дубу, благодаря чему облик зала напоминает о традиции узорочного украшения деревенских изб. В. Шретер писал, что стены и их отделка «раскрашены с таким искусством, что их нельзя не принять за изделия из дуба». В декоре столовой были использованы занавеси из небелёного полотна, расшитые русскими узорами. Пять картин, выполненных профессором Василием Петровичем Верещагиным, уводят посетителя в мир сказки-былины. По южной стене, левой от входа, на трёх полотнах — «Бой Добрыни со Змеем Горынычем», «Илья Муромец на пиру у князя Владимира» и «Алеша Попович в борьбе с Тугариным Змеевичем» — изображены русские богатыри. На дальней от входа стене висят ещё две картины Верещагина — «Солнечное божество (Овсень)» и «Дева-заря», завоевавшая гран-при на Всемирной парижской выставке 1877 года. За эти пять полотен художник получил 12,5 тыс. рублей. Все они написаны на специально заказанном грубом холсте масляными красками, не имеют блеска и похожи на старинные шпалеры. О назначении помещения сообщали посетителям народные пословицы на бирюзовом фризе: «И муха не без брюха», «Не красна изба углами, но пирогами», «Хлеб да соль ешь, да правду режь» и другие. О пиршествах напоминают также головы хищных животных — волков и лисиц.

Элементы украшения люстр на 80 свечей, выполненных в мастерской Иоганна Беца, и бра из красной меди, узор пилонов и роспись

---

¹⁰ Всемирная иллюстрация, 1883, № 737. С. 182.

изразцов печи напоминают о том, что хозяин столовой является членом императорской семьи. Орёл, грифон, цепь ордена св. Андрея Первозванного — элементы, заимствованные из малого и большого гербов Его Высочества. Уникальная печь¹² с разноцветными поливными изразцами — одно из главных украшений Большой столовой. Она изготовлена по проекту А. Резанова. На лицевой стороне одного из изразцов отчётливо читается подпись мастера «*Бонафедe С.П.Б. 1872*».

Возглавляя почти полвека Императорскую Академию художеств (далее — ИАХ), великий князь и его супруга имели возможность поручить строительство и реконструкцию дворцов в Петербурге и в Царском Селе, в усадьбах членов своей семьи молодым талантливым архитекторам. В 1897 году фон Гогену «за труды по постройке помещения для Вел. кн. Кирилла Владимировича» Мария Павловна пожаловала «подарок — золотую булавку с вензелевым изображением Имени Их Императорских Высочеств, украшенную бриллиантами с сапфиром»¹³. Квартира для Кирилла была оформлена по проекту английской фирмы «Мейпл»¹⁴ и занимала весь бельэтаж Гофмейстерского корпуса. Виктор Шретер и Александр фон Гоген, начав свою карьеру при Дворе Владимира Александровича, стали опытными зодчими и оставили значительный след в формировании облика Петербурга и других городов России¹⁵.

Супруги были хорошо знакомы с администрацией и профессурой ИАХ, а также многими представителями мира искусства России и европейских стран. Во Владимирском дворце сформировались богатейшие коллекции мебели, серебра, икон, фарфора, живописи, бронзы, предметов ювелирного искусства. Хозяева, обладавшие практически неограниченными средствами, могли позволить себе заказывать и приобретать роскошные вещи не только в России, но и в Европе. Вел. кн. Владимир Александрович и его супруга в течение многих лет являлись одними из главных клиентов придворного ювелира Карла Фаберже, известных французских мастеров Луи Картье, Люсьена Фализа и других выдающихся ювелиров.

¹¹ Императорские веера из Эрмитажа. СПб., 1997. С. 63.

¹² Лихолат К.В., Роденков А.И. Керамическая мастерская Леопольда Бонафедe. СПб., 2012. С. 40–47.

¹³ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 902. Л. 7 об.

¹⁴ Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н. «Империя Мейпл». Заказы Российской Императорской семьи // Невский архив. Вып. VIII. СПб., 2008. С. 289–306.

¹⁵ Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н. В.А. Шретер и А.И. фон Гоген — архитекторы двора вел. кн. Владимира Александровича // Россия — Германия. Пространство общения. Материалы X Царскосельской науч. конференции, 2004. С. 215–226.

Будуар во Владимирском дворце

Будуар Марии Павловны отделан в мавританском стиле. Стены сплошь покрыты лепными украшениями, позолотой и росписью яркими красками. Камин, расположенный напротив входа, выполнен из итальянского мрамора по проекту М. Месмахера в мастерской Е. Руджиа и С. Мадерни. В проектировании мебели для будуара принимал участие Виктор Шретер. В нише, слева от окна, хранилась уникальная коллекция драгоценностей, большую часть которой составляли изделия фирмы К. Фаберже. В описи ценных предметов, находившихся в будуаре в 1917 году, перечисляются 127 наименований¹⁶, среди них «перламутровый образ Крещения в золочёном багете», ларец с изображением Шверина в бронзовой оправе, вазочки работы Фаберже и множество фотографий в драгоценных рамках.

К «Половине Ея Высочества» относились также Опочивальня, Туалетная, Кабинет и Голубая гостиная. Особенно нарядная из этих

¹⁶ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 2271. Л. 30–31 об.

комнат — бывшая Голубая, а ныне *Золотая гостиная*. В ней сохранилась богатая лепнина потолка и карниза, выполненная скульптором Александром Лапиным. По его рисунку изготовлена также рама зеркала, помещённого над камином белого мрамора. На портретах из коллекции великокняжеской семьи изображены те, кто не раз бывал в гостях у Марии Павловны — супруга адъютанта великого князя Густава Штакельберга Фёкла Павловна (урожд. гр. Шувалова) кисти В. Штембера, и Мария Шереметева (урожд. гр. Гейден) — жена гр. Александра Шереметева, также адъютанта Владимира Александровича (портрет написан И. Тюриным).

Двор Владимира Александровича и Марии Павловны был в течение многих лет вторым по значимости в российской столице¹⁷ и, по свидетельству генерала Александра Мосолова, «самым популярным и влиятельным двором в Петербурге»¹⁸. Великий князь и его супруга благодаря своему положению и авторитету влияли на решение важнейших вопросов в жизни Петербурга и всей страны. Незаурядный ум и сильный характер вел. кн. Марии Павловны позволяли ей добиться успеха в решении любой задачи.

Мария Павловна активно занималась благотворительной деятельностью, а после смерти супруга 4 февраля 1909 года взяла под своё покровительство множество организаций, патроном которых был Владимир Александрович. Уже в апреле того же года она приняла под опеку Благотворительное общество в приходе Кавалерского собора св. кн. Владимира в Петербурге, Нарвское музыкальное общество и общество отставных воинских чинов в Риге. Великая княгиня стала также Августейшим покровителем Свято-князь Владимирского братства в Берлине, почётным председателем Императорского Российского Пожарного общества, Петербургского общества архитекторов и Августейшим шефом лейб-гвардии Драгунского полка¹⁹.

Среди организаций, которые возглавила Мария Павловна после смерти мужа, была Императорская Академия художеств. Оказавшись на посту президента ИАХ, Мария Павловна восприняла деятельность на этом поприще как главное дело своей жизни. Она выступила инициатором многих важных начинаний и успешно продолжила в делах Академии линию своего супруга — ориентацию на изучение и пропаганду национального искусства и всестороннюю его поддерж-

¹⁷ Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н. Двор великого князя Владимира Александровича — второй по значимости в российской столице // Старый Петербург. Поиски, находки, открытия. СПб., 2009. С. 209–228

¹⁸ Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб.: Наука, СПб отделение, 1992. С. 125.

¹⁹ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 129. Л. 11, 13, 14.

ку. Великая княгиня принимала активное участие в организации разнообразных выставок в стенах Академии, в городах России и за границей, добивалась выделения средств, привлекала к участию в выставках владельцев знаменитых коллекций и сама предоставляла художественные работы, находившиеся в её дворцах²⁰.

В 1911 году вел. кн. Мария Павловна открывала Русский отдел на выставке в Риме. Российский павильон был построен по проекту архитектора В.А. Шуко в классическом стиле, выразившем, по словам видного критика Г.К. Лукомского, «величие России»²¹. В том же году в залах ИАХ под покровительством Марии Павловны была открыта «Историческая выставка архитектуры», где впервые демонстрировались богатейшие коллекции архитектурных проектов, хранившиеся в императорских дворцах и частных собраниях.

В 1913 году во время пребывания в Венеции Мария Павловна совершила закладку Русского выставочного павильона, сооружённого на средства почётного члена ИАХ Богдана Ханенко. Секретарь Академии Валериан Лобойков, сообщая Августейшему президенту, что вместо испрашиваемых 22 800 рублей меценат пожертвовал 31 тысячу, просил Великую княгиню исходатайствовать для сахарозаводчика Ханенко звание камергера, и Мария Павловна сумела отблагодарить богатого мецената: 6 июля 1913 года он был пожалован в камергеры²² Высочайшего Двора. В мемуарах А.А. Мосолов отмечал, что Великой княгине всегда удавалось «добиться для своих помощников и любимцев придворных званий»²³.

В годы, когда вел. кн. Мария Павловна была президентом ИАХ, возобновилась активная работа общественных организаций, определявших художественную жизнь страны. После перерыва, вызванного поражением России в войне с Японией и революционными событиями, стали снова проводиться съезды архитекторов и архитекторов-художников. 30 декабря 1911 года великая княгиня пригласила во дворец «на дневной чай» 700 участников Всероссийского съезда художников.

Создание Русского музея Императора Александра III было одним из важных событий, в которых активно участвовала Академия художеств во главе с президентом вел. кн. Владимиром Александровичем. Его вдова Мария Павловна проявила инициативу постройки

---

²⁰ Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н. Великая княгиня Мария Павловна. СПб., 2013. С. 132–137.

²¹ Зодчий, 1911, № 37. С. 385.

²² ГАРФ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 872. Л. 10. Д. 873. Л. 1 (на фр.).

²³ Мосолов А.А. Указ. соч. С. 127.

Афиша
благотворительного базара

грандиозного Выставочного павильона и добилась выделения средств на реализацию проекта, представленного Л.Н. Бенуа²⁴.

Дальнейшему осуществлению планов великой княгини в области пропаганды русского искусства помешала Первая мировая война. Мария Павловна уже в августе 1914 года возглавила санитарные организации Петрограда. К тому времени она обладала богатым опытом помощи фронту, приобретённым в годы Русско-турецкой (1877–1878), и Русско-японской (1904–1905) войн. В те тяжёлые годы Владимирский дворец становился центром активной помощи армии. В работу включались все служащие Малого Двора. В Гофмейстерском корпусе устраивали склад вещей для воинов, в Большой столовой собирались дамы, которые занимались шитьем белья, подготовкой посылок на фронт. В 1914–1917 годах в Контору Двора ежедневно доставлялись сведения об открытии новых госпиталей, о наличии свободных мест в лазаретах, о военнопленных и раненых, о маршрутах передвижения санитарных поездов. Один из них был создан на личные средства великой княгини. Опыт сбора средств на благотворительных базарах помог Марии Павловне привлечь огромные государственные и частные денежные суммы.

После октябрьского переворота 1917 года Владимирский дворец не был разграблен, и мы, жители XXI века, можем с восхищением рассматривать детали убранства роскошных залов, оценивая тонкий вкус его бывших хозяев. Уже в январе 1920 года дворец стал первым в России Домом учёных Российской Академии наук.

²⁴ См.: Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н. Россия и Европа. СПб.: Лики России, 2010. С. 252–253.

Е.И. Жерихина
(Санкт-Петербург)

Проблемы сохранения интерьеров дворцов великих княгинь Ксении и Ольги, дочерей императора Александра III

Истории петербургских усадеб, принадлежавших вел. кнн. Ксении и Ольге Александровнам, имеют много общего: в основе их лежат участки, начавшие застраиваться в конце XVIII века; дворцы здесь были оформлены известными зодчими середины XIX века, принадлежали тогда известнейшим фигурам петербургского общества. Оба дворца для хозяек реконструировали и отделали в эпоху модерн, их парадные интерьеры запечатлели фотографии 1900-х годов. Оба здания, многие десятилетия не привлекавшие внимания специалистов, использовались как учебные заведения, соответствующим образом перестраивались и поставлены были на учёт как памятники архитектуры и истории только в середине 1990-х годов. Тем не менее, в каждом из дворцов сохранились помещения с уникальной художественной отделкой, представляющие большой научный интерес, требующие глубокого изучения и пристальной охраны. За последние годы были выявлены документы, позволившие назвать имена строителей, скульпторов и декораторов, изменившие взгляд на планировку зданий, на датировку и авторство сохранившихся помещений. Эти интерьеры доносят атмосферу 1890–1910-х годов, знакомят с личными вкусами хозяек, их самостоятельным выбором.

Дворец княгини М.В. Воронцовой на набережной Мойки, 106 (архитектор И.А. Монигетти, 1850-е)¹, был куплен министерством

---

¹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3678. Л. 2–5. Чертежи И.А. Монигетти. Ф. 515. Оп. 1. Д. 102 Дело городского кредитного общества о выдачах ссуды под залог дома княгини Воронцовой. Описи дворца и усадьбы составил архитектор А.И. Климов.

Ф. Фламенк. Портрет вел. кн. Ксении Александровны. 1894 г.

императорского двора для вел. кн. Ксении Александровны перед её свадьбой с вел. кн. Александром Михайловичем. Александр III умер, не дожив до новоселья своей дочери, и вступивший на трон её старший брат Николай II указом от 1 декабря 1894 года официально подарил ей дворец²: «Согласно

Воле в Бозе почившего родителя нашего... жалуя в дар, в вечное и потомственное владение любезнейшей сестре нашей... дом со всем движимым в нём имуществом...» Министерство императорского двора организовало Комиссию для приёма дома, которая сделала официальную «Опись дворцового места». Для быстрой реконструкции дворца пригласили двух архитекторов, графа Н.Л. де Рошфор и Н.В. Султанова. Н.Л. де Рошфор стал руководителем проекта, и все счета, чертежи и ведомости подрядчиков и исполнителей работ подписаны им, «заведующим постройкой дворца» Н.В. Султанову поручили устройство домово́й церкви.

Главный фасад дворца Воронцовых не изменяли, лишь поместили на аттике лицевого корпуса лепной герб Романовых в массивном картуше, выполненный скульптором Э. Салем (Elia Sala). Слева по фасаду, над дворцовым подъездом, появилась маленькая золочёная главка домово́й церкви. Э. Саль декорировал манеж и фасады капитально перестроенных дворовых флигелей и лицевого корпуса барельефными композициями с гирляндами, дубовыми ветвями, «орлами легионов», античными военными трофеями и атрибутами. Вдоль западной границы участка до парадного двора располагался «густой сад, в котором росли развесистые клёны, дубы, лиственницы и фруктовые деревья»³.

² Там же. Л. 87.

³ РГИА. Ф. 521. Оп. 1. Д. 41 (1893–1897) Содержание дворца Ксении Александровны. С. 27–35.

Фасад дворца вел. кн. Ксении Александровны. 1914 г.

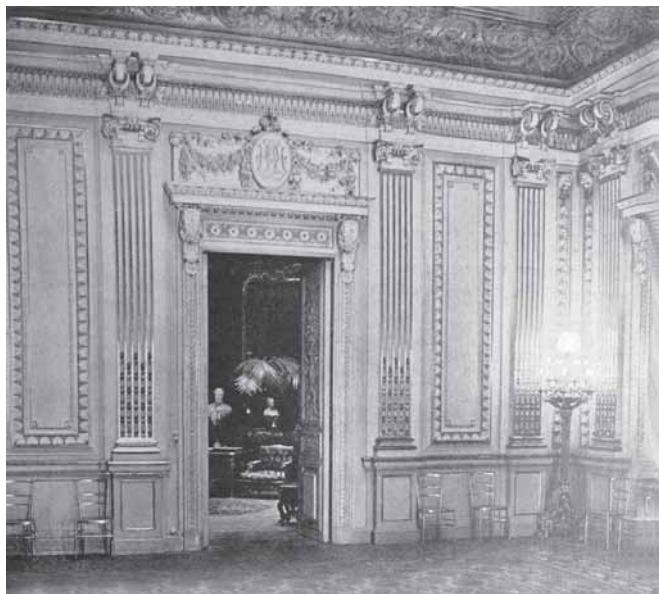
Входили во дворец через нарядный деревянный тамбур восточного подъезда. Барельефы и картуши на парадную лестницу также установил Э. Саль⁴. В мастерской К. Берто изготовили бронзовые базы и цинковые капители для гранитных колонн и пилястров. Площадки лестницы выложили гранитной мозаикой. В мансардном этаже дворца, над Овальным залом парадной половины Н.В. Султанов построил церковь во имя св. преподобной Ксении Римлянки и благоверного князя Александра Невского (не сохр.). Низкие своды и стены храма покрывала роспись, выполненная Н.М. Сафоновым в стиле русской иконописи XVI века. Резной золочёный иконостас изготовил мастер Потехин. Царские врата вычеканены из золочёной меди и расцветены эмальями. Образа единственного местного ряда написал иконописец художественно-промышленного музея Ф.А. Соколов «под Рублёва». Запрестольный образ и подсвечники XVII века поступили из московских дворцовых хранилищ. Три старинные медные паникадила, приобретённые Н.В. Султановым у купца Тихова, реставрировал П. Чумаков⁵.

Парадные покои главного корпуса отреставрировали, сохранив планировку и архитектурную отделку интерьеров И. Монигетти в традициях поздней эклектики в стилях: Людовика XVI, Людовика XV — рококо, голландском, мавританском и других. Эти интерьеры не сохранились, но хорошо известны по публикациям в журнале «Сто-

⁴ Там же. Д. 45 (1893–1896) Содержание дворца Ксении Александровны. С. 187.

⁵ Там же. Л. 1, 2, 8, 40, 46–48, 148, 152, 179–180, 253 Записки Н.В. Султанова к Н.А. Рошфору об оплате работ и поставок.

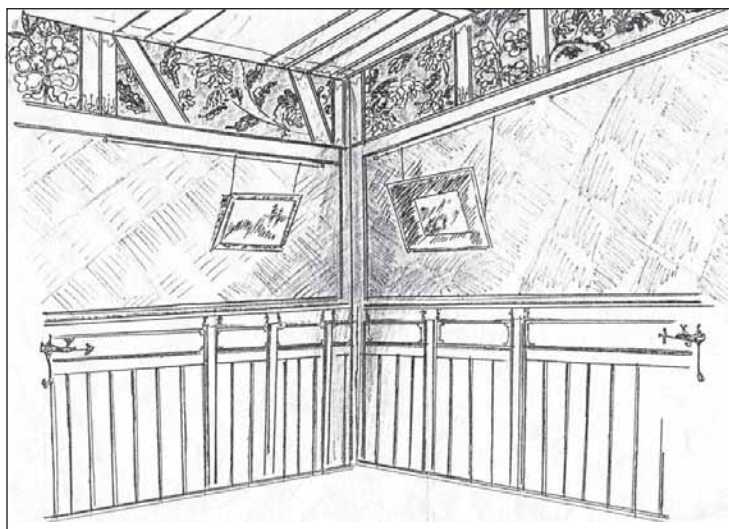

Концертный зал. Фото 1914 г.

лица и усадьба»⁶. Ремонтируя парадные комнаты дворца вел. кн. Ксении Александровны, Н.И. де Рошфор работал «по И. Монигетти», но, начиная с помещения Столовой, выполнял самостоятельную работу, привнося черты новой стилистики, обращаясь к натуральным материалам, что будет характерно для эпохи модерн. Эти помещения явились почти точным воспроизведением оформленных им комнат охотничьего Беловежского дворца. Н.И. Рошфор, которому помогал его сын Константин⁷, создал интерьеры «собственной половины», детские и квартиру управляющего дворца в новых фор-

⁶ Подробное описание несохранившихся залов дворца выполнено автором по сличению описей дома М.В. Воронцовой: ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3678. Чертежи И.А. Монигетти. Ф. 515. Оп. 1. Д. 102. Описи дома... с Делами конторы имп. двора: РГИА. Ф. 468. Оп. 13. Д. 1089; Ф. 485. Оп. 2. Д. 1457–1459 и Делами конторы дворца вел. кн. Александра Михайловича. Планы строительства дворцов... РГИА. Ф. 521. Оп. 1. Д. 37, 38, 41, 43–45, 55–58. 1886–1918. Расходы по ремонту, содержанию, убранству дворца и на приобретение обстановки. Журнал «Столица и усадьба» (фотографии с комментариями). СПб., 1914. № 5 март. С. 9–11. См.: *Жерихина Е.И.* Усадьбы устья реки Мойки. СПб.: Алаборг, 2011. С. 81–89.

⁷ Сообщено сотрудником РГИА Е.Е. Анисимовой, это стало известно при подготовке выставки в РГИА в 1995 году об истории семьи де Рошфор из парижского семейного архива.

Адъютантская вел. кн. Александра Михайловича
с соломенными панно. Рисунок автора

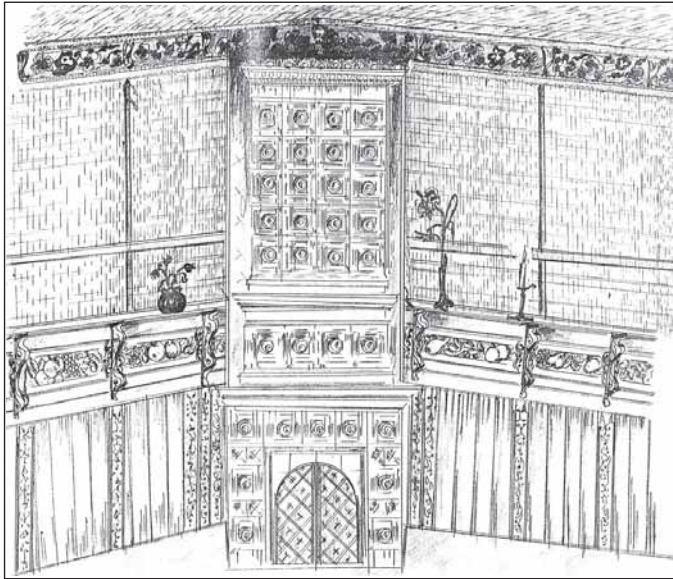
мах и материалах. Эти комнаты ныне являются старейшим образцом интерьеров раннего модерна в Петербурге. В отделке применялись натуральные материалы: различные породы дерева, плетёная мадагаскарская и вьетнамская соломка.

Роспись соломенного панно адъютантской.
Фото 2009 г.

Отделку комнат дополняли каминные и керамические печи, облицованные изразцами разнообразных форм и рисунков, металлические кованые крепы на дверях. Среди обстановки имелась встроенная и угловая мебель. Как и в центральных помещениях, не сохранились парадные кабинеты и библиотека великокняжеской четы, отделанные фирмой Ф. Мельцер, зимний сад, занимавший юго-западный угол дворца, и комната дежурной фрейлины.

Частично сохранившиеся жилые комнаты дворца Ксении Александровны, исполненные Н.И. Рошфором, находятся на втором этаже старейшей, ещё XVIII века, части дома. Этот корпус стоит параллельно линии набережной, отделяя парадный двор от внутреннего. В жилые комнаты проходили внутренними переходами из парадных

Кабинет управляющего.
Рисунок автора

апартаментов или поднимались по небольшой изящной лестнице из подворотни. Центральным помещением «личной половины» была Опочивальня, выходившая тремя окнами на юг, во внутренний двор. Она оформлена светлыми ясеневыми панелями со встроенными низкими, до подоконника, шкафчиками. Выше стена была обита тканью и завершалась падугой высокого лепного ренессансного плафона. Из Опочивальни анфилада проходила в Гардеробные, где сохранился превосходный резной мраморный камин (скульптор К.О. Гвиди).

По другую сторону коридора, проходящего мимо Уборной, Опочивальни и Гардеробной, располагались «собственные комнаты великого князя». Поскольку Опочивальня и рабочий кабинет великого князя находятся в корпусах, выстроенных в разное время, они связаны коридором с небольшими внутренними лестницами. Рабочий кабинет вел. кн. Александра Михайловича с библиотекой представляет собой просторное помещение, все стены которого заделаны дубовыми книжными полками с простой изысканной резьбой, с металлическими кольцами для крепления на них занавесок. Дубовый потолок и двери отделаны кованой железной декоративной арматурой. В стене, противоположной внутренней дубовой лестнице, — цветной майоликовый камин. Библиотека «по морским Вопросам» в 20 000 томов считалась, по словам великого князя, самой полной

подобной библиотекой в мире. Рядом с рабочим кабинетом находилась комната дежурного офицера с кессонированным дубовым потолком простого рисунка и такими же высокими гладкими панелями. Широкий фриз выполнен из плетёной, расписанной масляными красками мадагаскарской соломки. Консоли под верхним карнизом расчленяют панно фриза на квадратные элементы с изображением букетов магнолии в бантах из голубых лент и на удлинённые прямоугольники со свободно разбросанными ржавыми — золотисто-красными хризантемами. Первоклассный инженер, Рошфор при обработке древесины долго вываривал её, придавая ей особый тёмный цвет, и затем высушивал.

В соседнем с Опочивальней коридоре поначалу располагались детские комнаты. Когда сыновья подросли, их переселили, а квартиру передали гувернантке-фрейлине. Здесь оформлена изящная шкафовая туалетная с большим мраморным умывальником художественной работы и сохранились два мраморных камина. Отсюда лестница с решёткой, повторяющей французские мотивы XVIII века, приводит на первый этаж, в комнаты великой княжны и к отдельному входу в парадный двор.

Сохранившихся во дворце интерьеров немного, ныне здесь находится библиотека Академии им. Лесгафта, но они составляют «собственную квартиру», что позволяет надеяться на их научную реставрацию и даже музеефикацию, с возможным размещением в ней экспозиции по истории дворца, усадьбы и великокняжеской четы хозяев. В восточном усадебном флигеле, в квартире управляющего двором великого князя, комнаты также отделаны художественной лепниной. В гостиной — мраморный камин изысканной овальной формы. Небольшой кабинет хозяина Рошфор оформил высокой дубовой панелью с полочкой, стены и потолок затянул вьетнамской соломкой. Фриз выполнен из майоликовой плитки с узором из анютиных глазок, а деревянные резервы панели выжжены и раскрашены акварелью Н. Ясинским. Рисунок изображает гирлянды плодов и листьев. Вся комната от пола до потолка обшита резным выжженным дубом. Кессонированный потолок расчленён деревянными балками и декорирован в кессонах теми же соломенными панно, что и обивка стен выше панелей.

***

История усадебного дворца младшей дочери императора Александра III, вел. кн. Ольги Александровны на Сергиевской (ныне ул. Чайковского, 46–48), также восходит к концу XVIII века. Дом значительно перестроили и расширили для князей Барятинских Г.Э.Боссе в 1837–1860 и И.А. Мерц в 1870-х годах. Интерьеры особ-

В.К. Штемберг. Портрет вел. кн. Ольги Александровны в платье шефа Морского Гвардейского экипажа. 1908 г.

няка были оформлены в исторических стилях: готика, ренессанс, рококо. Министерство императорского двора в 1901 году купило дом у герцога Г.М. Лейхтенбергского, при выезде которого были сняты штофная и gobelеновая обивка стен, оборудование электростанции, многие помещения дома «давно капитально не ремонтировались и находятся в сильно запущенном состоянии»⁸.

Требовалась кардинальная реконструкция, и после осмотра дома архитекторами Г.В. Войневичем и В.П. Цейдлером выяснилось, что часть балок пришла в негодность, а конструкция фундамента привела к трещинам стен западного флигеля. Войневич решил заменить все балки металлическими, прежде всего в театральном зале над сценой, в центральной гостиной-холле и в комнатах великой княгини. К февралю 1902 года, когда были вынуты балки и сняты полы⁹, здание осмотрели управляющий К.Н. Рыздзевский, архитекторы Д.К. Пруссак и С.С. Лукашевич. Выяснилось, что западный корпус разобран, но гнилых балок оказалось только 18¹⁰. Войневича отстранили, отделять дворец на Сергиевской поручили архитектору С.С. Кричинскому, который произвёл ремонт и изменил обстановку дома. Личный герб вел. кнг. Ольги Александровны на фасаде, балконные решётки и десять орнаментальных ваз выполнили в «цинколитейной мастерской» Г.И. Миттельберга. Кованые

⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 14. Д. 671. 1901–1902. Описание дома, подготовленная архитектором Д.К. Пруссаком для министра имп. двора барона В.Б. Фридерикса. Л. 7–10 — черновик от 17 октября 1901 г. Л. 62–73 — официальный отчёт.

⁹ Там же. Л. 12, 12 об., 119.

¹⁰ Там же. Ф. 552. Оп. 1. Д. 532 Переписка о производстве ремонтных работ во дворце. (1902–1907).

Фасад дворца вел. кн. Ольги Александровны.
Фото 1910 г.

ворота украсили монограммы хозяйки — ОА. Фирма К. Ремпен привела в порядок сад и палисадник. В парадной части дворца настлали новые паркетные полы, в подвалах установили отопительные калориферы¹¹. Под наблюдением художника Н.Н. Рубцова дворец отделывали и меблировали фирмы Ф. Мельцер, С.Г. Волковыцкий и Г. Бюхтер¹². В 1910 году дворец ещё раз переделал архитектор М.Х. Дубинский. Он выполнил сохранившуюся лепную отделку мраморной лестницы и музыкальной гостиной в модном стиле Людовика XVI, обновил большой театральный зал в «стиле Растрелли»¹³.

Сохранились многие интерьеры дворца, принадлежавшего вел. кн. Ольге Александровне, которая, обладая хорошим вкусом, собрала здесь коллекцию произведений современного искусства. Трёхчастный входной тамбур, целиком выполненный фирмой Ф. Мельцер, встроен в центральный ризалит дворца. Гладкие дубовые панели

¹¹ Там же. Дела конторы двора вел. кн. Ольги Александровны. Д. 2. Переписка о производстве работ во дворце. Д. 532. Л. 1—8.

¹² Там же. Д. 9. Переписка с фирмой Ф.Ф. Мельцер о производстве работ во дворце (1903—1913).

¹³ Там же. Ф. 552. Оп. 1. Д. 7. Переписка с фирмами и заводами о производстве ремонтных работ во дворце... Д. 21. Счета живописца Н.А. Александрова. Д. 23. Счета фирм Ф. Мельцер, Бр. Ботта — мрамор и каминь, Дегранж — лепнина, отделка парадной лестницы, Поссе — серебрение большого зала, позолота; Бюхтер — столярные работы. Мельцеру вплоть до 1904 года оплачивали доделки и переделки.

облицовки полностью заполняют стены, обрамляют оконные проёмы, столбы и плафон со встроенным плоским светильником — «аплик», выполненным из гранёного хрусталя. Плафон вестибюля с тонкими лепными венками, сплетёнными из ветвей, и с гирляндами пышных роз по периметру сделан вручную по рисункам архитектора М.Х. Дубинского. Сюда выходят четыре резные дубовые двери анфилад приёмных покоев нижнего этажа.

Парадная лестница, выстроенная в формах неоклассицизма, вписана в полукруглый застеклённый ризалит, с тремя ярусами окон, отражёнными в большом зеркале верхней площадки. Панель стены, площадки, колонны и ступени облицованы полированным белым мрамором, поставленным в 1903 году скульптурной мастерской «Бр. Ботта». Эта же мастерская изготовила мраморные каминные для жилых и парадных комнат, мраморные доски для буфетов и столов, основания для статуй¹⁴. Верхний карниз ризалита декорирован гирляндами и урнами, средний — мраморными ионическими колоннами. Классический рисунок бронзовой решётки выполнен по модели Габриэля, французского архитектора XVIII века. Дубовые двери верхней площадки (мастерская Волковысского) отделаны ренессансным орнаментом с раковиной. Вход в центральную гостиную заложён арочным зеркалом в лепной раме, на которой вылепленные вручную розы сплетаются с полевыми цветами (проект М.Х. Дубинского), обрамляя верхний картуш с монограммой ОА. Лепной карниз, рамы ниш и зеркала украшены цветочными гирляндами, а плафон — большой розеткой с факелами и гирляндами.

Западный ризалит дворца в пять осей целиком занимает просторный Театральный (Бальный) зал со сценами. Лепные скульптурные работы в зале и в соседней парадной столовой выполнила фирма Ш.Ф. Дегранж. По первоначальному замыслу, в зале установили большой живописный плафон, а декоративную лепку стен и сцены «бронзировали» живописцы мастерской П. Вьюгина¹⁵. Но уже в 1910 году по проекту М.Х. Дубинского отделка зала была кардинально изменена. Главным украшением зала служит рокайльная посеребрённая лепнина, плавно переходящая со стен на плафон. У дальней стены зала поставлен мраморный камин с барельефными изображениями цветов, масок и нот¹⁶, увенчанный рамой овального зеркала. Панно стен разделены «стволами пальм», изысканы изображения разнообразных побегов, цветов и листьев. Асимметричные рокайль-

¹⁴ Там же. Д. 23. Счета фирмы Бр. Ботта. Л. 15 об., 16.

¹⁵ Там же. Д. 532. Счета подрядчика Вьюгина с описанием работ. Л. 44.

¹⁶ Там же. Счета мастерской Ботта. Л. 15.

Деталь отделки столовой вел. кн. Ольги Александровны.
Фото 2013 г.

ные композиции плафона изображают растительные и архитектурные орнаменты и потоки воды.

Плафон парадной столовой увит гирляндами винограда, в круглых медальонах — вакхические маски, которые, как и лепные консоли фриза, исполнила фирма Ш.Ф. Дегранж. В кессоны потолка помещены живописные панно с гирляндами цветов на фоне картушей. Во фризе — «картинная галерея» однотипных полотен, написанных на фоне тусклого золота: плоды, ветви и цветы сплетены в тяжёлые гирлянды. Благодаря художественному разнообразию композиции, эти картины являются оригинальными произведениями эпохи модерн.

Центральное место по фасаду с эркером занимает большая гостиная-холл. Тёмный, разделённый балками, деревянный полированный плафон переливается в панели фриза. Плоскость стены декорирована резной дубовой панелью. Резной декор, деревянные арки и мебель изготовила фирма Ф. Мельцер¹⁷: плоский растительный рисунок дубовой панели и сквозной — сени и парапета алькова — перекликаются с резьбой высокого деревянного камина и узорчатymi голубоватыми изразцами двух печей¹⁸. Резьба представляет «мотив кленового дерева», ветви калины с ягодами и каштана.

¹⁷ Там же. Ф. 552. Оп. 1. Д. 23. Счета фирмы Ф. Мельцер.

¹⁸ Там же. Д. 532. Керамику поставил торговый дом С. М. Линднер. Л. 48–50.

Резная панель холла во дворце вел. кн. Ольги Александровны.
Арх. Р.Ф. Мельцер. Фото 2013 г.

Музыкальная гостиная (арх. М. Дубинский, 1910) выдержана в стиле раннего классицизма с элементами рококо, в «стиле Людовика XVI»: деревянные панели, двери, рама зеркала декорированы цветочными гирляндами и изображениями символов любви. Жизнерадостный живописный плафон перенесён из комнат, отделанных в 1848 году Г. Боссе. Просторный рабочий кабинет деятельной великой княгини облицован полированным светлым клёном, в панель встроены камин, диван, шкафы, полочки разнообразной формы. Стена над панелью раскрашена по трафарету. Асимметричные линии мебели и панелей декорированы резными растительными мотивами. Выжженный и окрашенный акварелью рисунок десюдепортов изображает крупные розоватые цветы на фоне видов северной природы. Подобные пейзажи, любимые художниками северного модерна, декорировали и мебель, изготовленную фирмой Ф. Мельцер.

Спальня великой княгини, замыкавшая парадную анфиладу, была облицована шкафами и панелью из розового бука, поставленной московской фирмой «Мюр и Мерилиз»¹⁹. Сохранились полированные двери с латунными инкрустациями. К спальне примыкала Туалетная (отделка мастерской С.Г. Волковысского), облицованная деревом. В панели над камином и на противоположной стене у туалетного столика врезаны зеркала и встроенные шкафчики. Резной деревянный плафон изображал нежные кувшинки-неюфары с вызолоченными тычинками, в центр встроена золочёная люстра с матовыми плафонами в виде цветов²⁰.

¹⁹ Там же. Л. 2.

²⁰ Подробное описание декора и обстановки комнат дворца см.: *Жерихина Е.И.* Из дворца на Сергиевской // Кучумов. К 100-летию со дня рождения. Сборник

Панель десюдепорта кабинета
вел. кн. Ольги Александровны.
Арх. Р.Ф. Мельцер.
Фото 2013 г.

Малая семейная «Дубовая»
столовая, оформлённая Г. Бос-
се в 1848 году, осталась почти
без изменений. Стену между
дубовой резной панелью и
лепным «крашеным под дуб»

плафоном, покрыли орнаментальной росписью масляными красками. По другую сторону лестничной площадки, напротив дубовой гостиной располагалась «Готическая» гостиная, служившая «предцерковной». (Ныне она, как и церковь, перестроена, сохранились лишь элементы лепного плафона и ореховая дверь).

Хотя с середины 1990-х годов дворцы вел. кнн. Ксении и Ольги охраняются как памятники архитектуры, многие детали отделки (расписные плетёные панно дворца Ксении Александровны, элементы резьбы и росписи панелей комнат Ольги Александровны) не имеют аналогов и к ним нельзя применять традиционные методы «учёта». За последние 20 лет «хранения» в зданиях, всё ещё функционирующих как учреждения, они не только не реставрировались, но и были повреждены, а частично и утрачены. Во дворце Ольги Александровны, занятом ныне несколькими учреждениями, находится под охраной только центральный фасадный корпус, но остаются не исследованными даже комнаты, ранее входившие в парадную анфиладу и жилые покои владельцев. Вызывает опасения исследователей ремонт зданий, производимый неквалифицированными рабочими. Оба дворца требуют досконального обследования, тонкой профессиональной реставрации и индивидуальной системы охраны.

докладов научной конференции. Атрибуция, история и судьба предметов из императорских коллекций. ГМЗ «Павловск». 2012. С. 162–169. *Она же*. Частные дворцы Петербурга. СПб.: Балтийская звезда, 2013. С. 220–234.

ИСТОЧНИКИ

По дворцу вел. кнг. Ксении Александровны:

- РГИА. Ф. 468. Оп. 13. Д. 1089 (1894–1898); Ф. 485. Оп. 2. Д. 1457–1459. Дела конторы дворца вел. кн. Александра Михайловича — планы строительства дворцов...(1896–1918); Ф. 521. Оп. 1. Д. 37, 38, 41, 43–45, 55–58. (1886–1918). Расходы по ремонту, содержанию, убранству дворца и на приобретение обстановки.
- ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3678. Чертежи дома 1830–1880 гг.; Фотоархив Института материальной культуры: F 49 / 87, Q21 / 40.

По дворцу вел. кн. Ольги Александровны:

- РГИА. Ф. 552. Оп. 1. Дела конторы двора вел. кн. Ольги Александровны. Д. 2, 7, 9, 23, 40, 43, 532 (1901–1914); Ф. 1340. Оп. 1. Д. 601 Описание вещам, принадлежащим вел. кнж. Ольге Александровне (1886–1902).
- ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 4431, 4445, 4448. Чертежи дома 1830–1870; Ф. 515. Оп. 1. Д. 92, 164, 2545, 6479.

Д.В. Осипов
(Санкт-Петербург)

Дворец великой княгини Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского в усадьбе «Сергиевка» в Старом Петергофе

Великолепный летний дворец герцога Максимилиана Лейхтенбергского стоит на верхней террасе южного побережья Финского залива, окружённый ландшафтным парком усадьбы «Сергиевка» (Илл. 1). Дворец построен в 1839–1842 годах архитектором А.И. Штакеншнейдером по велению Императора Николая I к свадьбе его старшей дочери — вел. кнж. Марии Николаевны, которая выходила замуж за герцога Максимилиана Лейхтенбергского¹. Герцог Максимилиан Лейхтенбергский и вел. кн. Мария Николаевна стали владельцами усадьбы «Сергиевка» и Мариинского дворца на Исаакиевской площади в Санкт-Петербурге². Здесь хранилась собранная ими богатейшая коллекция скульптуры, картин и декоративно-прикладного искусства, которая была широко известна при жизни владельцев и

---

¹ Новиков Ю.В. Собственная дача и Сергиевка в Старом Петергофе // Исследование и материалы. Памятники истории культуры Санкт-Петербурга. Вып. 4. СПб.: Белое и чёрное, 1997. С. 132–177; Гуцин В.А. Дворец Лейхтенбергского // Утраченные памятники Петергофа. Петергоф, 2002. С. 28; Он же. А.И. Штакеншнейдер и парк Сергиевка. Петергоф, 2002. С. 32; Осипов Д.В. Царский венец — золотой, хрустальный, зелёный // СПбГУ. № 20 (3543), 11 сентября 2000. С. 19–23; Он же и др. Парк «Сергиевка» — комплексный памятник природы. Коллективная монография. СПб., 2005. С. 6–13.

² Белякова З.И. Честь и Верность. Российские герцоги Лейхтенбергские. СПб., 2010.

1. Дворец герцога Лейхтенбергского. Южный фасад.
Фото 1880-х гг.

практически забыта до конца XX века. И только недавними исследованиями была выявлена её высокая художественная ценность. Коллекция включала в себя лучшие образцы западно-европейской и русской скульптурной школы первой половины XIX века³. Постараемся проанализировать источники формирования этого богатейшего собрания.

³ *Денисов Ю.М.* Скульптура в собрании герцога Лейхтенбергского в Маринском дворце // Проблемы развития зарубежного и русского искусства. Российская Академия художеств. СПб., 1995. С. 62–65; *Павлова Н.Ю.* Судьба наследства герцогов Лейхтенбергских в России // Краеведческие записки. Исследования и материалы. ГМИ СПб. Вып. 5. СПб., 1997. С. 202–217; *Кривдина О.А.* Скульптура дворца герцога Лейхтенбергского и парка усадьбы «Сергиевка» Биологического института СПбГУ. СПбГУ, № 20 (3543), 11 сентября 2000. С. 26–32; *Она же.* Коллекция скульптуры Лейхтенбергских // Юный художник. № 5. 2001. С. 14–16; *Она же.* Коллекция скульптур Лейхтенбергских // СПбГУ, специальный выпуск (3597), 20 апреля 2002. С. 11–13; *Она же.* Ваятели и их судьбы. Научная реконструкция творческих биографий российских скульпторов середины и второй половины XIX века. СПб.: Сударыня, 2006; *Осинов Д.В.* Некоторые итоги архитектурно-исторической реконструкции художественного убранства усадьбы «Сергиевка» // Материалы Региональной молодёжной эколого-краеведческой конференции. СПб., 2008. С. 124–138; *Он же.* Возвращение утраченных шедевров. (Поиски, атрибутирование и реставрация произведений из коллекции скульптур герцога Лейхтенбергского в усадьбе «Сергиевка») // Сборник статей по реставрации скульптуры и мониторингу состояния памятников в городской среде. СПб., 2008. С. 95–106; *Он же.* Судьба скульптуры коллекции Лейхтенбергских в Сергиевке: через военные годы к возрождению в век нынешний // Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф» «Послевоенная реставрация: век нынешний и век минувший». СПб., 2010. С. 138–146; *Он же.* Венера, снимающая сандалию. История одного шедевра. СПб.: Genio Locī, 2011; *Он же.* Судьба мраморной скульптуры «Немезида» // История Петербурга. № 1 (59), 2011. С. 48–53.

Отцом Максимилиана был принц Евгений (Эжен) Богарне — пасынок Наполеона, сын Жозефины, первой жены Наполеона Бонапарта⁴. Бесспорно, свадьба Марии Николаевны и Максимилиана имела немаловажное международно-политическое значение. Она должна была повлиять на смягчение напряжения между Россией и Францией, спустя всего четверть века после огромных народных потрясений от последствий наполеоновского похода на Москву в 1812 году. По инициативе победителя — императора Александра I — бывшему маршалу армии противника, принцу Эжену Богарне, на Венском конгрессе, определившем политическую конфигурацию послевоенной Европы, от имени союзников была предложена корона Франции. Эжен отказался даже рассматривать это предложение. Вскоре Эжен Богарне отходит от большой политики, погружается в семейный мир и мир искусства.

Максимилиану от его отца — Евгения Богарне, по праву майоратства досталась богатейшая коллекция картин и скульптур, которая фомировалась ещё в период военных походов Наполеона в Италию и Египет. Евгений Богарне был назначен Наполеоном вице-королём Италии, поэтому не случайно в его коллекцию попали уникальные произведения скульптуры помпейского периода. Евгений Богарне весьма разборчиво покупал произведения европейских мастеров, поскольку был тонким знатоком не только античного искусства. Масштаб личности принца Евгения Богарне в мире искусства виден хотя бы из того, что знаменитая каррарская Академия скульптуры носила его имя⁵. В те годы в Карраре работали известные итальянские, французские, немецкие и молодые русские мастера по мрамору.

В семье Евгения Богарне почитали талант величайшего скульптора начала XIX века датчанина Б. Торвальдсена, большую часть своей творческой жизни проработавшего в Италии. Именно он создал одно из лучших художественных изображений I-го герцога Лейхтенбергского, исполняя надгробие-памятник (1826—1830) в церкви св. Михаила в Мюнхене⁶. Не случайно несколько работ датского мастера мы находим среди лучших произведений коллекции скульптур Лейхтенбергских в «Сергиевке».

Фамильное собрание художественных ценностей, состоявшее из шедевров европейских мастеров, первоначально хранилось в Мальмезоне — дворце Императрицы Жозефины под Парижем. Оно досталось по наследству её сыну Евгению Богарне и было частично пере-

---

⁴ *Белякова З.И.* Указ. соч.

⁵ *Карпова Е.В.* Русская и западноевропейская скульптура XVIII — начала XX века. Новые материалы. Находки. Атрибуции. СПб., 2009.

⁶ *Белякова З.И.* Указ. соч.

мещено в Баварию во дворец герцогов Лейхтенбергских в Мюнхене. Часть этой богатейшей коллекции после свадьбы герцога Максимилиана Лейхтенбергского, по условиям Манифеста Николая I о свадьбе дочери, была перевезена в Россию в Мариинский дворец Санкт-Петербурга и в летний дворец Лейхтенбергских в «Сергиевке».

Собрание произведений искусств Лейхтенбергских в дальнейшем продолжало пополняться из самых известных европейских художественных мастерских. Герцогт Максимилиан неоднократно выезжал для этого в Германию и Италию, иногда вместе с Николаем I. Император был озабочен в то время формированием собрания скульптуры для только что построенного Нового Эрмитажа, превращаемого в общественный музей Санкт-Петербурга, что объясняет многочисленные контакты Максимилиана с представителями художественной интеллигенции России и Европы.

Напомним, что в 1843 году Николай I назначил Максимилиана Лейхтенбергского, президентом Императорской Академии художеств. По мнению современников, с этой знаковой должностью, связанной с развитием высшего художественного образования в России он успешно справлялся вплоть до своей кончины в 1852 году. Вдова Мария Николаевна благородно продолжала его миссию до конца своих дней. Не случайно в её коллекции появлялись работы талантливых юных российских художников из Академии и «пенсионеров» — стипендиатов, находящихся на обучении в Италии.

Можно сказать, что Россия стала для герцога Максимилиана Лейхтенбергского новой родиной. Следуя своим высоким идеалам, герцог Максимилиан активно участвовал в середине XIX века в проведении социальных и культурных реформ в образовании (не только как президент Императорской Академии художеств и меценат), в здравоохранении (создавая на собственные средства первое в России бесплатное лечебное заведение), в науке (патронируя горное дело) и технике (совершенствуя новый гальванопластический метод изготовления полых копий статуй, создавая бронзолитейное и гальванопластическое коммерческое заведение, на котором были построены первые отечественные паровозы).

После смерти Марии Николаевны в 1876 году имение «Сергиевка» перешло в нераздельное владение трёх её сыновей — Николая, Евгения и Георгия Максимилиановичей, которые владели «Сергиевкой» и её художественными ценностями до революционных событий 1917 года. Судьба уготовила суровые испытания для потомков Максимилиана Лейхтенбергского⁷; художественные ценности были разграблены,

---

⁷ *Белякова З.И.* Указ. соч.

2. Зал дворца.

Перед парными каннелированными колоннами две мраморные скульптуры «Танцовщицы», копии с оригиналов А. Кановы.
Фото начала XX в.

только небольшая их часть попала в музейные фонды, совсем немного чудом уцелело. Уместно отметить, что, по данным Архива Государственного Эрмитажа, собрание художественных предметов герцогов Лейхтенбергских (вероятно, в основном из Мариинского дворца и Румянцевского особняка на Английской набережной) в 1919 году было взято на учёт как «имеющее значение национально-культурного достояния»⁸.

К сожалению, в дореволюционное время не были составлены каталоги и описания богатейшей коллекции искусств в «Сергиевке», либо они могли оказаться в архивах и описях фамильных ценностей, утраченных в революционное лихолетье. О художественной ценности этого собрания сейчас можно судить, в первую очередь, по описи Гейченко и Шульца (1924)⁹ и собранному нами фотоархивному материалу интерьеров дворца и окружающей парковой территории¹⁰ (Илл. 2–10).

Укажем некоторые исторические события начала XX века, повлиявшие на судьбу этой коллекции. Благодаря инициативе крупнейших биологов Петроградского университета с июля 1920 года усадьба «Сергиевка» вместе с дворцом, постройками и парком была передана вновь организованному Петергофскому Биологическому институту¹¹. Бесспор-

⁸ Карпова Е.В. Указ. соч.

⁹ Гейченко С., Шульц П. Опись художественных произведений, находящихся на территории имения б. герцога Лейхтенбергского. Составлено в 1924 г. Петергофские музеи, инв. № 748, дело № 35.

¹⁰ Кривдина О.А. Скульптура дворца герцога Лейхтенбергского... С. 26–32.

¹¹ Осипов Д.В. Некоторые итоги архитектурно-исторической реконструкции... С. 124–138.

3. Реставрированный мраморный барельеф «Ночь» с монограммой скульптора Б. Торвальдсена (1812), установленный на стене северной части зала дворца. Фото автора, 2001 г.

4. Мраморная группа «Агарь и Измаил в пустыне». Ск. Г. Имгоф, 1845. Бывшая столовая. Фото 1920-х гг.

5. Помещение библиотеки Биологического института во дворце (бывшая приёмная Марии Николаевны). Мраморные скульптуры – копии с антики. Мраморная скульптура «Венера Итальянская» работы А. Кановы. Фото 1930-х гг.

6. Мраморный бюст «Весталка»,
мастерская А. Кановы. Северная
часть большого
зала дворца. Фото 2002 г.

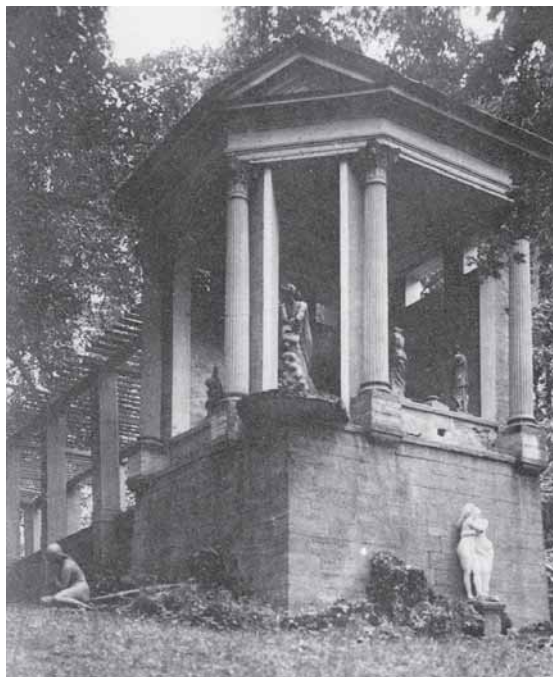

7. Мраморная группа «Амур и Психея»
на фигурном мраморном пьедестале.
Копия с антики, мастерская А.Кановы.
Поляна перед южным фасадом дворца.
Фото 1930-х гг.

8. Мраморная скульптура
«Христос и Иоанн Креститель детьми».
Ск. Г. Имгоф, 1860.
Бывшая приёмная Марии Николаевны.
Фото 1930-х гг.

9. Скульптурная группа «Амазонка на коне, поражающая барса». Гальванопластическая копия с бронзового оригинала А.Кисса, 1841. Дворик с атриумом у восточного фасада дворца. Фото 1938 г.

10. Беседка в овраге ниже «Детского флигеля» у западного фасада дворца. Слева металлическая скульптура «Наяда» («Ева у источника»), копия из шпиагра с мраморного оригинала Э.Бейли, 1818. Литейная мастерская Морица Гайса в Берлине. Под беседкой мраморная группа «Амур и Психея». На галерее беседки копии с антики. Фото начала 1900-х гг.

11. Разрушенный дворец. Фото 1943 г.

но, усадьба «Сергиевка», как архитектурно-исторический памятник, сыграла определяющую роль в становлении и развитии института. Вместе с тем, благодаря Биологическому институту стало возможным послевоенное восстановление усадьбы и проведение реставрационных работ его дворцово-паркового комплекса.

Надо отметить, что с ноября 1917 по июль 1920 года во дворце была организована Детская колония и совхоз. Популярный в те лихие годы политический лозунг: «Мир — хижинам, война — дворцам» нередко понимался массами буквально и фактически оправдывал вандализм и хищение ценнейших произведений искусства. Часть сокровищ была передана в музейные фонды Ораниенбаума, Петергофа и Эрмитажа, отдельные скульптуры чудом сохранились. Оставшаяся во дворце скульптура к августу 1941 года почти вся погибла во время войны, поскольку территория усадьбы оказалась на передовой линии Ораниенбаумского плацдарма обороны Ленинграда¹² (Илл. 11).

Дворец и все здания усадьбы были превращены в руины. Однако благодаря усилиям ректората Университета и дирекции Биологического института к 1960-м годам были восстановлены почти все здания усадьбы, а к 1964 году в основном было завершено послевоенное восстановление дворца. Дворцово-парковый ансамбль «Сергиевка» включён в Список Всемирного наследия Международного Совета по памятникам и достопримечательным местам ЮНЕСКО.

¹² *Топаж Х.И.* Петергоф, возрождённый из пепла. СПб., 2009.

У автора статьи имелись свои личные обстоятельства, побуждающие его в дополнение к профессиональным обязанностям учёного-биолога, а с 1974 года — руководителя научного института, уделять внимание проблемам поиска, хранения, атрибутирования и реставрации произведений искусства, некогда украшавших интерьеры дворца, его фасады, террасы и газоны.

Здесь в парке усадьбы летом 1957 года я проходил первую студенческую полевую практику. Многие здания усадьбы и дворец стояли тогда в руинах, парк был усеян многочисленными воронками, овраги и пригорки были перерезаны окопами и блиндажами. В период преддипломной практики в июле 1960 года я был свидетелем того, как в подвале дворца нашли сильно повреждённую металлическую скульптуру, как оказалось, — бесценный бронзовый отлив И.П. Витали «Венера, снимающая сандалию»¹³.

Всей своей научной карьерой и личной судьбой я обязан Биологическому институту и усадьбе «Сергиевка». Думаю, настало время позаботиться о восстановлении исторической судьбы коллекции скульптур Лейхтенбергских. Первым этапом реализации авторской программы возвращения утраченных скульптур стало обобщение фотоархивных материалов, отображающих скульптурное убранство дворца Лейхтенбергского в довоенное время. Основа этих материалов была получена из архивов нескольких профильных научных организаций и частных лиц, ранее связанных с Биологическим институтом, что позволило увидеть уникальные произведения искусства, находившиеся в интерьерах дворца и в парке «Сергиевка».

К сожалению, большая часть скульптурной коллекции не дошла до наших дней, но осталась запечатлённой на собранных нами фотографиях. Аtribuтирования скульптур были выполнены ведущим научным сотрудником Государственного Русского музея Ольгой Алексеевной Кривдиной и в настоящее время продолжаются нами. Проведённые исследования дали неожиданные, порой сенсационные результаты. Эти материалы широко отражены в научной и научно-популярной литературе, были представлены на отечественных и зарубежных конференциях по вопросам истории отечественной и западно-европейской скульптуры¹⁴. В собрании были представлены работы крупнейших западноевропейских мастеров: А. Кановы,

---

¹³ *Кривдина О.А.* Ваятели и их судьбы...; *Осипов Д.В.* Венера, снимающая сандалию...

¹⁴ *Кривдина О.А.* Ваятели и их судьбы...; *Лазарев П.А.* Весталка храма науки // СПбГУ, специальный выпуск (3597). 29 апреля 2002. С. 14–15; *Осипов Д.В.* Возвращение утраченных шедевров...

Б. Торвальдсена, А. Кисса, Г. Имгофа, Х. Рауха, К. Вихмана, Э. Бейли и других, а также копии из знаменитых мастерских Парижа, Берлина и Рима. Проведённое исследование позволяет ретроспективно понять ценность собрания в контексте единого европейского музейного пространства. В этой связи важно подчеркнуть, что сейчас нами продолжается программа реставрации найденных на территории усадьбы немногих скульптур из этого собрания, организована экспозиция реставрированных статуй во дворце усадьбы «Сергиевка»¹⁵.

В последние годы нами получены неожиданные данные к исторической реконструкции фонтанной системы усадьбы «Сергиевка»¹⁶. Приступая к исследованию фонтанной системы, я обратил внимание на то, что ни одна из соседствующих великокняжеских усадеб верхней террасы южного побережья Финского залива в середине XIX века не имела в своих архитектурных ансамблях фонтанных систем. Возможно, априорный отказ архитекторов от включения фонтанов в оформление близлежащих дворцов и усадеб объясняется уникальностью и великолепием фонтанной системы императорского Петергофа. И тем не менее, в архитектурных планах великокняжеской усадьбы «Сергиевка» на западной окраине Петергофа мы находим иное решение, одобренное императором Николаем I.

Было установлено, что десять утраченных фонтанов служили важным художественным компонентом дворцово-паркового ансамбля «Сергиевка». Система имела комбинированный характер: паровая машина водокачки, расположенная на берегу Финского залива, подавала воду к шести фонтанам верхней террасы парка и к большому фонтану нижней террасы под дворцом; фонтаны в овраге (один на поляне и два около беседки) обеспечивались водой от бассейнов двух фонтанов верхней террасы за счёт перепада высот. Нам удалось выявить особенности скульптуры и малой пластики оформления водоёмов, бассейнов и чаш каждого из десяти фонтанов. К сожалению, значительная часть элементов фонтанной системы была утрачена ещё в довоенное время (*Илл. 12*). Годы войны завершили её полный

---

¹⁵ *Осипов Д.В.* Возвращение утраченных шедевров...

¹⁶ *Он же.* Фонтанная система великокняжеской усадьбы «Сергиевка» второй половины XIX века (Историческая реконструкция) // Музей под открытым небом. Проблемы сохранения памятников из камня и бронзы. СПб.: Союз-Дизайн, 2012. С. 44–58. *Он же.* Материалы к созданию виртуального действующего макета утраченной фонтанной системы дворцово-паркового ансамбля «Сергиевка» // Сборник материалов Всероссийской конференции «Использование современных мультимедийных технологий в целях исследования, сохранения и реставрации объектов культурного наследия». СПб.: Факультет искусств. Институт искусств СПбГУ, 2012. С. 80–95.

12. Нижняя терраса парка Сергиевка и поляна от дворца к берегу Финского залива. Справа и слева от фонтана стоят мраморные скульптуры «Вакханки». Фото 1880-х гг.

развал. В настоящее время частично восстановлен только один фонтан во дворике восточного фасада дворца.

Масштаб и качество бывшего собрания скульптуры дворцово-паркового ансамбля «Сергиевка» и её уникальная фонтанная система позволяют рассматривать это историческое место в ожерелье императорских дворцов и великокняжеских усадеб южного берега Финского залива как значительный культурный центр России второй половины XIX – начала XX века, существенно обогативший развитие отечественного и западноевропейского искусства.

Автор выражает искреннюю благодарность А.С. Чунаеву за неоценимую помощь при подготовке рукописи.

М.Г. Талалай
(Милан, Италия)

Великая княгиня Мария Николаевна и её дворец-музей «Вилла Кварто» во Флоренции

Если в целом личность вел. кн. Марии Николаевны (1819–1876), дочери Николая I и сестры Александра II, первой владелицы Мариинского дворца в Петербурге, президента Императорской Академии художеств, достойно представлена в отечественной историографии, то важнейший и интереснейший период её жизни — флорентийский — остаётся до сих пор малоизвестным¹.

Тому есть объективные причины: жизнь царевны Марии, супруги герцога Максимилиана Лейхтенбергского, матери семи детей, одной из главных дам Российской империи, протекала на виду отечественного и европейского общества. Жизнь той же самой Марии, овдовевшей и допустившей мезальянс с графом Г.А. Строгановым, шла совсем иначе — частным и прикровенным образом, в среде лишь доверенных лиц. Именно этот морганатический брак, самый факт которого хранился в тайне от венценосного отца, подвигнул Марию Николаевну на отдаление от родного Петербурга и устройство своей новой резиденции вдали от России — в Италии.

---

¹ Характерно, что многочисленные современные публикации и проекты по русской Флоренции и русской Тоскане игнорируют многолетнее присутствие здесь Марии Николаевны. Что касается её деятельности в России и Петербурге, то среди последних публикаций укажем: *Belyakova Z. Grand Duchess Maria Nikolaevna and her Palace in St. Petersburg.* SPb., 1994; *Петров Г.Ф.* Дворец у Синего моста. Мариинский дворец в Санкт-Петербурге. СПб., 2007.

А. Ханиш. Великая княгиня Мария Николаевна. 1853 г.
Бумага, акварель

Её выбор пал на «колыбель искусств», Флоренцию, неслучайно: любовь к высокой культуре привил Марии Николаевне её первый супруг, герцог Максимилиан Лейхтенбергский, президент Императорской Академии художеств (они, кстати, вместе побывали во Флоренции на рубеже 1842–1843 годов). Уже родители Марии культивировали любовь к Италии: её мать

провела на Сицилии счастливейшую пору своей жизни и устроила затем в Петергофе итальянский уголок². Строитель Мариинского дворца А.И. Штакеншнейдер указывал флорентийский Ренессанс как определяющий стиль для некоторых интерьеров Мариинского дворца (приёмной и гостиной-кабинета; это же присуще и библиотечному залу)³.

Во Флоренции великая княгиня провела последние двенадцать лет⁴ своей жизни и, несмотря на вынужденную приватность, продолжила своё просвещённое культуртрегерство.

Приобретённая ею резиденция имела традиционное название Вилла Кварто, по местности «Quarto», сохранявшей в своей топонимике древнеримские истоки — тут прежде находилась Четвёртая миля от городской черты. В ходе истории она не раз меняла своё имя, а при Марии Николаевне стала называться — логичным образом — Вилла делла Грандукесса (Villa della Granduchessa), т.е. Вилла Великой княгини. В настоящее время к ней вернулось её исконное название, Вилла Кварто. При любом названии это строение сохраняло изначальное определение — *вилла* (Villa), но не *дворец* (Palazzo), что каза-

² См.: Пазинская И.О. Царская семья в Палермо // Русская Сицилия / Ред.-сост. М.Г. Талалай. М.: Старая Басманная, 2013. С. 160–190.

³ Сообщено Е.И. Жерихиной.

⁴ Точнее — двенадцать *зим*; Мария Николаевна, как и другие русские аристократы, жившие в Европе, предпочитала проводить лето у себя на родине.

В.И. Гау. Граф Григорий Александрович Строганов. 1847 г. Бумага, акварель

лось бы более подходящим для постоянной престижной резиденции.

В связи с этим представляется уместным выявить смысл понятия «вилла».

Истоки европейской виллы известны: от скромной сельской фермы, мызы, хутора ранних итальянских жителей — до репрезентативной *дачи* богатых горожан, включая лиц самого высокого положения, вплоть до императоров. Интересно, что русское слово «дача» проникло в итальянский обиход («*dacia*»), но исключительно в смысле загородного имения прежних партийных аппаратчиков и современных «олигархов», т.е. в том смысле, который современный русский язык присваивает итальянскому слову «*villa*» — как нечто роскошное. В эпоху Ренессанса, скажем, при флорентийских Медичи, античная (точнее, позднеантичная) вилла возрождается — так же, как и Вилла Кварто, приобретая ещё больший по сравнению с античностью размах, наполняясь произведениями искусства и утончённой атмосферой гуманизма, и в таковой ипостаси распространяясь из Италии во Францию, Англию и другие западные страны. Таким образом, европейская вилла Нового времени — это артефакт утончённой городской культуры, перенесённый на сельскую почву. Значит, и Вилла Кварто во Флоренции в её начальной форме — это, вне сомнения, истинная вилла, в её ренессансном смысле. По своей сути и даже по размерам, она, как и другие виллы флорентийской знати, в первую очередь, виллы Медичи, близка к российским дворцово-парковым ансамблям, к «летним дворцам», в т.ч. императорским дворцам под Петербургом. Виллами их в отечественном обиходе не называют, хотя для итальянца несомненно, что Царскосельский или Петергофский дворец — это *Villa Reale*, Королевская вилла⁵.

⁵ Хотя формально российские дворцово-парковые ансамбли Романовых могли бы быть названы Императорскими виллами (*Villa Imperiale*), в итальянском языке этот термин зарезервирован за императорской эпохой Древнего Рима.

*Эммануэль Штоклер. Зал на Вилле Кварто вблизи
Флоренции. 1873 г. Бумага, акварель.
Государственный Эрмитаж*

Вилла Кварто известна с XV века, то есть со времён расцвета правления Медичи. В XVIII веке её благоустройством занимался Альфонсо Париджи, известный маньеристским декором садов Боболи при дворце Великого герцога — Палаццо Питти. В 1820—1830-е годы на Вилле обосновался Вестфальский король Жером Бонапарт, младший брат Наполеона: после краха наполеоновской империи он удалился в почётную итальянскую ссылку с титулом «князь де Монфор»⁶. С ним проживала и его дочь, принцесса Матильда Бонапарт, она же княжна де Монфор, которую взял в себе в жены эксцентричный Анатолий Демидов, пользовавшийся в Тоскане княжеским титулом Сан-Донато (не признанным за ним в Российской империи).

⁶ Историю Виллы Кварто см. в сб.: *Ville della provincia di Firenze / A cura di L. Zangheri. Milano: Rusconi, 1989.* «Русский» период здесь, однако, не отражён.

Когда в 1840 году во Флоренции произошло венчание Демидова с принцессой Бонапарт, Вилла Кварто вошла в состав приданного невесты и таким образом попала в «русские руки». Уже имевшая при Жероме Бонапарте «королевский» вид, с массивной мебелировкой из красного дерева, при русском богаче она стала ещё более роскошной — Демидов богато её декорировал, поместив здесь часть своей коллекции и устроив православную домовую церковь. Брачный союз, впрочем, просуществовал недолго, супруги «разъехались», и Вилла Кварто опустела. Анатолий Демидов в 1860-е годы всё более живет во Франции, в том числе и по политическим причинам, не одобряя вхождение Тосканы в состав объединённой Италии (с 1860)⁷.

Овдовев в 1852 году, уже в 1853 году Мария Николаевна тайно венчается с графом Григорием Александровичем Строгановым и после смерти строгого отца добивается от брата, Александра II, официального признания её брака, который, однако же, должен оставаться «без гласности»: жена обязывалась «каждый раз, в случае беременности, удаляться на время родов от столиц и других мест пребывания императорской фамилии», а муж «не должен являться с нею, как супруг её, ни в фамильных, ни в иных собраниях» Дома Романовых⁸. В такой обстановке супруги начинают всё более жить за границей, и к 1862 году относится их переезд во Флоренцию, говоря по-современному, на «пмж» и вселение в опустевшую демидовскую резиденцию.

Покупка уже порядком обрусевшего дворца у А.Н. Демидова была оформлена в 1865 году. Начинается новый этап истории Виллы Кварто — она становится Виллой дела Грандукесса: высокородная хозяйка её заново отделала и мебелировала. Курьёзно, что Мария Николаевна во втором браке формально перестала быть «Романовой»: если в первом браке она титуловалась герцогиней Лейхтенбергской, то теперь она номинально становится, как это ни выглядит странно, «графиней Строгановой». Подтверждением тому служит купчая, завизированная в кадастре Флоренции на имя «contessa Maria Stroganoff». Однако в обиходе, несомненно, преобладал её великокняжеский титул и положение члена Императорского Дома — свидетельством чему служит и прозвание виллы, della Granduchessa.

⁷ В целом библиографию по Демидовым в Италии см.: *Талалай М.Г., Павловский Н.Г.* Демидовы, князя Сан-Дonato. Иностранная библиография. Екатеринбург: Демидовский институт, 2005 (об А.Н. Демидове и Матильде Бонапарт на Вилле Кварто писали флорентийские искусствоведы Л. Тонини, Л. Дзангери и С. Мелони-Тркулья).

⁸ Цит. по: *Пчелов Е.В.* Мария Николаевна // Романовы. История династии. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 212–222.

По вышеизложенным причинам резиденция Марии Николаевны имела ярко выраженный приватный характер. Этому есть свидетельство из первых рук — от её камердинера, А.Е. Степанова, оставившего интересные мемуарные записки, где он сообщал:

«Двенадцать последних зим своей прекрасной жизни она провела под солнечным небом Италии. <...> Уединённая (сравнительно с официальной обстановкой в России) жизнь её в Аппенинах, вполне оправдывалась её понятным желанием отдохнуть или даже совсем удалиться от ненавистных ей и давно для ней постылых условий большого света. <...> Она сама додумалась, что есть кое-что более лучшее в жизни и что есть более серьёзные требования для ума и сердца; до этого внутреннего возвышенного преобразования, — ей по собственному её выражению “не доставало времени сосредоточить свои мысли”»⁹.

Для истории культуры и темы «Дворцы Романовых», в первую очередь, интересна меценатская и коллекционерская деятельность великой княгини во Флоренции (не будем называть её «графиней»). Хотя художественное собрание после её смерти расплылось среди наследников, уже современники пытались дать ему должную оценку. Важный шаг в этом направлении был сделан в 1913 году Обществом защиты и сохранения в России памятников старины — по инициативе барона Николая Николаевича Врангеля, известного искусствоведа. Общество выставило в залах Императорского Эрмитажа картины европейских школ, в первую очередь, итальянской, собранные Марией Николаевной, с общим названием «Наследие Великой княгини Марии Николаевны». В изданном каталоге выставки Н.Н. Врангель, указывая, что экспонируемые картины восполняют лакуны эрмитажной коллекции, подчёркивал следующее:

«Рассматривая все эти, с такой любовью и умом собранные сокровища искусства, нельзя не вспомнить того, кто коллекционировал их — Великую княгиню Марию Николаевну — просвещённую любительницу искусства. <...> Выйдя вторично замуж за графа Григория Строганова, Великая княгиня поселилась во Фло-

---

⁹ Дочь Императора Николая I Великая Княгиня Мария Николаевна, Герцогиня Лейхтенбергская, 1819–1876. Составил камердинер великой княжны, впоследствии камердинер императрицы Марии Фёдоровны Александр Егорович Степанов (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2481. Л. 1–2; другой экземпляр рукописи хранится также в Архиве ГЭ. Ф. 1. Оп. 6 «М». Д. 6 — сообщено С.О. Андросовым). Цит. по: Кузнецов С.О. Строгоновы. 500 лет рода. Выше только цари. СПб., 2012. С. 232–233.

ренции и сблизилась с кружком художников и знатоков искусства, все свои досуги отдавая изучению и собиранию картин»¹⁰.

К эрмитажной выставке 1913 года был привлечён художник и хранитель картинной галереи Эрмитажа Эрнст Карлович фон Липгарт (1847–1932), написавший для каталога небольшой, но ёмкий текст «Как коллекционировала Великая княгиня Мария Николаевна»¹¹. В 1860–1870-е годы он, ещё в молодом возрасте, жил во Флоренции, а его отец Карл-Эдуард фон Липгарт (1807–1891), знаток искусств, сблизившись с Великой княгиней, помогал её собирательской деятельности и в целом участвовал в её жизни:

«Чуть ли не ежедневно ездили они [Мария Николаевна и К.-Э. фон Липгарт] по музеям, частным коллекциям и антикварам Флоренции и её окрестностей. <...> Великая княгиня с увлечением покупала картины, скульптуру и мебель, устраивая заново свой дом. <...> Кроме П.В. Жуковского — постоянного друга Великой княгини — к нам вскоре присоединился князь Григорий Гагарин, страстный любитель искусства и вице-президент Академии Художеств, которой Великая княгиня была президентом. <...> Мы собирались по вечерам при свете лампы... и я зарисовывал портреты членов этой маленькой Академии. <...> Великая княгиня постоянно ездила в Париж и всякий раз привозила оттуда превосходные картины голландской школы...»¹².

Липгарт-старший, живя во Флоренции, собирался написать трактат об итальянском Ренессансе, однако не выполнил свою задачу, опубликовав всего одну небольшую брошюру на французском языке, посвящённую портрету Джулиано Медичи, который считался тогда работой Рафаэля и по его совету был приобретён Марией Николаевной. В своём очерке его сын обстоятельно перечисляет флорентийских — и не только — антикваров и комиссионеров, услугами

---

¹⁰ Наследие Великой княгини Марии Николаевны / Сост. бар. Н.Н. Врангель. СПб. [1913]. См. также рец. на выставку: *Трубников А.* Наследие великой княгини Марии Николаевны // *Старые годы*, май 1913. С. 46–50.

¹¹ *Липгарт Э.К. фон.* Как коллекционировала Великая Княгиня Мария Николаевна // *Наследие Великой княгини Марии Николаевны*. СПб., 1913. С. 8–11. Ему же принадлежат мемуарные записки, хранящиеся в ГЭ (Архив ГЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 69 — сообщено С.О. Андросовым, частично их опубликовавшим в статье «Собрание великой княгини Марии Николаевны и Карл фон Липгарт» // *Русские потомки французской императрицы. Герцоги Лейхтенбергские в Петербурге [каталог выставки]*. СПб., 2011. С. 16–23); см. также публикацию: *Липгарт Э.* *Mes memoirs* // *Наше наследие*, 2007. № 81. С. 56–71; № 83–84ю С. 131–145.

¹² *Липгарт Э.К. фон.* Как коллекционировала Великая Княгиня Мария Николаевна. С. 9.

которых пользовалась российская меценатка. Ему же принадлежат ещё не изданные целиком мемуары, где он также касается флорентийского периода семейства Липгартов и роли своего отца:

«Мой отец был главным советником при покупках Госпожи Великой княгини в эпоху, когда американцы с их миллионами ещё не появились в Италии, и здесь было возможно создать коллекцию за действительно скромные деньги. <...> большая часть этой коллекции была продана в Кварто вскоре после кончины той, кто собирала её с такой любовью и пониманием»¹³.

Менее квалифицировано, чем фон Липгарт, но более увлечённо пишет о собирательстве Марии Николаевны её камердинер:

«Замечательно в ней было пристрастие к старинным вещам и в этом деле она <...> относилась к предмету с полным пониманием знатока-любителя; как она радовалась каждой находке, имеющей исторический интерес или художественную ценность <...> в чужих городах неузнаваемая толпою и выйдя из экипажа ещё далеко до назначенного места — целые часы блуждала по светлым магазинам или в мрачных переулках Рима, Флоренции, Венеции etc. по антикварным убогим лавчонкам, отыскивая подходящее своим желаниям и, возвращаясь домой, часто сама привозила, с усилием держа пред коленами, какой-нибудь тяжёлый барельеф из мрамора или terra-cotta, причём приветливо объясняла свой труд артистическим желанием иметь сейчас же у себя дома достойную вещь».

Впрочем, что касается предметов убранства, то камердинер Степанов проявляет искусствоведческие наклонности, упоминая замечательные «собрания акварелей, миниатюр, майолик, мозаик, бронз, гобеленов, гравюр, табакерок, Севрский, Саксонский, Венский и Императорский Русский фарфоры — вазы, чаши, урны, саркофаги и столы (по 40 тыс. руб.) из сибирского или уральского порфира, орлец, нефрита, из разноцветной яшмы, lapis-lazulis или малахита, ещё та громада причудливого фарфора Китая, Японии, Голландии, люстры, часы, картины, мраморы, драгоценные мебели», завершая не без пафоса: «Ни у кого подобного ничего не было!!!»¹⁴

Интересны его же свидетельства о развитом вкусе великой княгини:

«Как умела она придавать значение даже незначительному предмету, живописно умея его поставить в привлекательном свете. Её дворцовые комнаты служили для всех образцом классического

¹³ Цит. по: *Андросов С.О.* Собрание великой княгини Марии Николаевны... С. 18.

¹⁴ Цит. по: *Кузнецов С.О.* Указ. соч. С. 237.

вкуса и лёгкости стиля: всякая мебель или вещь были поставлены относительно к другим как нельзя более лучше; художественная расстановка везде гармонировала в своих цветах, характере или узорах; по целым часам и иногда и несколько дней видоизменяя обстановку, она наконец достигала того идеала совершенства или того ей необходимого *pes plus ultra* [лат.: «более некуда», в смысле «верх совершенства»] в отделке и как художник оставалась довольна своим удачным созданием»¹⁵.

Подобные штрихи позволяют воссоздать атмосферу флорентийской резиденции, которая по достоинству могла считаться дворцом-музеем¹⁶.

В Государственном Эрмитаже хранится акварель работы Эммануэля Штоклера, изображающая вид одной из комнат Виллы Кварто:

«На ней довольно ясно видна картина “Св. Себастьян”, ныне находящаяся в Эрмитаже и приписанная Антонио Римпатта. Идентифицируется и портрет слева, изображающий бородатого мужчину — Джулиано Медичи, герцога Немурского (ныне — в Музее Метрополитен в Нью-Йорке). <...> Интерес к искусству Кватроченто свидетельствует о хорошем вкусе русской княгини, который, несомненно, опережал эстетические взгляды русского общества того времени»¹⁷.

Поддерживала великая княгиня в своей резиденции и церковную жизнь. Домовая церковь, как уже говорилось, возникла ещё при Демидове, который, скорей всего, приспособил существовавшую при своём тесте, Вестфальском короле, католическую капеллу под православный обиход. Духовником Марии Николаевны стал протоиерей Михаил Орлов, служивший первоначально настоятелем в Христорождественской посольской церкви в Неаполе. В начале 1860-х годов он всё чаще и чаще бывает на берегах Арно, где курирует полузакрытую домовую церковь А.Н. Демидова в его имении Сан-Донато, а с

---

¹⁵ Там же.

¹⁶ Флорентийская коллекция Марии Николаевны и её собирательство ещё нуждаются в научной реконструкции. Одна из первых попыток произведена, преимущественно С.О. Андросовым, при подготовке в 2010 г. в миланском Музее Польди-Пеццоли выставки «Botticelli nelle collezioni lombarde» [«Боттичелли в ломбардских собраниях»; куратор Андреа Ди Лоренцо]. Одним из интересных её аспектов был тот факт, что у Марии Николаевны хранилась одна половина диптиха Боттичелли, а другая попала в Городской музей в Бергамо: на выставке после нескольких сот лет был представлен полностью. См. каталог: «Botticelli nelle collezioni lombarde» / a cura di A. Di Lorenzo. Milano: Silvana, 2010. Сообщено Вардуй Халпахчян (Падуя), которая перевела на итальянский язык для организаторов выставки упомянутую статью Н.Н. Врангеля о великой княгине.

¹⁷ *Андросов С.О.* Собрание великой княгини Марии Николаевны... С. 18.

Антонио Римпатта. Святой Себастьян.
Начало XVI в. Холст, масло.
(Из флорентийского собрания
вел. кн. Марии Николаевны).
Государственный Эрмитаж

1863 года окормляет великую княгиню и её свиту с прислугой на Вилле Кварто. При нём возрождаются также богослужения в посольской церкви, находившейся в наёмном помещении. Этой посольской церкви великая княгиня пожертвовала ценнейшую утварь, к сожалению, в 1880-е годы украденную. Идею возникшего во Флоренции прекрасного церковного строения (освящена в 1903 году) позднее приписали великой княгине, хотя само храмостроительство началось уже после её кончины¹⁸.

После преждевременной смерти владелицы русифицированный облик Виллы, носивший отпечаток её просвещённого вкуса, почти сразу исчез. Следующая её владелица, графиня Елена Григорьевна Строганова, здесь практически не жила и вскоре после смерти матери продала дворец. Часть произведений искусства была одновременно распродана, в том числе прославленный портрет Джулиано Медичи, приписывавшийся ранее Рафаэлю (ныне в Музее Метрополитен). Другая часть ушла к наследникам — детям от первого и второго брака. К примеру, почти все картины, которые выставлял Н.Н. Врангель в Эрмитаже в 1913 году, составляли, по его словам, «долю дочери её графини Е.Г. Строгановой, бывшей в замужестве за В.А. Шереметевым».

¹⁸ Подробнее см.: *Талалай М.Г.* Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. СПб.: Коло, 2011. Глава «В “колыбели Ренессанса”», с. 45–73.

Можно предположить, что большинство картин и скульптур из Виллы Кварто всё-таки в итоге попало в Россию: в конце 1908 года журнал «Старые годы», издававшийся в Петербурге, организовал большую выставку картин старых русских и западноевропейских художников. Фактически выставка, для которой арендовалось помещение в Обществе поощрения художеств, так и не была открыта для широкой публики из-за скандала, возникшего в результате неисправности электропроводки. Тем не менее, она получила широкое освещение в ряде статей, опубликованных в журнале за 1908 год порусски и вышедших (с небольшими изменениями) отдельной книгой на французском языке в Брюсселе в 1910 году. В предисловии к этому изданию П.П. Вейнер писал о коллекции Марии Николаевны: «Часть этого наследия была продана года три назад. Остатки находятся сегодня у потомков Великой княгини, их Высочеств княгини Ольденбургской и герцогов Лейхтенбергских, у князя Кочубея, г-на Шереметева, г-жи де Ден». В самом деле, на выставке были представлены картины из собрания герцогини Евгении фон Ольденбург (дочери Марии), а также из собрания Кочубей (князь Лев Кочубей был женат на Дарье Богарне, дочери герцога Евгения, то есть внучке Марии). В 1911 году живописец и коллекционер Михаил Боткин опубликовал описание своего собрания, в котором указывал на происхождение нескольких бюстов из терракоты из коллекции Марии Николаевны. Более подробный анализ итальянских картин из собрания Кочубей дал Э. фон Липгарт в статье, увидевшей свет в 1912 году. Фактически это была часть собрания Марии Николаевны, доставшаяся её сыну герцогу Евгению фон Лейхтенберг и завещанная им, минуя дочку Дарью Богарне (в первом браке — Кочубей), внуку — князю Евгению Кочубею¹⁹.

Вилла делла Грандукесса поменяла после Марии Николаевны немало владельцев. В англоязычном мире она стала известна тем, что в её стенах провёл немало времени Марк Твен (в 1904 году тут скончалась его жена)²⁰.

Думается, что русская история этого места заслуживает хотя бы мемориальной доски примерно следующего содержания:

---

¹⁹ Андросов С.О. Собрание великой княгини Марии Николаевны... С. 20.

²⁰ В настоящее время тут устроена гостиница, в убранстве которой «продвигается» преимущественно наполеоновская тема. Вероятно, это не оскорбило бы Марию Николаевну — ведь её первый муж, избранный по любви, был сыном пасынка Наполеона, принца Евгения Богарне.

Вилла Кварто.
Современный вид

«В 1862—1875 гг. на Вилле Кварто, прозванной тогда Виллой Грандукесса, проживала Великая княгиня Мария Николаевна, дочь императора Николая I, собравшая здесь великолепное собрание итальянского искусства».

В.А. Лётин
(Ярославль)

Крымские дворцы Романовых в контексте отечественной усадебной культуры: семейный и символический дискурсы

Крымские имения царской семьи, появившиеся во второй половине XIX – начале XX века, и в истории дворцового строительства императорской семьи, и в отечественной истории искусства стоят несколько обособленно. Причины тому — их географическое удаление от центра России и специфический «курортный» характер. Тем не менее, наряду с другими архитектурно-парковыми ансамблями крымского южного побережья они, как минимум четырежды, стали объектами российских диссертационных исследований искусствоведческого¹ и архитектуроведческого² характера. Естественно, в этих работах речь в первую очередь идёт о стилистических особенностях архитектурных или ландшафтных составляющих этих усадеб. Крымские дворцы органично занимают свои места в исследованиях, посвящённых творчеству соответствующих архитекторов³ или анализу

---

¹ Коляда Е.М. Сады и парки Крыма XIX – начала XX века. История создания и стилистический анализ. СПб.: Невский институт управления и дизайна, 2009; Линникова О.В. Стилевые особенности усадебной архитектуры Крыма периода эклектики в контексте общеевропейских тенденций. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. искусствоведения... М., 2011.

² Манцыгина И.В. Архитектура усадеб «Царского берега» в Крыму в XIX – начале XX вв. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. архитектуры... СПб., 1999.

³ Петрова Т.А. Архитектор А.И. Штакеншнейдер. СПб., 2012.

памятников периода историзма⁴, а окружающие их парки атрибутируются и анализируются в контексте «пейзажных» тенденций отечественного ландшафтного искусства второй половины XIX — начала XX века⁵. В обоих случаях информация о заказчике представлена в виде в большей или меньшей степени подробного историко-биографического очерка.

Цель данной работы — культурно-антропологический анализ императорских и, отчасти, великокняжеских, дворцов. Мы предлагаем особый ракурс их исследования — сквозь призму усадебной культуры второй половины XIX — начала XX века, когда усадьба начинает восприниматься в качестве сугубо частного пространства семьи. Заказчик, хозяин ансамбля является при таком подходе ключевой фигурой; стилистика, композиция, декор — отражение его социально-политических амбиций, эстетических пристрастий и, в известной степени, научных интересов.

В связи с чем, в первую очередь обратим внимание на противоречия, существующие в научной литературе относительно изучения «романовских» архитектурно-парковых ансамблей в Крыму.

«Дискретность» исследовательских дискурсов крымских резиденций Романовых. Так, несмотря на локализацию в пространстве южного побережья, более того, будучи зрительно объединёнными горизонтальной тропой, все они рассматриваются отдельно. Даже в диссертационных исследованиях логика научного дискурса строится по формуле «дворец — параграф». Тем самым создаётся ощущение дискретного пространства, распадающегося на самостоятельные и самоценные объекты.

Причины тому мы видим в способах самовыражения хозяев, строивших себе исключительно оригинальные дома. Как следствие, художественные решения этих ансамблей представляют собой вариации историзма в архитектуре второй половины XIX века. Диапазон предпринятых стилизаций весьма широк. Это императорские «французский» массандровский дворец (М. Месмахер, 1892–1902) и «ренессансный» ливадийский (Н. Краснов, 1909–1911), которые ретроспективно дополняют несохранившиеся «ориентальные» Большой и Малый ливадийские дворцы (И. Монигетти, 1862–1869) и «греческо-помпейский» гибрид ореандского (А. Штакеншнейдер, 1852). Не менее разнообразны и великокняжеские дворцы: «арабский»

⁴ Нащокина М.В. Московская «Голубая роза» и крымский «Новый Кучук-Кой» // Сб. общ-ва изучения русской усадьбы. Вып. № 5 (21). М., 1999. С. 129–154.

⁵ Она же. Русские сады. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 2007.

Дюльбер, созданный по эскизам вел. кн. Петра Николаевича и «неомавританский» Кичкинэ (Н. Тарасов, 1913) — вел. кн. Дмитрия Константиновича; «шотландский» Харакс (Н. Краснов, 1904) — вел. кн. Георгия Михайловича; эклектичные дворцы Ай-Тодор (Малый, М. Котенков, 1860-е; Новый, Н. Краснов, 1912) — вел. кн. Александра Михайловича. При этом храмы, входящие в эти ансамбли, решены в грузинско-византийском стиле, за исключением более раннего «античного» массандровского храма Усекновения главы Иоанна Предтечи (Ф. Эльсон, 1832; сохранился в искажённом виде), построенный в пору владения усадьбой М.С. Воронцовым.

Между тем, принадлежность дворцов разным членам одной семьи, их локализация в пространстве, более или менее общие принципы композиционной организации позволяют говорить о них как о специфическом усадебном ансамбле южного побережья, тем более что пространственно все они объединяются особым географическим объектом — горизонтальной тропой. Идея принадлежала императору Николаю II, пожелавшему, чтобы маршрут, проложенный вел. кн. Александром Михайловичем от Ай-Тодора к Ливадии, был продолжен. В результате дорога соединила царский дворец/усадьбу с усадьбами великих князей. Затенённая, с отсутствием крутых подъёмов и спусков, она позволяла любоваться природой южного побережья на протяжении всех своих 6 км 760 м. Принцип пейзажного паркостроения был применён к объекту, выходящему за пределы усадебного пространства. Но таким образом расставленные по склонам береговых гор ансамбли зрительно и пространственно объединялись в единый комплекс, а природе придавался статус эстетически ценного явления.

Проблема их идентификации: дворец и/или усадьба. Наше внимание привлёк парадокс бытования этих ансамблей в культуре. Исследовательская и популярная литература предлагает целый набор определений «романовских» (и не только!) архитектурно-парковых комплексов Крыма: экономия, имение, вилла, усадьба, дворец.

С одной стороны, это жилища представителей высочайшей фамилии и, следовательно, прежде всего они должны транслировать репрезентативную функцию. С другой — их архитектурный облик и концепция паркового пространства носят подчёркнуто личный характер, отражая художественные вкусы и, в известной степени, научные интересы хозяев. Образ жизни в них подчёркнуто частный, камерный — главная черта усадебной жизни второй половины XIX века.

Это противоречие нашло отражение в идентификации ансамблей публицистами и историками искусства. Так, во второй половине XIX века в путеводителе по Крыму в одном предложении Харакс

именуется и виллой (акцентируется «курортное», южнобережное положение ансамбля), и дачей (уточняется функционирование ансамбля в качестве временного, сезонного жилища), и дворцом (акцентируется его принадлежность члену царской семьи)⁶.

Мы полагаем, что восприятие дворца (резиденции правителя) как частной, по своей сути усадебной территории характерно для императорских семей второй половины XIX века. Это и Коттедж Александры Фёдоровны в Петергофе, и петергофский же Фермерский дворец Александра II и Марии Александровны, который обустраивается как сугубо частное пространство, не предназначенное для парадных приёмов. А Николай II и Александра Фёдоровна относятся к занимаемым ими во дворцах помещениям вообще как к квартирам, противопоставляя их тем самым остальным апартаментам Зимнего и Александровского царскосельского дворцов⁷. В логике этой тенденции акцентирования частной жизни, отчуждения её от государственного служения появляются и крымские дворцово-парковые ансамбли южнобережья, что совпадает с семейно-бытовой тенденцией усадебной культуры на данном этапе её развития. Во второй половине XIX — начале XX века усадебная жизнь утрачивает репрезентативный аспект. Усадебный ансамбль (даже царский) не демонстрирует более карьерные амбиции хозяина, а проявляет, прежде всего, его художественный вкус, акцентирует семейные ценности.

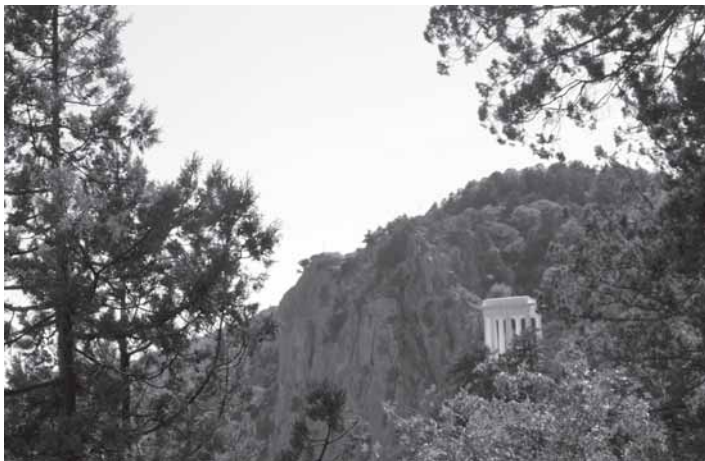
С идеи самого первого — масштабного ореандского проекта, до воплощения самого последнего — камерной виллы Кичкинэ, акцентируется их предназначение для частной жизни. Государственная репрезентативность этих проектов уже на самом раннем этапе их появления размывается и к началу XX века отходит на дальний план.

Так, в элементах неогреческого стиля ореандского дворца А.И. Штакеншнейдера, с его «эрехтейонскими» портиками, перистилем и пр. ещё можно усмотреть отзвук «греческого проекта» Екатерины II. Но дворец строится императором как подарок супруге, чем политическое его звучание почти снимается. Обратим внимание и на то, что в культурно-историческом имидже крымских императорских дворцов акцентируются, в первую очередь, императрицы. Ореанда — подарок Николая I Александре Фёдоровне; Ливадия — подарок Александра II Марии Александровне. Освящение нового Ливадиис-

---

⁶ Кондаков Н.П. Дворец в имени «Дюльбер» на Южном берегу Крыма // Искусство и художественная промышленность. 1899. № 9—10. С. 731; Сергеев В.С. Дворцы и усадьбы Тавриды (Дюльбер) // Новый Крым. 1999. № 1. С. 30—31.

⁷ Пашкова Т.Л. «Квартира» императора Николая II в Зимнем дворце. СПб., 2012.

Новая Ореанда. Вид на ротонду и Крестовую гору с Царской (Солнечной) тропы. Август, 2014 г. Фото автора

Вид на церковь Покрова Богородицы в Новой Ореанде с Царской (Солнечной) тропы. Август, 2014 г. Фото автора

кого дворца состоялось в день тезоименитства супруги Николая II — Александры Фёдоровны (23 апреля 1910 года), кстати сказать, крестившейся по православному обряду в ливадийской капелле. Тем самым устанавливалась символическая преемственность между двумя императрицами — крымскими «помещицами».

Личная художественная мотивация прослеживается и в истории создания ореандского ансамбля: это увлечённость императрицы

Дворец в Ливадии. Северный фасад. Арх. Н.П. Краснов, 1911 г. Август, 2014 г. Фото автора

Александры Фёдоровны творчеством И.-В. Гёте, в частности его трагедией «Ифигения в Тавриде» и желание иметь перед глазами архитектурно-парковую декорацию к любимому произведению. Известно, что первый проект дворца, более напоминающего храм, выполненный архитектором К.-Ф. Шинкелем (1838–1840), вызвал раздраже-

ние заказчицы, не пожелавшей стать в нём богиней⁸.

«Татарский» стиль архитектурного декора (деревянная резьба балконов и консолей и др.) Малого ливадийского дворца, построенного И.А. Монигетти, может показаться амбициозной заявкой на выражение власти над регионом через архитектурное решение: мотивы резиденции Гиреев в Бахчисарае. Но это всего лишь Малый дворец, имевший в иерархии строений ансамбля подчинённое значение. К тому же появившиеся со временем вокруг него стилизаторские проекты великокняжеских вилл и коттеджей знати микшировали и это государственное звучание. Стиль архитектурного решения дворца читается здесь уже не как политический знак, а как эстетическое явление, обусловленное романтизированным национальным колоритом.

Восприятие последними Романовыми крымских резиденций как частных пространств подтверждают связанные с ними события и многочисленные фотографии. События эти — факты частной жизни. Дни рождения, которые праздновались в усадьбах: 50-летие вел. кн. Михаила Николаевича в Ай-Тодоре и 16-летие вел. кн. Ольги Николаевны в Ливадии. Кончина Александра III и упоминавшееся крещение Александры Фёдоровны в Ливадии, последовавшие одно за другим в 1894 году. Фотографии — это «фотографии для семейного альбома», ко-

⁸ *Филатова Г.Г.* Дворец и храм в Нижней Ореанде. Симферополь, 2011.

Дворец в Ливадии. Инициалы Императрицы Александры Фёдоровны и наследника на северном фасаде. Август, 2014 г. Фото автора

которые фиксируют разнообразные способы проведения досуга царственными дачниками (экскурсии, прогулки, этапы строительства, снимки с гостями).

И если петербургские апартаменты во дворцах последних Романовых — квартиры, то Ливадия — дом. «Наш дом», — так характеризуют крымское имение оба августейших хозяина: Александр III и Николай II. Императрица Мария Александровна напутствует архитектора И. Монигетти пожеланием сделать ливадийский дворец как можно проще.

Николай II в письме к матери восторгался новым дворцом, определяя его именно в этом качестве: *«Мы не находим слов, чтобы выразить нашу радость и удовольствие иметь такой дом, выстроенный именно так, как хотели...»*⁹ О том, что ливадийский дворец — семейное пространство, говорит своеобразный декоративный эпитаф над крыльцом: рельефы с инициалами семьи. И это вместо аллегорических деклараций кредо царствования! Семейная тема ещё более акцентируется размещением инициала цесаревича в медальоне вместе с инициалом матери. Годы не изменяют отношения Николая II к этому месту. После отречения от престола он обратился к Временному правительству с просьбой разрешить ему и его семье поселиться в Ливадии в качестве частных лиц.

При этом «дом» воспринимается его обитателями не только в качестве места или здания. Усадьба в переписке и в воспоминаниях осмысливается как живое существо, отождествляется её владельцами с собой, с членом семьи: *«Мы с Ай-тодором как бы росли вместе», «Здесь моё место и здесь я хотел бы остаться на всю жизнь»* (вел. кн. Александр Михайлович)¹⁰.

Усадьбы Крыма становятся тем местом, где их высокородные владельцы отдают дань личным увлечениям. Это отражается в назва-

⁹ Дневники императора Николая II / Общ. ред. и предисловие К.Ф. Щацилло. М., 1992.

¹⁰ Великий князь Александр Михайлович. Мемуары. Воспоминания. М., 2004.

Дворец в Ливадии. Кабинет Императора Николая II.
Август, 2014 г. Фото автора.

ниях имений и в выборе архитектурных решений и декора. Так, Харакс (буквально с древнегреческого «укреплённое место») назван вел. кн. Георгием Михайловичем в честь расположенной рядом римской крепости¹¹. В стены айтодоровского малого дворца были вмонтированы античные барельефы — дань увлечения археологией вел. кн. Александра Михайловича. Наконец, Дюльбер спроектирован архитектором Н.П. Красновым на основе впечатлений вел. кн. Петра Николаевича от ближневосточных и магрибских путешествий.

Возникшие слишком поздно, чтобы стать родовыми гнездами, крымские усадьбы Романовых, тем не менее, аккумулируют память о семьях их владельцев, что выражается в мемориализации и, в известной степени, в сакрализации связанных с родственниками мест.

Так, крест, установленный вел. кн. Александрой Фёдоровной «в назидание» и посаженный ею лавр на горе Урьянда (Крестовой) со временем стали восприниматься как памятные знаки в честь Александра I — первого хозяина Ореанды. Место на полу комнаты, где стоял смертный одр Александра III в Старом дворце в Ливадии, также было отмечено крестом.

Семейная мемориализация осуществляется и через храмострое-ние, что свойственно усадебной культуре. Практически все романов-

¹¹ Блаватский В.Д. Харакс // Материалы и исследования по археологии СССР. № 19. М.; Л., 1951.

Дворец в Ливадии. Скульптура Пенелопы — подарок жителей Одессы Императрице Марии Александровне. Август, 2014 г. Фото автора

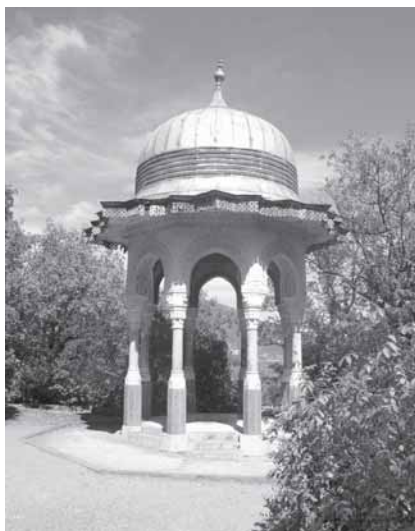
ские храмы — мемориалы. Покровский храм в Нижней Ореанде (А.А. Авдеев, 1885), сложенный из камней «прекрасного дворца матушки» по воле вел. кн. Константина Николаевича, хранит память об императрице Александре Фёдоровне и её дворце. Храм св. Нины и Преображения Господня в Хараксе (Н. Краснов, 1906) посвящён небесной покровительнице одной из дочерей вел. кн. Георгия Михайловича. Забо-

левшая дифтерией девочка была прооперирована и, тем самым, спасена, в день праздника Преображения — 6 августа 1905 года. Ливадийский храм Воздвижения Креста в Ливадии, построенный в 1863–1866 годах И.А. Монигетти, связан с мемориализацией императрицы Марии Александровны (выбор посвящения), императрицы Александры Фёдоровны (крещение) и императора Николая II (принятие присяги). К тому же, будучи домовым храмом царской семьи, он стал хранилищем реликвий, принесённых в дар Романовым¹².

Семейная тема продолжается и в мемориальных знаках светского характера. Так, в 1882 году, в день 50-летия вел. кн. Михаила Николаевича баронесса М.П. Фридерикс подарила бюст матери Александры Фёдоровны, долгое время потом стоявший в кабинете Ай-Тодора. Скульптура Пенелопы — подарок жителей Одессы императрице Марии Александровне — была перенесена в новый ливадийский дворец и заняла почётное место в Белом зале дворца как памятный знак о Марии Александровне. Семейность акцентируется в деталях интерьера: ковёр — портрет императорской четы с наследником в кабинете Николая II — подарок персидского шаха к 300-летию династии. Своеобразным зна-

¹² Земляниченко М.А. Дворцовая церковь в Ливадии: история Крестовоздвиженского храма. Симферополь, 2012.

Ливадия. Турецкая беседка.
Август, 2014 г. Фото автора

ком памяти об отце оказывается массандровский дворец, строительство которого завершается при Николае II.

«Усадебный текст» крымских дворцово-парковых ансамблей: композиционный аспект.

Пространства крымских усадеб Романовых оформлены относительно свободно в виде пейзаж-

ных парков с экзотической растительностью, что позволяет обыгрывать сложный рельеф местности и подавать морские панорамы¹³. Из арсенала усадебной культуры актуализируются малые архитектурные формы: гроты (Харакс, Дюльбер), беседки (турецкая — в Ливадии, «античная» — в Хараксе), фонтаны (Массандра, Дюльбер, Ливадия, Харакс). При этом их роль в основном функциональна (защита от жары, увлажнение воздуха), а решение декоративно. Исключение составляют усадьбы Ай-Тодор и Массандра. В первом случае античные барельефы на стенах Нового дворца — своеобразные пожелания-талисманы хозяевам. Так, сохранившийся барельеф с пахарем выражает надежду на плодородие и процветание дома. В Массандре более развёрнутая символическая программа, об этом речь ниже.

Наибольшую связь с усадебной культурой в композиционно-планировочном аспекте представляют собой ансамбли Ливадии и Массандры. Ливадийский парк создан в пору владения усадьбой Потоцких в первой половине XIX века. С тех пор его планировочная схема сохранялась, развиваясь лишь количественно, а приращённые в разные годы участки территории оформлялись соответствующим образом.

В отличие от свободной планировки Ливадии, решение массандровского ансамбля более упорядочено. Композиция — осевая, унаследованная от воронцовской резиденции. На главную ось нанизаны

¹³ Брагина Т.А., Васильева Н.В. Путешествие по дворянским имениям Южного берега Крыма. Симферополь, 2001.

Дворец в Массандре.
Вид на партер
и парные секвойи.
Август, 2012 г.
Фото автора

Дворец в Массандре.
Курдонёр и его подпорная стена.
Август, 2012 г. Фото автора

Дворец в Массандре. Верхняя часть
одной из арок, фланкирующих
подпорную стенку курдонёра.
Август, 2012 г. Фото автора

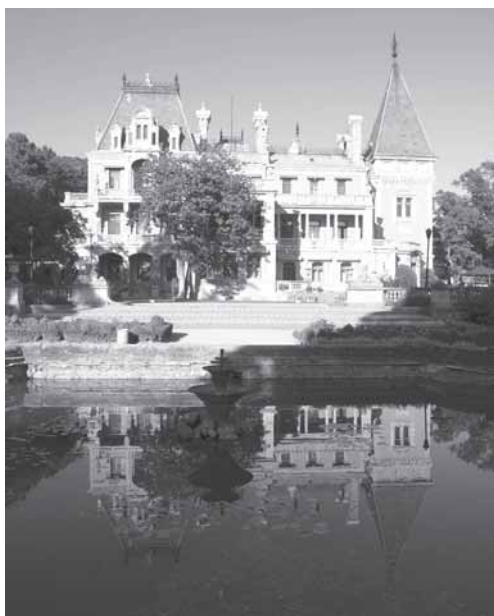
Дворец в Массандре. Один из парных обелисков перед дворцом. Август, 2012 г.
Фото автора

Дворец в Массандре.
Сфинкс перед дворцом.
Август, 2012 г. Фото автора

партер (на старых фотографиях — луг) на нижней террасе, бассейн с фонтаном на средней террасе и цветочный партер на верхней. То, как композиционно решено массандровское пространство, какими образами оно насыщено, позволяет предположить наличие в нём символической программы — свойственное усадебной культурной традиции качество. Однако в отличие от ландшафтного и архитектурного его воплощений эта грань усадебной культуры изучена фрагментарно. Символический текст, представленный в этом проекте, вполне традиционен для программ подобного рода и представляет усадебное пространство как микромодель мироздания. Естественно, авторами этой программы не могли выступать члены августейшего семейства. Возможно, символы религиозно-философского универсума создал архитектор, но говорить об этом приходится лишь гипотетически, поскольку сведений о связи М.Е. Месмахера с тайными обществами нет. Заканчивавший строительство ансамбля О.Э. Вегнер в своих проектах не раз обращался к символике подобного рода. Так, на его собственном доме в Ялте присутствуют циркуль и треугольник, а неосуществлённый проект надгробия В.И. Березина в крымском имении Суук-Су (1902), имеет явные аллюзии с масонской архитектурой¹⁴.

¹⁴ Кучмистова Н.И. Детский лагерь «Лазурный». Электронный ресурс: <http://www.artek.ua>. Обращение: 05.09.2014.

Дворец в Массандре.
Август, 2012 г. Фото автора

Дворец в Массандре. Вид с террасы дворца.
Август, 2012 г. Фото автора

Если признать наличие в массандровском ансамбле символической программы, его пространство обретёт ещё идейную целостность, а трёхчастная террасная структура заиграет новыми красками. Мы полагаем, что три террасы и курдонёр — это формы бытия: природное (луг), рациональное (средняя терраса), духовное (верхняя терраса), абсолют (курдонёр).

«*Memento mori*»: партер как символическое воплощение природного (физического) качества бытия. На старых фотографиях партер представляет собой луг. Вероятно, он задумывался при М.С. Воронцове как традиционный для русской усадьбы газон. Партеры-газоны неперемённы в архитектурно-парковых усадьбах, хозяева которых были англоманами. Ровный газон перед архитектурным ансамблем позволял открыть панораму на открывающиеся от усадьбы виды, как, например, замоскворецкие дали в Архангельском — подмосковной усадьбе князей Юсуповых. Кстати сказать, партер также занимал там нижнюю террасу из трёх¹⁵.

Ковровая растительность партера должна была ассоциироваться с низшей — бессознательной формой жизни. Недолговечность и хрупкость травы выступали аллегорией недолговечности и хрупкости физической жизни человека.

«*Nosce te ipsum*»: средняя терраса как пространство самопознания. Край средней террасы обсажен деревьями, зрительно отделяющими нижнюю часть ансамбля от придворцовой территории. Первое, что обращает на себя внимание — исполинские секвойи, фланкирующие верхнюю площадку лестницы от розария ко дворцу. Подобные парные посадки с использованием хвойных деревьев — вполне традиционная усадебная практика XVIII — начала XX века. Для этой цели могли использовать лиственницы (Останкино, Остафьево, Мураново, Царицыно) и кедры (Карабиха), а в начале XX века в Кирицах баронов фон Дервизов (Рязанская обл.) — даже североамериканская сосна Веймутова. Исключение составляет Ораниенбаум, где вход фланкируется парой дубов. В этом же ряду и подмосковные Архангельское и Большие Вязёмы, где примыкающие ко дворцам террасы обсажены по периметру лиственницами.

Центральным объектом здесь является бассейн с фонтаном, рядом с которым когда-то стояли две скульптуры «Помпеянки» и «Римлянки» (копии с антиков из коллекции Берлинского музея изящных искусств)¹⁶.

---

¹⁵ Символическая программа Архангельского ещё не расшифрована. На основе первичного анализа его скульптурного и живописного декора можно предположить, что ключевая тема в нём — Любовь как высшая форма духовной жизни человека.

¹⁶ Всего на террасах вокруг дворца располагалось 29 скульптур, сохранилось только 6.

По сравнению с предыдущей и последующей площадками эта, благодаря кронам секвой, несколько затемнена, отчего те выглядят просто ослепительно¹⁷. Такой светотеневой контраст — не только художественный приём ландшафтного искусства, он может быть обусловлен и символически. В масонской практике посвящения существовало особое помещение — тёмная храмина, находящаяся как бы между мирами физическим и духовным — в котором посвящаемый готовился к инициации, размышлял о своей прежней жизни, писал символическое завещание. Так и средняя терраса располагается между пространством прошлой тленной жизни, от которой неопит уходит, и новой, к которой он стремится. Цель пребывания здесь — открыть в себе способность видеть иной мир, символом чего являются хвойные деревья, точнее их плоды. По аналогии с шишковидной железой они стали символом «третьего глаза» или глаза Гора, который открывается у посвящённых в результате долгой работы по самосовершенствованию. Посредством «третьего глаза» адепт обретает способность видеть незримое, ему открывался иной мир — мир Духовного Света. На это значение работает и фонтан, который в эзотерической эмблематике означает духовную жизнь и спасение.

Ante Lucet: верхняя терраса как преддверие сакрума массандровского универсума. Граница между террасами-мирами обозначена балюстрадой, фланкированной парными обелисками. Эта архитектурная форма активно используется в культуре XVIII — начала XX века. Значение обелиска — памятник. Их устанавливали на городских площадях и крышах, они принимали вид церковных шпилей, фонтанов («Пирамида» в Петергофе) и т.д. Парные обелиски оформляли заставы-въезды в русские города после административных реформ конца XVIII века и въезды в усадьбы, реже — вход во дворец (Инженерный замок). Происхождение обелисков египетское, их символическое значение — масонское. В Египте обелиски — солнечные лучи — ставились перед храмами, обозначая границу сакрального пространства. Эзотерика тайных обществ унаследовала идею маркировки входа в храм обелисками и наделила их собственным символическим значением: столпов перед входом в Храм Соломона: Боаз (Воля) и Иахин (Сила), демонстрируя своеобразный дуализм мироздания. О том, что одно из символических значений обелисков — столпы перед храмом, говорит нехарактерная здесь коринфская капитель. Даже в произведении эпохи эклектики она выглядит на призме обелиска странно, но имеет своё объяснение: коринфский ордер — знак духовной красоты, созданный, по представлениям масонов, для иеру-

---

¹⁷ О времени посадки секвой однозначного мнения нет.

салимского Храма царём Соломоном. Следовательно, коринфская капитель — знак преддверия Храма.

В массандровских обелисках идея света выражена наглядно в их архитектурном решении: обелиски увенчаны не традиционным золотым шаром, а стилизованным пламенем, что превращает их в символические маяки. Подобные маяки свойственны масонским усадебным (и не только) проектам, где могут быть представлены колоннами (подмосковная Кусково, петербургская Стрелка Васильевского острова¹⁸), башнями пристани (новгородская усадьба Грузино А.А. Аракчеева), башнями на здании дворца (усадьба Кушелева-Безбородко на Каменном острове в Петербурге). Решение нижней части массандровских обелисков в виде стилизованной лиры и ряд других символических деталей, о которых речь пойдёт ниже, подключает этот ансамбль к усадьбам, имеющим солярную — аполлоническую программу¹⁹.

Относительная изоляция массандровского ансамбля от усадебных пространств России, забытость существовавшей традиции оформления усадебных пространств²⁰ привели к тому, что исследователи стали интерпретировать обелиски в качестве потенциальных фонарных столбов²¹.

Обелиски окаймляют вид на дворец. Проход на следующий уровень парка-универсума оформлен фигурами сфинксов, из пьедесталов которых в чаши били струи воды. Антропоморфная часть этих существ в данном случае — женская, что характерно для усадебной культуры XVIII—XIX веков. Аналогичных сфинксов можно видеть у входа в дом (подмосковные Никольское-Урюпино²² кн. Голицыных, Кусково гр. Шереметевых) или на границе партерной части парка (бульвинкль) и парковой зоны (подмосковная Пехра-Яковлевское кн. Голицыных), в гроте (переход из реального мира в ирреальный) и пристани (петербургская усадьба Кушелева-Безбородко). Всё это, как и в Массандре, границы между мирами, а сфинксы — стражи

---

¹⁸ О масонской символике этих «маяков» см.: *Каганов Г.З.* «Святы́й град». Иерусалимские черты в образе Санкт-Петербурга XVIII — начала XIX века // Библия в культуре и искусстве. Материалы научной конференции «Випперовские чтения—1995». Выпуск XXVIII. М., 1995. С. 175—193.

¹⁹ *Топоров В.Н.* Петербург и «петербургский текст» русской литературы // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 259—3671.

²⁰ Между тем, вход во дворец кн. А.М. Голицына в Новом Свете декорирован парными обелисками.

²¹ *Касперович К.К.* Дворец Александра III в Массандре. Симферополь. 2007.

²² Сейчас в экспозиции музея-заповедника Архангельское.

«порталов». Вместе с тем, их образы поддерживают тему познания, свойственную символике этого участка универсума, сосредотачивая внимание на человеке как на главном его объекте. Познавшему самого себя, а, следовательно, преодолевшему человеческую природу на физическом и рациональном уровнях открывается храм Истины — царство Духа. В пространстве Массандры это — верхняя терраса.

Templum lucis: сакральная символика верхней террасы и дворца. Некогда самая декорированная часть ансамбля. Здесь сосредотачивался основной объём скульптуры²³, здесь располагается доминанта ансамбля — дворец.

Из близких по скульптурному убранству усадеб можно привести подмосковное Архангельское, где подпорная стена средней террасы декорирована бюстами выдающихся деятелей истории, философии, искусства, противопоставляя мир культуры пространству партера — «лугу духовному». В Массандре скульптуры также предваряют дворец и имеют сходную символику. Известно, что мужская и женская половины дворца с внешней стороны обыгрывались статуями соответствующей тематики²⁴. Даже их неполный набор позволяет говорить о вполне традиционном для усадебной культуры наборе и распределении. Так, на балюстраде южной подпорной стены (сторона покоев императрицы) аллегии «Скульптуры», «Архитектуры», «Живописи» — сфера художественной культуры традиционно связывалась с женским образом. На пилонах-контрфорсах северной стены (сторона покоев императора) — «Цезарь», «Софокл», «Эсхил», «Кентавр», «Аполлон с Вакхом» — символы власти, интеллектуальной деятельности.

В совокупности скульптуры, помещённые в одно пространство Массандры, символизировали собой синтез двух способов познания мироздания: рационального и интуитивного, творческого и исторического.

Своей кульминации гармония массандровского универсума достигала в символике дворца. Его архитектурное решение довольно экстравагантно: вариации на тему французского Ренессанса и барокко. Стилистическая оригинальность, отмеченная ещё современниками и ставшая общим местом туристических путеводителей по Крыму, между тем вполне вписывается в усадебную моду конца XIX — начала XX

---

²³ Всего в декоре было использовано 29 скульптур, из которых сохранилось 6, в основном копии произведений из коллекции Берлинского музея изящных искусств. Утраты произошли из-за хрупкости материала (крашеный гипс). Точная идентификация изображений отсутствует.

²⁴ *Пальчикова А.П.* Массандра. Дворец. Парк. Усадьба. Очерк-путеводитель. Симферополь, 2003.

века. Массандровский дворец можно поставить в один ряд с амбициозными «замками» усадебных комплексов центральной России: В.С. Храповицкого в Муромцево (И.С. Бойцов, 1884–1889, Владимирская обл.); купца Н.А. Понизовкина в дер. Гузицыно (Н.Ю. Лермонотов, 1912–1914, современный посёлок Красный Профинтерн, Ярославская обл.), барона С.П. фон Дервиза в Кирицах (Ф.О. Шехтель, 1883–1889, Рязанская обл.). Казалось бы, живописная асимметрия фасадов дворца свидетельствует об обратном, но ряд символических деталей декора, принцип организации интерьера позволяют видеть в нём нечто большее, чем загородный дом оригинальной архитектуры. Цвет дворца — жёлтый — развивает тему света, заданную маяками-обелисками. Жёлто-золотистый цвет — солярный символ, цвет власти и символ божественного сияния. Именно в этом качестве его актуализировал ампир. В жёлтый цвет, знаменуя им своё пребывание в потоке божественной благодати, в конце XVIII — начале XIX века окрашивали свои дома Павел I («семейный» дворец в Павловске), Н.Б. Шереметев (Наугольный дом в Москве, построенный к женитьбе на П. Ковалёвой-Жемчуговой). Эти примеры показательны, поскольку, как и в случае с массандровским дворцом, в них акцентируется тема семьи, которой придаётся статус высшей ценности. Проекты, связанные с жизненным кредо, у обоих окрашены в рассветные «аполлонические» тона (Кусково, Останкино, Инженерный замок), а с благотворительностью — в голубой (Странноприимный дом в Москве).

Второй, не менее существенный символический акцент — декоративные фиалы с языками пламени, расставленные по крыше здания. Тематически они более присущи храмовому пространству, нередко их размещали в иконостасах, их могли нести скульптуры ангелов. В Петербурге мы встречаем их в оформлении храма св. Михаила в одноимённом замке. В обоих случаях они появляются в непосредственной близости от сакрального центра. Символическое значение пламенных фиалов восходит к средневековой культурной традиции и означает воскрешение, рождение жизни из смерти. Что, в принципе, соответствует месту дворца в пространстве предлагаемого символического универсума. Гармоническим значением наделяён и интерьер: женское и мужское начала в нём уравновешиваются, его стилизованные интерьеры воплощают исторические эпохи. Время, осмысленное средствами искусства, обретает категорию вечности. Тема Вечности раскрывается в последнем из композиционных объектов ансамбля — курдонёре.

Sancta sanctorum: курдонёр как алтарь массандровского сакрального универсума. Курдонёр — полукруглая площадка, расположенная за

дворцом, подпорная стенка которой несёт на себе колоннаду. Колонны увенчаны большими «пасхальными» яйцами в металлической оправе, между ними расставлены монументальные декоративные вазоны, под ними в подпорной стенке фонтаны в виде маскарон сатиров и нимф²⁵. Стенка фланкирована фигурными арками, в которых были установлены скульптуры: в южной — «Меркурий с младенцем Дионисом» (копия с работы Праксителя), в северной — «Аполлон, смотрящий на ящерицу» (копия с работы Праксителя)²⁶. Из всех композиционных элементов массандровского ансамбля этот выглядит самым оригинальным и менее всего вписывается в усадебную традицию.

Первое, на что мы обращаем внимание — это место и форма курдонёра: восточная сторона и полукруг. Восток в эзотерике тайных обществ — источник Света Истины: *ex oriente lux* (свет с востока). Полукруглая форма — традиционная для алтарей. Храм истины — источник Света — масоны представляли в виде ротонды. Ротонда могла быть как архитектурной деталью, венчающей здание дворца или храма, так и самим дворцом или храмом. В виде ротонды могли оформить помещение во дворце, иконостас в храме. Массандровская ротонда уникальна тем, что в её образе архитектура сочетается с миром природы, воплощая характерный для эзотерики образ природного храма. Его символическая композиция развивается по вертикали: нижний ярус — с маскаронами сатиров и нимф — низшая форма физической жизни. Колонны с навершиями в виде яиц и вазоны с шишками на крышках — символы духовного перерождения: в пифагорейском учении (влившемся в эзотерику масонства) — символ начала начал, Воскресения. И наконец, венчающий эту ротонду купол неба — символ Высшего начала.

Образы Аполлона и Меркурия также проявляют символические значения: среди античных божеств они воплощают представления о Свете (Феб-Аполлон) и проводнике к нему (Гермес-Меркурий). С другой стороны, эти два божества символизируют золото (Солнце-Аполлон) и ртуть (Меркурий), две противоположности во всём: динамика-статика, мужское-женское, твёрдое-жидкое и т.д. Противоборство начал, воплощённых в этих символах — один из залогов целостности бытия, находящегося в постоянном становлении и развитии. Таким образом, площадка внутреннего двора может быть интерпретирована как сакральный центр массандровского универсума,

---

²⁵ В советский период маскарон сатиров заменены на львиные морды.

²⁶ Пальчикова А.П. Указ. соч. С. 62–63.

как сфера преодоления человеком земных страстей и его выхода в трансцендентное.

Как видим, последние дворцы империи на Южном берегу Крыма генетически связаны с отечественной усадебной культурой в её историческом (XVIII – начало XIX века) и актуальном (вторая половина XIX – начало XX века) проявлениях. Композиционные решения и семантика их пространств, несмотря на экзотику ландшафта и эксцентричность стилевых решений, традиционны для усадебной культуры, поскольку их создатели, используя в духе времени модную стилистику и передовые технологии, строили здесь в первую очередь, свои дома, где декларировали, пусть и несколько романтизировано, приоритет семейного, родового над репрезентативным, государственным. Это, естественно, находило отражение в разного вида рефлексиях публицистического, эпистолярного и мемуарного характера, в фотографиях и мемориях.

И.Ф. Фоменко
(Ливадия, Крым)

Дворцы Романовых на Южном берегу Крыма. Проблемы сохранения, музеефикации и современного использования

Роскошным ожерельем расположились имения семьи Романовых на Южном берегу Крыма. Жемчужины ожерелья — дворцы, окружённые дивными парками. Вслед за императором Петром Великим, императрицей Екатериной II и Александром I, которые обратили монаршее внимание на Крым, император Николай I открыл радость Крыма для своей семьи. «Рай земной, имя коему Ореанда»¹ и был той почвой, на которой в царской семье взрастала любовь к Крыму. Эта любовь стала одной из причин появления ряда имений и дворцов на Южном берегу, принадлежавших трём поколениям Романовых.

Первый из дворцов был построен в 1852 году для семьи императора Николая I, последний — в 1913 году для его внука вел. кн. Дмитрия Константиновича. За время, прошедшее между этими датами, были сооружены, в общей сложности, 14 дворцов и особняков и два приобретены у прежних владельцев. Царские дворцы и дачи: роскошный Ореандовский, Большой, Малый и Новый Ливадийские, изысканный Массандровский, Охотничий домик в Бешуе, горная дача Эриклик. Великокняжеские дворцы: Старый дворец, дворец-вилла, Малый дом у дворца, дворец для детей в Ай-Тодоре, загадоч-

---

¹ Калинин Н., Земляниченко М. Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь, 2002. С. 32.

Почтовая открытка с видом развалин дворца в Орланде.
Начало XX в.

Большой императорский дворец в Ливадии.
Раскрашенное фото. Конец XIX — начало XX в.

ный и неуловимый Катемеиз, великолепный Дюльбер, воздушный Чаир, лаконичный Харакс, крохотный Кичкинэ. Названия дворцов происходят из различных языков, в основном, из греческого, тюркского, латинского и утраченного таврского. Они звучат таинственно и музыкально.

Сегодня на Южном берегу Крыма сохранилось 10 дворцов и особняков, которые принадлежали Романовым, ими распоряжаются различные учреждения, ведомства и частные лица².

² Все данные о сохранности и принадлежности указаны на 2013 год.

Ливадийский дворец Императора Николая II.
Современное фото

Первый царский дворец был построен в имении Ореанда в 1852 году по проекту Н.А. Штакеншнейдера и первым был утрачен, погиб в пламени пожара в 1881 году³. Предметы интерьера частично удалось спасти. Их владелец, вел. кн. Константин Николаевич, разместил мебель и произведения искусства в столичном Мраморном дворце, что-то было продано на Южном берегу Крыма. Развалины дворца долго сохранялись как романтические руины ореандовского парка. Часть камня наследник имения велел использовать на строительство храма Покрова Пресвятой Богородицы, который сохранился и является действующим. На месте руин дворца в 1948 году по указанию И.В. Сталина румынскими военнопленными был выстроен корпус санатория «Нижняя Ореанда» для отдыха партийной, государственной и творческой элиты, с 1995 года он находится в ведении Управления делами аппарата Верховной Рады Украины⁴.

В начале 1860-х годов во вновь приобретённом имении Ливадия сооружают дворцы для семьи Александра II. Это Большой императорский и Малый дом для великих князей по проектам архитектора И.А. Монигетти, при участии ялтинского архитектора К.И. Эшлимана. Спустя полвека Большой императорский дворец, южная резиденция императоров, был разобран для возведения более вместительного и комфортабельного Нового Ливадийского дворца, проект которого выполнил опытнейший ялтинский архитектор Н.П. Крас-

³ Калинин Н., Земляниченко М. Указ. соч. С. 20, 31.

⁴ Интернет-ресурс: <http://oreanda.biz/main.html>.

Дворец Императора Александра III в Массандре.
Современное фото

нов. Позже этот дворец стали называть Белым Ливадийским. Ныне это всемирно известный музей.

Малый дворец Ливадии (Дворец наследника), где жил и скончался император Александр III, был сожжён в 1941 году советскими военными при отступлении на Севастополь. Восстанавливать его не стали, разобрали на камень, на месте дворца построили танцплощадку, украсив её мраморной облицовкой дворцовых интерьеров, и теннисный корт.

Дворец Александра III в имении Массандра строился с 1889 года как загородная дача для отдыха царской семьи по проекту архитектора М.Е. Месмахера. После скоропостижной кончины императора в 1894 году его сын решил завершить строительство и сохранить за дворцом имя отца. Массандровский дворец стал местом кратковременного пребывания семьи Николая II, но его залы так и не наполнились предметами интерьера. После национализации дворец охраняли, держали закрытым или использовали для проживания чиновников. С 1929 по 1941 год в нём был организован санаторий «Пролетарское здоровье» на 70 коек, с 1944 до 1948 год дворец находился в ведении ВНИИ ВиВ «Магарач», с 1949 года — входил в систему государственных дач страны под названием «спец. объект № 3» или «Сталинская», позже — «Боль-

Вид на дачу «Эриклик» императрицы
Марии Александровны.
Фото 1870-х гг.

Ф. Васильева. Фонтан на даче
«Эриклик». 1872 г.

шая Сосновка»⁵. В 1989 году во время отдыха на этой даче М. Горбачева его супруга Раиса Максимовна обратила внимание на особую художественную ценность и сохранность дворца, который вскоре был выделен из системы госдач и передан для организации музея. Экспозиция, знакомящая посетителей с парадными, жилыми комнатами и художественными особенностями отделки интерьеров, была открыта в 1992 году и работает до сих пор.

На южных склонах Главной гряды Крымских гор в красивейших местах были устроены две царские дачи, одна из которых служила двум поколениям императоров. Это Охотничий домик, обустроенный в горах над Алуштой в Бешуйской казённой даче, рядом с мужским монастырём Косьмы и Дамиана в конце 1870-х – начале 1880-х годов⁶. Сегодня сохранился лишь небольшой бассейн и огромная прекрасная ель, деревянный домик сожгли в 1941 году фашисты.

Другая дача Эриклик предназначалась для уединённого отдыха и лечения императрицы Марии Александровны и располагалась на горных склонах в сосновом лесу, недалеко от Ливадии. Эту скром-

⁵ *Плужник И.В.* Массандровский дворец в послевоенный период (1940–1950-е гг.) / Текущий научный архив КРУ «АДПМЗ». Л. 1, 2, 6, 7.

⁶ ГА АРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 1698. Л. 3, 14.

Дача «Эриклик». Посёлок Горное.
Современное фото

ную деревянную дачу спешно возвели к середине лета 1872 года по проекту старшего архитектора Департамента Уделов А.И. Резанова⁷. Потрясающая красота видов на побережье и горы, а также изысканные интерьеры и оформление прилегающей территории компенсировали простоту сооружения. Есть сведения, что в Эриклике случался пожар, вероятно, со временем дачу переложили в камне, сохраняя прежний общий вид. В советское время здание использовали для санатория «Горная здравница», затем для детского санатория «Ласточка». В настоящее время здание дачи Эриклик сохранилось, как и фонтан рядом и несколько старых елей, оно находится на территории посёлка Горное и, вероятно, является частным⁸.

Итак, на Южном берегу Крыма было сооружено семь царских дворцов и дач, из которых ныне сохранилось три. Это Белый Ливадийский и Массандровский дворцы-музеи и дача Эриклик.

Первые великокняжеские имения на Южном берегу закладываются к концу 1860-х — началу 1870-х годов. Это имения вел. кнн. Николая и Михаила Николаевичей, впоследствии перешедшие по наследству их сыновьям.

Вел. кн. Николай Николаевич-старший приобрёл земли недалеко от Ялты. Имение получило название Катемеиз и предназначалось

⁷ Палькеева Е.А. Ливадия в 1872 г. // Ливадийский дворец-музей. Сборник. 1994–1999. Севастополь, 1999. С. 62.

⁸ Заключение о сохранении до наших дней здания дачи Эриклик сделано на основании сравнения и выявления общих черт двух изображений: исторического и современного.

Старый дворец вел. кн. Михаила Николаевича
в Ай-Тодоре (территория санатория «Днепр»
Современное фото

для проживания его второй семьи, состоящей из танцовщицы Красносельского театра Е.Г. Числовой-Николаевой и их детей⁹. В августе 1917 года вел. кнн. Николай и Пётр Николаевичи, наследники Катемеиза, продали имение, располагавшееся в Верхней Аутке, барону Е.С. фон Нолькену¹⁰. Дальнейшая судьба Катемеиза неизвестна. Дворец, изображение которого как и другие сведения о нём до сих пор не обнаружены, был, вероятно, разрушен и разобран на камень.

В самом обширном из великокняжеских имений Южного берега, Ай-Тодоре, принадлежавшем вел. кн. Михаилу Николаевичу, первым местом пребывания владельцев становится дом прежней хозяйки земли, княгини А.Б. Мещерской¹¹. Небольшой особняк располагался у обрывистого берега моря, недалеко от маяка на мысе Ай-Тодор. Ныне это здание в аренде или в частном владении, а в советское время использовалось для санатория «Днепр». Вероятно, ещё одна дача, приобретённая от прежних владельцев вместе с зем-

⁹ Белякова З.И. Великие князья Николаевичи. В высшем свете и на войне. СПб., 2002. С. 151.

¹⁰ Фоменко И.Ф. К истории великокняжеского имения «Катемеиз» // Южнобережный дом Романовых и вопросы сохранения культурно-исторического наследия Ливадии: Материалы международной научной конференции (Ялта, Ливадийский дворец-музей, 27–29 сентября 2006 г.) / Под ред. С.В. Юрченко. Симферополь, 2006. С. 101.

¹¹ Науменко И.В. Имение «Ай-Тодор» великого князя Александра Михайловича // Ливадийский дворец-музей. Сборник. 1994–1999. Севастополь, 1999. С. 186.

Дворец для детей вел. кн. Александра Михайловича в Ай-Тодоре (территория санатория имени Розы Люксембург). Современное фото

лэй вдали от моря, у деревни Гаспра, послужила местом пребывания в Крыму вел. кн. Александра Михайловича, её стали называть дворцом, но никаких документов о нём до сих пор не было обнаружено. В непосредственной близости от этого дворца ялтинским архитектором М.И. Котенковым к 1900 году был построен одноэтажный Малый дом для детей вел. кн. Александра Михайловича¹². В его семье продолжали рождаться сыновья, подрастали старшие дети, потому в 1912 году в имении было завершено строительство так называемого Малого дворца или флигеля для семерых детей великого князя по проекту ялтинского архитектора Н.П. Краснова¹³.

1 декабря 1920 года все имения Южного берега Крыма были объявлены достоянием РСФСР, а ленинский Декрет об использовании Крыма для лечения трудящихся от 21 декабря 1921 года предписывал все дворцы бывших царей и великих князей использовать под санатории и здравницы рабочих и крестьян.

В 1921 году в верхней части бывшего имения Ай-Тодор открыли дом отдыха ЦК металлистов на 75 коек, в 1929 году его преобразовали в санаторий для туберкулёзных больных, в 1934 году — в детский санаторий имени Розы Люксембург, каковым он остаётся и сегодня, хотя за предшествующие годы успел побывать и госпиталем для немецких сол-

¹² Там же.

¹³ Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М. Архитектор Высочайшего двора. Симферополь, 2003. С. 95.

Дворец «Харакс» вел. кн. Георгия Михайловича
(в 1920–1930-е гг. являлся санаторием Совнаркома Украины,
ныне – территория санатория «Днепр»). Современное фото

дат в годы войны, и санаторием для советских воинов¹⁴. Бывшие дворцовые постройки Ай-Тодора: вилла вел. кн. Александра Михайловича, Малый дом и Малый дворец — сохранились и являются корпусами детской здравницы.

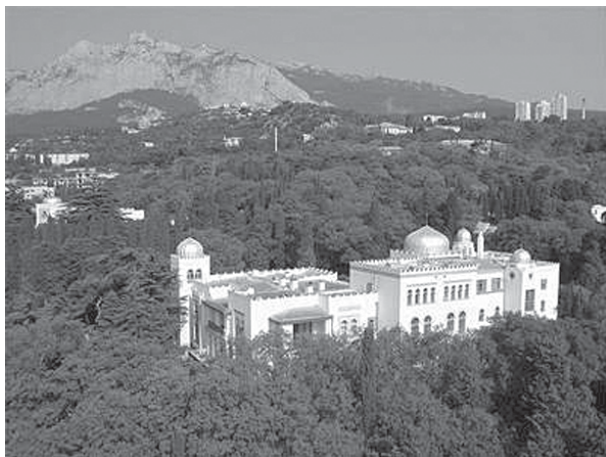
Рядом с имением Ай-Тодор, у берега моря, в конце XIX века образовалось имение Харакс вел. кн. Георгия Михайловича; в 1904 году, задумав построить дворец, он приглашает архитектора Н.П. Краснова, хорошо зарекомендовавшего себя исполнением заказов высшего света¹⁵. С 1922 года дворец Харакс использовался как санаторий для больных туберкулёзом. В 1955 году, после присоединения Крыма к Украине, название санатория изменили на «Днепр». Он был местом отдыха партийной и творческой элиты. В настоящее время является государственным предприятием Министерства по налогам и сборам Украины, а дворец-вилла — арендуется частным лицом. Вел. кн. Пётр Николаевич стал собственником земли на Южном берегу Крыма, в Мисхоре, и в 1895 году начал строительство дворца Дюльбер, используя собственный опыт и талант ялтинского архитектора Н.П. Краснова¹⁶. (Дюльбер был первой работой архи-

¹⁴ *Науменко И.В.* Указ. соч. С. 192.

¹⁵ *Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М.* Указ. соч. С. 85.

¹⁶ Там же. С. 66.

Вид на дворец «Дюльбер»
Великого князя Петра Николаевича.
Современное фото

тектора для семьи Романовых.) В 1918 году дворец превратился в домашнюю тюрьму и крепость для «крымской группы» Романовых. В 1922 году в Дюльбере открыли здравницу для партийной элиты на 35 коек, в 1930-х годах она получила наименование «Красное знамя», в ней отдыхали политработники, бывшие политкаторжане и политэмигранты. В годы Великой Отечественной войны дворец претерпел значительные разрушения во внешнем декоре, так как пострадал от пожара и был восстановлен в 1946–1948 годах при участии немецких и румынских военнопленных. Восстановленный дворец не даёт полного представления о былом великолепии внешнего и внутреннего облика. Во дворце открыли санаторий для руководителей советской и зарубежных компартий. Ныне он принадлежит Управлению делами при Верховной Раде Украины.

В 2005 году возникла уникальная возможность создать экспозицию во дворце Дюльбер как новый туристический продукт. Автором идеи проекта и спонсором стал директор турфирмы «Сэлэкт Блэк Си» С.И. Прядко, научным консультантом — профессор З.И. Белякова, автором научной концепции и экскурсионного текста по туристическому маршруту, включающему парк, — заведующая отделом Ялтинского историко-литературного музея И.Ф. Фоменко.

Экспозиция «Романовы и Дюльбер» рассказывает о семейном счастье вел. кн. Петра Николаевича, об имении и парке, строительстве дворца, высочайших соседях на Южном берегу, о революционных событиях и жизни Романовых на свободе и под арестом, об

Дворец «Чаир» вел. кн. Анастасии Николаевны (в 1920–1930-е гг. являлся санаторием политработников). Открытка начала XX в.

участии Англии в спасении Романовых, о жизни в эмиграции и о потомках владельца Дюльбера. Экспозицию посещают группы иностранных туристов. Специально приезжали в Крым, в Дюльбер, для знакомства с землёй своих предков и с экспозицией европейские родственники вел. кн. Александры Петровны, матери владельца имения, — Ольденбургские.

По соседству с Дюльбером располагался дворец Чаир в имении вел. кн. Анастасии Николаевны. Он также был построен ялтинским архитектором Красновым в 1900–1902 годах¹⁷. (Всего по проекту и при участии Н.П. Краснова построено 5 дворцов из 14, сооружённых для Романовых на Южном берегу Крыма.) С 1920-х годов в Чаире работал элитный санаторий, но в годы Великой Отечественной войны здание было разрушено, позже на его фундаменте построено новое здание, ничем не напоминающее прежнее, — одна из государственных дач страны, которая ныне принадлежит СБУ.

Последним на Южном берегу Крыма был сооружён дворец Кичкинэ для вел. кн. Дмитрия Константиновича. Проект, строительные и отделочные работы выполняла фирма братьев Н.Г., В.Г. и А.Г. Тарасовых, в основном завершив их в 1913 году¹⁸. В 1918 году дворец был приобретён вел. кн. Николаем Николаевичем-младшим, который владел им вплоть до эмиграции из Крыма в 1919 году¹⁹. После национализации во дворце организовали санаторий для Совнаркома Крыма, а дворец получил название «Сказка». В годы Великой Отечественной войны маленький дворец, стоящий над обрывом скалистого берега, был подарен Гитлером «покорителю Крыма» Эриху фон Манштейну²⁰. В послевоенный период его многие десятилетия использо-

¹⁷ Там же. С. 84.

¹⁸ Калинин Н., Земляниченко М. Указ. соч. С. 222.

¹⁹ Там же. С. 233.

²⁰ Там же.

Дворец «Кичкинэ» вел. кн. Дмитрия Константиновича (в 1920–1930-е гг. являлся санаторием Совнаркома Крыма, ныне — территория частного отеля). Современное фото

вали как туристическую базу, принадлежавшую Киевскому военному округу министерства обороны Украины. В последние годы дворец был реконструирован, вероятно, частным лицом, который его арендует. Закрытый для свободного осмотра, он считается музеем, но на самом деле таковым не является.

В Государственном архиве Крыма хранятся акты периода национализации южнобережных имений, в которых сохранились описи движимого имущества дворцов. Описи не очень подробные, но они помогут в поисках, атрибуции, идентификации утраченных предметов интерьера. Например, в них фигурируют предметы мебельного гарнитура из Приёмной дворца Кичкинэ, выполненные из карельской берёзы с инкрустацией чёрным деревом и обивкой розовым шёлком²¹, подобные «нити Ариадны» могут привести энтузиастов к находкам.

Из 9 великокняжеских дворцов ныне сохранилось 7, из них три находятся в частном владении. Большинство дворцов почти полностью сохранили великолепие архитектурного облика, но утратили внутреннюю отделку, интерьеры, предметы мебели, собрания картин, скульптуры, произведения декоративно-прикладного искусства, бытовые вещи. Страдают и парки, заложенные в XIX веке и составлявшие прежде единые ансамбли с дворцами и особняками Романовых.

²¹ ГА АРК. Ф. Р-361. Оп. 2. Д. 72. Л. 5 об.

О тенденциях содержания и сохранения дворцов говорить сложно, но примеры музеефикации вдохновляют, хотя они и различны: Дюльбер, Массандра, Ливадия.

В марте 1917 года Новый и Малый дворцы Ливадии были национализированы и со всем имуществом вошли в подчинение объединения южных советских хозяйств, затем в Крымский отдел охраны искусства и старины. По указанию Ленина ценности из царских дворцов сначала сохраняли, затем изымали и концентрировали во дворцах Ливадии²². Некомпетентность чиновников, занятых этой работой и последующим распределением изъятого, приводила к дроблению коллекций и даже отдельных вещей.

В марте 1922 года было принято решение сохранить в неприкосновенности как дворец-музей Малый дворец императора Александра III, а Новый дворец, как не представляющий художественной ценности, использовать под санаторий²³. Собранные во дворце коллекции и предметы вновь изымались и распределялись. Часть их была затем возвращена из Севастополя и других мест. Так создавалась первая экспозиция музея быта императорской династии Романовых. В Новом и Малом дворцах для экскурсантов открыли личные апартаменты царской семьи, установили штат служащих²⁴. С 1922 года, Ливадийские дворцы стали пользоваться особой популярностью у экскурсантов.

Вскоре было принято новое решение о нецелесообразности существования во дворцах музея и о необходимости включить их в Курортный фонд. В 1925 году во дворцах Ливадии появился крестьянский санаторий на 300 коек. Но восемь комнат второго этажа Нового дворца и 2–3 комнаты в Малом дворце, представляющие образец высокохудожественной отделки интерьеров, оставили за Крымским отделом охраны искусства и старины для музея быта революционной эпохи. Окончательно музей ликвидировали в 1927 году, так как он «мешал» санаторию²⁵. Экспонаты разошлись по музеям Ялты, Алупки, Симферополя, Севастополя. Изложенные обстоятельства объясняют минимальное количество подлинных предметов в современной экспозиции Ливадийского дворца-музея.

Со временем крестьянский санаторий в Ливадии был превращён в партийную здравницу, затем в госдачу, по указу Сталина в 1953

---

²² Андросов С.А. Ливадийский дворец: первая попытка создания музея (1920–1927) / Текущий научный архив КРУ «АДПМЗ». Л. 2.

²³ Там же. Л. 5.

²⁴ Там же. Л. 7.

²⁵ Там же. Л. 14.

году — в профсоюзный санаторий «Ливадия». Дворец пережил три года фашистской оккупации без серьёзных разрушений и утрат, а в феврале 1945 года в нём состоялась Ялтинская конференция руководителей стран антигитлеровской коалиции — Сталина, Рузвельта и Черчилля, обстоятельство, сыгравшее свою роль в дальнейшей судьбе дворца.

В июле 1974 года при санатории ВЦСПС во дворце открыли Ливадийский выставочный зал. В 1979 году постановлением Совета Министров УССР Ливадийский дворцовый комплекс объявлен объектом культурного наследия национального значения. В апреле 1990 года распоряжением Центросоветкурорта № 107 был создан Ливадийский историко-художественный выставочный комплекс. В ноябре 1993 года приказом Министерства культуры АРК он был реорганизован в Ливадийский дворец-музей, в июле 1994 года были созданы и открыты экспозиции «Ялтинская конференция 1945» и «Романовы в Ливадии».

Царская резиденция на юге Крыма, в Ливадии, и место проведения Ялтинской конференции 1945 году обозначили особую точку на карте страны. С 1999 года Ливадийский дворец-музей стал местом проведения встреч государственного и межгосударственного уровня, общественно-политических и культурных акций, научных и корпоративных конференций, хотя это вступает подчас в противоречие с функционированием музея.

Тем не менее, перешагнув 100-летний юбилей, Ливадийский дворец в ноябре 2013 года отметил 20-летие своего существования в качестве музея. На ближайшее будущее музей строит планы создания единого дворцово-паркового комплекса и разработки новых экскурсионных маршрутов.

С.С. Левашко
(Санкт-Петербург)

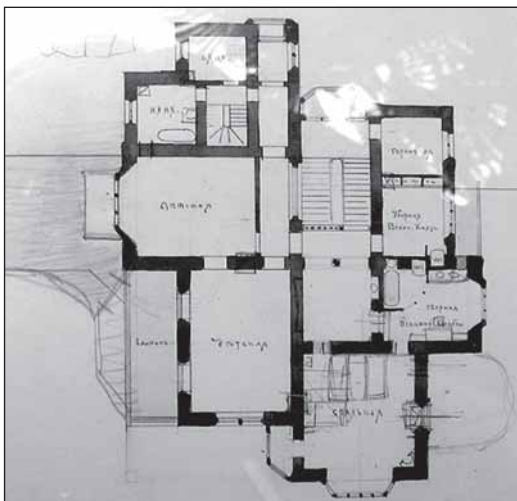
Из наследия архитектора Николая Краснова: вилла в имении Харакс великого князя Георгия Михайловича в Крыму (1900–1919)

Современная историография архитектуры эпохи модерна в Крыму в целом невелика, но дворцово-парковым ансамблям, заказчиками и владельцами которых являлись августейшие особы, уделено в ней более всего внимания. В архитектурно-стилевом отношении вилла в имении Харакс вел. кн. Георгия Михайловича в блестящем ряду великокняжеских резиденций Южнобережья Крыма занимает особое место. Попытаемся этому дать объяснения.

Как ни странно, в искусствоведческой литературе исследования имения Харакс до 2000 году отсутствовали. Впервые ему было уделено должное внимание в диссертации И.В. Манцыгиной «Архитектура усадеб «Царского берега» в Крыму в XIX – начале XX в.», основанной на архивных материалах РГИА¹, тщательном натурном обследовании и современных фиксационных чертежах генплана усадьбы и планов виллы Бюро технической инвентаризации г. Ялты. Диссертация, к сожалению, осталась неопубликованной и поэтому малоизвестной². До неё имелись немногочисленные краеведческие и популярные очерки и заметки, которые констатировали сам факт существования имения, а кое-где была представлена его история

¹ РГИА. Ф. 530 (вел. кн. Георгия Михайловича); Ф. 547.

² Манцыгина И.В. Архитектура усадеб «Царского берега» в Крыму в XIX – начале XX вв.: дисс. на соиск. уч. ст. канд. арх. СПб., 1999. С. 103–114.

Эскиз плана второго этажа виллы
в имении Харакс. Арх. Н.П. Краснов. 1900 г. (?).
Хр.: экспозиция гостиницы.
Фото С.С. Левашко, 2014 г.

«Античная беседка» в парке имения Харакс.
Реконструкция Н.П. Краснова.
Фото С.С. Левашко, 2014 г.

начиная с 1923 года, когда его стали использовать под элитную партийную здравницу.

Имение Харакс проанализировано и в другой плоскости, а именно, в контексте творческого пути и наследия автора проекта — архитектора Николая Петровича Краснова (1864—1939), 150-летие которого отмечалось в 2014 году. Известности этого имени не только в Крыму,

но и в истории русской архитектуры послужило издание коллективно-го труда двух крымских авторов Н.Н. Калинина и М.А. Земляниченко и серба А. Кадиевича (о наследии Краснова в эмиграции в Югославии)³. В отношении анализируемой виллы (называемой в архивных документах дворцом), мнение биографов однозначно: «Дворец и храм Преображения Господня и св. Нины стали настоящими шедеврами ялтинского зодчего», а в целом дворцово-парковый ансамбль в Хараксе «по праву можно считать одним из лучших произведений зодчества России начала XX века: он привлекает своей оригинальностью, цельностью замысла и безукоризненностью исполнения»⁴. Для нас важно уяснить, в чём заключается «оригинальность» виллы и дать собственную интерпретацию её архитектурно-стилевых особенностей.

Кроме натуральных обследований объекта автором статьи в 2009 и 2014 годах, ценным материалом для исследования стал уникальный Альбом фотографий построек архитектора Н.П. Краснова в Крыму (более 70 фотографий), среди которых имеются 13 фотографий интересующего нас объекта на 1912 год⁵. Альбом готовился к присвоению Краснову звания академика архитектуры в 1913 году, автором фотографий был выдающийся крымский фотохудожник Василий Сокольников, что до сих пор не получило должного освещения и оценки.

Несколько слов о владельце крымского имения. Вел. кн. Георгий Михайлович (1863—1919)⁶ к своей женитьбе в 1900 году на греческой принцессе Марии Георгиевне подошёл признанным музеологом, научным авторитетом в области нумизматики. В 1895 году он был назначен первым управляющим тогда ещё не существовавшего государственного хранилища российского искусства (в будущем Русского музея), на посту которого пробыл 20 лет, принимая заинтересованное участие в создании музейной коллекции живописи и скульптуры. Этот известный факт упомянут с той целью, чтобы подчеркнуть увлечённость искусством и развитый художественный вкус великого князя. После женитьбы он принял решение об устройстве собственного имения на приобретённом участке земли на мысе Ай-

³ Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М. Архитектор Высочайшего двора. Симферополь, 2011. 232 с.

⁴ Там же. С. 91.

⁵ Архитектор Н.П. Краснов: Альбом фотографий с работ, исполненных архитектором Н.П. Красновым в Крыму. Хранение: НБ РАХ (СПб.) шк. 24-7-1. Фотограф В. Сокольников, 1912. Надо отметить, что фотографии из Альбома неоднократно воспроизводились в различных изданиях без должной атрибуции и указания источника.

⁶ Сын вел. кн. Михаила Николаевича (1832—1909).

Тодор, и назвал его Харакс в честь когда-то стоявшей там древнеримской крепости Харáкс⁷. Научная констатация крепости в результате археологических работ практически совпала по времени с формированием идеи имени. Историко-культурологический подход Н.Н. Сёминой к исследованию феномена Харакса, в своём названии закрепившем «античную предтечу» крымской истории, впервые заставил обратить внимание на несовпадение названия имени и стилистики виллы в «английском вкусе», которая была определена заказчиком, точнее, его молодой женой⁸. Англоманство вел. кн. Марии Георгиевны оказало решительное влияние на выбор типа и стиля семейного дома. К тому же такой летний дом, вероятно, напоминал ей о родительской вилле Татой в Греции. Напомним, что она — племянница вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны (бывшая датская принцесса Дагмар — родная сестра греческого короля Георга I, отца Марии Георгиевны) и племянница английской королевы Александры (Александра датская, 1844—1925), но одновременно и греческая принцесса. Возможно, благодаря этому и разрешается внешний конфликт между античным, древнегреческой этимологии названием имени и стилем его центрального сооружения.

В предшествующих исследованиях было отмечено, что архитектора Краснова для Романовых открыл вел. кн. Пётр Николаевич, которому он в 1895 году спроектировал оригинальную виллу Дюльбер по мотивам каирской дворцовой архитектуры или, как определял его Н.П. Кондаков, в «сарацинском стиле». Наряду с Дюльбером, во многих сооружениях Краснова национально-романтического направления стилизуется ориентальная традиция, точнее — крымско-татарская⁹. В эпоху модерна, на которую пришлись самые плодотворные годы творчества Краснова в России (в Крыму он жил и работал в 1887—1917¹⁰), «Восток» был широко распространённой архитектурной темой¹¹. В комплексе наследия Краснова, как и в панораме всей южнобережной архитектуры Крыма, харакская вилла, или, как её точно и обоснованно определяет И.В. Манцыгина, «дворец-коттедж» — одно из немногих архитектурных произведений нацио-

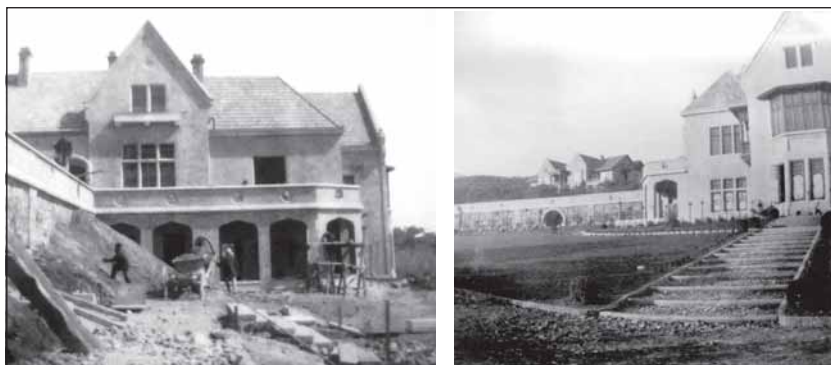
⁷ Сдвиг ударения на второй слог — результат воздействия французского языка, языка общения великого князя со своей греческой женой.

⁸ *Сёмнина Н.Н.* Харакс — свидетель двух закатов. Симферополь, 2008.

⁹ Среди них маленькие архитектурные шедевры: охотничий дом в Коккозе, мечеть в Гурзуфе, ванное заведение Стахеева в Алуште и др.

¹⁰ После окончания Московского училища живописи, ваяния и зодчества Краснов до отъезда в Ялту два года работал в Москве (1885—1886).

¹¹ С другой стороны, архитектор, проектирующий для окраинных территорий России, стремился учитывать региональные и национальные особенности места.

Вилла, регулярный сад и каскадный партер в процессе строительства, 1905–1906 г. Фотооткрытки в экспозиции музея санатория «Днепр»

нально-романтического направления модерна, интерпретирующих тему «Запад», представленную в данном случае староанглийской традицией коттеджного строительства¹². Ялтинский автор В.Е. Виноградов, посвятивший исследование неоромантизму в архитектуре Ялты, заключает, что Н.П. Краснова не обошла своим влиянием и романская архитектура¹³. Вполне вероятно, ведь увлечение неоромантикой было явлением европейского масштаба, характерным в целом для художественной жизни того времени.

В творчестве Краснова было и другое стилевое направление, соперничающее с национально-романтическим, — неоклассическое. Древнегреческие и древнеримские сюжеты осознавались как присущие крымской земле, ассоциировавшейся для аристократии с русской Элладой, поэтому можно говорить об органичности классицизирующей стилистики в этом регионе и закономерной приверженности к ней многих крымских архитекторов. Но сейчас нас интересует староанглийская традиция, получившая свою оригинальную интерпретацию в творчестве Краснова.

Местом проживания молодой семьи вел. кн. Георгия Михайловича в Санкт-Петербурге были отцовские апартаменты (летом — Михайловское), поэтому вилла в Хараксе — единственный их семейный дом, в котором они проводили летние сезоны в течение семи лет, с

¹² Например, дом врача в имени Дюльбер в Кореизе (1895), склад табака Н.А. Богданова и К^о в Ялте, дача инж. Семёнова, вилла-пансион И.С. Мальцева, вилла «Ксения» В.А. Чуйкевич — все в Симеизе, лазарет для офицеров в Массандре (1915–1916).

¹³ Виноградов В.Е. Романтизм в архитектурной среде Ялты. Ялтинский ориент. Симферополь, 2012. С. 16.

Восточный фасад.
Главный вход.
Фотооткрытка. 1920-е гг.
(РНБ, отдел эстампов)

Пешеходный путь
к главному входу
восточного фасада.
Фото С.С. Левощко, 2014 г.

1907 по 1914 год. Известно, что имение проектировалось и строилось в 1904–1909 годах, однако в отчёте садовника Е.Ф. Лигнау управляющему имением от 18 июня 1900 года говорится о расписке архитектора Краснова в получении денег за эскиз дворца¹⁴. И так, уже в 1900 году была, вероятно, заложена идея проекта виллы, возможно, с этим и связана «быстрота» разработки проекта в 1904 году, на которую указывается в литературе¹⁵. Это существенный момент в атрибуции проекта для решения вопросов приоритетности, даже учитывая, что за три года эскиз-идея могла претерпеть изменения. Таким образом, исследуемая вилла — довольно раннее произведение модерна для Крыма.

Нет сомнения, что вел. кн. Мария Георгиевна, заказывая стиль для своего семейного гнезда, ориентировалась на «английский коттедж», модный в те годы, чему есть подтверждения

¹⁴ Манцыгина И.В. Указ. соч. С. 104.

¹⁵ Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М. Указ. соч. С. 91.

Южный фасад.
Фотооткрытка. 1920-е гг.
РНБ, отдел эстампов

Южный фасад.
Фото С.С. Левашко,
2014 г.

и в мемуарах¹⁶. В.В. Стасов писал в 1901 году: «Чего требует жизнь и её разумный “комфорт” (само это понятие зародилось в лоне английской культуры повседневности — *С.Л.*), то и даёт английский коттедж и вилла»¹⁷. Как известно, дача вел. кн. Бориса Владимировича в Царском Селе (1896–1897, предположительно по проекту английского архитектора Бейли Скотта), стилизующая староанглийские национальные традиции, стала стилистическим образцом для круга состоятельных заказчиков загородного жилья¹⁸. Возможно, и Крас-

¹⁶ A Romanov Diary: Grand Duchess George of Russia, Atlantic International Publication, New-York, 1988. С. 131. Руководитель перевод Г.Н. Корневой.

¹⁷ Цит по: *Нащокина М.В.* К атрибуции «первого памятника петербургского модерна» // *Архитектурное наследство*. М., 2009. Вып. 50. С. 393.

¹⁸ *Нащокина М.В.* Указ соч. С. 398. Считается, что с дачи вел. кн. Бориса Владимировича началось новое стилевое направление модерн в архитектуре Царского села и Павловска (дача Е.К. Гаусвальда на Каменном острове, 1898–1899, собственная дача архитектора К.К. Шмидта, 1902, особняк графа В.В. Гудовича, 1905–1906 и другие).

Западный фасад.
Фотооткрытка.
РНБ, отдел эстампов

Западный фасад.
Фото С.С. Левощко,
2014 г.

нов ориентировался на этот образец или на последующие за ним особняки, но харакская вилла уже далека от викторианских стилизаций, в ней нет стремления исключительно подробно воспроизвести «английский коттедж», её никак не назовёшь прагматичной постройкой.

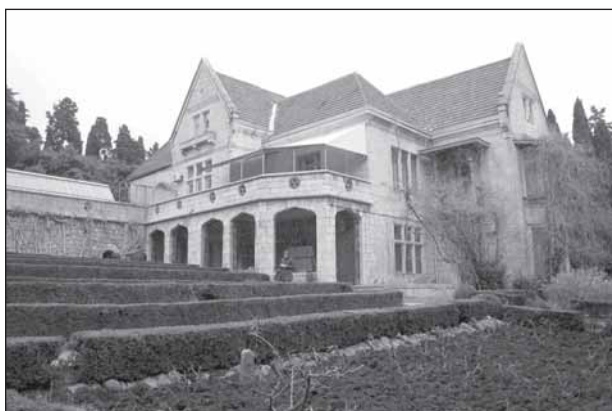
Из пояснений автора проекта: «Дворец исполнен в *современном* (курсив мой. — С.Л.) шотландском вкусе из местного известняка мозаичной кладкой со вставкой орнаментальных частей, высеченных из того же камня, и покрыт английской черепицей»¹⁹. На посетителей виллы её простота и скромность, отсутствие украшений производили ошеломляющее впечатление: это не дворцовое сооружение великокняжеской четы, не аристократический шотландский замок, а просто дом для отдыха некой семьи, в котором, как оказалось, всегда мечтала жить его хозяйка — вел. кн. Мария Георгиевна. И визи-

¹⁹ Цит. по: Калинин Н., Земляниченко М. Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь, 2002. С. 172.

Юго-западный фасад.
Фотооткрытка. 1920-е гг.
РНБ, отдел эстампов

66. Крым. Харакс.

Вид с юго-запада.
Фото С.С. Левашко,
2014 г.

Дворик-патио после реконструкции.
Объём со шипцом – новодел. Фото С.С. Левашко, 2014 г.

Фрагмент южного
фасада с террасы
регулярного сада.
Фото С.С. Лешко,
2014 г.

Каскадный сад,
примыкающий
к галерее.
Фото С.С. Лешко,
2014 г.

тёры были правы: это уютный романтический дом, репрезентативность и комфорт которого рассчитаны на загородное жилище. Изысканное садово-парковое обрамление придавало сооружению особую прелесть. Усилиями вел. кн. Георгия Михайловича имение было приведено в образцово-показательное хозяйство, и в этом рациональном подходе к своему владению, равно как и в его «стиле коттеджей», отразился новый культурный «стиль жизни» на рубеже XIX –XX веков.

Возведение харакской виллы, по ходу которого вносились изменения, осуществлялось в 1905–1906 годах. Подлинных планов виллы не обнаружено, возможно, они утрачены, а может быть, при передаче в Киев они могли отложиться не в государственном архиве, а в

Внутренний вид галереи. Фото С.С. Левощко, 2014 г.

Управлению по содержанию партийных здравниц²⁰. Сегодня мы располагаем копией эскиза плана второго этажа, с которым можно познакомиться наряду с другими историческими фотографиями, запечатлевшими процесс строительства имения, в вестибюле бывшей виллы, ныне приспособленной под частную гостиницу²¹.

Несмотря на небольшие размеры, вилла, располагаясь на возвышенности, доминирует в дворцово-парковом ансамбле, она — смысловой центр композиции, к ней стекаются все пешеходные пути и визуальные направления. План сооружения функционально целесообразный и пространственно развитый, чему в немалой степени способствует рельеф со значительными перепадами. Объёмы сооружения скомпонованы в живописную объёмно-пространственную структуру, оправданную в южном климате и мастерски вписанную в сложный рельеф. Заметим, это принципиально отличается от программной простоты и основательности объёмной композиции классического английского коттеджа. Каждый объём виллы перекрывает

---

²⁰ Предположение высказано Н.Н. Сёминой, создателем библиотеки и историко-археологического музея санатория «Днепр» (с 1950-х годов), в переписке с автором статьи в 2013 году.

²¹ Автор многих фотографий — сам Краснов. Исторические фотографии представлены также в музейной экспозиции библиотеки санатория «Днепр». Обследования автора, 2014 год.

Панно с тюльпанами
пристенного фонтанчика
двора-патио.
Фото С.С. Левашко,
2014 г.

собственной скатной или вальмовой крышей, ансамбль которых прекрасно воспринимается с повышенных отметок рельефа.

Множество входов-выходов (одиннадцать! — включая выходы на балконы и террасы второго этажа) позволяют со всех сторон войти в здание, связывая его внутреннее пространство с окружением. Курортно-дачный характер сооружению придают многочисленные террасы, перетекающие в террасы регулярного и каскадного садовых партеров. Галерея восточного фасада, необходимая в условиях южного солнца, дворик-патио — это части здания и элементы планировки, отражающие местные архитектурные традиции. Природное окружение фактически становится частью, продолжением планировочной структуры объёма, что подчеркнуто единством материала и лаконичного декора — циркульные орнаменты в ограде террасы второго этажа здания продолжают на парапете регулярного сада. По мнению И.В. Манцыгиной, столь непосредственной связи интерьера и парка нет ни в одном дворцовом сооружении Южнобережья Крыма.

Что ещё этому «чисто английскому» сооружению придаёт тонкий местный колорит? Мозаичная кладка стен из известняка и его фактура, аркада галереи с характерным абрисом стрельчатых арок из готической и восточной архитектуры. Орнаментальные вставки в технике резьбы по камню, крохотный пристенный фонтанчик во дворе-патио (единственно украшенный майоликовым панно с тюльпанами), традиционный деревянный балкон, метлахская плитка — перечисленные приёмы, материал стен и малые формы благоустройства характерны для ориентальной традиции. Светло-серый известняк и яркий терракот английской черепицы создают декоративный эффект за счёт цветового контраста. Гладкие стены из голубовато-серого камня-известняка, окна без наличников, отсутствует даже традиционный для

Циркулярный орнамент в технике резьбы по камню.
Фото С.С. Лешко, 2014 г.

английского коттеджа фахверк в щипце, но главное, как и в английском коттедже — образный лаконизм и целесообразность, эффективность за счёт игры объёмов, светотени, цветовой гаммы.

Из переписки Краснова со своим великокняжеским заказчиком известно о фирмах — поставщиках строительства («Сальвиати», «Мейпл», Аксерио», «Хэмптон»), о материалах отделки интерьеров, ныне утраченной: центральная беломраморная лестница, художественный паркет, лепные потолки, каштановые, кленовые и дубовые панели, восковая окраска стен, зеркальные стёкла, несколько каминов (особая гордость Краснова — камин, доставленный из Афин)²². Интерьеры главных жилых комнат украшала мебель от английской фирмы Хэмптон, английское серебро и посуда, обивочные ткани и обои, выдержанные в модной цветовой гамме. Об интерьерах виллы дают представление сохранившиеся исторические фотографии, частично опубликованные²³. Можно отметить, что они строго выдержаны в стилистике респектабельного английского модерна.

²² Манцыгина И.В. Указ. соч. С. 113.

²³ Исторические фотографии интерьеров опубликованы в кн.: Архитектор Н. Краснов: известный и неизвестный. Акварели и фотографии. Симферополь, 2010. С. 66–67. Одиннадцать архивных фотографий хранится в фонде фотонегатива НИМ РАХ. Впервые были представлены на историко-художественной выставке НИМ РАХ «Романовы — царственные покровители искусств», СПб., 30 октября — 8 декабря 2013 года.

Интерьер холла на втором
уровне с камином.
Экспозиция гостиницы.
Фото С.С. Лешошко, 2014 г.

Харакская вилла вел. кн. Георгия Михайловича — стильное и по-настоящему оригинальное произведение, по-своему воплотившее архитектурно-художественные тенденции начала 1900-х годов, а также культурные пристрастия русской аристократии. В нём ярко проявилась творческая индивидуальность Краснова-архитектора: умение точно и полно воплотить пожелания заказчика, тяга к новаторству, способность к синтезированию европейских исторических стилей (в данном случае, так называемого староанглийского стиля) и местной национальной традиции. Архитектура виллы стала стилистически уникальной, не повторившись на таком эстетическом уровне ни в одном сооружении Крыма.

Послесловие

В историческом плане вилла Харакс ценна ещё одним фактом, учитывая тему конференции: вдовствующая императрица Мария Фёдоровна нашла в этой вилле последний приют в России, отсюда 1 (13) апреля 1919 года она двинулась в свой эмигрантский путь.

В своё время Харакс, превратившись в советскую здравницу, выпал из поля зрения справочников по памятникам архитектуры Южнобережья Крыма. Вилла, единственный объект, оставшийся от ансамбля построек, была приватизирована как ветхое строение и продана в частные руки, у которых эта собственность отчуждается теперь через суды. Проблемы есть, и их надо решать. Но нет сомнений в том, что бывший великокняжеский дом в ансамбле с садово-парковым окружением достоин статуса объекта культурного наследия.

О.А. Егоров
(Санкт-Петербург)

Императорский охотничий дворец в Лисино-Корпус. История создания, современное состояние, предложения по музеефикации

В семидесяти пяти километрах к югу от Санкт-Петербурга, в Тосненском районе, находится посёлок Лисино-Корпус¹ — первый и старейший в России центр учебно-опытного лесного хозяйства.

---

¹ Когда в этих краях возникло селение с названием Лисино точно неизвестно, но в XV веке оно уже существовало. В переписной книге Водской пятины Господина Великого Новгорода (1499–1500) значатся селения: Лисино-на-Горе и рядом с ним, верстах в семи на запад, Лисино-Часовня. Входили они в Николаевский Ижорский погост Ореховского уезда. В 1611–1703 годах Ижорская земля находилась под оккупацией Швеции. В 1623 году в Ингерманландии (шведское название Ижорской земли) произошли изменения в территориально-административном делении. В результате «дробления» Ижорского погоста на его территории появилось несколько новых погостов, в их числе Лисинский (Lisino Pogost). Лисино-на-Горе стало называться просто Лисино (Lisina), а позже получило и финское название Гови-Мяки (Novi-Mäki), что в переводе означает Двор-на-Горе. Лисинская часовня в 1640 году была обращена в лютеранскую кирху, и селение стало называться Лисила Гоф (Lisila Hoff, т.е. усадьба Лисила). По возвращении Ингерманландии в состав России, Гови-Мяки переименовали в Большое Лисино, а Лисила Гоф — в Лисино-Кирка (Лисино-Пастора). В 1934 году кирха была закрыта. Ныне Лисино-Кирка не существует. Лисинский погост в XVIII веке был преобразован в Лисинскую волость Софийского уезда Санкт-Петербургской губернии. Большое Лисино находилось верстах в двадцати двух на северо-восток от современного посёлка Лисино-Корпус и существовало до конца 1950-х годов. В XVIII веке поблизости от Большого Лисино появились две мызы: верстах в пяти на юго-запад — мыза Лисино (Старо-Лисино) (в 1930-х —

Ещё в XVIII столетии на землях будущего лесничества, входивших в состав Царско-сельской вотчины, заготавливались строевой лес и дрова для нужд одноимённого дворцового правления. В 1787 году в результате Генерального межевания Софийского уезда (с 1808 года Царско-сельский) Петербургской губернии впервые была выделена отдельная лесная дача общей площадью 28 502 десятины, названная Лисинской по той волости, на территории которой она находилась. В 1805 году Лисинская лесная дача была переведена в казну.

В 1834 году по инициативе министра финансов графа Е.Ф. Канкрин² на территории Лисинской лесной дачи было решено организовать учебное лесничество для заведения *«образцового в большем виде правильного лесоводства и для введения воспитанников Санкт-Петербургского Лесного Института в надлежащую по лесной части практику»*³.

План и проекты строений учебного лесничества разработал архитектор Министерства финансов А.М. Куци (1800–1855). Под строительство центральной усадьбы лесничества почти в центре дачи, на правом берегу речки Лустовки, чуть южнее деревни Верхняя Лустовка⁴, отвели

Красная Горка, ныне не существует); и верстах в восьми на запад — мыза Ново-Лисино (ныне деревня Мыза — подворье царскосельского Софийского собора). В XIX веке верстах в трёх к северо-востоку от Большого Лисино на месте древнего селения Княж-Кут появились мыза Княже-Лисино и Ново-Княжеское-Лисино (ныне — посёлок Ново-Лисино). Ист.: Описание Санкт-Петербургской губернии по уездам и станам. СПб., 1838; Алфавитный список селений по уездам и станам С.-Петербургской губернии. СПб., 1856; Списки населённых мест Российской Империи по состоянию на 1862 год. СПб., 1864; Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1905 год. СПб., 1905; Общая карта Водской Пятины; шведская ландкарта 1676 года; карты С.-Петербургской губ. 1863, 1869, 1914 годов; карты Ленинградской области 1939, 2000 годов.

² Е.Ф. Канкрин возглавлял Министерство финансов с 1823 по 1844 год. С 1802 года все казённые леса, исключая корабельные, находились в ведении Лесного департамента Министерства финансов, с 1811 по 1838 год — в ведении Лесного отделения Департамента государственных имуществ Министерства финансов.

³ РГИА. Ф. 379. Оп. 2. Д. 420. Л. 17 Высочайше утверждённое 7-го декабря 1834 года «Положение и Штат Лисинского Учебного Лесничества».

⁴ Дворцовая деревня Верхняя Лустовка основана в конце XVIII века на территории Лисинской лесной дачи, на правом берегу речки Лустовки — левого притока реки Тосны, в одиннадцати верстах выше по течению от старинной деревни Лустовки (Нижней), находившейся на левом берегу Лустовки при её впадении в Тосну. В 1835 году Верхняя Лустовка, ставшая казённой деревней, поступила в ведение Лисинского учебного лесничества; в 1847 году переименована в деревню Лисино (с 1862 года село Лисино с переводом в него волостной конторы из Большого Лисино). Ист.: РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 10634. Л. 9 об.

Императорский охотничий дворец в Лисино-Корпус.
Западный фасад. Фото К. Фельбингера. 1869 г. Государственный Эрмитаж

двадцать две десятины земли. Летом 1836 года основные постройки учебного лесничества были завершены. 1 сентября 1836 года⁵ состоялось его освящение и торжественное открытие⁶.

Одновременно *«для пользы владельцев желающих иметь сведущих лесничих, учреждается при учебном лесничестве на правилах изъяснённых в Главе V Егерское училище, в которое кроме помещичьих людей, могут также поступать люди прочих свободных состояний»*⁷.

Лесная дача получила официальное название «Лисинское учебное лесничество» (ЛУЛ) и неофициальное — Лисино. Первоначально все постройки были деревянными, и только в 1844–1845 годах академик архитектуры А.К. Кавос (1800–1863) *«взамен деревянного»* построил каменное здание Егерского училища с домовою церквью⁸.

Весь комплекс строений центральной усадьбы лесничества с лёгкой руки первого начальника (директора) ЛУЛ Б.И. Фрейрейса (1789–после 1842) получил второе неофициальное название «Корпус», или «деревня Корпус». Самое раннее упоминание этого названия находится в рапорте Фрейрейса от 4 января 1837 года⁹.

В 1918 году село Лисино (бывшую Верхнюю Лустовку) и усадьбу лесничества объединили в один посёлок, получивший общее название «Лисино-Корпус».

⁵ Все даты до 1918 года даны по старому стилю.

⁶ РГИА. Ф. 398. Оп. 83. Д. 28. Л. 110.

⁷ Там же. Ф. 379. Оп. 2. Д. 413. Л. 6 об.

⁸ Там же. Ф. 387. Оп. 1. Д. 10023. Л. 168.

⁹ Там же. Ф. 398. Оп. 83. Д. 28. Л. 130.

Наряду с организацией учебного лесничества и образцового лесного хозяйства было создано и образцовое охотничье хозяйство. С 21 декабря 1844 года в зимних облавных охотах на лося и медведя, организуемых в лесничестве, начал принимать постоянное участие и наследник престола Александр Николаевич, будущий император Александр II. Специально для него в главном корпусе центральной усадьбы лесничества была переделана квартира министра. Именно в Лисинском лесничестве цесаревич пристрастился к зимней охоте на медведей и лосей.

5 июня 1852 года в Корпусе случился большой пожар, главный корпус сгорел. «Комиссия дел строительных» при Министерстве государственных имуществ¹⁰ постановила построить вместо сгоревшего новое, уже каменное здание с отдельной квартирой для приезжающих в лесничество высоких особ. Однако в ноябре 1852 года «Комиссия» решила построить два отдельных дома — «один по потребностям заведения», другой — «на случай приезда Его Императорского Высочества Великого Князя Государя Наследника Цесаревича Александра Николаевича и других Высочих Особ для производства охоты»¹¹. К их проектированию был приглашён профессор архитектуры академик Н.Л. Бенуа (1813–1898).

Зимой Бенуа приступил к работе над эскизами. В январе 1853 года архитектор разработал также общий «Генеральный План Строений в Лисинском Учебном Лесничестве», включающий двадцать три объекта, которые должны были представлять собой единый комплекс. Весной 1853 года Бенуа передал проекты зданий на высочайшее утверждение. 23 марта 1853 года оба проекта были утверждены императором Николаем I¹².

После высочайшего утверждения проектов новых зданий началась подготовка к их постройке. 10 июня 1853 года Бенуа сообщил в Лесной департамент: «сегодняшнего числа, 10 июня, утром мною раз-

---

¹⁰ В 1837 году было создано новое министерство — государственных имуществ, которое возглавил генерал от инфантерии, генерал-адъютант граф П.Д. Киселёв (1788–1872). В 1838 году Лесное ведомство, выведенное из подчинения Министерства финансов, перешло в состав Министерства государственных имуществ. В 1839 году был создан военизированный Корпус лесничих. В 1843 году Лесное ведомство и Корпус лесничих были подчинены вновь созданному Лесному департаменту Министерства государственных имуществ. Киселёв управлял министерством до 1856 года. С 1894 года — Министерство земледелия и государственных имуществ, с 1905 года Главное управление землеустройства и земледелия, с 1915 года Министерство земледелия.

¹¹ РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 23043. Л. 208–209, 391, об., 392–393.

¹² Там же. Д. 23047. Л. 547–549, 941–943.

биты главные линии обеих Строений в Лисинском Учебном Лесничестве и приступлено к вынугию земли и к деланию деревянных водоотводных труб»¹³.

15 июня 1853 года Бенуа представил в Лесной департамент эскизы двух медных позолоченных закладных досок размером 6 на 4 вершка (27x18 см) и два проекта надписей на них, а также обратился в департамент с просьбой заказать на Монетном дворе «*все сорта Российской монеты чеканки сего 1853 года и если представится возможность, двух медалей, хотя бронзовых с портретом Государя Императора <...> для положения их по Русскому обычаю в закладные каменные доски*»¹⁴.

Закладка двух новых каменных зданий была назначена на 9 июля 1853 года, но в связи с тем, что закладные доски к этому дню не были готовы, церемонию закладки перенесли. 24 июля в ЛУЛ были «*препровождены*» две медные позолоченные (с одной стороны) закладные доски с гравированными надписями и монеты: золотые — два полуимпериала; серебряные — два рубля, два полтинника, два четвертака, два двугривенных, два гривенника; медные — два пятака. 26 июля 1853 года состоялась торжественная закладка памятных досок и монет в устроенные к тому времени фундаменты¹⁵.

В декабре 1853 года «Дом для 40 практикантов» и «Дом для высоких гостей» были построены вчерне и «накрыты железом», однако из-за крайне плохо организованных подрядных работ (по вине недобросовестного подрядчика Т.Т. Байкова) и последовавших в связи с этим судебных тяжб строительство было приостановлено. Возобновилось оно только в октябре 1855 года.

¹³ Там же. Д. 23043. Л. 386.

¹⁴ Министр государственных имуществ утвердил следующий вариант гравированных надписей на закладных досках: «(изображение креста) *Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь // Лета от Рождества Христова 1853 г. Июля 26 дня, в 28 лето от начала Царствования Государя Императора Николая I, // заложено в Лисинском Учебном Лесничестве здание для помещения 40 практикантов // При Министре Государственных Имуществ Генерале от Инфантерии, Генерале-Адъютанте, Графе Павле Дмитриевиче Киселеве // Товарище Министра Государственных Имуществ Тайном Советнике Николае Михайловиче Гамалея // Директоре Лесного Департамента Генерал-Майоре Евгении Николаевиче Норове // Исправляющим должность Директора Лисинского Учебного Лесничества Подполковнике Константине Богдановиче Бекмане // По планам и фасадам зодчего Академика Николая Лудовиковича Бенуа*». На второй доске аналогично с одним изменением, вместо: «здание для помещения 40 практикантов» — «Охотничий дом на случай приезда Высочайших Особ для производства охоты». Ист.: РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 23043. Л. 390–393, 462.

¹⁵ РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 23043. Л. 428–429, 467, 470, 477.

Первым, в октябре 1856 года, было завершено строительство «Дома для 40 практикантов». Известно, что Бенуа любил открытую кирпичную кладку и нередко комбинировал кирпичи различных цветов. Не случайно сложенный из красного кирпича и неоштукатуренный «Дом для 40 практикантов» называли «Красным домом». В хорошо сохранившемся здании ныне располагается федеральное учреждение среднего профессионального образования «Лисинский лесной колледж». В 1997 году перед его фасадом был установлен бюст основателя учебного лесничества графа Е.Ф. Канкрин¹⁶ — вместо прежнего бюста Канкрин, уничтоженного в 1920-е годы.

Строительство «Дома для высоких гостей» завершилось 10 октября 1857 года¹⁷. Центром здания стала двусветная «общая зала-столо-

---

¹⁶ Первоначально гипсовый белый «грудной» бюст Канкрин был установлен в 1856 году в ротонде на одном из островков Рубецкого пруда, отчего островок получил название Егорьевский, сохранившееся поныне. Простоял он там недолго, поскольку воспитанники Лисинского Егерского училища и практиканты Лесного института, любившие проводить свои «посиделки» «в стороне от общего просмотра», в уединённой и отдалённой от начала ротонде, повредили гипсовый бюст. «Бюст этот несколько повреждённый по приказанию высшего начальства был снят и сохранялся в кладовой полицеймейстера». Новому министру государственных имуществ М.Н. Муравьёву (1796—1866) «было угодно, чтобы память покойного графа, как учредителя Лисинского лесничества, была сохранена на месте, а потому Его Превосходительство (23 августа 1858 года) приказал отыскать упомянутый бюст и поставить его на прежнее место». Исправленный и «отделанный под красную бронзу» в магазине-мастерской 2-й гильдии купца, «скульптурного мастера» М.С. Зайцевского, «поясной» бюст был «возобновлён» на прежнем месте в новой ротонде на деревянном филёнчатом пьедестале в июне 1859 года. В 1861 бюст опять был повреждён. 30 мая 1861 года директор Лесного департамента А.А. Неверовский предписал директору лесничества Л.И. Чарторижскому «немедленно распорядиться о возобновлении бывшего в павильоне бюста Графа Канкрин». В ответ Чарторижский предложил отлить бюст из какого-либо металла. По имеющейся гипсовой модели, починенной и склеенной, в мастерской скульптора Якова Фраттини (Франтини), на заводе Ф.К. Сан-Галли в декабре 1861 года из чугуна был отлит новый бюст Канкрин, затем бронзированный. Поскольку воспитанники и практиканты продолжали собираться в ротонде и чуть было не повредили новый чугунный бюст, а «постановка же особого часового повлекла бы за собою ежегодный совершенно излишний расход», то «в отстранении сего неудобства» его перенесли в актальный зал Егерского училища. Только в конце XIX века бюст Канкрин был установлен перед Кондукторским домом. Ист.: ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 1. Д. 214, 259. В Государственном Русском музее хранится чугунный бюст Е.Ф. Канкрин, датированный XIX веком, поступивший туда в 1928 году из Государственного Музейного фонда. (См.: Государственный Русский музей. Скульптура XVIII — начала XX века: Каталог. СПб., 1988. С. 177—178). По форме и очертаниям бюст схож с дореволюционными изображениями памятника Канкрину в Лисино.

¹⁷ РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 23046. Л. 481.

Императорский охотничий дворец в Лисино-Корпус. Западный фасад.
Фото С.А. Соловьёва. 1939 г. Частное собрание

вая», в первом этаже окружённая с трёх сторон кабинетом, опочивальней, камердинерской, передней, буфетом и бильярдной. С четвёртой (западной) стороны находился выход из залы на небольшую террасу. Девять комнат для гостей и свиты находились на верхнем этаже, ещё одна — на чердаке. В подвальном этаже располагались кухня, три комнаты для прислуги (сторожа, поваров и денщиков), «портмоиная» и три кладовые (при кухне, для дров и винный погреб).

Однако в первый же приезд Александра II в Лисино 4 ноября 1857 года во вновь построенный дворец выяснилось, что дворец тесноват. *«1. Помещение для Великих Князей тесно; 2. Если поставить в большой зале бильярд и рояль, зал будет загромождён; 3. Помещение для прислуги мало, наконец 4. несмотря на все принятые меры дух из кухни проходит в верхние апартаменты»*¹⁸. Для устранения этих недостатков министр государственных имуществ предложил сделать ко дворцу пристройку.

12 ноября 1857 года Бенуа представил проект дополнительной части Охотничьего дворца — двухэтажного корпуса, предназначенного для великих князей и значительно увеличивающего площадь дворца¹⁹. Строительные работы по возведению дополнительного корпуса начались в октябре 1858 года.

В этой части здания на первом этаже располагались опочивальня великих князей, общая гостиная-кабинет, камердинерская и передняя; на втором этаже — пять комнат для гостей и свиты, в подваль-

¹⁸ Там же. Д. 23052. Л. 12.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 63. Ед. хр. 32.

Императорский охотничий дворец в Лисино-Корпус. Западный фасад.
Фото С.В. Снегова. 2011 г.

ном — пять комнат для прислуги и кладовых. Пристройка имела отдельный вход и соединялась с главным корпусом одноэтажной галереей-переходом с высокими окнами; в ней была устроена оранжерея, получившая название «цветочная». Над пристройкой возвышалась водонапорная башенка, чуть позже на южной стене дополнительного корпуса соорудили звонницу, а над главным объёмом здания появился бельведер с флагштоком, на котором в присутствии императора в Лисино поднимался императорский штандарт²⁰.

Пристройка изменила общий вид дворца как строго симметричного сооружения, но не нарушила органичности и целостности здания, удачно вписанного в ландшафт на крутом изгибе реки Лустовки. Хотя для архитектуры Охотничьего дворца характерно сочетание элементов разных стилей, в его внешнем облике *«уже изначально проглядывало то, что можно определить как черты, в какой-то мере предвещающие модерн»*²¹.

В полном объёме здание Охотничьего дворца было готово и освящено 13 декабря 1860 года к вечернему приезду государя на охоту и получило высочайшее одобрение²².

Общее представление о его интерьерах можно составить по сохранившемуся описанию: *«Убранство комнат зимнего павильона или*

²⁰ Флаг-штандарт значится ещё по описи имущества дворца, составленной 2 октября 1919 года. (ЦГА СПб. Ф. 89. Оп. 1. Д. 98. Л. 1 об). В последующих описях он отсутствует.

²¹ *Бартенева М.И.* Николай Бенуа. Л., 1985. С. 84.

²² РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 23052. Л. 360.

Общая зала-столовая Императорского охотничьего дворца
в Лисино-Корпус. Фото К. Фельбингера. 1869 г.
Государственный Эрмитаж.

Общая зала-столовая Императорского Охотничьего дворца
в Лисино-Корпус. Фото С.В. Снегова. 2011 г.

дворца чрезвычайно просто. На стенах висят картины, олени головы с огромными ветвистыми рогами, барельефы, оружие и прочие украшения. В комнатах расставлены чучела разных диких зверей, убитых на высочайших охотах. <...> В одной из комнат дворца находится небольшая оранжерейка, убранная, как и прочие комнаты, в охотничьем вкусе. Вообще внутреннее убранство дворцовых комнат не походит на

роскошное убранство Санкт-Петербургских дворцов: в Лисинском дворце всё дышит деревенской простотой»²³.

Александр II очень любил Лисино и, став императором, посещал лесничество от 3 до 6 раз в год, за исключением зимы 1877–1878 годов, когда он находился в Болгарии на театре военных действий. Из всех мест охот Александра II такой чести удостоилась только Гатчина. По числу же проведённых в Лисино чисто зимних охот Гатчина даже близко не дотягивала до Лисинского лесничества. Далеко не случайно, что две последние охоты в жизни Александра II прошли 10 декабря 1880 года в Зверинце ЛУЛ и 17 декабря 1880 года в Ремизе в Гатчине.

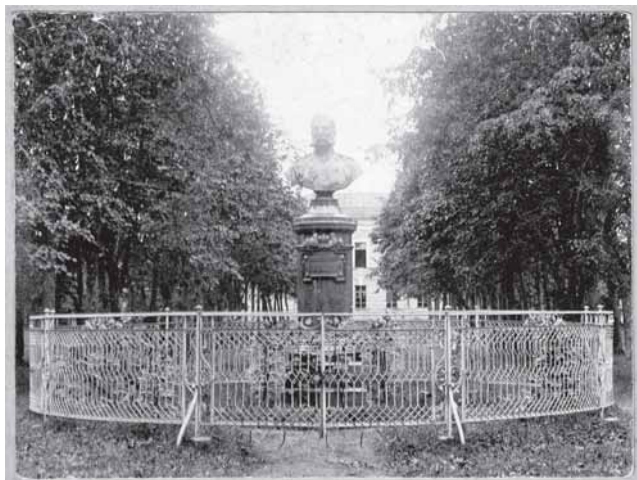
После трагической гибели императора Александра II чинами Корпуса лесничих и ЛУЛ «в память благоволения Его Величества к Лисину и многократных посещений по случаю охот» решено было установить ему памятник. В приказе № 7 по Корпусу лесничих от 9 марта 1884 года, подписанным министром государственных имуществ М.Н. Островским, была оглашена резолюция императора Александра III на «всеподданнейшее на Высочайшее Его Императорское Величество Имя прошение о дозволении чинам Корпуса Лесничих и Лисинскому Учебному Лесничеству соорудить в парке этого лесничества бюст в Бозе почивающего Императора Александра II» — «Государь Император, на прошении сем, соблагволил собственноручно начертать: “Согласен и благодарить”»²⁴.

Место для памятника было выбрано напротив западного фасада дворца, между дворцом и Егерским училищем, на аллее, называемой студентами «Невским проспектом». Судя по сохранившейся фотографии памятника Александру II в Лисино, бюст покойного государя был изготовлен по модели скульптора М.А. Чижова (1838–1916), работы 1881 года²⁵. Авторство памятника по документальным источникам не установлено, но с большой долей вероятности автором памятника в Лисино был инженер-архитектор А.А. Кампиони (1835/7–1884). Его родной брат П. Кампиони был в это время директором Лесного департамента и инспектором Корпуса лесничих, т.е. как раз курировал постановку этого памятника, а возможно, был его инициатором. Стоит заметить, что Кампиони приходились родственниками Н.Л. Бенуа со стороны его жены К.А. Кавос. Памятник, своеобразный связующий центр между постройками Бенуа и Кавоса, не мог

²³ Императорский Охотничий Дворец и павильон в с. Лисино // Нива. 1885. № 26. С. 624.

²⁴ Лесной Журнал. 1884. № 3. С. 211.

²⁵ Бронзовая модель этого бюста находится в собрании ГРМ. Инв. № 1170.

Памятник императору Александру II в Лисино-Корпус.
Фото конца XIX — начала XX в. Частное собрание

Место памятника императору Александру II.
На заднем плане здание местного сельсовета,
закрывшего вид на Егерское училище.
Фото С.В. Снегова. 2011 г.

устанавливаться без одобрения Николая Леонтьевича. В настоящее время от него сохранился лишь разбитый постамент — круглая колонна с навершием от неё, перенесённые к музею истории лесничества в Лисинском лесном колледже.

После гибели императора для Лисино начался период упадка. Александр III эти места не любил. Ещё будучи цесаревичем, он запи-

Надписи на постаменте памятника императору Александру II в Лисино-Корпус. Фото О.А. Егорова. 2008 г.

сал в дневнике: *«Я не люблю ездить в Лисино мне там всегда скучно»*²⁶. За четырнадцать лет своего царствования он посетил Лисино считанные разы, порой даже не заезжая во дворец.

6 февраля 1892 года Лисинское лесничество первый и последний раз посетил наследник, будущий император Николай II. На следующий день для него были организованы две медвежьи охоты, на одной из которых он лично убил старого крупного медведя, а после завтрака была организована охота на кабанов в зверинце, в результате которой было убито 32 кабана²⁷.

Охота в Лисино цесаревичу понравилась, и он распорядился сохранить зверинец. Но уже на следующий год от него последовала команда зверинец ликвидировать, и в 1895 году он был окончательно упразднён, а все его постройки проданы на снос. Больше в Лисино Николай II не появлялся.

Несмотря на равнодушие двух последних императоров к Лисино, оно оставалось одним из любимых мест зимней и весенней охоты для других членов императорской фамилии. Особенно часто бывал здесь младший брат Александра III вел. кн. Владимир Александрович со своей супругой Марией Павловной, которая продолжала охотиться в Лисино даже после смерти мужа в 1909 году. Частыми и

²⁶ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 303. Л. 113 об.

²⁷ РГИА. Ф. 387. Оп. 5. Д. 32945. Л. 32 об.

постоянными гостями в Лисино были вел. кнн. Николай Михайлович, Николай Николаевич-младший и Михаил Александрович со своей морганатической супругой графиней Брасовой.

Бывали на зимних лисинских охотах и известные деятели культуры. Особенно часто посещал Лисино А.К. Толстой, друг детства Александра II. Зимой 1911–1912 годов по приглашению вел. кн. Михаила Александровича в Лисино гостил С.В. Рахманинов с супругой, близкие друзья великокняжеской четы²⁸.

В 1907 году часть депутатов Государственной Думы 3-го созыва, составивших охотничий кружок, среди членов которого был, к примеру, Н.А. Хомяков (одно время Председатель Государственной Думы), арендовала для охоты соседнее с Лисинским лесничеством частное имение Машино. Взоры депутатов, конечно, не могли не обратиться на соседнее богатое охотничье хозяйство. Уже в 1908 году машинский кружок охотников-депутатов получил право охотиться в южной части Лисинской дачи, а министр двора разрешил им останавливаться в свитской половине охотничьего дворца. Как вспоминал один из участников кружка князь А.Д. Голицын: *«Это давало нам огромные преимущества и представляло громадные удобства. Приезжая с вечера на станцию Тосно, мы садились на заказанных заранее возниц и ехали прямо во Дворец, где нас ждали готовый ужин и каждому отдельная комната»*²⁹.

Депутаты-охотники не оставили своих попыток по возвращению казённого достояния народу и с 1913 года получили право охотиться на территории Лисинского лесничества за исключением охоты на медведя и глухаря. Дело шло к созданию в Лисино элитного охотничьего хозяйства для депутатов Государственной Думы и членов Государственного Совета³⁰, но вмешалась Февральская революция. Пытаясь спасти уникальное охотничье хозяйство, заведующий Лисинским лесничеством Д.М. Кравчинский писал Временному Правительству отчаянные письма, но тому уже было не до охотничьего хозяйства.

В мае 1917 года Охотничий дворец из ведения Министерства земледелия поступил в *«безвозмездное пользование»* Министерства народного просвещения с целью *«приспособить здание для открытия Высшего Начального Училища»*³¹.

²⁸ Каталог аукционного дома SOTHEBYS «The Russian Sale», London, 26 may 2004. С. 346–350. Три личных фотоальбома вел. кн. Михаила Александровича. Всего 406 фотографий, сделанных, в основном, в Лисино и Брасово зимой и весной 1911–1912 годов.

²⁹ Голицын А.Д. Воспоминания. М., 2008. С. 91.

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 3. Д. 79. Л. 20.

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 631. Л. 1; ЦГА СПб. Ф. 89. Оп. 1. Д. 80. Л. 15 об.–18.

Не успело училище открыться, как грянула Октябрьская революция и Министерство народного просвещения прекратило своё существование, а дворец, согласно опубликованным декретам, перешёл в собственность граждан Лисинской волости, как и все остальные имения на территории волости. Таким образом, дворец со всем своим имуществом стал собственностью Лисинского волостного совета крестьянских депутатов и поступил в распоряжение его Исполнительного комитета. В марте 1918 года Д.М. Кравчинский официально сдал Лисинский дворец со всем его имуществом председателю Лисинского волисполкома *«для надобностей Высшего Начального Училища в Лисине»*³². С тех пор убранство и имущество дворца — мебель, картины, посуда, столовое серебро, предметы быта — по частям раздавалось различным организациям, частным лицам, *«которые нуждались в таковом»*, или просто расхищалось.

В 1919 году во дворце находилась Лисинская советская единая трудовая школа 2-й ступени. В 1920 году дворец занимал Лисинский культурно-просветительный кружок. В октябре 1920 года Петроградский губернский исполком предписал передать в ведение Петроградского лесного института Охотничий дворец *«со всеми находящимися при нём оборудованиями, мебелью и обстановкой»*, и 20 января 1921 года Лисинский волисполком передал здание Охотничьего дворца, *«ныне свободное и учреждениями Исполкома не занятое»*, в распоряжение Лесного института³³. С этого времени Императорский охотничий дворец, за исключением периода 1933—1936 годов, когда дворец сдавался в аренду «Интуристу», и 1941—1943 годов, когда он находился под немецкой оккупацией, до сего дня используется как общежитие для проходящих в Лисино практику студентов лесного вуза и их преподавателей.

Здание Лисинского императорского охотничьего дворца никогда не музеефицировалось, его интерьеры перестраивались, убранство разорялось, а во время немецкой оккупации 1941—1943 годов исчезли последние остатки дворцового имущества. В 1950-е годы внутренние помещения дворца подверглись значительным переделкам. Сегодня единственная подлинная вещь из дворцовых интерьеров — массивный резной карниз на окне в общей зале-столовой, а до недавнего времени находившаяся во дворце вытесанная из монолита мраморная ванна по непонятной причине перенесена в крипту церкви.

К сожалению, в настоящий момент уникальный памятник отечественной культуры — единственный сохранившийся на территории

³² Там же. Л. 21.

³³ Там же. Д. 217. Л. 58—58 об.

России Императорский охотничий дворец, включённый в «Перечень» объектов исторического и культурного наследия федерального значения³⁴ и являющийся «одним из наиболее интересных и своеобразных произведений русской архитектуры середины XIX века» — находится в критическом, можно сказать, аварийном состоянии и нуждается в срочной капитальной, научной и исторической реставрации.

Справедливости ради стоит всё же признать, что многолетнее пребывание дворца в ведении высшего учебного заведения убергло его от более печальной участи и полного разрушения, и тем не менее, использование дворца в качестве рядового общежития, со всеми присущими этому статусу издержками, не является его рациональным и правильным использованием. Учитывая то, что дворец расположен в центре старейшего учебно-опытного лесного хозяйства России, при двух крупнейших российских лесных учебных заведениях (Лесотехнический университет и Лесной колледж, с их богатыми собраниями по истории отечественного лесного и охотничьего хозяйств), а также близость посёлка Лисино к крупному административному центру, Лисинский императорский охотничий дворец вполне можно превратить в Национальный музей леса и охоты, в научный центр по изучению и сохранению истории отечественного лесного и охотничьего хозяйств.

---

³⁴ Указ Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 20 февраля 1995 года № 176 «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения».

С.Ю. Честных
(*Санкт-Петербург*)

Императорский дворец в Беловежской пушце

После третьего раздела Польши в 1795 году Беловежская Пушча стала частью Российской империи. До перехода в 1888 году в Удельное Ведомство, т.е. в собственность Императорской Фамилии в обмен на такое же количество земли в Орловской и Симбирской губерниях, Беловежская Пушча находилась в Казённом управлении. Однако долгие годы у Казны просто не доставало сил и энергии управлять огромной российской государственной собственностью. Зачастую она даже не представляла, что реально находится под её управлением. Только в царствование Николая I, когда в 1838 году было создано специальное Министерство государственных имуществ, начался долгий и трудный процесс приведения в порядок государственной собственности, создание эффективной системы её управления, а также подготовки кадров.

Не осталась без внимания и Беловежская Пушча. В 1843–1847 годах здесь было проведено первое полное лесоустройство и Казна наконец-то получила реальное понимание того, что собой представляет уникальный лесной массив Европы. Тогда же в Министерство государственных имуществ был представлен подробный доклад служившего в Пушце учёного лесничего Д.Я. Далматова о её современном состоянии, историческом значении и создании здесь доходного лесного хозяйства. Осенью 1847 года, в связи с окончанием устройства, Пушчу в инспекционных целях посетил министр государственных имуществ граф П.Д. Киселёв, чтобы на месте оценить возможности дальнейшего развития Пущинского хозяйства. Охота также не была оставлена министром без внимания.

Вид Беловежского дворца с главной аллеи

Надо отдать должное российским государям, которые прекрасно сознавали историко-культурное значение Пущи, а также необходимость охраны и самой Пущи, и реликта европейской фауны — зубра. Уже в 1803 году Высочайшим указом зубр был объявлен заповедным зверем. Его отлов и отстрел дозволялся только по именному Императорскому разрешению, в основном в естественно-научных целях: для пополнения зоопарков, зверинцев, парков, коллекций зоологических и естественно-исторических музеев России и Европы. А с 1820 года в Пуще была запрещена и рубка леса.

После передачи земель в Удельное Ведомство было решено возвести близ села Беловеж охотничий дворец. Строительство началось в 1888 году. В это время в России строилось немало военных объектов, а в Европе формировался новый стиль, получивший название «сецессион». Поэтому нет ничего удивительного в том, что очертания дворца напоминают и военную крепость, и здание в стиле модерн. В 1894 году, когда Россией правил уже Николай II, эклектичный дворец прекрасно вписался в сказочный пейзаж Беловежской Пущи.

Возвышенность, на которой построили Дворец, укрепили камнем. Сохранилась переписка между местными властями и Кабинетом Его Императорского Величества. В одной из телеграмм читаем, что крестьяне «как посильное выражение их любви и преданности обожаемому монарху» просят разрешения бесплатно доставлять камень на строительство. Скорее всего, это было не инициативой кре-

Столовая в Беловежском дворце

стьян, а угодничеством местной администрации. На документах сохранилась пометка императора: «Выразить благодарность крестьянам. Вознаградить крестьян по настоящей стоимости работ»¹.

Архитектором Беловежского дворца стал россиянин французского происхождения граф Николай де Рошфор (1846–1905), до этого служивший на Императорской гранильной фабрике. На время строительства он переехал в Беловеж и выписал себе в помощь студентов Института гражданских инженеров. Одним из них был Адам А. Дитрих, которому понравилась не только Беловеж, но и дочь де Рошфора. Через некоторое время А. Дитрих стал зятем де Рошфора и самым близким его помощником².

В отделке внутренних покоев и мебелировке использовали все породы деревьев, растущих в Пуще. Для придания древесине нужного оттенка её подвергали продолжительной варке в специальном растворе, затем тщательно высушивали. Интерьеры получались неповторимыми. Прекрасно освещённый царский салон был оформлен клёном, цвета мягкие и светлые. Кабинет наследника был сделан в тяжёлом американском стиле с мебелью из дуба.

Очень оригинально оформили покои свиты. В согласии с модой того времени одну из комнат украсили почтовыми марками, другую — игральными картами. Каждая комната имела своё название: «Беседка», «Берестовая», «Со львами», «Ночь», «Красная», «Восход солнца», «Маки», «Зелёная», «Сосновая».

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1803. Л. 40.

² РГИА. Ф. 472. Оп. 35 (144\981). Д. 60; Ф. 797. Оп. 11. Д. 28308.

Незадолго до окончания строительства дворец посетил петербургский зодчий В.А. Шретер и дал ему высокую оценку: «Стиль дворца не строго выдержанный, всего более он напоминает средние века, но есть и русские, и швейцарские мотивы. Весьма замечательно внутреннее убранство дворца: оно своеобразно по замыслу и художественно по рисунку и исполнению. Почти все потолки и стены, и все панели отделаны деревом местных пород с выжженными, или писанными по ним украшениями, сюжеты заимствованы из животного и растительного мира... Парадная лестница, богато орнаментированная, вся из полированного железа на таких же арках и колонках. Ступени из мраморных плит. На плафоне большая картина: апофеоз охоты — кисти талантливого художника Ясинского, расписавшего также плафоны и фризы парадной столовой, бильярдной и некоторых других покоев дворца. Покрытые деревом стены и потолки расписаны или затянuty кожей, материей или мелкой китайской рогожей. Полы преимущественно паркетные, все разных рисунков, как и майоликовые разноцветные печи, между которыми нет и двух одинаковых...»³

Во дворце насчитывалось 120 помещений. Самой богатой была отделка императорских покоев. В кабинете императора из дуба был выполнен потолок, стеновые панели, двери, мебель затянута тёмно-коричневой шагреновой кожей. В кабинете имелся огромный камин.

Гостиная выполнена в английском стиле. Все стены гостиной и спальни затянuty английским ситцем⁴. В гостиной находился стол из среза местного дуба возрастом 315 лет.

Вся дворцовая мебель изготовлена по эскизам Н.И. де Рошфора. Во всём доминировал охотничий стиль замка. Картины и панно в бильярдной с изображением сцен охоты заказаны у художника Ясинского. Столовую украшало множество трофеев — лосиных и оленьих рогов.

В качестве декоративного материала использовали также полированное железо, из него изготовили люстры, бра, оконные и дверные приборы. Дополнительный блеск полировке придавало электрическое освещение. Благодаря наружной подсветке дворцом можно было любоваться из окружавшего парка⁵.

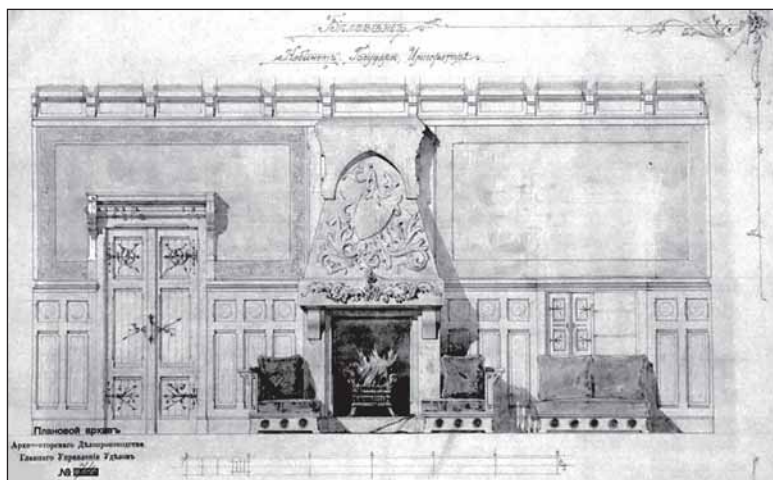
Выше по течению реки Наревки, запруженной шлюзами по системе Пуарэ, построили водонапорное здание. Во дворце устроили

---

³ Неделя строителя. Бесплатное приложение к журналу «Зодчий». 1893. С. 127–128.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 87. Д. 1270.

⁵ Там же. Оп. 22. Д. 1809.

Проект кабинета императора в Беловежском дворце.
Арх. Николай де Рошфор

бассейн с подогревом воды. В нижней части круглой башни дворца находился телеграф и телефонная станция.

Как следует из генерального плана императорской усадьбы⁶, по продольной оси дворца была расположена церковь, а со стороны кухонного корпуса — конюшни с сараями, западнее — баня и прачечная, далее, на северо-запад от дворца — препаровочная для дичи.

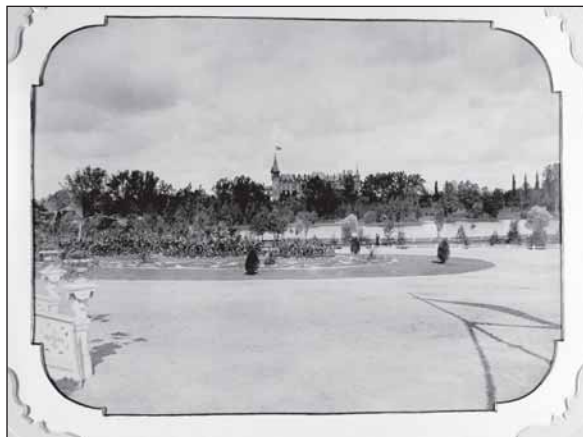
При возведении дворца Н. де Рошфор для удешевления строительства использовал исключительно местные материалы. Архитектор объявил денежное вознаграждение тому, кто найдёт на территории Пуши известь — до этого её привозили по железной дороге. Также на месте было организовано круглогодичное производство кирпича⁷. Для наружных и внутренних отделочных работ использовали всё богатство древесных пород Пуши — дуб, ясень, липу, ольху, берёзу, осину, ель, а также бересту. В 1893 году на Всемирной Чикагской выставке, наряду с чертежами Беловежского дворца, экспонировались образцы вековых древесных пород пуши — два поперечных круглых среза, окованных в металл. За заслуги по возведению охотничьего замка Н. де Рошфор получил от Александра III браслет с изумрудом и бриллиантами⁸.

⁶ Там же. Оп. 87. Д. 1270.

⁷ Там же. Оп. 29. Д. 1803.

⁸ Там же. Ф. 504. Оп. 2. Д. 293.

Императрица
Александра Фёдоровна
у экипажа около
Беловежского дворца

Вид дворца и парка

Вокруг дворца построили парк в английском стиле по проекту Валериана Кроненберга. В 1897 году до Беловежи провели железную дорогу, благодаря чему Беловеж стала любимым местом отдыха Николая II с семьёй.

Он бывал здесь в 1897, 1900, 1903, 1906, 1912 годах. Любил это место и царевич Алексей, который написал в своём дневнике, что если умрёт, то хотел бы, чтобы его похоронили в Беловежи.

Пребывание в Беловежи совмещалось с охотой, за которую отвечал главный егерь. Он постоянно жил в Беловежи и заботился о сохранении поголовья зверей, а также обо всех охотничьих объектах. В России не было специальных охотничьих учебных заведений, егеря постигали лесную науку на практике.

За две недели до начала охоты территорию огораживали флажками, чтобы звери оставались там. Животных считали, готовили места для охотников, ремонтировали дороги. Лесные дорожки также приводили в порядок, высеивая траву таким образом, чтобы она приглушала стук колёс. Даже деревянные мостки выкладывали дёрном, т.к. в своё время царь пожаловался на неприятный звук, издаваемый колёсами о деревянный мост. Царь выезжал на охоту обычной тройкой, другие участники охоты использовали лёгкие повозки или ехали верхом. Во время гона зверей и для охраны территории использовали около 500 солдат соседних гарнизонов и местных жителей. Солдат одевали в белые рубашки, что пугало зверей и задерживало их.

Охота проходила по чёткому плану. Каждый её участник получал план с указанием мест, количеством и видом находящихся поблизости зверей. Приготавливали более десяти мест для охотников, на расстоянии 90 шагов. Царь имел право выбора, остальные тянули жребий. Охота начиналась в 8 утра. После 2–3 смен все встречались за завтраком, который готовился под специальным шатром.

После завтрака охота возобновлялась. Вечером, около 19 часов, на террасе охотничьего Дворца проходила торжественная церемония окончания охоты. Зверей укладывали в строгом порядке: сначала зубры, потом лоси, далее олени, кабаны, зайцы, птицы, лисы... Добычу украшали гирляндами дубовых листьев. Для каждого зверя исполняли особый гимн.

Во время ужина участники делились впечатлениями. Строгого этикета не было, встречи носили спокойный домашний характер. Разрешались шутки над неудачливыми охотниками. Убитых зверей отправляли потрошить. Мясо отдавали местным жителям или в школу. Лучшие куски попадали на царский стол. Головы крупных зверей препарировали, прикрепляли к доскам, подписывали имя охотника и дату охоты.

Хотя царские визиты случались в Беловеж раз в три года, дворец постоянно поддерживали в таком состоянии, чтобы он в любой момент мог принять гостей. Иногда Император предоставлял дворец членом царской семьи, высокопоставленным чиновникам и зарубежным гостям.

Про посещение Беловежи русским живописцем Иваном Шишкиным ходили анекдоты. Поскольку Шишкин был замечательным рисовальщиком, тщательно прописывающим каждую мелочь, его называли «бухгалтером листьев». Царь пожелал, чтобы Шишкин сделал цикл зарисовок Беловежской Пущи. Художник гостил в Беловежи, писал картины. Когда же лесничие увидели завершённые полотна, они впали в панику: Шишкин написал заросли с поваленными

деревьями, непроходимыми чащами, буреломами, заросшими лесными озёрами — то, что он считал самым живописным. Лесничие, убоявшись, что царь, увидев беспорядки и неухоженность в Пуше, велит наказать виновных, умоляли Ивана Ивановича переписать картины. На их счастье, Его Императорское Величество только восхитился работами художника.

В 1915 году Беловеж оказалась под угрозой немецкой оккупации. Из дворца эвакуировали всё имущество, оставив только то, что не смогли вывезти, в том числе прекрасные кафельные печи. С обретением Польшей независимости Беловежская Пуша и бывший царский дворец перешли в польскую казну. После ремонта во дворце разместились органы местного самоуправления, а с 1929 года начала работу Государственная Лесная школа. Некоторые помещения получили представительское назначение: в них разместили апартаменты польского президента Игнатия Мосцицкого. Снова на охоту стали приезжать важные гости. Президент приглашал и зарубежных гостей, в том числе представителей Третьего Рейха Германа Геринга и Генриха Гимmlера.

В сентябре 1939 года дворец бомбили летчики Люфтваффе — одна из бомб попала в церковь. Согласно пакту Молотова-Риббентропа эта территория отошла Советскому Союзу. Советские власти планировали устроить во дворце научный центр, но не успели — в 1941 году немецкие войска напали на бывшего союзника. Беловежская пуша — прекрасное место для партизанской войны, здесь воевали и польские, и белорусские отряды, поэтому немцы открыли во дворце центр борьбы с партизанами. В 1944 году отступавшие вместе с немцами венгерские солдаты подожгли здание. Дворец сгорел дотла, восстановить его было невозможно. В конце 1950-х годов было принято решение полностью разобрать руины. На месте дворца построили новое здание, в котором ныне находится дирекция Беловежского Народного парка, музей природы, ресторан и гостиница. С царских времён, помимо церкви, сохранился дом гофмаршала (сейчас Лесной Институт), конюшни (гостиница для туристов), товарная станция (известный пре-красной кухней ресторан «Carska»), въездные ворота к хозяйственным постройкам и часть парка.

Отдельно хотелось бы сказать о прекрасном памятнике беловежского зубра. Чугунная статуя была отлита в 1862 году на заводе Огарева в Петербурге и установлена в Беловежской Пуше в честь охоты императора Александра II. Скульптор — Соколов (предположительно). Эскизы — придворный художник Михаил Зичи. В 1915 году статуя была эвакуирована в Россию, а в 1926 — по условиям Рижского

Чугунная статуя зубра, отлитая на заводе Огарева в Санкт-Петербурге и установленная в парке Беловежского дворца в память охоты Александра II 6–7 октября 1860 года

мирного договора передана Польше. Нынче изваяние находится в местечке Спала — бывшей охотничьей резиденции русских царей под Варшавой. Кроме того изготовлено 5–7 уменьшенных копий беловежской статуи, которые были подарены: Великому герцогу Саксен-Веймарскому Карлу, немецким принцам Карлу, Альберту, Августу и др. Местонахождение большинства подаренных статуй неизвестно⁹.

---

⁹ Там же. Ф. 478. Оп. 3. Д. 1617.

М. Слоневски
(Варшава, Польша)

Забытая царская резиденция в Спале

Последние Романовы неохотно посещали земли Королевства Польского, а если такое случалось, то, как правило, останавливались не в Варшаве, а в старинном дворце архиепископов гнезненских в Скерневицах (в 70 км на юго-запад от Варшавы), центре Ловичского княжества. В 1870—1879 годах дворец был собственностью генерал-фельдмаршала князя Александра Барятинского, прославившегося военными победами на Кавказе.

В 1876 году князь Барятинский пригласил наследника царского престола поохотиться в спальских лесах, над рекой Пилицей. Высокий гость принял приглашение. Охота продолжалась целых десять дней. Очарованный красотами местной природы, вел. кн. Александр Александрович решил построить здесь небольшую охотничью резиденцию. Более частым царским визитам в Королевство Польское способствовало развитие железной дороги, принципиально повысившее комфорт и безопасность путешествий. Вскоре после коронации в 1881 году Александр III подписал концессию на строительство железнодорожной линии, которая должна была проходить рядом с Томашовом Равским и Спалой.

Уже в 1884 году новую железнодорожную линию проложили до Томашова. Не вызывает сомнения, что это сделали в связи с предстоящей постройкой охотничьего дворца в Спале, который стал первым зданием новой императорской резиденции в Королевстве Польском. Подтверждает этот факт то, что возведение охотничьего дворца и прокладку железной дороги доверили од-

Александр III на охоте в спальских лесах. Фото 1884 г.

ному и тому же архитектору – железнодорожному инженеру Леону Микуцкому¹.

Столь серьёзное предприятие как строительство императорского дворца, не могло обойтись без одобрения проекта императором. Что и произошло 19 сентября 1884 года непосредственно на месте будущего строительства — в Спале, во время императорской охоты, после завершившегося несколькими днями раньше в Скерневицах «съезда трёх императоров»: Александра III, Франца Иосифа I и Вильгельма II.

Подробное описание этой охоты можно найти в уникальной книге Николая Малыхина. Там же есть важное упоминание, касающееся обстоятельств и даты утверждения планов постройки охотничьего дворца в Спале³.

Представленная Малыхиным информация – бесспорное доказательство того, что 19 сентября 1884 года император Александр III утвердил проект дворца и других объектов будущей резиденции. Проект был представлен архитектором Леоном Микуцким на месте будущего строительства — в Спале. Строительство началось той же осенью 1884 года.

¹ Mikucki Leon Stanisław Alojzy (1828–1912) // Polski Słownik Biograficzny. 1976. Tom XXI/1, zeszyt 88. S. 170; Szwarz A. Dawno temu w Skierniewicach. Zjazd trzech cesarzy w 1884 r. // Mówią Wieki. 2007. № 2. S. 36–40.

² Szwarz A. Op. cit.

³ Императорская охота во владениях Ловичского княжества в 1884 году / Сост. Н. Малыхин. Варшава, 1886. С. 15.

Инженер Леон Микуцкий — проектировщик и строитель охотничьего дворца в Спале

Первым объектом будущей императорской резиденции в Спале стал деревянный мост через Пилицу. То, что мост построили заранее, свидетельствует о предусмотрительности проектировщиков, которые таким образом достойно подготовились и к царской охоте осенью 1884 года по обоим берегам Пилицы, и к предстоящему строительству

дворца. Мост удобно соединил расположенную на левом берегу реки императорскую резиденцию с железнодорожной станцией Олень на правом берегу.

Александр III не был большим поклонником светского образа жизни и для семейного отдыха выбирал тихие, уединённые места, где время можно было проводить так, как хочется, в своё удовольствие. Кроме того, выбор места был обусловлен требованиями безопасности. Расположенная среди обширных лесов малонаселённая Спала идеально подходила для постройки не зависящей от внешних обстоятельств, самодостаточной и хорошо защищённой охотничьей резиденции, предназначенной исключительно для императора и его ближайшего окружения.

Выйдя из поезда, царской семье нужно было пересесть в экипажи, проехать 6 вёрст по лесной дороге, доехать до моста, строительство которого продолжалось меньше года. Однако новый дворец ещё целый год ждал своего хозяина. Сначала сюда приехал брат императора, вел. кн. Владимир Александрович. Во время его визита было налажено телеграфное сообщение между резиденцией и Петербургом. Пребывание в новом дворце вел. кн. Владимира Александровича оказалось как бы генеральной репетицией на пригодность дворца Его Императорскому Величеству и высоким гостям. Судя по всему, репетиция прошла успешно, и через год резиденцию посетил сам император. По сохранившимся снимкам можно довольно подробно

Вид на дворец в Спале. Начало XX в.

описать внешний вид дворца. Учитывая высокий ранг своего владельца, дворец выглядел более чем скромно и принципиально отличался не только от роскошных дворцов Романовых, но и от дворцов польских аристократов. Это был не столько, пожалуй, дворец, сколько дворянское поместье.

В плане дворец имел форму прямоугольника, длиной в 48 и шириной в 14 м. В центральной части здания имелся выступ шириной в 7,5 м, выдвинутый вперёд на 3 м, сзади — на 9 м. В передней части располагался вход, в задней — чайная и столовая. Здание двухэтажное: нижний этаж сложен из красного кирпича, верхний — деревянный, с мансардой, где располагались служебные помещения. Площадь каждого этажа равнялась 720 м², всего 1440 м² без учёта мансарды и веранды⁴. К парадному входу вело несколько каменных ступеней. Через холл можно было пройти в чайную или подняться по лестнице в бельэтаж, где находился вход в гостиную, либо, по другой лестнице — на второй этаж. Гостиная (более 100 м²) с большим камином из красного кирпича и высокими потолками (5,7 м), — самое просторное помещение дворца. Из столовой можно было вый-

---

⁴ До сих пор в архивах не найдено ни технической, ни архитектурной документации дворца в Спале. В Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге обнаружен уникальный отчёт Н.И. де Рошфора о его поездке в Спалу и Скерневицы в 1889 году, перед началом строительства дворца в Белоуже. К отчёту прилагались сделанные его рукой рисунки, на которых изображены дворцовые помещения и порядок размещения в них гостей во время охоты в 1888 году. РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1803.

ти на большой деревянный балкон. По обеим сторонам коридора первого этажа располагалось 13 комнат для императорской свиты и комната для камерфурьера. Кроме того, имелись две гардеробные с лестницами, ведущими в императорские покои на втором этаже, а также комната императорского камердинера и комнаты для слуг. На первом этаже находились также общая купальня и один общий туалет, ещё два туалета — у входа в чайную. На втором этаже, над холлом, располагалась бильярдная с дверью на большой деревянный балкон, расположенный над входом во дворец. Всё левое крыло дворца (если смотреть со стороны входа) предназначалось для императорской четы. Всего здесь было 8 комнат, общей площадью примерно в 285 м²: кабинет императора, салон, по ванной комнате для каждого из супругов. Из большой спальни был выход на веранду. Две комнаты правого крыла предназначались наследнику, ещё две гостевые комнаты — ближайшим родственникам, одна комната — интенданту Императорской квартиры. Имелось также помещение для камердинера и комната для прислуги. Рядом с гостиной находился буфет, который использовался для приготовления блюд и хранения столовых приборов и посуды. В архитектуре здания отчётливо проглядывают черты так называемого «курортного», или швейцарского стиля, очень модного тогда в Европе. В спальском дворце этот стиль подчёркнут изящными резными наличниками окон второго, деревянного этажа. Сходным образом декорирована деревянная, двухуровневая веранда площадью около 40 м², прилегающая к углам здания с восточной и южной стороны, балконы в центральной части строения. С нижнего уровня веранды открывался прекрасный вид на долину Пилицы. В том же «курортном» стиле выдержана галерея, соединявшая дворец с кухней, которая находилась за ним. Все эти архитектурные элементы отлично сочетались друг с другом и создавали общую гармоничную картину. Сданная в эксплуатацию в 1885 году резиденция ещё не была полностью завершена и на протяжении нескольких лет достраивалась и дополнялась различного рода постройками и устройствами.

Помимо дворца среди первых построек резиденции в Спале были деревянные конюшни с чердачными жилыми помещениями для конюхов и казаков из охраны. Рядом возведены дома для прислуги и хозяйственные постройки, в том числе сарай для карет. В начале 1890-х годов из красного кирпича построены водонапорная башня высотой 36 м, насосная станция, канализация и два летних дома в «курортном» стиле.

Отдельным хозяйственно-жилищным архитектурным комплексом являлась стоящая неподалёку от дворца одноэтажная деревян-

Дворцовая столовая. Фото 1926 г.

ная егерская усадьба. Она располагалась прямо над речкой Гать. Напротив усадьбы устроили пруд с небольшим островком, к которому перебросили изящный мостик. Следующим в очереди новых построек спальской резиденции был внушительный каменный дворец маркиза С. Велёпольского, управляющего Ловичского княжества. Дворец находился в лесу, возле въезда на территорию резиденции от стороны Томашова. Как и императорский дворец, крытая галерея соединяла эту постройку с построенной сбоку каменной кухней. Возле каждого из въездов в резиденцию построили деревянные сторожки.

Главную часть резиденции обнесли оградой с двумя солидными деревянными воротами и опорными столбами, к которым крепились металлическая сетка. Возле дворца установили высокие декоративные фонарные столбы, территорию освещали керосиновые лампы. Собственно, вся резиденция освещалась поначалу керосиновыми лампами. Были оборудованы четыре въезда с воротами, которые вели ко дворцу, и построен деревянный забор. В результате в Спале возник удобный и, по тем временам, современный комплекс, напоминающий образцовое помещичье лесное хозяйство.

Сентябрь — традиционная пора императорской охоты в Спале, продолжавшейся обычно две-три недели. Охоту в Спале император, как правило, совмещал с охотой на мелкую дичь в Скерневицах. Александр III пять раз приезжал в свою охотничью резиденцию в

Спале. Кроме инаугурационного визита в 1886 году, он бывал здесь через каждые два года: в 1888, 1890, 1892 и 1894 годах. Последний перед смертью приезд императора в Спалу предваряла охота и осмотр новопостроенного дворца в Беловеже.

Два последних визита Александра III в Спалу проходили в совершенно иных условиях. Всего через несколько лет после его первой охоты (ещё цесаревичем) до неузнаваемости изменились охотничьи уголья и сама организация охоты. Расширявшаяся императорская резиденция в Спале постоянно дополнялась и оснащалась всё более современным оборудованием. В ваннах появились медные и позолоченные краны и трубы, мебель поставлялась с лучших варшавских и немецких складов. Но несмотря на всё это, слабым местом резиденции оставалась теснота во дворце.

Это подтверждают документы из Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге, касающиеся подготовки императорского визита в Спалу в 1894 году⁵. В одном из них описаны помещения, предназначенные для расселения императорской свиты, состоящей из более чем 70 человек. Этих помещений оказалось совсем немного. Размещение в одной комнате нескольких человек, особенно рангом пониже, было в порядке вещей. Более того, прибывших с императором курьеров и форейторов селили на конюшнях.

Из воспоминаний доктора Н.А. Вельяминова, сопровождавшего Александра III на охоте в Спале в 1892 году, можно узнать не только о том, как была организована охота, но и некоторые подробности повседневной жизни императорской четы⁶. Благодаря уникальным записям придворного лекаря, удаётся довольно точно представить себе атмосферу, обычаи и поведение людей, в мелких подробностях характеризующих пребывание Александра III в Спале. Судя по тому, что пишет Вельяминов, царь, несмотря на серьёзные проблемы со здоровьем, работал, не щадя себя, что привело к полному истощению организма. По этой причине император «позволял Себе около одного месяца в году отдохнуть и жить так, как Ему хотелось. Он любил тишину, уединение, простоту обстановки, семейный очаг и природу... Спала Ему полюбилась, ибо Он там действительно отдыхал и жил так, как Он любил жить. По воцелении на престол Государь пожелал привести Спальские леса в полный порядок, приказал выстроить там удобный охотничий дом и стал ездить туда через год

---

⁵ О распоряжениях и расходах по путешествию Их Величеств в Беловеж, Спалу и Крым и по приготовлениям к Высочайшему путешествию в Корфу 1894. РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 54.

⁶ *Н.А. Вельяминов. Воспоминания об Императоре Александре III. М., 1994.*

осенью. Постепенно в Спале образовалось правильное охотничье хозяйство, и Спала сделалась одним из наиболее богатых и благоустроенных охотничьих угодий всей Европы. Так при Дворе Александра III сложился обычай через год проводить осень на отдыхе в Спале и охотиться на оленей только в сообществе самых близких лиц и редких гостей»⁷.

Впоследствии, несмотря продолжающееся улучшение быта, способствующее комфортному пребыванию царской семьи, охотничий дворец внешне оставался без изменений, а внутри изменения были незначительными и касались главным образом удобного размещения разрастающегося семейства царя Николая II. Любопытно, что в Спале так и не было построено ни православной церкви, ни даже часовни. Службы проходили в специальной палатке, приспособленной под полевою церковь. Территория, окружающая охотничий дворец, была обустроена в соответствии с представлениями Александра III об охотничьем хозяйстве, максимально сочетающемся с природой и природными условиями.

Когда император бывал в Спале, каждый день после охоты, по окончании ужина проводилась церемония «штрека». Император с супругой и гостями выходили на площадку перед дворцом и при свече факелов рассматривали живописно разложенную дичь, добытую в этот день. К каждому животному была привязана бирка с именем охотника, который его подстрелил. Церемония продолжалась 10–15 минут. Затем все отправлялись в гостиную и там проводили вечер⁸. Чаще всего играли в бильярд с императрицей Марией Фёдоровной. Император в мужской компании играл в вист. После игры Александр III удалялся в кабинет и там работал до поздней ночи, поскольку в Спалу ежедневно прибывал фельдъегерь с документами. Игра в карты продолжалась до 23.00–23.30 часов, после чего все участники расходились. Вставали в 7 часов утра. По воскресеньям на охоту до завтрака не выезжали, поскольку все отправлялись на службу в полевою церковь.

После преждевременной смерти своего отца Николай II по традиции продолжал приезжать в Спалу охотиться. С родителями он бывал здесь в 1888, 1890, 1892 и 1894 годах. Став императором, приезжал ещё 7 раз: в 1897, 1900, 1901, 1903, 1908, 1910 и 1912 годах, т.е. Николай II побывал в Спале целых 11 раз.

За спальскими лесами присматривали два лесничих, девять лесников, два сторожа и 75 стрелцов. Резиденцией управлял интен-

⁷ Там же. С. 269.

⁸ Там же. С. 270–271.

Торжество перед дворцом в Спале с участием
Николая II и Александры Фёдоровны. Начало XX в.

дант, в подчинении у которого было три лакея, два кучера и четыре охранника. Конечно, столь небольшое количество прислуги служило во дворце только в отсутствие царской семьи. Все комнаты, включая гостиную, были обтянуты простой парусиной. Охотничьи трофеи, в большом количестве украшавшие помещения, придавали дворцу ярко выраженный охотничий характер. Комнаты для гостей, расположенные на первом этаже, были оборудованы скромно, по гостиничному: кровать, стол, шкаф, умывальник и несколько стульев. На двери имелось специальное место для визитной карточки гостя. На стенах второго этажа висело множество картин — оригинальных и репродукций из коллекции Берлинского музея. Целую стену гостиной занимали акварели придворного художника М. Зичи, в основном сцены царской охоты и путешествий. Стены были украшены десятками рогов. Над столом висел подсвечник, сделанный из рогов лося. Возле стола, на центральном месте, стояло императорское кресло, изготовленное из рогов варшавским ремесленником Шчепяньским⁹.

Пробывание в Спале Николай II старался совместить с охотой в Беловеже и Скерневицах. Можно сказать, что он был страстным

⁹ Album Pamiątkowe (так в тексте. — М.С.) z Pobytu Ich Cesarskich Mości w Królestwie Polskiem. SPb., 1897. С. 22–32.

Водонапорная башня и гостиница
для царских гостей. Современное фото

Одно из зданий царской резиденции
(в настоящее время пансионат). Современное фото

охотником, что подтверждают его дневники и записи, в которых он с бухгалтерской скрупулезностью записывал свои охотничьи трофеи и достижения¹⁰. Стрелком он был, скорее всего, посредственным, зато, особенно по тем временам, находился в отличной спортивной форме. В Спале он много ездил верхом, ходил подолгу пешком, играл в теннис и бильярд, катался на лодке и байдарке по Пилице. Благодаря

¹⁰ Дневники императора Николая II 1894–1918. Т. I. 1894–1904 / Отв. ред. С.В. Мироненко. М., 2011.

его увлечению теннисом в 1890-х годах в Спале построили теннисный корт. Николаю II, как и его отцу, ничуть не мешали простые и скромные условия жизни во дворце, поскольку оба превыше всего ценили общение с природой и прекрасные условия для охоты. Иное мнение имела на этот счёт императрица Александра Фёдоровна, которая неоднократно жаловалась на тесноту помещений и угнетающий полумрак коридоров. Особенно сильно это раздражало её во время продолжавшейся несколько недель болезни цесаревича Алексея осенью 1912 года¹¹. Ещё в конце 1890-х годов Николай II распорядился отремонтировать дворец и расширить резиденцию. С северной стороны дворца построили «второй кирпичный особняк», предназначенный для гостей. Он оказался внушительнее, чем императорский дворец, построен был из клинкерного кирпича, покрыт медной кровлей. Комнаты в нём были большие и потолки выше, чем в царском дворце. Вели к ним широкие коридоры, имелся просторный вестибюль и солидная каменная лестница главного входа¹². Здание украшал деревянный орнамент в так называемом «курортном» стиле. Несколькими годами позже, при въезде в Спалу построили ещё одну двухэтажную «гостиницу» для гостей. Как и первое здание, её сложили из клинкерного кирпича с резными декорациями на щитах двух ризалитов. Важным событием, заметно улучшившим комфорт спальской резиденции, стало строительство паровой электростанции, обеспечивающей электричеством дворец и другие объекты, которые прежде освещались керосиновыми лампами. Благодаря новой станции примыкающая к дворцу территория также была освещена электрическими фонарями¹³.

После 1903 года деревянные конюшни, построенные в 1885 году неподалёку от дворца, возле главной дороги в Томашов разобрали и возвели новые постройки, также из красного кирпича, чуть глубже, за зданием резиденции. На их чердаках и в старых конюшнях находились помещения для казаков из царской охраны. На месте разобранных конюшен был заложен парк в английском стиле, планировкой которого занимался опытный специалист в области парковой архитектуры Валериан Кроненберг, создатель паркового ансамбля

---

¹¹ Подробное описание пребывания царской семьи в Спале в 1912 году и течение болезни их сына Алексея, представлено, между прочим, в: *Messie R.K. Nicholas and Alexandra*. London, 2002; *Жильяр Пьер, Сидней Губб*. Цесаревич Алексей в воспоминаниях его учителей. М., 2006.

¹² *Kobalczyk A., Słoniewski M.* Carska Spała. Spała, 2011. S. 107. Por. też «Tydzień», 1899. № 31.

¹³ *Czestnych S., Kettering K., Słoniewski M.* Spała – carska rezydencja. Konstancin, 2011. S. 121.

Вид на парк Валериана Кроненберга и швейцарскую виллу.
Современное фото

Царские гаражи. Современное фото

возле царского дворца в Беловеже. Формирование парка велось очень старательно. Деревья и кусты подбирались с большой тщательностью, некоторые виды привозили с Кавказа. Модернизация, которую в первые годы XX века проводили с большим размахом, касалась и канализации. Имея в виду частые лодочные прогулки императора по Пилице, администрация Ловичского княжества придавала особое значение контролю за чистой водой в реке и следила за сбросом в неё хозяйственных отходов¹⁴. Большое внимание уделялось безопас-

¹⁴ Там же. С. 120.

ности императора и его приближённых. Помимо упомянутых помещений для охраны в конюшне, за речкой Гать, возле егерской усадьбы, был построен «барак для сводного гвардейского полка». В петербургском Государственном историческом архиве недавно нашли планы застройки императорской резиденции в Спале, датированные 1910 годом. На этих планах указано расположение всех постов охраны. Сеть постов была разнообразна. В неё входила дворцовая охрана, несшая дежурство в восьми местах резиденции. Три поста находились в непосредственной близости от дворца. Другие охраняли ворота при въезде в Спалу и перед въездом на мост через Пилицу. Вся территория была поделена на восемь участков¹⁵. Днём дворец в Спале охранялся десятью пешими казачьими нарядами. Ночью к ним присоединялись ещё три. Рядом с дворцом располагались два гвардейских караула. В это же время поставили дополнительные въездные ворота из металла, с коваными элементами. Опорные столбы были увенчаны декоративными фонарями.

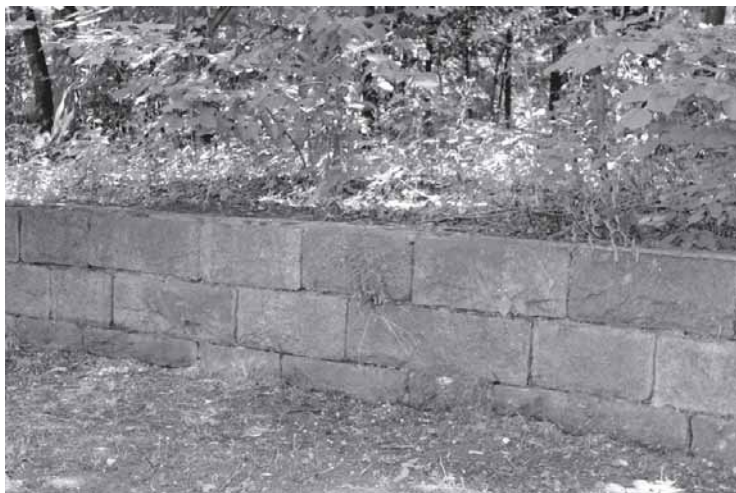
В 1912 году императорская пара в последний раз прибыла в Спалу и провела здесь несколько недель. Пребывание затянулось из-за болезни их сына Алексея. После отъезда в резиденции провели очередные обширные работы по модернизации и переустройству. Завершить их собирались к 1914 году, на который планировался очередной приезд императора. Решение о перестройке было вызвано, с одной стороны, увеличением числа гостей, свиты, охраны и прислуги, с другой – слабой, несмотря на все строительные и модернизирующие усилия, инфраструктурой резиденции. Это обстоятельство, вероятно, раздражало императора, но ещё больше – его супругу. Проект переустройства был весьма амбициозным, причём большую часть запланированного удалось реализовать. Построили большой гараж для разраставшегося автомобильного парка. Для получения дополнительной электроэнергии на речке Гать соорудили водную турбину. Построили здания для прислуги.

Начавшаяся в августе 1914 года Первая мировая война помешала Николаю II поохотиться в Спале, а последующие исторические события привели к окончательному завершению императорского периода Спалы, длившегося с 1885 по 1914 год. Уже в декабре 1914 года Спалу заняли немецкие войска. После почти тридцати лет существования императорской резиденции в межвоенный период её использовали президенты Речи Посполитой. Несмотря на гитлеровскую оккупацию и проходившую неподалёку от Спалы

---

¹⁵ Там же. С. 6–9. План имения Спала 1910. РГИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 360.

Остатки фундамента царского дворца. Современное фото.

линию фронта, почти все постройки царского периода сохранились. К сожалению, при не выясненных до конца обстоятельствах 18 января 1945 года сгорел охотничий дворец. Через несколько лет его руины были разобраны, остались только каменные блоки, некогда служившие фундаментом. Местное сообщество Спалы заинтересовано в восстановлении дворца и возвращении местности её первоначального вида.

Т.В. Котюкова
(Москва)

Наследие Романовых в Центральной Азии: дворец великого князя Николая Константиновича в Ташкенте¹

В последнее десятилетие проявляется повышенный интерес к ранее практически малоизученной и незаслуженно обойдённой вниманием учёных-историков фигуре вел. кн. Николая Константиновича Романова (1850–1918). Однако их исследования посвящены главным образом скандальной истории с похищением фамильных реликвий, повлекшей за собой суровое и беспрецедентное решение царской фамилии — сослать одного из представителей правящей династии в Туркестан.

В биографии вел. кн. Николая Константиновича сохранилось немало белых пятен, и несмотря на заметное увеличение публикаций их не становится меньше. Более того, у учёных и публицистов, обращающихся к написанию биографии Николая Константиновича, появляются всё новые версии причин его ссылки, подробностей личной жизни, обстоятельств его смерти, известно минимум два завещания и два места его захоронения и т.д. Главные загадки великокняжеской биографии относятся к туркестанскому периоду его жизни. Это неудивительно. Ведь в крае он прожил половину из отпущенных ему лет, причём самых насыщенных и активных. О ссылке в Ташкент ряд современников оставили фрагментарные и обрывочные воспоминания. В основном это воспоминания офицеров и чи-

---

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории» (2012–2014 гг.)

новников, служивших в администрации края. Порой они крайне противоречивы. Несмотря на то, что великий князь не занимал никаких официальных постов, и более того, находился под домашним арестом, посетить его с визитом и представиться ему почитали за честь все вновь прибывающие в Туркестан.

Всю имеющуюся на сегодня историографию, посвящённую вел. кн. Николаю Константиновичу, можно довольно условно объединить в две группы: научные исследования² (под этим мы понимаем публикации, снабжённые научно-справочным аппаратом и опирающиеся на документальные источники) и биографическую публицистику (иногда носящую характер исторического очерка³), наполненную интересными подробностями, но, как правило, не указывающую источник информации⁴. Последняя группа представлена наиболее широко (и имеет устойчивую тенденцию к расширению) в различных интернет-изданиях⁵.

Источники, свидетельствующие о жизни Николая Константиновича, представлены также в двух вариантах: мемуарах и архивных документах.

---

² *Красюков Р.Г.* Великий князь Николай Константинович (Опыт биографии) // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1995. № 5. С. 71–80; *Салоникес М.И.* Самарская учёная экспедиция 1879 г. // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 152–157; *Михаил Греческий, князь.* В семье не без урода. Биография великого князя Николая Константиновича. М., 2002; *Корнеев В.В.* Изгой. За что царского племянника объявили душевнобольным // Родина. 2002. № 1. С. 37–41; *Наследова Н.И., Юсупов Э.С.* Ссылный великий князь // Константиновский дворцово-парковый ансамбль в Срельне: История и современность. СПб., 2006. <http://www.konstantinpalace.ru/index.php?menu=20&id=51&lng=2&book=25>; *Завьялова Л., Орлов К.* Рождённый под несчастной звездой // Великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи: История семьи. СПб., 2009. С. 267–299; *Асатова Г.Р.* Дворец великого князя Николая Константиновича в Ташкенте // Вестник архивиста. 2013. № 4. С. 292–299; *Канский Ю.Р.* Великий князь Николай Константинович и судьба его потомков // Семнадцать Петербургские генеалогические чтения «Дом Романовых за 400 лет: Матримониальные связи и родственное окружение» // <http://mytashkent.uz/2013/12/26/velikij-knyaz-nikolaj-konstantinovich-i-ego-potomki/>; и др.

³ *Голендер Б.* Главный ссылный // Мои господа ташкентцы. Ташкент, 2007. С. 98–107; <http://www.proza.ru/2013/07/31/257> и др.

⁴ *Голендер Б.* Трагедия Великого Князя // Эко. Ташкент, 1998. 4 апреля. № 10; *Фарид А., Бирюков В.* Бриллианты от Великого князя // Труд. 2000. № 18; *Герчиков О.* Августейший домшник // АиФ. 2002. № 35; *Третьякова Л.* Изгнанник из рода Романовых // Вокруг света. 2003. № 4. С. 30–36; *Иконников-Галицкий А.А.* Хроники петербургских преступлений: Блистательный и преступный. 1861–1917. СПб., 2008 и др.

⁵ <http://lms36.livejournal.com/28692.html>; <http://mytashkent.uz/tag/n-romanov/page/2/>; <http://www.fergananews.com/articles/8040>; <http://pavlovsk-spb.ru/deti-vladeltsev/nikolay-konst.html> и др.

Мемуары, в свою очередь, можно разделить на: воспоминания, посвящённые непосредственно великому князю⁶, и мемуары современников (в том числе родственников)⁷, знавших князя с разной степенью близости или даже незнакомых с ним лично⁸. Последняя категория мемуарных источников, будучи преимущественно продуктом русской эмигрантской среды, возвращаемой последние два десятилетия российскому читателю, продолжает расширяться, ежегодно радуя новыми публикациями.

Архивные документы отложились в основном в архивохранилищах Узбекистана и России: Центральном государственном архиве Республики Узбекистан (ЦГА РУз), Государственном архиве города Ташкента (ГАГТ) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Управление делами великого князя (с приезда его в Ташкент в 1881 году и до смерти в 1918) возглавлялось особым лицом (в последние годы полковником Д.В. Беловым⁹) и формально существовало при Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. Документы этого управления отложились в фонде И-40 в ЦГА РУз, носящем одноимённое название и насчитывающем 540 единиц хранения. Их условно можно объединить в несколько тематических групп.

Так, в указанном фонде достаточно широко представлена инженерно-техническая документация, связанная с проектированием железных дорог в Средней Азии и сооружением оросительных каналов в Голодной Степи¹⁰. Следующая группа — разнообразная и разноплановая переписка по вопросу ирригации Голодной Степи и её освоения, в

---

⁶ *Лир Фанни*. Глава «августейшего» романа (Из семейной хроники дома Романовых) // Аргус. 1917. № 8–11; *Массон М.* «Ташкентский» великий князь. Из воспоминаний старого туркестанца // Звезда Востока. 1991. № 12. С. 114–125.

⁷ <http://pavlovsk-spb.ru/deti-vladeltsev/nikolay-konst/iskander-vozpominaniya.html>; *Дрейер В.Н. фон*. На закате империи. Мадрид, 1965. С. 42–44 и др.

⁸ *Духовская В.Ф.* Туркестанские воспоминания. СПб., 1913; *Свирский А.* История моей жизни. М., 1947; *Скрябин Н.И.* Гимназические годы в Ташкенте: Из туркестанских воспоминаний // Новое русское слово. 1962. 22 июля. С. 3; *Шапошиников Б.М.* Воспоминания. М., 1974; *Суворин А.* Дневник. М., 1992; *Татищев А.А.* Земля и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001; *Васильчиков И.С.* То, что мне вспомнилось. М., 2002; *Чиркин С.В.* Двадцать лет службы на востоке: Записки царского дипломата. М., 2006; *Барятинская М.* Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы, 1870–1918. М., 2006; *Грулев М.В.* Записки генерала еврея. М., 2007; *Варенцов Н.А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 2011; *Бейли Ф.М.* Миссия в Ташкент. М., 2013 и др.

⁹ Белов Дмитрий Васильевич (1862–?) — штаб-офицер для поручений при Туркестанском генерал-губернаторе.

¹⁰ ЦГА РУз. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 24, 42 и др.

том числе с русскими крестьянами-переселенцами¹¹. Третья группа включает в себя переписку с разными организациями о водном пути в Среднюю Азию и о повороте течения реки Аму-Дарьи.

В количественном отношении следующая группа документов — посемейные списки русских переселенцев, желающих переехать в Голодную Степь и списки арендаторов участков земли в имениях великого князя — занимает десятую часть фонда.

Личная переписка (о состоянии здоровья великого князя¹², переписка, носящая завещательный характер¹³, переписка с Туркестанскими генерал-губернаторами¹⁴ и т.д.) невелика по размеру, но, безусловно, является самой ценной частью собрания.

Также в ЦГА РУз в личном фонде академика М.Е. Массона¹⁵ хранится значительная часть технической документации, связанной со строительством дворца вел. кн. Николая Константиновича в Ташкенте¹⁶. Самое ценное в этом собрании — фотографии дворца (в том числе внутренних интерьеров) и его чертежи. В исторической справке к фонду нет аннотации, указывающей время фотоснимков, но внимательное их обнаруживает интересную деталь. Так, на одной из фотографий в кадр попал кусочек настенного плаката, надпись на котором сделана на узбекском языке латинской графикой¹⁷. Переход на латиницу был осуществлён в 1929 году, в 1940 была введена кириллица. Поэтому рискованно предположить, что фотоснимки проводились в 1930-е годы.

Академик Массон — один из немногих современников великого князя, кто оставил в своих воспоминаниях описание дворца. Нет сомнений, что Михаил Евгеньевич получил возможность впервые посетить дворец и увидеть его внутренние интерьеры не ранее 1920-х годов, когда в нём уже размещался музей. Поэтому можно предположить, что некоторая часть обстановки к тому времени была изменена и утратила свою аутентичность¹⁸.

¹¹ Там же. Д. 43, 55 и др.

¹² Там же. Д. 383.

¹³ Там же. Д. 85, 454а.

¹⁴ Там же. Д. 52, 382 и др.

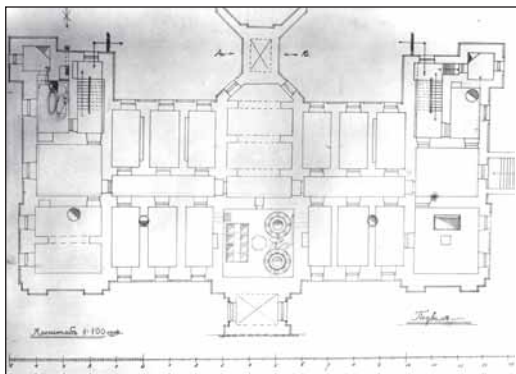
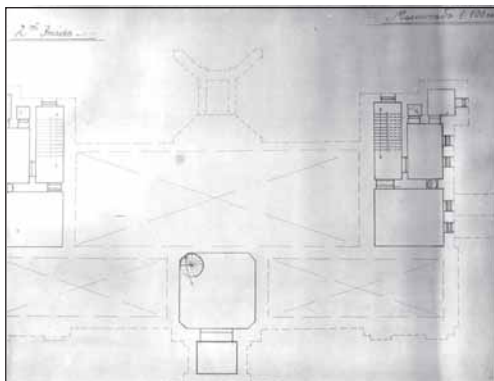
¹⁵ Массон Михаил Евгеньевич (1897–1986) — выдающийся советский археолог, востоковед, заслуженный деятель науки Уз ССР, академик Академии наук Туркменской ССР.

¹⁶ ЦГА РУз. Ф. Р-2773. Оп. 1. Д. 164.

¹⁷ Там же. Л. 77.

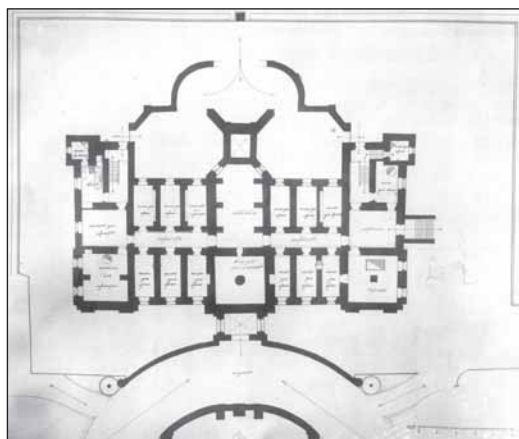
¹⁸ Фотодокументы из личного фонда М.Е. Массона приводим в качестве иллюстраций. Имя фотографа неизвестно. Мы видим дворец таким, каким увидел его в 1930-х гг. выдающийся археолог. Фотографии публикуются впервые.

План второго этажа
великокняжеского дворца.
Автор не известен. 1930-е гг. (?).
ЦГА РУз. Ф. 2773
(Личный фонд
академика М.Е. Массона).
Оп. 1. Д. 164. Л. 74

План подвального этажа
великокняжеского дворца.
Автор не известен.
1930-е гг. (?). ЦГА РУз.
Ф. 2773 (Личный фонд
академика М.Е. Массона).
Оп. 1. Д. 164. Л. 75

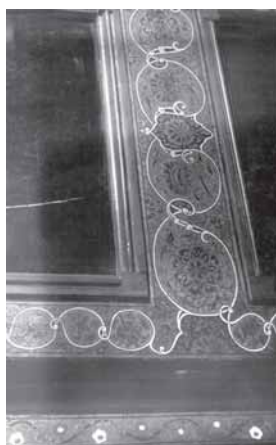
Чертёж дворца.
Автор не известен.
1930-е гг. (?). ЦГА РУз.
Ф. 2773 (Личный фонд
академика М.Е. Массона).
Оп. 1. Д. 164. Л. 76

Фрагмент декоративного убранства потолка. Автор не известен. 1930-е гг. (?). ЦГА РУз. Ф. 2773 (Личный фонд академика М.Е. Массона). Оп. 1. Д. 164. Л. 77

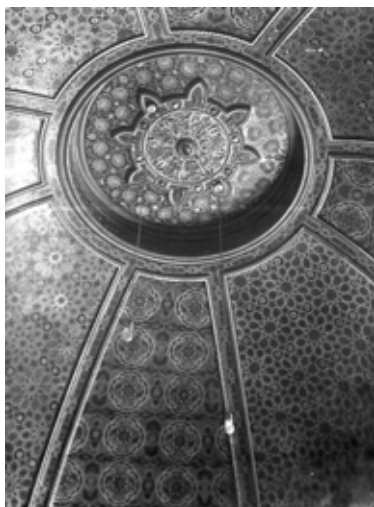
Фрагмент декоративного убранства потолка. Автор не известен. 1930-е гг. (?). ЦГА РУз. Ф. 2773 (Личный фонд академика М.Е. Массона). Оп. 1. Д. 164. Л. 78

Фрагмент декоративного оформления стен. Автор не известен. 1930-е гг. (?). ЦГА РУз. Ф. 2773 (Личный фонд академика М.Е. Массона). Оп. 1. Д. 164. Л. 79

Фрагмент декоративного оформления стен. Автор не известен. 1930-е гг. (?). ЦГА РУз. Ф. 2773 (Личный фонд академика М.Е. Массона). Оп. 1. Д. 164. Л. 80

Декор центральной части купола в одной из комнат дворца. Автор не известен. 1930-е гг. (?). ЦГА РУз. Ф. 2773 (Личный фонд академика М.Е. Массона). Оп. 1. Д. 164. Л. 81

Декор части купола в одной из комнат дворца. Автор не известен. 1930-е гг. (?). ЦГА РУз. Ф. 2773 (Личный фонд академика М.Е. Массона). Оп. 1. Д. 164. Л. 82

Статуи оленя и Атланта. Автор не известен. 1930-е гг. (?). ЦГА РУз. Ф. 2773 (Личный фонд академика М.Е. Массона). Оп. 1. Д. 164. Л. 83

Скульптура охотничьей собаки над крыльцом главного входа дворца. Автор не известен. 1930-е гг. (?). ЦГА РУз. Ф. 2773 (Личный фонд академика М.Е. Массона). Оп. 1. Д. 164. Л. 84

Вид центральной части дворца со стороны парка.
Автор не известен. 1930-е гг. (?). ЦГА РУз. Ф. 2773
(Личный фонд академика М.Е. Массона). Оп. 1. Д. 164. Л. 85

Хранящиеся в ГАГТ в фонде Ташкентского городского совета рабочих и солдатских депутатов документы посвящены последнему году жизни великого князя и тому, как его имуществом распорядилась Советская власть. Там же хранится окончательный вариант завещания Николая Романова¹⁹.

В ГАРФ можно отметить три основных фонда, где сохранились документы, напрямую или косвенно связанные с Николаем Константиновичем: личный фонд великого князя²⁰, фонд Н.И. Кознакова²¹ и фонд графов Ростовцевых²².

Ряд архивных документов в последнее десятилетие опубликован²³.

¹⁹ ГАГТ. Ф. 10. Оп. 13. Д. 84, 423 и др.

²⁰ ГАРФ. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 56 1864–1919.

²¹ Там же. Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 9 1870–1904. Казаков Николай Иванович — попечитель вел. кн. Николая Константиновича.

²² Там же. Ф. 1155. Оп. 1. Ед. хр. 3856 1716–1897.

²³ Великий Князь Николай Константинович Романов (Туркестанец) и его «Завещательное письмо» / Публ. В.В. Корнеева // Восточный архив. 2004. № 11–12. С. 82–84; «Гриппозное воспаление обоих лёгких ...» От чего умер «изгой» из дома Романовых / Публ. Т.В. Котюковой // Родина. 2009. № 10. С. 110–111; «...Завещая... всё вышеозначенное имущество... в полную собственность Ташкентского университета». Документы архивов Республики Узбекистан о последних годах жизни великого князя Николая Константиновича Романова 1917–1919 гг. / Публ. Т. Котюковой, А. Махкамова // Отечественные архивы. М., 2009. № 6. С. 82–94; «Имя Его не умрёт теперь никогда». Ода поэта Майлы Его Императорскому Высочеству великому князю Николаю Константиновичу / Публ. Т.В. Котюковой // Четки. 2010. № 3. С. 52–58 и др.

Тем не менее, несмотря на кажущееся обилие информации, до сих пор не написано научной монографии, обобщающей все источники и имеющуюся историографию, стирающую все «белые пятна» с биографии Николая Константиновича.

Одно из «белых пятен» в смысле научного описания — дворец вел. кн. Николая Константиновича в Ташкенте, наверняка самый удалённый от Петербурга дворец Романовых. Но представить историю дворца невозможно не имея представления о жизни его хозяина.

Вел. кн. Николай Константинович считал себя несправедливо обойдённым при коронации Александра II. По действовавшим в Российской империи юридическим нормам престолонаследия, законным преемником царя признавался его сын, родившийся, когда он уже был государем или хотя бы наследником. Старший сын Николая I, будущий Александр II родился в 1818 году, когда Николай I не был ещё ни царём, ни наследником, второй сын — Константин Николаевич — родился после его коронации в 1827 году. Поэтому вел. кн. Николай Константинович считал и открыто говорил, что его дядя Александр II, а затем и двоюродный брат Александр III незаконно занимали царский трон. Допускавшаяся возможность перемены в сложившейся ситуации престолонаследия делала Николая Константиновича слишком «беспокойным лицом».

14 апреля 1874 года в Мраморном дворце из семейной иконы исчезли крупные бриллианты. Вскоре пропажа была обнаружена. В краже обвинили великого князя Николая Константиновича. По одной из версий, он украл бриллианты для своей возлюбленной американки Фанни Лир, из-за связи с которой был уже однажды удалён из Петербурга и участвовал в русском походе на Хиву в 1873 году. История оказалась запутанной. Окончательная вина князя доказана не была, но его, тем не менее, решили наказать. Николая Константиновича удалили в Оренбург, где он женится на Надежде Александровне Дрейер. За этот морганатический брак Николая Константиновича подвергли ещё более суровому наказанию — бессрочной ссылке в Ташкент.

Опала частично распространилась и на Надежду Александровну — «княгиню Искандер». Этот «титул» для неё придумал и оформил сам Николай Константинович в честь Александра Македонского, которого на Востоке называли Искандер Зулькарнай²⁴. У непризнанной четы было два сына — Артемий²⁵ и

²⁴ Зулькарнай — «двуугой».

²⁵ Артемий Николаевич Искандер (?–1919), окончил Пажеский корпус, служил в гвардии, по собственному желанию вышел в отставку. По убеждениям толстовец. В начале Первой мировой войны был призван в армию. После Октябрьской революции перешёл на сторону Красной армии и участвовал в подавлении Дутовского восстания. Умер от сыпного тифа в Ташкенте.

Александр²⁶. Вместе с дворянством они получили фамилию Искандер. Заботу о воспитании молодых князей Искандер взяло на себя Министерство двора.

Княгиня Искандер была венчанной, но не единственной женой великого князя.

Живя в Ташкенте, великий князь по существу не играл ни политической, ни административной роли, но был деятельным и увлекающимся человеком. Не имея специальной научной подготовки, полюбил Туркестан и многое сделал для экономического и культурного развития края. На его деньги в Средней Азии было организовано несколько научных экспедиций²⁷. Одна из них, Самарская учёная экспедиция 1879 года, всерьёз занималась изучением вопроса о судоходности Аму-Дарьи и поворота её по старому руслу — Узбою — в Каспийское море.

Ничуть не меньше великого князя интересовали ирригационные работы. По его инициативе и на его деньги в Голодной Степи²⁸ осуществлено строительство оросительного канала имени императора Николая I и арыка²⁹ Искандер. Постройка канала, оросившего 7 тыс. десятин земли, была закончена в 1897 году. В 1899 году канал был принят в ведение Главного управления землеустройства и земледелия, расходы великого князя были частично возмещены.

После проведения Искандер-арыка было заложено великокняжеское селение с одноимённым названием, в котором разместились высланные с Кавказа молокане³⁰ и которое вскоре превратилось в одно из зажиточных³¹. Великий князь также инициировал и финансировал строительство двух мостов — через реку Сыр-Дарья и реку

---

²⁶ Александр Николаевич Искандер (1889–1957), окончил Пажеский корпус, ротмистр лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка, участник Белого движения, сражался в армии Врангеля. В эмиграции с 1920 г. Его семья осталась в России, первоначально проживала в Ташкенте, затем в Москве. Последние годы жизни состоял придворным бельгийской королевы.

²⁷ *Салоникес М.И.* Самарская учёная экспедиция 1879 г. // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 152–157.

²⁸ Подробнее см.: Приложение к стенографическим отчётам Государственной Думы. IV созыв, сессия II, 1913–1914. Вып. IX. (№ 767–849). СПб., 1914. № 843/IV/2; *Галузо П.Г.* Туркестан — колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 г.). М., 1929. С. 110–111; Голодная Степь 1867–1917. История края в документах. М., 1981. С. 161–168; *Котюкова Т.В.* Туркестанское направление думской политики России 1905–1917 гг. М., 2008. С. 128–133.

²⁹ Арык — в Средней Азии местное название канала оросительной сети.

³⁰ Молокане — разновидность христианства, а также особая этнографическая группа русских.

³¹ *Массон М.* Указ. соч. С. 117.

Чирчик. В Искандере стояла построенная великим князем высокая деревянная башня, поднявшись на которую он дышал свежим воздухом и любовался окрестностями³².

Вел. кн. Николай Константинович основал несколько посёлков для русских крестьян-переселенцев. В одном из них, Княжеском городке или Княжеском Посёлке, разбитом на месте ташкентских трущоб, было построено 200 типовых домиков для беднейшего населения города³³.

«Сдавая постепенно в казну всё новые арыки и посёлки, я думал передать тогда же и оба принадлежащих мне 20 лет Искандера в обмен на равноценные пустыни Голодной Степи, где у Золотой Орды³⁴, вдоль Средней железной дороги³⁵, при главном начальнике края С.М. Духовском³⁶ пожалованы были мне 2085 десятин заповедной земли и 1/4 куба воды из Николаевского канала, — но временный отъезд мой в Тверь и Балаклаву (1901), надолго затормозил исполнение моего желания»³⁷.

Цитируемый отрывок взят из так называемого «Завещательного письма», написанного великим князем в 1916 году — своеобразным документом, являющимся одновременно и завещанием, и мемуарами.

В 1915 году А.А. Татишев³⁸, уезжая в Петроград, написал князю, что считает своим долгом доложить новому министру³⁹ о выгодах, какие получит казна, приняв его предложение об обмене уже орошённых земель, на неосвоенные. Николай Константинович ежегодно получал из казны деньги на расходы: первое время — до 200 тыс. руб. в год, позднее — 12 тыс. руб. в месяц⁴⁰. Свои доходы великий князь приумножал различными коммерческими предприятиями. В Ташкенте, например, он владел хлебопекарней, построил шёлковую фабрику, но самым доходным и популярным у ташкентцев предприятием были два «синематографа» великого князя.

³² *Бейли Ф.М.* Миссия в Ташкент. М., 2013. С. 182.

³³ ГАГТ. Ф. 10. Оп. 13. Д. 84. Л. 5–6.

³⁴ Золотая Орда — имение вел. кн. Николая Константиновича под Ташкентом.

³⁵ Имеется в виду Среднеазиатская железная дорога.

³⁶ Духовской С.М. (1838–1901) — генерал от инфантерии. В 1898–1906 гг. Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа.

³⁷ ЦГА РУз. Ф. И–40. Оп. 1. Д. 454а. Л. 5–6.

³⁸ Татишев Алексей Алексеевич (1885–1947) — чиновник Министерства земледелия, служил в Туркестане с перерывами с 1911 по 1916 гг.

³⁹ Имеется в виду А.Н. Наумов, министр земледелия России с 1915 по 1916 гг.

⁴⁰ ЦГА РУз. Ф. И–40. Оп. 1. Д. 199. Л. 29–31; Д. 68. Л. 32–44 и др.

Зимний кинотеатр «Хива» был сооружён в 1910 году, но спустя некоторое время сгорел. В 1916 году на том же месте был отстроен кинотеатр с тем же названием, переименованный при советской власти в «Молодую гвардию». В 1966 году кинотеатр был разрушен сильнейшим землетрясением. Другой кинотеатр, летний, с тем же названием «Хива» был построен в 1912 году в Городском саду. В годы независимости Республики Узбекистан для строительства здания хокимията (мэрии) и озеленения прилегающей к нему территории здание летнего кинотеатра было снесено. Проекты обоих кинотеатров были выполнены главным архитектором Туркестана Г.М. Сваричевским⁴¹.

Созидательная деятельность сочеталась у Николая Константиновича с эксцентричным поведением и эпатажными поступками, о которых в Ташкенте ходило множество легенд. «Недвижимую собственность великого князя в Ташкенте, — вспоминал дипломат С.В. Чиркин⁴², — можно было узнать по излюбленной им окраске оранжево-красного цвета — в него были окрашены и его дворец и оба его кинотеатра»⁴³. Эту склонность подмечали практически все — А.А. Татищев⁴⁴, академик Массон⁴⁵ и др.

На людях Николай Константинович часто появлялся в подобии туземного халата с киргизской войлочной шапкой на голове⁴⁶. После изрядных возлияний великий князь традиционно задавал своим гостям вопрос, признают ли они его законным претендентом на престол. Вопрос подкреплялся демонстрацией заряженного револьвера или угрозой прибегнуть к физическим мерам воздействия на несознательно-го посетителя⁴⁷. Министерство императорского двора и уделов наблюдало чуть ли не за каждым шагом своего подопечного.

В 1865 году Ташкент стал центром Русского Туркестана. С приходом европейцев город был разделён на две части — «новый» (или «русский») и «старый». Получение столичного статуса привело к строительству в городе множества административных, военных, учебно-просветительских, медицинских, культурных, торговых, бытовых учреждений и заведений.

⁴¹ Сваричевский Георгий Михайлович (1871–1936) — ташкентский архитектор, профессор.

⁴² Чиркин Сергей Виссарионович (1875–1943) — российский дипломат, служивший в Иране, Индии, Корее и Туркестане.

⁴³ Чиркин С.В. Указ. соч. С. 251.

⁴⁴ Татищев А.А. Земля и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001. С. 93.

⁴⁵ Массон М. Указ. соч. С. 118.

⁴⁶ Татищев А.А. Указ. соч. С. 92–94.

⁴⁷ Массон М. Указ. соч. С. 121.

На примере строительства двух кинотеатров мы уже отметили вклад великого князя в изменение облика Ташкента. Современники отмечают, что среди тех, кто предлагал в 1885 году устройство в городе электрического освещения, был и вел. кн. Николай Константинович⁴⁸.

Русские путешественники не раз описывали «новый» город. «Новый Ташкент — это Ташкент русский, — пишет В.П. Вошинин, — с дворцом генерал-губернатора, собором, домиком Черняева, памятником Кауфману, огромными магазинами, театрами, кинематографом “Хива” и проч.»⁴⁹.

Но главным украшением города стал дворец вел. кн. Николая Константиновича, построенный в стиле «модерн». По оценке современников, дворец был самым красивым зданием дореволюционного Ташкента⁵⁰.

В 1883 году великий князь приобрёл в центральной части «русского города» Ташкента участок земли⁵¹. Проект дворца Николай Константинович заказал архитектору А.Л. Бенуа⁵², строительными работами руководил В.С. Гейнцельман⁵³. На фоне одноэтажного Ташкента здание стало безусловной архитектурной доминантой. При проектировании дворца, как отмечали современники, за основу была взята разработка академика Ф. Харламова «Дом русского посольства в Японии»⁵⁴, изменённая сообразно эстетическим установкам своего времени⁵⁵. В плане здание представляло собою фигуру двуглавого

---

⁴⁸ *Чабров Г.Н.* Очерки по истории дореволюционного Туркестана (1865–1917) // <http://www.oldtashkent.ru/gorodskoe-blagoustroystvo/35-kommunalnoe-hozyaystvo.html>.

⁴⁹ *Вошинин В.П.* Очерки нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. СПб., 1914. С. 11.

⁵⁰ *Массон М.* Указ. соч. С. 118.

⁵¹ ЦГА РУз. Ф. И–36. Оп. 1. Д. 2202.

⁵² Бенуа Алексей Леонтьевич (1832–1902) — архитектор, окончил Императорскую Академию художеств. Занимал должность областного архитектора Сыр-Дарьинской области. Племянник российского архитектора Николая Леонтьевича Бенуа (1813–1898).

⁵³ Гейнцельман Вильгельм Соломонович (?–1922), — архитектор, окончил Институт гражданских инженеров в Петербурге. В начале 1880-х гг. занял пост чиновника особых поручений по Строительной части при Канцелярии генерал-губернатора и оставался на нём до начала 1900-х гг. Автор проектов многих крупных зданий в Ташкенте.

⁵⁴ См. эскиз Русского Посольского дома в Японии <http://www.archiline.by/index.pl?act=PRODUCT&id=189>

⁵⁵ *Асатова Г.Р.* Дворец великого князя Николая Константиновича в Ташкенте // Вестник архивиста. 2013. № 4. С. 293.

орла в подражание гербу Российской империи. Над полуподвальными помещениями возвышались неполные два этажа жилых комнат. Возведённый из жжёного кирпича дворец задумывался как охотничий замок в лесу. Стены дворца выложены из жжёного кирпича с использованием декоративной кладки⁵⁶.

Прекрасный сад при дворце был создан И.И. Краузе⁵⁷. В. Генцельман ввёл окна причудливой формы, решётки и кружевные украшения, башенки и колонки⁵⁸. Над крыльцом главного входа установили металлические скульптуры двух охотничьих собак, а перед ними несколько позднее поставили на пьедестале мраморную статую Атланта⁵⁹, согнувшегося под тяжестью земного шара. У двух подъездов, идущих от ворот, в подражании Павловскому дворцу Ч. Камерона, разместили четыре металлические фигуры оленей, сохранившихся до наших дней⁶⁰.

Окружающая дворец ограда (первоначально была окрашена в красный цвет, что подтверждают в своих воспоминаниях Чиркин, Татищев и Массон) была установлена в 1907 году.

Каждую комнату дворца предполагалось отделать в индивидуальном стиле, но замысел не был доведён до конца. Во внутренней отделке дворца участвовали местные мастера, они привнесли в декоративное оформление дворца резьбу по ганчу⁶¹. Изобилие старинной мебели, картин и скульптуры придавали комнатам облик музейных помещений. В одном из флигелей располагался небольшой зверинец, в котором была представлена фауна Туркестана. В тёплое время года клетки выносили на улицу, и они были доступны для обозрения горожан⁶².

Дворец был трёхэтажный. Первый полуподвальный этаж предназначался для служебных помещений. Главные парадные залы размещались на втором этаже, на третьем была библиотека с выходом на огороженный балкон над центральным входом комнаты в боковых ризалитах — западном и восточном, оканчивающиеся с северной стороны ложными башенками. Левое (западное) крыло дворца было посвящено Востоку, поэтому в конце XIX века ташкентские

⁵⁶ Массон М. Указ. соч. С. 118.

⁵⁷ Краузе Иероним Иванович (1845–1909) — краевед-исследователь, аптекарь.

⁵⁸ Асатова Г.Р. Указ. соч. С. 293.

⁵⁹ Статуя хранится в Музее искусств Республики Узбекистан.

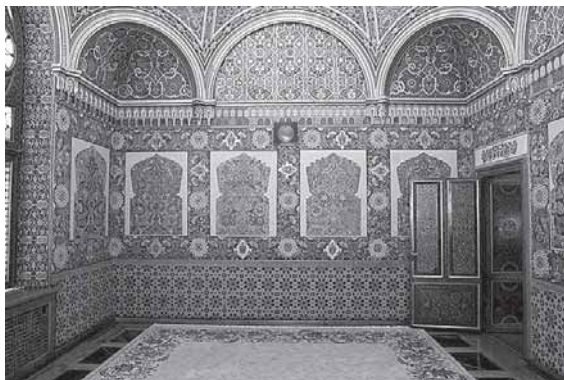
⁶⁰ Массон М. Указ. соч. С. 118.

⁶¹ Ганч — вязущий материал, применяемый в штукатурных растворах. Получается путём обжига смеси гипса с глиной.

⁶² Массон М. Указ. соч. С. 118.

Декор купола в одной из комнат дворца. Фото Е. Бельков, 2013.
Источник <http://mytashkent.uz/2013/11/06/vo-dvortse-velikogo-knyazyia/>

Декор одной из комнат дворца. Фото Е. Бельков, 2013.
Источник <http://mytashkent.uz/2013/11/06/vo-dvortse-velikogo-knyazyia/>

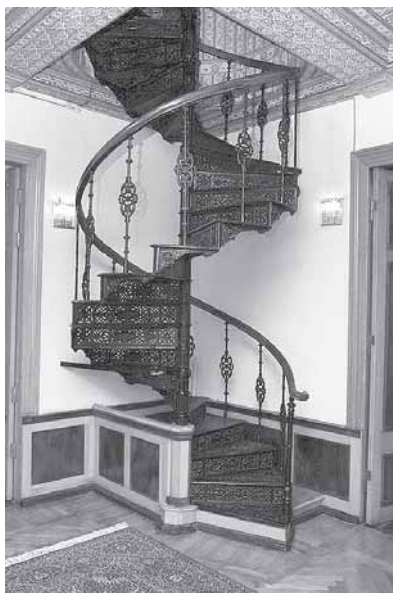

Декоративный элемент. Резьба по ганчу, стиль «ислими». Фото Е. Бельков, 2013.
Источник <http://mytashkent.uz/2013/11/06/vo-dvortse-velikogo-knyazyia/>

Декор одной из комнат дворца.
Фото Е. Бельков, 2013.
Источник <http://mytashkent.uz/2013/11/06/vo-dvortse-velikogo-knyazyu/>

Винтовая лестница, ведущая
в библиотеку на третий этаж.
Фото Е. Бельков, 2013.
Источник <http://mytashkent.uz/2013/11/06/vo-dvortse-velikogo-knyazyu/>

Одна из комнат дворца, оформленная
в европейском стиле.
Фото Е. Бельков, 2013.
Источник <http://mytashkent.uz/2013/11/06/vo-dvortse-velikogo-knyazyu/>

мастера украсили залы орнаментами в традиционных стилях «ислими» и «гирих»⁶³. Известно, что над оформлением внутреннего убранства наряду с ташкентскими мастерами трудились умельцы, приглашённые из Бухары и Самарканда⁶⁴.

В обширном мемуарном наследии родственников и современников Николая Константиновича не так много людей, оставивших описание великокняжеского дворца. Среди них: князь А.Н. Искандер, для которого дворец был родным домом, и М.Е. Массон, увидевший покои дворца в советское время⁶⁵. Не будет преувеличением сказать, что они видели «разный» дворец.

Непопулярность дворца как объекта описания объясняется уединённым образом жизни его владельца, который подтверждается современниками и архивными документами⁶⁶. «Одно время я жил в очень близком соседстве (двор ко двору) с дворцом великого князя, — вспоминал генерал М.В. Грулев, — так что невольно бросались в глаза обрывки внутренней жизни этого царского неудачника»⁶⁷. Уединение было следствием официального статуса, в котором пребывал Николай Константинович — он находился под домашним арестом.

Как правило, воспоминания современников, не знавших великого князя лично, ограничиваются стандартным набором впечатлений о дворце: «Кстати, для себя он построил великолепный дворец в восточном стиле и заполнил его сокровищами искусства и картинами, которые привёз с собой из Санкт-Петербурга»⁶⁸. Далеко не все считали дворец великолепным. Так, А.А. Татищев называет его «небольшим двухэтажным домом»⁶⁹.

Воспоминания князя Александра Искандера с полным основанием можно считать самыми ценными и достоверными. Приведём выдержку из его воспоминаний, которые дают нам редкую возможность увидеть дворец глазами его обитателя:

---

⁶³ В исламском орнаментальном искусстве выделяют два стиля: геометрический — гирих, и растительный — ислими. Ислими — вид орнамента, построенного на соединении вьюнка и спирали. Гирих — сложный геометрический орнамент из стилизованных в прямоугольные и многоугольные фигуры линий. Используется для внешнего оформления мечетей и книг.

⁶⁴ *Асатова Г.Р.* Указ. соч. С. 295.

⁶⁵ *Массон М.* Указ. соч. С. 114–125; <http://pavlovsk-spb.ru/deti-vladeltsev/nikolay-konst/iskander-vozpominaniya.html>.

⁶⁶ *Чиркин С.В.* Указ. соч. С. 251–252.

⁶⁷ *Грулев М.В.* Указ. соч. С. 209–210.

⁶⁸ *Барятинская М.* Указ. соч. С. 179.

⁶⁹ *Татищев А.А.* Указ. соч. С. 92.

«Когда вы входили через портик с массивными громадными резного дуба двухстворчатыми широкими дверями, то попадали в круглый большой “холл”, отделанный очень красивым, тёмным деревом, с опускающимся на затейливой цепи чугунным, замысловатой формы фонарём. Прямо перед вами и с боков были двери. За боковой дверью направо стоял громадного роста рыцарь в латах и длинной кольчуге, опиравшийся руками, в чешуйчатых стальных перчатках, на громадный меч, доходивший ему до пояса. <...> Налево, за той же дверью, была круглая винтовая узорчатая железная лестница, ведущая на второй этаж — в богатую, большую библиотеку и бильярдную»⁷⁰.

А вот как выглядел сад дворца: «Войдя в правую дверь, вы попадали в громадный и чудесный зимний сад. Здесь были пальмы разных сортов, лимонные деревья, дававшие большие, длинные сладкие лимоны, из которых варили очень вкусные варенья. Много апельсиновых, мандариновых и померанцевых деревьев. Влево находился японский сад с карликовыми фруктовыми деревьями; журчали ручейки, с переброшенными через них красивыми мостичками с перилами в виде заборчиков и туннелей. Стояли крошечные домики и около них масса фигурок людей и животных в живописных позах. Были устроены также беседки из тропических растений в цвету»⁷¹.

Несколько посвящённых дворцу строк оставил А. Свирский, который работал у великого князя около 1886—1887 годов библиотекарем. Согласно его воспоминаниям, между 1885—1886 годами дворец пережил пожар, от которого сильно пострадала библиотека. Он оставил описание восточных коллекций во дворце: «Обширная веранда княжеского дворца была превращена в большую ковровую залу восточного характера. Две глухие стены украшены чудными персидскими коврами, кривыми саблями с золотыми рукоятками, осыпанными жемчугом и рубинами. Тут же висят старинные пистолеты, ружья и длинные бисером обшитые чубуки древних кальянов. Дорогие ковры, привезённые из Геок-Тепе, из далекого Тавриза, из дворцов ханов древней Бухары и Хивы, распластаны по деревянному настилу веранды»⁷².

В парадных помещениях восточного крыла, отделанных в западноевропейском стиле, разместилась богатая коллекция антиквариата. На протяжении всей своей жизни вел. кн. Николай Константинович собирал скульптуру, произведения русской и европейской живописи⁷³.

⁷⁰ <http://pavlovsk-spb.ru/deti-vladeltsev/nikolay-konst/iskander-vospominaniya.html>.

⁷¹ Там же.

⁷² *Свирский А.* Указ. соч. С. 417.

⁷³ Туркестанские ведомости. 1888. № 2. Приложение. Каталог картин и достопримечательностей коллекции великого князя Николая Константиновича

После революции Николай Константинович добровольно передал государству коллекцию живописи и скульптуры, которая стала основой Государственного музея изобразительных искусств Узбекистана в Ташкенте. В отличие от завещания 1916 года, в котором оговорен довольно широкий круг наследников, в завещании 1917 года упоминается всего одна наследница — Надежда Александровна Искандер (фон Дрейер)⁷⁴, которая объявлялась пожизненной опекуницей, но не собственницей имущества. Собственником, по добровольному решению Николая Константиновича, являлся Ташкентский университет. Открыть университет в Ташкенте — мечта князя, которой не суждено было при его жизни осуществиться. Николай Константинович придумал своеобразный экономический механизм, благодаря которому музей, размещавшийся в его дворце, мог финансироваться: два кинотеатра приносили постоянный доход, который и должен был покрывать расходы по содержанию музея как при жизни Надежды Александровны, так и после её смерти.

Приказом Совнаркома Туркестанского края и приказом по Комиссариату народного образования 19 апреля 1918 года было установлено: «В бывшем дворце князя Николая Константиновича Романова организуется музей Туркестанского университета. Комиссару по народному образованию предлагается немедленно организовать штат музея, а также привести его в состояние возможности пользоваться для поучительных целей»⁷⁵.

Первые годы после прихода к власти большевиков Надежда Александровна действительно работала смотрительницей музея. Вот как об этом вспоминает британский разведчик и дипломат Фредерик Бейли: «Его большой дом, полный красивых картин, мебели и произведений искусства, был национализирован и стал музеем, чтобы показать людям, как жили буржуи в старые плохие времена. Его морганатическая вдова... была оставлена в доме в качестве смотрителя. Как австрийский военнопленный⁷⁶ я иногда посещал этот “музейный комплекс” и разговаривал с княгиней»⁷⁷.

---

⁷⁴ «Завещаю... всё вышеозначенное имущество... в полную собственность Ташкентского университета». Документы архивов Республики Узбекистан о последних годах жизни великого князя Николая Константиновича Романова 1917–1919 гг. / Публ. Т. Котюковой, А. Махкамова // Отечественные архивы. М., 2009. № 6. С. 82–94.

⁷⁵ Цит. по: *Асатова Г.Р.* Указ. соч. С. 299.

⁷⁶ Ф.М. Бейли находился в 1918–1920 гг. в Туркестане в качестве британского разведчика, маскируясь под пленного австро-венгерской армии.

⁷⁷ *Бейли Ф.М.* Указ. соч. С. 151.

Затем Надежду Александровну уволили, обвинив в сокрытии ценностей, не переданных ею государству. Она влачила нищенское существование и, по слухам, умерла от укуса бешеной собаки. Этот факт биографии Н.А. Дрейер-Искандер относится к категории «городских легенд», его невозможно подтвердить или опровергнуть документально, но выглядит он вполне правдоподобно, если учесть воспоминания Александра Николаевича о том, что родители очень любили собак и держали их дома в большом количестве, включая бездомных⁷⁸. А. Свирский также описывает целую псарню (не меньше 20 штук) во дворце, за которыми приглядывала Надежда Александровна⁷⁹.

После смерти вел. кн. Николая Константиновича в феврале 1918 года в левом отдельном флигеле дворца «по мандату» нового правительства какое-то время размещался епископ Ташкентский и Туркестанский Иннокентий (Пустынский), кафедра которого ранее располагалась в Верном, а в 1916 году была переведена в Ташкент⁸⁰.

В 1918 году в Ташкенте был открыт Туркестанский народный университет, и завещанный музей, датой создания которого также принято считать 1918 год, действительно ему принадлежал. В 1920 году, на основании декрета СНК РСФСР за подписью В.И. Ленина, на базе Туркестанского народного университета был открыт Туркестанский государственный университет⁸¹. С этого времени коллекция князя поменяла юрисдикцию и стала называться Центральным художественным музеем. В 1924 году Средазкомстарис (Комиссия по охране памятников природы, старины и искусства) на основе Музея университета открыла Центральный художественный музей, также находившийся в здании дворца. В 1924 году это уже Ташкентский музей искусств. В 1930 году Центральный художественный музей слился с Главным Среднеазиатским музеем, объединённый музей стал называться Центральным Среднеазиатским музеем (с 1935 года — Музей искусств УзССР)⁸². В качестве музея дворец функционировал

⁷⁸ <http://pavlovsk-spb.ru/deti-vladeltsev/nikolay-konst/iskander-vozpominaniya.html>

⁷⁹ *Свирский А.* Указ. соч. С. 405.

⁸⁰ *Искандер А.* Небесный поход // Военно-исторический вестник. Париж, 1957. № 9. С. 6.

⁸¹ Он несколько раз переименовывался: Среднеазиатский государственный университет (1923), Ташкентский государственный университет (1960. Ныне это Национальный университет Узбекистана (2000).

⁸² С 1935 по 1966 год музей находился в здании так называемого «Народного дома». После ташкентского землетрясения 1966 года здание было снесено и на этом месте в 1974 г. построено новое здание, в котором музей располагается сейчас. Энциклопедия «Ташкент». Ташкент, 1984. С. 205–206, 355–356.

до 1933 года, когда произведения искусств перевезли в другие здания, а дворец передали Республиканскому Дворцу пионеров им. Сталина. Вероятно, фотографии интерьеров дворца из личного фонда М.Е. Массона, о которых речь шла выше, были сделаны именно в это время. Возможно, уже тогда планировались реставрационные работы, которые провели после Великой Отечественной войны в 1948 году. За два с лишним десятилетия дворец изрядно пострадал, несмотря на то, что новые владельцы пытались сохранить его внутреннее убранство. На фотографиях хорошо заметен нанесённый ему ущерб.

В 1940 – 1970-е годы во дворце располагался Республиканский дворец пионеров, в 1980 – начале 1990-х годов — Музей антиквариата и ювелирного искусства Узбекистана. В настоящее время это Дом приёмов Министерства иностранных дел Республики Узбекистан.

В 2013 году Ташкент посетила княгиня Ольга Николаевна Куликовская-Романова⁸³. Во время визита фотограф Ташкентской и Узбекистанской Епархии Евгений Бельков побывал во дворце (Дом приёмов МИД РУз) и сделал ряд фотографий, опубликованные 6 ноября 2013 года на сайте «Письма о Ташкенте»⁸⁴. Спустя двадцать лет есть возможность опять заглянуть во дворец и пройти по его великолепным залам⁸⁵.

---

⁸³ Ольга Николаевна Куликовская-Романова (урожд. Пупынина) (р. 1926) — родилась в семье русских эмигрантов в Югославии, общественная деятельница, почётный академик Российской Академии художеств, член Союза писателей России, вдова Тихона Николаевича Куликовского-Романова — родного племянника Николая II.

⁸⁴ <http://mytashkent.uz/2013/11/06/vo-dvortse-velikogo-knyazya/>

⁸⁵ Хочу выразить слова благодарности моим коллегам из Узбекистана Гульсаре Асатовой и Ойбеку Махмудову за помощь в поисках фотодокументов.

О.Б. Ушакова
(Санкт-Петербург)

Архитектура и судьба усадьбы Хайккон Картано (Финляндия) — колыбели последних Романовых

История усадьбы начинается с 1362 года, когда эти земли принадлежали Выборгскому доминиканскому монастырю. Йонс Олавинойк приобрёл их, и род Стейнбоков владел усадьбой на протяжении последующих четырёхсот лет.

В 1871 году усадьбу купил Себастьян фон Эттер, прославившийся в Турецкой войне, и с этого времени в усадьбе часто гостили члены императорской семьи. В прибрежных водах недалеко от усадьбы Хайко останавливался на яхте «Царевна» во время путешествия по Финляндии император Александр III с Марией Фёдоровной. Финляндия была одним из самых любимых мест отдыха царской семьи. В 1809 году г. Порвоо посетил Александр I. Последние российские императоры Александр III и Николай II считали Финляндию прекрасным местом для проведения отпуска — Александр провёл на архипелаге Финляндии в общей сложности 213 дней, а Николай — около 344. Вел. кн. Владимир Александрович, путешествуя на яхте с супругой, также посетил это место. Мария Павловна часто приезжала в усадьбу Хайко со своей дочерью. Здесь неоднократно гостили вел. кнн. Георгий Михайлович и Гавриил Константинович. Революция 1917 года, резко изменившая ход истории, заставила представителей рода Романовых искать убежища вне России. Вел. кн. Кирилл Владимирович с семьёй укрылся в усадьбе Хайко Картано, где любили бывать его родители. Несколько спокойных лет они провели в этом поместье, Кирилл Владимирович, как один из возможных претендентов

Усадьба Хайккон Картано.
Романовский зал

на престол, хотел жить недалеко от России, поскольку в любой момент мог возникнуть вопрос о престолонаследии. Кирилл был следующим в порядке династического старшинства после смерти Николая II, цесаревича Алексея и вел. кн. Михаила Александровича. В этой усадьбе 30 августа 1917 года у князя родился сын Владимир, последний из Романовых, родившийся на территории Российской империи. Через три месяца в Финляндии была провозглашена независимость. Владимир Кириллович по праву стал главой рода Романовых, после революции рассеянного по всему миру. Ему суждено было снова увидеть усадьбу, в которой он родился, в 1991 году, незадолго перед смертью.

Но обратимся к анализу архитектурного ансамбля усадьбы.

За годы своего существования усадьба Хайко Картано часто меняла архитектурный облик. В 1911 году страшный пожар уничтожил строения усадьбы. В 1913 году финский архитектор Армас Элиель Лингрен спроектировал для поместья Хайко Картано новое здание. Выбор пал на этого архитектора неслучайно. Его творческий путь складывался очень удачно. Окончив в 1897 году Политехнический институт в Гельсингфорсе, он стал одним из учредителей архитектурного бюро «Гезеллиус—Линдгрэн—Сааринен». После яркого успеха павильона Финляндии на Всемирной выставке в Париже в 1900 году, спроектированного этими архитекторами, им сопутствовала профессиональная удача на родине. По проектам этого бюро были построены здание страхового общества Похьола (1899—1901), доходный дом Олофсборг (1901—1903), Национальный музей Финляндии в Гельсингфорсе (1901—1910), виллы Виттреск, Витторп, Суур-Мерийоки (1901—1903).

После выхода из бюро Армас Лингрен плодотворно работал самостоятельно и в творческом содружестве с другими архитекторами, в

частности, с Виви Лённ. Им были спроектированы здания страховых обществ «Суоми» (1911) и «Калева» (1913) в Гельсингфорсе, административные и ратушные здания в Гельсингфорсе и Трансканде, театр и клуб общества Вайнемуйне в Дорпате; театр с концертным залом «Эстония» в Ревеле (совместно с Виви Лённ); дом студенческой гильдии в Дорпате, корпуса завода Войкка и фабричные здания акционерного общества Маскин и Бро в Гельсингфорсе, церкви в Сайнатсало, Волькеало, Кексгольме.

Множество реализованных построек, победы в архитектурных конкурсах, преподавательская деятельность — всё это делало Армаса Линдгрена одним из самых известных архитекторов Финляндии.

Покинув архитектурное бюро «Гезеллиус—Линдгрэн—Сааринен», Армас Линдгрэн сумел найти собственный творческий почерк, чему способствовало время и изменившаяся архитектурная мода. После взлёта в архитектуре Финляндии национального романтизма, в становлении которого Армас Линдгрэн принял непосредственное участие, в архитектуре возобладали более спокойные, рациональные, неоклассицистические тенденции, что совпадало с общемировыми и общероссийскими тенденциями. В стиле неоклассицизма Армасом Линдгреном было спроектировано здание театра «Эстония», на бульваре Эстония, д. 4 в Ревеле.

Работы в неоклассическом стиле были логическим продолжением освоения национального архитектурного наследия Финляндии — от романтизированных замков к классическим пропорциям зданий Энгеля. Поворот от модерна к неоклассицизму был естественной реакцией общества и профессионалов-архитекторов на приподнятую экзальтированность, романтические «котурны» модерна. Эти процессы происходили во всей Российской империи, прежде всего в Санкт-Петербурге и Москве. Поворот к спокойному и респектабельному стилю, активно поддержанный архитектурной критикой того времени (достаточно вспомнить статьи А.Н. Бенуа, Г.Л. Лукомского, И.А. Фомина), стал определяющим при выборе архитектурной стилистики для восстановления после пожара усадьбы Хайкон Картано.

Усадьба стала привлекательным и модным местом для летнего отдыха обеспеченного класса. В 1913 году начал выходить журнал «Столица и усадьба» с подзаголовком «Журнал красивой жизни». Думается, что романтизированный облик русских загородных комплексов-ансамблей эпохи русского классицизма второй половины XVIII — первой трети XIX века стал отправной точкой при создании архитектурного образа усадьбы Хайкон Картано. Европейская палладианская традиция, парадный классицизм ансамбля главной пло-

Усадьба Хайкон Картано. Арх. А. Линдгрэн.
Вид с главного фасада

щади Гельсинфорса также оказали на творчество Армаса Линдгрена бесспорное влияние.

Неоклассицизм (в искусствоведческой литературе тех лет — ам-пир) оказался особенно уместным при проектировании нового дома усадьбы Хайкон Картано, учитывая высокий социальный статус хозяев поместья и их близость к царской фамилии. Армас Линдгрэн продемонстрировал в этой работе мастерство интерпретации классических форм. Большой трёхэтажный усадебный дом, расположенный на покатом балтийском берегу, высоко поднят на цоколь, облицованный натуральным камнем. Симметричная объёмно-пространственная композиция сооружения подчёркивается ландшафтными приёмами — по оси главного входа разбита цветочная клумба. Здание расположено на рельефе, поэтому с главного фасада цокольный этаж практически не читается, однако со стороны залива активно подчёркнута парадная высокая постройка здания.

Главный фасад, встречающий подъезжающих гостей, также симметричен, выступающие двухэтажные ризалиты фланкируют далеко вынесенное парадное крыльцо на пилонах, наверху которого на уровне второго этажа расположен балкон. Этот фасад здания имеет циркульные окна-люкарны на третьем этаже, которые соответствуют таким же круглым небольшим проёмам цокольного этажа, выходящим к заливу. Этот элемент как будто взят из более позднего времени — 1920-х годов.

Обращенный к берегу фасад также решён симметрично. Мощный шестиколонный портик дорического ордера акцентирует центральную часть здания. За портиком расположен полуциркульный

ризалит на один этаж с высокими арочными окнами, завершённый балюстрадой. Нарядная балюстрада из балясин классического профиля ограждает веранду и полукруглые балконы второго этажа. На уровне третьего этажа устроен балкон, с которого открывается живописный вид на залив и ближайшие острова. На уровне первого этажа, над выступающим цоколем, выполнена широкая веранда, окружённая балюстрадой, с парадными спусками-лестницами к уровню парка. Парк живописно спускается к берегу Финского залива. Безупречный газон, вызывающий ассоциации с Масляным лугом Елагина дворца, создаёт обширное пространство перед фасадом, позволяя наиболее полно воспринимать здание с дальних ракурсов, в том числе с палубы подходящих яхт. Кулисы из посаженных деревьев обрамляют спускающийся к водам залива луг. Типично финский вид залива, с многочисленными островами, предстаёт в пространственном решении усадьбы как великая драгоценность, которой следует любоваться — на это ориентированы главные видовые балконы главного здания, это соответствует принципам национального романтизма, которые исповедовал Армас Линдгрэн.

Визуальная многообъёмность симметричного здания, оригинальное столкновение классических форм — например, полукруглого ризалита и покрывающей его веранды сообщали этому зданию не ретроспективно-археологический, а современный облик. В целом для этого периода работы Армаса Линдгрена характерно смелое цитирование классических образцов, мастерство зодчего проявилось в создании нового архитектурного синтеза, в соотношении своего творчества с опытом мирового и национального зодчества.

Новаторская трактовка классических форм и вместе с тем уважительное отношение к наследию позволили Армасу Линдгрэну создать великолепный ансамбль усадьбы Хайко.

Живописные виды усадьбы и покровительство искусствам её хозяев позволили финскому художнику Альберту Эдельфельту использовать это поместье для своей ежегодной пленэрной летней практики, он провёл здесь 24 лета, рисуя пейзажи и портреты местных жителей.

Судьба архитектурного шедевра Армаса Линдгрена была непростой. В связи с начавшейся революцией, отделением Финляндии и последующими событиями, эта усадьба так и не была окончательно достроена и долго простояла в запустении. Однако энтузиазм и энергия её нынешних хозяев — финской семьи Сату и Лео Вуористо, приобретших поместье в 1965 году, позволили реализовать замысел архитектора. По чертежам, сохранившимся в Музее финской архитектуры, были достроены веранда и третий этаж, здание оснащено

Усадьба Хайккон Картано. Арх. А. Линдгрэн.
Вид со стороны залива

современными удобствами и используется как фешенебельная гостиница. В усадьбе бережно воссоздан дух XIX века. В Романовском зале собраны предметы интерьера, живопись, редкие фотографии царской семьи. Там же размещены фотографии 1991 года, сделанные во время визита Владимира Кирилловича с семьёй в усадьбу, волею судьбы ставшей местом его рождения.

ИСТОЧНИКИ

Туоми-Никула Йорма и Пяйви. Императоры на отдыхе в Финляндии. Ювяскюля: Атена, 2002.

Туоми-Никула Йорма и Пяйви. Императоры на отдыхе в Финляндии. СПб.: Коло, 2003.

Септоваара Юхани. Суоменлинна — ветрит летом и зимой. Ювяскюля: Типография Гуммерус Оу, 1999.

Газета «Kaakon Kierros», лето 2012.

Колыбель последних Романовых http://www.telenir.net/istorija/russkaja_finljandija/p16.php

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AGAD	— Archiwum Główne Akt Dawnych, Warszawa (Главный архив древних актов, Варшава)
BUJ	— Biblioteka Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków (Библиотека Ягеллонского университета, Краков)
АиФ	— Аргументы и факты, газета
АРК	— Автономная республика Крым
БАН	— Библиотека академии наук
ВА ГРМ	— Ведомственный архив Государственного Русского музея
ВНИИ ВиВ	— Всесоюзный научно-исследовательский институт винограда и виноделия
ВЦСПС союзов	— Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГА АРК Крым	— Государственный архив в Автономной республике Крым
ГАВО	— Государственный архив Воронежской области
ГАГТ	— Государственный архив города Ташкента
ГАИМК культуры	— Государственная Академия истории материальной культуры
ГАНО	— Государственный архив Новгородской области
ГАРО	— Государственный архив Ростовской области
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГАТО	— Государственный архив Тверской области
ГАЯО	— Государственный архив Ярославской области
ГМЗ «Гатчина»	— Государственный музей-заповедник «Гатчина»
ГМЗ «Павловск»	— Государственный музей-заповедник «Павловск»
ГМЗ «Петергоф»	— Государственный музей-заповедник «Петергоф»
ГМИ СПб	— Государственный музей истории Санкт-Петербурга
ГРМ	— Государственный Русский музей
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры РАН
КГИОП СПб	— Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга
КРУ «АДПМЗ»	— Крымское республиканское учреждение «Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник»
МО РФ	— Министерство обороны Российской Федерации

НБ РАХ	— Научная библиотека Российской академии художеств
НИМ РАХ	— Научно-исследовательский музей Российской Академии художеств
НИОР РГБ	— Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
ОПИ ГИМ	— Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР ГРМ	— Отдел рукописей Государственного Русского музея
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПиБ	— Письма и бумаги императора Петра Великого
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи
РАН	— Российская академия наук
РБС	— Русский биографический словарь
РГА ВМФ	— Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов, Москва
РГИА	— Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
РНБ	— Российская национальная библиотека
СБУ	— служба безопасности Украины
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
СПБНИИ РАН	— Санкт-Петербургский институт истории РАН
СПГИХМЗ	— Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник
СПМЗ	— Сергиево-Посадский государственный музей-заповедник
СПФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук.
ТГЛИАМЗ. ФПИ	— Таганрогский государственный литературный историко-архитектурный музей-заповедник. Фонд письменных источников
ТСМ	— Троице-Сергиев монастырь
ЦГА РУз	— Центральный государственный архив Республики Узбекистан
ЦГА СПб	— Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства, Санкт-Петербург
- ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
- ЯМЗ — Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

СПИСОК АВТОРОВ

- Айдашева Галина Андреевна (Москва)**, заместитель начальника отдела по просветительской работе Московского государственного музея-заповедника «Коломенское – Лефортово – Измайлово – Люблино»
- Александрова Надежда Алексеевна (Санкт-Петербург)**, хранитель Домика Петра I, старший научный сотрудник сектора «Летний дворец и Домик Петра I» отдела живописи XVIII – первой половины XIX века Государственного Русского музея
- Андреева Екатерина Александровна (Санкт-Петербург)**, старший научный сотрудник отдела «Дворец Меншикова» Государственного Эрмитажа
- Аристов Вадим Владимирович (Кингисепп)**, президент Исторического общества Ямбурга-Кингисеппа
- Егоров Олег Алексеевич (Санкт-Петербург)**, исследователь русской охотничьей культуры, инженер Северо-Западного банка Сбербанка России
- Жерихина Елена Игоревна (Санкт-Петербург)**, научный редактор раздела «Быт и архитектура» энциклопедии «Три века Санкт-Петербурга» Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
- Кареева Наталия Дмитриевна (Санкт-Петербург)**, заведующая сектором «Летний дворец и Домик Петра I» Государственного Русского музея
- Корнева Галина Николаевна (Санкт-Петербург)**, заместитель директора по внешним связям информационно-издательской фирмы «Лики России»
- Корсакова Наталия Леонидовна (Санкт-Петербург)**, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН
- Котюкова Татьяна Викторовна (Москва)**, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- Левашко Светлана Сергеевна (Санкт-Петербург)**, ведущий научный сотрудник, заместитель директора Санкт-Петербургского филиала НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства РААСН)
- Лётин Вячеслав Александрович (Ярославль)**, доцент кафедры общих гуманитарных наук и театроведения Ярославского государственного театрального института.
- Мантуров Михаил Владимирович (Санкт-Петербург)**, старший научный сотрудник сектора изучения истории Мраморного дворца Государственного Русского музея
- Марасанова Виктория Михайловна (Ярославль)**, заведующая кафедрой музеологии и краеведения Ярославского Государственного университета имени П.Г. Демидова

- Марголис Александр Давидович (Санкт-Петербург)**, председатель Санкт-Петербургского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), член правления Санкт-Петербургского союза краеведов
- Микишатъев Михаил Николаевич (Санкт-Петербург)**, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства РААСН)
- Михайлова Екатерина Фёдоровна (Великий Новгород)**, заведующая отделом использования документов Государственного архива Новгородской области
- Никифорова Лариса Викторовна (Санкт-Петербург)**, начальник службы сохранения и изучения памятников культурного наследия Государственного музея-заповедника «Петергоф»
- Новосёлов Николай Валентинович (Санкт-Петербург)**, научный сотрудник Государственного Русского музея
- Орлова Ирина Анатольевна (Александров)**, старший научный сотрудник музея-заповедника «Александровская слобода»
- Осипов Дмитрий Владимирович (Санкт-Петербург)**, профессор биологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
- Пашков Александр Михайлович (Петрозаводск)**, заведующий кафедрой истории дореволюционной России Петрозаводского государственного университета
- Перепечаева Людмила Борисовна (Азов)**, заведующая отделом древней истории Азовского музея-заповедника
- Перскевич Зоя Александровна (Санкт-Петербург)**, старший научный сотрудник-хранитель Михайловского дворца Государственного Русского музея
- Раскин Давид Иосифович (Санкт-Петербург)**, профессор Санкт-Петербургского государственного университета
- Рябова Роксана Викторовна (Санкт-Петербург)**, научный сотрудник Государственного Эрмитажа
- Секарева Елена Рудольфовна (Санкт-Петербург)**, заведующая сектором «Дворцы и музеи Нижнего парка» Государственного музея-заповедника «Петергоф»
- Сергеева Галина Ивановна (Санкт-Петербург)**, старший научный сотрудник сектора «Летний дворец и Домик Петра I» отдела живописи XVIII – первой половины XIX века Государственного Русского музея
- Серова Ирина Александровна (Ярославль)**, старший научный сотрудник Музея истории города Ярославля
- Слоневски Михал (Польша)**, адъюнкт Главной школы туризма и отдыха, председатель Туристической организации в Спале
- Сморжевских-Смирнова Мария Анатольевна (Эстония)**, заведующая филиалом «Дом-музей Петра I в Таллине» Таллинского городского музея

- Сорокин Пётр Егорович (Санкт-Петербург)**, заместитель директора по научной работе Института культурного и природного наследия
- Стёпичева Ирина Анатольевна (Санкт-Петербург)**, хранитель музейных предметов (в экспозиции) дворца Марли Государственного музея-заповедника «Петергоф»
- Суворова Ирина Олеговна (Санкт-Петербург)**, заведующая сектором «Монпельезский комплекс» Государственного музея-заповедника «Петергоф»
- Талалай Михаил Григорьевич (Италия)**, профессор университета г. Комо, представитель Института всеобщей истории РАН в Италии
- Токарева Татьяна Юрьевна (Сергиев Посад)**, старший научный сотрудник Сергиево-Посадского государственного музея-заповедника
- Ухналёв Андрей Евгеньевич (Санкт-Петербург)**, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства РААСН
- Ушакова Ольга Борисовна (Санкт-Петербург)**, доцент кафедры архитектурных конструкций Санкт-Петербургского архитектурно-строительного университета
- Фоменко Ирина Феликсовна (Крым)**, заместитель директора по экскурсионной работе Ливадийского дворца-музея
- Холодкова Нина Викторовна (Сергиев Посад)**, старший научный сотрудник Сергиево-Посадского государственного музея-заповедника
- Цымбал Алла Августовна (Таганрог)**, старший научный сотрудник Таганрогского государственного литературного и историко-архитектурного музея-заповедника
- Чебоксарова Татьяна Николаевна (Санкт-Петербург)**, доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ»
- Честных Светлана Юрьевна (Санкт-Петербург)**, ведущий эксперт ОАО «Российский аукционный дом»
- Шкаровский Михаил Витальевич (Санкт-Петербург)**, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга
- Шукурова Айсулу Эркиновна (Санкт-Петербург)**, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Гатчина»
- Ямски Пётр Яцек (Польша)**, сотрудник Института искусств Польской Академии наук и музея Королевские Лазенки в Варшаве

ДВОРЦЫ РОМАНОВЫХ КАК ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

•◦•

Материалы международной конференции
Санкт-Петербург – Царское Село – Петергоф

7–9 октября 2013 года

Директор издательства
Е.Н. Кальщикова

Оформление, оригинал-макет
Татьяны Николаевой

978 5 8015 0345 5

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x88/16.
Бумага офсетная Печать офсетная.
Печ.л. 33,75. Тираж 350 экз.
Заказ №

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 15
Тел. (812) 279-0285
E-mail: evrodom2006@list.ru